

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XVIII

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва • 1953

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор

Б. А. Рыбаков

Ответственный секретарь

А. Л. Монгайт

Члены редколлегии:

М. И. Артамонов, В. Д. Блаватский, А. Я. Брюсов, Н. Н. Ворошилов,

М. М. Дьяконов, С. В. Киселев, Т. С. Пассек, А. Ю. Якубовский

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

НАУЧНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XIX СЪЕЗДА КПСС

Крупнейшим событием в жизни советского народа явился XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза — знаменательная веха на пути победоносного движения нашего народа к коммунизму. На XIX съезде Коммунистическая партия подвела замечательные итоги своих побед и наметила грандиозный план строительства коммунистического общества. Решения XIX съезда открывают перед народами СССР величественные перспективы, светлую дорогу к коммунизму.

XIX съезд партии уделил очень большое внимание вопросам развития советской культуры и науки.

Огромны и непрестанны внимание и забота, проявляемые Коммунистической партией и Советским правительством в отношении развития науки, подготовки научных кадров в СССР. Неуклонный рост числа научно-исследовательских учреждений и научных работников в них, расширение сети высшего образования, регулярное увеличение государственных ассигнований на нужды науки — все это обеспечивает огромный размах научно-исследовательской работы в нашей стране. Колоссальное значение для успешной деятельности советских ученых имеет идейно-теоретическая работа Коммунистической партии Советского Союза и ее Центрального Комитета, направляющая все развитие советской науки, руководящая идейной борьбой советских ученых с реакционной, буржуазной идеологией и с отдельными пережитками этой идеологии в нашей науке.

XIX съезд партии поставил перед советскими учеными почетную и ответственную задачу — занять первое место в мировой науке во всех областях знания. Выполнение этой задачи — дело чести каждого советского ученого. Требования, предъявляемые партией и Советским государством к советской науке вообще и к общественным наукам в частности, неизмеримо повышаются. Важнейшими обязанностями советских ученых являются непримиримая и принципиальная борьба с теоретическими ошибками, с проникновением в советскую науку враждебной нам буржуазной идеологии, последовательное применение и развитие в научной работе марксистско-ленинской методологии, разработка основных теоретических проблем, связанных с практикой коммунистического строительства.

Идеологической работе партия придает исключительное значение. «Идеологическая работа является первостепенной обязанностью партии, и недооценка этой работы может нанести непоправимый ущерб интересам партии и государства. Мы должны всегда помнить, что всякое ослабление

влияния социалистической идеологии означает усиление влияния идеологии буржуазной»¹. Эти слова Г. М. Маленкова, сказанные им на XIX съезде КПСС, в полной мере относятся и к науке, и особенно к исторической науке. Известно, что вследствие недостаточного внимания к вопросам идеологии в ряде случаев историки и археологи допускали непростительные ошибки и извращения. На XIX съезде партии и в партийной печати справедливой критике подверглись Институт истории Академии Наук СССР и журнал «Вопросы истории», допустившие ряд принципиальных ошибок в изучении истории народов СССР. Эти ошибки говорят о том, что некоторые советские историки не дооценивают значение марксистско-ленинской теории, не умеют применять ее в практике своей научной работы.

Только недостаточным знанием основ марксизма-ленинизма, забвением ряда основных положений марксизма многими советскими археологами может быть объяснен тот факт, что в археологии в течение ряда лет имели влияние антимарксистские вульгаризаторские измышления Н. Я. Марра и его последователей. Даже после выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», вскрывшего всю теоретическую несостоятельность и идейную порочность марровского «нового учения о языке», освобождение археологии от марристских заблуждений проходит медленно. Борьба против пережитков марровского понимания исторического процесса остается одной из важных задач в области идеологической работы.

Институту истории материальной культуры следует позаботиться об изжитии всех и всяческих рецидивов влияния марризма в археологии, систематически разоблачать идеологические ошибки на страницах своих изданий — «Советская археология» и «Краткие сообщения ИИМК».

Очень важным звеном в деле повышения идейно-теоретического уровня советской археологической науки является последовательная критика идеалистических, реакционных взглядов современных буржуазных фальсификаторов исторической науки. Этому советские археологи уделяют до сих пор недопустимо мало внимания. Следствием этого является проникновение отдельных положений буржуазных антиисторических концепций в работы некоторых советских ученых.

Основным содержанием господствующего направления в буржуазной исторической науке, в том числе и в буржуазной археологии, являются проповедь идеализма, распространение теорий космополитизма, милитаризма, воинствующего расизма. Беспощадное разоблачение буржуазных фальсификаторов исторического процесса, ученых прислужников империализма составляет важнейшую задачу советских археологов. Такое разоблачение не только имеет большое значение для советской археологической науки, но будет очень значительной помощью тем прогрессивным ученым капиталистических стран, которые искренне стремятся выйти из идеалистического тупика современной буржуазной археологии.

В этом отношении заслуживает поощрения инициатива ИИМК, включившего в свой план подготовку ряда специальных статей, посвященных критике важнейших направлений современной буржуазной археологии. Систематическую критику работ буржуазных археологов предполагается проводить на страницах сборников «Советская археология». Но, помимо написания специальных статей, посвященных

¹ Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 94.

критическому разбору буржуазной археологической литературы, все советские археологи в своей повседневной деятельности, в своих монографиях и статьях по различным вопросам археологической науки должны всегда критически, с принципиальных позиций марксистско-ленинской теории рассматривать работы современных зарубежных и русских дореволюционных буржуазных археологов, руководствуясь принципом партийности, не допуская объективизма и примиренчества в отношении идеологически враждебных нам работ.

Задача советских ученых состоит в том, чтобы развивать данную отрасль науки на основе марксистско-ленинской теории. Это обязывает к постоянному изучению теории, к тому, чтобы в каждом научном труде содержались и теоретические обобщения. Между тем в ряде археологических работ преобладает описательность, источниковедческая часть заслоняет основные выводы. Тенденция ограничиваться описанием фактов очень вредна, так как в конечном итоге она уводит от обобщений, от изучения закономерностей развития общества. Ряд важных теоретических вопросов, как связанных с конкретными исследованиями, так и общих, связанных с методикой археологической науки, остается слабо или совсем не разработанным. Очень мало внимания до сих пор уделялось изучению экономических проблем в первобытно-общинном, рабовладельческом и феодальном обществе. Между тем археологические данные позволяют сделать в этом вопросе ряд важных заключений. Перед археологами, как и перед историками, стоит важнейшая задача изучения конкретных форм развития докапиталистических формаций в свете основных закономерностей их истории, на основе закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Необходимо усилить работу по истории производства и по истории развития производительных сил. Занимаясь этим кругом вопросов, надо особое внимание уделить основной силе производственного процесса — трудящимся массам. Нужно преодолеть наследие формализма в подходе к археологическим памятникам и найти способы выяснения по результатам труда основных черт, характеризующих место в производстве и положение в обществе производителей материальных благ. Необходимо точно выяснить с какого исторического этапа можно говорить о товарном производстве. Надо возобновить изучение вопросов воспроизводства, совершенно оставленных в последнее время.

Одной из важнейших задач, стоящих перед археологами, является работа по изучению вопросов о происхождении древних племен и современных народов, населяющих нашу Родину, по изучению их истории. Весьма успешно и плодотворно участие археологов в составлении истории народов СССР. Нужно неослабно продолжать работу в этом направлении, добиваясь повышения качества исследований, повышения их идейного уровня. В некоторых изданных уже книгах, таких, как «История Якутии», «История Узбекистана» и др., содержатся ошибки, неправильное истолкование археологических данных. Усиление теоретической работы среди советских археологов обеспечит высокий уровень исследований. Археологи медленно развертывают теоретическую работу; такое положение ненормально, необходимо поднять ее на уровень новых задач, стоящих перед советской археологией.

Таковы некоторые общие научные вопросы, стоящие перед советскими археологами. Проблематика археологических исследований, вытекающая из решений XIX съезда партии, была подробно рассмотрена в передовой статье к XVII выпуску «Советской археологии».

Для успешного решения научных проблем, стоящих перед советской

археологией, необходимы широкое развертывание критики и самокритики и проведение ряда организационных мероприятий, которые помогут закрепить за советской археологией первое место в археологической науке.

XIX съезд партии обратил особое внимание всех советских людей, всех организаций на необходимость всемерного развертывания критики и самокритики как движущей силы развития советского общества, в частности и советской науки. Задачей советских ученых является настойчивая борьба за развитие товарищеской критики, острой и принципиальной, позволяющей избавиться от недостатков, непримиримая борьба против гнилой атмосферы семейственности и взаимного восхваления, против примиренчества по отношению к недостаткам. Не во всех еще археологических учреждениях критика и самокритика стали основой научной деятельности. Партийная печать Ленинграда сурово и справедливо критиковала в 1952 г. Ленинградское отделение ИИМК за недостаточное развитие в нем критики и самокритики, повлекшее за собой ряд серьезных теоретических срывов в работе некоторых сотрудников ЛОИИМК. В рецензиях на археологические работы оценки даются иногда недостаточно остро и определенно, принципиальный разбор основных положений книги нередко подменяется обсуждением мелких погрешностей и второстепенных неточностей.

Крупнейшим недостатком археологических изданий является отсутствие в них отделов критики, вследствие чего рецензии на археологические работы помещаются довольно нерегулярно в других изданиях — в «Вестнике древней истории», «Вопросах истории», «Советской книге». Создание соответствующих отделов в сборниках «Советская археология» и в сборниках «Археология», издающихся в Киеве, является назревшей необходимостью. Редколлегия «Советской археологии» сделала в этом направлении первый шаг, открыв отдел критики и библиографии. В дальнейшем предполагается регулярно помещать рецензии на все важнейшие археологические работы, выходящие в СССР.

Широкое развертывание критики и самокритики в советской науке предполагает проведение дискуссий по различным вопросам, борьбу мнений. Организация творческих дискуссий по различным разделам и проблемам археологической науки является непременным условием успешного развития советской археологии. К сожалению, на наших археологических конференциях и пленумах, в том числе на ежегодных отчетных пленумах ИИМК, нередко еще отсутствует оживленное обсуждение важных теоретических вопросов, борьба мнений и взглядов. Такие пленумы часто сводятся лишь к взаимной информации, к демонстрированию результатов той или иной работы. В последние годы ИИМК предпринимает созыв теоретических археологических конференций для обсуждения проблем той или иной отрасли археологических знаний. В 1951 г. состоялся пленум, посвященный археологическому изучению древнерусских городов, в 1952 г. — конференция по вопросам скифо-сарматской археологии. Такие конференции, на которых происходит широкий обмен мнениями, свободная критика основных научных положений в той или иной области археологии, следует практиковать и в дальнейшем, привлекая к ним возможно большее число ученых различных городов и республик. Очень плодотворны также региональные историко-археологические конференции, посвященные древнейшей истории определенного района нашей страны. Примером таких конференций могут служить сессии Отделения истории и философии Академии Наук СССР, посвященные истории и археологии Прибалтики (в Риге, 1951 г.), Крыма (в Симферополе, 1952 г.), Молдавии (в Кишиневе, 1953 г.).

В работе историко-археологических учреждений до сих пор часто чувствуется некоторая отчужденность, недостаточная координация. Особенно ярко проявляется это в области экспедиционной и научно-исследовательской работы археологов центральных учреждений, с одной стороны, и местных работников в некоторых союзных республиках, — с другой. Бывают случаи, когда важнейшие раскопки и исследования остаются почти совершенно неизвестными для широкого круга археологов, когда разные лица и разные учреждения ведут одновременно параллельную работу по одной и той же тематике. Ясно, что такое положение ни в какой мере не соответствует требованиям плановости и целесообразности работ, требованиям правильной расстановки сил на важнейших участках. Только отзвуками националистических настроений можно объяснить такие факты, как издание важнейших кавказских археологических материалов, значение которых выходит далеко за пределы истории только Кавказа, исключительно на грузинском языке, даже без русского резюме, что практически делает эти материалы недоступными для огромного большинства советских археологов и историков.

Крайне отрицательным является и то обстоятельство, что в нашей стране до сих пор практически отсутствует единый методический надзор за раскопками археологических объектов. Отдел полевых исследований ИИМК выдает разрешения («открытые листы») на раскопки только на территории Российской Федерации, в архив ИИМК поступают отчеты о раскопках только на этой территории. В союзных республиках археологические работы ведутся по местным разрешениям, и отчеты представляются в местные организации, что далеко не всегда обеспечивает должный контроль и оценку методики полевых исследований. Необходимо как можно скорее провести в жизнь давно уже намеченное мероприятие по осуществлению надзора со стороны Отдела полевых исследований ИИМК за раскопками хотя бы важнейших археологических памятников союзных республик, памятников общесоюзного значения. Надо установить такой порядок, чтобы копии отчетов о всех археологических работах в стране собирались в одном месте (как это было ранее в Археологической комиссии). Такой архив мог бы стать действительно археологическим хранилищем общесоюзного значения.

На территории нашей Родины, в земле и на ее поверхности, сохранились десятки и сотни тысяч археологических памятников — молчаливых свидетелей героического прошлого народов Советского Союза. Мощный размах строительных работ создает, при правильной организации, неисчерпаемые возможности для широкого развертывания археологических исследований на местах строительства. Научно-исследовательские и культурно-просветительные учреждения должны осуществлять надзор за сохранностью памятников культуры и своевременно заботиться об их раскопках и изучении. Советское правительство делает все для сохранения замечательного культурного наследия советских народов, в том числе и археологических памятников. Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. полностью обеспечивает охрану памятников культуры. К сожалению, следует признать, что некоторые отделы культпросветработы при исполкомах местных Советов, на которые возложено наблюдение за сохранностью памятников и за исполнением этого закона, не только не выполняют своих обязанностей в этом отношении, но и допускают иногда прямое нарушение закона, проявляя попустительство и санкционируя разрушение археологических памятников различными хозяйственными, строительными и иными организациями. Примером такого недопустимого отношения и к памятникам культуры, и к советскому

законодательству может служить следующий факт: с ведома и согласия Крымского областного отдела культпросветработы в 1950—1952 гг. было изуродовано при строительстве санатория первое городище в г. Евпатории, — остатки замечательного памятника античной культуры на нашем юге — города Керкинитиды. Повышение ответственности местных организаций за охрану археологических (и не только археологических, но и архитектурных, историко-революционных и других) памятников является настоятельной необходимостью.

Решение основных теоретических вопросов советской археологической науки, наиболее значительных и актуальных, требует более высокой организации полевой археологической работы, концентрации сил на важнейших участках, отказа от часто существующего до сих пор неоправданного дробления средств и сил. Такая концентрация необходима особенно в зонах крупных строителей, где археологические работы должны вестись быстрыми темпами и широким фронтом, охватывая и хронологически, и территориально очень значительные отрезки.

В последнее время все шире входит в практику археологических экспедиций принцип комплексного изучения разновременных памятников. Такая археологическая экспедиция изучает памятники не одной какой-нибудь культуры или одного народа, а исследует все проблемы, относящиеся к древней истории народов, живших на данной территории на протяжении тысячелетий. Опыт таких объединенных экспедиций — Волго-Донской, Куйбышевской, Молдавской, Таманской и других показывает плодотворность такой организации экспедиционной работы, открывающей новые возможности для развития исследовательской мысли советских археологов.

Задача, поставленная XIX съездом КПСС перед советскими учеными, — занять первое место в мировой науке, — заставляет с особым вниманием отнестись к методике археологических исследований. В отношении идейного содержания, в области решения теоретических вопросов передовая советская археологическая наука, базирующаяся на марксистско-ленинской теории, естественно, не может быть сравниваема с идеалистической современной буржуазной археологией. В этом отношении советская археология, как и другие отрасли советской науки об обществе, стоит на той высоте, которая недоступна и не может быть доступна науке буржуазной. На советскую науку равняются археологи стран народной демократии и прогрессивные ученые капиталистических стран. Но в области методики и особенно техники исследования советские археологи далеко не всегда достигают таких же успехов, как в области теоретической. Если методика полевых археологических исследований у нас, за редкими исключениями, отвечает всем требованиям современного развития науки, то о методах и технике камеральной обработки этого сказать нельзя. Даже в таких крупных археологических учреждениях, как ИИМК или Институт археологии Академии наук УССР, лабораторное исследование материалов сводится, как правило, к реставрации, фотографированию, зарисовке и описанию найденных предметов. Химические анализы глиняных, металлических и других изделий, снятие шлифов и изучение микроструктуры древних орудий, рентгеноскопия и т. п. — все эти и им подобные способы изучения археологического материала, которые могли бы очень много дать для изучения древнего производства, обычно не применяются, а если применяются, то редко и более или менее случайно. До сих пор не получили широкого распространения в археологических работах метод исследования при помощи пылецевого анализа, метод датировки по результатам распада радиоактивного изотопа C^{14} и т. д. Недостаточно ис-

следуются также археологические растительные и другие органические остатки из раскопок. В значительной степени это является следствием отсутствия необходимой технической базы для подобных работ в археологических учреждениях.

За любым, самым элементарным анализом археологи вынуждены обращаться к содействию специальных учреждений или институтов, иногда даже внеакадемических, что часто бывает очень сложно и дорого, а подчас и вообще невозможно. Организация при археологических институтах технологических лабораторий, оснащенных современной аппаратурой, в которых можно было бы проводить хотя бы основные виды нужных для археологов лабораторных исследований, является необходимым условием дальнейшего развития археологической науки в СССР и достижения ею во всех отношениях первого места в мировой науке.

Говоря о техническом оснащении советской археологической науки, нельзя не остановиться на вопросе об издании археологических работ. Печатная продукция прежде всего отражает как успехи отдельных археологических учреждений, так и состояние всей археологической науки в целом. Именно по нашим книгам судит о работе археологов массовый советский читатель, живо интересующийся древнейшей историей своей Родины. Именно из наших книг черпают сведения об успехах советской археологии наши друзья за рубежом — прежде всего археологи стран народной демократии и прогрессивные ученые всего мира. К изданию археологической литературы должны предъявляться самые высокие требования. В СССР ежегодно издаются десятки монографий и сборников, посвященных археологии и древнейшей истории нашей Родины. Значительная часть этой продукции выпускается крупнейшим научным издательством страны — Издательством Академии Наук СССР. Это издательство непрерывно повышает качество изданий и обеспечило выход в свет ряда ценных, прекрасно оформленных книг. Но нужно добиваться дальнейшего улучшения работы и изжития ряда недостатков в работе издательства. Прежде всего период нахождения книги в издательстве и типографии слишком велик. Естественно, что медленные темпы работы над опубликованием важных материалов никак не содействуют скорейшей критике и исправлению ошибок, ранее допущенных в различных областях археологии.

Подъем советской археологической науки, прочное завоевание ею первого места в мировой науке невозможны без развития археологических исследований на местах, в местных музеях, научно-исследовательских и педагогических институтах и т. п. К сожалению, эта работа еще не получила должного размаха. Даже в крупных центральных музеях, как, например, Государственный Эрмитаж, Музей изобразительных искусств им. Пушкина в Москве, научно-исследовательской работе в области археологии уделяется совершенно недостаточное внимание, о чем свидетельствует незначительность печатной археологической продукции этих учреждений. Во многих периферийных музеях — областных и районных, — научно-исследовательская работа значителен только в планах и отчетах, реальной же научной продукции в виде отдельных книг или сборников статей такие музеи не дают. Даже в таких больших университетских городах, бывших в прошлом значительными центрами археологической работы, как Одесса или Ростов-на-Дону, в течение уже многих лет не выходит никакой археологической литературы. Активизация местной археологической работы, привлечение к археологии широкого круга краеведов, создание актива вокруг местных музеев, выпуск сборников статей по археологии и истории той или иной области, развертывание экспедиционной деятельности местных учреждений — все это насущнейшие

задачи советских археологов на местах. В этой работе значительную роль должны сыграть и ученые центральных учреждений. Они должны шире привлекать местных работников к участию в своих экспедициях, к изданию материалов, консультировать сотрудников местных музеев и активно участвовать сами в работе местных археологических учреждений. Всяческого поощрения в этом отношении заслуживает инициатива Керченского историко-археологического музея, выпустившего в 1952 г. сборник статей по истории и археологии Боспора, в составлении которого приняли участие научные работники Москвы, Ленинграда, Симферополя, Керчи и других городов. Однако местным научным учреждениям и издательствам следует более строго, чем это делалось до сих пор, подходить к оценке публикуемых работ, особенно в области идейно-теоретической: именно в областных издательствах наиболее часто наблюдается выпуск недоброкачественной литературы, содержащей теоретические ошибки и извращения, в том числе и в области археологии (книги Маковского в Смоленске, первые разделы книги Надинского в Симферополе и др.). И в этом отношении центральные археологические организации должны помочь местным учреждениям советом, консультациями, рецензией.

Одной из важных задач, стоящих перед советской археологией, является улучшение работы по подготовке научных кадров. По некоторым разделам нашей науки уже в течение ряда лет не готовят научную смену. Так, запущено дело подготовки молодых ученых, работающих над тематикой по палеолиту, по бронзовому веку и т. д. Это является результатом неправильного планирования приема аспирантов, так как в других разделах науки пополнение свежими научными силами идет непрерывно. Нужно также повысить требования к поступающим и заканчивающим аспирантуру, добиваться самого высокого уровня диссертационных работ.

Перед советскими археологами стоят важнейшие задачи разработки отдельных проблем истории народов СССР. Для успешного решения этих проблем потребуется самоотверженный и упорный труд всего коллектива советских археологов, вдохновляемых в их благородной работе историческими решениями XIX съезда КПСС. Нет сомнения в том, что советская археологическая наука с честью выполнит задачи, стоящие перед ней, что коллектив археологов всегда будет в первых рядах советских ученых—строителей коммунистического общества.

А. Я. БРЮСОВ

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА

Археологические памятники неолитической эпохи представлены в основном стоянками, т. е. местами длительных или кратковременных поселений. Значительно реже встречаются неолитические погребения, часто тоже связанные со стоянками, и еще реже — клады. Благодаря этому датировка неолитических памятников, ввиду очень малого числа «достоверных находок», сильно затруднена и требует особых методов.

Несомненно, что опорными пунктами для всей системы хронологии неолита Европы и значительной части Азии будут оставаться засвидетельствованные письменностью даты древних культур Востока. Следовательно, остается в силе датировка по соответствиям в типах вещей между евразийским неолитом и энеолитом и бронзовой эпохой Востока. Соответствия эти, как обычно, должны устанавливаться, очевидно, по так называемой «цепочке», т. е. по совместным находкам датированных и недатированных предметов с последующей датировкой последних.

Теоретически это бесспорно. Но достаточно самого беглого взгляда на фактическое положение вещей, чтобы увидеть чрезвычайно ограниченные возможности соблюдения всех предъявляемых в таких случаях правил и требований и те разногласия, которые разделяют в этом отношении археологов. Многочисленные примеры датировки неолитических памятников иными приемами, нередко спорными и малонадежными, показывают, что практически археологи-неолитики вынуждены прибегать к этим, не дающим уверенности в правильности сделанных на их основании выводов, приемам, чтобы не говорить в подавляющем большинстве случаев: *ignotamus* и даже *ignorabimus*.

Эти применяемые на практике и незакономерные с точки зрения строгой теории приемы имеют и плохую, и хорошую стороны. Они, конечно, далеко не приближаются к непоколебимым датировкам, содержат в себе очень много субъективного, часто приводят не только к различным, но и к противоречивым выводам и в конечном счете к значительной путанице. Но их хорошая сторона заключается в попытках выхода из плена агностицизма, в поисках выхода из создавшегося положения, в установке все-таки некоторых оригинальных приемов решения в области датировки неолитических памятников, приемов, не всегда достаточно разработанных, но намечающих нередко пути исхода из трудного положения.

Кроме того, за последние десятилетия крупные успехи палеогеографии в области пыльцевого анализа позволяют, несмотря на возражения

некоторых археологов¹, если не датировать непосредственно археологические памятники, то во всяком случае существенно уточнить и проверить даты, установленные по другим признакам; это особенно относится к памятникам многослойным или расположенным близко друг от друга и находящимся в одинаковых почвенных условиях.

Эти кратко изложенные соображения служат основанием для того, чтобы сделать попытку рассмотреть и анализировать вводимые за последнее время приемы датировки неолитических памятников и по возможности привести их в какую-нибудь систему. Я не буду при этом касаться пока вопроса о точности основных абсолютных дат, сводящихся к датам древних восточных культур.

Обратимся сначала к общим методам датировки неолитических и энеолитических памятников. Напомню, что еще О. Монтелиусом было установлено никем до сих пор не отрицавшееся правило, что датировка по совместным находкам датированных и недатированных предметов, несомненно, положенных вместе одновременно в погребении или кладе, допустима только при условии повторяемости. Он исходил при этом из простого предположения, что некоторые бытовые предметы, особенно украшения, могут очень долго находиться в употреблении прежде, чем они окажутся в кладе или в погребальном инвентаре вместе с вещами, изготовленными значительно позже. Прекрасный пример этого мы имеем в совместных находках разновременных монет, не говоря уже о вторичном использовании в быту найденных древних предметов, обычно в роли амулетов.

Повторяемость совместных находок, несомненно, исключает возможность случайности и предположения о неодновременности найденных вместе вещей, хотя и остается неопределенным, какое количество случаев необходимо для полной уверенности в точности датировки. По О. Монтелиусу для такой уверенности необходимо, чтобы совместные находки одних и тех же предметов наблюдались, по меньшей мере, раз шесть. Для всякого археолога, работающего в области неолита и энеолита, ясно, что число это представляет недостижимый идеал, и потому встает вопрос, закономерны ли датировки, сделанные на основании меньшего количества случаев и даже на основании наблюдения только одного случая совместной находки?

Действительно, в неолитическую эпоху характер находимых вещей почти во всех случаях такой, что почти исключает возможность длительного применения их в быту. Каменные и костяные, а тем более деревянные орудия, не говоря уже о керамике, не могли существовать долго. Они очень скоро изнашивались, ломались, делались непригодными к употреблению. Об этом чрезвычайно красноречиво свидетельствуют находки таких вышедших из употребления предметов, составляющих главную массу находок при раскопках стоянок, как обломки орудий, черепки глиняных сосудов и т. д. Очень мало вероятно также передача по наследству примитивных неолитических украшений, даже изготовленных из высоко ценившихся в то время материалов, как, например, из янтаря. Об этом говорят не такие уже редкие находки некогда утерянных совершенно цельных янтарных украшений, даже на полах домов, как это наблюдалось в свайном поселении на реке Модлоне (в Вологодской области), жертвенные клады янтарных украшений в Скандинавии, состоящие из огромного количества провизок, привесок, концевых частей и т. д. Это доказывает, что даже такие гипотетически дорогие для того времени вещи не хранились

¹ Например, М. Е. Фосс. Датировка археологических памятников по данным естественных дисциплин, КСИИМК, XIV, 1947.

с особой тщательностью и не ценились в той мере, которую мы склонны приписывать.

Что же касается находок совместно неолитических и палеолитических изделий, то пока таких случаев мы не знаем и рассматривать подобный риторический вопрос поэтому не будем.

Несколько сложнее обстоит дело с совместными находками в энеолите, когда дело идет уже о металлических, по большей части привозных вещах и притом нередко об украшениях. В этом случае требование повторяемости совместных находок вполне уместно. Но это требование оказывается фикцией, как только мы поставим вопрос о пределе той ошибки, которую может повлечь за собою невыполнение требования о повторяемости.

Действительно, было бы совершенно невероятным предположение, что расхождение во времени изготовления совместно найденных вещей достигало бы 100—200 лет. А между тем сами даты для энеолитической эпохи, при самых благоприятных условиях, едва ли достигают даже этой точности. Нередко датировка энеолитических памятников дается в пределах четверти, а то и половины тысячелетия. Поэтому датировка по одному наблюдению совместной находки оказывается также вполне допустимой.

В вопросе о датировках по совместным находкам существует еще одна сторона, с давних пор вызывающая споры; это — определение, с какой скоростью могли перемещаться отдельные предметы из одной местности в другую, нередко весьма удаленную от первой. Спор этот, который чуть не сто лет тому назад привел к значительному расхождению в датировках двух крупнейших археологов конца прошлого и начала нынешнего века, О. Монтелиуса и С. Мюллера, кончился, как известно, победой хронологической схемы Монтелиуса. Однако до последнего времени в археологических трудах даже тех авторов, которые отнюдь не стоят на позиции «малых дат» С. Мюллера, можно встретить «скидки» к датам, мотивированные предполагаемой необходимостью более или менее длительного промежутка времени на «прохождение» вещи из одной области в другую, по большей части с юга на север. Это возвращение к положениям, выставленным С. Мюллером, настолько существенно в вопросе о датировках, что необходимо снова внести в него полную ясность.

Прежде всего поставим вопрос так: идет ли речь о передвижении какого-нибудь конкретного предмета или предметов, или же о заимствовании типа вещи, орнамента, формы погребения и т. д.

Если речь идет о перемещении какого-нибудь конкретного предмета, то для неолитической и энеолитической эпох время этого перемещения не может играть никакой роли. Действительно, смешно было бы думать, что какой-нибудь каменный топор или кремневый наконечник стрелы мог просуществовать при бытовом его применении в течение даже нескольких десятков лет; а ведь во всех случаях обнаружения в каком-либо месте привозных вещей подобного рода они, как правило, несут на себе следы пользования ими. И совсем невероятным было бы предположение, что эти топоры, наконечники стрел, скребки и тому подобные орудия переходили бы из рук в руки без их использования в течение сотни лет и, только попав в отдаленный край, нашли себе применение. Что же касается украшений этой эпохи, то в подавляющем большинстве они неприменимы для целей датировки. Только в тех случаях, когда возможно определить привозной характер этих украшений (обычно — по материалу), и в отношении всех металлических изделий, может идти спор о длительности времени, требовавшегося для перемещения этих вещей.

Но, как я уже сказал, эта длительность, определяемая при самых фантастических предположениях в 100—200 лет, не может существенно

изменить выводов хронологического порядка, поскольку датировки неолитических и энеолитических памятников даются с приближением в 200—250 лет. Могут, конечно, сказать, что С. Мюллер и его последователи не столько имели в виду перемещение конкретных вещей, сколько заимствование типов вещей, орнамента, обычаев. Но эта гипотеза о запаздывании заимствованных типов вещей, орнамента и обычаев была высмеяна еще пятьдесят лет тому назад М. Мухом¹, доказавшим, что во многих случаях она приводит к явным нелепостям: так, некоторые типы вещей, орнамент и обычаи оказываются по этой гипотезе заимствованными раньше их появления в той области, откуда они якобы заимствованы; в других случаях они, оказывается, начинают заимствоваться много позднее того, как они вышли из употребления в той области, откуда их заимствуют. У нас нет необходимости возвращаться вновь к этой проблеме, тем более, что, если отбросить преувеличения, высмеянные М. Мухом, эта гипотеза о медленном перемещении типов вещей, орнамента и обычаев сведется к тем же положениям, как и гипотеза о перемещении конкретных предметов.

Выводом из всего этого является утверждение, что, допуская предел ошибки в датировке неолитических и энеолитических памятников в 200—250 лет, мы можем пренебречь временем, которое было потребно для перемещения конкретных вещей или на заимствование типа предмета, а следовательно, и требованием повторяемости совместных находок; само собою разумеется, что требование повторяемости совместных находок остается желательным и делает выводы бесспорными.

Но, принимая допустимость предела ошибки в датировке в 200—250 лет, нельзя забывать о том, что в этот промежуток времени включается также время бытования того типа предмета, который послужил основой для датировки. Как ни очевидно это положение, оно чаще всего не принимается во внимание и приводит к крупным ошибкам при синхронизации разных комплексов находок. Так, например, в комплексе находок в среднем культурном слое шестого разреза на Горбуновском торфянике был найден медный вислообушный топор. Того же типа топор был найден в галичском кладе совместно с медной очкообразной привеской. Такая же привеска была найдена в Турбинском могильнике вместе с кельтом сейминского типа, и, кроме того, в том же Турбинском могильнике был найден медный вислообушный топор. А один из кельтов сейминского типа был найден близ города Брянска вместе с медным втульчатым наконечником копья.

Таким образом, мы видим в ряде случаев совместные находки разных типов вещей с различными установленными для них датировками. Если бы мы, основываясь на выставленном нами положении о возможности датировки по одному случаю совместной находки, синхронизировали все эти вещи, отнеся их к одному и тому же времени, то мы совершили бы большую ошибку. Бытование каждого из этих типов, как известно, охватывало довольно продолжительное время. Не трудно рассчитать, что, если вислообушные медные топоры существовали, примерно, с XVII в. по XIV в. до н. э., они могли оказаться совместно в находке с предметами, бытовавшими в то же время, но отнюдь не в тех же хронологических пределах. Поэтому ни сейминский тип кельта не может быть отнесен к XVII в., ни вислообушный медный топор не может быть отнесен обязательно ко времени бытования медных втульчатых наконечников копий, датированных от XV—XIV вв. до XI в. до н. э.

¹ M. M u c h. Die Trugspiegelung orientalischer Kultur in den vorgeschichtlichen Zeitalter Nordeuropas. «Mitteilungen der Anthropologisch. Gesellschaft in Wien», 1906, N 3/4.

Поэтому мы заключаем, что совместная находка дает право на датировку по одному и даже по нескольким наблюдавшимся случаям только в пределах данного комплекса с возможной ошибкой приблизительно до 200 лет. Ибо конец бытования одного типа может совпасть с началом бытования другого типа, а конец бытования этого второго типа может совпасть с началом бытования третьего. Впрочем, это было указано еще О. Монтелиусом.

Приведенный мною пример ставит перед нами три вопроса, на которые необходимо дать ответ: какому из случаев совместной находки датируемого предмета с уже датированным предметом мы должны отдавать предпочтение; определяет ли устанавливаемая датировка отдельно найденного на стоянке предмета дату всей стоянки в целом; какие дополнительные данные могут быть использованы для уточнения датировок разных памятников по находкам в них одних и тех же типов вещей? Каждый из этих вопросов мы рассмотрим отдельно.

В огромном большинстве случаев неолитические и энеолитические предметы, найденные на стоянках Европейской и Азиатской частей СССР, не встречаются в достоверных находках вместе с вещами, датированными письменностью древних культур Востока. Исключения из этого крайне редки и почти все ограничиваются территорией Кавказа и Закавказья. Датировка большинства вещей этого времени из Европейской и Азиатской частей СССР дается косвенно, по цепочке совместных находок, т. е. по совместным находкам с вещами, которые в свою очередь непосредственно или косвенно получили более или менее прочную дату. Промежуточные звенья, как обычно, датируются по типологическому анализу. Поэтому совершенно очевидно, что теоретически минимум ошибки в датировке будет наблюдаться там, где цепочка датировок по совместным находкам будет короче. В приведенном выше случае таким предметом, который ближе всего датируется по соответствиям с вещами древних культур Востока, будет медный вислообушный топор. Ближайшее соответствие ему мы найдем в подобных топорах из северокавказских дольменов, где они встречаются в нижних погребениях первой половины второго тысячелетия; эти нижние погребения отделены стерильной прослойкой от верхних, в которых господствуют медные трубчатые топоры, относящиеся уже ко второй половине того же тысячелетия¹. На основании ряда совместных находок в погребениях и кладах на Кубани, на Кавказе и на древнем Востоке А. А. Иессен датирует вислообушный тип медного топора более уточненно — от 1700 г. до н. э.² Ни очевидные привески, ни сейминский тип кельта не имеют столь близких соответствий на древнем Востоке и датированы по значительно более сложной цепочке. Поэтому очевидно, что для датировки среднего культурного слоя пятого разреза на Горбуновском торфянике мы должны предпочесть дату второй четверти второго тысячелетия, не уклоняясь в сторону «осторожного» уменьшения этой даты на основании других совместных находок, перечисленных выше.

Мы должны принять во внимание при проверке этой даты, что она не противоречит возможности приведенных в примере комбинаций. Ибо, датируя вислообушный тип медного топора XVII—XV вв., можно допустить его нахождение в Турбинском могильнике наряду с могилами, содержащими кельты сейминского типа, и в галичском кладе вместе с

¹ Б. А. К у ф т и н. О древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. ИГМГ. XII-V, Тбилиси, 1944.

² А. А. И е с с е н. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 173 и сл.

очковидной привеской. Принимая же дату бытования сейминских кельтов в XV—XIV вв. и до XII в., мы вполне можем допустить находку такого кельта вместе со втульчатым медным наконечником копья, поскольку такой тип наконечников копий бытовал в XIV—XI вв. Но, датируя найденный в среднем культурном слое шестого разреза Горбуновского торфяника медный вислообушный топор второй четвертью второго тысячелетия, мы не имеем права переносить эту дату на весь культурный слой. Эта дата означает только один из моментов существования древнего поселения.

Проблема определения длительности существования поселения, начала и конца его, является, пожалуй, наиболее трудной задачей, требующей особой тщательности датировки. Именно по этому вопросу наблюдаются наиболее частые расхождения. Само собою понятно, что при допущении предела ошибки по отдельным вещам до 200—250 лет общая ошибка в датировке времени существования всего памятника может возрасти настолько, что сделает невозможной или по меньшей мере очень спорной синхронизацию неолитических памятников и культур.

Рассмотрим те же приемы, которые можно применить для выхода из этого положения.

Наиболее простым исходом, казалось бы, было датирование стоянки послойно, а могильника — по отдельным погребениям. Возможность установления продолжительности существования могильника по отдельным погребениям настолько очевидна, что о необходимости применения этого приема нет нужды говорить. Следует только обратить внимание на то, что это далеко не всегда делается. Что же касается стоянок, то на этом следует остановиться подробнее.

Неолитические стоянки не составляют исключения из всего цикла следов древних населенных пунктов разного времени. Как и всюду, где человек поселялся, почвенные слои, естественно, в разное время перемешивались, как, например, при устройстве всякого рода ям — хозяйственных, земляночных, могильных; верхние слои вытаптывались; вещи вдавливались в почву и погружались иногда довольно глубоко (в песке, в болотистой почве). Однако наблюдения, сделанные при раскопках, показывают, что при отсутствии ям брошенные или утерянные более или менее крупные вещи только в редких случаях погружались глубоко в почву. Так, в свайном поселении на реке Модлоне (в Вологодской области), расположенном, несомненно, на заболоченной почве, — о чем свидетельствуют поднятие полов домов на сваи и устройство специальных кладок между домами, — вещи, как правило, не погружались глубоко; глубокое погружение вещей наблюдалось обычно только около свай, где почва, естественно, не была такой плотной, как в нетронутых местах, или же при очень значительной тяжести предмета, вроде тяжелой балки дома № 1, погрузившейся на глубину около 1 м ниже своего первоначального местоположения. Надо при этом отметить, что мелкие нарушения поверхностных слоев почвы ведут к резкому нарушению естественной последовательности в послойном размещении зерен пыльцы растений; поэтому пыльцевые диаграммы, составленные по образцам почвы, взятым с площади самой стоянки, могут быть сильно искажены.

Казалось бы, следовательно, что послойные наблюдения могут служить хорошей основой для хронологических выводов. Так оно и должно быть, но с существенными поправками для тех мест, где в древности по той или другой причине существовали искусственные ямы.

Действительно, представим себе, что в каком-нибудь месте существовало древнее поселение с обычными для неолитической эпохи землянками или «полуземлянками». Форма и величина этих землянок нас в данном

случае не интересуют. С течением некоторого времени на всей площади стоянки отложится, предположим, культурный слой *A* (рис. 1).

Предположим далее, что вслед за тем, все еще во время существования землянки, отложатся последовательно культурные слои *B* и *B* (само собою разумеется, что никакой действительной границы между этими слоями не будет существовать, и они здесь принимаются только в смысле некоторой линейной меры: например, отложился культурный слой мощностью

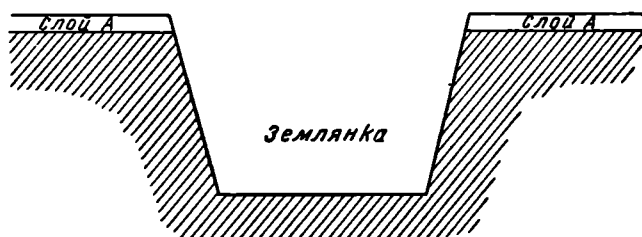

Рис. 1. Землянка после отложения слоя *A*.

в 45 см, который мы условно можем разделить на три горизонта или слоя по 15 см). После этого землянка почему-либо забрасывается. Яма этой землянки, естественно, будет постепенно заполняться, главным образом, за счет сноса в нее почвы с соседних участков. Но при заполнении ямы в нее должны будут вместе с землей попадать вещи в обратной последовательности их залегания, т. е. сначала самые верхние. На дне же землянки будет находиться слой времени ее последнего существования, т. е. слой *B*. По заполнении ямы землянки мы будем иметь картину, изображенную на рис. 2.

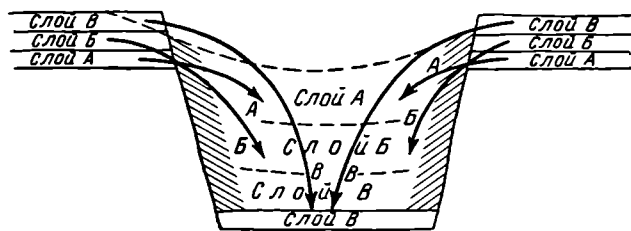

Рис. 2. Схема заполнения заброшенной землянки почвой.

Стрелки показывают последовательность засыпания землянки слоями *B*, *B* и *A*. У краев землянки—осыпи стенок (штриховка; расстояние от стенок условно).

Дальнейшее отложение слоев *Г*, *Д* и т. д. перекроет всю эту свиту слоев, если поселение будет продолжать существовать далее (рис. 3).

Таким образом, мы будем иметь перед собою при раскопках очень сложную картину расположения культурных горизонтов и вместе с тем возможность при тщательном анализе установить начальную, конечную и, в некоторых случаях, промежуточные даты существования поселения. Особенно важным комплексом находок будут предметы, найденные на полу жилища, как отмечающие один непродолжительный момент конечного существования землянки (или хозяйственной ямы), перекрытый к тому же сначала и преимущественно слоем того же времени. Поэтому находки на полу жилищ с полным правом можно считать такими же «достоверными находками», как и вещи в погребениях и кладах.

Мы рассмотрели простейший, хотя и частый случай, когда яма землянки заполняется почвой без нарушения ее целостности. Бывает, однако, что яма одной землянки перерезает яму заброшенной более древней землянки. Как исключение, известны случаи, когда землянка перерезает яму старой землянки, в свою очередь перерезавшую еще более древнюю земляночную яму (рис. 4).

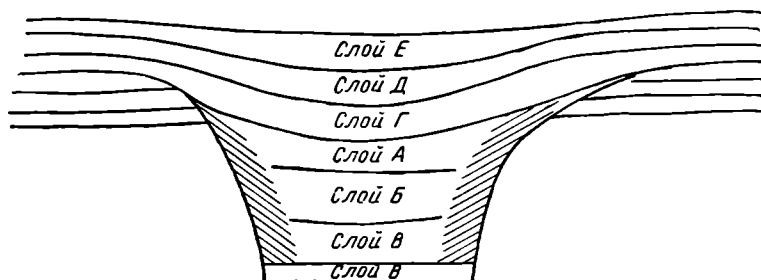

Рис. 3. Яма заброшенной землянки после нарастания слоев Г, Д и Е.

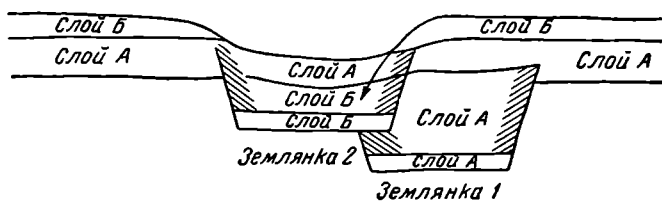

Рис. 4. Схема перекрещивания двух разновременных землянок.

В таких случаях наблюдения за распределением находок по слоям не только дают возможность детального хронологического членения, но и только опорных комплексов достоверных находок, сколько раз будут наблюдаться пересечения земляночных ям.

Следует предупредить, что во всех этих случаях необходимо выделять и не принимать в расчет находки у краев земляночных ям, где, естественно, почвенные слои могут быть и бывают сильно перемешанными вследствие выпадения вещей из стенок. Расстояние, на которое надо отступить при этом от краев ямы, трудно установить, но, во всяком случае, чем глубже яма землянки, тем, повидимому, дальше надо отступить от края ¹.

Мы видим, следовательно, что так называемые слойные памятники, — стоянки, городища, селища, — могут, вопреки мнению О. Монтелиуса, даже при однослойности стоянки дать материал для датировок не менее ценный, чем могильники.

Но этим не исчерпываются возможности извлечения из наблюдений при раскопках поселений еще дополнительных данных для суждения о продолжительности существования этих поселений и их датировки. К сожалению, такая возможность сильно ограничена в силу весьма распространенного и чересчур прямолинейного утверждения якобы научно установленной недопустимости применения раскопок траншеями. Полное исследование древних поселений возможно, несомненно, только путем вскрытия большой площади.

¹ Как видно на рисунках, осыпание стенок землянки нарушает описанную выше последовательность. При малых размерах землянок можно поэтому руководиться для хронологических выводов только слоем, отложившимся на полу жилища; на остальном пространстве слои могут оказаться совершенно перемешанными.

Но, как я постараюсь доказать, первоначальное полевое изучение древнего поселения целесообразнее всего начинать именно с заложения длинной траншеи или даже траншей вдоль и поперек всей площади стоянки или селища. По результатам сделанных при этом наблюдений может быть установлена та часть стоянки или селища, где следует производить раскопки сплошной площадью, и при этом, — как ни странно, — такие площади нередко следует закладывать в местах наименьшей, а не наибольшей насыщенности и мощности культурного слоя.

Дело в том, что древние поселения нередко занимают относительно большие пространства. Даже среди стоянок средней части европейской территории СССР многие стоянки занимают полосу вдоль реки или озера в несколько сот метров. Было бы наивным думать, что такое поселение, существовавшее, как это часто можно определить по материалу, не одну сотню лет, за все это время неизменно и точно сохраняло одни и те же границы. Несомненно, что за долгие годы в этих границах поселения происходили различные изменения: в разное время поселение занимало разные участки, сдвигаясь то в ту, то в другую сторону, расширяясь или сужаясь в своих размерах.

При раскопках сплошной площадью, если она не охватывает всего поселения, — чего никогда не бывает при значительных размерах стоянки, — признаки таких перемещений площади, занятой поселением, проследить не удастся. Более того, естественное стремление заложить раскоп на той части стоянки, которая наиболее богата находками, отклоняет исследователя от периферии стоянок, от ее краев, где скорее всего можно было бы ожидать «чистых» комплексов, соответствующих тому короткому промежутку времени, когда край стоянки занимал этот участок. Вообще надо сказать, что почему-то сложилось недоказуемое убеждение, что большая насыщенность находками центральной части стоянки есть явление закономерное, зависящее от того, что именно здесь сосредоточивалась бытовая деятельность населения: здесь почему-то больше бросали и больше теряли вещей, сюда сваливали черепки разбитых сосудов. Достаточно так поставить вопрос, чтобы понять важность исследования периферии стоянки. Для лучшего представления об этом привожу условный чертеж (рис. 5, 1) или другой возможный случай (рис. 5, 2). Предоставляю читателю составить другие многочисленные возможные варианты. Во всех таких случаях главным является то, что при раскопках т о л ь к о площадью (на рисунках обозначены темными прямоугольниками) проследить изменения границ стоянки не удастся. Проведение же через стоянку вдоль и поперек двух длинных траншей, — как это, между прочим, рекомендовал еще В. А. Городцов, — могло бы дать хороший материал для суждения об истории самого поселения и не менее ценный материал для хронологических построений. Кроме того, по материалам из таких траншей можно с большой долей уверенности выбрать наиболее важные места для раскопок площадями; последнее, несомненно, является обязательным, но не с самого начала раскопок.

Результаты проведения таких траншей не ограничиваются этим. Не трудно видеть, что анализ материала из разных частей такой траншеи может разрешить также некоторые другие вопросы, связанные с восстановлением истории исследуемого поселения.

В одном случае непрерывная преемственность форм вещей из разных участков траншеи позволит, помимо хронологических вех, отмечающих начало и конец существования поселения, утверждать также принадлежность последнего ряду поколений одной и той же этнической группы. В других случаях такой преемственности может и не оказаться, и этот

разрыв или несколько разрывов докажут повторность заселения этого места в разное время.

И, наконец, может наблюдаться такой случай, когда на различных участках периферии стоянки окажутся вещи, характерные для разных

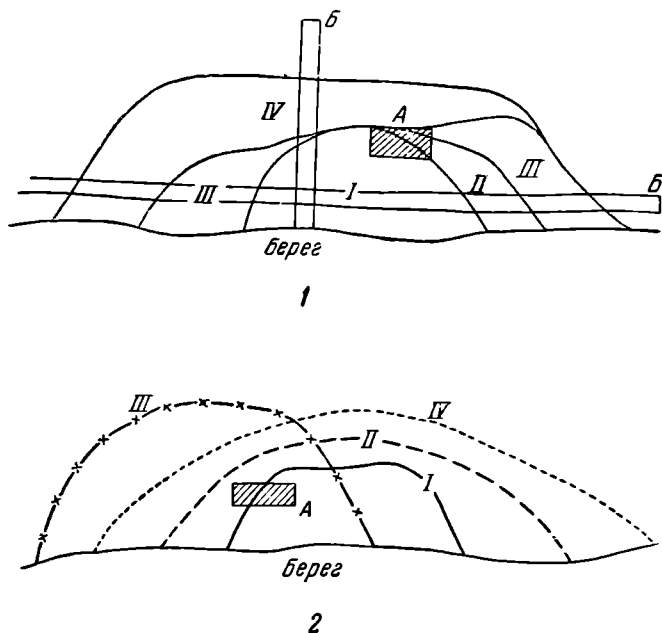

Рис. 5. Схема (1 и 2) возможных перемещений границ стоянки.

I — первоначальные границы; II, III, IV — последующие перемещения этой границы; А — раскоп площадью; Б — траншеями.

археологических культур. Подобное явление на стоянке, расположенной на границе или вблизи границы областей распространения этих культур, будет свидетельствовать о передвижке границ племенных территорий, вероятнее всего, вследствие насильственного вытеснения отсюда одного племени другим племнем.

Еще одно замечание: не трудно видеть по рис. 5 (1 и 2), что перемещение границ стоянки может в разных местах ее создать самые причудливые варианты наслоения разных культурных горизонтов. И очень вероятно, что такое обстоятельство является

причиной многих разногласий по вопросу о древности той или иной стоянки. Тщательный анализ находок с разных участков траншеи, проведенной через всю площадь стоянки, может внести ясность в это дело.

Только после проведения такой траншеи раскопки большой площадью могут дать полноценные выводы.

Допустимо с большой долей вероятности предполагать, что перемещения границ древних поселений можно проследить во многих случаях. Мне не раз в своей практике приходилось наблюдать такое явление в Карелии на Сунской первой стоянке, в Вологодской области на стоянке на острове Илексе, на стоянке на реке Водобе, на стоянке в местности Каравайха, на стоянке у устья реки Перечной. Подобные же наблюдения мне известны из практики других археологов. Но во всех этих случаях подобные наблюдения были сделаны на основании простого сравнения вещественных комплексов, найденных в разных частях стоянки, а не на основании наблюдений по всей длине площади расположения стоянки; поэтому полной картины истории данного поселения по ним установить было нельзя.

Мы подошли к одному существенному вопросу, который ставится в последнее время некоторыми археологами¹, — к вопросу о частых фактах находок на одном и том же поселении разнотипной керамики, одного более древнего и одного более позднего типов, причем второй не может быть выведен из первого.

¹ Например, Н. Н. Гурьян. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, 1951, стр. 95—96.

Полагая, что соответствия в типах каменных и костяных орудий производства в значительной степени зависят не от традиций, сохраняющихся в силу этнической и социальной общности, а по большей части зависят от характера производственной деятельности, отчасти определяемой природной средой, — часть археологов считает, что в подобных случаях мы должны принимать во внимание только различие в типах керамики и видеть в таких случаях смену населения.

Надо признать, что, как бы мы ни относились к другим сторонам данного явления, наличие в материалах с одной и той же стоянки двух резко различных типов керамики позволяет считать такую гипотезу весьма правдоподобной. Несколько странным кажется только то, что подобное смешение разных типов керамики на одной и той же стоянке наблюдается как будто бы слишком часто. Это объясняют тем, что в разное время одни и те же места, удобные для поселения, при одинаковой производственной деятельности привлекали к себе разное население. А отсутствие между культурными слоями разновременных поселений стерильной прослойки и перемешанность в одном культурном слое разнородной керамики считают явлением естественным в условиях данных стоянок, объясняя его вытаптыванием травяного покрова, затаптыванием вещей в песок, разными землекопными работами и т. д.

Все эти соображения, конечно, должны быть признаны правильными и объясняющими часть наблюдающихся случаев смешения разнородной керамики на одной и той же стоянке. Но никак нельзя согласиться с распространением такой гипотезы на все подобные случаи.

Во-первых, надо сказать, что такое «перемешивание» разнородной керамики на одной стоянке наблюдается иногда в условиях, когда не может быть и речи о легком погружении утерянных или брошенных предметов глубоко в почву, а тем более о затаптывании их на большую глубину. Примером может служить стоянка Николо-Перевоз на р. Дубне в Московской области с мощным культурным слоем до метра и более, состоящим из достаточно плотного суглинка. Выше я уже говорил, что даже при расположении стоянки на болотистых почвах непосредственные наблюдения показывают, что вещи только при особо благоприятных условиях погружаются на большую глубину. Надо полагать, что впечатление о резком различии в типах находимой на одной и той же стоянке керамики, может быть, обусловлено отсутствием средних звеньев в силу принятых приемов раскопок, о которых я говорил выше.

Но, во-вторых, мое предположение встречает возражение в том отношении, что наблюдаемое различие между типами керамики таково, что ни при каких средних звеньях нельзя создать преемственности между обоими этими типами. В этом заключается различие во взглядах на развитие керамических форм и орнамента на сосудах, различие настолько крупное, что на этом вопросе следует остановиться подробнее. Вопрос этот особенно важно объяснить, так как датировка неолитических памятников по типу керамики применяется очень часто.

Вопрос этот я считаю чрезвычайно запутанным, главным образом, археологами немецкой школы, выделявшими различные неолитические культуры и группы исключительно по керамическим типам. Это ими была введена практика отыскания обязательной постепенной смены формы и орнамента глиняных сосудов, обязательной непрерывной преемственности этих форм и орнамента, поиски влияний одной культуры на другую на основании изучения мелких деталей в этих формах и орнаменте. Такая постановка вопроса особенно ярко отражена во многочисленных статьях, напечатанных в известном археологическом словаре, изданном Максом Эбертом.

Этот прием исследования не остался без влияния на археологов других стран, как это можно видеть на примере многочисленных трудов по изучению происхождения, развития и распространения колоколовидных сосудов. При изучении керамического материала неолитических стоянок этот материал стал рассматриваться как какое-то живое существо, сохраняющее из поколения в поколение наследственные признаки и очень медленно и постепенно изменяющее их. Если бы мы распространили этот прием на все каменные, костяные и металлические изделия, всегда и всюду требуя строгой постепенности в изменении их форм, то мы пришли бы к такой чудовищной картине (воображаемой) повсеместной и постоянной смены этнических общностей, что незакономерность данного приема исследования сразу бросилась бы в глаза.

Да, во многих случаях мы наблюдаем постепенное и медленное развитие форм орудий труда, оружия, украшений, керамики. Это вполне объясняется преемственностью производственных навыков, традицией, родовой символикой и тому подобным. Но наряду с этим не менее часто в быту населения неолитической и бронзовой эпох появляются совершенно новые типы изделий, не выводимые из предшествующих, или же исчезают, не оставив себе преемников. Из какой предшествующей формы можно вывести типичные кремневые долота волосовского типа, русско-карельского типа каменные топоры, восточносибирские каменные изображения рыб, различного типа каменные сверленные молотки, составные удильные крючки? Почему исчезли такие категории вещей, как катакомбного типа костяные и металлические булавки, многочисленные типы восточнобалтийских янтарных украшений, сменившиеся совсем иным типом шаровидных янтарных бус?

Эти и тысячи подобных примеров свидетельствуют о том, что в производственной деятельности человека даже в неолите и в бронзовую эпоху, — возможно, и ранее, — действовали не одна традиция, не одна слепая преемственность опыта и навыков, но и естественное стремление к усовершенствованию бытовых изделий, к облегчению труда, к удовлетворению возникающих новых потребностей и новых вкусов.

Почему же керамика — глиняные сосуды — должна составлять в этом отношении исключение?

Первобытная косность, традиции, «родовые формы» вещей конечно ограничивали и задерживали многие, — далеко не все, — нововведения. Но, как мы видели, они не останавливали и не могли остановить прогресса в создании материальной основы существования человека, в самом широком смысле этого слова, — орудий труда, оружия, одежды, жилища, украшений и т. д.

Но я слышу голоса возражающих. Да, говорят они, все это верно для всякого другого предмета, но не для керамики. Керамика неолитической эпохи, керамика родового общества сохраняла в своем орнаменте и в своих формах неприкосновенные для человека того времени символы рода и племени: орнаментальный узор на сосуде — это родовой символ.

Так ли это? Надо ли принимать подобную формулу, как обязательную всегда и всюду, без ограничения ее временем, для всех мест, при всяких условиях? Надо ли это понимать так, что форма сосудов и орнамент на них сохраняются полностью или даже в основном в течение всего неолита (и бронзовой эпохи), меняя только некоторые детали и притом обязательно постепенно и медленно?

Я не собираюсь отрицать того, что археологический материал во многих случаях показывает нам именно такой путь развития керамики

в неолитическую эпоху, обусловленный рутинной родовой стря. Но я спрашиваю: только ли так совершалось это развитие?

Ответ на этот вопрос надо искать не в общих соображениях, хотя бы и основанных на многих (не на всех) этнографических фактах подобного рода. Ответ надо искать в самом археологическом материале, не подгоняя этот материал под какую бы то ни было схему.

Я могу привести один пример, который совершенно отчетливо показывает наличие в неолитическую эпоху иных путей развития керамических форм и орнамента. Я имею в виду произведенные мною исследования нескольких стоянок в низовьях реки Суны в Карело-Финской ССР. Исследования эти были поставлены со специальной целью получить материал для работы над хронологией неолита в Карелии.

Мною был выбран небольшой участок на правом берегу реки Суны, где мне были известны по моим прошлым работам две разновременные небольшие неолитические стоянки и где, по моим соображениям, должны были бы быть еще другие места неолитических поселений. Произведенные здесь тщательные разведки, действительно, открыли на этом небольшом пространстве всего шесть разновременных неолитических стоянок, часть которых прямо или косвенно можно было датировать по найденным на них предметам. Это дало возможность расположить все эти стоянки в относительной временной последовательности их существования. Нас может интересовать в данном случае найденная на этих стоянках керамика. И вот что оказалось.

Древнейшая из этих стоянок, Сунская пятая, дала керамику чистого ямочного типа.

Следующая по времени стоянка, Сунская четвертая, содержала керамику ямочного и западнокарельского (по Н. Н. Гуриной — Сперрингс) типов.

Еще более поздняя стоянка, Сунская первая «а», дала керамику западнокарельского типа и немного асбестовой керамики.

На почти сливающейся с последней — Сунской первой стоянке оказалось уже значительное количество асбестовой керамики.

На Сунской второй стоянке главную массу составляла асбестовая керамика, к которой примешивались керамика гладкая и обломки сосудов, украшенных редко расставленными под горлом ямками.

На Сунской третьей стоянке керамика представлена была двумя последними типами — гладкие сосуды и сосуды с редко расставленными под горлом ямками.

Последовательность смены типов керамики была здесь поразительно четкой. Но последовательность эта заключалась не в том, что постепенное видоизменение древнейшего типа мало-помалу приводило к образованию последующих по времени типов. Возникающий новый тип, иногда не выводимый из предшествующего, постепенно получал преобладание и вытеснял более древние типы. Если бы мы сопоставили два крайние типа — сосуды с чистым ямочным орнаментом и сосуды гладкие, то различия в формах этих типов керамики (круглодонные и плоскодонные сосуды) и в орнаменте были бы таковы, что ни о какой преемственности форм говорить было бы нельзя.

Повторяю, что эти шесть маленьких стоянок были расположены на пространстве всего 1,5 км по берегу. За исключением крайних по времени их бытования стоянок во всех остальных наблюдалось «смешение» разных типов керамики. Можно ли сделать вывод, что эти стоянки заселялись каждая дважды, что здесь несколько раз происходила смена населения, что случайно в этом «смешении» керамики создавалась та последовательность,

о которой я говорил выше? Такое предположение кажется мне совершенно невероятным.

Обратимся к конкретным фактам. Так, например, в карельской культуре во второй половине второго тысячелетия до н. э. появляется так называемая асбестовая керамика. Несомненно, что в этом типе керамики нельзя найти признаков преемственности ее от предшествующих ей типов керамики первой половины второго тысячелетия до н. э. — ямочно-зубчатой и западнокарельской (Сперрингс). При принятии гипотезы о том, что стоянки, где та и другая керамика были обнаружены вместе, заселялись дважды разными племенами, встал бы вопрос, на основе какого же типа возникла асбестовая керамика? Она известна, за единичными исключениями, только в Карелии, к западу от Онежского озера, где среди многочисленных известных нам неолитических стоянок нет ни одной, о которой мы могли бы сказать, что ее керамика послужила исходным пунктом для асбестовой керамики. Совершенно тождественные вопросы можно было бы задать в отношении керамики волосовского типа, сетчатой керамики и т. д. Ни в местах их распространения, ни вне этой области мы не находим стоянок с керамикой, которую можно было бы признать за предшественницу волосовской, сетчатой и некоторых других типов керамики в смысле наличия между ними преемственной связи в орнаменте.

Вместе с тем неизбежно возникает еще другой вопрос: какое же развитие получила в дальнейшем волосовская асбестовая и некоторые другие типы керамики, где и когда?

Передвижения племен, о которых якобы свидетельствуют предполагаемые многократные заселения различными племенами одних и тех же мест, нельзя объяснить процессом расселения древних племен при увеличении населения, так как, во-первых, мы не видим исходного пункта такого расселения (ср. приведенные выше примеры с асбестовой и волосовской керамикой), а во-вторых, на месте предполагаемого нового поселения почему-то исчезает существовавшее здесь ранее местное население.

Таким образом, гипотеза о двукратном заселении не может ответить на некоторые существенные, возникающие из наблюдаемых фактов вопросы. Сторонники этой гипотезы вынуждены прибегать к утверждению, что отсутствие в наших знаниях истоков происхождения новых обнаруживаемых типов керамики (асбестовая, волосовская и др.) проистекает от недостаточности археологических исследований; но это мало вероятно, принимая во внимание большое число известных нам неолитических стоянок. Вместе с тем последовательное применение этой гипотезы неизбежно должно привести к истолкованию исторических судеб населения неолитической эпохи, помимо воли сторонников этой гипотезы, к чему-то близкому к пресловутой теории миграций, к объяснению, если не всех изменений в материальной культуре, то по крайней мере изменений в орнаменте на керамике всегда и всюду переселениями племен.

Некоторые факты, по которым можно проследить действительную смену населения в отдельной области, также находятся в резком противоречии с этой гипотезой. В случаях действительного передвижения племен мы сталкиваемся с явлением совсем иного рода. В качестве примера можно привести характерный случай вытеснения из Поднепровья трипольских племен в начале второго тысячелетия до н. э. В возникающих после этого городской и усатовской культурах керамика представлена в основном новой керамикой «степного» типа, происхождение которой прекрасно устанавливается от керамики предшествующего времени в более восточных областях. Но вместе с такой керамикой находится довольно

значительное количество не выводимой из нее керамики крашеной, которая, несомненно, может быть преемственно связана с керамикой трипольской культуры. Повидимому, часть трипольцев осталась на ранее занимавшихся ими местах. Но эта производная от типа трипольской керамики часть керамики городской и усатовской культур довольно быстро исчезает, — явление, показывающее, вероятно, ассимиляцию остатков трипольцев в этих местах новыми пришельцами (западнее, в областях, удержанных трипольцами, керамика трипольского типа развивается, как кажется, совершенно нормально). В этом случае и для старой (трипольской), и для новой («степного» типа) керамики мы знаем их исходные области; известна также область, куда были отодвинуты трипольские племена, равно как и области, где они подверглись ассимиляции. Никакой перемешанности разнородной керамики на разных горизонтах культурных слоев в этом случае не наблюдается.

Таким образом, я прихожу к выводу, что при типологическо-хронологическом анализе керамики неолитических стоянок мы имеем полное право и должны учитывать приведенные выше соображения: за исключением наличия стратиграфических доказательств одновременности культурных слоев с разнородной керамикой, мы должны, находя разнородную керамику в разных горизонтах культурного слоя перемешанной, считать ее принадлежавшей одной и той же этнической группе и соответственно этому не делать выводов о хронологическом разрыве в заселении данного места.

Я остановился подробно на этом вопросе потому, что он имеет существенное значение для хронологии неолитических стоянок, очень часто датируемых только на основании типа найденной на них керамики.

После такого экскурса вернемся к рассмотрению общих положений по датировке неолитических памятников.

При датировке поздненеолитических стоянок очень часто возникают небольшие; казалось бы, расхождения в данных на 100—200—300 лет (впрочем, иногда и более крупные расхождения). Принимая во внимание значительную приближенность в этих датировках и вероятную продолжительность существования древних поселений, можно было бы не придавать особого значения этим расхождениям. Однако существует одно обстоятельство, заставляющее не относиться так легко к подобным различиям в датах.

При формальной обработке вещественного материала одной какой-либо археологической культуры, занимающей ограниченную территорию и представленную десятками древних стоянок, неизбежно приходится располагать этот материал в порядке относительной хронологии. Если этот материал достаточно обилен, — как это наблюдается в отношении некоторых окских неолитических культур (рязанская, воловская), — то при относительной датировке отдельных стоянок обнаруживается новая возможность уточнения абсолютных дат.

Действительно, предположим, что мы имеем среди изученных нами стоянок две стоянки, датирующиеся по наличию в них таких привозных вещей или подражаний им, время бытования которых установлено. Так, например, в воловской культуре можно назвать Владыченскую стоянку, датируемую по находке в погребении бронзовой манжеты боратицкого типа, и младший Воловский могильник, датируемый по погребению № 10, в котором был найден скандинавский бронзовый тутул. Даже принимая наибольшую дату для манжеты и наименьшую дату для тутула, хронологический промежуток между этими двумя памятниками не может достигать более 600 лет.

А между тем типологическое изучение керамики и каменных орудий как этих, так и всех остальных стоянок волосовской культуры заставляет разместить на этом относительно небольшом промежутке времени несколько разновременных стоянок. Естественно, что чем более будет таких стоянок и чем отчетливее будут признаки их разновременности, тем точнее можно будет хронологически отличить их друг от друга. В таком случае передатировка какой-либо из них на 100—200—300 лет может оказаться невозможной. И если такая стоянка была датирована по типологическим признакам, например, в пределах 1500—1300 гг. до н. э., передвижение этой даты даже на 100—200 лет, к 1300—1200 гг. до н. э., немисливо, ибо между нею и младшим Волосовским могильником, датировка которого по тутулу не может быть определена позднее 1100 г. до н. э., оказываются еще 2—3 разновременных стоянки. Размещение этих трех стоянок в пределах одной сотни лет было бы слишком большой натяжкой.

Таким образом, оказывается, что работа над массовым материалом со многих поздненеолитических стоянок одной археологической культуры, даже при наличии среди них только 2—3 точно датированных памятников, может в значительной мере содействовать уточнению времени существования всех этих поселений. Дальнейшее сопоставление материала со стоянок, датированных таким образом, с материалами из других районов и областей может только в очень слабой степени изменить установленные даты, как мне пришлось убедиться при работе над окскими неолитическими культурами.

Отсюда следует первый вывод, что при датировке поздненеолитических стоянок какой-либо археологической культуры, представленной большим числом открытых и исследованных памятников, предел ошибки в их датировке не может и не должен превышать одной-двух сотен лет, а чаще всего — и того менее.

Вторым выводом является признание необходимости формальной типологической обработки массового материала со всех стоянок выявленной археологической культуры для установления уточненных датировок. Часто применяемый метод сравнения отдельных типов вещей, найденных на какой-либо стоянке, с аналогичными типами вещей, найденными на стоянках других археологических культур, нередко весьма отдаленных, может служить только дополнительным (хотя и обязательным), но не самодовлеющим.

* * *

Как известно, помимо археологических методов датировки древних памятников, существуют приемы их датировки по данным естественно-исторических дисциплин. Этому вопросу посвящена статья М. Е. Фосс¹, которая весьма скептически относится к возможности датировки археологических памятников всякими приемами, кроме археологических. Поскольку такое мнение довольно широко распространено среди археологов, изучающих неолитическую и бронзовую эпохи, необходимо остановиться на этом вопросе.

Можно согласиться, что практически в настоящее время абсолютные даты по возрасту чернозема, по блитт-сернандеровской схеме климатических периодов и тому подобным схемам в подавляющем большинстве случаев опираются на те или иные датировки археологических памятников, установленные методами археологии. Но из этого не следует, что археологи

¹ М. Е. Ф о с с. К вопросу о методах датировки археологических памятников по данным естественных дисциплин, КСИИМК, XIV, 1947.

могут обойтись только своими средствами и могут игнорировать хронологизационные достижения естественно-исторических дисциплин.

Рассмотрим в качестве примера сложный вопрос о датировке археологических памятников при помощи пыльцевого анализа. Что мы здесь имеем в идеале, т. е. на что мы можем надеяться в будущем, и что мы имеем в действительности?

Теоретически пыльцевые диаграммы должны давать картину последовательной смены растительности на протяжении времени, соответствующего исследованной колонке почвенных отложений. Сопоставление этих данных с полной пыльцевой диаграммой, полученной в результате исследования ленточных глин, теоретически может обеспечить датировку почвенных слоев с точностью до полугода. В действительности мы еще неизмеримо далеки от такого идеала. Не говоря уже о том, что геохронологические исследования ленточных глин совершенно недостаточны и что сопоставление данных пыльцевой диаграммы из подлежащего датировке почвенного разреза с пыльцевой диаграммой ленточных глин — если бы даже таковая существовала — довольно сложно, метод этот затрудняется еще одним существенным обстоятельством. Изучение ленточных глин возможно только вблизи от области воздействия ледника, но изменение в растительном покрове в послеледниковое время не было и не могло быть одинаковым даже в пределах всей северной части европейской территории СССР: чем восточнее, тем больше проявлялась континентальность климата, и лесной и луговой покровы Прибалтики и, скажем, Среднего Урала в одно и то же время были совершенно различными.

Поэтому установленные на основании пыльцевых диаграмм климатические периоды датируются только в самых широких пределах. Более уточненные их датировки базируются, действительно, на сделанных в том или другом почвенном слое археологических находках. При этом нередко археологические датировки брались на веру, без критического отношения к авторам этих датировок. Подчас разными авторами-пыльцевиками брались археологические датировки из разных авторов-археологов, расходившихся друг с другом в датах. А поскольку исходные даты оказывались при этом, разумеется, разными, то естественно, что из-за этого возникают довольно резкие расхождения и возбуждаются различного рода недоумения. Случается, что некоторые пыльцевики вообще игнорируют археологические данные, и тогда возникают чудовищные хронологические несуразицы. Так, например, германский пыльцевик Гроос ухитряется датировать некоторые изолированные, явно неолитические орудия XVI и даже XVIII тысячелетием до н. э.

Однако из всего этого не следует делать вывода о непригодности самого метода. Ошибки и неправильное применение метода еще не делают его порочным. Недостижение идеала в области пыльцевого анализа не лишает этот анализ большого значения в деле датировки археологических памятников.

Действительно, в ограниченной географической области сопоставление пыльцевых диаграмм из разных мест позволяет с полной уверенностью расположить ряд стоянок в относительной хронологической последовательности, чего не всегда можно достичь при отсутствии такого анализа. Так, например, несомненно, что культурный слой на стоянке Погостище I (в Чарозерском районе Вологодской области), находящийся на границе торфа и песка, безусловно намного древнее культурного слоя свайного поселения на реке Модлоне (там же, в 4 км от стоянки Погостище I), расположенного на торфе; а промежуточное место занимает стоянка в местности Каравайха (в 10—15 км от предыдущих стоянок), культурный слой

которой находится в торфе. Ибо пыльцевые диаграммы со всех этих мест позволяют с полной уверенностью утверждать, что нарастание торфа на всех этих стоянках происходило в одно и то же время (хотя и с различной скоростью).

И каковы бы ни были расхождения по вопросу о возможности установления, хотя бы для определенного пункта, скорости нарастания торфа, все-таки существуют некоторые границы этой скорости, и пыльцевые диаграммы, показывающие изменения в растительном покрове, протекающие в закономерном и достаточно строго выдержанном порядке, постулируют необходимость ограничить пределы этой скорости и, при возможности сопоставления культурных слоев двух стоянок в разных горизонтах, соответствующих разным климатическим периодам, не допускают сближения дат этих стоянок; или, наоборот, заставляют сблизить эти даты, если пыльцевые анализы показывают, что обе стоянки существовали в одних и тех же климатических условиях.

Так, пыльцевая диаграмма со стоянки Погостище I показывает изменение в растительном покрове за время нарастания торфа над нею с падением процента пыльцы березы от 65 во время существования стоянки до 2—3 в горизонте, находящемся всего на 25 см выше культурного слоя; процент пыльцы сосны и ели возрастает в то же самое время с 20 (сосна) и 12 (ель) до 42 и 53; смешанный дубовый лес исчезает. Такие же значительные изменения можно видеть на всех пыльцевых диаграммах — изменения, свидетельствующие о переменах климата. Для такого ряда явлений необходимо время, исчисляемое не одним столетием.

Впрочем, существуют объективные данные, которые позволяют судить о скорости нарастания торфа, по крайней мере в некоторых определенных условиях. Так, например, можно измерить количество годовых колец погребенной под слоем торфа нижней части какого-либо дерева и по этому количеству вычислить примерную скорость торфообразования. Такой же подсчет можно сделать, используя хорошо сохраняющиеся иногда нижние части древесных стволов в пограничном горизонте. Подобные вычисления и другие, аналогичные им, дают право утверждать, что некоторые цифровые показатели для определения скорости нарастания торфа имеются, и отрицание такой возможности неосновательно.

Конечно, мы должны допустить при этом точно так же, как мы это делаем при датировке по археологическим данным, некоторый возможный предел ошибки, но предел этот едва ли будет большим.

Я не буду останавливаться на всех других возможных видах датировки по данным естественно-исторических дисциплин. В общем, во всех этих случаях мы будем иметь одно и то же — возможность установления некоторой приближенной даты. Таковы, в частности, датировки по высотным данным стоянок, расположенных в области фенно-скандинавского щита, поднятие которого в послеледниковый период обусловило отступление остатков этих древних поселений от береговой линии. Многократно подтвержденное расположение неолитических стоянок этой области тем выше над уровнем моря, чем они древнее (с некоторыми исключениями, вызванными тем, что поднятие фенно-скандинавского щита не было повсюду равномерным), позволяет считать этот метод бесспорным и облегчает распределение этих стоянок в относительной, а с допущением некоторого предела ошибки — и в абсолютной хронологии. Особенно это относится к стоянкам, которые расположены на дюнных грядах, последовательно отступавших от берега моря в связи с повышением фенно-скандинавского щита, как то наблюдается, например, на Летнем берегу Белого моря.

Нельзя также отрицать закономерности попытки В. А. Городцова найти новые приемы датировки археологических памятников в южных степях СССР по глубине залегания их культурных слоев в черноземе, исходя из определения скорости нарастания чернозема¹.

За последние годы началась разработка датировки геологических слоев и археологических объектов по методу определения степени распада радиоактивного углерода (C^{14}), содержащегося в органических веществах. Проведенные, главным образом в Америке, многочисленные опыты из-за бесплановой постановки их, недостатка средств и по другим причинам, характерным для положения науки в буржуазных государствах, не могли дать вполне удовлетворительных результатов. Однако, судя по всему, этот метод обещает в будущем позволить датировать памятники неолитической и бронзовой эпох с точностью до 200—250 лет.

Одним словом, геохронологические приемы во многом могут облегчить датировку неолитических стоянок; в случае же отсутствия датирующих археологических предметов в культурных слоях стоянок эти приемы могут служить достаточной основой для датировки с допущением некоторого предела ошибки, едва ли на много большего, чем при датировке методом чистой археологии.

Поскольку я уже не раз затрагивал вопрос о возможных размерах ошибки в датировках по данным археологии и естественно-исторических дисциплин, есть все основания обратиться, наконец, к рассмотрению тех основных дат, на которых строятся датировки памятников неолитической эпохи — к исходным датам древностей Востока.

Казалось бы, что даты, установленные на основании данных письменных источников, должны быть приняты без колебаний, особенно если мы допускаем ошибку в 100—200 лет. Но это первое впечатление так же обманчиво, как и надежда на точные датировки с помощью геохронологических изысканий. Теоретически датировки на основании «цепочек» соответствий, восходящих в конечном итоге к древностям Востока, а от них — к письменным датам, не должны сильно уклоняться от действительности. И несомненно, что для относительно не слишком удаленного от нас времени, точнее — для времени с 2000 г. до н. э., и для мест, близких или непосредственно связанных с культурными странами древнего Востока, эти даты, повидимому, близки к истинным. Но не так обстоит дело с неолитом и с бронзовой эпохой за пределами Средиземноморья.

Начнем с того, что уже даты II тысячелетия до н. э., даже для самих культур древнего Востока, неоднократно менялись и меняются в зависимости от вновь находимых документов и исторических сопоставлений, часто весьма сложных и противоречивых. В качестве примера таких колебаний я приведу здесь один.

При раскопках города Мари на среднем Евфрате среди клинописных таблиц в архиве царя Зимрилама было обнаружено письмо к одному из его сановников, в котором перечисляются цари того же времени, и среди них Хаммурапи. Академик В. В. Струве на основании рассмотрения большого количества материала и довольно сложных сопоставлений приходит в итоге одной из своих статей² к заключению, что «установленный неоспоримыми свидетельствами синхронизм Хаммурапи, царя Вавилонии, и Шамшиадада I, царя Ассирии, должен помочь выявить дату

¹ В. А. Городцов. К вопросу об установлении натурального масштаба времени по аллювиальным отложениям в долинах рек Окской системы. ТСА РАНИОН, III, М., 1929.

² В. В. Струве. Датировка 1-й вавилонской династии. ВДИ, 1947, № 1, стр. 9—35 (Подчеркнуто мною.— А. Б.).

правления царя Шамшиадада I, а не дату правления Хаммурапи, которая и без того твердо установлена в пределах 1792—1750 гг.».

Но в статье В. Ф. Олбрайта¹, на основании рассмотрения не менее обширного материала и не менее остроумных сопоставлений, утверждается, что «если Иантинамму, царь Библоса, находился у власти между 1740 и 1720 гг., он должен был быть современен обоим — Нефер-Хотепу, царю Египта, и Зимри-Лиму, царю Мари (приблизительно 1730—1700 гг.), и это уже без малейших натяжек».

Таковы два исторических и вместе с тем противоречивых заключения двух крупных востоковедов. Пример далеко не единичный. Конечно, такое расхождение не так уже существенно, если мы допускаем ошибку в 100—200 лет. Но некоторые факты, привлекаемые обоими этими исследователями, как и другими историками древнего Востока, для обоснования выдвигаемых ими дат, не могут не внушить некоторых опасений с точки зрения теории хронологизации древних археологических памятников. Мы привыкли к мысли, что абсолютные даты, по меньшей мере для бронзовой эпохи Европы, в основном, в пределах того же второго тысячелетия до н. э., базируются на датировках памятников древнего Востока, установленных по письменным источникам. Однако, обращаясь к трудам востоковедов, мы с удивлением констатируем, что они неоднократно становятся на иную точку зрения, считая, что археологические даты являются более точными, чем даты, выведенные по письменным данным. Так, В. В. Струве в цитированной выше статье пишет:

«Раскопки в городищах долины реки Хабур дали возможность определить и другой, не менее существенный, момент для установления точной хронологии истории Передней Азии. В городище Хагер-Базар были раскопаны клинописные таблички, примерно современные правлению Яримлима, царя Ямхада, так как они были найдены вместе с керамикой, характерной и для VII слоя дворца города Алаллах. Таблички из Хагер-Базар оказались датированными годами правления ассирийского царя Шамшиадада I. Следовательно, правление Шамшиадада I, одного из царей древнего периода Ассирии, относится также несомненно к XVIII в. до н. э. Таким образом, историческая наука получила впервые объективный критерий для определения временных рамок истории ассирийского государства»².

И ниже:

«В настоящее же время на основании археологического материала, добытого в городищах Сирии, мы можем с полной уверенностью утверждать, что время правления и Шамшиадада I, и его младшего современника Хаммурапи следует отнести к XVIII в. до н. э.»³.

Пример этот не только не является единичным в работах специалистов в области хронологии древнего Востока, но вообще характерен для многих работ последних десятилетий. Мне нет надобности умножать такие примеры; во всех них существенное заключается в том, что археологическая датировка подтверждает, уточняет и даже исправляет датировки, установленные по письменным данным.

¹ В. Ф. Олбрайт. Косвенный синхронизм между Египтом и Месопотамией. Там же, стр. 36—45 (Подчеркнуто мною.— А. Б.).

² В. В. Струве. Ук. соч., стр. 18 (Здесь и ниже подчеркнуто мною.— А. Б.).

³ Там же, стр. 19.

Казалось бы, дело обстоит так, что специалисты в области хронологизации древностей бронзовой эпохи отсылают интересующихся этими вопросами от Понтия к Пилату: археологи ссылаются на даты древнего Востока, а востоковеды, при установлении этих дат, считают самой убедительной ссылкой на археологические даты. Одним словом, наблюдается почти та же картина, что и в отношении датировок по данным естественноисторических дисциплин.

Однако не следует слишком разочаровываться в возможностях установления абсолютных датировок для древностей второго и последующих тысячелетий до н. э. Приведенными примерами я хотел только показать, что, обращаясь к типологическим сравнениям и устанавливая хронологическую цепочку от датируемого предмета или комплекса предметов до древностей Востока, следует соблюдать известную осторожность. Несмотря на десятки лет, прошедшие со времени выхода в свет хронографических трудов О. Монтелиуса, эти труды до сих пор могут служить образцом подобного рода исследований. В его работах обращает на себя внимание то, что, используя даты востоковедов и антиковедов, он никогда не принимал их на веру. Каждый раз он начинал с типологического расположения в относительной хронологии многочисленных памятников достаточно обширной области (Скандинавия и северная Германия, Англия, Франция, Италия и т. д.). Только после этого начинался экскурс в область абсолютных дат, которые проверялись предшествовавшими выводами и сопоставлениями. Только таким образом, путем взаимной проверки выискивались некоторые основные абсолютные даты, на которых и воздвигалось все дальнейшее здание. Ни тем, ни другим датам — письменных источников и археологических наблюдений — не придавалось первенствующего значения.

Практика подтвердила правильность такого метода. Полстолетия, протекшие со времени установления хронологической схемы О. Монтелиуса для бронзовой эпохи в Западной Европе, внесли в эту схему только небольшие поправки и изменения. Не касаясь известной всем археологам методики хронографических работ О. Монтелиуса, — в частности, его типологического метода, — я считаю нужным напомнить некоторые из его конечных выводов.

Отметив, что изучение всего (известного в его время) археологического материала Западной Европы показало, что в одной достоверной находке могут встретиться вместе типы предметов только двух следующих друг за другом периодов, и что совместное нахождение типов вещей через один период (т. е. 1 и 3, 2 и 4 и т. д.) представляет собою редкое исключение, О. Монтелиус утверждал:

«Следовательно, каждый из периодов продолжался долгое время и притом так долго, что предметы предыдущего периода выходили из употребления раньше конца нового периода. Так как типы, например, 1 и 3 периодов почти не находятся вместе, то [из этого следует, что] вещи, изготовленные в 1 периоде, в конце 2 периода почти совершенно исчезли. Однако в конце 2 периода еще не все изделия 1 периода исчезают. Это объясняет нам, почему в виде исключения отдельный предмет более древнего периода может встретиться в более поздней находке»¹.

Это установленное опытным путем для бронзовой эпохи Западной Европы положение, несомненно, не является чем-то исключительным,

¹ О. Montelius. Die vorclassische Chronologie Italiens. Stockholm, 1912, стр. 145—146; его же. Vorgeschichtliche Chronologie. «Zeitschrift für Ethnologie», 1910, стр. 957 и в других работах.

и мы не можем представить себе, чтобы в других странах дело обстояло бы иначе. Следовательно, можно сделать заключение, что т и п и ч н ы е, с археологической точки зрения, для отдельных периодов бронзовой эпохи предметы имеют ограниченное время существования. И поскольку периоды бронзовой эпохи в Западной Европе охватывают каждый время около одного столетия, отсюда следует, что время существования типичных для каждого периода вещей ограничено пределами приблизительно двух столетий.

Таковы, по крайней мере, факты, проверенные опытом, насчитывающим более пятидесяти лет наблюдений (первые хронографические работы О. Монтелиуса вышли в 1885 г.). Подчеркиваю, что речь идет при этом о некоторых характерных предметах, орнаментах, формах погребений, в которых могут быть выделены более или менее сложные детали формы; что это относится ко времени, начиная приблизительно с 2000 г. до н. э., и что хронографические работы, установившие эти факты, основаны на изучении западноевропейских древностей и древностей Греции и Ближнего Востока.

Бесспорно, что второе тысячелетие до н. э. охватывает некоторую часть неолитических культур севера Европы и Азии, и к древностям этих культур вполне приложим метод датировки в абсолютной хронологии, установленный О. Монтелиусом. Исходными областями для опорных дат будут служить при этом, несомненно, не только древности Ближнего, но и Дальнего Востока. Отдельные попытки в этом направлении мы уже имеем в работах Б. А. Куфтина¹ и А. А. Иессена². Но для хронологии неолита СССР в целом этого недостаточно, как и для хронологии неолитической эпохи других стран. Как бы ни была неопределенна ранняя граница неолитической эпохи, несомненно, что ее начало надо отнести ко времени задолго до 2000 г. до н. э. Как же обстоит дело с абсолютными датами для более раннего времени?

Если для второго тысячелетия до н. э. возможны были расхождения в абсолютных датах древнего Востока на несколько десятков и даже сотен лет (например, ошибка на 300 лет, вызванная неправильным определением даты правления Аммисадуги на основании астрономических вычислений по записям наблюдений вавилонских астрономов над движением Венеры)³, то по более ранним периодам эти расхождения могут достигать многих сотен лет. Так, в другой статье В. В. Струве пишет: «В пределах этих хронологических рамок, т. е. между 4242 и 332 гг. до н. э., распределяются все династии царей Египта, которые были перечислены Манефоном. Таким образом, мы можем с легкостью сопоставить отдельные хронологические данные Манефона со свидетельством современных памятников. Правда, подобная проверка возможна лишь для истории Египта, начиная с XII династии (т. е. с 2000 г.), так как хронология древнейшей истории Египта является предметом еще нерешенных споров»⁴.

Еще меньше уверенности в точности датировок по отношению к этому отдаленному времени существует при использовании китайских письменных источников, в которых даты нередко сильно преувеличены.

¹ Б. А. Куфтин. О древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. ИГМГ, XII, Тбилиси, 1944.

² А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», СА, XII, 1950.

³ См. В. В. Струве. Ук. соч., стр. 22.

⁴ В. В. Струве. Подлинный манефонский список царей Египта и хронология нового царства. ВДИ, 1946, № 4, стр. 9 (Подчеркнуто мною.— А. Б.).

Вернемся немного назад и поставим перед собою в отношении неолита те вопросы, на которые дал ответ О. Монтелиус в отношении бронзовой эпохи. Во-первых, можно ли считать, что в неолитическую эпоху существовали некоторые характерные изделия, по наличию которых в находках было бы возможно разделить неолит на ряд периодов? Во-вторых, можно ли выбрать для этих периодов характерные для них вещи, которые бытовали, за редкими исключениями, не более двух периодов? В-третьих, можно ли найти опорные абсолютные даты для хронологизации этих периодов?

Очевидно, что для ответа на эти вопросы нам необходимо обратиться к фактическому материалу. В развитом северном неолите Европейской части СССР мы, несомненно, имеем такие типы вещей, которые, с одной стороны, характерны для одной определенной области, а с другой стороны, существовали в быту, повидимому, ограниченное время.

Таковы, например, кремневые наконечники стрел беломорского типа, основной район распространения которых ограничивается побережьем Двинской губы Белого моря, а время существования — приблизительно серединой второго тысячелетия до н. э. Таковы волосовского типа долота из серого кремня, основная территория распространения которых охватывает среднее течение р. Оки, а время бытования ограничивается приблизительно второй четвертью второго тысячелетия до н. э.

Таковы карельского типа сланцевые кирки, типичные крупные экземпляры которых мы встречаем преимущественно в средней Карелии и которые бытуют с конца третьего до начала второго тысячелетия до н. э.

Таковы каменные рыбы Прибайкалья, фигурные каменные молоты Карелии, глиняные моталки среднего Зауралья, черешковые каменные топоры из района городов Борисова и Лепеля и много других типичных вещей, время бытования и район преимущественного распространения которых достаточно хорошо выяснены работами последних десятилетий.

Но все вещи подобных типов относятся, как правило, ко второму или максимум ко второй половине третьего тысячелетия до н. э. И это не случайность. Датировка всех этих предметов была получена в конечном итоге по такой же хронологической цепочке, восходящей к древностям Востока, как и датировка бронзовых изделий, и даже в большинстве случаев через те же типы бронзовых вещей, одновременно с которыми они существовали.

Важно, однако, установить тот факт, что все эти типы каменных изделий имеют совершенно тождественную продолжительность бытования, как и современные им типы бронзовых вещей. Поэтому вполне закономерно предположить, что и в предшествующие столетия, а может быть, и тысячелетия, дело обстоит так же. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы такие типы отыскать, и на их основании установить для неолитической эпохи в целом такой же ряд периодов, как и для бронзовой эпохи.

Как известно, такие схемы создавались неоднократно. Главным образом, для подобных схем использовались типы погребальных сооружений, типы каменных топоров, а для развитого неолита типы керамики. Но в отличие от бронзовой эпохи такие схемы приложимы к значительно более ограниченным областям, и периоды, на которые делится по этим схемам неолитическая эпоха, значительно продолжительнее, чем периоды бронзовой эпохи.

Оба эти явления вполне закономерны. Они вытекают из того обстоятельства, что неолитическое население жило гораздо более изолированными группами, а техника производства развивалась гораздо медленнее. Не было еще тех средств сообщений, не сложились еще те междуплеменные пути, которые обеспечили широкое распространение на огромные

расстояния бронзовых изделий, стимулировали более быстрое усвоение новых технических приемов и положили начало первым проявлениям «моды» в прямом значении этого термина. Впрочем, самое свойство такого материала, как камень, ограничивало возможности существенных изобретений в способах его обработки после открытия искусства пиления, сверления, полирования и точечной ретуши.

Итак, изучая неолитическую эпоху, мы не можем создать для нее единую схему такой периодизации по типам вещей, которая была бы приложима для очень обширной территории, скажем, для всей Европейской части СССР. И тем более неприемлемы для археологической периодизации неолитической эпохи в СССР такие приемы деления, которые были положены в основу некоторых западноевропейских схем: острообушные и толстообушные каменные топоры, дольмены, гробницы с ходом и цисты и т. д., т. е. типы орудий и формы погребальных сооружений, совершенно не характерные для археологии СССР. Следовательно, должны быть найдены другие принципы деления и притом различные для разных областей СССР с последующим хронологическим согласованием созданных на их основе схем периодизации неолитической эпохи.

К сожалению, работа в этом направлении не велась (как, впрочем, не велась она и в других странах). Поэтому в дальнейшем изложении можно указать только на возможности и перспективы такой работы, завершение которой — дело будущего.

Просматривая и изучая древности неолитической эпохи в СССР, предшествующие второму тысячелетию до н. э., можно убедиться в том, что они содержат очень большое количество своеобразных типов вещей, не повторяющихся позднее. Еще больше можно найти разновидностей таких типов. Из этого факта, уже чисто умозрительным путем, можно сделать вывод, что вероятнее всего не все эти типы одновременны. Однако их относительная хронология и время бытования каждого такого типа продолжают в большинстве случаев оставаться неопределенными. В качестве некоторых примеров можно привести следующие:

«Ш и г и р с к и й» тип к о с т я н ы х н а к о н е ч н и к о в стрел. Под этим названием подразумевается многочисленная группа разновидностей костяных стрел с биконической, яйцевидной или полуяйцевидной головкой либо с несколькими добавочными такими же утолщениями на стержне. Некоторые из экземпляров орнаментированы или имеют кольцевые утолщения, желобки и пр. Их распространение ограничивается сравнительно неширокой полосой от среднего Зауралья до Прибалтики. За исключением единичных экземпляров они были найдены на Шигирском торфянике в Свердловской области, в раскопках стоянки Веретье на реке Кинеме в Архангельской области, в погребениях на Южном Оленьем острове на Онежском озере в Карело-Финской ССР, на озере Лубана в Эстонской ССР. По несколько экземпляров наконечников «шигирского» типа было найдено на стоянке Каравайха на реке Еломе в Вологодской области и в свайном поселении на реке Модлоне в той же области, а также на стоянке Кунда в Эстонской ССР. Единичные находки были сделаны в некоторых других местах.

Находки подобных наконечников на ранне-неолитической стоянке Кунда, с одной стороны, и на стоянке позднего неолита в местности Каравайха, с другой стороны, делают, казалось бы, совершенно несомненным чрезвычайно большой период бытования этого типа наконечников. Но это только с первого взгляда. Если мы присмотримся к деталям формы таких наконечников, то для нас станет несомненным, что на местах древнейших памятников мы имеем совсем не тот вариант типа этого орудия,

что на памятниках более позднего времени. В Кунде, в Оленьеостровском могильнике и в Веретье (нижнем) мы находим неосложненные наконечники с длинным черешком и гладкими биконическими головками. На Караваихе и в свайном поселении те же наконечники имеют более грубовато отделанную головку и коротенький черешок. В находках на Шигирском торфянике и на озере Лубана есть все основания предполагать, что сборы производились с разновременных памятников: шигирские и лубанские костяные наконечники стрел с биконической головкой имеют чрезвычайно разнообразные формы, причем наиболее усложненные типы «шигирских» наконечников стрел мы имеем с озера Лубана. И наоборот, более простой вариант таких наконечников мы видим в вечах со стоянки Кунда.

Следовательно, на наиболее ранних памятниках, — ранненеолитической стоянке Кунда, на стоянке атлантического времени в Веретье и в Оленьеостровском могильнике, относящемся к тому же атлантическому времени, — мы находим классическую разновидность этих наконечников; на Шигирском торфянике, наряду с древним вариантом типа, мы встречаем также более усложненные варианты, а наиболее сложные формы имеют наконечники с озера Лубана.

При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что, в случае возможности установления глубины находки на Шигирском торфянике, находки в слоях, подстилающих торф, содержат только лишённые всяких добавочных украшений костяные наконечники стрел «шигирского» типа.

Что касается относительной даты бытования таких наконечников, то, несомненно, надо предположить, что такие наконечники появились и были широко распространены в период, предшествовавший времени существования стоянок на соседнем Горбуновском торфянике. Это вытекает из того, что на Горбуновском торфянике, при наличии массового материала из раскопок нескольких стоянок, ни разу не были найдены такие наконечники стрел. А между тем, среди находок на Шигирском торфянике имеется очень много различных вещей, совершенно аналогичных горбуновским и свидетельствующих о единстве древней культуры в обоих этих районах. Это позволяет определить, что бытование костяных наконечников стрел «шигирского» типа прекратилось здесь в основном не позднее III тысячелетия до н. э., так как древнейшая стоянка на Горбуновском торфянике, стоянка на Стрелке, относится к III тысячелетию до н. э. и уже не имеет в своем инвентаре такого типа стрел. Отдельные экземпляры этих наконечников уже выходящего из употребления типа могли существовать и несколько позднее, как это можно видеть по находкам на Караваихе, в свайном поселении на реке Модлоне и в некоторых других местах. Конечным выводом является то, что различные разновидности наконечников «шигирского» типа мы должны распределить во времени между концом существования стоянки Кунда и началом суббореального периода (укороченный вариант наконечников с биконической головкой), т. е. на протяжении 3—4 тысяч лет, с VI тысячелетия до начала II тысячелетия до н. э.

Уже этот пример показывает, что при хронологизации неолитической эпохи будет, вероятно, невозможно разделить ее на периоды не только в 100, но и в несколько сотен лет: эти периоды будут, несомненно, на много более растянутыми.

Кремневые топоры с частичной шлифовкой. В некоторых комплексах мы находим своеобразные кремневые топоры с частичной шлифовкой у лезвия, а иногда и без нее. Тщательная, хотя и очень крупная ретушь-оббивка самого тела топора придает ему вполне законченный вид. Размеры таких топоров — средние, около 8—9 см

в длину; поперечный разрез приближается к линзообразным очертаниям. Известные мне топоры такого типа происходят из комплексов, считающихся эпипалеолитическими — со стоянки у сел. Гремячева на реке Оке, из пещеры Замиль-Коба в Крыму и др. Топоры из Гремячева и Замиль-Кобы были найдены вместе с предметами типичных эпипалеолитических форм: эпипалеолитического типа наконечниками стрел, ножевидными пластинами, вкладышами и т. д. при полном отсутствии керамики. Но такие же топоры встречаются иногда на стоянках более поздних, на которых мы находим уже керамику, однако только в том случае, когда эти стоянки характеризуются древнейшим для данной местности типом керамики, как, например, Воронцовская стоянка на реке Оке. В первых случаях несомненно, что этот тип топора относится ко времени задолго до начала III тысячелетия до н. э.; находки на стоянках типа Воронцовской позволяют отнести конец бытования таких топоров к IV тысячелетию или началу III тысячелетия до н. э. На стоянках более поздних такой тип топора мне неизвестен.

Как и в предыдущем случае, бытование этого типа орудия охватывает промежуток времени более 1000 лет.

К р у п н ы е г р у б ы е с к р е б л а и с к р е б л о в и д н ы е с к р е б к и. На некоторых стоянках, которые по расположению своего культурного слоя, несомненно, относятся к концу атлантического периода, мы почти не находим обычных для позднеолитических стоянок тщательно выделанных разнообразных кремневых скребков. Вместо них на таких стоянках оказываются совершенно не свойственные позднеолитическим комплексам большие, в 5—7 см длины, грубовато оббитые кремневые скребла и скребловидные скребки, как, например, на стоянке Погостище I в Вологодской области; близкие к погостищенским типы скребел мы находим среди вещей с Воронцовской стоянки на реке Оке; они продолжают бытовать на Севере еще в начале II тысячелетия до н. э., как это показывают находки на свайном поселении на реке Модлоне, хотя там уже они составляют очень небольшой процент скребущих кремневых орудий; вообще же на стоянках II тысячелетия до н. э., как северных, так и средней полосы Европейской части СССР, такие орудия обычно уже не встречаются.

Эти примеры можно было бы увеличить, назвав, например, костяные игловидные наконечники стрел и большие изогнутые костяные кинжалы со вкладышами на стоянках среднего Зауралья; длинные, до 15 см длины, грубо ретушированные и толстые кремневые наконечники копий в средней полосе Европейской части СССР; веретенообразные костяные наконечники стрел на среднем Днепре; различных форм роговые муфты для топоров и другие характерные типы изделий, встречающиеся только на наиболее древних неолитических стоянках в различных областях. Но уже сказанного достаточно для того, чтобы признать, что в раннем неолите СССР, до III тысячелетия до н. э., можно найти ряд типичных орудий, которые могут служить указателями на время бытования комплексов вещей, среди которых они были найдены. Но, помимо выделения таких вещей из общей массы и расположения их в ряду относительной хронологии, особой для каждой археологической области, необходимо найти опору для датировки хотя бы части этих предметов в абсолютных цифрах и для синхронологизации созданных на этой основе хронологических схем разных областей.

Итак, на один из поставленных выше вопросов мы получили ответ в том смысле, что в неолитическую эпоху, несомненно, существовал ряд характерных типов изделий, применение которых в быту было ограничено

временем и областью преимущественного распространения. Судя по тем фактам, которые приведены выше, есть все основания предполагать, что для всего неолита в целом, а не только для того отрезка его, который носит название позднего или развитого неолита, можно создать такую же хронологическую шкалу, как это сделано для бронзовой эпохи. Однако, в отличие от схемы периодизации бронзовой эпохи, периоды, устанавливаемые для неолитической эпохи, по всей вероятности, будут значительно более продолжительными, и допуск возможной ошибки будет здесь, несомненно, значительно большим.

Переходя ко второму вопросу — о возможности установить для этих периодов приблизительные абсолютные даты их начала и конца, приходится констатировать, что подобные датировки, восходящие «по цепочке» к древностям Востока, возможны только для самого конца неолитической эпохи. Вместе с тем только в пределах этого позднего или развитого неолита возможна расстановка памятников какой-либо определенной области в относительной хронологии по типологическому анализу керамики. Для раннего, докерамического неолита такой прием, естественно, невозможен.

Для раннего, докерамического неолита мы не можем отыскать такую категорию вещей, которая могла бы заменить наиболее «чувствительный» хронометр позднего неолита, керамику, ее формы и орнамент. Поэтому, сталкиваясь с проблемой абсолютной датировки памятников раннего неолита, мы неизбежно должны снова вернуться к методам датировки по данным естественно-исторических дисциплин. Ранее я уже говорил, что с допуском ошибки в несколько сот лет это вполне возможно. Я закончу попыткой найти такие абсолютные даты для одной определенной области СССР и обосновать эти даты.

Такой областью при настоящем положении наших знаний лучше всего может служить лесная зона Европейской части СССР и Зауралья приблизительно от меридиана верховьев Днестра и Волги и до водораздела между притоками, впадающими, с одной стороны, в большие реки Европейской части СССР, а с другой стороны, — в реку Обь. Выбор этот обусловлен тем, что неолит этой области исследован полнее, чем в других местах; отсюда мы имеем наибольшее количество материала; здесь больше, чем где-либо, было произведено научно поставленных раскопок памятников неолитической эпохи; и, наконец, именно этот материал почти полностью был подвергнут как формальной, так и исторической научной обработке.

Приступая к выяснению проблемы датировки в абсолютных цифрах памятников раннего неолита, вернемся к описанной ранее находке медного вислообушного топора в среднем культурном слое 6-го разреза Горбуновского торфяника. Описывая эту находку, я уже говорил, что вислообушные топоры этого типа должны датироваться второй четвертью II тысячелетия до н. э. Датировка эта была убедительно доказана Б. А. Куфтиным¹, а позднее А. А. Иессеном². В слое выше этой находки была найдена, как говорилось, литейная форма для отливки кельтов раннеананьинского времени, VIII—VII вв. до н. э. При моих раскопках на том же 6-м разрезе Горбуновского торфяника последовательность таких находок повторилась снова: в верхнем слое, на глубине 0,45 м, было найдено тальковое грузило с желобками начала I тысячелетия до н. э., а на глубине 1,50 м был обнаружен культурный слой, стратиграфически соответствующий слою, в котором Д. Н. Эдинггом был найден медный вислообуш-

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Трпалети, I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси, 1941, стр. 15—16.

² А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов».

ный топор непосредственно под пнями погребенного леса, т. е. непосредственно под слоем «пограничного горизонта». Замечу при этом, что наличие н а д культурным слоем, в котором был найден медный вислообушный топор, пограничного горизонта подтверждает датировку этого предмета и этого слоя временем, предшествующим середине II тысячелетия до н. э.

Ниже слоя с находкой топора Д. Н. Эдинггом и мною был обнаружен более древний слой, находившийся на границе сапропеля, в нижней части торфа, на глубине 2,10—2,25 м. При датировке этого нижнего слоя мы должны принять во внимание уплотненность торфа в связи с его осушкой и разницу в глубине обоих культурных слоев, а также некоторое различие в комплексах найденных предметов. Что же мы имеем в этом отношении? В среднем культурном слое 6-го разреза Горбуновского торфяника Д. Н. Эдинггом было найдено значительное количество резного дерева в виде деревянных сосудов, украшенных скульптурными изображениями птиц; фигурок лося, змеи, больших грубых идолов и т. д. Аналогичные, украшенные скульптурными головками птиц деревянные сосуды были найдены на стоянке Сарнате в Латвийской ССР; культурный слой в Сарнате находился непосредственно н а д слоем пушицевого торфа, соответствующего пограничному горизонту Горбуновского торфяника, и содержал среди находок янтарные подвески восточнобалтийского типа, характерные для начала II тысячелетия до н. э.¹ Помимо подтверждения датировки медного вислообушного топора первой половиной II тысячелетия до н. э. находки в Сарнате намечают широкий ареал распространения разных типов вещей (скульптурные деревянные сосуды, коленчатые деревянные рукоятки тесел, весла с удлиненным пером) от Урала до Прибалтики. Не касаясь причин такого широкого распространения этих типов вещей², я здесь подчеркиваю только факты существования во второй четверти II тысячелетия до н. э. некоторых специфических типов вещей, бытовавших у ряда племен на Севере.

В нижнем культурном слое 6-го разреза Горбуновского торфяника, обнаруженном на глубине 2,10—2,25 м, эти типы вещей отсутствуют. Нет их также в стратиграфически несколько более ранней стоянке на «Стрелке» Горбуновского торфяника, где культурный слой захватывает нижнюю часть торфа и верх сапропеля. Найденные здесь обломки деревянных сосудов принадлежат не ковшеобразным небольшим сосудикам, характерным для среднего культурного слоя 6-го разреза, а, повидимому, крупным мискообразным сосудам без скульптурных украшений. Весло, найденное на 6-м разрезе на глубине 2,25 м, имеет иную форму, чем весла, найденные в среднем слое; оно имеет широкое перо и короткую рукоятку вместо узкого длинного пера и очень длинной рукоятки у весел, найденных в среднем слое 6-го разреза. Есть и некоторые другие различия в типах вещей.

Эти различия позволяют заключить о значительном промежутке времени, протекшем со времени отложения нижнего до образования среднего культурного слоя. Мощность отложившегося за это время торфа (60—70 см) также свидетельствует об этом. Как бы мы ни преуменьшали возможности определения скорости образования торфа, мы имеем в данном случае право сделать некоторые вычисления. Действительно, между временем отложения среднего культурного слоя и верхнего культурного

¹ См. об этой дате в моей статье «Свайное поселение на р. Модлоне». МИА, № 20, 1951.

² См. об этом в моей работе «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху». М., 1952.

горизонта с отдельными находками вещей раннеананьинского времени протекло по меньшей мере 700—800 лет, от середины II тысячелетия до н. э. и до 800—700 гг. до н. э. Наросший за это время торф составляет пласт около 1 м в толщину. Даже не принимая во внимание уплотнение нижних слоев торфа, мы должны отнести нижний культурный слой 6-го разреза, по этому расчету, минимум к концу III тысячелетия до н. э., а вероятнее всего, — к значительно более раннему времени. Этому совершенно соответствует пыльцевая диаграмма, по которой нижний культурный слой надо относить к атлантическому периоду. Совокупность всех этих данных достаточно убедительна.

Отмечу, что эти даты не являются изолированными и относящимися только к среднему Зауралю. Я уже говорил, что средний культурный слой 6-го разреза Горбуновского торфяника типологически и стратиграфически близок культурному слою стоянки Сарнате в Латвийской ССР. Но стоянка Сарнате, давшая находки восточнобалтийских янтарных украшений, хронологически может быть сопоставлена по ним со свайным поселением на реке Модлоне в Вологодской области, которая, помимо таких украшений, также дала находки обломков деревянных сосудов со скульптурно украшенными ручками, как и в среднем культурном слое 6-го разреза на Горбуновском торфянике. Так увязываются друг с другом стоянки первой половины II тысячелетия до н. э. от Урала до Прибалтики.

На всех этих стоянках и на более поздних стоянках Горбуновского торфяника в значительном количестве была найдена керамика, позволяющая типологически расположить эти стоянки в относительной хронологической последовательности, и тем самым, опираясь на датировку среднего и верхнего культурных слоев 6-го разреза, датировать все стоянки Горбуновского торфяника в абсолютных датах.

Весь этот экскурс о стоянках Горбуновского торфяника был необходим, однако, не для того, чтобы установить возможность такой датировки. Эти даты нужны были в данном случае как опорные пункты для попытки перехода к относительной и абсолютной датировке более ранних периодов неолитической эпохи на севере Европейской части СССР.

Ряд неолитических памятников вблизи Горбуновского торфяника, в Вологодской и Архангельской областях, в Карелии и Прибалтике, несомненно, относится к более раннему времени. Об этом свидетельствуют как стратиграфическое положение их культурных слоев, так и типы найденных на них вещей. Эти стоянки и могильники не одновременны и уходят хронологически в глубокую древность. Можем ли мы найти для этих, пока немногочисленных памятников какие-либо основания для их абсолютной датировки? Или мы принуждены ограничиться определением только некоторой, приблизительной их последовательности во времени, что сильно уменьшит возможность последующих исторических выводов из них?

Изучение этих древнейших на Севере памятников позволяет установить для них некоторые приблизительные абсолютные даты. Однако, как я говорил, эти датировки могут быть даны только с допущением предела возможной ошибки уже не в 100—200 лет, но значительно большей. Не надо забывать, впрочем, что мы имеем в данном случае в своем распоряжении материалы с очень немногих стоянок, разбросанных на весьма значительной территории. Естественно, что при таком положении дела мы не можем использовать тот прием типологического размещения их во времени, который я предлагал применять в отношении многочисленных поздненеолитических стоянок в сравнительно небольшом районе. Там этот прием позволял сократить ошибку часто до какой-нибудь сотни лет; в отношении стоянок раннего неолита материала для этого недостаточно.

Однако с теоретической точки зрения существенно уже то, что все-таки существует возможность сопоставить эти стоянки в хронологическом плане. Это дает уверенность, что при дальнейшем развитии и накоплении наших знаний и материала создастся возможность для более точной датировки раннеолитических памятников.

К местам с находками вещей, относящихся к раннему неолиту, в северной половине Европейской части СССР, которыми мы можем оперировать, надо отнести: стоянки Кунда и Пярну в Эстонской ССР, находки на озере Лубана в Латвийской ССР, Оленьеостровский могильщик на Онежском озере в Карелии, Ягорбскую и Погостищенскую стоянки в Вологодской области, нижний культурный слой стоянки Веретье в Архангельской области, часть находок на Шигирском торфянике в среднем Зауралье, Гремячевскую стоянку на реке Оке. Этим перечнем, конечно, не исчерпываются памятники раннего неолита в северной половине Европейской части СССР, но другие раннеолитические памятники трудно или нельзя использовать для решения поставленной мною проблемы.

В отношении стратиграфии всех этих стоянок обращает на себя внимание тот факт, что культурный слой древнейших из них находится в горизонтах, подстилающих торфяные отложения. Таковы стоянка Кунда и Ягорбская стоянка, а также, очевидно, некоторые горизонты Шигирского торфяника.

Как известно, на Шигирском торфянике никаких раскопок не производилось. Все происходящие отсюда вещи представляют собою случайные находки, сделанные при земляных работах по добыванию золота. Эта добыча золота производилась в золотоносном песке, над которым налегали пластами разной мощности глины, сапропель и торф. Колоссальная площадь, вскрытая при этой добыче золота на глубину, доходившую до 6—7 м, дала огромное число находок, несомненно одновременного происхождения. Целая серия найденных предметов совершенно совпадает по типам с вещами, найденными на Горбуновском торфянике — скульптурно украшенные деревянные сосуды ковшеобразной формы, вырезанные из стволов деревьев человекообразные идолы, весла, полозья саней, кремневые орудия, керамика и т. д. Не может быть никакого сомнения, что население стоянок на берегах Шигирского озера в какое-то время принадлежало к тому же племени, что и население на берегах Горбуновского озера. Но, наряду с такими находками, среди вещей, найденных на Шигирском торфянике, имеется значительное количество предметов, которые по их типам никак не могут быть отнесены ни к тому же, ни к более позднему времени, так как нигде не встречаются на стоянках — III—II тысячелетий до н. э. или позднее: ни на Урале, ни в других местах. Они резко отличаются от вещей, найденных на Горбуновском торфянике. Это дает право считать такие вещи более древними, чем предметы, найденные на Горбуновском торфянике. Таковы тонкие костяные игловидные наконечники стрел, костяные наконечники стрел с биконической головкой так называемого шигирского типа, большие изогнутые костяные кинжалы со вкладышами, пешнеобразные костяные орудия («заострения под углом в 45 градусов» по терминологии А. А. Иностранцева, назвавшего так подобные орудия, найденные на «Ладожской стоянке»), многочисленные костяные наконечники стрел со вкладышами. Светложелтый цвет почти всех этих предметов свидетельствует о том, что они были найдены не в торфе, в котором костяные предметы окрашиваются обычно в темный цвет, а ниже торфа — в сапропеле, глине или в золотоносном песке. Относительно некоторых вещей известно, что они были найдены ниже торфа, в подстилающей сапропель глине (например, находки на Курьинском

прииске в 1898 г. игловидных костяных наконечников стрел). Все говорит за очень большую древность этих находок. И то обстоятельство, что подобные типы костяных орудий начисто отсутствуют среди находок на Горбуновском торфянике, и факт нахождения такого типа орудий на Шигирском торфянике на больших стратиграфических глубинах говорят за то, что основная масса таких предметов бытовала у населения, жившего на берегах Шигирского озера задолго до возникновения на берегах Горбуновского озера древнейшей, известной нам там, стоянки на Стрелке. Стоянку же на Стрелке, как говорилось, мы должны датировать по совокупности всех описанных выше признаков минимум первой половиной III тысячелетия до н. э. Учитывая все эти обстоятельства, необходимо согласиться, что все такого рода предметы, найденные на Шигирском торфянике, нужно датировать временем не позднее IV тысячелетия до н. э., а их начальное появление и распространение отнести к еще более древнему времени.

Чтобы уточнить раннюю границу времени существования подобного типа вещей, необходимо рассмотреть находки на других ранненеолитических стоянках Севера. Одной из таких стоянок является Погостищенская стоянка I у дер. Погостище на левом берегу реки Модлоны в Вологодской области. Культурный слой этой стоянки находится в верхней части берегового песка, подстилающего образовавшийся на этом песке слой торфа мощностью в 0,70—1,00 м. Пыльцевой анализ показал, что время образования этого торфа соответствует времени образования торфов в других местах по реке Модлоне. В частности, пыльцевая диаграмма Погостищенской стоянки совпадает с диаграммой стоянки со свайными постройками на правом берегу той же Модлоны в 4 км от дер. Погостище. Эти свайные постройки, открытые при раскопках под полутораметровым слоем супеси на торфе, хорошо датируются по находкам восточнобалтийских янтарных украшений началом II тысячелетия до н. э. Следовательно, между временем существования Погостищенской стоянки I и свайным поселением протек период, в течение которого образовался весь слой торфа, покрывающего культурный горизонт Погостищенской стоянки.

Раскопки Погостищенской стоянки I показали, что эта стоянка относится ко времени «докерамического» неолита, т. е. должна датироваться временем не позднее начала IV тысячелетия до н. э. Среди найденных вещей имеется один костяной наконечник с биконической головкой, но с коротким черешком. Других типов костяных орудий, характерных, как я полагаю, для древнейших стоянок среднего Зауралья, здесь найдено не было. Это, конечно, можно было бы объяснить географической разобщенностью среднего Зауралья и системой озера Вожа, в которое впадает река Модлона. Но этот факт можно также объяснять тем, что Погостищенская стоянка I находится в хронологическом отношении между древнейшими стоянками на Шигирском торфянике и стоянками на Горбуновском торфянике. Чтобы выяснить это, продолжим наш анализ.

Приблизительно к тому же времени, что и Погостищенскую стоянку, можно отнести стоянку Веретье (нижний культурный слой) на реке Кинеме, впадающей в озеро Лача, которое связано рекою Свидью с озером Вожа. При раскопках М. Е. Фосс в нижнем культурном слое этой стоянки, находящемся в нижних слоях торфа и в верхней части подстилающего торф песка, было найдено значительное количество костяных и деревянных наконечников стрел шигирского типа с биконической головкой и много игловидных костяных наконечников стрел, только более массивных, чем древние шигирские, но, несомненно, близких последним по

типу, — вероятно, более поздний вариант их. Керамики на стоянке Веретье, как и на стоянке Погостище I, найдено не было. По пыльцевым диаграммам обе эти стоянки относятся к атлантическому периоду.

Аналогичное явление можно наблюдать на стоянке Риннукалнс, расположенной еще западнее — в Эстонской ССР; эта стоянка, по сделанным на ней находкам, также может быть отнесена к атлантическому периоду. Ко всем этим стоянкам можно было бы добавить еще несколько других мест, где были найдены костяные орудия, подобные описанным выше. И повсюду на этих стоянках наблюдается одно существенное отличие в их инвентаре от комплекса древнейших предметов, найденных на Шигирском торфянике: нигде на этих стоянках нет того обилия вкладышевых костяных наконечников стрел, как на Шигирском торфянике, нет также тонких игловидных костяных наконечников стрел, нет больших костяных кинжалов и т. д. Это позволяет считать культурные слои на Шигирском торфянике, давшие такие находки, более древними, чем стоянки Погостище I, Веретье, Риннукалнс. На более раннюю дату указывает, как я говорил, и стратиграфическое положение некоторых из этих находок в тех случаях, когда оно известно. Поэтому мы вправе отнести древнейшие костяные орудия, найденные на Шигирском торфянике, ко времени, предшествующему по меньшей мере концу атлантического периода.

Уточнить еще более эту датировку позволяют находки на известной стоянке Кунда в Эстонской ССР. Я имею в виду находки только на так называемом «Кунде-болоте», а не на более поздней стоянке на повышенном участке торфяника, носящем название Ляммасяги. Датировка стоянки Кунда основана на геологических наблюдениях, показавших, что при прорыве морем берегового вала древнее озеро Кунда, на берегу которого находилась стоянка, прекратило свое существование и излилось в море. Отсюда было сделано заключение, что в связи с этим событием расположенное на берегу озера древнее поселение, жители которого занимались преимущественно рыболовством, также должно было прекратить свое существование. Произошло же это, по геологическим данным, в конце анциллового периода, т. е. около 5000 г. до н. э.

Находки на стоянке Кунда костяных наконечников стрел «шигирского» типа с биконической головкой и длинным черешком, значительного числа костяных наконечников стрел со вкладышами, «заострений под углом в 45 градусов», а также стратиграфические условия находок в подстилающем торф мергеле позволяют считать эту стоянку более ранней, чем стоянки Погостище I, Веретье и Риннукалнс, но, возможно, несколько более поздней, чем древнейшие культурные слои на Шигирском торфянике.

Таким образом, мы имеем в распоряжении совокупность целого ряда данных: типологическое сопоставление нескольких северных стоянок, позднейшие из которых датируются по типичным медным вислообушным топорам; датировки по пыльцевым анализам; стратиграфические условия находок. Согласованность всех этих данных дает право считать, что для севера Европейской части СССР и для среднего Зауралья можно принять следующую схему датировок по типам находимых на стоянках предметов:

1. Время — приблизительно 6000—4000 гг. до н. э. Наличие среди находок большого числа костяных орудий со вкладышами, костяных наконечников стрел «шигирского» типа с биконической головкой и длинным черешком (простых, не осложненных форм), тонких игловидных костяных наконечников.

2. Время — приблизительно 4000—3000 гг. Продолжение бытования, но в небольшом количестве вкладышевых костяных наконечников стрел,

наконечников стрел «шигирского» типа с биконической головкой и длинным черешком (нередко усложненных форм), наличие более массивных, с круглым поперечным сечением, игловидных костяных наконечников стрел, появление и распространение шлифованных каменных орудий.

Для обоих периодов характерны роговые муфты топоров, более частые в первом периоде; костяные пещни («заострения под углом в 45 градусов») из ножных костей животных с косым срезом на рабочем конце, более частые во втором периоде; многозубчатые костяные гарпуны с мелкими зубцами; отсутствие керамики.

Для обоих периодов характерны стратиграфические условия залегания культурного слоя. Культурный слой находится в горизонтах, подстилающих торфяник, или в самом низу торфа. Что касается фауны, то на стоянке в устье реки Ягорбы в гор. Череповце в Вологодской области при стратиграфических условиях, указывающих на то же время, и при находках, состоявших из тонкого костяного однозубчатого гарпуна, кремневого наконечника стрелы свидерского типа, костяной пещни со срезом на рабочем конце под углом в 45 градусов, значительного количества кремневых ножевидных пластин и некоторых других предметов, — были найдены среди других костей два черепа мускусного овцебыка, свидетельствующие о большой древности этой стоянки, которую по этому и по другим признакам надо относить к концу бореального или самому началу атлантического периода.

3. Время — с 3000 г. до начала II тысячелетия до н. э. Этот период характеризуется появлением керамики, которая неизменно присутствует с этого момента на всех северных стоянках; постепенным прекращением выделки костяных наконечников стрел со вкладышами; усложнением форм костяных наконечников стрел «шигирского» типа с биконической головкой, которые выделяются теперь часто с укороченным черешком и украшаются различными резными утолщениями и желобками; большим числом (в начале этого периода) костяных пещней со срезом на рабочем конце под углом в 45 градусов; заменой многозубчатых гарпунов с мелкими зубцами крупнозубчатыми гарпунами, применявшимися, впрочем, и ранее; распространением шлифованных каменных орудий местных типов. В торфяниках культурные слои этих стоянок находятся в нижних горизонтах торфа.

4. Время — вторая четверть и середина II тысячелетия до н. э. Этот период характеризуется почти полным исчезновением костяных орудий со вкладышами; костяные наконечники стрел «шигирского» типа с биконической головкой и обычно с коротким черешком встречаются только как единичные находки; костяные пещни со срезом на рабочем конце под углом в 45 градусов выходят из употребления; типичны деревянные сосуды со скульптурными украшениями ручек. В западной части севера Европейской части СССР распространяются привозные восточнобалтийские янтарные украшения. Появляются отдельные привозные (?) бронзовые предметы. Культурные слои торфяниковых стоянок этого периода находятся на глубинах от пограничного горизонта до самого верха торфа в зависимости от условий образования последнего. С этого периода становится возможной датировка в абсолютных цифрах по типологическому анализу, преимущественно по керамике, с опорой на даты, устанавливаемые по находкам привозных вещей и подражаний им, в соответствии с датами древнего Востока.

Предлагаемая мною схема весьма далека еще от точности. Предел возможной ошибки достигает в ней, как можно было видеть, нескольких сот лет. И тем не менее она имеет достаточно большое значение для

дальнейших выводов. По мере того, как будет расти число исследованных стоянок раннего неолита, их типологическое размещение внутри этой, — может быть, исправленной, — схемы даст возможность, как указывалось выше, все более и более уточнять датировки, доводя предел возможной ошибки, как я надеюсь, до тех же размеров, как и при датировке памятников позднего неолита. Такая работа, несомненно, облегчит изучение древнейшей истории Севера и должна сыграть большую роль в разрешении вопросов генезиса северных племен и их отношений к более южным племенам, что совершенно необходимо для выяснения генезиса народов нашей Родины.

Как это ни странно, но в отношении хронологизации раннего неолита на территории более южной части Севера мы оказываемся в гораздо худшем положении, чем в отношении более северных районов. Это в значительной мере объясняется недостатком исследований, особенно отсутствием исследованных торфяниковых стоянок раннего неолита. Раскопки торфяниковых стоянок в средней полосе Европейской части СССР затронули, насколько мне известно, только два пункта — Льяловскую стоянку на верховьях реки Клязьмы и стоянку на северном берегу Бисерового озера в Московской области. Но обе эти стоянки датируются уже поздним неолитом и содержали большое количество керамики. К раннему же неолиту можно отнести только некоторые дюнные стоянки, не сохранившие костяных и деревянных изделий, служащих, как мы видели, основным материалом для датировки поселений раннего неолита. Но и такие дюнные стоянки известны в очень ограниченном количестве. Поэтому для раннего неолита средней полосы Европейской части СССР нельзя составить даже такой хронологической схемы, какую я попытался дать для северных областей. Однако можно наметить несколько точек соприкосновения между ранненеолитическими стоянками в волго-окском и в более северных районах. Правда, эти соответствия пока еще очень недостаточны и малоубедительны, но они могут служить некоторым указанием на направление дальнейшей работы.

Одним из характерных типов кремневых орудий на ранненеолитических окских и волжских стоянках являются наконечники стрел свидерского типа. Они были найдены на таких докерамических стоянках, как Елин Бор и Гремячево на реке Оке, что вместе с некоторыми другими признаками дало повод покойному М. В. Воеводскому отнести эти стоянки к эппалеолиту¹. В другой своей работе я доказываю, что эти стоянки относятся не к раннему эппалеолиту, как предполагал М. В. Воеводский, а ко времени перехода от раннего к позднему неолиту².

Поскольку здесь нас интересует не относительная, а абсолютная датировка этих стоянок, я не буду повторять приведенных мною в указанной работе доказательств. Сейчас для нас является существенным всеобщее признание этих стоянок более древними, чем стоянки позднего неолита, а следовательно, относящимися ко времени ранее III тысячелетия до н. э.

Кремневые наконечники стрел свидерского типа известны на территории Европейской части СССР только из нескольких стоянок (за исключением Литовской ССР, где датировка их не выходит за пределы относительной шкалы хронологизации). Но замечательно, что на Севере СССР

¹ М. В. Воеводский. О ранней стадии эппалеолита (свидерская стадия) в Восточной Европе. «Труды 2-й международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода в Европе», в. 5, 1935; М. В. Воеводский и П. И. Борисковский. Стоянка Елин Бор, СА, III, 1937.

² А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

мы находим их вместе с древнейшими типами костяных наконечников стрел «шигирского» типа в могильнике на Оленьем острове Онежского озера. Могильник этот, на котором было вскрыто более 130 погребений и где земляными работами было уничтожено еще большее их количество, не дал ни одного обломка керамики. Один кремневый наконечник стрелы свидерского типа был найден, как я говорил, на Ягорбской стоянке. На более поздних северных стоянках кремневые наконечники стрел свидерского типа, как правило, отсутствуют за исключением раскопанной М. Е. Фосс стоянки Умиление на берегах Галичского озера в Костромской области¹. Такое положение позволяет сближать по времени северные стоянки бореального (?) и атлантического времени (кроме конца последнего) со стоянками Гремячевской, Елиноборской и аналогичными им, относя эти стоянки приблизительно к IV—V тысячелетию до н. э. Экземпляр костяного наконечника стрелы «шигирского» типа с биконической головкой был найден на Волосовской стоянке на реке Оке. Находка эта имеет некоторое значение в связи с особенностями в комплексах вещей со стоянок Волосовской культуры. Так, нельзя не заметить, что типичная волосовская керамика достаточно резко отличается от ямочно-зубчатой керамики других окских неолитических культур и при этом нередко украшена орнаментом в виде так называемой «шагающей гребенки». Мотив такого орнамента совершенно чужд окской ямочно-зубчатой керамике, но широко распространен на стоянках среднего Зауралья. Кроме того, на свайном поселении на реке Модлоне в подстилающем торф сапропелевом слое было найдено некоторое количество черепков от сосудов, сделанных из глины с примесью толченых раковин (совершенно не свойственно северным неолитическим стоянкам, но характерно для стоянок волосовской культуры), украшенных вертикальными зигзагами оттисков широкого зубчатого штампа — мотив, близкий к узорам ранней волосовской керамики.

Все это позволяет видеть в стоянках раннего этапа развития волосовской культуры своеобразное отклонение от других стоянок окской долины и сближает этот этап развития волосовской культуры со среднеуральскими и северными стоянками, которые можно приписывать потомкам древнейшего населения Севера, пришедшего сюда из среднего Зауралья².

Сама Волосовская стоянка датируется по некоторым находкам (черешковый каменный топор, большие цилиндрические валикообразные каменные топоры и др.) приблизительно концом первой четверти и второй четвертью II тысячелетия до н. э. К этому же времени относится свайное поселение на реке Модлоне, и этой дате не противоречит костяной наконечник стрелы «шигирского» типа с биконической головкой, найденный на Волосовской стоянке. К этому же времени относится широкое распространение орнамента в виде оттисков «шагающей гребенки» на среднем Урале. А все это, вместе взятое, дает право предполагать, что вполне возможно сближение одного из этапов развития волосовской культуры со среднеуральскими и северными стоянками. Благодаря же довольно широкому распространению в окско-клязьминском междуречье некоторых типов вещей, свойственных волосовской культуре в первой половине II тысячелетия до н. э., устанавливается довольно длинная цепочка связей между среднеуральскими, северными и окскими неолитическими культурами.

¹ М. Е. Ф о с с. Итоги Галичской экспедиции. КСИМК, XXVI, 1949.

² См. А. Я. Б р ю с о в. Очерки по истории племен Европейской части СССР...

Отсюда легко сделать вывод о возможности и необходимости при составлении хронологической схемы по неолиту окских культур привлечь более разработанную шкалу по северным неолитическим культурам. Сверх того, следует отметить возможность использования в тех же целях топографических особенностей некоторых из окских раннеолитических стоянок. Так, на торфянике Буреломка в Московской области раннеолитическая стоянка, обнаруженная разведками В. М. Раушенбах, оказалась расположенной у самого дальнего конца торфяника (языка — ранее, очевидно, длинного залива озера), в пункте нахождения торфа, уже не промышленного значения, не отмечаемого на планах. Следовательно, эта стоянка существовала в момент полного наполнения озера, до начала образования здесь торфа, что соответствует стратиграфическому положению культурных слоев северных торфяниковых раннеолитических стоянок и позволяет отнести стоянку на торфянике Буреломка ко времени, предшествовавшему суббореальному периоду.

Эти неполные и еще недостаточно разработанные схемы хронологизации неолитической эпохи некоторых областей Европейской части СССР приведены мною только как пример возможной разработки таких схем. Сами эти схемы, после дальнейшего их уточнения и получения новых материалов, ни в каком случае не могут служить для целей установления точных, абсолютных дат. Но такие схемы создают канву, на которой можно расположить в последовательности неолитические памятники разных областей СССР и сопоставить эпохальные изменения в жизни древних племен, некогда населявших нашу Родину.

* * *

Приведенными выше примерами, соображениями и выводами, конечно, не ограничиваются теоретические основы хронологии неолита. В этом отношении было сделано так мало, что изложенные в этой статье положения должны рассматриваться только как первая попытка сведения в одно целое различных методических приемов датировки неолитических памятников.

Еще менее сделано в отношении приложения этих выводов к конкретным материалам на всем огромном пространстве СССР. Такая работа — дело будущего и потребует длительного и сложного пересмотра всего колоссального количества накопленного археологического материала по этой эпохе. Ясно только, что, если мы должны воссоздать историю неолитических племен, то мы прежде всего должны научиться датировать памятники этого времени. Без этих дат археологический материал будет представлять собою лишь грудку разнородных вещей, изучение которых не может создать никакой истории и в лучшем случае позволит только набросать весьма приблизительную и грубую схему культурного развития человечества, лишенную конкретности.

А. А. ИЕССЕН

К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКАХ VIII—VII ВВ. ДО Н. Э.
НА ЮГЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР*(Новочеркасский клад 1939 г.)*

I

В южных районах Европейской части нашей страны нам известно громадное число памятников скифской культуры. Среди этих памятников вполне отчетливо выступает ранняя их группа, хорошо датированная первой половиной и серединой VI в. до н. э. К этой группе относятся такие широко известные курганные погребения, как обнаруженные на Кубани в Келермесской станице (1903 и 1904 гг.), в Ульском ауле (сел. Уляп, 1898, 1908, 1909, 1910 гг.), в Костромской станице (1-й Разменный курган, 1897 г.). На Украине к этой же хронологической группе следует отнести Мельгуновский курган (1763 г.) и ряд курганов на Киевщине и Полтавщине.

Более ранние памятники скифской культуры нам почти не известны и, во всяком случае, совершенно не разработаны. Между тем бесспорно, что скифская культура нашего юга сложилась не в VI в. до н. э., а значительно раньше — еще в VIII в. или в начале VII в., так как по письменным источникам северные племена скифов появляются в Закавказье и Передней Азии не позже начала VII в.

Таким образом, известные нам и всеми признаваемые за наиболее ранние памятники скифской культуры, несомненно, не характеризуют первых этапов сложения и развития этой культуры, а относятся уже к тому времени, когда заканчиваются или закончились скифские походы в страны Передней Азии и когда в пределах Северного Причерноморья, на периферии основной территории собственно скифских и ближайшим образом связанных с ними в культурном отношении племен возникают первые поселения греков-колонистов.

В этих условиях очень большое значение приобретает всякая возможность осветить культуру VIII—VII вв. до н. э. Можно не сомневаться в том, что среди уже известных нам археологических материалов значительное количество должно быть отнесено к этому времени, но недостаточная разработка вопросов их относительной и абсолютной хронологии не позволяет еще бесспорным образом определить их дату и их место в истории развития культуры первых крупных объединений племен нашего юга — киммерийцев и скифов. Мы часто ограничиваемся отнесением подобных памятников и материалов к «предскифскому» периоду, к концу

эпохи бронзы, к «киммерийской культуре» и т. п., без достаточно четкого определения и дифференциации этих понятий.

Весьма показательно в этом отношении состояние вопроса о киммерийской культуре. За самые последние годы мы видели попытки отнести к исторически нам известным киммерийцам и кобанскую культуру горного Кавказа¹, и кызыл-кобнскую культуру Крыма (П. Н. Шульц)², и собственно-галльштатскую культуру Дунайских стран со включением в нее сходных явлений на территории СССР (Ф. Ханчар)³. О. А. Гракова называет «киммерийской» срубную культуру северного Причерноморья на втором этапе ее развития, в начале I тысячелетия до н. э.⁴, тогда как М. И. Артамонов склонен киммерийской считать катакомбную культуру медно-бронзовой эпохи, доживающую в степном Предкавказье до предскифского времени⁵. Очевидно, что ясность в этом вопросе, как и в теснейшим образом с ним связанном вопросе о начальном этапе скифской культуры, может быть достигнута лишь по мере значительного уточнения нашей осведомленности о конкретном ходе культурного развития нашего юга в X—VII вв. до н. э., что в свою очередь невозможно без тщательного определения относительной и абсолютной хронологии отдельных памятников, отдельных типов изделий, культурных комплексов и групп.

Несомненно, что для разработки всех этих вопросов требуются усилия многих специалистов, требуется повторное исследование уже известных и накопление новых археологических источников. Предлагаемые ниже вниманию читателей соображения и должны послужить одной из таких попыток подойти на сравнительно небольшом и узком круге источников к частичному решению поставленного вопроса.

Мы имеем в виду рассмотреть одно из характерных слагаемых материальной культуры интересующего нас времени, а именно древнейшие на нашем юге бронзовые принадлежности конской узда, а затем попытаемся определить их датировку и значение последней для общей хронологии памятников юга СССР.

Поводом к разработке этой темы послужила находка в 1939 г. в Новочеркасске клада бронзовых изделий.

Клад этот найден при земляных работах на огороде под городом рабочим П. А. Лодкиным и тогда же передан в местный музей. В составе клада (рис. 1) имелись топор кобанского типа, две пары удила, два отдельных звена от двух других пар удила, пара псалиев и обломок стержня. Кроме этих изделий из бронзы, вместе с ними была найдена еще половина бронзовой же литейной формы² для отливки бронзовых втульчатых наконечников стрел или, возможно, их восковых моделей.

Новочеркасский клад интересен прежде всего по сочетанию в одном комплексе топора, удила, псалиев и литейной формы для наконечников стрел, до сих пор в такой комбинации не встречавшихся, но, несомненно, синхронных.

¹ Статья «Киммерийцы и киммерийская культура». ВДИ, 1949, № 3, стр. 14—26, в частности, стр. 25.

² Доклад П. Н. Шульца в ЛОНИМБ 26.IV.1949 г.

³ Fr. H a n č a r. Hallstatt-Kaukasus. «Mitt. d. Österr. Ges. f. Anthropologie, Ethnologie und Prähistorie», LXXIII—LXXVII, вып. 1—3, Wien, 1947, стр. 152—167; е г о ж е. Hallstatt und der Ostrau. Ein Beitrag zur Klärung des Kimmerierproblems. Сборник «Гаврил Кацаров», 1, София, 1950, стр. 265—274.

⁴ О. А. К р и в ц о в а - Г р а к о в а. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, XVII, 1948, стр. 160—164.

⁵ М. И. А р т а м о н о в. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 37—47, особенно стр. 47.

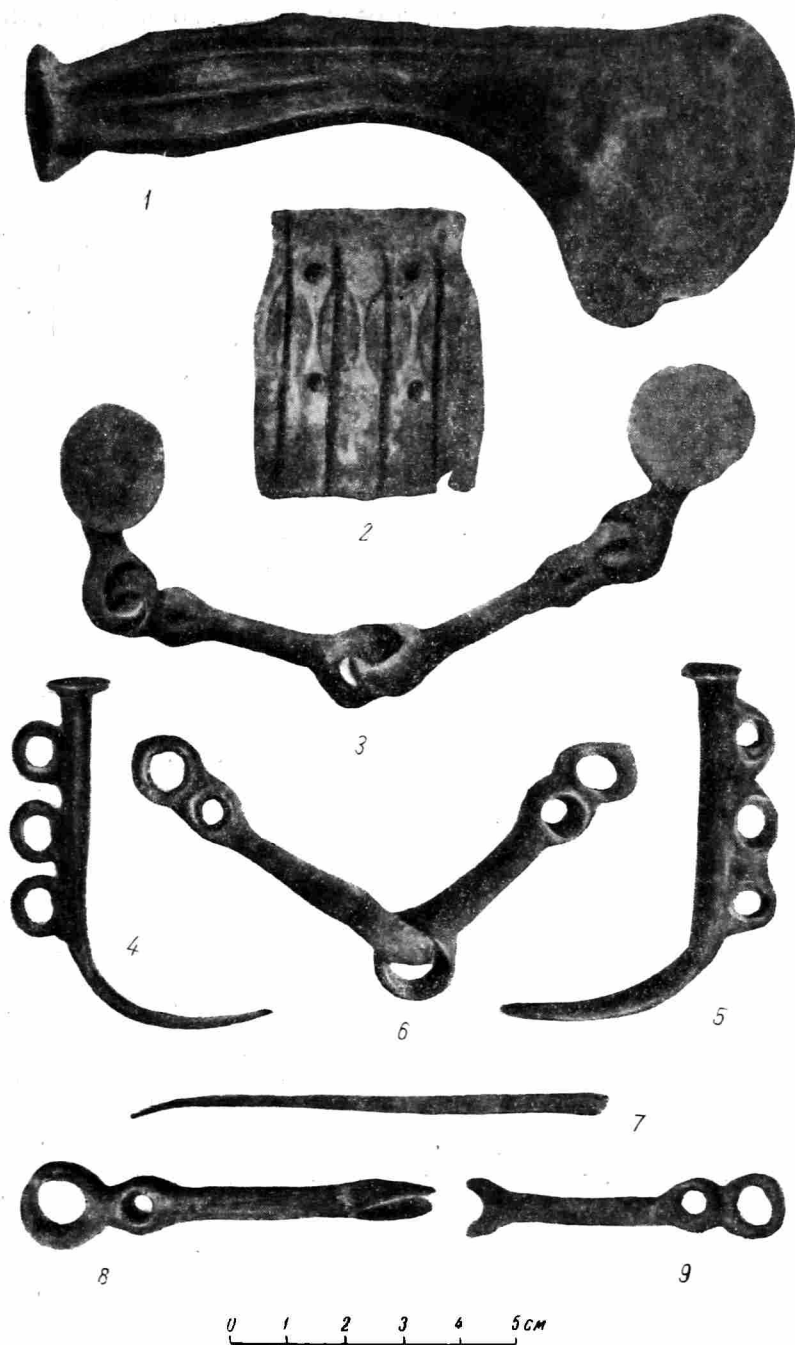

Рис. 1. Новочеркасский клад 1939 г. Новочеркасский музей.

Сочетание это позволяет несколько уточнить наши представления о хронологии памятников первой половины I тысячелетия до н. э. Топор, удила и псалии этого комплекса принадлежат к типам, ставшим известными по находкам в Верхнекобанском могильнике и обычно так и относимым к характерным для кобанской культуры типам. Что же касается наконечников стрел, то они относятся к втульчатым двуперым наконечникам раннескифского типа.

Для того чтобы подойти к более обоснованной датировке как отдельных слагаемых нашего комплекса, так и всего его в целом, необходимо прежде всего рассмотреть вопрос об относительной хронологической позиции удила и псалиев из Новочеркасска в истории развития узды на Северном Кавказе.

II

Возраст того типа уздечного набора, который представлен в Новочеркасской находке, можно определить только после общего обзора ранних типов бронзовых удила и псалиев нашего юга. При этом с самого начала нужно иметь в виду, что в отношении этого элемента материальной культуры мы наблюдаем значительную общность на территории Северного Кавказа, Подонья и Украины, что заставляет нас относящиеся сюда находки рассматривать совместно.

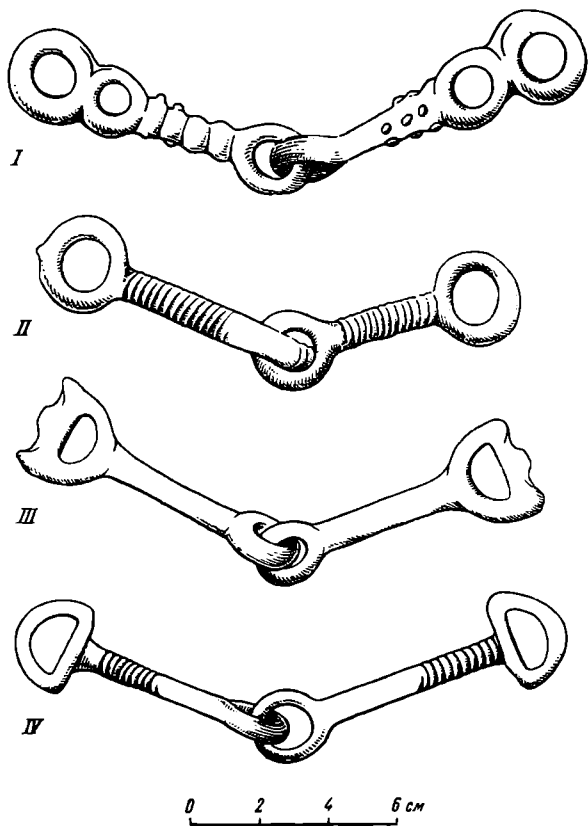

Рис. 2. Типы бронзовых удила.

Типы: I — из Геленджика, музей Грузии; II — из Кисловодска, Эрмитаж; III — из Черняхова, Исторический музей в Киеве; IV — из Ростова, Ростовский музей.

В редко встречающемся четвертом типе кольца имеют форму латинского D или же перевернутого стремечка, прямой стороной обращенного во внутрь.

В деталях внешней формы удила, в соотношении частей, в наличии или отсутствии дополнительных звеньев для крепления повода и, наконец, в орнаментации каждый из намечаемых типов даст ряд вариаций, не имеющих особого значения для целей данной работы, но, несомненно, требующих учета при дальнейшем накоплении и исследовании материала. Более существенен вариант, обозначаемый нами ниже как тип II-A: удила с однокольчатыми концами, отлитые совместно с псалиями, подвижно соединенными с ними; затем — некоторые другие варианты, выделенные ниже в особую группу. Все рассматриваемые нами удила — литые, причем для отливки их использовались сложные формы. Исключение

На всем этом пространстве мы сейчас знаем три основных типа бронзовых удила (рис. 2). Все они двучастные, состоят из двух звеньев (колен), соединенных кольцами на внутренних концах. Различаются удила по оформлению наружных концов. У первого типа, представленного в Новочеркасской находке, эти концы состоят из двух последовательно расположенных круглых колец, у второго типа на наружных концах имеется лишь по одному круглому кольцу, тогда как у третьего типа эти кольца получают форму стремечка, дужка которого обра-

Щена к середине удила. В редко встречающемся четвертом типе кольца имеют форму латинского D или же перевернутого стремечка, прямой стороной обращенного во внутрь.

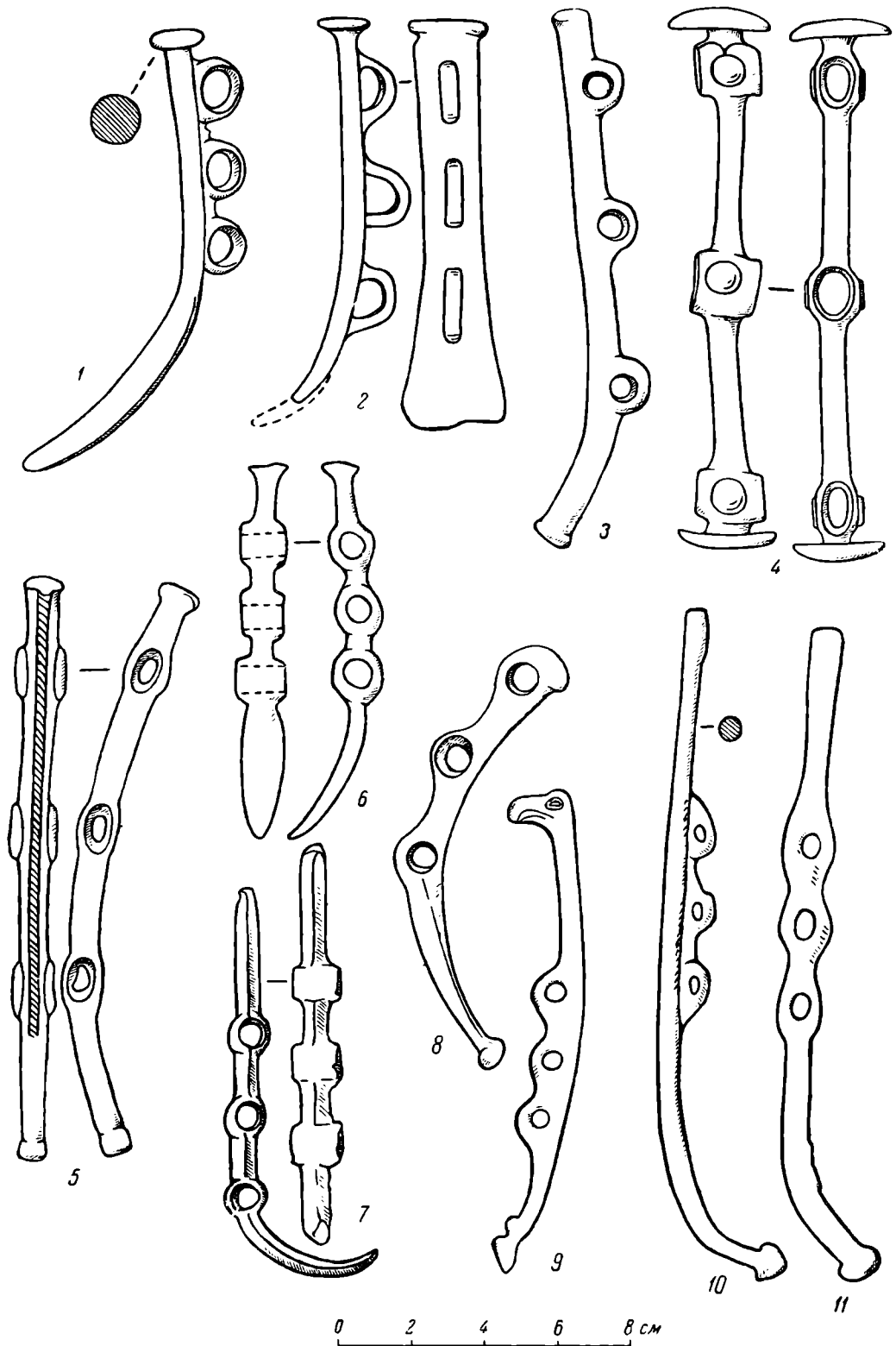

Рис. 3. Типы псалней к бронзовым удилам:

1 — ст. Чернышевская, Новочеркасский музей; 2 — ст. Ханская, Майкопский музей; 3 — Ростов-на-Дону, Ростовский музей; 4 и 5 — Кисловодск, Эрмитаж; 6, 10 и 11 — б. Каневский уезд, Исторический музей в Киеве; 7 — Старая Толучева, Воронежский музей; 8 — Нижнекурморская, Новочеркасский музей; 9 — б. Роменский уезд, Исторический музей в Киеве. — 1—9 — бронза: тип I — 1, тип I-A — 2, тип II — 3, тип III — 4—7, тип IV — 8, тип V — 9; железные псални — 10 и 11.

составляет только одна пара кованых удил, разбираемая в конце последующего обзора.

Что касается псалиев, то они при всех типах бронзовых удил имеют одну общую черту: наличие трех петель или трех сквозных отверстий, что четко отграничивает рассматриваемую нами группу от позднейших бронзовых и железных псалиев с двумя отверстиями и вместе с тем связывает их в одну группу с железными и костяными псалиями трехдырчатых и трехпетельчатых типов.

Нами ниже рассматриваются только бронзовые псалии ранней группы. Среди них могут быть выделены различные типы (рис. 3). Из них I тип, к которому следует отнести экземпляры Новочеркасской находки, характеризуется круглым стержнем, обычно со шляпкой на одном конце и с изогнутой расширенной плоской лопастью или острием на другом; на прямом участке стержня помещены три литые петли. Вариантом этого типа является тип I-A, характеризующийся заменой округлого стержня более или менее широкой пластиной. II тип представлен трехпетельчатыми же, но по всей длине стержневидными псалиями; один конец их обычно изогнут. К третьему типу мы относим стержневидные псалии, прямые или изогнутые, у которых петли заменены сквозными отверстиями, образующими выступающую с обеих сторон трубку. Концы этих очень разнообразных псалиев часто снабжены шляпками. IV тип псалиев отличается от предыдущего отсутствием трубок, замененных здесь простыми отверстиями в стержне, причем в некоторых случаях трудно сказать, имеем ли мы дело собственно с отверстиями в стержне («трехдырчатые псалии»), или с сильно сокращенными петлями псалиев II типа. И этот тип, как и III тип, представляет собой группу весьма разнообразных форм, из которых можно выделить в качестве V типа бронзовые псалии с тремя отверстиями, украшенные головками животных или птиц.

Кроме этих бронзовых псалиев с некоторыми бронзовыми удилами, встречаются железные псалии с тремя петлями или отверстиями, а также роговые и костяные псалии с тремя сквозными отверстиями, часто украшенные зооморфными деталями.

Значительный интерес представляет сочетание определенных типов удил и псалиев в отдельных уздечных наборах. К сожалению, количество вполне достоверных комплексных находок не так велико, чтобы можно было судить о взаимных комбинациях всех основных типов. Однако в общих чертах, отвлекаясь от исключений, можно сказать, что первый тип удил обычно встречается с псалиями I типа, второй тип удил — с псалиями типов I-A и II, а третий тип удил — с бронзовыми псалиями IV (и V) типа, а также с псалиями железными и костяными. В ряде случаев с удилами третьего типа мы встречаем псалии III типа, сочетающиеся также и с удилами второго типа.

Нам прежде всего необходимо дать обзор фактического материала, которым мы сейчас располагаем для классификации и хронологической оценки этих различных типов. При этом, однако, нужно иметь в виду, что излагаемый ниже материал никогда не подвергался специальному рассмотрению, вследствие чего мы, несомненно, не сможем дать исчерпывающего его учета. Вероятно, что рассеянные во многих музеях находки частично остались нам неизвестными, частично же известны по настолько неполным данным, что судить о их типе не представляется возможным.

В отношении классификации псалиев интересующего нас периода за последнее время проделана довольно значительная работа, главным образом на основе средневропейского материала. Сюда относятся работы

И. Нестора¹, С. Галлуса и Т. Хорвата², Х. Потратца³ и, наконец, Я. Харматта⁴. Последняя работа, дающая наиболее обстоятельную классификацию, стала мне известна лишь после написания настоящей статьи.

Не имея возможности в данной связи подробно останавливаться на этих работах, в целом представляющих значительный интерес и для проблем, связанных с историей и археологией нашего юга, мы сейчас должны ограничиться лишь несколькими замечаниями по их поводу в части, касающейся уздечного набора.

Прежде всего обращает на себя внимание утрата интереса к самим удилам. Если Нестор в своей работе рассматривает удила и псалии на равных основаниях, указывая лишь на большую изменчивость последних, то в работе Галлуса рассмотрение удил оказывается совершенно поверхностным доведением к основному разбору псалиев. Харматта, наконец, вообще об удилах не говорит. Тем самым искусственно разрывается единый по своему назначению предмет — конская узда, без учета изменений которой в целом не могут быть правильно поняты и изменения отдельных ее частей.

Во-вторых, необходимо признать, что классификации псалиев в этих работах явно исходят из анализа средневропейского материала и поэтому не могут быть приняты без изменений для других территорий. Во многом эти классификации расходятся с предложенной нами; в особенности Я. Харматта дает более детализованный разбор тех форм, которые хорошо представлены в Венгрии, а у нас объединены главным образом в нашем III типе. В ряде случаев можно оспаривать отнесение тех или иных находок к устанавливаемым этими авторами типам.

Поскольку нашей задачей сейчас является не детальное изучение венгерского материала, а попытка дать самостоятельный разбор северокавказских и связанных с ними находок, мы можем ограничиться только сопоставлением имеющихся классификаций псалиев (табл. 1).

Не указанные в таблице типы Харматта и Потратца относятся к не рассматриваемым нами находкам в Средней Европе и Передней Азии.

Несмотря на известное неудобство, связанное с применением новой нумерации типов, мне представляется, что для нашей территории и для нашего материала предлагаемая нами схема более соответствует исторической последовательности появления этих типов, чем типология Харматта.

Исторические выводы, сделанные в работах Галлуса — Хорвата и Харматта на основе изучения псалиев, сейчас не могут служить предметом нашего рассмотрения.

Прежде чем переходить к изложению конкретного материала, нам необходимо сделать оговорку относительно использованных в дальнейшем определений металла. Так как анализа металла интересующих нас изделий не производилось, мы пользуемся в основном определениями «медь» или «бронза», данными в наших источниках, лишь в немногих случаях изменяя их на основании визуального определения. В этом направлении еще нужна тщательная проверка и большая аналитическая работа.

¹ J. Nestor. Zu den Pferdegeschirrbronzen aus Stillfried a. d. March. «Wiener Prähistorische Zeitschr.», XXI, Wien, 1934, стр. 103—130.

² S. Gallus et T. Horváth. Un peuple cavalier préscythique en Hongrie. Dissertationes Pannonicae, ser. II, № 9, Budapest, 1939, 168 стр. и 89 табл. Первому автору принадлежат классификация и публикация венгерского материала, второму — его сопоставление с соседними областями, главным образом с Восточной Европой.

³ H. Potratz. Рецензия на книгу Галлуса и Хорвата. PZ, 30/31, Berlin, 1939/1940, стр. 463—467.

⁴ J. Harmatta. Le problème cimmérien. «Archaeologiai Értesítő», ser. III, т. VIII/IX, Budapest, 1948, стр. 79—132.

Таблица 1

Соответствие типов бронзовых псалиев по разным авторам

В настоящей работе	Харматта 1948 г.	Потратц 1940 г.	Галлус 1939 г.	Нестор 1934 г.
I. Трехпетельчатые лопастные или заостренные	} IV	IV	—	—
I-A. То же, пластинчатые				
II. То же, стержневидные изогнутые	III	—	—	—
III. Трехрубчатые				
а) прямые и изогнутые со шляпками	I	} I	} I, II, III	} I
б) без шляпок	IX			
в) переогнутые по середине со шляпками	II			
IV. Трехдырчатые	—	—	—	—
V. Зооморфные	—	—	—	—
Псалии цельнолитые, со звеном удил (типа Константиново)	VI	—	—	—

Несколько слов нужно сказать относительно термина «псалий». Термин этот, давно привившийся в русской археологической литературе, но совершенно непонятный для не-археолога, следовало бы заменить другим, более бесспорным.

Дело в том, что введший это слово в нашу литературу академик Стефани¹ сам указывал, что греческий термин ψάλλιον соответствует предлагаемому его употреблению, «если только под этим названием действительно разумелись те части конских удил, которые снаружи, с обеих сторон, заканчивали часть, клявшуюся в рот лошади»².

В последующее время были высказаны сомнения в правильности понимания этого термина: так Перниче считал, что греки псалием называли узду в целом, а боковую часть именовали λύκος («волк») ³. В нашей литературе, наряду с термином «псалий», употребляются обозначения: мундштуки, трезеля, баранчики, костыльки, усики, нащечники.

Технически назначение псалиев в интересующих нас уздах было двояким: они препятствовали значительному боковому смещению удил в рту лошади и вместе с тем служили для крепления удил к ремненным частям оголовья. Поэтому совершенно неправильно именование их мундштуками или мундштучными частями, как это, например, делала П. С. Уварова⁴; сходство псалиев со щечками современного мундштука, служащими для рычажного действия поводом, чисто внешнее. Также неверно наименование псалиев трезелями, так как современные трезельные удила часто не имеют боковых частей, а при наличии боковых стержней, препятствующих протягиванию удил, последние у нас именуется усиками. Усиками называются и стерженьки на цепочке, служащие для крепления удил в кольцах оголовья. Таким образом, по соответствию с современной терминологией наиболее правильным будет именовать псалии усиками.

¹ ОАК, 1865, стр. 186.

² ОАК, 1876, стр. 123.

³ E. Pernice. Griechisches Pferdegeschirr, LVI. Winkelmann-Programm, Berlin, 1896, стр. 34, прим. 30.

⁴ МАК, VIII, стр. 30—34.

Названия «костыльки» в современной терминологии конской узды я не знаю, тогда как термин «баранчики», очевидно, ведет свое начало от находчиков костяных псалиев, украшенных головками «барана» или коня и часто встречающихся в курганах скифского времени на Украине. Термин «нащечники» совершенно не соответствует действительности, так как устики, или псалии, вовсе не ложатся на щеку коня.

III

Первый тип удила известен сейчас в довольно большом числе экземпляров (не менее 50). Судя по имеющимся данным, это был стойкий, выработанный тип, относительно мало варьировавшийся.

Удила этого типа, как уже упоминалось, имеют на наружных концах по два кольца, причем обычно крайнее значительно больше второго. Прямые стержни звеньев удила имеют или гладкую поверхность, или же снабжены литыми насечками, небольшими шипами, или, наконец, воспроизведением обмотки. Все эти неровности должны были увеличивать строгость удила.

Для того чтобы наружные кольца удила с обеих сторон рта лошади могли лежать в одной плоскости, звенья удила отливаются неодинаковыми; одно из них имеет как внутреннее, так и внешние кольца в одной плоскости, тогда как у второго звена плоскость внешних колец поставлена под прямым углом к внутреннему кольцу, в свою очередь подвижно соединенному с внутренним кольцом первого звена и образующему с ним угол, колеблющийся около прямого. Наружные кольца иногда подвижно соединены с отлитыми совместно с удилами дополнительными звеньями, имеющими вид кольца со стержневидным отростком, согнутым под прямым углом и снабженным на конце ординарной или двойной шляпкой. К этому дополнительному звену, под его шляпкой, или же непосредственно к внешнему кольцу удила крепился повод. Устройство повода, вероятно, было таким же, как и в Пазырыкских курганах, где ременный повод пропускался через кольцо удила и затем протягивался через прорезь в своем пропущенном конце; оба повода соединялись петлей, завязанной на конце одного из них и подвижно накинута на второй¹. Второе, меньшее, кольцо на концах удила оставалось свободным для соединения удила с оголовьем.

Для этого соединения использовались бронзовые литые псалии, также имеющие довольно стойкие формы. Типичными являются псалии Новочеркасского клада. Изогнутый стержень на выпуклой стороне в прямой своей части снабжен тремя петлями. Прямой конец псалия имеет шляпку, а изогнутый оканчивается более или менее широкой лопастью или же, в более редких случаях, острием. Конструкция узды здесь могла быть только одной: оголовье на щеках лошади (по современной терминологии — щечный ремень) имеет три ременных отростка; крайние служат для удержания на оголовье псалия, пропускаются через верхнюю и нижнюю петли последнего и закрепляются узлом; средний отросток ремня проходит через второе с наружного края отверстие удила и затем крепится к средней петле псалия. Таким образом, в узде этого типа удила расположены позади псалиев²; у последних изогнутый конец обращен вперед и, по всей вероятности, вниз; прямых доказательств последнему мы, однако, не имеем. В самом изгибе псалия, вероятно, следует видеть

¹ М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, стр. 54—55, рис. 20.

² Ср. М. П. Грязнов. Памятники Майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 10, рис. 3, 1.

переживание более древней формы псаля из рога или клыка. Отдельные экземпляры подобных псаляев с тремя сквозными отверстиями нам известны и из Верхнекобанского могильника¹.

На отдельных вариантах этих общих элементов описанного типа узды мы остановимся ниже при перечислении известных нам находок. Распределяются они следующим образом:

1. Верхнекобанский могильник. Удила без псаляев из собрания Ольшевского (Государственный Исторический музей). С наружными кольцами удил соединены добавочные звенья для повода, шляпка которых оформлена в виде прорезного колесика (рис. 4, 3)².

2. Оттуда же в Историческом музее имеются пара удил и два псаля, поступившие из собрания А. С. Уварова³. В отличие от всех остальных известных удил этого типа концевые кольца расположены не в одной плоскости, а в двух, под углом в 90° (рис. 4, 1). Благодаря этой особенности, наружное кольцо удил располагалось в одной плоскости с натянутым поводом, а не под углом к ней, как это было неизбежно при обычном расположении этих колец⁴.

3. Оттуда же, удила I типа без дополнительных звеньев и псаляев. Найдены при раскопках Шантра в 1881 г. в могиле № 12 (Сен-Жерменский музей)⁵.

4. Оттуда же в Сен-Жерменском музее имеется пара удил собрания Шантра с дополнительными звеньями для поводьев⁶. Вторые кольца наружных концов в этом экземпляре сокращены до минимального отверстия. Таким образом, в данном экземпляре мы видим переход к удилам II типа. Псаляев нет (см. рис. 12, 2).

5. Из Баксанского ущелья в Эрмитаже хранится пара удил с двумя изогнутыми по всей длине трехпестельчатыми псалями, оканчивающимися остриями, а не лопастями. Эта пара псаляев наиболее близка по своей форме к очертаниям кабаньего клыка. Происходит этот набор из собрания Ольшевского (рис. 4, 2)⁷.

6. Пара удил I типа с одним дополнительным звеном для повода, но без псаляев, находилась на выставке XII Археологического съезда в Харькове в 1902 г. в коллекции В. Р. Апухтина, собиравшейся в районе Пятигорска и Кабарды⁸.

7. На Баксане, у сел. Заюкова в 1949 г. найдена пара таких же удил, также с одним звеном для повода, в погребении № 2, раскопанном К. Э. Гриневичем. Погребение дало хороший комплекс находок, в том числе бронзовый топор кобанского типа, поступивший в музей в Нальчике⁹.

¹ E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. II, Paris — Lyon, 1886, табл. XX bis, рис. 10; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. XXXIX, 2 и LXIV, 1.

² П. С. Уварова. Ук. соч., табл. XXXVII, 1.

³ Там же, стр. 31, рис. 35.

⁴ См. М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 9.

⁵ E. Chantre. Ук. соч., т. II, стр. 27, рис. 3; на стр. 28, однако, дана ссылка на табл. XXX bis, № 5, т. е. на изображение удил II типа. Так как П. С. Уварова (МАК, VIII, стр. 30—33) указывает на наличие в Сен-Жерменском музее четырех пар удил из Кобанского могильника, что подтверждает и сам Шантр (Rapport sur une mission..., Archives des missions scientifiques, ser. 3, t. X, Paris, 1883, стр. 208—209), то, очевидно, удила из могилы 12 остались неизданными; на упомянутой таблице имеются изображения трех пар удил, из которых ни одна не соответствует показанным на рис. 3.

⁶ E. Chantre. Ук. соч., табл. XXX bis, № 2.

⁷ S. Gallus et T. Horváth. Ук. соч., табл. LXXVIII (мелкое изображение среди других вещей).

⁸ Фотографии выставки, планшет 105.

⁹ МИА, № 23, 1951, стр. 136, рис. 14.

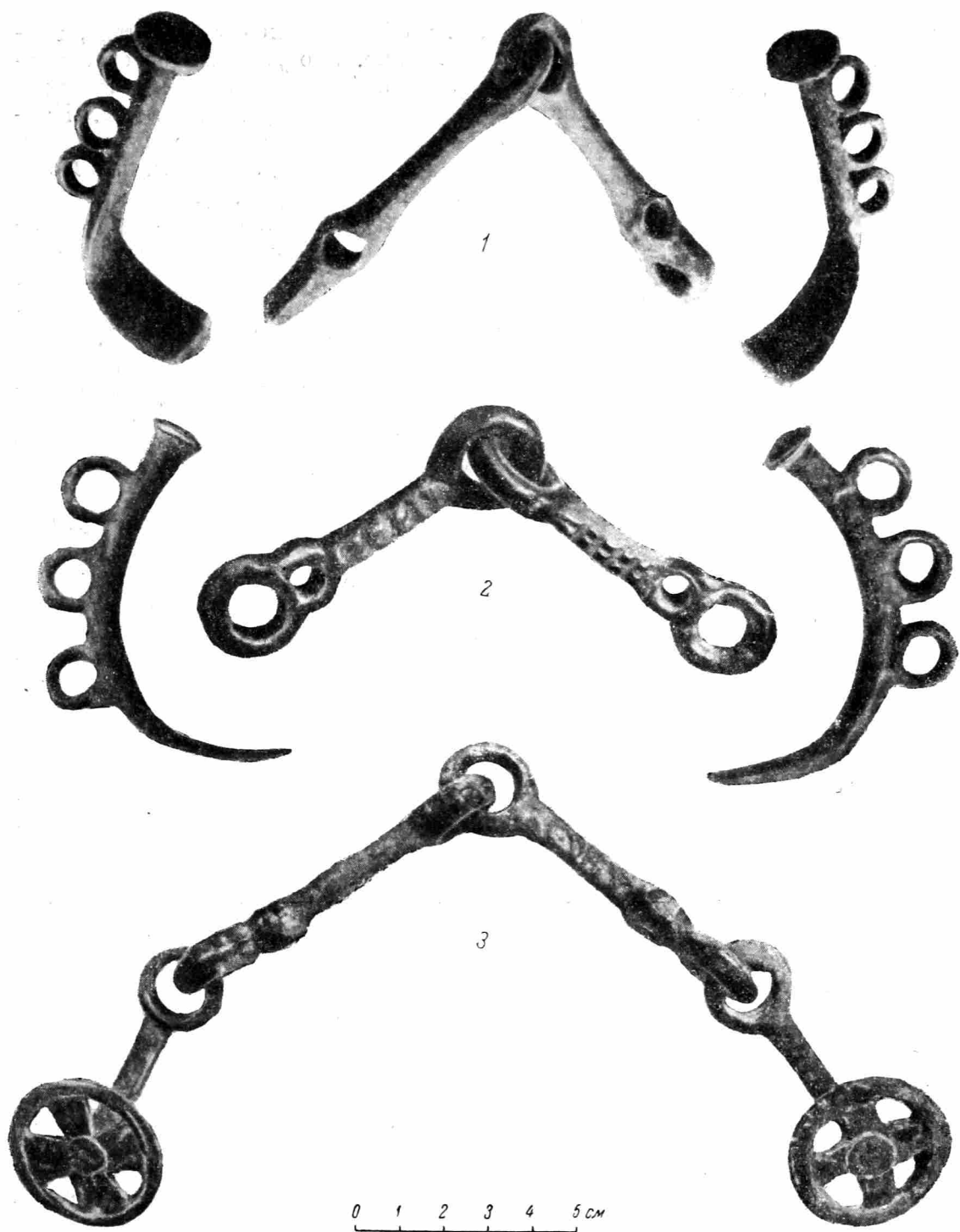

Рис. 4. Удила I типа:

1 и 3 — Кобанский могильник, Исторический музей в Москве; 2 — Баксанское ущелье, Эрмитаж.

8. Одно звено таких же удил вместе с одним псалием особой формы найдено в 1948 г. в каменном ящике № 2 у сел. Каменноостского на Малке экспедицией Е. И. Крупнова¹. Псалий — стержневидный с тремя

¹ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. «Ученые записки Кабард. научно-исслед. ин-та», V, Нальчик, 1950.

сквозными отверстиями-трубками, т. е. в общем подходит к III типу псалиев, о котором нам придется говорить ниже. Его уникальной особенностью, однако, является раздвоение одного (нижнего?) конца стержня надвое. На боковой поверхности трубок имеются круглые налесты. Комплекс находок из этого погребения весьма характерен; он поступил в Исторический музей (рис. 5). Единственная аналогия трубчатого псалия с раздвоенным концом известна мне лишь из Чехословакии по литературной ссылке¹

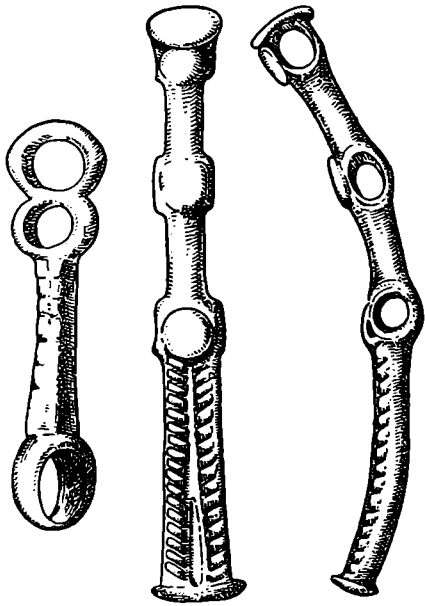

Рис. 5. Псалий и удила из Каменомостского могильника. Исторический музей в Москве.

9. В Пятигорском музее с 1934 г. хранится коллекция из Эссентуков, в состав которой входят четыре пары удил I типа, все со звеньями для поводьев, 8 типичных трехпестельчатых псалиев с изогнутой лопастью и, кроме того, 5 больших прорезных пуговиц или блях (одна пуговица меньшего размера), два больших массивных литых кольца и два кольца меньшего размера (по величине соответствующие браслету; одно из этих колец не поступило в музей и осталось у находчика); наконец, имеется одна фигурная бляшка с полукруглым вырезом (рис. 6 и 6а). Вещи эти найдены были в насыпи кургана во дворе Г. В. Горепеккина в 1916 г. при земляных работах; лежали они одной кучкой, без каких-либо следов костей.

Несомненно, что все эти предметы являлись частями конского убора. Металл этой находки определен в Пятигорске как бронза.

9а. Интересный комплекс с парой удил I типа (с дополнительными привесками) и несколькими псалиями (3 или 5) I типа найден в 1950 г. на Лермонтовском разъезде и поступил в Пятигорский музей. Комплекс еще не издан.

9б. Другой комплекс найден весной 1951 г. на северо-восточном склоне Бештау и также поступил в Пятигорский музей. В его составе одни удила I типа с дополнительными звеньями и, возможно, 2 псалия I типа (если они не относятся к предыдущей находке). Кроме того, в его составе 4 бронзовых втульчатых наконечника стрел с листом овально-ромбических очертаний, а также ряд других предметов. Комплекс этот также еще не издан.

Ряд подобных же удил найден в бассейне Кубани.

10. Из хищнических раскопок в юрте станицы Махосhevской, производившихся около 1895 г., происходят поступившие в Эрмитаж пара удил без дополнительных привесок и 7 экземпляров псалиев, того же типа, что и предыдущие (рис. 7, 1)². Вместе с ними поступили три медных

стр. 251—252, рис. 49—50; е го же. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИМК, XXXII, 1950, стр. 97, рис. 26, 21 и 22.

¹ Пражский музей, из Стодулки; упомянут у S. Gallus et T. Horváth (ук. соч., стр. 30).

² Инв. Ку 1895, 2/5—6. Архив ИИМК, ф. 1, дело 1895 г., № 109, л. 86, 109 и 134. Два псалия изданы у S. Gallus et T. Horváth (ук. соч., табл. LXXIII, 4—5).

Рис. 6. Находка из Эссентуков. Пятигорский музей.

раннескифских прорезных навершия — два втульчатых с фигурками оленя и третье, без изображения, на железном стержне¹. Вещи эти поступили от атамана Майкопского отдела в 1895 г. в Кубанский статистический комитет с указанием на находку в ст. Махашевской; в дальнейшем

¹ А. А. Бобринской. Курганы и случайные археол. находки близ м. Смелы, III. СПб., 1901, стр. 66, рис. 20 а — б.

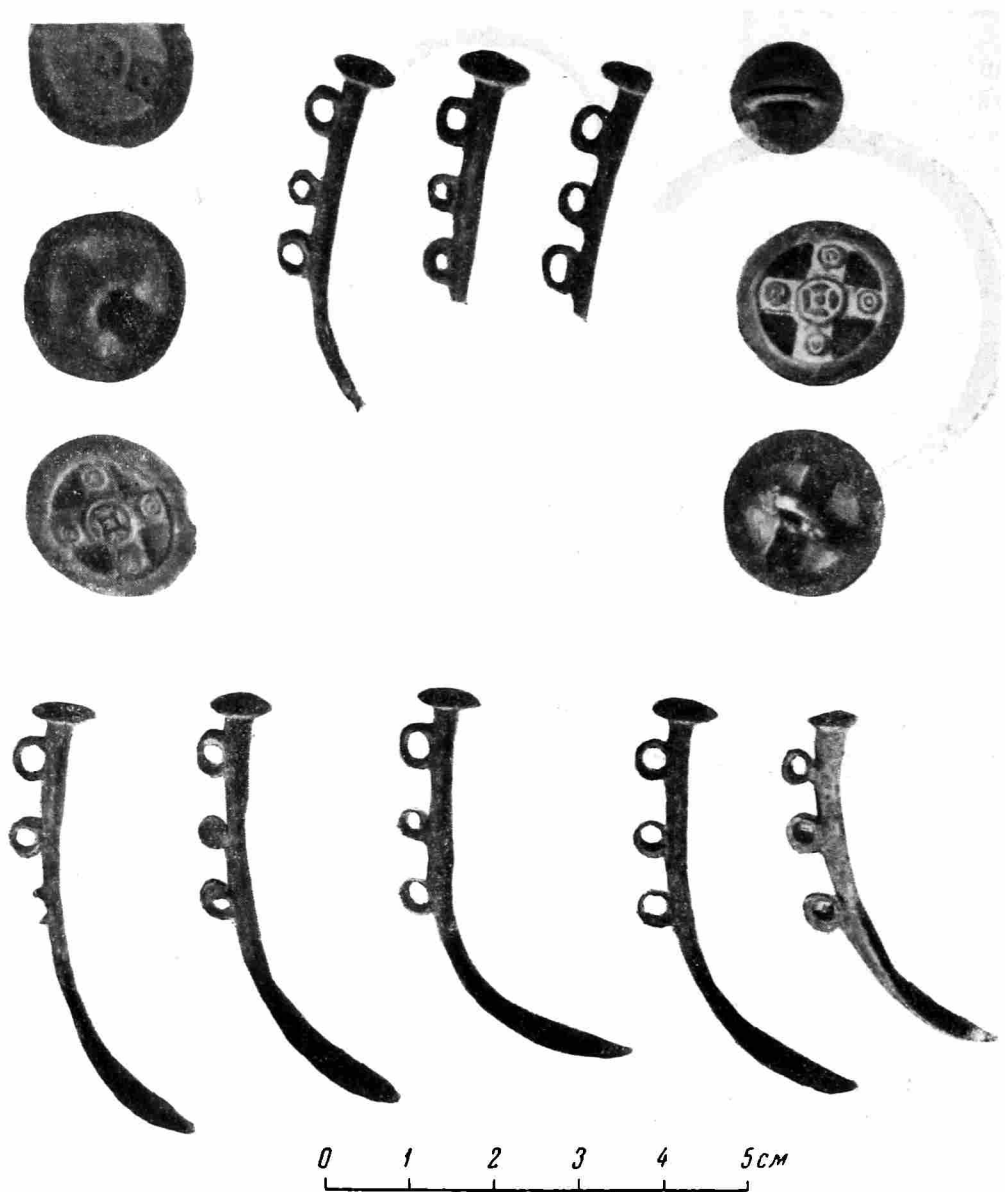

Рис 6а. Находка из Эссентуков. Пятигорский музей.

они переданы в Археологическую комиссию и в Эрмитаж: при последней передаче указано, что они найдены «в кургане близ ст. Царской» (ныне Новосвободной). К сожалению, совместное нахождение наконечников с принадлежностями узды доказать нельзя, хотя по своим особенностям эти наконечники, несомненно, относятся к наиболее ранним из известных нам «скифских» наконечников.

11. Среди вещей из Майкопского округа, купленных в 1906 г. у торговца древностями Запорожского и поступивших в Эрмитаж, имеются обломок удила I типа и два обломка непарных стержневидных трехпальчатых псалнев, соответствующих псалням в полных уздечных наборах этого типа ¹.

12. Из «Майкопа» происходит хорошо сохранившийся комплекс из удила и двух псалнев, купленный в 1904 г. у К. Г. Козлова и переданный

¹ Изв. Ку 1906 2, 10, 24 и 26. Архив ИИМК, ф. I, дело 1906 г. № 98.

Археологической комиссией в Исторический музей (рис. 7, 2)¹. Удила не имеют дополнительных звеньев.

13. Среди вещей, поступивших в Исторический музей от Н. Н. Ерамова и происходящих «из могильников станиц Тульской, Даховской, Хамышки и Царской», имеется пара удил в трех обломках (без дополнительных звеньев) и 3 обломка двух псалиев I типа².

14. Из района Майкопа в Берлинском музее имелась пара псалиев I типа и удила не описанного типа (видимо, нашего I или II типа)³.

15. Из района Майкопа в Краснодарском музее имеется пара характерных удил I типа с дополнительными звеньями для крепления повода, а также два непарных типичных для этой группы псалия с изогнутой лопастью.

16. С хутора Кубанского (на левом берегу Кубани, восточнее устья р. Лабы) в Краснодарском музее хранится комплекс вещей из случайно обнаруженного в 1930 г. в обвале грунтового погребения. В составе его пара удил без дополнительных звеньев; 2 больших круглых бляхи-пуговицы; 4 двойных круглых пуговицы, каждая пара на общей петле; 2 больших кольца с привесками для пристегивания ремней, подобными дополнительным звеньям удил, и два браслета. Весь набор чрезвычайно близок к находке в Эссентуках (не издан).

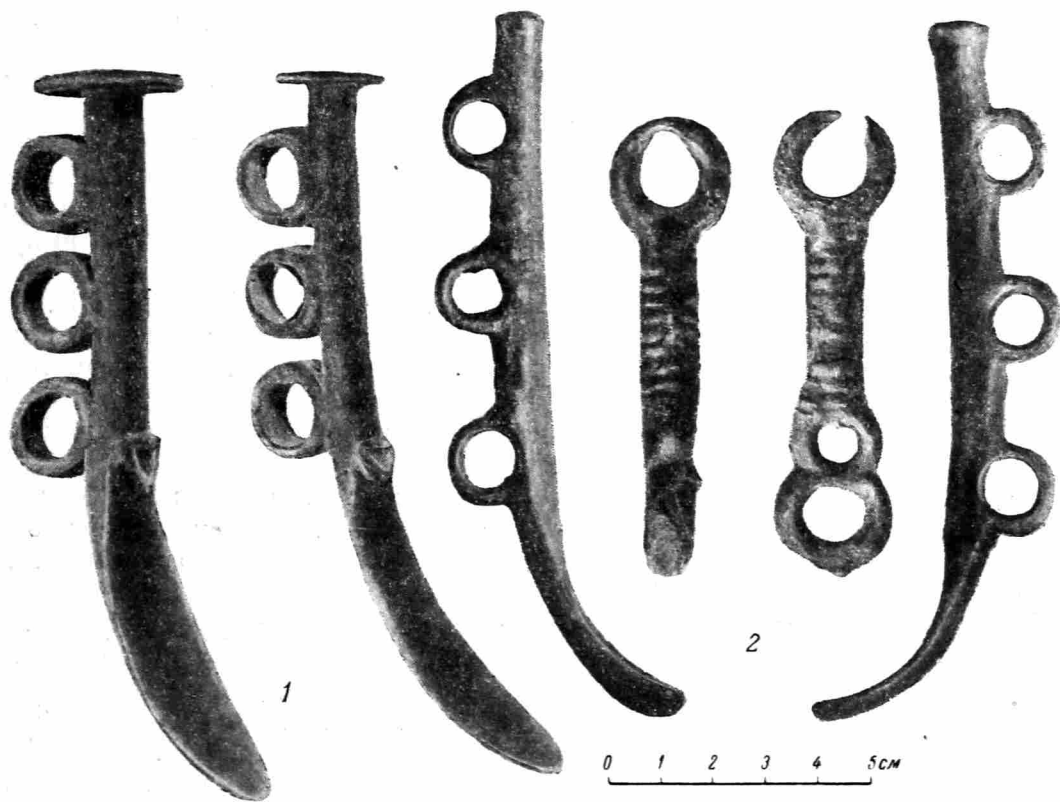

Рис. 7.

1 — псалии из Махосевской станицы, Эрмитаж; 2 — удила и псалии из Майкопа 1904 г., Исторический музей в Москве.

¹ Архив ИИМК, ф. I, дело 1904 г., № 3, л. 143—144.

² Инв. № 48801.

³ Н. А. Potratz. Рецензия на книгу Gallus et Horváth. «Prähist. Zeitschrift», 30/31, 1939—1940, стр. 465.

17. Одни удила этого же типа, без дополнительных звеньев, имеются в Краснодарском музее. Происхождение неизвестно; поступили из бывшего школьного музея.

18. Экземпляр таких же удил и пара псалиев I типа из случайной находки в Геленджике хранятся в музее Грузии (рис. 2, I) ¹.

Кроме перечисленных находок, на Северном Кавказе и в Предкавказье известно несколько находок отдельных псалиев I типа без удил:

19. Из «Балкарии», т. е. скорее всего из ущелий Череков, в музее в Нальчике хранится обломок псалия, найденный будто бы совместно с двумя бронзовыми рукоятками железных кинжалов и одним бронзовым наконечником стрелы.

20. В Ставропольском музее среди случайных находок 1928 г. имеется один псалий I типа.

21. Из с. Кише в б. Черноярском уезде Астраханской губернии (к северо-западу от города Степного) в Исторический музей поступили пара подобных же псалиев и бронзовый крючок к пряжке ².

22. С Краснодарского городища Крас в Краснодарском музее имеется один псалий этого типа.

23. Из Абрау-Дюрсо в Новороссийском музее в 1937 г. хранился также один подобный псалий.

24. Одна пара удил с концевыми привесками хранится в Государственном Эрмитаже. Происходит она из коллекции Новикова, собиравшейся в Керчи.

В Закавказье удила разбираемого типа неизвестны, за исключением лишь двух следующих находок:

1. Сел. Сурмуши в Лечхуме. Типичные удила, без звеньев для поводьев, а также без псалиев, поступили в музей Грузии с частью клада, найденного в 1923 г., будто бы в металлическом сосуде. Из клада происходят два бронзовых топора кобанского типа, одно тесло и одна круглая выпуклая бляха с петлей на внутренней стороне (рис. 8) ³.

2. Ксанское ущелье, Душетский район. В части собрания А. В. Комарова, хранимой сейчас в Историческом музее в Москве, имеется обломок псалия с одной петлей, повидимому, относящийся к экземпляру I типа ⁴.

Значительно больше, чем в Закавказье, интересующих нас находок на севере, в Подонье, Поволжье и на Украине.

1. Новочеркасск. Клад 1939 г. Здесь мы имеем одну полную пару удил с дополнительными звеньями для поводьев, одну пару без этих звеньев и два отдельных звена от двух других удил этого же типа. Ко всем этим удилам в кладе сохранилось только два псалия, повидимому парных; один из них, однако, должен быть отнесен к полуфабрикатам или к производственному браку, так как между петлями остались не удаленные перемычки металла, затекшего между недостаточно плотно пригнанными половинками литейной формы (см. рис. 1, 5).

2. Филипповская станица на Дону, выше Цимлянкой. В 1894 г. в Новочеркасский музей поступила случайная находка из песков на правой стороне Дона — удила I типа отличной сохранности, без дополнительных звеньев (рис. 9, I) ⁵.

¹ Инв. 16—14/2. Архив НИМБ, ф. 1, дело 1911 г., № 52.

² ОАК, 1904, стр. 133, рис. 245.

³ Инв. 14—32/4.

⁴ Поступили в Исторический музей из музея П. И. Щукина.

⁵ Х. И. Попов. Каталог Донского музея (оттиски листов незаконченного печатанием каталога), стр. 45, № 649 и табл. VII, 31.

Рис. 8. [Находки из Сурмуши. Музей Грузии.

3. Оттуда же в 1896 г. поступил отдельно один псалий, резко изогнутый по всей длине, напоминающий клык кабана, но в остальном соответствующий I типу (рис. 9, 4) ¹.

4. Чернышевская станица на р. Чир. В 1887 г. в Новочеркасский музей поступили бронзовые удила прекрасной сохранности с дополнительными звеньями для поводьев (здесь они оканчиваются подобием катушки между двумя дисками) и два псалия обычного I типа (рис. 10) ². находка сделана кладоискателями в кургане возле хутора Обрывского. Вместе с удилами и псалиями найдено было еще 64 медных или бронзовых наконечника стрел, в основном двуперых, с длинными втулками; длина их колеблется от 3,6 до 5,2 см. Только три наконечника из 64 относились к другим типам; два из них — малые двуперые, в том числе один с шипом, а третий — трехгранный с втулкой ³.

¹ Там же, стр. 45, № 650 и табл. VII, 33.

² Там же, стр. 46, № 651—653а и табл. VII, 30, 32 и 34.— Тр. VIII АС, т. IV, М, 1897, табл. 83, № 15—16 и стр. 239.

³ Х. И. Попов. Каталог, стр. 45, № 645—646 и табл. VII, 26 и 29; стр. 70—71, № 971—1032. На табл. 83, помещенной в т. IV Тр. VIII АС под № 17, дано 14 изображ-

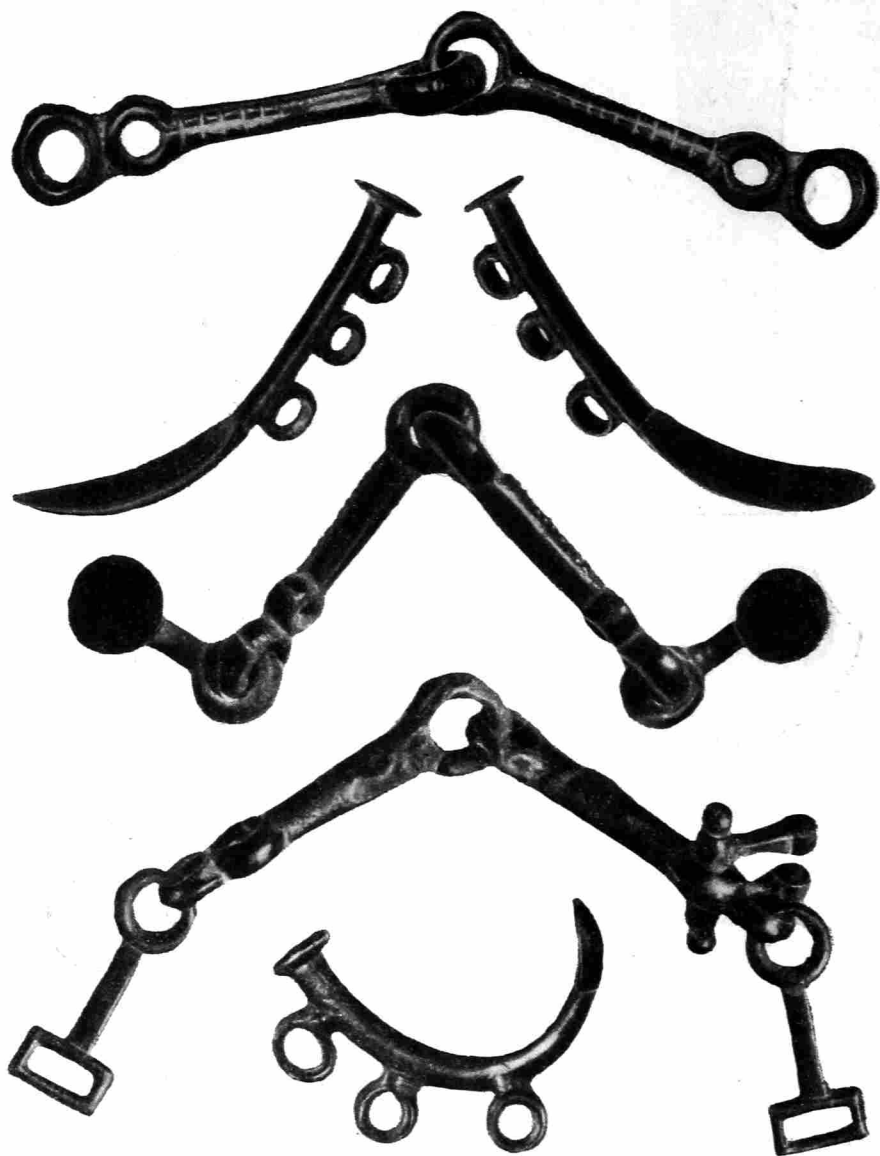

Рис. 9.

1 и 4 — из Филипповской станицы, Новочеркасский музей; 2 — покупка из Киева, Эрмитаж; 3 — покупка в б. Киевской губернии, Исторический музей в Киеве.

5. Ездоцкая слобода, Коротоякского района Воронежской области. В Воронежском музее хранятся с 1926 г найденные на пашне бронзовые удила I типа со звеньями для поводьев: псалиев не найдено.

6. Благодаровка, б. Бузулукского уезда Самарской губернии. В Историческом музее хранится пара бронзовых удили с двукольчатыми концами из случайных находок¹. Дополнительные звенья удила не имеют.

ний различных наконечников стрел, из которых к описанию, данному в «Каталоге», подходят лишь 4 — два средних из четырех в левом верхнем ряду, а также два средних в правом верхнем ряду.

¹ Инв. № 23500. Архив ИИМК, ф. 1, дело 1889 г., № 65; ОАР, 1889, стр. 92.

Рис. 10. Находки с хутора Обрывского Чернышевской станицы. Новочеркасский музей.

7. Точно такие же медные удила из деревни Чирки, б. Тетюшского уезда Казанской губернии хранятся в Казанском музее (б. собрание геологического кабинета университета) ¹.

Дальше на север и северо-восток находок удила этого типа пока не было.

Нам остается рассмотреть подобные же находки, зарегистрированные на Украине. Здесь они известны из района Днепропетровска и с территории Киевщины. Сейчас я могу привести следующие:

1. «Близ Екатеринослава» найдены удила и два псаля, до деталей совпадающие по форме с комплектом из Чернышевской станицы. Бывшее собрание А. Н. Поля, Днепропетровский музей ².

2. В тот же музей поступила пара удила этого типа (без привесок) от И. Ф. Жевахова ³

¹ А. А. Штукенберг. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России. ИОАНЭ, XVII, 1901, стр. 201 и табл. I, 2.

² К. Мельник. Каталог коллекции древностей А. Н. Поля, I. Киев, 1893, стр. 102, № 345.

³ Каталог Екатеринославского музея, 1910, стр. 41, № 846: под этим номером — три пары удила, остальные две пары относятся к другим типам.

3. В том же музее имелся еще один псалий I типа (№ 4/1927).

4. Село Мошны, б. Черкасского уезда Киевской губернии. В Историческом музее в Москве хранятся удила I типа, поступившие в составе приобретенного В. В. Хвойкой в 1894 г. курганного материала¹.

5. Село Рыжановка, б. Звенигородского уезда. В Историческом музее хранится пара бронзовых удил I типа без дополнительных звеньев и псалиев. Найдены Д. Я. Самоквасовым в 1890 г. при раскопке кургана в погребении на материке вместе с шестью глиняными сосудами и двумя бронзовыми перекрестиями для ремней².

6. Село Константиново, б. Черкасского уезда. А. А. Бобринской в 1901 г. в могиле кургана № 375 вместе с другим погребальным инвентарем нашел пару удил I типа с подвешенными дополнительными звеньями: относящиеся к ним псалии отличаются от обычной формы массивным стержнем и отсутствием на загнутом конце лопасти (рис. 11)³. Весь комплекс из этого кургана хранится в Киевском музее.

7. Бывш. Киевская губерния. В Киевском музее имеется пара удил из случайных находок; покупка А. А. Бобринского в 1907 г. Удила имеют дополнительные звенья для поводьев, наружные концы которых, в отличие от всех прочих экземпляров, оформлены в виде прямоугольной рамки для пропуска повода. Через второе кольцо одного из колен удил свободно пропущен бронзовый же стерженек с двумя отростками по обе стороны удил. Повидимому, эта деталь отлита вместе с удилами. Назначение ее без осмотра предмета в натуре остается неясным (рис. 9, 3)⁴.

8. С. Залевки (Зелевки), б. Черкасского уезда. В том же музее хранятся удила обычного типа с дополнительными звеньями для поводьев и один псалий, приобретенные А. А. Бобринским в 1910 г.⁵

9. Бывш. Каневский уезд, р. Россава. Из кургана № 11, раскопанного Е. А. Зноско-Боровским, в Киевском музее имеются удила того же типа, без дополнительных звеньев⁶.

10. Яблоновка, б. Каневского уезда. В том же музее сломанная на двое пара удил с дополнительными звеньями обычного типа.

11. «Каневский уезд». В б. собрании Ханенко, теперь в Киевском музее, удила I типа без звеньев для повода. Повидимому, происходят из раскопок Н. Я. Тарновского⁷.

12. В Киевском музее хранятся неполные удила без дополнительных звеньев; одного конца нет. Происхождение неизвестно; дар О. И. Темницкого⁸.

13. Упомянутое выше с. Зелевки близ Смелы, на Тясмине. В 1946 г. экспедицией П. Н. Третьякова при раскопках на городище найден небольшой клад мелких бронзовых вещей, лежавших в бронзовой чаше, в свою

¹ Инв. № 32843. Архив ИИМК, ф. 1, дело 1894 г., № 122.— В ОАК, 1894, стр. 36 ошибочно указано, что удила железные.

² Инв. № 26513 и сл. Номер кургана в разных источниках дан различно: Архив ИИМК, ф. 1, дело 1890 г., № 65, л. 22 — курган IX; ОАК, 1890, стр. 58 — курган № 3; Д. Я. Самоквасов. Могила Русской земли. М., 1908, стр. 12—13 — курган II.

³ А. А. Бобринской. Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах... в 1901 г. ИАК, в. 4, стр. 30—31, рис. 1—2; ОАК, 1901, стр. 99, рис. 173—174.

⁴ А. А. Бобринской. Исследования в Чигиринском уезде... в 1907 г. ИАК, в. 35, стр. 60, рис. 14.

⁵ Инв. № 15625, 15627.

⁶ А. А. Бобринской. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы, т. III. СПб., 1901, стр. 102.

⁷ Древности Поднепровья. Собрание Ханенко, в. II. Киев. 1899, табл. XIV, № 278.

⁸ Инв. № 21483.

Рис. 11. С. Константиново, 6 Киевской губернии.
Находки из кургана № 375. Исторический музей в Киеве.

очередь помещавшейся в разбитом крупном глиняном сосуде. Среди бронз наиболее крупным предметом, после самой чаши, были удила I типа без дополнительных звеньев¹. находка поступила в Киев.

14. Бывш. Черкасский уезд, с Головатин. В Эрмитаже такие же удила, с одним сломанным средним кольцом, из случайных приобретений А. А. Бобринского в 1913 г.²

15. Село Зеленки, б. Каневского уезда. В Эрмитаже имеется одно звено таких же удил, купленное Н. Е. Бранденбургом в 1895 г.³

16. В Эрмитаж же поступил полный комплект из удил с дополнительными звеньями и двух псалиев, приобретенный в 1909 г. б. Археологической комиссией у гр. Скворцова, доставившего находки из Киева (рис. 9, 2)⁴.

17. Киевский музей. Из собрания Ханенко имеется пара псалиев I типа⁵.

18. Деревня Хмельная, б. Черкасского уезда. В том же музее обломок такого же псалия из собрания Терещенко⁶.

19. В 1951 г. на городище Тарасова гора найдены одни удила I типа⁷.

20. Такие же удила хранятся в Кировоградском музее⁸.

В более западных областях Украины нет ни одной находки рассмотренного нами типа.

В областях Средней Европы совершенно неизвестны удила с двукольчатыми концами; таким образом, центром их распространения совершенно явно оказывается Северный Кавказ. Что касается псалиев, то вполне соответствующих нашему I типу на Западе я также указать не могу; область их распространения совпадает, следовательно, в общих чертах с областью распространения удил I типа. Более отдаленные аналогии к этим псалиям из Венгрии будут упомянуты ниже, в связи с удилами II типа.

Приведенный выше перечень показывает, что Новочеркасский клад становится в целый ряд комплексных находок, содержавших части уздечного набора I типа. Таких комплексов было бы больше, если бы мы знали, в каких погребениях и в каких сочетаниях были сделаны находки удил в Верхнекобанском могильнике; сейчас мы их вынуждены рассматривать как единичные предметы. Все же для дальнейшего анализа возможно использовать не менее 9 достоверных комплексов и несколько сомнительных. Однако прежде чем обращаться к вопросам хронологии, нам следует рассмотреть остальные типы древних удил и псалиев из бронзы, бытовавших на Северном Кавказе и на Украине.

IV

Второй тип удил отличается от первого, как уже упоминалось, сокращением числа колец на наружных концах каждого звена с двух до одного. Так как во всех случаях, когда при таких удилах находили псалии, они имели по три петли или отверстия, приходится считать, что при

¹ П. Третьяков. Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні річок Росі і Тясмину. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. I. Киев, 1949, стр. 230 и рис. 7, 14, на стр. 233.

² ИАК, в. 60, стр. 4, № 33.

³ Инв. Дн. 1932, 80/1.

⁴ ОАК, 1909—1910, стр. 210; Архив ИИМК, ф. 1, дело 1909 г., № 5.

⁵ Инв. № 24407.

⁶ Инв. № 10905.

⁷ М. И. Вязьмитина. Краткие сообщения Института археологии, I, Киев, 1952, стр. 60, рис. I.

⁸ Сообщение Е. Ф. Покровской.

Рис. 12. Находки из Кобанского могильника. Сен-Жерменский музей (по Шантру. *Recherches anthropologiques dans le Caucase*, т. II, табл. XXX bis).

данном типе конструкция узды в целом осталась без изменения: удила, вероятно, располагались позади псалиев, причем они наружными кольцами свободно надевались на средний отросток щечного ремня, закреплявшийся затем в средней петле псалия; к тем же наружным кольцам удил крепился и повод. Прямые стержни удил в известных мне случаях всегда имеют литую имитацию обмотки.

Удила II типа до сих пор найдены только на территории Северного Кавказа. С Украины подобные удила мне пока не известны, но в более западных областях Европы сходные формы вновь встречаются. Это обстоятельство еще не говорит ничего о происхождении этих удил, так как двучлен-

ные удила с однокольчатыми концами являются наиболее простой формой, возникновение которой было возможно независимо во многих районах.

В отношении их сочетания с псалиями мы также пока не располагаем достаточным материалом. Во всяком случае, псалии здесь имеются, по-видимому, трех типов. Из псалиев I типа встречается лишь особая разновидность, у которой стержневая часть заменена пластиной; на последней помещены три петли, тогда как изогнутая лопасть значительно меньше, чем у рассмотренных выше образцов. Эту разновидность можно именовать типом I-A. Ко II типу относятся стержневидные трехпетельчатые псалии с одним изогнутым концом. К III типу следует относить стержневидные псалии с тремя сквозными поперечными отверстиями, образующими более или менее отчетливо выступающие по сторонам псалия трубки.

Сейчас нами учтены следующие находки удил II типа:

1. Верхний Кубан. Собрание Шантра, Сен-Жерменский музей. Удила и, по-видимому, к ним относящаяся пара псалиев II типа (рис. 12, 3—5) ¹.

2. Верхний Кубан. Старое собрание Исторического музея в Москве. Удила и пара псалиев II типа, отличающаяся от предыдущих формой петель, имеющих здесь вид трубок прямоугольного сечения, помещенных на стержне, а не проходящих через него, как в III типе, и несколько выступающих за его края. Не изданы ².

3. Кисловодск. Собрание А. А. Бобринского, Эрмитаж. Из случайных приобретений удила (рис. 2, I) и пара псалиев III типа, близкие к псалию из погребения в Каменноострском, но не имеющие раздвоенного конца (рис. 3, 5) ³.

4. Бывш. «Майкопский округ». Эрмитаж, приобретение у Запорожского в 1906 г. Среди вещей этой покупки, кроме указанных выше, имеются одни удила II типа с тремя шпешечками на каждом наружном кольце и два непарных псалия разновидности I-A (рис. 13) ⁴.

5. Майкоп. Эрмитаж, покупка у Карапетова в 1916 г. Удила. (рис. 14, I) ⁵.

6. Майкопский район. Краснодарский музей. Три пары удил: одна, как на рис. 14, другая — с шпешечками на наружных кольцах (как на рис. 13); третья, единственная из этой группы, с дополнительными звеньями для крепления повода (рис. 15). Вместе с этими удилами имеются три пары псалиев, из них одна II типа и две типа I-A.

7. Станица Гурийская, западнее Майкопа. В Эрмитаже пара удил, найденная Н. И. Веселовским в 1914 г. при раскопке кургана № 5 (рис. 14, 2) ⁶.

Кроме этих девяти пар удил, известна следующая находка отдельного псалия типа I-A, пока встречавшегося лишь с удилами II типа:

8. Станица Ханская, хутор Октябрьский, б. Туковского. В Майкопском музее хранятся один псалий (см. рис. 3, 2, стр. 53) и обломок удил, тип которых выяснить не удалось. Находка 1928 г.

Также известны три находки псалиев III типа.

9. Верхний Кубан. Исторический музей в Москве. Один псалий со шляпками на концах и отверстиями-трубками ⁷.

¹ E. Chantre. Ук. соч., т. II, табл. XXX bis, рис. 3—5.

² Указатель памятников Росс. ист. музея. М., 1893, стр. 55, № 1503—1505.

³ Инв. ОИПК 1362/16—18.

⁴ Инв. Ку, 1906/21, 23 и 25.

⁵ Инв. Ку, 1915, 3/78. ИАК, в. 65, 1918, стр. 173; Архив ИИМК, ф. 1, дело 1915 г., № 211.

⁶ Инв. Ку, 1914, 2/1. Архив ИИМК, ф. 1, дело 1914 г., № 61.

⁷ П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 33, рис. 37.

Рис. 13. Покупка в Майкопе 1906 г. Эрмитаж.

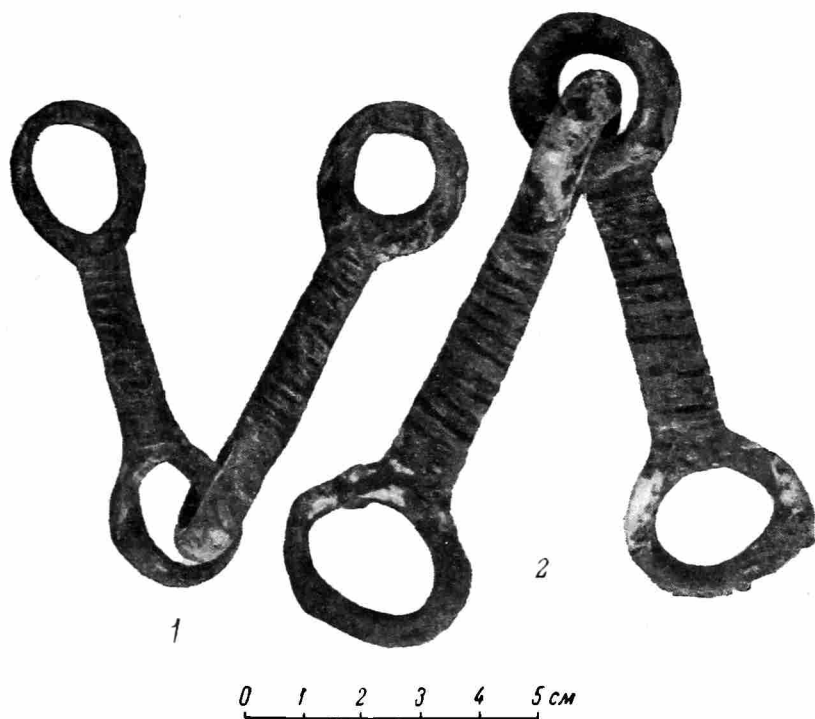

Рис. 14. Удила из Майкопа 1916 г. (1) и из станицы Гурийской (2). Эрмитаж.

10. Кисловодск. Собрание Бобринского, Эрмитаж. Экземпляр с крупными шляпками на концах и плоскими «налепами» на боковых сторонах каждой трубки-отверстия (рис. 3, 4) ¹.

11. Один подобный псалий, но не имеющий плоских «налепов», хранится в Новочеркасском музее. Происхождение его неизвестно.

Другие находки отдельных псалиев II и III типов, встречающиеся в сходных вариантах также и с удилами следующих типов, мы упомянем ниже.

Вся эта группа находок, связанная с удилами II типа, дает, таким образом, пеструю картину и, кроме того, мы не можем указать ни одной

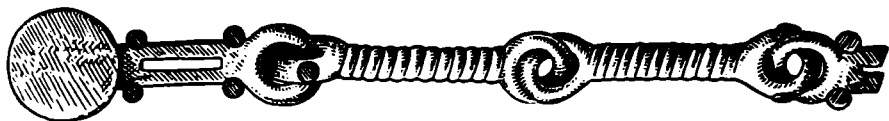

Рис. 15. Удила из Майкопа. Краснодарский музей.

достоверной комплексной находки, в составе которой были бы найдены, помимо удил и псалиев, какие-либо другие предметы. Часть находок из Кисловодска в собрании Бобринского в Эрмитаже, возможно, является таким комплексом, но доказать это, за отсутствием каких бы то ни было сведений о происхождении вещей, мы не можем.

Сейчас важно рассмотреть вопрос о соотношении этой группы с соседними культурными областями. Ни Закавказье, ни северо-восток не дают никаких аналогий ни к удилам II типа, ни к относимым нами к ним псалиям. Существенные связи улавливаются только с Западом, с областью Закарпатья и Подунавья.

В частности, из Венгрии известна находка удил II типа с дополнительными звеньями для повода из комитата Толна ². Стержни удил имеют типичную для Северного Кавказа имитацию обмотки или скручивания. Не исключено, что в этой обмотке следует видеть отражение более древней техники изготовления удил путем скручивания из сложенного прута — техники, известной как в Закавказье, так и в Западной Европе. Находка эта для Венгрии является единичной, хотя очень близкие однокольчатые удила, часто с дополнительными звеньями и обычно орнаментированные «в елочку», распространены были там довольно широко. В книге Галлуса и Хорвата опубликован ряд таких удил ³, представляющих, повидимому, наиболее распространенную разновидность бронзовых удил этой территории.

Вместе с тем в Венгрии известен и ряд находок трехпетельчатых псалиев, главным образом относимых к нашему II типу ⁴. Один псалий с тремя петлями на изогнутой и украшенной пластине, конструктивно напоминающий наш тип I-A, имеется в Будапештском музее среди находок неизвестного происхождения ⁵. Наконец, из Дьюла (Dyula), комитат Бекес, происходит узда с трехпетельчатыми псалиями, очень близкими нашему I типу, с лопастью более сложных очертаний, чем на Кавказе. Удила сломаны на две части; псалии отлиты вместе с удилами, как в рассмотренных ниже кавказских находках ⁶.

¹ Инв. ОИПК 1362/19.

² S. Gallus et T. Horváth. Ук. соч., табл. XX, 13 (из Kömlöd).

³ Там же, табл. IX, 13; X, 18 и 19; XII, 6; XVIII, 6; XX, 11; XXXIX, 4; XLVI, 5; XLVII, 2 и 5; LIV, 6; LXXI, 1 и 2; рис. 1, 9.

⁴ Там же, табл. XII, 4—5; XVIII, 2, 3, 4, 9; XLIII, 1; рис. 1, 6—7.

⁵ Там же, табл. XLI, 5—6.

⁶ Там же, табл. LXVI, a и b.

Однако господствующими в Венгрии и во всей Средней Европе были трехтрубчатые псалии нашего III типа (I, II и IX типы по классификации Харматта). Встреча этого явно местного типа с проникшим, повидимому, с востока трехпетельчатым типом привела здесь к созданию гибридных форм, когда средняя трубка псалия заменяется петлями¹, или же, наоборот, петли расположены наверху и внизу при сохранении трубчатого среднего отверстия².

Как наличие трехтрубчатых псалиев III типа в Причерноморье и на Северном Кавказе, так и появление трехпетельчатых псалиев в Венгрии, несомненно, свидетельствуют о тесных культурных взаимосвязях Северного Кавказа с Подунавьем на рубеже бронзового и железного веков. Связи эти вовсе не обязательно должны мыслиться как результат киммерийского нашествия с Кавказа на северное Причерноморье и Венгрию в конце IX в. до н. э., как думает Т. Хорват³, а также и Я. Харматта⁴.

Интересным подтверждением этих связей явилась недавняя находка в Якабхеги около города Печь в Венгрии, сделанная в 1947—1948 гг.⁵ Здесь в кургане № 1 были найдены бронзовые однокольчатые удила, более легкие, чем северокавказские, и стержневидные трехпетельчатые псалии с одним изогнутым концом (рис. 16), также близкие к псалиям этого (II) типа из Кобана (петли здесь, однако, поставлены под углом к плоскости изгиба псалия). В этом же комплексе, помимо точильного бруска и плохо сохранившихся железных секиры, наконечника копья и ножа, был найден исключительно интересный железный кинжал с бронзовой рукоятью и остатками бронзовых ножен. Ближайшие аналогии этому кинжалу, кроме Венгрии⁶, можно указать, например, из случайной находки близ Кисловодска (Эрмитаж; рис. 17), а также в области ананьинской культуры Прикамья⁷, но никак не в Средней Европе. На Северном Кавказе кинжалов этого типа, хотя и не столь близких к венгерской находке, как изображенный нами, сейчас можно было бы указать уже около десятка. Не вдаваясь в данном случае в подробный разбор кавказско-ананьинских связей, все же можно высказать предположение, что как кинжал из Ананьина, так и венгерские экземпляры скорее всего происходят с Северного Кавказа. Очевидно, что и в уздечном наборе из Якабхеги мы должны видеть свидетельство восточных связей древнего населения Венгрии. Местное происхождение для Северного Кавказа трехпетельчатых стержневидных псалиев III типа можно еще дополнительно обосновать на примере ряда северокавказских форм, которые нам следует рассмотреть в связи с удилами II типа. Речь идет о чрезвычайно интересных уздечных наборах, удила и псалии которых представляют одно сложное целое из подвижно соединенных при отливке звеньев.

Так как во всех этих случаях собственно удила на внешних концах имеют по одному кольцу, их можно отнести к разновидностям II типа,

¹ S. Gallus et T. Horváth. Ук. соч., табл. LX, 1, 2 и 5 (железные псалии из Седвиз); LXI, 2 и 3 (такие же из Доба).

² Там же, табл. X, 14—15; XII, 3; XXXVII, 4—5 (бронза, из Шанда, Угра и Далья).

³ Там же, стр. 64.

⁴ J. Harmatta. Ук. соч., стр. 130.

⁵ Török Gyula, Pécs-Jakabhegyi földvár és tumulus-ok. «Archaeologiai Értesítő», т. 77, 1950, стр. 4—9 и табл. III—IV.

⁶ S. Gallus et T. Horváth. Ук. соч., рис. 5 — из Матра.

⁷ Например, из Ананьинского могильника: J. R. Aspelin. Antiquités du Nord finno-ougrien, II, Helsingfors, 1877, стр. 105, рис. — заставка; ср. A. M. Tallgren. L'époque dite d'Ananino. SMYA, XXXI, Helsingfors, 1919, стр. 120, рис. 87.

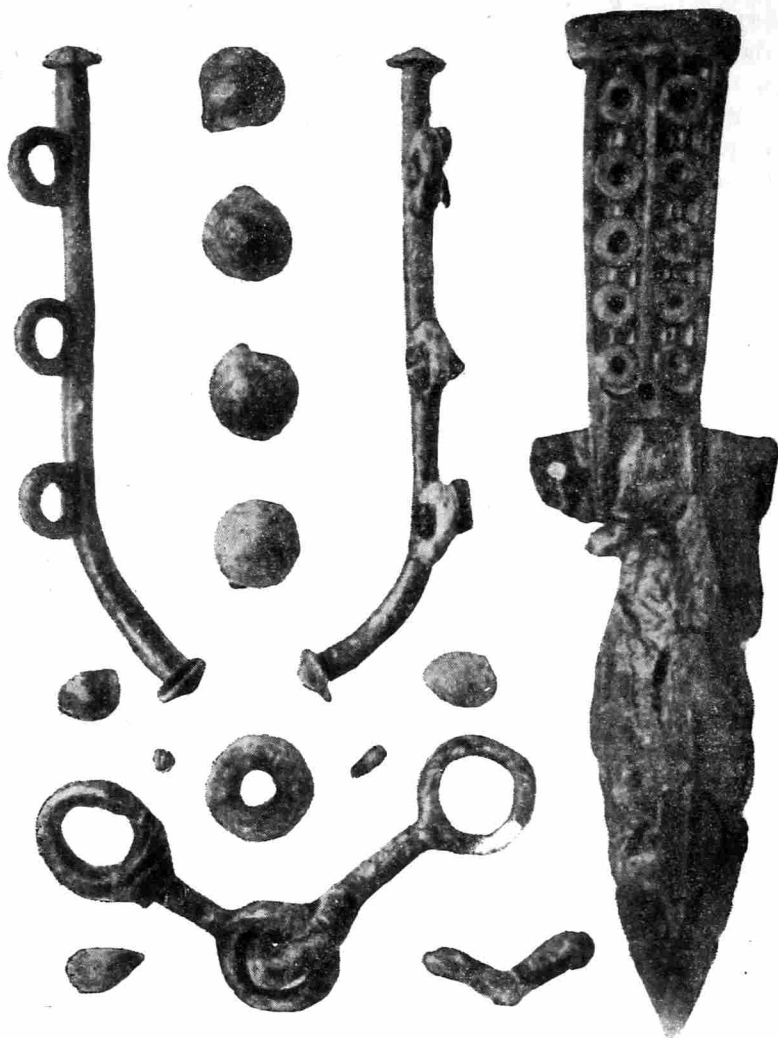

Рис. 16. Находки из кургана у г. Печь, Венгрия (по *Archaeologiai Értesítő*, 77, ч. 1, табл. III)

Рис. 17. Рукоять кинжала с р. Березовки близ Кисловодска. Эрмитаж.

обозначая их как тип II-A. Три пары таких удил происходят из Верхне-кобанского могильника, четвертая — из Кабарды:

- 1) Верхний Кобан, собрание Шантра, Сен-Жерменский музей (рис. 12, 1)¹,
- 2) Верхний Кобан, собрание Ольшевского, Гос. Эрмитаж (рис. 18, 2)²,
- 3) Верхний Кобан, собрание А. С. Уварова, Гос. Исторический музей (рис. 18, 1)³.

- 4) покупка в Нальчике у Агжигитова, Гос. Эрмитаж (рис. 18, 3)⁴.

Все эти удила представляют собой сложную отливку из свободно соединенных литыми кольцами частей — четырех (двух звеньев удил и двух псалиев) или шести (если добавляются еще звенья для крепления повода). В деталях все экземпляры значительно между собой различаются.

¹ E. Schantze. Ук. соч., т. II, табл. XXX bis, 1.

² Альбом Ольшевского, табл. 27, 1/15. Эти же удила ошибочно изданы как входящие в собрание А. С. Уварова: Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова. М., 1887, табл. 24 (без номера), рис. № 298 и стр. 52, № 297; у П. С. Уваровой (ук. соч.) эти удила вообще не упоминаются. Мелкое изображение у S. Gallus et T. Horváth (ук. соч., табл. LXXXI).

³ П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 31, рис. 34.

⁴ Приобретены в 1913—1914 гг.; см. ОАК, 1913—1915, стр. 209.

Рис. 18. Удила, литые совместно с псалнями:
1 — из Кобана, Исторический музей в Москве; 2 — из Кобана, Эрмитаж;
3 — из Кабарды, Эрмитаж.

Два средних звена (собственно удила) имеют характерные для II типа формы, за исключением № 3, где внутренние кольца удил отличаются очень большими размерами, а на прямых их участках имеются еще дополнительные приливы. Псалии всех этих удил имеют характерное отличие — все они снабжены четырьмя петлями; одной из них псалий соединяется с наружным кольцом удил, три остальных служат: крайние — для скрепления с ременным оголовьем, а средняя — для повода. Таким образом, роль наружного из двух концевых колец в удилах I типа здесь передана четвертой петле псалия. Повод крепился либо непосредственно к кольцам псалиев (в № 2 и 3), либо же к соединенным с этими кольцами дополнительным звеньям с пуговицами для концов повода — таким же, какие мы видели в удилах I типа соединенными с внешним концевым кольцом удил (в № 1 и 4).

Псалии этих уздечных наборов различаются между собою по основной форме: в № 1 мы имеем типичные трехпетельчатые псалии с изогнутым лопастным концом, только лишь снабженные четвертой петлей; в остальных случаях псалии — стержневидные, с одним изогнутым концом, т. е. II типа. Существенны различия в расположении на псалиях четырех петель. У № 1 и 2 удила соединены со средней из трех петель, расположенных на одной (выпуклой) стороне псалия, а петля для повода находится на противоположной (вогнутой) его стороне. Выше мы видели, что при пользовании удилами I типа они должны были располагаться позади псалия, повернутого своими петлями назад, а изогнутой частью — вперед. С переносом же на псалий крайней петли удил при расположении ее по другую, обращенную вперед, сторону псалия последний под воздействием повода неизбежно должен был поворачиваться около своей продольной оси, располагаясь одной петлей и изгибом наружу; тремя внутренними петлями он при этом оказывал вредное давление на губы лошади и подавал удила вперед, чем ослаблялось, а не усиливалось их действие.

Это неудобство нового варианта узды было учтено при изготовлении экземпляров № 3 и 4. В наборе № 3 петли на псалиях расположены уже иначе: две средние петли (для удил и для повода) поставлены под 90° к основной плоскости псалия, тогда как две крайние петли находятся на вогнутой его стороне. Здесь, таким образом, восстановлено равновесие системы: псалий расположен в одной линии с удилами, изогнутой частью назад. Однако и здесь при натягивании повода поворот псалия около своей оси должен был подавать удила во рту лошади вперед, а не назад, как это требовалось. В экземпляре № 4 и это неудобство устранено. Здесь только одна петля расположена с выпуклой стороны псалия и соединена с петлей удил, а петли для повода и для крепления к ремням оголовья помещены с вогнутой стороны. Таким образом, в этом случае псалий на голове лошади располагался позади удил, изгибом назад, а натягивание повода не приводило к вращению псалия и отводило удила во рту лошади назад.

В образцах типа № 2 и 3 того же результата можно было добиться, лишь повернув псалий изогнутой частью назад и крепя ремни оголовья, пропущенные в крайние петли псалия, не к самой петле, а к основному стержню псалия. Как эти экземпляры использовались на практике, можно будет сказать после рассмотрения следов изношенности на них.

В рассмотренных нами образцах удил типа II-A мы должны видеть указание на поиски новых путей в устройстве удил, причем в типологически позднейших № 3 и 4, по сравнению с типичными удилами I типа, в конечном счете произошло только одно изменение — поворот назад изогнутой части псалиев, ранее обращенной вперед.

Близкую аналогию нашим удилам представляет упомянутый набор из Дьюла (Венгрия). Здесь псалии имеют три петли на одной, выпуклой, стороне. Средняя петля соединена подвижно с наружным кольцом удил, через которое пропущено еще одно отдельное подвижное кольцо, служившее для крепления повода. Таким образом, удила располагались позади псалиев, обращенных изогнутым концом вперед. Повод при натягивании подавал удила назад, не нарушая положение псалиев.

V

Третий тип бронзовых удил, в отличие от второго, распространен широко не только на Северном Кавказе, но и на всем юге Европейской части СССР. Сюда относятся удила с наружными концами, имеющими форму не кольца, как во II типе, а стремечка, обращенного дужкой к стержню удил, а прямой стороной — к поводу. Во многих случаях перемычка «стремени» несколько отодвинута назад от концов дужки, выступающих тогда вперед. Между этой наиболее удаленной от кольца формой и почти овальными формами мы можем проследить ряд переходов. Прямые стержни удил часто имеют литую насечку, выпуклины и тому подобные неровности.

В отношении псалиев мы наблюдаем большое разнообразие; с этими удилами сочетаются бронзовые псалии III типа, с тремя трубчатыми отверстиями, и IV типа, с тремя отверстиями, не имеющими выступающих трубок; чаще, однако, представлены псалии трехпетельчатые II типа, в главной своей массе уже железные. Часто встречаются и костяные трехдугчатые псалии.

В ряде случаев бронзовые удила III типа сочетаются в комплексах с удилами железными, имеющими железные или костяные псалии.

Нет ни одного случая совместной находки этих удил с псалиями типов I или I-A, что, несомненно, свидетельствует о хронологической разновременности их.

Распространение удил типа III можно проследить по следующему перечню находок, не претендующему на исчерпывающий учет фактического материала. Обозрение их начнем с Северного Кавказа. Здесь мы знаем следующие находки:

1. Верхний Кобан. Из собрания Ольшевского, Исторический музей. Одно звено удил и пара коротких слегка изогнутых бронзовых псалиев IV типа (рис. 19, 2)¹.

2. Верхний Чегем. Собрание В. Ф. Миллера, Исторический музей. Одно звено удил². Оттуда же происходит один железный (?) псалий II типа, повидимому, оканчивающийся стилизованным изображением копыта³.

3. «Чегем и Баксан». Собрание Зичи, Будапештский музей. Три обломка бронзовых псалиев того же варианта II типа⁴.

4. «Кавказ». Собрание А. А. Бобринского в Эрмитаже. Пара удил⁵

5. Моздок. Музей антропологии и этнографии, Ленинград. Одно звено удил⁶.

¹ Рукописный альбом Ольшевского в библиотеке Эрмитажа, табл. 34, № I/30.

² В. Ф. Миллер. Терская область. Археологические экскурсии. МАК, I, М., 1888, табл. XXII, 29.

³ Там же, табл. XXII, 17.

⁴ E. Zichy. Voyages au Caucase et en Asie Centrale, II. Budapest, 1897, № 431—433 и табл. XVI, 19; E. Gallus et T. Horváth. Ук. соч., табл. LXXVI, 4.

⁵ Инв. ОИПК 1361/41.

⁶ Колл. 5042.

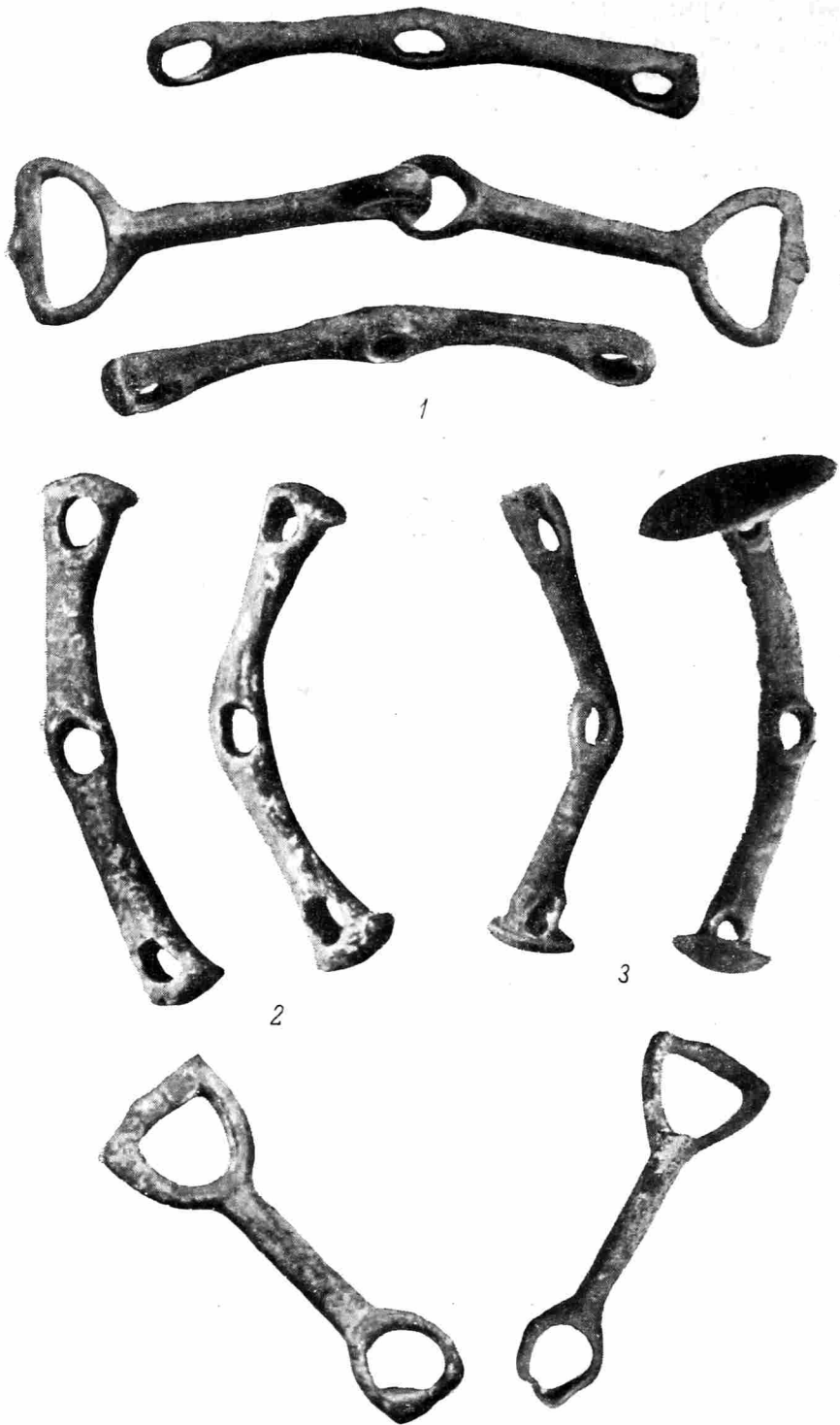

Рис. 19. Удила и псалии:

1 — из Черногоровки; 2 — из Кубана; 3 — из Камышегахи.
Все в Историческом музее в Москве.

Рис. 20. Бронзовые и железные удила из 1-го Разменного кургана близ станции Костромской. Исторический музей в Москве.

6. Кабарда [«курганы под г. Эльбрус»? — А. И.]. Ставропольский музей. Обломок удила.

7. Хутор Алексеевский близ с. Казинского, к юго-востоку от Невинномыска. В Ставропольском музее хранится прекрасный комплекс бронзовых изделий раннескифского времени. В составе его: две пары удила III типа и четыре псалия III типа с небольшими трубчатыми утолщениями; оканчиваются псалии на изогнутом конце шишечкой, а на прямом — скульптурным изображением конского копыта. Далее, в комплексе: 4 пуговицы; 7 цилиндрических пронизей; 12 втульчатых наконечников стрел, двуперых, ромбического очертания, частично шипастых; наконечник, 2 больших бронзовых кольца (внутренний диаметр 8,8 см) с подвижными звеньями для пристегивания ремней¹. Эти большие кольца, пока еще не выясненного назначения, повторяют такие же кольца из погребения хутора Кубанского и из Эссентукского кургана, где они сочетались с удилами I типа. Наличие в рассматриваемом комплексе этих колец, с типичными для удила I типа дополнительными звеньями для соединения с ремнями, связывает между собой группы комплексов с удилами I и III типов.

8. Костромская станица, 1-й Разменный курган, раскопки Н. И. Веселовского 1897 г. В комплексе, совместно с известным большим изображением оленя из золота, найдено значительное количество частей уздечного набора, хранимых в Историческом музее в Москве. В числе их 5 бронзовых удила III типа² (рис. 20) и не менее 9 пар железных удила с очень малыми, грубо скованными из прямых стержней внутренними и наружными кольцами.

9. Келермесская станица. Курганы, раскопанные Д. Г. Шульцем в 1903—1904 гг. Из этих курганов в Эрмитаже хранится 8 пар бронзовых удила III типа, в том числе 2 пары из кургана № 1/1903 г.³ и 6 пар, точная принадлежность которых не устанавливается⁴; одни удила III типа имеются в Майкопском музее среди вещей, брошенных Шульцем в 1904 г. на своей квартире при выезде после прекращения раскопок. Псалии в этих курганах, повидимому, были только железные.

10. Келермесская станица. Курганы, раскопанные Н. И. Веселовским в 1904 г. Из 1-го кургана в Эрмитаже имеется одна пара бронзовых удила III типа⁵ и из 2-го кургана — 2 пары⁶ (рис. 21).

Удила эти найдены совместно с большим числом железных удила и железных трехплетчатых псалиев. Из захороненных в этих курганах 40 лошадей большинство было снабжено уже железными удилами.

11. Ульский аул (сел. Уляп). Раскопки Н. И. Веселовского. Из кургана № 1, исследованного в 1908 г., в Эрмитаже 3 пары бронзовых удила III типа⁷. В кургане № 1/1910 г. найдены также 3 пары таких удила⁸. В обоих курганах они сочетались с железными трехплетчатыми псалиями и железными удилами, концы которых выкованы гораздо более тщательно, чем в Костромском и Келермесских курганах. В кургане 1910 г. встречена пара железных удила с наружными кольцами, имеющими ту же стремечковидную форму, что и у бронзовых удила III типа⁹.

¹ Инв. № 14558. Комплекс не издан

² ОАК, 1897, стр. 14, рис. 48.

³ Инв. Ку, 1903, 2/8 и 9.

⁴ Инв. Ку, 1903/4, 1/50—53 и 65.

⁵ Инв. Ку, 1904, 2/46.

⁶ Инв. Ку, 1904, 2/176 и 188.

⁷ Инв. Ку, 1908, 3/26—28.

⁸ Инв. Ку, 1910, 1/8—10.

⁹ Инв. Ку, 1910, 1/11.

12. Из раскопок Н. И. Веселовского на Кубани, без обозначения точного происхождения, имеются части еще одной пары бронзовых удил III типа¹ и пара бронзовых трехпетельчатых псалиев II типа². Хранятся в Эрмитаже (рис. 22).

13. Хутор Кубанский, левый берег Кубани выше устья Лабы. Случайная находка. Удила III типа (одно звено) в Краснодарском музее.

14. Единственная известная сейчас находка подобных удил по южную сторону Кавказского хребта сделана близ Гудаута в Абхазии. Здесь в

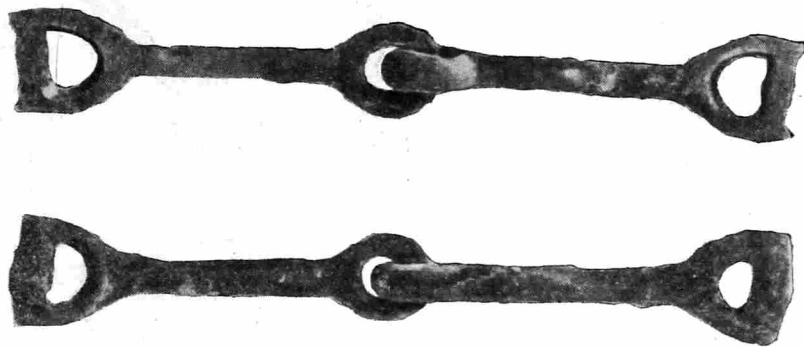

Рис. 21. Удила из кургана № 2/1904 г. близ Келермесской станицы. Эрмитаж.

сел. Куланурхва в 1948 г. М. М. Трапш обнаружил конское захоронение с бронзовыми удилами III типа и парой железных трехпетельчатых псалиев³.

Условно совместно с группой находок, связанных с III типом бронзовых удил, можно упомянуть еще о паре бронзовых псалиев из Голиата (Дигория). Оба они имеют на изогнутом верхнем конце изображение головы животного (коня, барана, птицы?), а на прямом нижнем конце — изображение копыта. С внутренней, вогнутой стороны псалия три петли. Глаза головы инкрустированы железом. На стержне — следы железных удил⁴. Эти псалии следует отнести к V типу псалиев — зооморфному. Хранятся в Историческом музее.

Из числа находок в более северных районах можно привести следующие:

1. В Новочеркасском музее хранятся 4 пары удил III типа, происхождение которых выяснить не удалось (№ 3750).

2. Хутор Колотаев, Слащевская станица б. Хоперского округа. Среди случайных находок из этой местности, хранящихся в Харьковском музее, имеется пара удил III типа.

3. В Изюмском музее имеется одно звено таких удил.

4. В Черногоровке, б. Изюмского уезда, В. А. Городцов при раскопке в 1901 г. кургана № 1 нашел во впускном (третьем) погребении пару удил III типа с двумя бронзовыми псалиями IV типа, короткой формы, близкими к псалиям вышеупомянутой Кубанской находки⁵ (рис. 19, I).

¹ Инв. Ку, П 1926, 1/276—277.

² Инв. Ку, П 1926, 1/262.

³ М. М. Трапш. Куланурхвинский древний могильник. Автореферат диссертации. Сухуми, 1951, стр. 8.

⁴ П. С. Уварова. Ук. соч., табл. СХХ, 13 и стр. 291.

⁵ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. в 1901 г. Тр. XII АС, т. I, табл. XIII, 5—7 и стр. 242.

Рис. 22. Бронзовые псалии из б. Кубанской области. Эрмитаж.

Рис. 23. Большая Белозерка. Находки из малого кургана около кургана Цимбалка. Эрмитаж.

Кроме того, тут же найдено несколько бронзовых пуговиц от узды¹. Костяк погребенного лежал в скорченном положении на левом боку.

5. Сел. Камышеваха, б. Славяносербского уезда. В 5—6 км от селения в урочище «Золотой рудник» Н. Е. Бранденбург в 1892 г. раскопал курган (№ 256 по его нумерации), находки из которого поступили в Исторический музей. При лежавшем в насыпи скелете найдены половина удила III типа и два непарных псалия особого варианта III типа (рис. 19, 3). Псалии эти перегнуты под углом около среднего отверстия и снабжены на концах шляпками². Подобные псалии на нашей территории в других

¹ В. А. Городцов. Ук. соч., табл. XIII, 8—11 и стр. 207 (здесь ошибочная ссылка на табл. XIII, 2—3).

² ОАР, 1892, стр. 38. Находки впервые изданы у S. Gallus et T. Horváth (ук. соч., табл. LXXIV).

случаях не встречены, но известны из ряда местонахождений Венгрии, Югославии, Чехословакии и Австрии¹. Кроме того, в погребении найден небольшой бронзовый нож.

6. Сходный псалий имеется в Новочеркасском музее. Вероятно, он происходит из х. Гурова Арчадинской станицы².

Большое число удил III типа найдено в бассейне Днепра:

1. В Днепропетровском музее из трех пар удил, подаренных И. Ф. Жеваховым, одна относится к обычному III типу, другая отличается существенной особенностью, а именно наличием, при общем очертании концов удил в виде стремечка, в этом последнем не одного, а двух отверстий. В этом отношении данная пара удил является как бы переходной формой от I типа к III, сохраняющей еще две концевые петли, но принявшей уже очертания в виде стремечка. Третья пара удил И. Ф. Жевахова относится к I типу и рассмотрена выше. Сведений о месте и условиях находки этих предметов, к сожалению, нет³. Удила со стремечковидными или, чаще, треугольными концами, имеющими по два отверстия, в относительно большом числе и в разных вариациях известны из Сибири⁴.

2. Константиновка близ Мелитополя. Пара удил найдена в кургане № 2, погребении № 3 при раскопках Б. Н. Гракова в 1949 г. Концы имели кольца переходной формы от круглой к типичному «стремечку». Судилами найден один целый костяной псалий с тремя отверстиями и обломок второго⁵.

3. Большая Белозерка. В 1868 г. И. Е. Забелиным раскопан небольшой курган около кургана Цимбалка. Находки в Эрмитаже. В одном из погребений найдены удила III типа с двумя псалиями III типа (рис. 23). Псалии прямые со шляпками на обоих концах и с налечами на боковой поверхности трубок. В этом же погребении 5 бронзовых, 5 костяных и один кремневый наконечник стрелы; бронзовая пуговица; свернутая трубочкой золотая пластинка и черноглиняный кувшин, орнаментированный двойным рядом шевронов, сделанных зубчатым штампом и заполненных белой массой⁶.

4. Окрестности Смелы, б. Черкасский уезд. Курган № 2 раскопок А. А. Бобринского. В насыпи удила III типа без псалиев; теперь в Киевском музее⁷.

5. Тот же район, курган № 15. В основном погребении удила III типа без псалиев⁸. Вместе с ними — кавказская бронзовая ситула и раннескифская глиняная посуда. Находки в Киевском музее⁹.

¹ Ср., например: J. Nestor. Ук. соч., псалии II типа автора, рис. 2, 2 на стр. 122; S. Gallus et T. Horváth. Ук. соч., табл. IX, 10; XII, 1—2; XXXIX, 3 и 5; XLI, 2 и 3; XLVII, 1 и 3; L, 3; рис. 1, 8; J. Naghata. Ук. соч., тип II.

² X. И. Попов. Ук. соч., № 814.

³ Каталог Екатеринославского музея, 1910, стр. 41, № 846.

⁴ М. П. Грязнов. Ук. соч.; В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I. МАР, в. 15, СПб., 1894, табл. XX и XXI и другие работы.

⁵ П. Д. Либеров. Курганы у села Константиновки. КСИМК, XXXVII, 1951, стр. 142, рис. 45, б — в.

⁶ ОАК, 1868, стр. XVI; издание находок намечалось в неосуществленном III выпуске «Древностей Геродотовой Скифии». Предметы из этого погребения помещены на подготовленных для этого выпуска табл. XLII, рис. 22 (удила) и 23 (псалий) и XLIII, 24—30 (наконечники стрел). Рисунки 5 бронзовых и 3 костяных наконечников опубликованы: P. Ra u. 1929, табл. XIV, рис. 2 А — Н.

⁷ А. Бобринской. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы, т. I. СПб., 1887, стр. 2 и табл. V, 12.

⁸ Там же, стр. 37 и табл. V, 10.

⁹ См. там же и у N. Макаренко. La civilisation des Scythes et Hallstatt. ESA, V, Helsinki, 1930, стр. 22—33.

6. Близ Гуляй-города, б. Черкасский уезд. Курган № 38, раскопки А. А. Бобринского. В основном погребении вместе с другими вещами найдены пара удила III типа¹ и обломки железных удила; к ним 5 костяных псалиев, украшенных на концах, как обычно, головкой животного и копыт². Повидимому, к бронзовым удилам относились костяные псалии. Киевский музей.

7. Район Смелы, р. Тенетинка. Курган № 183 раскопок А. А. Бобринского. В насыпи найдена пара удила III типа и один псалий III типа (трубчатые отверстия, в данном случае направленные не поперек плоскости изгиба псалия, а вдоль нее)³. Киевский музей.

8. Теклино, западнее Смелы, курган № 346 раскопок А. А. Бобринского. В погребении удила III типа с остатками кожи от поводьев; к этому кургану, возможно, следует отнести и вторую пару бронзовых удила с обломанными концами. При них найдены 4 костяных псалия обычного типа с тремя отверстиями. Кроме того, в погребении были железные удила с железными же псалиями трехпестельчатого типа⁴. Киевский музей.

9. С. Жаботин, б. Черкасского уезда. Курган № 524, раскопанный А. А. Бобринским в 1913 г. В погребении найдены бронзовые удила III типа и изогнутые псалии III типа со слегка выдающимися трубчатыми отверстиями, но без налетов на них (рис. 24). В этом же погребении характерные наконечники стрел раннескифского времени, золотые бляшки и ряд других предметов. Находки хранятся в Эрмитаже⁵.

10. С. Емчиха, б. Каневского уезда. Курган № 373, раскопанный Н. Е. Бранденбургом. В 1895 г. куплены ранее найденные здесь удила III типа⁶. Эрмитаж.

11. Там же, курган № 375, раскопанный Н. Е. Бранденбургом в 1896 г. В выкде земли найден один псалий совершенно того же типа, что и в кургане № 524 А. А. Бобринского. Эрмитаж⁷.

12. С. Мокиевка, б. Черкасского уезда. В кургане № 453 Н. Е. Бранденбург в 1900 г. нашел удила III типа с двумя железными псалиями, стерженными, трехпестельчатыми. Эрмитаж⁸.

13. Там же в кургане № 460 найдены подобные же бронзовые удила III типа. Эрмитаж⁹.

14. В с. Оситняжка, б. Чигиринского уезда, тот же исследователь в 1900 г. в кургане № 471 нашел такие же удила. Эрмитаж¹⁰.

15. Прохоровка, б. Переяславского уезда. Собрание В. В. Хвойки. В Киевском музее имеется псалий того же типа, что в курганах № 524 А. А. Бобринского и № 375 Н. Е. Бранденбурга¹¹.

16. «Каневский уезд». В Киевском музее из собрания Ханенко имеется псалий III типа, несколько отличающийся от предыдущих небольшой

¹ А. А. Бобринской. Ук. соч., т. I, стр. 100—101 и табл. VIII, 18.

² Там же, табл. XI, 2, 5, 12 и 19.

³ А. А. Бобринской. Ук. соч., т. II. СПб., 1894, стр. 75 и табл. IV, 7 и 11.

⁴ А. А. Бобринской. Ук. соч., т. III. СПб., 1901, стр. 20—21; в тексте упомянуты «бронзовые удила с частями кожаных ремней», без указания их количества. В Киевском музее в 1941 г. были 2 пары удила, что соответствует 4 псалиям.

⁵ А. А. Бобринской. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1913 году ИАК, в. 60, 1916, стр. 2, рис. 1—4 (удила и псалии не изданы). Инв. Дн., 1913. 2/23—25.

⁶ Инв. Дн., 1932, 41/1. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга. СПб., 1908, стр. 93.

⁷ Инв. Дн., 1932, 42/2; Б. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья. СА, I, 1936, стр. 94, рис. 8, в; Журнал раскопок..., стр. 94.

⁸ Инв. Дн., 1932, 53/1—2. Журнал раскопок..., стр. 127.

⁹ Инв. Дн., 1932, 56/1. Журнал раскопок..., стр. 129—130.

¹⁰ Инв. Дн., 1932, 68/1. Журнал раскопок..., стр. 138.

¹¹ Инв. № 2821.

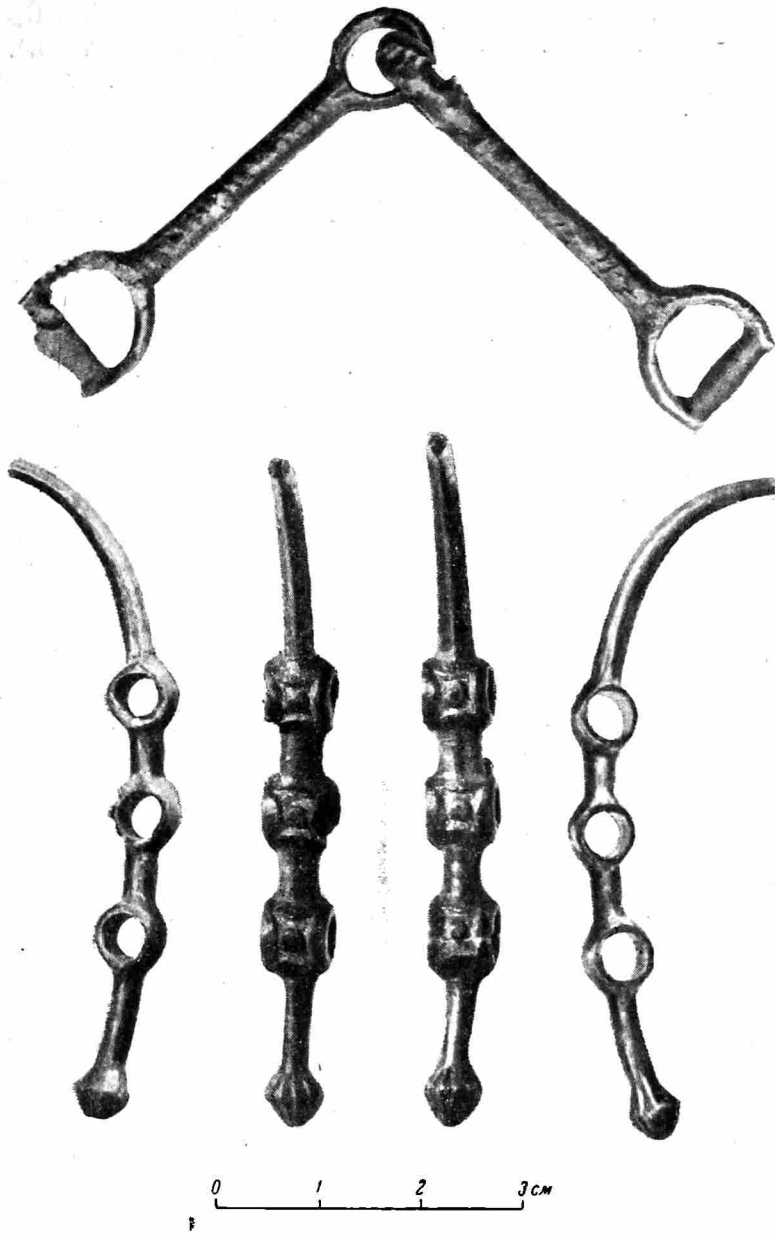

Рис. 24. Удила и псалии из кургана № 524 у с. Жаботин. Эрмитаж.

лопастью на изогнутом конце, напоминающей псалии I типа (см. рис. 3, 6, стр. 54)¹.

17. С. Хмельное, б. Черкасского уезда. Обломок бронзового псалия из собрания Терещенко в Киевском музее, видимо, относится к IV типу (отверстия без выступающих трубок)².

18. Курган близ с. Черняхова, б. Киевского уезда. Из собрания Терещенко, тот же музей. Удила III типа (рис. 2, III)³.

¹ Древности Приднепровья, II. Киев, 1899, табл. XIV, № 282.

² Инв. № 23974.

³ Инв. № 10808.

19. Берестяги, б. Каневского уезда. Курган № 6, раскопки Е. А. Зноско-Боровского. В погребении пара удила III типа¹.

20. «Каневский уезд». Киевский музей, из собрания Ханенко. Пара таких же удила².

21. Из собрания Бобринского в Киевском музее находились в 1940 г. одни удила III типа невыясненного происхождения с почти овальными, а не стремечковидными кольцами³.

22. В том же музее Б. З. Рабинович в 1940 г. учел еще пять пар удила III типа невыясненного тогда происхождения и без номеров⁴. Вероятно, часть из них относится к следующему номеру нашего списка, для которого у нас нет никаких зарисовок.

23. Роменские курганы. Раскопки С. А. Мазараки. В Киевский музей должны были поступить из собрания А. А. Бобринского 4 пары удила III типа⁵. Из них 2 пары из кургана № 8 у Поповки⁶ и 2 пары из материалов, не имевших отчета о раскопке. Очевидно, входят в число 5 пар предыдущего номера.

24. Из тех же курганов в собрании Бобринского находилась пара бронзовых псалиев V типа, подражающих костяным псалиям и заканчивающихся головкой птицы и копытом (рис. 3, 9)⁷. В Киевском музее в 1940 г., кроме этой пары, из тех же Роменских курганов был еще такой же псалий V типа, украшенный головой барана и копытом⁸.

25. «Старшая могила» близ Аксютинцев. Раскопки Д. Я. Самоквасова. Исторический музей. В богатом погребении VI в. найдены 3 пары бронзовых удила III типа и 13 пар железных, такой же грубой работы, как в кургане Костромской станицы. Из найденных псалиев была только одна пара бронзовых V типа, с головкой барана и копытом на концах; кроме того, 1 пара железных и 11 пар костяных псалиев с тремя отверстиями в каждом⁹.

26. Волковцы, б. Роменского уезда. Раскопки С. А. Мазараки в 1886 г. Исторический музей. Из кургана № 8 — одна пара удила III типа¹⁰.

27. Кроме перечисленных выше находок, следует упомянуть о паре бронзовых удила III типа с псалиями II типа (бронзовые относительно тонкие стержни, почти прямые, с тремя петлями). Этот комплекс известен мне лишь по изданной Хорватом старой фотографии из собрания Бела Пошта и отнесен им к «Южной России»¹¹. Происхождение и место хранения этой находки установить пока не удалось.

¹ А. Б о б р и н с к о й. Курганы и случайные археол. находки близ м. Смелы, III, 1901, стр. 100. (Не издано.)

² Древности Поднепровья, II, табл. XIV, № 277.

³ Инв. № 10234.

⁴ В отношении бронзовых удила Киевского музея мною использованы, помимо литературы, как мои заметки 1930 и 1941 гг., так и весьма ценные зарисовки покойного Б. З. Рабиновича, сделанные им во время командировки в Киев в 1940 г. Тем не менее в материале остаются некоторые неясности.

⁵ А. Б о б р и н с к о й. Ук. соч., т. III, стр. 74.

⁶ Е г о ж е. Ук. соч., т. II, стр. 170 и 172.

⁷ Е г о ж е. Ук. соч., т. III, табл. X, 14. — Инв. № 23532—23533.

⁸ Инв. № 23545. Обозначен «Аксютинцы, курган № 2»; в описании кургана (А. Б о б р и н с к о й. Ук. соч., т. II, стр. 162) подобные псалии не упомянуты, а указаны поздние бронзовые с двумя отверстиями, находившиеся при железных удилах.

⁹ Д. Я. С а м о к в а с о в. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 98; В. А. І л л і н с ь к а. Курган Старша могила. «Археологія», V. Київ, 1951, стр. 203, табл. III, с стр. 205, табл. IV.

¹⁰ Указатель памятников Росс. истор. музея. М., 1893, стр. 354, № 457.

¹¹ S. Gallus et T. Horváth. Ук. соч., табл. LXXIV, 9—11.

Далее к рассматриваемой группе условно можно отнести еще две находки медных псалиев, хотя мы и не знаем, с какими удилами они сочетались.

1. Одна из них сделана в Старой Толучеевой, б. Богучарского уезда Воронежской губернии, и хранится в Воронежском музее. Найдены два парных псалия с резко изогнутым концом и тремя трубчатыми поперечными отверстиями на стержне (рис. 3, 7)¹. Никаких наделов на трубках нет. Псалии могут быть отнесены к тому варианту III типа, к которому относятся гораздо более изящные псалии из кургана № 524 в Жаботине, из Емчихи и из Прохоровки.

2. Вторая находка, из Нижнекурморьярской станицы, хранится в Новочеркасске. Здесь мы имеем пару псалиев (один — в обломке) с тремя отверстиями в небольших приливах, не имеющих вида трубочек. Псалий изогнут по всей длине, воспроизводя форму рога или клыка (рис. 3, 8). Их можно отнести к IV типу².

Вне территории Приднепровья, на Западной Украине и в Румынии, мы пока не знаем ни одного экземпляра удил со «стремечком» нашего III типа³. Две находки известны из Венгрии⁴.

Что же касается северо-востока, то необходимо отметить, что в области распространения ананьинской культуры известен ряд находок бронзовых удил, в том числе также характерных удил III типа⁵. В 1919 г. Таллгрэн насчитывал здесь всего 6 пар бронзовых удил (4 — в Ананьинском могильнике, 2 — из случайных находок)⁶.

Еще дальше, в Сибири, как мы уже упоминали, удила со стремечковидными концами распространены широко, представляя разнообразные варианты, в том числе много форм с двумя отверстиями в «стремени».

Сибирская группа этих удил является единственной реальной аналогией к рассмотренной нами группе III типа на территории Северного Кавказа и Украины. Впредь до выяснения их соотношения и выявления подобных форм на территории Урала и Казахстана, находки в Ананьинском Прикамье следует относить к нашей южной группе.

Совместно с группой удил III типа следует упомянуть также и единственную пока на нашей территории находку с удилами намеченного выше IV типа, у которого внешние кольца имеют D-образную форму перевернутого стремечка. Я имею в виду находку 1939 г. в Ростове-на-Дону, где было случайно вскрыто курганное погребение на улице Мечникова⁷.

¹ ОАК, 1898, стр. 64 и рис. 102, а — б на стр. 65.

² Тр. VIII АС, т. IV, Описание таблиц, стр. 240 и табл. 83, № 22; Х. И. Попов. Каталог Донского музея (не изданный), № 1099 и 1100.

³ На Западной Украине встречаются псалии «венгерских» типов (I тип Харматта) с тремя длинными поперечными трубками-отверстиями, не имеющие точных аналогий в нашем III типе. Например, в Голигородском кладе 1937 г. Тернопольской области во Львовском музее были 3 псалия; в Подсадке близ Львова — см. W. I. Antoniowicz. Archeologia Polski. Warszawa, 1928, табл. XXVIII, 4; в Медыне Калушского района — см. там же, табл. XXX, 7. В погребениях раннескифского времени бронзовые удила имеют здесь круглые или почти круглые кольца — см. T. Sulimirski. Scytowie na Zachodnim Podolu. Lwów, 1936, табл. VIII, 7k — из Дуплиски.

⁴ S. Gallus et T. Horváth. Ук. соч., табл. XLVI, 6 (неизвестное происхождение) и табл. LI, 10 из Ószöny; у последних удил непарные звенья: одно звено — обычное в виде стремечка, а второе — с небольшим круглым отверстием позади стремечка.

⁵ A. M. Tallgren. L'époque dite d'Ananino. SMYA, XXXI, Helsinki, 1919, стр. 112, рис. 78, 1; Атлас к Тр. I АС, М., 1871, табл. XXII, № 61.

⁶ A. M. Tallgren. Ук. соч., стр. 110 и 160—161.

⁷ Памятники древности на Дону, в. I, Ростов-на-Дону, 1940, стр. 13—17 и рис. 1 на стр. 15.

В погребении найдены медные удила (см. рис. 2, IV) с концевыми кольцами, обращенными дужками наружу. В отличие от удил III типа, по территории своего распространения явно тяготеющих к Северному Кавказу и Украине, удила, подобные ростовским, в пределах СССР более не встречались, тогда как на западе, в Венгрии и соседних странах они известны в ряде находок и в различных вариантах¹. Поэтому, вероятно, мы в этих удилах должны усматривать не опытную форму, предшествовавшую упрочению III типа удил, а свидетельство сношений с восточными областями Средней Европы, где развитие конского снаряжения протекало своими особыми путями. Псалии, найденные в Ростовском погребении (рис. 3, 3), должны быть отнесены к нашему II типу — они стержневидны, имеют легкий изгиб и снабжены тремя петлями. Петли и изгиб много меньше, чем у псалиев, встреченных с удилами II типа (см. выше: находки из Кубана и Майкопа, стр. 72), и скорее напоминают венгерские псалии из Якабхеги. Кроме этих частей узды, в погребении найдены части черного лощеного сосуда из глины. Находки поступили в Ростовский музей.

Бронзовый псалий того же типа, что и в Ростове, имеется «с Кубани» в собрании Зичи в Будапештском музее².

Заканчивая обзор находок с бронзовыми удилами III и IV типов, необходимо подвести некоторый итог по вопросу о сочетающихся с ними псалиях. Как мы видели, в этом отношении картина получается чрезвычайно пестрой. Бронзовые псалии с этими удилами встречаются относительно редко; часто их замещают псалии железные и костяные.

Псалии типов I и I-A ни разу не встречены с удилами III и IV типов. Из трехпетельчатых псалиев мы здесь можем указать лишь на формы II типа с относительно небольшими петлями. Такие псалии известны из Ростовского погребения 1939 г. (удила IV типа); из комплекса неизвестного происхождения, изданного у Хорвата (удила III типа), и из находок на Кубани в собрании Зичи. По общему облику эти псалии кажутся более поздними, чем псалии II типа, встреченные с удилами II типа. Дальнейшее развитие этого типа мы должны видеть, с одной стороны, в железных трехпетельчатых стержневидных псалиях (рис. 3, 10—11), часто сочетающихся с удилами III типа, а с другой стороны, — в зооморфных бронзовых псалиях V типа. У обеих этих последующих групп петли часто превращаются в небольшие сквозные отверстия и, таким образом, они формально сливаются с IV типом.

Переходными от II к V типу являются обломки трехпетельчатых псалиев с Чегема в собраниях В. Ф. Миллера и Е. Зичи, повидимому, заканчивающихся изображением копыта.

Из отнесенных нами к V типу зооморфных псалиев наиболее архаичный облик имеют псалии из Голиата, трехпетельчатая форма которых выражена еще вполне отчетливо; петля примерно соответствует петлям на упомянутых псалиях Ростовского погребения. Остальные псалии этой группы происходят из Роменского уезда, в том числе из комплекса «Старшой могилы» и дают переходы от петельчатых форм к псалиям с тремя сквозными отверстиями, т. е. приближаются к IV типу.

Псалии IV типа представлены всего в четырех находках и в двух вариантах. В комплексах из Черногоровки и из Кубанского могильника они сочетаются с удилами III типа и отличаются расположением отверстий

¹ J. Nestor. Ук. соч., стр. 108, сл. и рис. 2, 1 на стр. 122; S. Gallus et T. Horváth. Ук. соч., табл. XI, 5; XVIII, 7; XXXIX, 2; XLVI, 4; XLVII, 5; LIV, 7; LXXI, 2.

² E. Zichy. Ук. соч., № 45, табл. IV, 8; S. Gallus et T. Horváth. Ук. соч., табл. LXXVI, 5.

на середине и у концов равномерно изогнутого стержня. В случайной находке из Нижнекурморской все отверстия расположены в утолщенной части псаля, тонкий конец которого более сильно загнут и оканчивается небольшим вздутием. Повидимому, сходный вариант мы должны видеть в обломке псаля из Хмельной в Киевском музее. Эти псаля IV типа, пока очень немногочисленные, ближе всего напоминают простые костяные псаля с тремя отверстиями, известные нам из разных мест. Два подобных псаля, например, найдены в 1934 г. в кургане № 6 у Карповки западнее Сталинграда¹. Хранятся в Эрмитаже.

Наконец, остаются псаля III типа, бесспорно связывающиеся своими трубчатыми отверстиями с находками в Венгрии и прилегающих областях. В двух случаях подобные псаля мы видели в сочетании с удилами I (Каменноостское) и II (Кисловодск) типов. Вариант с более крупными шляпками на концах был нами рассмотрен в связи с удилами II типа (отдельные находки из Кобана и Кисловодска). С удилами III типа встречены различные варианты трехтрубчатых псалей.

Один из этих вариантов представлен псалями из комплекса в Большой Белозерке; он еще близок к псалям из Кобана и Кисловодска: почти прямой стержень; крайние трубки близки к концам; шляпки на обоих концах.

Второй вариант представлен псалями из Камышевахи, где мы имеем резко перегнутой по середине стержень с отверстиями-трубками под самыми шляпками. Эта единственная на нашей территории находка скорее всего должна быть признана привозной с Запада², хотя найденные совместно с этими псалями удила явно местные, типичные стремечковидные.

Особый вариант, с двумя заостренными концами, представлен псалем из кургана № 183 около Смелы, найденным также при удилах III типа. Наиболее многочисленны находки последнего варианта III типа псалей, имеющих один изогнутый конец и относительно небольшие трубочки. Сюда относится экземпляр с лопастным изогнутым концом из Каневского уезда, в котором, возможно, следует видеть сочетание элементов I и III типов псалей. Затем сюда же следует отнести пару псалей из случайной находки в Старой Толучеевой, четыре псаля из кургана хутора Алексеевского Ставропольского музея (их особенность — оформление прямого конца в виде копыта; следовательно, можно думать, что изогнутый конец был обращен вверх), а также псаля из кургана № 524 у Жаботина, кургана № 375 у Емчихи и из случайной находки в Прохоровке. В Алексеевском хуторе и в кургане № 524 псаля эти сочетаются с удилами III типа. Этот вариант псалей, как и позднейшие трехпетельчатые псаля из бронзы, типологически непосредственно подводят к железным псалям с тремя сквозными отверстиями.

В итоге мы можем отметить, что бронзовые псаля II типа (трехпетельчатые) сочетаются с удилами типов II и II-A 6 раз, с удилами III типа — 1 раз и с удилами IV типа — 1 раз. Псаля III типа сочетаются с удилами I и II типов по одному разу, а с удилами III типа — 6 раз. Псаля IV типа встречены с удилами III типа 2 раза, а псаля V типа — по меньшей мере 1 раз. В то же время железные псаля с бронзовыми удилами III типа встречены десятки раз. Таким образом, мы, несомненно, наблюдаем вытеснение бронзы в качестве материала для изготовления

¹ Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг. М. — Л., 1941, стр. 183, рис. XXVIII, 7 и 8. Псаля найдены около скорченного погребения № 9. Предположение о принадлежности их соседнему раннесредневековому захоронению коня (там же, стр. 184) явно необоснованно.

² Ср. J. H a r t t a. Ук. соч., стр. 119—121 (тип II).

псалиев, и лучше параллельно с заменой бронзовых удил железными или даже скорее. Лишь значительно позже, в V—IV вв. до н. э., бронза вновь начинает применяться при изготовлении декоративных фигурных псалиев к уже железным удилам.

VI

Кроме рассмотренных нами основных типов бронзовых удил, мы знаем еще несколько экземпляров особых вариантов, на которых следует коротко остановиться.

К первому из этих вариантов нужно отнести три пары удил, состоящих из двух подвижно соединенных звеньев, каждое из которых представляет собою одно колено удила и псалий. От подобных по конструкции удил, распространенных в Передней Азии и Закавказье¹, наши удила отличаются иной формой псалия, имеющего шляпку на одном конце и более или менее заостренный другой конец; основное же отличие состоит в том, что переднеазиатские удила имеют по одному кольцу для повода по середине наружной стороны и по два отверстия в псалии для крепления к щечному ремню. В нашем варианте мы имеем одно кольцо для повода и одно только отверстие в псалии, расположенное рядом с кольцом. Таким образом, эти удила связаны с изменением в конструкции ременной части оголовья; щечный ремень здесь не разрезался на три отростка по числу отверстий в псалии, а целиком пропускался через одно его отверстие и закреплялся в нем. Сейчас я могу указать следующие экземпляры таких удил:

1. «Майкопский район». Краснодарский музей. С наружными кольцами для крепления повода подвижно соединены литые дополнительные звенья того же типа, какой мы встречаем в удилах I типа.

2. Константиново, окрестности Смелы. Киевский музей. Курган № 376, раскопанный А. А. Бобринским в 1901 г.² Дополнительных звеньев нет. В одном из внутренних отверстий сохранился кусок кожи от щечного ремня (рис. 25). находка сделана в могиле вместе с глиняной посудой (6 сосудов, в том числе 3 архаичных чарки с высокими ручками)³, железным ножом, двумя железными «двубокими» наконечниками стрел и железной кнопкой.

3. Третий экземпляр найден в Болгарии в Ендже, севернее Шумена, в 1929 г. во время раскопок Р. Попова, в кургане № 2, погребение 1. Софийский музей. В наружных кольцах — дополнительные звенья, по видимому, того же устройства, что и в майкопском экземпляре, но возможно и скованные, так как воспроизведение не позволяет об этой детали судить⁴. В могиле найдены еще 52 бронзовых наконечника стрел, бронзовый крючок, железные наконечник копья и кинжал или меч, золотая диадема и 2 глиняных сосуда.

¹ См. общий обзор: Н. А. Potratz. Die Pferdegebisse des zwischenstromländischen Raumes. «Archiv für Orientforschung», т. XIV, в. 1/2. Berlin, 1941, стр. 1—39. тип. III автора (рис. 33 и сл.); см. также Б. А. К у ф т и н. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 59—63, рис. 58, а — б.

² ОАК, 1901, стр. 101, рис. 180; А. Б о б р и н с к о й. Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах... в 1901 г. ИАК, в. 4, 1902, стр. 33, рис. 7; Е. Н. М и п н с. Scythians and Greeks in South Russia. Cambridge, 1913, стр. 76, рис. 19.

³ ИАК, в. 4, стр. 33, рис. 4—6.

⁴ Р. П о п о в. Могильник гробов при с. Ендже. «Изв. на Българския Археологич. Институт», VI, София, 1932, стр. 101, рис. 88; Н. А. P o t r a t z. Ук. соч., стр. 27, рис. 46.

Сходным по принципиальному устройству и общей форме является еще и четвертый экземпляр удила, найденный в Белини в Семиградье¹. Псалии здесь явно имитируют клык или рог. Отличие от рассмотренных образцов заключается в том, что, во-первых, отверстие в псалии смещено по отношению к кольцу для поводьев в сторону острия и в том, во-вторых, что удила отлиты в виде двух отдельных половин, внутренние кольца которых соединялись не сохранившимся соединительным кольцом путем

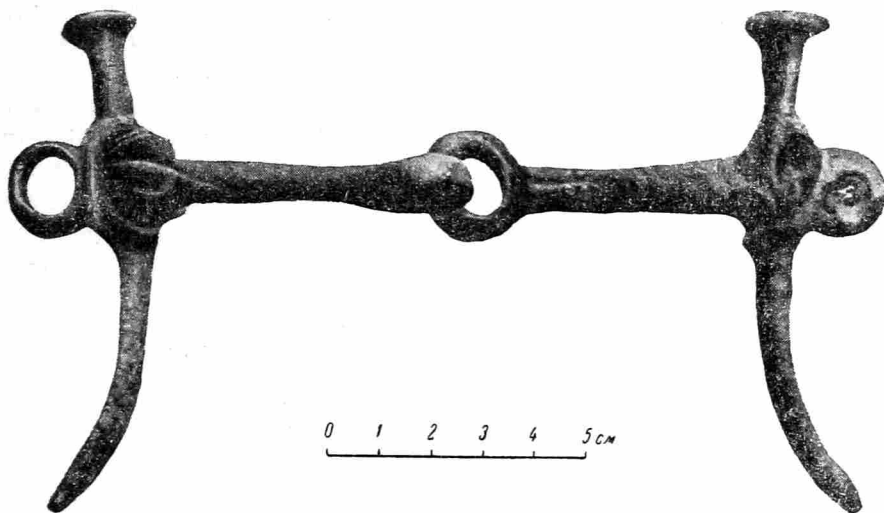

Рис. 25. Удила из кургана № 376 у с. Константиново. Исторический музей в Киеве.

ковки. Такой способ соединения позволял избегать сложных литейных форм и известен нам по ряду образцов переднеазиатского типа подобных удила². В разбираемом нами материале он не встречен ни разу. Три последние пары удила приведены и в работе Я. Харматта, составляя его V тип псалиев³.

Посвятивший древним удилам Передней Азии специальную работу, Х. А. Потратц всю рассмотренную группу и переднеазиатские удила с отлитыми нацело с псалиями звеньями удила совершенно необоснованно сопоставляет с современными мундштучными удилами, появившимися, по его словам, в средние века, в порядке преемственного развития эпизодически возникшей в древности формы⁴. Между тем принцип работы рассматриваемых удила совершенно иной, чем наших мундштучных удила; в последних щеки являются рычагом, к плечу которого прилагается сила через повод, в рассматриваемых же удилах псалии никакого участия в работе удила не принимают, а только удерживают их на месте.

Второй особый вариант удила известен пока только в одном экземпляре. Это также удила из двух пельнолитых звеньев, соединяющих колено удила и псалии. Особенность их заключается в наличии на псалии трех петель и в оформлении псалия в виде массивного стержня, на обоих концах

¹ J. Nestor. Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien, 22. Bericht der Röm.-germ. Komm. Frankfurt a. M., 1933, стр. 133, рис. 25, 7—8; Н. А. Потратц. Ук. соч., стр. 21, рис. 36.

² Н. А. Потратц. Ук. соч., стр. 21, рис. 33—35 и 37; Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 61, рис. 58 б.

³ J. Harmatta. Ук. соч., стр. 127.

⁴ Н. А. Потратц. Ук. соч., стр. 18.

завершающегося скульптурной головкой коня. Найден этот экземпляр в Верхнекобанском могильнике и с собранием А. С. Уварова поступил в Исторический музей в Москве¹. Один псалий этих удил был отломан и вновь присоединен в древности путем отливки дополнительного кольца, в которое вставлен псалий (рис. 26). С этими удилами можно сопоставить охарактеризованные выше находки псалиев V типа.

Далее следует упомянуть еще об одном варианте удил, также пока известном лишь в одном экземпляре. Это удила собрания Бобринского с обозначением «В. Кобан», в настоящее время хранимые в Эрмитаже (рис. 27)². Мы в этом образце имеем пока единственный на Северном Кавказе и вообще на всей территории СССР, кроме Закавказья, образец бронзовых удил с напускными, свободно подвижными на коленях удил, псалиями. Псалии здесь литые, довольно сложного рисунка; они снабжены центральным кольцом для пропуска удил и двумя прямоугольными петлями на задней стороне для крепления к отросткам печного ремня. Изогнутый конец псалия обращен назад, и, повидимому, вниз. Что касается самих удил, то они состоят из двух звеньев, скрученных из бронзового откованного прута. Первое звено сгибалось надвое, в месте сгиба оставлялась петля, а дальше стержень удил сплетался из двух прутьев; после этого на него насаживался псалий, а свободные концы закручивались в кольцо, в которое вpletалось литое колечко для присоединения повода. Второе звено удил изготовлялось точно таким же способом, но до скручивания перегнутого прута он пропускался через внутреннее кольцо первого звена.

Удила с напущенными псалиями широко распространены во многих вариантах в странах Древнего Востока и Средиземноморья³. Удила эти являются древнейшими металлическими удилами, возникшими в первых своих вариантах на Переднем Востоке еще в начале второй половины II тысячелетия до н. э. С другой стороны удила, сплетенные из скрученных прутьев, также очень рано появляются на территории и Древнего Востока и Средиземноморья⁴.

Недавно на Мингечауре, в Азербайджане, найдены бронзовые удила, каждое звено которых сплетено из одного прокованного прута, образуя при этом два кольца — большое наружное и малое внутреннее⁵. Подобные же удила найдены в Узун-тепе в Астрахан-базарском районе⁶. Оба азербайджанских экземпляра найдены без псалиев и, следовательно, относятся к иному типу узды, чем кобанский экземпляр. Тем не менее, эти находки, близкие по времени, показывают, что не только по конструкции (напускные псалии), но и по технике производства (плетение) наш экземпляр скорее тяготеет к Закавказью, чем к далеким западным областям, где фигурные напускные псалии широко распространены, особенно в Италии.

¹ Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова. М., 1887, стр. 52, № 299 и рисунок на нумерованной (15-й) таблице; ср. П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 31 и рис. 36 на стр. 32.

² Инв. ОИПК 1360/34.

³ Н. А. Potratz. Ук. соч., стр. 2—18, типы II и III данного автора, рис. 1—32; Б. А. К у ф т и н. Ук. соч., стр. 59—61, рис. 56—57.

⁴ Н. А. Potratz. Ук. соч., рис. 2, 5, 11; автор на стр. 8 считает, что скрученные стержни удил свидетельствуют пережиточно о первичных удилах из скрученных жпл, хотя появление их может быть объяснено, как мы видим, техникой напуска псалиев.— Б. А. К у ф т и н. Ук. соч., рис. 57, 2 и 4.

⁵ Удила демонстрировались С. М. Казиевым на временной выставке в Эрмитаже в январе 1948 г.

⁶ И. М. Д ж а ф а р з а д е. Элементы археологической культуры древней Мугани. «Изв. Акад. Наук Азерб. ССР». Баку, 1946, стр. 36. рис. VIII, 2.

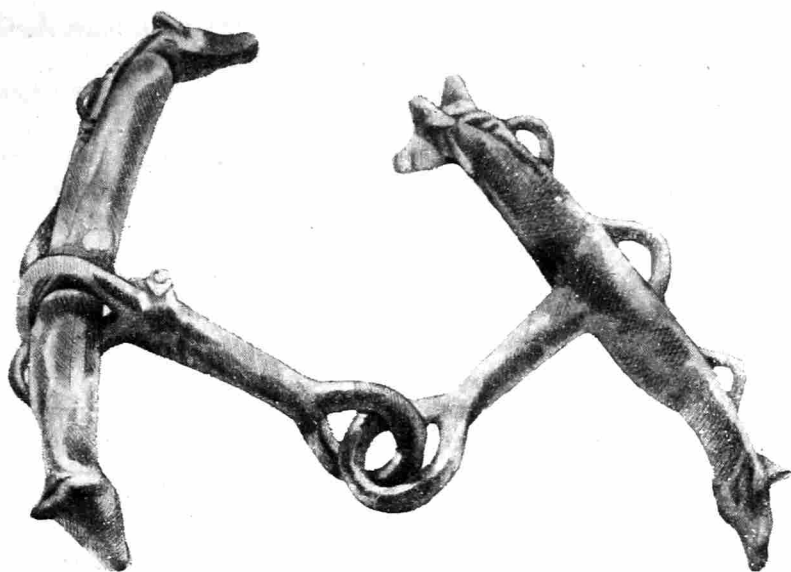

Рис. 26. Удила из Кобанского могильника. Исторический музей в Москве.

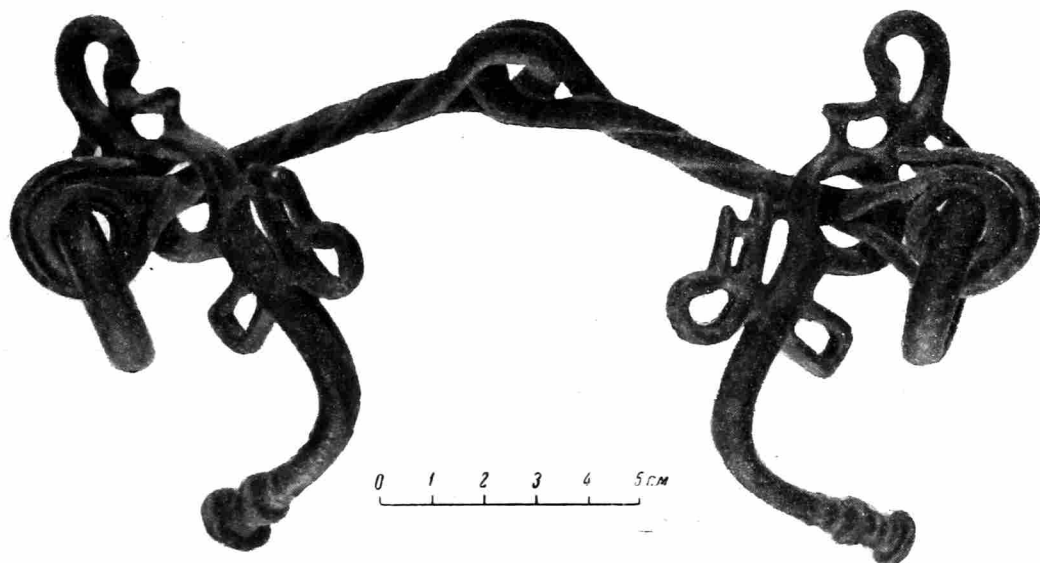

Рис. 27. Удила из Кобанского могильника. Эрмитаж.

Наконец, нам следует остановиться на одной находке отдельного бронзового псалия, сделанной вне занимающей нас территории, около Билярска в Татарской АССР (рис. 28). Псалий сохранился не полностью; один его конец, повидимому имевший вид лопасти, обломан. В сохранившейся части псалий имеет вид стержня со шляпкой на конце; с наружной выпуклой стороны имеется одна петля, а с противоположной вогнутой — два выступающих стерженька со шляпками. Таким образом, перед нами вариант псалия нашего I типа, при котором верхний и нижний отростки щечного ремня обводились сзади псалия на переднюю его сторону и надевались прорезями на шляпки, тогда как средний отросток, пропущенный через кольцо удила, крепился таким же образом, как в псалиях

типа в средней петле. Псалий найден случайно, опубликован А. Ф. Лихачевым и сейчас, вероятно, хранится в Казанском музее¹.

Единичность и удаленность места находки не позволяют включить этот псалий в число разновидностей псалиев нашего I типа.

В заключение нашего обзора следует сказать, что, кроме перечисленных нами находок, известен еще ряд бронзовых удил и бронзовых псалиев, установить тип которых нам сейчас не представляется возможным. К их числу относятся следующие:

1 и 2. Верхний Кубан. Две пары бронзовых удил Венского музея. По словам П. С. Уваровой, один из них — «с зубцами», что, возможно, соответствует нашему I типу, а другие «с винтообразной нарезкой», характерной для нашего типа II².

3. «С Урупа» в музее Грузии хранится обломок бронзовых удил особого варианта закавказского типа. Каждое звено удил отлито вместе с псалием нацело³.

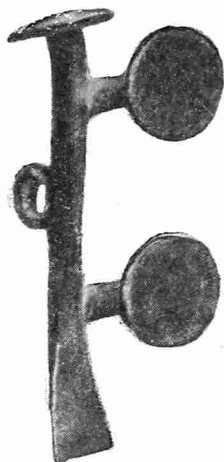

Рис. 28. Псалий из Билярска. Казанский музей.

4. Удила неизвестного типа из Майкопа в Берлинском музее, упомянутые выше.

5. Нижнекундручевская станица на Дону. В Новочеркасском музее хранятся бронзовые удила из случайной находки 1902 г.⁴ Вероятно, входят в число 4 удил III типа, упомянутых выше.

6. Кумбулта. Бронзовые удила упоминаются П. С. Уваровой без указания их числа⁵.

7—8. Верхняя Рутха. Две пары легких бронзовых удил с бронзовыми псалиями, в одном из которых следы железа, в собрании П. С. Уваровой⁶.

9. Легкие бронзовые удила упоминаются П. С. Уваровой и из Камунты⁷. В Историческом музее имеется пара таких удил, не сохранившая внешних концов звеньев.

10. Каневский уезд. Бронзовые удила собрания Ханенко⁸.

11—12. Жаботин. Две пары бронзовых удил из кургана № 2, раскопанного В. В. Хвойкой, поступившие в собрание Ханенко и «сходные по виду с изображенными во II выпуске издания под № 277 и 278»⁹. Ссылка эта относится к изображениям удил I типа (№ 278) и III типа (№ 277) из раскопок Тарновского в Каневском уезде, приведенным нами выше. Так как совершенно невероятно, чтобы удила этих двух типов встретились вместе, вопрос требует еще выяснения.

13. С. Берестяги, б. Каневского уезда. А. А. Бобринской упоминает бронзовые удила из кургана № 45, раскопанного Е. А. Зноско-Боровским¹⁰.

¹ А. Ф. Лихачев. Скифские элементы в чудских древностях. Тр. IV АС. т. I. М., 1884, стр. 179 и табл. 3, рис. 7.

² П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 30.

³ П. С. Уварова. Коллекция Кавказского музея, т. V, Тифлис, 1902, № 1029. Музей Грузии № 6-02/116.

⁴ Х. И. Попов. Каталог Донского музея (не изданный), стр. 46, № 653 б.

⁵ П. С. Уварова — МАК, VIII, стр. 229.

⁶ Там же, стр. 252.

⁷ Там же, стр. 304.

⁸ Древности Приднепровья, в. II. Киев, 1899, стр. 25, № 276.

⁹ Древности Приднепровья, в. III. Киев, 1900, Прилож., стр. 6 и 7, № 368 и 369.

¹⁰ А. А. Бобринской. Курганы и случайные археол. находки близ м. Смелы, III. СПб., 1901, стр. 119.

14. Болтышка, б. Чигиринского уезда. А. А. Спицын упоминает медные удила из одного из раскопанных здесь курганов, хранившиеся в Киевском университете¹.

15. Фриденсфельд, б. Аккерманского уезда Бессарабской губернии. В раскопанном проф. Кнауером в 1899 г. кургане III найдено «бронзовое удило со звеном»; коллекция была передана в Киевский университет².

Последние 6 пар удил (№ 10—15) должны были поступить впоследствии в Центральный исторический музей в Киеве. Из приведенного нами выше перечня к этим удилам могут относиться лишь 1—2 пары удил III типа, не имевшие, по данным 1940—1941 гг., сведений о происхождении, и удила невыясненного происхождения, изданные по фотографии Т. Хорватом.

Кроме того, возможно, что из Верхнекобанского могильника происходит еще один псалий III типа с трубчатыми отверстиями³.

VII

В итоге приведенного нами обзора материала мы можем установить следующую картину распределения рассмотренных нами уздечных наборов (табл. 2).

Таблица 2

Тип бронзовых удил	Число удил	Из них в находках с псалиями типа									Из них в находках без псалиев
		I	I-A	II	III	IV	V	особые	железные	костяные	
I (двукольчатый)	50	23	—	—	1	—	—	—	—	—	26
II (однокольчатый)	9	—	3	3	1	—	—	—	—	—	2
II-A (совместная отливка с псалиями)	4	1	—	3	—	—	—	—	—	—	—
III (кольца стремечковидные)	70	—	—	1	6	2	1	—	21	3	36
IV	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Особые варианты	5	—	—	—	—	—	1	4	—	—	—
В с е г о	139	24	3	8	8	2	2	4	21	3	64
Отдельные находки псалиев без удил	—	11	1	3	8	2	3	1	—	—	—
Удила невыясненных типов .	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Территориальное распределение этих находок представляется в следующем виде (см. табл. 3).

Табл. 2 и 3 позволяют сделать вывод, что только I и III типы удил являются стойкими и широко распространенными на всей территории нашего юга.

Остальные типы и варианты бронзовых удил сосредоточены почти исключительно на Северном Кавказе, где мы должны предполагать возникновение типов II и II-A. Что касается псалиев, то трехплетчатые типы

¹ А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, в. 65, 1918, стр. 103.

² А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 121; Архив ИИМК, ф. 1, дело 1899 г., № 11.

³ См. J. Nagtata. Ук. соч., стр. 113, где наряду с упоминаемым нами псалием (изданным в МАК, VIII, стр. 33, рис. 37) упоминается еще другой, того же типа, со ссылкой на работу E. Chantre. Recherches paléolithologiques dans la Russie méridionale. Lyon, 1881, табл. VII.

Таблица 3

Р а й о н	Удила типа						Число нахо- док псалиев без удил	Удила не- выясненных типов
	I	II	II-A	III	IV	особые варианты		
Северный Кавказ	23	9	4	32	—	3	13	8
Закавказье	1	—	—	1	—	—	1	—
Подонье и Поволжье	9	—	—	8	1	—	6	1
Поднепровье	17	—	—	28	—	1	9	6
«Юг России»	—	—	—	1	—	—	—	—
Болгария	—	—	—	—	—	1	—	—
В с е г о	50	9	4	70	1	5	29	15

их I, I-A и II, несомненно, связаны между собой единой линией развития и характерны прежде всего для рассматриваемой территории; они продолжают затем переживать в железных трехпетельчатых псалиях, сопровождающих уже железные удила.

Псалии III типа, с трубчатыми отверстиями, также, несомненно, являются показателем культурных связей с Западом, с территорией гальштатской культуры и Венгрией, где различные их варианты широко распространены. Некоторые экземпляры этих псалиев, вероятно, прямым образом могут считаться привозными; таковы, например, псалии из Камышевахского погребения. Псалии IV типа с тремя отверстиями без выступающих трубочек повторяют формы простейших костяных или роговых псалиев, тогда как псалии V типа являются прототипом или имитацией зооморфных костяных псалиев с тремя отверстиями, с которыми они сосуществуют во времени. Последние, костяные зооморфные псалии, сочетаются главным образом с железными удилами, но в нескольких случаях встречены и при бронзовых удилах. Их основная область распространения — Приднепровье.

IV и V типы псалиев, таким образом, должны, в представленных в нашем материале вариантах, считаться местными в пределах занимающей нас территории.

Рассмотренные типы бронзовых удил и псалиев, совершенно несомненно, не все одновременны, а должны быть относимы хотя и к смежным, но различным моментам исторического развития.

В составе разобранного нами материала четко выделяются две основные хронологические группы — первая, обнимающая удила I типа и комплексные находки, в состав которых эти удила входят, и вторая группа, включающая находки бронзовых удил с концами в виде стремечка, т. е. III типа. Хронологическая последовательность этих групп может быть только одна. Удила III типа сосуществуют с древнейшими железными удилами и, несомненно, являются самыми поздними из бронзовых удил на территории нашего юга. Следовательно, первая группа, с удилами I типа, старше второй.

Положение остальных типов удил (II, II-A, IV и особых разновидностей) в системе относительной хронологии далеко не так ясно. С типологической точки зрения нет оснований считать эти разновидности синхронными с удилами III типа; следовательно, они должны быть старше второй нашей

группы. Однако для решения вопроса о их временном соотношении с первой группой мы не располагаем достаточными данными. К сожалению, все находки удил типов II и II-A сделаны или случайно, или же без фиксации тех комплексов, в которые они входили. Типологически здесь много общего с первым типом, однако говорить уверенно о их синхронности мы также не имеем оснований. Скорее всего типы II и II-A следует считать дальнейшим этапом развития бронзовых удил, последовавшим за временем бытования I типа. В пользу такого предположения говорит как близость трехпетельчатых псалиев типа I-A, встреченных с удилами только II типа, к псалиям основного первого типа, так и появление стержневидных вариантов трехпетельчатых псалиев (II тип) с удилами типов II и II-A. Эта форма псалиев в виде стержня с тремя петельками позже, одновременно с нашей второй хронологической группой, продолжает использоваться уже в ином материале — в железе. Такая последовательность более приемлема, чем предположение о первоначальном типе однокольчатых удил с псалиями типов I-A и II и о последующем переходе к двухкольчатым удилам и псалиям I типа. В этом последнем случае после двухкольчатых удил должны были вновь появиться удила с одним только отверстием в форме стремечка, а после лопастных псалиев I типа — опять псалии стержневидные с тремя петельками. Это совершенно невероятно.

Период существования удил II типа (и типа II-A) вместе с тем не мог быть особенно длительным. Об этом свидетельствует сосредоточение всех находок только на Северном Кавказе при отсутствии их на Дону и на Украине, где удила I и III типов представлены широко. Об этом же говорит и множество вариантов в сочетаниях удил и псалиев и, я бы сказал, «экспериментальный» характер удил типа II-A.

О том же самом свидетельствует и прослеживаемая по другим предметам типологическая связь некоторых комплексов, включающих удила I типа, с позднейшими комплексами с удилами III типа. Выше мы отмечали такую связь между комплексами из Эссентуков и хутора Кубанского, относящимися к первой группе, и комплексом хутора Алексеевского поздней группы. Наличие таких связей во всяком случае свидетельствует о сравнительно незначительном хронологическом разрыве между двумя группами, разрыве, который на Северном Кавказе мог соответствовать времени типов II и II-A.

Из остальных вариантов удил группа из Майкопа, Константинова и Ендже, с псалиями, отлитыми нацело со звеньями удил, в двух последних своих экземплярах входит в хорошо фиксированные погребальные комплексы. Обе эти находки по остальному инвентарю должны быть старше нашей второй группы, характеризуемой бронзовыми удилами III типа. Эта группа, таким образом, хронологически или совпадает с первой группой или, что кажется более вероятным, несколько моложе ее и может быть синхронна с типами II и II-A.

Что касается кобанских удил с бронзовыми зооморфными псалиями, то они, вероятно, должны быть относимы ко времени нашей поздней группы с удилами III типа, когда широкое распространение, главным образом в Приднепровье, получают костяные зооморфные псалии при железных удилах.

Определить хронологическое место кобанских удил с напускными псалиями по отношению к рассмотренному материалу я сейчас не берусь, хотя и склонен думать, что они старше нашей поздней группы.

В составе самой поздней группы, в свою очередь, также можно выделить два хронологически различных комплекса. К первому из них, более раннему, я бы отнес такие формы переходного характера, как удила

Днепропетровского музея с двумя отверстиями в «стремечке». Сюда же следует отнести комплексы, не содержащие железных частей конского убора и отличающиеся более архаичными типами псалиев, как Ростовский комплекс с удилами IV типа и как находки в Камышевахе, Черногоровке, Большой Белозерке (Малой Цимбалке), а также уздечный набор из Кобана с удилами III типа. Выделение этой группы можно обосновать не только чуждыми основной массе находок этой группы формами удила (Ростов) и псалиев, — что можно было бы объяснить проникновением этих форм извне, с запада (Ростов, Камышеваха, М. Цимбалка), — но и другими элементами комплексов: бронзовым ножом в Камышевахе, весьма архаичным сосудом и набором стрел в Малой Цимбалке; последние П. Д. Рау в свое время относил к «доскифскому» периоду, считая «скифским раннеархаическим периодом» лишь время Келермесских курганов¹. Такое заключение, конечно, исторически неверно, но чисто хронологически правильно определяет возраст комплекса Малой Цимбалки как «докелермесский».

К более позднему времени следует относить основную массу удила III типа, сочетающихся в комплексах с железными удилами, причем как к бронзовым, так и к железным удилам часто принадлежат железные трехплетчатые или костяные трехдырчатые псалии. Сюда относятся такие комплексы, как Келермесский курган № 1/1904, Костромской курган, Старшая могила и многие другие. Сюда же относятся курганы Жаботинский (№ 524) и Емчихи (№ 375), в комплексах которых псалии III типа явно более позднего варианта, чем в М. Цимбалке или Камышевахе.

Наметив, таким образом, относительную хронологию нашего материала, мы должны теперь решить вопрос об абсолютной датировке выделенных хронологических групп. Для ответа на этот вопрос опираться приходится только на позднейшую группу, комплексные памятники которой в некоторой своей части могут быть относительно точно датированы. Эта возможность дана нам наличием сравнительно хорошо обоснованных определений возраста импортных вещей, встреченных в этих и в явно с ними синхронных комплексах. К таким комплексам в первую очередь относятся Келермесские курганы, а также ряд других курганных погребений Прикубанья (курганы Ульского аула) и Приднепровья (Мельгуновский курган и другие), датировка которых определяет наиболее четко выявляемый хронологический этап в развитии раннескифской культуры, когда она выступает перед нами в уже вполне сформировавшемся виде.

Общая датировка всей этой группы в литературе последних десятилетий определялась различно — в пределах от конца VII в. до н. э. и до второй половины VI в. Не вдаваясь в детальное рассмотрение этого вопроса, ограничимся несколькими краткими замечаниями.

В отношении Келермесских курганов необходимо сказать, что вся эта группа «скифских» курганов, несомненно, охватывает относительно незначительный отрезок времени, порядка вряд ли более полувека или только чуть больше. В эту группу входят как курганы, раскопанные горным техником Шульцем в 1903—1904 гг. и давшие ряд импортных вещей, так и два кургана, исследованные в следующем 1904 г. Н. И. Веселовским. И в тех, и в других были найдены бронзовые удила III типа. Хронологическое единство всей группы подкрепляется также наборами наконечников стрел², одинаковым стилем резных зооморфных изделий из кости и дру-

¹ Р. Рау. Ук. соч., стр. 31.

² Там же. табл. I.

гими вещевыми слагаемыми погребальных комплексов. М. И. Ростовцев относил всю группу к VI в. («скорее вторая его половина»)¹, тогда как после него К. Шефольд, на основе стилистического изучения импортных вещей, предложил датировать ее второй четвертью VI в.² В последнее время М. И. Максимова, после детального изучения серебряного плакированного золотом зеркала из 2-го кургана Шульца, пришла к примерной дате его изготовления в 580—570-х гг., т. е. между 590 и 570 гг. до н. э.³ Такая дата вполне соответствует общей датировке Шефольда и вместе с тем дает более или менее твердый *terminus post quem* для содержавшего это зеркало курганного погребения. С другой стороны, близкие вещевые аналогии к находкам в Келермесских курганах найдены Б. Б. Пиотровским за последние годы в Кармир-блуре при раскопках урартской крепости, в начале VI в. до н. э. разрушенной скифами (наконечники стрел, железные удила и псалии, резные из рога головки грифонов и др.)⁴. Между датой сооружения Келермесских курганов и падением Кармир-блур, следовательно, не может быть значительного хронологического разрыва. Все сказанное позволяет считать, что Келермесская группа должна быть отнесена в основном ко второй четверти VI в., как ее и датировал Шефольд. Вместе с тем, вполне возможно, что дальнейший детальный анализ находок заставит расширить эту датировку, отнеся некоторые комплексы этого этапа к несколько более раннему времени, но все же в пределах VI в. до н. э. Бесспорных указаний на даты после 550 г. мы, как мне кажется, для Келермесских курганов не имеем.

Что касается курганов Ульского аула (ныне селение Уляп Адыгейской автономной области), то они, повидимому, охватывают более длительный отрезок времени, чем Келермесская группа. Здесь мы, несомненно, имеем комплексы второй половины VI в. или даже его конца (курган № 2, 1909 г.). Интересующий нас ближайшим образом, по наличию в нем бронзовых удил, курган 1910 г. должен быть отнесен к наиболее ранним в этой местности (он не входит в основную, тесно расположенную группу Ульских курганов).

Курган Костромской станицы («Первый Разменный», 1897 г.) по времени синхронен группе Келермеса.

Приднепровские комплексы, содержащие бронзовые удила разбираемого типа, полностью соответствуют этой датировке. Из них особо следует упомянуть о погребении кургана № 15 на Серебрянке, содержавшем наряду с удилами кавказскую бронзовую ситулу⁵, аналогии которой имеются в кобанской культуре Северного Кавказа и во втором Келермесском кургане 1904 г.⁶

В погребении кургана № 38 близ Гуляй-города наряду с удилами найден ряд предметов, еще очень близких к келермесским типам, а также архаическое бронзовое зеркало греческой работы с ручкой, заканчивающейся головкой барана⁷, датируемое во всяком случае еще VI в. до н. э. (второй

¹ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 312.

² К. S c h e f o l d. Der skythische Tierstil in Südrussland. ESA, XII, 1937, стр. 8—13.

³ Доклад 27.XII.1948 г. в Государственном Эрмитаже.

⁴ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. Результаты раскопок 1939—1949 гг. Ереван, 1950, стр. 86—97.

⁵ Н. М а к а г е п к о. Ук. соч., стр. 24, рис. 1.

⁶ Собрание Эрмитажа.

⁷ А. А. Б о б р и с к о й. Курганы близ м. Смелы, I, табл. VIII, 3.

половиной). К удилам келермесского типа здесь, однако, относились костяные трехдырчатые псалии местного приднепровского варианта.

Курган № 524, раскопанный А. А. Бобринским в 1913 г. в Жаботине, дал набор наконечников стрел, чрезвычайно близкий к келермесскому¹.

Среди курганов Роменской группы наиболее ясную картину дает «Старшая могила», раскопанная Д. Я. Самоквасовым. Комплекс находок этого погребения В. А. Ильинской совершенно правильно датирован не позднее половины или конца VI в.², несколько ранее известного погребения кургана у хут. Шумейко. Последнее, бесспорно, относится к концу VI в. до н. э., в чем сходятся все занимавшиеся этим комплексом (Ростовцев, Шефольд, Ильинская). По отношению к нашей теме мы здесь уже не видим бронзовых удил, еще представленных в Старшей могиле. В кургане хут. Шумейко с железными удилами встречены в большинстве костяные трехдырчатые псалии среднеднепровского типа, украшенные на концах головкой животного и копытом³, но в одной узде последние заменены подражающими им бронзовыми псалиями нового типа, с двумя отверстиями⁴ — типа, связанного с конструктивным изменением узды на рубеже VI—V вв. до н. э.

Все сказанное позволяет прийти к выводу, что поздняя группа комплексов, содержащих бронзовые удила III типа, должна быть относима к VI в. до н. э., быть может, не доходя до рубежа VI и V вв. до н. э.

Намеченная нами выше более ранняя группа комплексов с удилами III типа (Малая Цимбалка и др.), очевидно, должна быть отнесена к концу или ко второй половине VII в. Возможно, что к этому же периоду на Северном Кавказе придется отнести удила типов II и II-A, а также группу Майкоп — Константиново — Ендже. В последнем погребении найдены наконечники стрел⁵, по общему облику комплекса более древние, чем в Келермесских курганах, но менее архаичные, чем в находке из Чернышевской станицы.

В таком случае для удил нашего I типа определение абсолютной даты даст приблизительно период от середины VIII в. до середины VII в. Такая датировка, конечно, пока еще недостаточно обоснована, но мне во всяком случае представляется, что приближать эти даты, сокращать возраст первой, старшей, группы разобранного нами материала никак нельзя. Скорее можно думать о другом, о распространении ее на весь VIII в.

Несомненно, что при недостаточно многочисленном и в большей своей части недостаточно документированном материале предлагаемая хронологическая система неизбежно должна иметь схематический характер, в известной мере отвлекающийся от сложных сочетаний разновременных по происхождению форм в реальных комплексах. Только дальнейшее накопление фактов, количественный и качественный рост материала, позволит уточнить и более полно обосновать предлагаемую датировку.

Во всяком случае, при подходе к датировке древнейших металлических удил Северного Кавказа и Причерноморья следует помнить, что в странах Передней Азии орды северных племен, частично, несомненно, связанных с территорией, занимающей нас в настоящей работе, появляются как конные воины, как кочевники, в полной мере освоившие коня как средство передвижения. Совершенно несомненно, что как киммерийцы, отме-

¹ Р. Рау. Ук. соч., табл. II, 2 E — F; ИАК, в. 60, 1916, стр. 2, рис. 4.

² В. А. Ильинська. Курган Старша могила. «Археологія», V, Київ, 1951, стр. 210.

³ Древности Приднепровья, в. III. Киев, 1900, табл. XLIX и L.

⁴ Там же, табл. XL, № 333.

⁵ Р. Попов. Ук. соч., стр. 102—103, рис. 89 и 90.

чаемые в ассирийских источниках еще в VIII в., так и скифы, впервые упоминаемые в начале VII в., еще у себя на родине, до начала своих южных походов на страны Древнего Востока, владели конем и, следовательно, знали металлические удила. В Кармир-блуре уже найдены типичные для VI в. скифские железные удила, а также железные и костяные псалии. Раньше VI в. железных удил на Северном Кавказе и в Причерноморье мы не знаем. Таким образом, бронзовые удила должны были бытовать на нашем юге по меньшей мере с середины VIII в.

VIII

Пытаясь на основании изложенного восстановить историю развития конской узды Северного Кавказа и Причерноморья в первую половину последнего тысячелетия до н. э., мы получим следующую картину.

Первичное освоение коня под верх как бытовое явление могло происходить повсеместно, где в стаде скотоводами в той или иной степени приручалась лошадь. Вполне могла применяться и первобытная узда в виде ременного или веревочного повода, закладывавшегося в рот лошади. Переживание этой древнейшей узды мы видим в ряде металлических удил Передней Азии и Луристана, состоящих из одного стержня с надетыми на него боковыми пластинами-псалиями и с кольцами на концах для прикрепления к ним повода, как бы разрезанного теперь и замененного в своей средней части металлическим стержнем. Так как подобным прибором немисливо пользоваться без закрепления его на голове лошади, неизбежно появилось оголовье, к ременной или веревочной части которого удила крепились при помощи псалиев. Древнейшие удила такого типа сохранились в ряде мест Древнего Востока в слоях, датируемых вплоть до XVI в. до н. э.¹ Около того же времени появляются и затем широко распространяются и древнейшие двучленные удила, также с напущенными псалиями².

Таким образом, древнейшие металлические удила на Северном Кавказе и в Причерноморье мы можем проследить примерно на 700 лет позже первоначального их появления на Древнем Востоке. Уже одно это обстоятельство свидетельствует против точки зрения Потратца, который в своей работе неоднократно высказывает мысль о происхождении древнейших форм переднеазиатской узды и удил из степной области, расположенной в пределах от Каспия до Венгрии, где с древнейших времен якобы жили кочевники-коневоды и откуда их волны многократно проникали в Переднюю Азию вплоть до времени скифских походов³.

Историческая действительность была совершенно иной. Мы сейчас вполне уверенно можем утверждать, что полное освоение коня на юге, в Передней Азии и Иране, произошло безусловно раньше, чем в европейских степях. Нам достаточно ясно по результатам многолетних археологических исследований, что освоение коня в качестве верхового животного и следующий за ним, или параллельно с ним совершающийся, крупнейший сдвиг в хозяйственном развитии многих степных племен в сторону перехода от оседлости к кочевому или полукочевому скотоводческому хозяйству произошли лишь в начале последнего тысячелетия до н. э., с чем вполне согласуется и вещественный археологический материал, осве-

¹ Н. А. Potratz. Ук. соч., рис. 12 (стр. 9), 14—16 (стр. 11), 24 (стр. 15).

² Там же, стр. 2—3 (стр. 5), 5—7 (стр. 7), 10—11 (стр. 9).

³ Там же, стр. 33—39.

щающий нашу тему. Этот материал, правда, не дал нам ни одного образца одночленных жестких удиц; но их мы не знаем и в Закавказье, где освоение коня, повидимому, произошло несколько раньше, чем на Северном Кавказе. На нашей территории таких первичных, одночленных удиц из металла, вероятно, никогда и не было. Вполне возможно, что у нас, так же как и в Южной Европе, в более позднее время, чем в Передней Азии, и, может быть, не без использования переднеазиатского опыта, могли сразу перейти к двухчленным металлическим удилам.

Правда, наши удила и псалли I типа представляют собой, несомненно, вполне развитые, выработанные и относительно сложные формы. Это обстоятельство, а также и формы псалнев, в том числе и I типа, часто напоминающих своим изгибом клык или рог, позволяют думать, что распространению форм I типа предшествовал период более ранних опытов создания узды, вероятно не имевшей металлических частей и пока еще в наших материалах не представленной. Все же и это предположение не позволяет нам углубляться далее рубежа II и I тысячелетий до н. э., если считаться не с отдельными случаями, а с глубоким хозяйственным процессом, с необходимостью приводящим на обширных территориях к широкому использованию коня в хозяйстве и в войне.

Таким образом, вероятно, около начала VIII в. впервые появляются бронзовые удила I типа, свидетельствующие о вполне установившемся устройстве узды, без существенных изменений сохранившемся до конца VI в. до н. э. Принцип устройства этой узды, охарактеризованный нами выше, сводится к разделению щечных ремней на три отростка, средний из которых пропускается через второе с конца или через единственное наружное кольцо удиц, после чего крепится, как и два остальных отростка, в соответствующей петле или отверстии псалия, расположенного впереди удиц; к наружным кольцам удиц крепится повод.

Рассмотренные нами типы удиц и псалнев все относятся к различным вариантам и этапам в развитии узды указанного устройства. Наиболее ранний из этих вариантов — двухкольчатые на концах удила I типа и изогнутые трехпетельчатые псалли (VIII—VII вв.), — бесспорно, является местным. Вне рассмотренной нами территории Кавказа и степного юга он не встречен ни в одной находке. Древние удила Закавказья, а также Подунавья нам уже достаточно хорошо известны. Никаких аналогий нашему типу мы там не знаем. Что же касается востока — Казахстана и Сибири, то там также нет никаких аналогий этому типу; повидимому, в период его бытования там вообще еще не знали металлических удиц. Имея в виду характер географического распространения этого типа, можно с полной уверенностью говорить о производстве удиц и псалнев этой группы на Северном Кавказе. Остается, однако, открытым вопрос, следует ли их относить к производству лишь одного из двух выделяемых сейчас на Северном Кавказе районов древней металлообработки — Прикубанского, с одной стороны, и Центрально-кавказского, Кобанского — с другой, или же они являлись общим для обоих этих районов видом производства¹.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные склоняют скорее всего ко второму ответу на этот вопрос. Не исключено, что по мере дальнейшего накопления материала мы сумеем различать удила и псалли этих двух производственных очагов по пока еще не улавливаемым нами второстепенным признакам.

¹ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, 1951, стр. 74—124.

Совершенно то же самое мы должны сказать об относящихся к VII в. комбинированных отливках из подвижно соединенных псалиев и удила II типа, пока что известных нам только из области собственно кобанской культуры и свидетельствующих о местном процессе экспериментирования и развития форм первого типа. Остальные, простые, экземпляры удила II типа (вероятно, датируемые VII в.) с однокольчатыми концами, очевидно, также должны быть отнесены к местным формам Северного Кавказа, так как на Украине и на Дону они отсутствуют.

В это же примерно время, около второй половины VII в., на материале удила и псалиев отчетливо прослеживается культурная связь с Западом, с областью так называемой «фрако-киммерийской» культуры. Что связь эта была двусторонней, свидетельствуется, с одной стороны, рядом находок в Венгрии, содержащих очень близкие к северокавказским удила и псалии, а с другой стороны, западные элементы прослеживаются в удилах из Ростова-на-Дону, в псалиях из Камышевахы и ряда других пунктов. «Западного» типа псалии еще раньше с удилами I типа зафиксированы в Каменноостовском и с удилами II типа в Кисловодске.

После короткого периода большого разнообразия в типах и разновидностях удила приходит — во второй половине VII в. — к господству новая форма бронзовых удила III типа с наружными концами в виде стремечка. Пути возникновения этой формы у нас на юге пока не могут быть достаточно ясно прослежены. Намечаются в этом отношении две возможности. Первая — развитие этих удила из однокольчатых удила II типа путем изменения внешних очертаний колец. В пользу такой возможности говорило бы наличие упомянутых выше нескольких пар удила с промежуточными формами отверстий овальных и тому подобных очертаний. Вторая возможная линия развития — от двухкольчатых удила через переходные формы вроде удила Днепропетровского музея со стремечковидным кольцом, имеющим два отверстия. Эта линия может быть намечена по двум вариантам: во-первых, от двухкольчатых удила I типа путем постепенного уничтожения второго кольца, или же, во-вторых, как развитие, параллельное развитию на востоке, в Сибири, и с ним взаимнообусловленное. Там, на востоке, формы, подобные днепропетровским удилам, известны во множестве вариантов. Для решения этого вопроса у нас недостаточен фактический материал. Вместе с тем территориальное распространение удила III типа в области «скифской культуры» как в Европе, так и в Южной Сибири настойчиво сигнализирует об элементах культурной общности между районами Причерноморья и Алтая еще в начале VI в. до н. э., хотя промежуточные области Урала и Казахстана остаются пока неосвещенными.

Как объяснить эту общность, — пока не поддается окончательному решению.

По всей видимости, металлические удила на Северном Кавказе и на Украине появились несколько раньше, чем в Южной Сибири. И здесь и там развитие началось, казалось бы, с более сложной двухкольчатой формы удила, но в совершенно различных вариантах, так как в Маймирском комплексе Алтая мы сразу видим удила с концами в виде стремечка, внутри которого выделено второе отверстие¹, тогда как на Северном Кавказе мы находим двухкольчатые удила в буквальном смысле слова. Однако в VI в. в обоих районах господствует одна общая форма удила, быть может, действительно развившаяся на востоке. В Причерноморье эта новая форма вытесняет кратковременно проявлявшееся западное влияние.

¹ М. П. Грязнов. Уж. соч., стр. 10, рис. 7, 8.

Вместе с тем в Причерноморье с этого же времени получает широкое распространение железо, освоение которого, вероятно, было ускорено в результате тесного контакта скифов с древневосточным миром в течение VII в. Поэтому в Причерноморье мы не видим полного господства удила III типа.

Параллельно с ними с начала VI в. появляются и получают широкое распространение железные удила и железные псалии. Последние в ряде случаев применяются и при бронзовых удилах (Келермес, Ульский аул). Это обстоятельство с несомненностью свидетельствует о том, что лишь начавшемся вхождении железа в обиход конного дела, когда еще не было усвоено, что удила из железа не оказывают на лошадь, на ее здоровье того безусловно вредного, отравляющего воздействия, которое должны были оказывать бронзовые и, в особенности, медные удила при длительном пользовании.

С заменой материала и с переходом к новой технологии производства удила и псалиев путемковки, принципиальное конструктивное устройство узды, однако, остается прежним. В VI в. мы попрежнему видим повсюду псалии (на Кубани — железные, на Днепре — преимущественно костяные) с тремя отверстиями в виде петель или дырок, служившими для соединения ремней оголовья с псалием и удилами.

Лишь в конце VI в. происходит принципиальное изменение в конструкции узды. Теперь вместо прежнего соединения псалия с удилами посредством отростка ремня, свободно пропущенного через наружное кольцо удила и затем через среднее отверстие псалия, начинают применять новый способ.

Псалий делается с двумя отверстиями; через наружное кольцо удила пропускается сам псалий, а концы ремня оголовья проходят в оба отверстия псалия. Повод соединен или попрежнему непосредственно с наружными кольцами удила, или же для его крепления применяются более сложные устройства. Это весьма существенное изменение в конструкции узды впервые было установлено М. П. Грязновым на материалах Южной Сибири¹ и датировано им для Причерноморья концом VI в. — началом V в. до н. э. Эта дата установлена совершенно верно; следует только добавить, что в условиях Причерноморья и Северного Кавказа этой смене конструктивных типов предшествует вытеснение бронзы как материала для изготовления удила и отчасти псалиев железом, тогда как на Алтае освоение железа происходит лишь после смены конструкций. Бронза в Европейской части СССР в V в. и позже сохраняется лишь как материал декоративных псалиев².

Все это позднейшее развитие конской узды собственно выходит за рамки нашей темы. В данной связи важно только установить, что позднейший предел бронзовых удила со стремечковидными концами падает еще на VI в., несколько ранее его конца. К V в. до н. э., насколько возможно сейчас судить, нельзя отнести ни одной находки таких удила.

¹ М. П. Г р я з н о в. Памятники Майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИМК, XVIII, 1947, стр. 9—10.

² Железные удила выковывались из двух стержней, концы которых загибались и образовывали кольца — внутренние, соединяющие оба звена удила, и наружные, заменяющие «стремечко» бронзовых экземпляров. На территории Европейской части СССР мне известна лишь одна пара бронзовых удила, изготовленных в этой технике. Найдены они в с. Янада б. Тетюшского уезда Казанской губернии вместе с обломком бронзового псалия с двумя петлями (третья, вероятно, обломана). См. А. М. Т а л л е г е н. Collection Zaoussailov, I, Helsingfors, 1916, табл. XV, 7—8. Вполне вероятно, что эта находка относится к VI в., до н. э., а техника заимствована из производства железных удила и псалиев.

IX

На основании анализа уздечных наборов Северного Кавказа и Северного Причерноморья мы пришли к выводу, что комплекс Новочеркасского клада относится приблизительно к периоду времени от середины VIII до середины VII в. до н. э. (750—650 гг.).

Нам остается, во-первых, проверить, насколько согласуется с такой датировкой остальная набор предметов, представленных в этом кладе, и, во-вторых, посмотреть, какие общие выводы вытекают из такой его датировки.

В Новочеркасской находке, кроме уздечных наборов, представлены только два предмета, поддающиеся хронологическому определению, — это топор и литейная форма для наконечников стрел; имеющееся в кладе бронзовое острие для наших целей непригодно.

В отношении топора (см. рис. 1) можно сказать очень немногое. Это типичный топор так называемого 1-го кобанского типа, широко распространенного как на Северном Кавказе, преимущественно в центральной его части, так и в Западной Грузии. Данный экземпляр относится к сравнительно грубой и тяжелой разновидности этого типа и, несомненно, представляет собою рабочий топор. Он резко отличается от изогнутых в средней своей части легких и пзящных боевых секир Верхнекобанского могильника и некоторых других находок. В отношении датировки этого типа топора пока, впредь до детальной разработки хронологии кобанской культуры, мы не можем дать никаких уточненных указаний; несомненно только, что эта форма топора существует длительное время, покрывая весь период существования Верхнекобанского могильника, а возможно, уходя и несколько глубже в начальный период сложения кобанского культурного комплекса, в самом Кобанском могильнике не представленный.

Таким образом, вопрос о датировке топора упирается в более общий вопрос датировки кобанской культуры в целом.

Не касаясь здесь этого вопроса в полном объеме, нужно сказать, что сочетание подобного топора с удилами I типа мы находим и в Заюкове, в погребении 1949 г., тогда как в погребении № 2, раскопанном в с. Каменномостском Е. И. Крупновым в 1948 г., также же удила сочетались с типичным кобанским бронзовым кивжалом. обстоятельный разбор инвентаря раскопанных им погребений и в особенности погребения № 2 привел Е. И. Крупнова в отчете о раскопках 1948 г. к определению даты этого погребения рубежом VIII и VII вв. до н. э.¹ Несмотря на ряд не вполне точных сопоставлений в этом разборе, с окончательным итогом его нельзя не согласиться. Вместе с тем не вызывает возражений и то, что в этой своей работе Е. И. Крупнов время расцвета раннекобанской культуры, очевидно, относит к VIII в. до н. э.² Это не значит, однако, что первоначальный, древнейший этап кобанской культуры не следует датировать еще более ранним временем; нужно только иметь в виду, что наиболее ранние комплексы собственно Верхнекобанского могильника к этим начальным моментам в развитии кобанской культуры не относятся.

Из находок удил в Кобане нам более или менее известен лишь комплекс исследованного Шантром погребения № 12. В состав этого типичного комплекса, кроме удил I типа, входили бронзовая секира с гравированным

¹ Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 255—273.

² Там же, стр. 255 и 258.

орнаментом, кинжал, дуговая фибула, поясная пряжка при полном отсутствии железа¹. Комплекс этот, находки из которого не относятся к самым ранним в могильнике, тем не менее должен быть старше погребения в Каменноостской, т. е. должен датироваться, вероятно, еще VIII в. до н. э.

В отношении наконечников стрел того типа, который представлен литейной формой Новочеркасского клада, следует сказать, что форма их наиболее близка к форме втульчатых наконечников копий, широко распространенных в первой половине I тысячелетия до н. э. Уже по этому

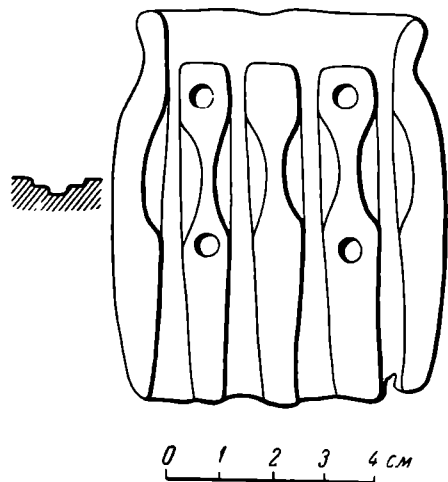

Рис. 29. Литейная форма из Новочеркасского клада 1939 г.

одному мы должны были бы считать этот тип древнейшим из всех бронзовых наконечников стрел втульчатого типа, так как типологически форма всех бронзовых двуперых втульчатых наконечников стрел, безусловно, восходит к наконечнику копья той же конструкции, тогда как трех- или четырехгранные бронзовые наконечники стрел прототипом своим имеют подобные наконечники из кости.

Новочеркасская литейная форма (рис. 29) служила для изготовления наконечников так называемой лавролистной формы, выделенной в классификации П. Д. Рау в качестве старейшей среди его «доскифских» типов². Этим же автором было уже отмечено, что в комплексе Малой Цимбалки мы имеем наконечники этого типа в сочетании и в

разновидностях, свидетельствующих об изживании этой формы, уже не представленной в комплексах скифского времени его «раннеархаической» (т. е. Келермесской. — А. П.) группы³. Наша литейная форма дает длиннотрубчатый вариант лавролистного наконечника стрелы, который по типологическим соображениям должен быть отделен от коротких форм, представленных в Малой Цимбалке, известным промежутком времени. Это также приводит нас к дате не позже рубежа VIII—VII вв. до н. э.

Среди комплексных находок, включавших в свой состав бронзовые удила I типа, наконечники стрел представлены еще в находке из Чернышевской станицы. Подавляющее большинство найденных здесь 64 наконечников относится к другому варианту «доскифских» наконечников по классификации Рау, а именно к его «округленно-ромбическому» типу, у которого верхняя часть наконечника имеет более или менее прямые края, образующие половину ромба, тогда как в нижней части сохраняются очертания лавролистного наконечника⁴. Четыре таких же наконечника относятся к находке 1951 г. на Бештау, упомянутой выше. Тип этот Рау, так же как и предыдущий тип⁵, датирует «по меньшей мере» всем VII веком.

Таким образом, все слагаемые комплекса Новочеркасского клада согласно приводят нас к дате около конца VIII в. и начала VII в. Более

¹ Е. С h a n t r e. Ук. соч., т. II, стр. 27—28 и рис. 3.

² Р. R a u. Ук. соч., стр. 30, табл. XIV, 3, DE.

³ Там же, стр. 31, табл. XIV, 2, B, D, E.

⁴ Там же, стр. 29 и табл. XIV, 2, J — M; 3, F — G.

⁵ Там же, стр. 32—33.

точное определение этой даты станет возможным лишь по мере накопления дальнейшего хорошо документированного комплексного материала.

Подводя итоги нашему разбору, можно считать выясненным:

1) что в VIII в. до н. э. на Северном Кавказе создаются первые металлические уздечные наборы нашего юга, получающие широкое распространение до Приднепровья и Поволжья включительно;

2) что в VII в. в области конского снаряжения на нашем юге сказывается, наряду с кавказским, также и некоторое влияние западных, «фракокиммерийских» племен;

3) что в начале VI в. господствующими становятся новые формы удил и псалиев, производство которых осваивается на Северном Кавказе, а формы и типы возникли в результате интензивных взаимоотношений с Сибирью (в части бронзовых удил), Закавказьем и Урарту (в распространении железных удил и псалиев);

4) что Новочеркасский клад относится к первому из перечисленных трех периодов и датируется, вероятно, не позже рубежа VIII и VII вв.

Таким образом, несколько уточняются наши представления о хронологии памятников раннескифского времени, обычно в археологическом отношении именуемого нами негативно «доскифским» или «предскифским». До некоторой степени заполняется тот пробел в наших знаниях, который зияет в отношении памятников VIII—VII вв., когда юг нашей страны бесспорно был обитаем киммерийскими и скифскими племенами — племенами, вполне освоившими коня, стоявшими уже на начальных этапах ступени военной демократии и совершавшими в это именно время свои походы в Переднюю Азию, способствовавшие падению древних государственных образований Урарту и Ассирии.

Вместе с тем у нас, на Украине, на Дону, на Северном Кавказе, на родине этих племен, мы как будто на основании археологических материалов лишь в начале VI в. могли отметить резкую перемену в местной культуре. В это время перед нами выступает вполне сформировавшаяся архаическая «скифская культура», представленная обильными и богатыми погребальными памятниками как на Кубани, так и на Днепре.

Нашей задачей было способствовать хотя бы в небольшой степени рассеянию этого неверного представления. Мы хотели на узком круге источников показать, что эта культура закономерно выросла из культуры предшествующих столетий, по меньшей мере двух — VIII и VII вв. до н. э., что резкий перелом в хозяйстве и быту населения нашего юга произошел раньше появления известных нам богатых погребений «скифских» племенных вождей. Следовательно, период VIII—VII вв. мы вполне можем считать начальным этапом в развитии скифской культуры в широком понимании этого термина. Такое понимание, однако, ни в какой мере не предрешает вопроса о принадлежности той или иной группы упомянутых нами памятников собственно скифам или киммерийцам или каким-либо иным племенам.

Это особый вопрос, требующий самостоятельного и детального исследования на основе всей совокупности источников. Не имея возможности излагать в данной связи свои соображения по этому поводу, ограничимся только одним общим замечанием. Несомненно, что киммерийцы, упоминаемые в письменных источниках, так же как и скифы, находились примерно на одной и той же ступени развития. И киммерийские, и скифские племена существовали на нашем юге, причем, вероятно, руководимое киммерийцами крупное объединение различных племен сменилось объединением под главенством скифов, что и нашло свое отражение в сообщениях Геродота.

Можно думать, что и скифские, и собственно киммерийские племена в VIII—VII вв. обладали чрезвычайно близкой культурой, так же как и в VI—III вв. так называемая скифская культура была достоянием не одних только скифов, но и ряда нескифских племен.

Выделить среди памятников VIII—VII вв. и более раннего времени собственно киммерийские памятники можно будет только тогда, когда станет ясной карта распространения этнокультурных групп древнего населения всего нашего юга для этого времени. Сейчас, пока мы склонны все памятники X—VII вв. относить к киммерийцам, мы должны помнить, что в составе искусственно конструируемой таким путем единой «киммерийской» культуры неизбежно будет включена и культура собственно скифских племен на ранних ее этапах.

Б. Н. ГРАКОВ и А. И. МЕЛЮКОВА
 ДВЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ
 В СКИФИИ ГЕРОДОТА

Данные Геродота позволяют рассматривать собственно скифов его времени как родственные племена, частью земледельческие, частью кочевые, с племенем кочевых царских скифов во главе. В этническое целое для Геродота их объединяли язык, легенды о происхождении и воинственные обычаи. Часто высказываемая точка зрения, что эти обычаи относятся только к кочевым скифам, неверна. Объединяя каллиппидов и алазонов с остальными скифами, Геродот пишет: «Алазоны и каллиппиды во всех остальных обычаях совершенно сходны со скифами»¹.

При описании же скифских нравов в целом прямо указывается на некоторые обычаи, свойственные только кочевым и царским скифам². Культы Таргитая-Геракла — бога-предка скифов, Арея во всех номах, т. е. основных областях, единство погребальных и военных обрядов и нравов, — относятся прямо на счет всех скифов. Обряд погребения с оружием даже рядовых общинников во всей степной Скифии, известный нам из раскопок довольно хорошо, прекрасно это подтверждает; три царства этногонического предания и три царя с тремя войсками в походе против Дария относятся также к скифским племенам как земледельческим, так и кочевым. Этноним «скифы» распространяется и на ряд племен между Бугом и Днепром, и на кочевые племена от Пантикапея до Дона и на племена, населявшие часть территории Крыма.

Геродот дает о скифском языке ряд сведений, а именно: в кн. IV, гл. 51, язык земледельческой территории называется скифским; в кн. IV, гл. 108, говорится об употреблении гелонами скифского языка, по крайней мере, со скифскими купцами, шедшими из-под Ольвии, из земледельческих районов; в кн. IV, гл. 117, указывается, что савроматский язык — это испорченный скифский. Все это с достаточной убедительностью говорит об языковом единстве всех кочевых и большей части земледельческих племен, может быть, за исключением скифов-пахарей. Современная лингвистика признает, на основании изучения скифских собственных имен у Геродота, его топонимики и этнонимики, очень вероятным, что язык северночерноморских скифов принадлежит к североиранской группе в том условном смысле, в котором этот термин понимается как группа родственных, происходящих из Средней Азии языков, откуда они попали довольно поздно и в собственно Иран.

¹ Herodot., IV, 17.

² Там же, IV, 59—75.

Это подтверждается античной традицией. Она ставит язык скифов в родство с языком савроматов (сарматов), а этих последних признает за ветвь мидян, т. е. иранцев¹.

Принадлежность к числу «ираноязычных» собственно сарматских племен, продвинувшихся особенно со II в. до н. э. из-за Дона и Волги в северное Причерноморье, подтверждается множеством данных лингвистики: именослова, этнонимов, топонимии и глосс. Но не надо забывать, что в римское время именем сарматов греки и римляне называли множество племен Европы, не имевших никаких родственных отношений с собственно сарматами.

За границами распространения собственно скифов живут различные нескифские племена, как это каждый раз оговаривает Геродот, названия которых всем нам хорошо знакомы. Об их языках можно только гадать.

Лишь о будинах и гелонах Геродот пишет, что хотя они и живут в одной и той же области, но говорят на разных языках: гелоны говорят будто бы на греческом и скифском языках, относительно языка будинов ничего неизвестно. Наконец, Геродот отмечает, что скифские купцы, проходя земли всех этих народов, ведут свои дела через переводчиков на семи языках. Геродот, таким образом, дает полное основание для нас противопоставлять по языку и этническому родству этим нескифским племенам собственно скифов, притом всюду связанных со степью, как нечто этнически родственное. Это не мешает Геродоту о многих нескифских племенах говорить, как о племенах, ведущих близкий скифскому образ жизни.

Этническое родство скифов царских, кочевых, земледельцев и каллиппидов, живших, по Геродоту, определенно в степной части северного Причерноморья, представляется несомненным. Об этом свидетельствуют как письменные источники, так и археологический материал. Труднее сказать что-либо окончательное об алазонах и особенно скифах-пахарях, вопрос о локализации которых на современной карте еще не решен. Возможно, что они также были родственны собственно скифам и жили где-то на территории степей, а не в лесостепной полосе, как это принято считать. Археологические памятники степной полосы, которые можно было бы связать с этими племенами, правда, пока не известны. Следует иметь в виду, что выше города Николаева Ю. Буг почти не исследован и нет ничего невероятного в том, что недалеко вверх по его течению будет найден еще один вариант степной скифской культуры, который может быть отнесен к этим двум племенам. За принадлежность алазонов и скифов-пахарей к одной этнической группе вместе с царскими и кочевыми скифами говорит как будто рассказ Геродота, в котором указывается на употребление скифского языка на границе между этими племенами. Возможно, впрочем, что оба племени или, скорее, только скифы-пахари не были связаны с собственно скифами этническим родством, а лишь находились в политическом подчинении у царских скифов и поэтому входили в скифский племенной союз.

Вместе с тем следует иметь в виду, что еще до эпохи Геродота, например у Гекатея Милетского, появляется стремление обобщить под этим именем как раз племена, географически соседние или связанные со скифами, но нескифские по данным Геродота, например, меланхленов, исседонов, даже отдельные города, как, например, город Керкинитиду. Но немного позже Эсхил² знает скифов в тех же пределах, что и Геродот.

¹ Herodot., IV, 117; Plinii. Nat. hist., VI, 19.

² Прикованный Прометей; см. Л а т ы ш е в. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1893, т. I, в. 2, стр. 334.

С IV в. этот обобщающий характер термина встречается все чаще (Гиппократ и Эфор), и ко времени Страбона и ранних римлян (Плиний) он присваивается множеству соседних, особенно сарматских, племен, а позднее любому, сменяющему в тех же местах скифов, народу до восточных славян и даже до печенегов включительно. Но когда речь у авторов идет о событиях, связанных с северо-западным Причерноморьем и Крымом, реальный смысл этого термина становится очевидным, и никакой путаницы собственно скифов с другими народами нет; особенно это ясно, когда письменные источники говорят о тех или иных военных столкновениях. Во всех лапидарных текстах реальность этого термина при трактовке тех же мест и событий также совершенно очевидна, что хорошо выражается в сочетании их в этих же текстах с другими этнонимами. Лучшие примеры противоположения скифов другим народам имеются в описании войны с Диофантом, у Страбона, в херсонесском декрете и у Юстина, а также в ряде боспорских надписей римского времени. Итак, скифы как этнически единое понятие на одной и той же территории северо-западного степного Причерноморья, несколько сокращенной движением сарматов и бастарнов, сохраняются от VII в. до н. э. до II в. н. э.

Обширность «скифского квадрата» по Геродоту, утверждения этнического и политического единства скифов, по данным и его, и ряда позднейших писателей, наряду с поразительным сходством оружия, конского убора и звериного стиля, при слабой изученности керамики и поселений, — все это привело в дореволюционное время к никем прямо не высказанному, но ходячему стремлению объединить в одно культурное и этническое целое все памятники и племена скифской эпохи в степном и лесостепном Причерноморье. Правда, тогда же А. А. Спицын намечал внутреннее деление скифской культуры¹. М. И. Ростовцев, реакционный буржуазный историк, языковедческие представления которого были весьма ограниченными и устаревшими, создал преувеличенное понятие о роли иранских по языку и культуре завоевателей в создании скифской культуры и более других дореволюционных ученых видел единство «скифской» культуры на огромных пространствах Европейской части СССР².

В советское время влияние школы Н. Я. Марра тормозило развитие скифологии. Создание понятий скифской стадии в различных местах Европы и Азии, господствующего племени-класса ираноязычных кочевников над «яфетическими» скифами, равноценности слагающих культуру элементов — все это были помехи на пути советской науки о скифах. Отсюда — беспредельное расширение понятия «скифского» на огромные пространства в духе поздних эллинистических авторов³. К этой же категории относится безрезультатная игра этнонимами «скифы», «славяне» и т. д. на основе четырехэлементного анализа. Поэтому иной раз и до сих пор славян ищут везде, где только речь может идти о скифах. Некоторые из наиболее добросовестных ученых — последователей Н. Я. Марра безуспешно искали компромиссных построений между его теорией и исторической действительностью, особенно в вопросе происхождения славян⁴.

¹ А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ПАН, 65, стр. 101 и сл.

² М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925; M. Rostovtzev. Iranians and Greeks. Oxford, 1925.

³ С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948; его же. Искусство скифов Алтая, М., 1949; М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. 1950, стр. 40.

⁴ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948; А. Д. Удадьцов. Начальный период восточнославянского этногенеза. «Исторический журнал», 1943, № 11—12, стр. 67 и ряд других.

Группа археологов, не принимавших учения Марра, несмотря на это, не делала различия между языковым и этническим родством, с одной стороны, и археологической культурой — с другой, подразумевая под скифами все археологически близкое (главным образом, по металлу и произведениям искусства) население степных и лесостепных районов Причерноморья, включая сюда и Кубань¹.

В результате работ И. В. Сталина о марксизме в языкознании очень многое изменилось, в частности, в скифоведении. Родство народов по общности происхождения и языковое родство по происхождению от одного языка-основы все меньше оставляют места нарочито создававшемуся отрицанию родства собственно скифских земледельческих и кочевых племен. Невозможно также больше производить славян от каких угодно и где угодно живших «скифов»². Отсюда — прямое следствие попытаться выяснить, какие из «нескифских» племен геродотовой Скифии могут претендовать на роль предков восточных славян, раз сами скифы во всем составе на это претендовать не могут. Собственно скифы и их нескифские соседи должны изучаться как те племена и народности, которые «имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки»³. Собственно степные скифы должны изучаться как народность или группа родственных племен, а не как некий расплывчатый и обязательный предок славян. Часть их физически все же, повидимому, вошла в славянство, а часть влилась в позднейших сарматов; это определяется и на археологическом материале. Необходимость учета образования племен и народностей в сложных исторических условиях кратко и четко очерчена в следующих словах Сталина: «За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались...»⁴.

А. А. Спицын сделал первую попытку разбить скифскую культуру на местные варианты⁵. Но с 1918 г. накопился большой материал, и именно скифологи дали много частных решений этого вопроса. Попытки общих решений проблемы об этнографии Скифии сделали Б. Н. Граков (1947 г.)⁶, М. И. Артамонов (1949 г.)⁷ и И. В. Фабрициус (1951 г.)⁸. Однако в их карты вкралась одна и та же ошибка: ими не учтено значительное в археологическом отношении отличие между лесостепью и степью, которое не позволяет при современном уровне знаний делить культуру, распространенную на всей этой территории, на варианты одинакового научного значения.

Ниже мы постараемся показать особенности степной и лесостепной культур и внутри этих больших групп наметить отдельные локальные варианты. Последние довольно четко выделяются преимущественно в лесостепи, так как степные области еще недостаточно изучены для этого.

В конце II тысячелетия до н. э. с Нижнего Поволжья и Дона надвинулись в северное Причерноморье племена поздней срубной культуры и заняли все Приазовье, крымские и северо-западные причерноморские степи. Развиваясь далее, эта культура к VII в. до н. э. дала

¹ В последнее время, например, Б. Н. Граков (Скифы. Київ, 1947)

² П. Н. Третьяков справедливо упрекает в этом некоторых ученых Крыма и Украины, видя в этом прямое следствие учения Н. Я. Марра. («Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 17).

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., Госполитиздат, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 27.

⁵ А. А. Спицын. Курганы скифов пахарей. ИАК, в. 65, стр. 101 и сл.

⁶ Б. Н. Граков. Скифы, Київ, 1947.

⁷ М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. «Ученые записки ЛГУ», 1949, в. 13, стр. 129 и сл.

⁸ И. В. Фабрициус. Допитання про топографізацію племен Скіфії. «Археологія», V, Київ, 1951, стр. 80 и сл.

совершенно определенные формы керамики открытых поселений и жилищ. В каменных домиках или полуземлянках здесь находятся горшки с оттянутой шейкой и покатыми плечами, изредка горшки с вертикальной шейкой, — иногда узкой, — и крутыми боками; очень редок в них старый баночный тип. До 60% этих сосудов орнаментированы на 1—1,5 см ниже островатого, иногда гладко срезанного по верху, бортика островатым же наlepным валиком с теми или иными надрезами или ямками от пальца или палочки. Реже тот же узор встречается без валика. Хорошие примеры этих поселений имеются на острове Хортице и в Припорожье, у с. Преслава на р. Обиточной. Далее на восток до Буденновки известны отдельные пункты с такою же керамикой; в Крыму эта керамика есть пока только в немногих курганах и поселениях¹. Черная лощеная гальштатовидная керамика, широко распространенная в лесостепи, встречается здесь единицами. На Буге она известна в Ольвии и Широкой балке², на Нижнем Днепре — на поселении у Берислава, в курганах у Н. Рогачика³ и у Цимбалки⁴. По существу она совершенно несвойственна для степных областей и, несомненно, появилась здесь лишь в результате пограничных сношений населения степи с лесостепью. Важно заметить также, что эта керамика здесь по большей части не моложе VII—VI вв. до н. э.

Греческий материал на поселениях раннего времени встречается редко. За исключением поселения у Широкой балки под Ольвией, откуда есть разнообразные греческие вещи от конца VII в. до начала V в., и даже кладка стен каменных домиков иногда сделана на греческий образец, — в остальных, более ранних поселениях пока известны только редкие фрагменты греческих амфор.

Погребальные памятники VII в. — первой половины V в. пока изучены слабо.

На всем степном протяжении известно только семь курганных впускных погребений этого времени (Никопольстрой — 2⁵, в курганах около Цимбалки — 1⁶, Константиновка 1⁷, Калмиус — 2⁸, Белозерка — 1⁹). При всей бедности инвентаря в них встречен вполне типичный набор скифских вещей: архаические стрелы, удила с псалиями, вещи звериного стиля. В Белозерке слабо скорченный костяк лежал в подбое, все остальные были вытянуты и помещались головой на запад и в широтных простых ямах. Подбойные погребения, следовательно, едва получили здесь свое

¹ О. А. Кривцова - Гракова. Алексеевское поселение и могильник Труды ГИМ, XVII, М., 1948, стр. 155 и сл.; е е же. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 76 и сл.; е е же. Очерки по истории племен Причерноморья и Поволжья в эпоху бронзы, главы IX и X. Архив ИИМК; П. Н. Шульц — в «Археологических исследованиях в РСФСР 1934—1936 г.», стр. 282; И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 108 и сл. Мы пока что не ставим вопроса о происхождении степных скифов в целом. В общих чертах мы придерживаемся точки зрения, высказанной в популярной книжке «Скифы».

² Б. М. Рабичкин. Поселение у Широкой балки. КСИИМК, XL, стр. 114.

³ Раскопки экспедиции Института археологии АН УССР в 1951 г. на Каховском водохранилище.

⁴ Коллекция Гос. Эрмитажа.

⁵ Б. Н. Граков. Раскопки 1939 г., курган № 3, погребение № 10.

⁶ Коллекция Гос. Эрмитажа.

⁷ П. Д. Либеров. Курганы у с. Константиновки. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 137 и сл.

⁸ Ждановский музей.

⁹ Ф. А. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губернии. ИАК, XIX, стр. 84 (курган № 3, погребение № 5).

начало. Устройство единственного богатого погребения этого времени у Токмаковки неизвестно.

В середине V в. керамика, развиваясь, меняется в формах: преобладают более крутые плечики, много чаще встречаются сильно отогнутые или вертикальные шейки, баночные сосуды превращаются в миски, очень много встречается крышек, сохраняющих свою форму еще с бронзового века. Орнаментальный валик часто очень тонок, снова, как в эпоху поздней бронзы, спускается на плечико сосуда и встречается в единичных случаях по краю горла, на плечике, или и там, и тут; особенно часто встречаются сохранившиеся от более раннего времени, но ставшие еще обычнее пальцевые ямки, косые ямки от конца палочки или дощечки и т. п. На доньшках обычны отпечатки ткани и даже цыновки. В примеси появляются крупный песок, дресва и иногда амфорная крошка (рис. 1). С малыми изменениями эти формы живут в IV и III вв. до н. э. (рис. 2). На поселениях много обломков классических, а также эллинистических амфор, сосудов черного лака, цветного стекла, греческих бус. Такая лепная керамика на Буге есть в Ольвии, Закисовой балке, Дидовой хате, Варваровке и других местах¹ по Днепру в селищах на Н. Рогачике и Конке², в Припорожье³ и на Каменском городище⁴ (225 км от моря), в Б. Лепетихе на нескольких селищах⁵, в Белозерском городище⁶; на р. Молочной она пока неизвестна, по побережью Азовского моря есть в четырех-пяти селищах, в огромном количестве представлена на городище Елизаветовской станицы⁷. Кроме открытых поселений, в конце V—IV вв. до н. э. появляются немногочисленные городища на Буге и единственное колоссальное Каменское на Днепре. В северном Приазовье таких городищ нет совсем. Селища с такой керамикой встречаются в ряде мест. В качестве жилищ с эпохи бронзы переживают землянки и наземные дома со стенами частокольного типа, с которыми можно сопоставить могильное сооружение в Широком кургане у с. М. Лепетиха⁸.

Открытые П. Н. Шульцем на Варваровском городище колоколовидные ямы, судя по новым исследованиям, показавшим господство на Нижнеднепровских городищах каменных построек, едва ли могли служить основным типом жилищ этого района, как думали П. Н. Шульц и М. И. Артамонов⁹. Скорее, это очень большие зерновые ямы, которые только временно и более или менее случайно могли быть использованы в качестве жилищ.

Сохраняется со времен селищ поздней бронзы состав стада на Каменском городище: 50% коров, 40% лошадей, около 7% мелкого рогатого скота и 3% собак, свиней и промысловых животных.

А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий в своей книге «Родовое общество степей Восточной Европы» на стр. 98—101 отлично показали, что

¹ Ф. М. Ш т и т е л ь м а н. Городища, поселения и могильники VII—III вв. до н. э. на Бугском лимане. Кандидатская диссертация (Архив ИИМК).

² Раскопки Института археологии АН УССР в 1951 г.; разведки ИИМК 1949 и 1950 гг.

³ Коллекции из раскопок на Днепрогэсе хранятся в Институте археологии АН УССР.

⁴ Б. Н. Г р а к о в. Каменское городище (материал хранится в ГИМ и ИИМК).

⁵ Материалы разведок ИИМК в 1949 и 1950 гг.

⁶ С к а д о в с к и й. Белозерское городище. Тр. VIII АС. М., 1897, т. III, стр. 75 и сл.

⁷ Т. Н. К н и п о в и ч. Опыт характеристики городища у ст. Елизаветовской. ИГАНМК, в. 104, 1935, стр. 90 и сл.

⁸ Н. И. В е с е л о в с к и й — в СГАИМК, 1, 1926, стр. 200 и сл.

⁹ П. Н. Ш у л ь ц. Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева. КСИМК, V, 1940, стр. 71; М. И. А р т а м о н о в. Этногеография Скифии, стр. 153.

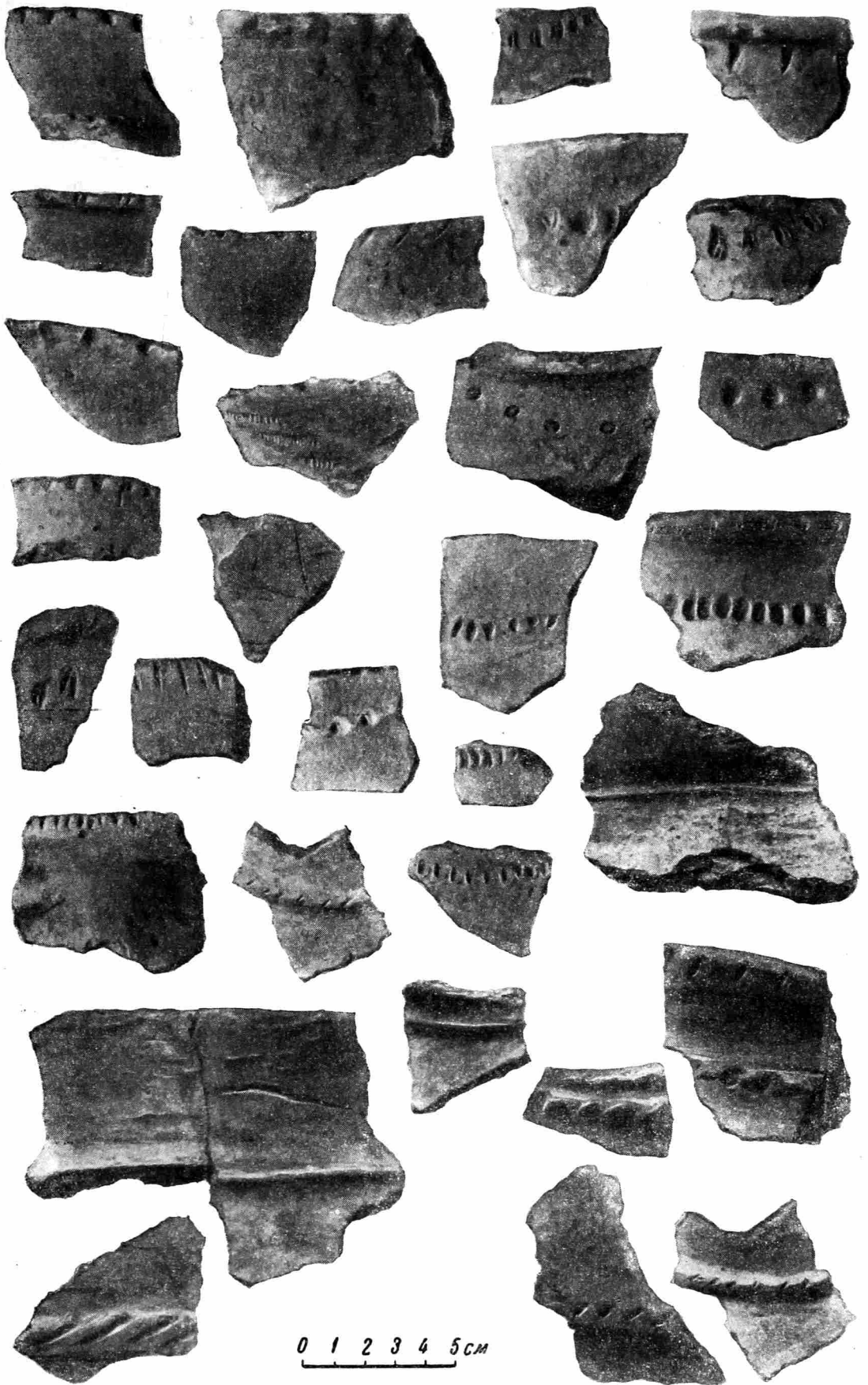

Рис. 1. Образцы керамики V—III вв. до н. э., найденной на Елизаветовском городище.

предки носителей скифской степной культуры, еще находясь восточнее, уже создали определенного типа скотоводческое хозяйство, лишь развивавшееся в скифское время в степи дальше. Картина в бронзовую эпоху, в сущности, та же, а именно: кости коровы составляют 43,3%, лошади — 40%, овцы — 6,7%, свиньи — 10%. Заметно больше было только свиней. В каменном городище свинья представлена за все время тремя обломками челюстей.

Погребения V в. — это еще ямы, крытые деревом, с широтную ориентировку (Аджигол, Петуховка, р. Кальчик, Елизаветовская). Роскошные катакомбы аристократии известны с половины V в. (Бабь, Раскопана могила, Солоха I). Но с конца V в. и в течение IV—III вв. до н. э. и у аристократии (Чертомлык и т. п.), и у рядового населения земледельческих кочевых племен подкурганые катакомбы становятся обязательными (Аджигол, Петуховка, Белозерка, Никопольстрой, Ново-Филлипповка, Преслав). Ориентировка костяков на Буге — чаще восточная, а в остальных — западная при широтных катакомбах и северная во вновь появляющихся меридиональных. Эта культура соответствует территории геродотовских земледельческих племен (Аджигол, Петуховка, Белозерское городище) и кочевых (Никопольстрой, Белозерское городище, Ново-Филлипповка, Преслав). М. И. Артамонов не учел хронологического изменения могил Аджигола и Петуховки и на этом основании ошибочно считает каллишипов не особым племенем, а смешанным населением¹. Уже в эпоху Геродота нахождение скифов-кочевников между Пантикапом (Ингульцом) и Днепром и земледельцев вдоль по нижнему Днепру заставляет видеть в этом единстве памятников результат и доказательство совместного жительства обоих племен на нижнем Днепровском правобережье, продолжающегося здесь вплоть до III в. Может быть, со временем это же обнаружится и на левом берегу нижнего Днепра, вдоль самой реки. Таким образом, в послегеродотовскую эпоху катакомбные сооружения стали свойственны собственно скифам, а более восточные племена, может быть, передовые сарматы, остались при старом обычае широтных ям; этот обычай сохранился в IV—III вв. от Донской дельты до р. Обиточной. Керамика тут и там осталась одинаковой.

В Крыму погребальные сооружения, при этническом родстве населения с нижнеднепровским, имеют под курганами и ямы с деревянной конструкцией, и шатровые погребения (Дерт-оба)², и каменные склепы, и нижнеднепровского типа катакомбы (Кара-тобе³, Джанкой⁴). Последние могли принадлежать переселившейся в Крым группе земледельцев.

Очень ограниченный локально вариант представляют собой погребения Припорожья, имеющиеся здесь на обоих берегах Днепра⁵. Это курганы с каменной обкладкой основания, с небольшой каменной кладкой над широтной ямой, в которой покойник лежит головой на запад. Керамика и остальной инвентарь точно те же, что в степных катакомбах. Время этого варианта — V—III вв. до н. э. Этническая принадлежность их и дальнейшая судьба неясны.

¹ М. И. Артамонов. Этногеография Скифии, стр. 149 и сл.

² Н. И. Веселовский — в ОАК, 1892, стр. 6; А. Спицын. Скифо-сарматские курганы Крымской степи, ИТУАК, 1918, № 54, стр. 17.

³ Отчет Н. А. Эрнста в архиве Музея Крыма и «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 267.

⁴ Н. Е. Макаренко. Курганы у с. Волошского. ИАК, XLIII, стр. 81 и сл.

⁵ А. В. Добровольский. Звіт за археологічні дослідження на Дніпрельській стані р. 1927. Збірник Дніпропетровського музею, т. 1, 1929.

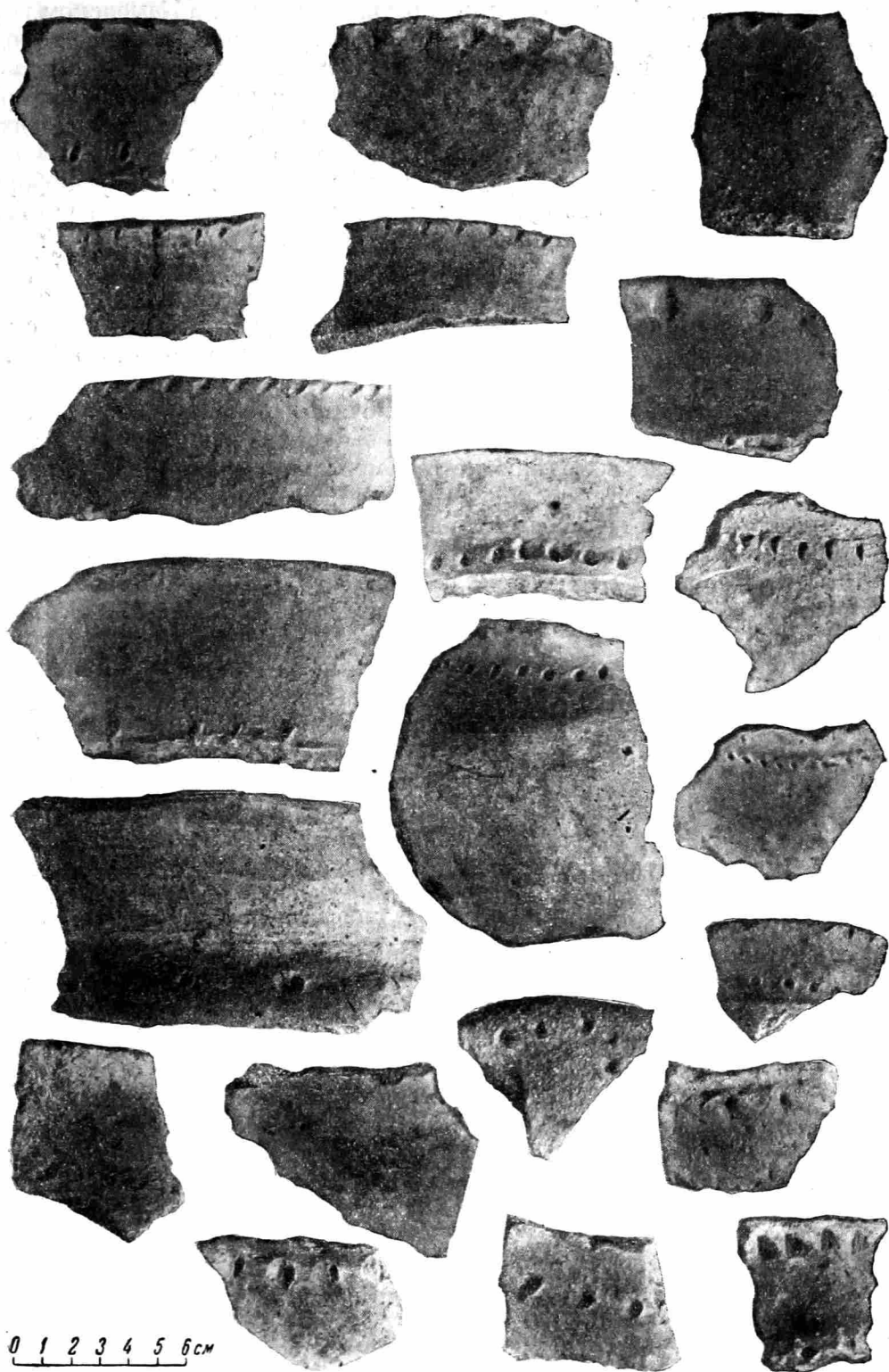

Рис. 2. Образцы керамики IV—III вв. до н. э., найденной на Каменском городище.

Со II в. до н. э., после того как прекратилась жизнь на Каменском городище, по Нижнему Днепру и в Крыму распространились меньшие городища от 3—4 до 20—30 га. К этой категории относятся и акрополь Каменского городища, и около двух десятков городищ на Нижнем Днестре¹. Еще 4 столетия здесь сохраняется и развивается керамика предшествующей эпохи. На берегу Бугского лимана многие из них исчезают во II в. до н. э. И на Днестре, и в Крыму держатся во II—I вв. еще старые формы посуды, все чаще и чаще без орнамента; появляются конические выступы у плеча, ложные подковообразные ручки-налепы и новые формы — миски на коническом поддоне, а также незначительный процент черной и розовато-желтой керамики, близких к корчеватовским типам. С начала н. э. формы старой керамики продолжают эволюционировать, но вместе с тем среди них появляются отдельные образцы черняховской посуды. Со II в. до н. э. в Днепровскую излучину проникают сарматы, а к началу нашей эры они заняли все Приазовье вплоть до Молочной, где их курганы с погребениями чисто заволжского типа встречены теперь в числе около полусотни². Сами скифы еще сохраняют катакомбные погребения как основные (Адзигол, Петуховка, Каменское городище); в начале нашей эры их могильники становятся грунтовыми, например некрополь в Николаевке, где с катакомбами вновь появляются ямы³. Крым имеет очень пестрые погребальные формы от мавзолея и катакомб Неаполя, до подбоев и ям в Инкерманском и Чернореченском могильниках⁴. В этом он отличается от степного Поднепровья, так же как и в IV и III вв. до н. э. Процесс смены племен еще не вполне ясен, но в III в. н. э. появляются в излучине Днестра и вплоть до Берислава, а также под Одессой поселения с посудой черняховского типа без заметных пережитков скифской керамики, на Нижнем же Днестре — позднесарматские погребения с деформированными черепами⁵. В Крыму черняховская керамика есть в небольшом числе в хороших образцах в Инкерманском и Чернореченском могильниках⁶. Степная скифская культура совершенно угасла на Днестре. Вполне возможно, что в этих местах скифское население с III в. утратило свое этническое лицо и влилось в состав носителей черняховской культуры — ранних славян. В Крыму появление высококачественной черняховских типов посуды может служить указанием на начавшееся в этом направлении культурное влияние ранних славян⁷. Вопрос же об их проникновении туда пока еще остается открытым.

К северу и северо-западу от собственно скифов на широкой территории лесостепи была распространена культура земледельческо-скотоводческих племен, в ряде форм резко отличная от культуры населения степной Скифии. Со степными формами были близко сходны преимущественно оружие, конский убор и вещи в зверином стиле; впрочем, и они имели отдельные особенности, отличающие лесостепные области от степи.

¹ ИАК, XLVII, стр. 117 и сл.

² ВДИ, 1948, № 1, стр. 213 и сл. и раскопки Института археологии АН УССР на Молочанском водохранилище летом 1951 г.

³ Мах Е b e r t. Prähistorische Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. «Prähistorische Zeitschrift», 1912, Н. 1/2, стр. 1 и сл.

⁴ П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция. ИАН СССР, серия истории и философии, 1947, № 3, стр. 275—292.

⁵ Е. В. Ж и р о в. Об искусственной деформации головы. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 85; Державний Херсонський історико-археологічний музей, випуск 9, Літопис музею 1927—1928. Херсон, 1929, стр. 10, табл. II, рис. 4.

⁶ ВДИ, 1951, № 4, стр. 227 и сл.

⁷ Там же.

Резко отличалась вся лесостепная Скифия от степной погребальными сооружениями и обрядом, характером поселений, а также украшениями и особенно керамикой. Захоронения в течение всего скифского времени производились здесь преимущественно в ямах различной глубины. Последние были то просто перекрыты деревом, то имели в себе обширные жилищеобразные сооружения разных типов. В некоторых западных областях имели место каменные погребальные сооружения. В обряде погребения наблюдается сосуществование трупоположения наряду с трупосожжениями. Гораздо менее характерным для лесостепной Скифии, чем для степи, было захоронение людей при знатных покойниках, а также захоронение вместе с ними лошадей. Вместо последних обычно погребался уздечный набор или отдельные его части. Комплекс погребального инвентаря лишь в общих чертах близок к степному. Здесь и там с покойником клали: оружие, украшения, посуду. Однако в курганах лесостепной Скифии существенную роль играет керамика местных типов, особенно в VII в. — первой половине V в. до н. э., чего никак нельзя сказать о степных погребениях.

Среди украшений также господствовали предметы местных форм или аналогичные тем, которые были распространены на территории соседних высоцкой, гальштатской и лужицкой культур (булавки, браслеты, гривны), полностью отсутствующие в степи.

Что касается поселений, то в лесостепи наблюдаются раннее возникновение огромных городищ и существование их наряду с открытыми селищами в течение всего скифского времени. Жилищами здесь служили землянки и наземные дома, в основе своей деревянные, каркасные или с вертикальными столбами, иногда с употреблением глиняной обмазки для пола и постройки очага. Каменные жилища, в отличие от степи, здесь неизвестны.

Особенно резко лесостепную Скифию от степной отличает керамика. Несколько выпадает из этой огромной области распространения характерной лесостепной посуды лишь Посулье и среднедонская группа памятников. В VII — V вв. до н. э. на всей очерченной территории при наличии отдельных локальных вариантов были широко распространены черные, бурые и серые лощеные сосуды разных типов (миски, черпаки с высокой ручкой, часто с своеобразной геометрической орнаментикой, снабженной белой инкрустацией, большие биконические и грушевидные корчаги). Тогда же в лесостепи существовали горшки баночной и тюльпановидной формы, украшенные под венчиком или одним проколом, иногда с жемчужинами на наружной поверхности или валиком с защипами и также с проколами, неизвестные в степи.

С середины V в. до н. э. на территории среднего Поднепровья наблюдается исчезновение лощеной посуды и керамики с валиком под венчиком. Широкое распространение получает грубая лепная керамика, по характеру орнаментации близкая к степной, но далеко не аналогичная ей.

Говоря о различиях культур лесостепной и степной Скифии, следует отметить, что они наиболее отчетливо выступали в VII—V вв. до н. э. Со второй половины V в. и особенно в IV—III вв. до н. э. наблюдается установление интенсивных связей лесостепи со степью и греческими городами северного Причерноморья, что в значительной мере нивелировало эти культуры. Однако и в этот период лесостепь сохраняет свои особенности, как в обряде погребений, так и в отдельных формах инвентаря. Особенности лесостепной культуры скифской эпохи объясняются тем, что эта культура сложилась на другой основе, чем та, которую мы находим в степи. Правда, в результате слабой изученности памятников позднего бронзового века в лесостепи истоки культуры скифского времени хорошо выявлены

преимущественно только на правобережье среднего Поднепровья. Единичные пока памятники предскифской поры, открытые на Буге и Днестре, позволяют предполагать, что на территории, всей правобережной лесостепной Украины основные формы культуры скифской эпохи, а именно погребальный обряд и керамика, имели местное происхождение. Вместе с тем совершенно очевидно, что культура позднего бронзового века лесостепи резко отличалась от степной срубной культуры.

При поразительном культурном единстве всей северной Скифии здесь значительно ярче, чем в степи, выделяются локальные варианты. И. В. Фабрициус¹ выделяет на территории лесостепной Украины девять локальных групп. Однако такое деление представляется мало убедительным.

Благодаря исследованиям последних лет и, главным образом, в результате работ по изучению памятников предскифского и раннескифского периодов на среднем Поднепровье достаточно отчетливо выделяется правобережная группа памятников на территории современной Киевской и северной части Кировоградской области. На левобережье выделяется Посульская и Северодонецкая группа памятников, а дальше на северо-восток, на среднем Дону, — Воронежская группа, тогда как памятники бассейна р. Ворсклы в основном близки к днепровским правобережным. На территории среднего Поднепровья различаются два рода памятников: в северо-западной части, в Каменец-Подольской, Тарнопольской и Черновицкой областях; вторая группа — на территории современной Молдавии. При этом нужно отметить, что различия между локальными группами наиболее отчетливо прослеживаются в VII—V вв. до н. э. Позднее в значительной мере стираются отличия между правобережьем и левобережьем среднего Поднепровья и Воронежской группой в результате сближения этих групп со степью и греческими колониями северного Причерноморья. Свообразным оставалось среднее Поднепровье, причем различие между обеими отмеченными выше группами сохранялось до конца скифской эпохи.

Северо-западную часть среднего Поднепровья следует рассматривать как северо-западную окраину распространения скифообразной культуры лесостепи². Автохтонное происхождение ее совершенно очевидно и лучше всего прослеживается по погребальному обряду и керамике. Как и в доскифское время, в скифскую эпоху здесь для сооружения курганных насыпей и могил употреблялось большое количество камня, а покойники погребались или в скорченном положении, или сжигались на месте. От всех остальных локальных групп лесостепи ее прежде всего отличает значительно менее глубокое влияние скифской культуры. Типичные скифские вещи — оружие, конский убор, зеркала и небольшое количество украшений в зверином стиле — появились здесь в то же время, что и на правобережье среднего Поднепровья, т. е. в конце VII в. или в начале VI в. до н. э., но существовали лишь до середины V в. Более поздние скифские предметы с этой территории неизвестны. Очевидно, связь со скифообразной культурой лесостепного среднего Поднепровья, существовавшая еще с эпохи бронзы и продолжавшаяся в течение VII—VI вв. до н. э., прерывается к середине V в. до н. э. Сколько-нибудь регулярных взаимоотношений со степной Скифией здесь, повидимому, не существовало, а связь с греческими колониями северного Причерноморья носила лишь

¹ И. В. Ф а б р и ц и у с. Ук. соч. «Археологія», V, стр. 52 (карта).

² T. Sulim irski. Scythowie na Zachodniem Podolu. Lwów, 1936. Новые материалы получены в результате работ трипольской экспедиции ИИМК (не опубликованы).

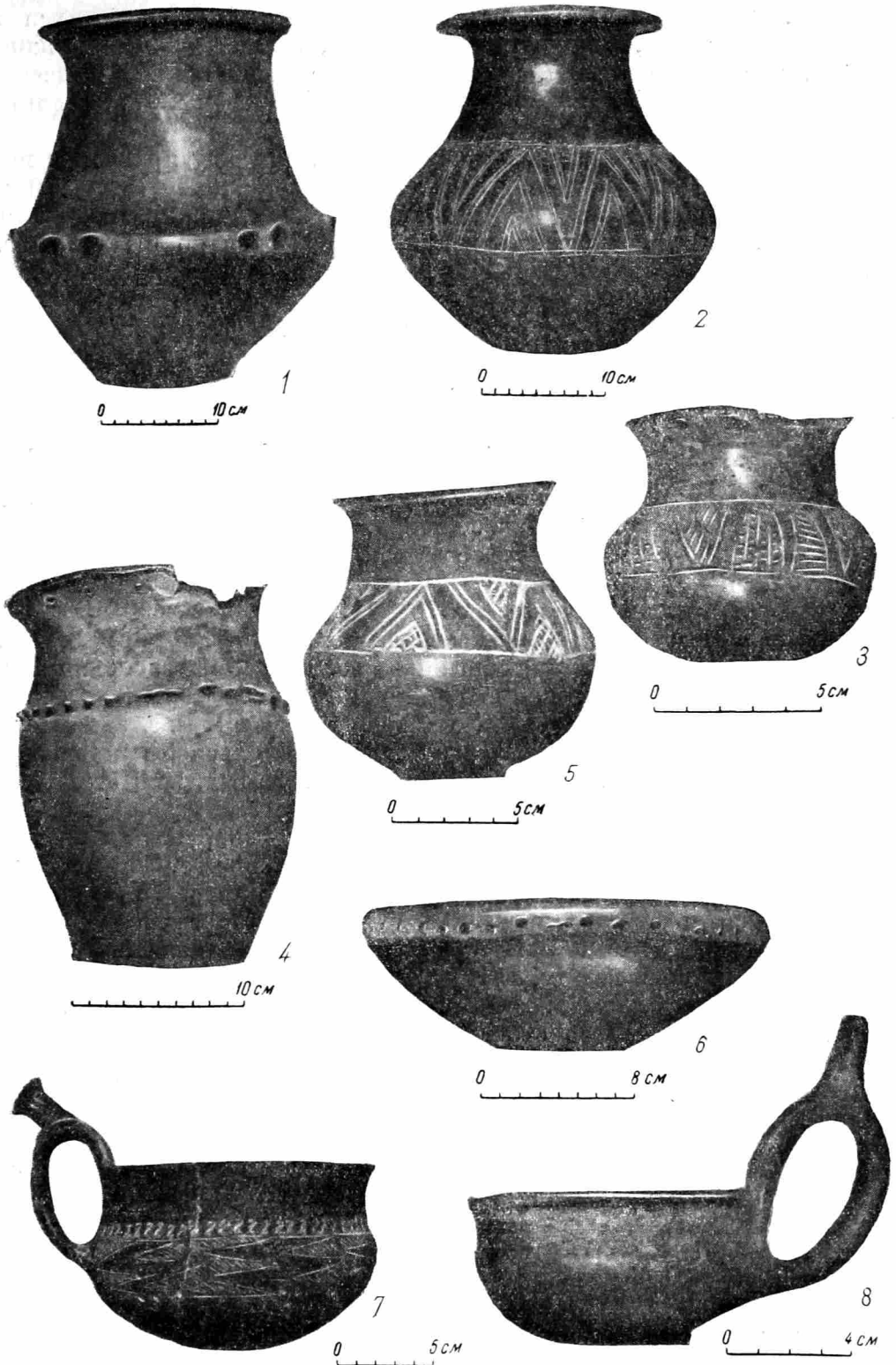

Рис. 3. Керамика, характерная для лесостепной Скифии VI—V вв. до н. э. Киевский государственный исторический музей.

случайный характер. Вместе с тем здесь больше, чем в других группах лесостепи, заметно продолжение взаимоотношений, сложившихся еще в доскифскую эпоху, с областями высококой, гальштатской и лужицкой культур, что лучше всего прослеживается по керамике и украшениям. По обряду погребений и керамике эта группа близка к Куштановицкому могильнику Закарпатья¹.

Молдавская группа, еще мало изученная², по ряду признаков может сближаться с правобережным средним Поднепровьем, по другим — с памятниками скифского времени Румынии и Болгарии, но имеет и некоторое своеобразие. Городища здесь возникли как будто только в IV—III вв. до н. э. Для строительства их употреблялась каменная кладка, что совершенно неизвестно для других групп лесостепной Скифии.

На селищах VII—VI вв. имеются зольники. Могильники, известные пока для VII—VI вв., по обряду погребений близки к курганам северо-западной части среднего Поднепровья, но в них отсутствуют скифские вещи, а имеется лишь гальштатский металл. Лощеная посуда VII—VI вв. очень близка к правобережной лесостепной керамике и по формам, и по орнаментации. На кухонной посуде почти полностью отсутствует столь характерный для других групп орнамент в виде проколов и валика с защипами под венчиком. В IV—III вв. до н. э. бытовала весьма оригинальная местная керамика, среди которой значительную роль играли сосуды, распространенные в это время в Румынии и Болгарии. Наличие скифских наконечников стрел на городищах IV—III вв. до н. э. свидетельствует о существовании в это время взаимоотношений со скифским миром. Обилие греческой керамики на этих же городищах говорит об интенсивных связях местного населения с греческими городами Причерноморья.

Группа памятников Побужья, также мало известная³, занимает как бы промежуточное положение между Западноподольской и правобережной Среднеднепровской локальными группами. Со средним Поднепровьем ее сближает раннее возникновение больших городищ, не известных в Западной Подольи, а также существование скифского вооружения не только в VI в. — первой половине V в. до н. э., но и в IV в. до н. э. О погребальных сооружениях и погребальном обряде пока трудно судить. Керамика почти аналогична той, которая была распространена на территории Западной Подольи в Каменец-Подольской, Черновицкой и Тарнопольской областях. От среднеднепровской как ту, так и другую отличает почти полное отсутствие геометрического резного или штампованного орнамента на лощеной посуде. Кроме того, здесь отсутствовали широко распространенные на среднем Днепре небольшие сосуды с шаровидным туловом, обычно богато орнаментированные. Вместе с тем, судя по керамике Немировского городища, здесь бытовала хорошо лощеная керамика с желобчатой орнаментацией, редко встречающаяся в других группах скифообразной культуры лесостепной Украины.

¹ J. Böhmer. Mohylové pohrebistě w Kuštanovice na P. Rusi. Praha, 1932.

² Разведки и раскопки проводятся в Молдавии, начиная с 1946 г. Экспедицией Молдавского института истории, языка и литературы Академии Наук СССР под руководством Г. Д. Смирнова систематически изучаются поселения и могильники скифской эпохи.

³ До сих пор более или менее хорошо изученным является только Немировское городище (материал из раскопок А. А. Спицына и Гамченко хранится в Эрмитаже, из раскопок М. И. Артамонова — в ЛОИИМК). Ряд городищ, открытых экспедицией М. И. Артамонова, еще не подвергался раскопкам (М. И. Артамонов. Археологические исследования в южной Подольи 1948 г. «Вестник Ленинградского университета», 1948, № 11).

На правобережной части среднего Поднепровья выделением чернолесского и жаботинского этапов показана органическая связь культуры скифского времени с культурой предшествующей эпохи бронзы белогрудовского типа¹. Для этой локальной группы характерна большая пестрота погребальных сооружений, для постройки которых употреблялись различные виды деревянных конструкций². В обряде погребения господствовало вытянутое труположение, чаще с западной ориентировкой. В качестве пережитка обряда предшествующей эпохи продолжают встречаться различные виды трупосожжения. К концу скифской эпохи количество трупосожжений снова увеличивается, что особенно хорошо прослеживается на материале северной, Поросской, группы курганов.

Широкое распространение здесь так называемых скифских культурных элементов—оружия, конского убора и звериного стиля происходит в VII—VI вв. до н. э. В дальнейшем материальная культура населения этой группы развивается в тесной связи со степной Скифией, сохраняя, однако, ряд местных особенностей в погребальных сооружениях и инвентаре.

Наиболее интенсивными связи с собственно Скифией были в IV—III вв. до н. э., когда в эти районы проник даже степной обряд погребений в катакомбах, впрочем, лишь спорадически являющийся среди курганов с сооружениями иных местных типов. Торговые связи с греческими городами северного Причерноморья здесь были более постоянными, чем в других группах лесостепи.

Группа памятников бассейна р. Ворсклы близка по погребальному обряду и инвентарю к правобережным. Очень сходна лощеная, богато украшенная керамика, хорошо представленная в Бельском городище³ и Мачухинском могильнике⁴. Памятники предскифского времени здесь еще мало изучены, но связь с Правобережьем пока прослеживается только с конца VII в. до н. э. Это дало основание М. Я. Рудинскому⁵ объяснить происхождение данной группы очень вероятным продвижением сюда части правобережного населения. Однако каким образом происходило это передвижение — еще не вполне ясно.

Посульская группа памятников⁶, заходящая на Псел и Северный Донец, отличается от Правобережья и группы Ворсклы более устойчивыми типами погребальных сооружений и южной ориентировкой покойников. Местные особенности прослеживаются и в инвентаре, особенно для VII—V вв. до н. э. К числу их относятся наверхья, проникшие сюда из Прикубанья и не привившиеся на Правобережье, ножные браслеты, неизвестные в других областях Скифии. Особенно резко ее отличает керамика, среди которой почти полностью отсутствует лощеная посуда, а обычной формой являются грубые горшки разных размеров и типов. Появление металлических вещей скифских типов и звериного стиля здесь относится также к концу VII и началу VI в. до н. э. Однако связи со степной

¹ А. И. Тереножкин. Чернолесский этап предскифского времени. Доклад, прочитанный на отчетном пленуме ИИМК в апреле 1951 г.; Е. Ф. Покровская. Селище на Тарасовой горе (жаботинский этап). Доклад, прочитанный на пленуме ИИМК в феврале 1952 г.

² П. Д. Либеров. Скифские курганы Киевщины. КСИИМК, XXX, 1949, стр. 93 и сл.

³ В. А. Городцов. Отчет о раскопках Бельского городища. Тр. XIV АС, т. III.

⁴ М. Рудинський. Мачухська експедиція 1946 р. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. II, Київ, 1949.

⁵ Там же.

⁶ В. А. Іллінська. Пам'ятки скифського часу на Посуллі. «Археологія», IV Київ, 1950, стр. 184 и сл. и диссертация на эту же тему.

Скифией и греческими городами северного Причерноморья здесь заметны значительно меньше, чем в Правобережье. Они носили более или менее постоянный характер только во второй половине V—IV вв. до н. э. Существенные отличия этой группы от правобережной В. А. Ильинская склонна объяснить тем, что эта группа сложилась на иной культурной основе предскифского времени, чем первая¹. Это вполне вероятно, но может быть доказано только после тщательного изучения культур эпохи поздней бронзы на данной территории.

Среднедонская группа памятников² близка к среднеднепровским погребальным сооружениям. В погребальном обряде, впрочем, преобладает иная, южная ориентировка покойников. В погребальном инвентаре наблюдается наличие не только оружия, но и орудий труда. Местные особенности наблюдаются также в локальных вариантах железного оружия. Характер керамики пока неясен. Курганы, содержащие типичные «скифские» вещи, датируются концом VI—III вв. до н. э. Но отдельные случайные находки позволяют начинать скифскую эпоху на среднем Дону также с VII в. до н. э.³ В IV—III вв. до н. э. здесь так же, как на среднем Днепре, наблюдается существование интенсивных связей со степной Скифией и с Боспором. Но местный характер в инвентаре все время сохраняется. Отдельные украшения в зверином стиле свидетельствуют о связях населения среднего Дона с ананьинской культурой. Основа культуры скифского периода здесь еще совершенно неясна.

В III—II вв. до н. э. наблюдается исчезновение скифообразной культуры в лесостепи. На территории Украины она сменяется культурой полей погребений. На территории среднего Дона наличие сарматских курганов позволяет говорить о приходе сюда сарматов и вытеснении или ассимиляции ими местного населения скифской поры.

Вполне закономерно видеть в племенах, оставивших скифообразную культуру лесостепи, во многом отличную от степной, нескифские по своей этнической принадлежности племена Геродота. Отнесение части лесостепных памятников к гелонам и будинам, а части — к андрофагам и меланхленам, надо думать, не лишено основания. Но распределение племен на карте, данное М. И. Артамоновым и И. В. Фабрициус, пока совершенно гадательно. Так, например, по итинерарию Геродота мало оснований искать будинов на Днепровском правобережье. Им вполне может соответствовать среднее течение Дона. Нет также невозможного в том, что Невриде Геродота соответствуют памятники Среднего Поднепровья Киевской области. А от ее локализации зависит размещение будинов. Окончательное решение вопроса о локализации этих племен на карте и об их этнической принадлежности представляет дело будущего. Очень вероятна точка зрения, высказанная рядом исследователей (М. И. Артамонов, П. Н. Третьяков, А. И. Тереножкин) о протославянской принадлежности части населения лесостепной Скифии. Наиболее подходящими для этой роли кажутся племена, оставившие памятники правобережья среднего Поднепровья. Они как бы дают картину волнообразного, но последовательного развития от эпохи бронзы до полей погребений. При этом

¹ В. А. Іллінська. Ук. соч., стр. 188.

² Известна главным образом по раскопкам Частых и Мастюгинских курганов под Воронежем. См. С. Н. З а м я т н и н. Частые курганы под Воронежем. СА, VIII, 1946, стр. 9 и сл.; В. Н. Г о р о д ц о в. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г. СА, IX, 1947, стр. 13 и сл.; Н. Е. М а к а р е ц к о. Мастюгинские курганы. ИАК, XLIII, стр. 17 и сл.

³ Ш о к о в. Диссертация «Скифские курганы бассейна среднего Дона» (1950 г., Ленинград).

здесь наблюдаются три этапа развития: 1) предскифское время, когда господствовал обряд трупосожжения и сильны были связи с западными славянскими областями; 2) скифская эпоха VII—III вв., когда более или менее сильное проникновение скифских элементов замедлило развитие местной культуры; 3) послескифский период, когда продолжалось дальнейшее развитие местной культуры. Прежние навыки, несколько ослабленные в скифскую эпоху, получают дальнейшее развитие, пока не оформляются, наконец, в раннюю культуру полей погребений.

Мы указывали выше на несовершенство вышедших после 1945 г. карт по расселению племен геродотовой Скифии. Совершенно очевидно, что полное разрешение этого вопроса будет возможно лишь тогда, когда удастся установить действительное положение Невриды и скифов-пахарей. Пока что к этому вопросу можно с одинаковым правом подходить и с позиций М. И. Артамонова, и с различных иных. Неполнота данных еще препятствует окончательному разрешению проблемы. Этот вопрос, конечно, будет выясняться все больше и больше, но многое еще зависит от субъективного толкования. Однако уже теперь видно, что археология в этом отношении стоит на правильном пути.

Связывающие воедино всю эту область степного и лесостепного Причерноморья оружие, конский убор и звериный стиль должны сохранить названия «скифских» вещей. Только в Причерноморье они имеют всю полноту форм и большое сходство, при относительно небольших различиях, на всем его протяжении. Здесь на довольно обширном пространстве, включая и Кубань, которой мы здесь не касаемся, нужно, повидимому, искать родину этого триединства. По всему повествованию Геродота и археологическим данным видно, что степная Скифия играла в этом немалую роль.

Граница коренной, степной Скифии на севере еще отделена от лесостепной части множеством белых пятен. Кое-где культура лесостепи может выйти в степь и наоборот. Но различия той и другой и по генезису, и по составу уже отличимы. Дальнейшие полевые исследования должны пополнить то, чего нам в этом смысле еще нехватает.

Б. А. РЫБАКОВ

К ВОПРОСУ О РОЛИ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА В ИСТОРИИ РУСИ¹

Изучение истории народов нашей страны, к сожалению, дает много примеров вольных и невольных искажений исторической роли того или иного народа или государства.

Буржуазная русская историография нередко переходила от одной крайности к другой — от квасного патриотизма монархических историков к полному отрицанию самостоятельности русской государственности и культуры, проявившемуся в многочисленных работах норманистов.

Историю русского народа пытались представить в виде непрерывного ряда воздействий и влияний со стороны соседей или завоевателей. При этом, в угоду предвзятой идее, одни источники замалчивались, другие же истолковывались тенденциозно; к одним источникам умышленно проявлялось излишнее недоверие, другие же принимались без всякой критики. Так, у историков создавались легенды о готском царстве Эрманарика в IV в., будто бы включавшем в себя почти все народы Восточной Европы, о норманнах-варягах, будто бы создавших русское государство, о татаро-монголах, будто бы оказавших благотворное воздействие на культуру Руси, и ряд других, не менее тенденциозных легенд.

Одной из таких теорий, основанных на некритическом отношении к источникам, является представление о Хазарском каганате как о защитнике славян от кочевников, как о колыбели русской государственности.

Переоценка исторической роли Хазарии приводила к искажению всей истории Восточной Европы.

Хазарская теория происхождения русской государственности сочеталась с норманнской. Русские земли были поделены на «варяжскую группу» и «хазарскую группу». Самостоятельному, внутреннему развитию славянских племен не оставалось места.

В. О. Ключевский писал о том, что покорение славян хазарами, «лишив славян внешней независимости, доставило им большие экономические выгоды», что «послушные данники хазар» под их покровительством получили возможность торговать на юге, где хазарская власть оберегала русских купцов от азиатских варваров².

¹ Настоящая статья является переработкой докладов автора, прочитанных им в секторе этногенеза ИИМК (1949 г.), в Институте археологии Академии наук УССР в Киеве (1950 г.), в Институте этнографии Академии Наук СССР (1950 г.), в секторе Средней Азии ЛОИИМК в Ленинграде (1950 г.) и на кафедре истории СССР Исторического факультета Московского государственного университета (1951 г.).

² В. О. К л ю ч е в с к и й. Курс русской истории, ч. 1. Пгр., 1918, стр. 147—153.

В. А. Пархоменко, борясь с норманизмом, перенес свое внимание на Хазарию, подменяя норманнов хазарами. Он считал, что поляне, вятичи, радимичи и северяне жили где-то близ Каспийского моря в недрах каганата; все эти славянские племена он объединяет в «хазарскую группу»¹.

Преувеличение роли Хазарского каганата историками сказалось и на построениях археологов: когда в 1901 г. на Северском Донце была открыта салтовская культура, то ее объявили хазарской². По этому вопросу возникла длительная научная дискуссия.

А. А. Спицын, как известно, связывал салтовскую культуру с аланами³. Сочень серьезной аргументацией этого же положения выступил Ю. В. Готье⁴. Однако, несмотря на убедительное обоснование аланской принадлежности салтовской культуры, хазарская теория была вновь воскрешена в работах М. И. Артамонова и следовавшего ему В. В. Мавродина. Речь идет не столько об этническом определении салтовцев, сколько о включении области салтовской культуры в состав собственно хазарских земель. Включение в состав Хазарской державы белокаменных крепостей по Северскому Донцу и Дону и многотысячного дружинного кладбища Салтова, с одной стороны, являлось следствием ошибочных представлений о размерах Хазарского каганата (представлений, основанных на «Письме царя Иосифа»), а с другой стороны, должно было способствовать укреплению и подтверждению этих самых ошибочных взглядов. М. И. Артамонов выступил со специальной книгой по истории хазар, усматривая свою задачу в «реабилитации» Хазарии, будто бы приниженной русскими буржуазными историками. М. И. Артамонов писал: «Как было русскому шовинизму примириться с политическим и культурным преобладанием Хазарии, выступающей в качестве государства, почти равного по силе и политическому значению Византии и Арабскому халифату в то время, как Русь еще только выходила на историческую арену и то в роли вассала Византийской империи»⁵.

Возражая историкам, считавшим Хазарию эфемерным образованием, М. И. Артамонов пишет: «в действительности Хазарское государство, объединившее громадную часть нашей страны, конечно, не прошло бесследно». «...Хазарское государство нельзя не учесть как важнейшее условие образования Киевской Руси...»⁶. В своей работе, посвященной Саркелу, М. И. Артамонов создает новое географическое понятие — «северо-западную Хазарию», подразумевая под ней область салтовской культуры по Северскому Донцу и Дону. Саркел оказывается внутренней крепостью, созданной для удержания дороги в «задонские владения»⁷.

¹ В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л., 1924, стр. 13, 41, 59.

² В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России. Тр. XV. АС, т. I, М., 1914; Д. Я. Самоковасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 232, 233.

³ А. А. Спицын. Исконные обитатели Дона и Донца. ЖМНП, 1909, январь.

⁴ Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? ИГАИМК, т. V, 1927; е го же. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 84—90.— Академик Ю. В. Готье дал очень верное определение сущности Хазарской державы: «В созидательной работе, направленной на добывание и на производство материальных благ, служивших предметом обмена, хазары не принимали никакого участия, и вся их материальная культура была чужеземной и привозной» (стр. 79).

⁵ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории Хазар. Л., 1936, Предисловие.

⁶ Там же (Подчеркнуто мною.— Б. Р.).

⁷ М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, 1940, стр. 153.

Салтовскую культуру VIII—IX вв. М. И. Артамонов связывает с «болгаро-хазарскими» племенами, «которые занимали степи и создали здесь особые политические образования — сначала болгарский племенной союз, а затем на его развалинах могущественное Хазарское царство, охватывавшее, между прочим, и район распространения салтовской культуры»¹. Таким образом получалось, что «могущественная Хазария» оказывалась в непосредственном соседстве с русскими землями.

Хазарская теория постепенно подменяла собой устаревшую норманскую теорию; строительство Русского государства начинают связывать не с варягами, а с хазарами. С особенной силой эта замена сказалась в работах В. В. Мавродина. «Исключительно важная роль Хазарского каганата в истории древней Руси заключается в том, что хазарская «держава мира» на два века закрыла «ворота народов», прекратив, или, во всяком случае, ослабив натиск кочевых орд на оседлое население лесостепной полосы, связала русские племена с Востоком..., способствовала распространению начал восточной культуры, включила их в орбиту влияния восточных культур и государств»².

Салтовскую культуру В. В. Мавродин считает болгаро-алано-хазарской. «Отсюда, из городков Донца и Дона, шли на север, к славянам, не только войны за данью, но и товары, предметы ремесленного производства и т. п. Отсюда распространялись на юге Руси навыки ремесленной выучки, начатки специфической хазарской, восточной культуры... поляне, жители Киевской земли, платили дань хазарам и, быть может, в «крепости» Киева стоял хазарский гарнизон, как это было в Саркеле»³. Далее В. В. Мавродин говорит «об огромной роли в истории русского народа того отрезка его исторического пути, который он прошел совместно с другими народами Поволжья, Прикамья, Подонья и Предкавказья в составе хазарской державы, под властью Хазарского каганата»⁴.

Концепция М. И. Артамонова, повлиявшая и на других авторов, вызвала суровую и справедливую критику на страницах «Правды»⁵.

* * *

Международное значение Хазарского каганата нередко чрезмерно преувеличивалось. Небольшое полукочевническое государство не могло даже и думать о соперничестве с Византией или Халифатом.

Отдельные набеги, использование хазар в дипломатической игре византийцев и арабов — все это делало хазар VII—IX вв. заметным народом, но еще не превращало их в великую державу.

Производительные силы Хазарии находились на слишком низком уровне для того, чтобы обеспечить нормальное развитие ее. «Страна хазар не производит ничего, что бы вывозилось на юг, кроме рыбьего клея, ибо мед, воск, меха, которые Персия получает из Хазарии, ввозятся туда из Руси, Булгар и Киева... Хазары не выделяют материй... Государственные доходы Хазарии состоят из пошлин, платимых путешественниками, и из десятины, взимаемой с товаров по всем дорогам, ведущим к столице».

¹ М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, 1940, стр. 161.

² В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 177—178.

³ Там же, стр. 191.

⁴ Там же, стр. 195.

⁵ П. И в а н о в. Об одной ошибочной концепции. «Правда» № 359 (12196) от 25 декабря 1951 г.; см. также Н. Я к о в к и н а. Правильно освещать историю нашей Родины. «Ленинградский университет», № 4 (786) от 24 января 1952 г.

«Царь хазарский не имеет судов (морских кораблей) и его люди непривычны к ним» (Масуди)¹. «Доходы и богатства хазарского царя получаются большей частью из морской пошлины» («Книга границ мира» персидского анонима). В качестве статей собственно хазарского экспорта автор указывает только быков, баранов и пленников². Отсутствие археологических следов хазарских городов делает очень неубедительными рассуждения о городском строе у хазар, а паразитарный характер государства, жившего по преимуществу за счет транзитной торговли, лишает нас возможности присоединиться к выводам о развитом феодальном строе каганата.

Заняв важнейшие торговые магистрали — Дон, Керченский пролив и Волгу, хазары хищнически пользовались выгодами своего положения. Русская торговля IX—X вв. имела важное международное значение. Русь являлась мостом, связывавшим Северную и Центральную Европу с богатыми странами Востока. Только русским дружинам было под силу проводить караваны через печенежские степи и доводить их до Багдада и Хорезма. Только русским воинам удалось сломить суровые торговые ограничения Византии. И на европейских рынках (в Прибалтике, в Польше, в Чехии, в Регенсбурге) русские купцы появлялись с дорогими восточными товарами и изделиями киевских мастеров.

Важная роль Руси в международных связях встречала противодействие в Хазарском каганате. Русские караваны подвергались организованным ограблениям в окрестностях Итиля; хазары пытались слишком жестко контролировать находившиеся в их руках пути. Поэтому неизбежен был поход Святослава, приведший к быстрому падению этого эфемерного и примитивного по своей хозяйственной основе государства. Уничтожение Хазарского каганата в результате похода Святослава В. В. Мавродин рассматривает как ошибку русского полководца: «...разгром Хазарии имел и очень тяжелые для Руси последствия. Пала стена, сдерживавшая напор кочевников и мешавшая им широкой волной залить Черноморские степи... И эту перемену скоро испытал на себе сам стольный Киев, став объектом нападения усилившихся печенегов»³.

Для того чтобы так оценивать итоги войн Святослава и предполагать роль каганата, нужно совершенно забыть о конкретных географических условиях южнорусских степей. Разве Саркел и другие хазарские города на Дону могли быть стеной, сдерживавшей печенегов? Саркел защищал только северокавказские степи, оставляя печенегам, уграм и болгарам всю прилежавшую к Руси степную полосу шириной в 300 км. За сто лет до разгрома Хазарии в этой полосе уже хозяйничали угры и подступали к ней печенеги, земля которых простиралась на 30 дней пути (около 1000 км.).

Русь сама защищала себя от всех кочевников, в том числе, вероятно, и от хазар.

Взаимоотношения славян и хазар были сложными. Возможно, что в VII в., когда хазарская орда появилась в южных степях, она пыталась «примучить» население пограничных славянских областей. Но едва ли это было особенно успешно, так как легенда сохранила нам воспоминание о том, как вопиственные поляне вручили хазарам меч, чем повергли хазар в грустные размышления. Вручение меча нельзя рассматривать как изъявление покорности. Это — символическое выражение независимости, угроза войны.

¹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. СПб., 1870, стр. 133.

² V. Minor sky. Hudud al-Alam. London, 1937, стр. 161—162.

³ В. В. Мавродин. Ук. соч., стр. 266—267.

Позднее, в IX—X вв., Хазария была пронизана славянским населением; в самой столице, как известно, жили славяне, подчинившиеся своему судье.

Вопреки категорическим утверждениям М. И. Артамонова, что русское население в западной части Хазарии появляется только после завоеваний Святослава, есть данные о том, что уже около 900 г. хазарский каган вынужден был уступить русам несколько островов (или полуостровов) на Боспоре¹.

А. П. Смирновым прослежен ряд археологических фактов, говорящих о давнем проникновении славян на юго-восток и, в частности, в пределы Хазарии².

Славяне воздействовали на хазар в культурном отношении. Для нас очень важно свидетельство Ал-Бекри, восходящее к источнику середины X в. о том, что славянский язык был широко распространен в Хазарском каганате: «И главнейшие из племен севера говорят по-славянски, потому что смешались с ними, как например, племена ал-Тршкин и Анклий и Баджанакия и Русы и Хазары»³.

Еще больший интерес представляет загадочное пока свидетельство о заимствовании хазарами письменности у русов: «И у хазар есть письмо, заимствованное от русских, и некоторые народы Рума, которые близки им, пишут этим письмом и их называют РУМ-И-РУС и они пишут слева направо и буквы друг с другом не соединяются и букв не больше, чем двадцать одна» (Фахр ад-дин Мубарак-шах «Книга генеалогий» 1206 г.)⁴.

* * *

Важнейшим вопросом при пересмотре истории хазар является вопрос о размерах Хазарского каганата и степени подвластности ему различных племен Восточной Европы.

Безоговорочное доверие к некоторым хазарским источникам, признание их надежными историческими документами приводило исследователей к существенным ошибкам.

Знаменитое «письмо царя Иосифа» послужило многим авторам основанием для воссоздания «огромной Хазарской державы». Доверие к этому источнику неизбежно повлияло и на включение салтовской культуры в состав Хазарии и на теорию зарождения русской государственности в недрах каганата.

Много раз составлялись исторические карты с обозначением максимальных границ Хазарского каганата, включавших в себя половину русских земель и почти все Поволжье (рис. 1).

Поэтому нашей важнейшей задачей является тщательный разбор всех источников по истории взаимоотношений Руси и Хазарии. Суммируя все данные персо- и арабоязычных авторов о пределах власти хазарского кагана, мы отмечаем отсутствие в них каких бы то ни было сведений о подвластности славян хазарам.

Нельзя сказать, чтобы средневековые восточные географы не интересовались тем, какие народы покорены хазарами. Так, например, Аноним

¹ Известия Ал-Бекри о славянах и русах, ч. 1. СПб., 1878, стр. 109.

² А. П. Смирнов. Древнеславянские памятники нижнего и среднего Поволжья. СЭ, 1948, № 2.

³ Известия Ал-Бекри..., ч. I, стр. 54. Реальным доказательством наличия славянских терминов в хазарском языке является известное описание хазарской трапезы у Моисея Каланкайтуйского.

⁴ Б. Н. Заходер. Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX—X вв. ИВГО, т. 75, в. 6, 1943.

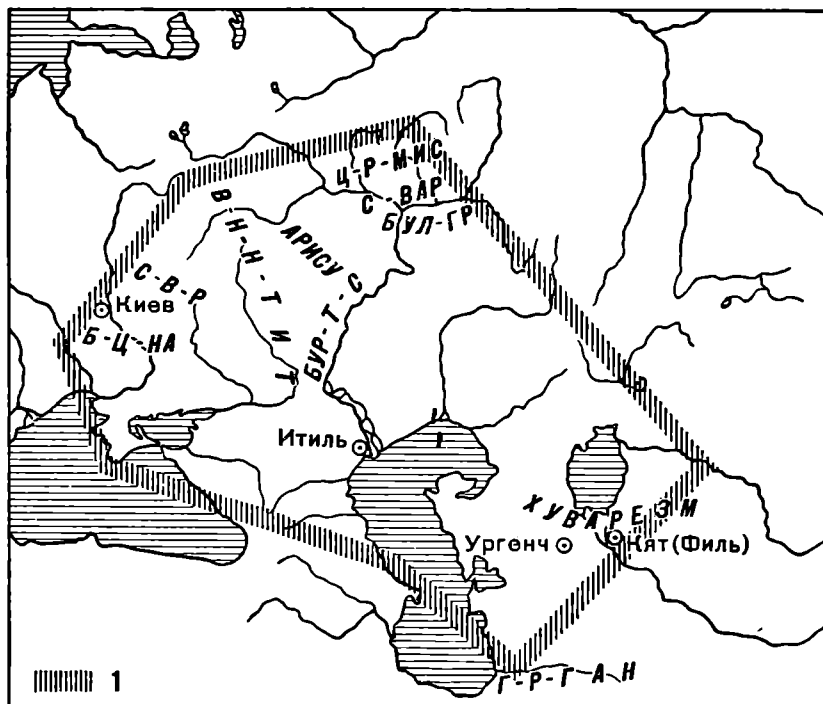

Рис. 1. Преувеличенное представление о размерах Хазарского каганата по пространной редакции «Ответа царя Иосифа» (около 1083 г.).

Туманского и Гардизи говорят лишь о буртасах, как о народе, подчиненном хазарам, но ни слова не сказано о славянах или Руси¹. Ибн-Фадлан говорит о подвластности хазарам волжских болгар и даже передает некоторые подробности, но мы должны помнить, что миссия Ибн-Фадлана была вызвана стремлением болгарского хана получить от халифа дополнительные средства на постройку крепостей и поэтому рассказы о хазарской опасности могли быть преувеличены². О русах же Ибн-Фадлан нигде не говорит как о народе, зависящем от хазар.

Ни Ибн-Хордадбех, ни Ибн-Русте, ни Масуди, ни Ибн-Хаукаль не говорят ни слова о зависимости славян или русов от хазар, хотя упоминается и путь русов через Хазарию, и русский квартал в Итиле, и разгром Хазарии Святославом, т. е. случай рассказать о русско-хазарских отношениях представлялся часто. Даже углубляясь в историю славян и рассказывая о гегемонии племени «Валивана» и царе Маджаке, Масуди не сообщает ничего о дани хазарам.

Наоборот, в восточной географической литературе мы можем найти много подтверждений независимости славяно-русов: наличие собственной юрисдикции в Итиле, наименование Меотиды «Русским морем», описание воинственности русов, упоминание местных славянских князей без указания на вассальную зависимость от кагана и т. п.

¹ V. Miropysky. Ук. соч., стр. 162; В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Зап. АН, VIII серия, т. I, № 4.

² Болгарский хан говорил Ибн-Фадлану: «Если бы действительно я хотел построить крепость на свои средства на серебро или золото, то нет для меня в этом трудности». (Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, стр. 78).

Писатели X в., заглядывая в древность, также повествовали о равноправности Руси и Хазарии; так Ат-Табари рассказывает о дербентском правителе Шахриаре, который в 644 г. заявлял: «Я нахожусь между двумя врагами, один — Хазары, а другой — Русы, которые суть враги целому миру, в особенности же арабам, а воевать с ними кроме здешних людей никто не умеет. Вместо того, чтоб мы платили дань, будем воевать с Русами сами и собственным оружием и будем их удерживать, чтобы они не вышли из своей страны»¹.

Легендарные «генеалогии тюрок», сложившиеся в хазаро-персидской среде в VIII—X вв. и известные нам по рукописям XII—XV вв., считают Руса (родоначальника русов) братом Хазара и рассказывают о вселении Руса в землю Хазара, а также о неудачной попытке их племянника Саклаба вселиться в области Руса, Хазара и Кимера (легендарного родоначальника Булгара и Буртаса). После того как Саклабу не удалось поселиться на юге, он «добрался до того места, где сейчас находится земля славянская. Сказал [Саклаб] «Здесь поселюсь и им легко отомщу»... и та земля стала населенной и ремеслом торговли занялись»².

Несмотря на то, что в этой генеалогии главное место отведено хазарам на Волге, мы не находим здесь подтверждения сведениям о владычестве хазар над Русью или над славянами. Единственно, о чем можно говорить на основании «Родословия тюрок», это об отголосках каких-то древних походов славян на юг, в хазарские земли, походов, не увенчавшихся успехом с точки зрения хазарской легенды.

Большой интерес представляет употребление на Руси титула «каган» применительно к великому князю Киевскому. «Русы имеют царя, который зовется хакан-Рус» (Ибн-Русте)³.

Наиболее ранним упоминанием этого титула является знаменитая фраза из Бертинской летописи о событии 839 г.

Какое значение в средневековой дипломатической терминологии придавалось титулу «каган», видно из письма короля Людовика императору Василию Македонянину в 871 г. Людовик протестует против византийской системы рассматривать всех соседних государей в качестве вассалов императора и награждать их только придворными званиями. Споря с византийцем из-за применения императорского титула, Людовик приводил примеры равнозначной титулатуры и ссылался на титул «каган», применяемый к царям аваров, хазар и болгар⁴.

¹ А. Я. Гаркави. Сказания..., стр. 74.

² «Сокращение историй и повествований». Тегеран, 1939, стр. 104—105 (на персидском языке). Указанием на этот источник и переводом я обязан В. А. Ромодину, которому приношу свою благодарность. Тегеранская рукопись 1126 г. содержит описание областей семерых сыновей Иафета: Чин, Тюрк, Хазар, Саклаб, Рус, Майсак (его сын Огуз), Кимари (=Киммериец? Его сыновья — Булгар и Буртас). У автора XV в. Мирхонда указаны еще пять сыновей Иафета.

³ А. Я. Гаркави. Сказания..., стр. 267. О «хакане-рус» говорят и «Книга границ мира», и Гардизи. Все они используют какой-то один древний источник IX в.

⁴ С. Гедеонов. Варяги и Русь, т. 2, СПб., 1876, стр. 484. Титул «каган» был применен митрополитом Илларионом к князьям Владимиру и Ярославу Мудрому в торжественном и несколько высокопарном «Слове о законе и благодати», где прославлялась Русская держава «яже ведома и слышима есть всеми конци земля» и где князь Владимир, «великий каган», сравнивался с самим императором Константином Великим (См. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Под ред. А. М. Пономарева, в. 1, СПб., 1894, стр. 70 и др.). В Софийском соборе в Киеве на колонке северной галлерей есть надпись граффити: «съпаси ги кагана нашего...». Палеографически надпись датируется XI—XII вв. «Слово о полку Игореве» называет каганом Олега Святославича.

Славянские племена уже с VI в. познакомились с титулом «каган» в лице могущественного соперника Византии кагана аварского, владычествовавшего над рядом племен до начала IX в. Сложение Русского государства в IX в. позволило великому князю Киевскому закрепить за собой титул «каган» и тем самым поставить Русь на равную ногу не только с Хазарией, но и с Византией.

Известия русской летописи об уплате славянскими племенами дани хазарам обычно принимаются как совершенно бесспорное доказательство вхождения русских областей от Киева до Москвы в состав Хазарского каганата. А между тем в летописных текстах о хазарах — текстах, принадлежащих разным авторам, имеется ряд противоречий.

Во-первых, свидетельства русской летописи об уплате дани хазарам полянами, северянами, вятичами и радимичами находятся в полном противоречии со всеми известными нам восточными свидетельствами о Хазарии, в которых речь идет о подвластности хазарам в IX—X вв. только буртасов и болгар.

Во-вторых, летописные известия внутренне противоречивы. Перечисляя кочевников, нападавших в разные времена на славян, летописец упоминает аспаруховых болгар, авар, печенегов, угров, но не упоминает хазар¹.

Сказание о полянах, вручивших хазарам меч вместо дани (свод 1073 г.?), нельзя рассматривать как свидетельство покорности полян: «Съдумавша же поляне и вдаша о т дым а мечь»². В этой фразе летописца подчеркнута, во-первых, обдуманное решение всего племени о форме дани, а во-вторых, стремление показать хазарам, что они, поляне, — вооруженный народ, что в каждом «дыме» у них есть меч. Здесь не хазары обезоружили полян, а поляне добровольно демонстрировали свою воинственность, символически отвергая покорность хазарам.

«Повесть временных лет» перечисляет под 859 г. три племени, будто бы платившие дань хазарам: поляне, северяне, вятичи. В записи под 885 г. неожиданно оказывается, что и радимичи должны были бы быть включены в этот список. Рассказ о походе Святослава на вятичей (964 г.) является литературным отголоском рассказа об Олёте и радимичах³.

Отмеченные противоречия не позволяют считать в русской летописи бесспорным во всех своих частях источником по истории русско-хазарских отношений. Нельзя, разумеется, отрицать того, что при своем появлении в степях хазары в VII в. могли временно «примучить» пограничные славянские поселения северян на Северском Донце или вятичей в районе Воронежа, но крайне сомнительно господство хазар над воинственными полянами и затерянными в Полесье радимичами. Можно допустить и такое толкование: хазары в VII—IX вв. брали дань с того славянского населения, которое просачивалось на юг, в степь, в соседство с Хазарией, покидая свои коренные земли на Оке, Соже или Сейме. Такие колонисты из земли северян и вятичей могли на юге попадать иногда в зависимость от хазар.

* * *

Сведения о подвластности славян хазарскому кагану содержатся, кроме русской летописи, и в еврейско-хазарской переписке X—XII вв. Корреспондент хазарского кагана, испанский еврей из Кордовы Хасдай ибн-Шафрут, писавший в 950—961 гг., хотел получить ответ на вопросы

¹ Повесть временных лет, т. I, 1950, стр. 14.

² Там же, стр. 16.

³ Там же, стр. 18, 20, 46—47.

о Хазарском государстве, о хозяйстве, о протяжении страны, о городах «докуда доходит власть его и каково число войск и полчищ его и князей (вассалов) его». «Я спрашиваю об этом только для того, чтобы ликовать вследствие многочисленности святого народа»¹.

Корреспондент не скрывает того, что ему нужны сведения о силе и о Хазарской державе для определенных целей пропаганды: «Когда они («уцелевшие от меча» — евреи в Испании) услышали о моем господине (Иосифе Хазарском), о мощи его царства и множестве его войск, они пришли в изумление. Через это мы подняли голову, наш дух ожил и наши руки окрепли. Царство моего господина (хазарского кагана) стало для нас оправданием, чтобы раскрывать смело уста. О, если бы эта весть получила бы еще большую силу, так как благодаря ей увеличится и наше возвышение»².

«Ответ царя Иосифа» дошел до нас в двух редакциях. П. К. Коковцов считает, что пространная редакция возникла в 1080-е годы. На рубеже XI и XII столетий «ответ» Иосифа уже обращался в испанской еврейской литературе (Иегуда из Барселоны)³.

Через два столетия после гибели Хазарского каганата был написан еще один запоздалый «ответ» Хасдаю ибн-Шафруту — так называемый «кембриджский документ». И чем дальше отстоял тот или иной «ответ» от эпохи политической самостоятельности Хазарии, тем решительнее заявляли авторы о господстве хазар над окрестными народами, о победах хазарских полководцев.

П. К. Коковцов, признавая достоверность письма Хасдая ибн-Шафрута, выражал сомнения в подлинности «документа, выдающего себя за ответное письмо хазарского царя», и считал необходимым разобрать, является ли этот документ «чистым золотом» или же и это основное ядро должно считать за грубую подделку начала или половины XI века»⁴.

Краткую редакцию «ответа» П. К. Коковцов считал более ранней, чем редакцию пространную (конца XI в.), в которой, по его мнению, появилось много дополнений. Однако, сличая соответственные части обеих редакций, мы видим обилие конкретных географических названий в пространной редакции и замену их общими высокопарными фразами в краткой. Автор краткой редакции не нуждается в географических перечнях, он вполне довольствуется суммарным указанием на число народов, подвластных хазарскому кагану. В некоторых случаях автор краткой редакции явно не понимает текста пространной редакции. Все это подсказывает нам перестановку последовательности редакций: краткая редакция представляется литературной обработкой более раннего географического сочинения, из которого выброшена вся конкретная часть.

¹ П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, стр. 68.

² Там же, стр. 70—71.

³ Там же. Предисловие, стр. XVII.

⁴ Там же, стр. XXV.— Относительно «кембриджского документа» П. К. Коковцов писал: «...составитель этого документа обнаруживает явную склонность даже в таких, казалось бы, простых вопросах, как имя его страны и ее столицы, угощать своего адресата чисто книжными измышлениями...» (стр. XXXII).

Путаные рассказы «кембриджского документа» взял отчасти под защиту В. Мошня в статье «Еще о новооткрытом хазарском документе» (Сборник Русского археологического общества. Белград, 1927), но и он считал, что «никоим образом нельзя к Киевской Руси относить рассказы о том, что после неудачной войны с хазарами Русь подпала под власть хазар».

См. также: Л. Я. Лавровский. Олег і Хельгу хазарського документу, виданого В. Шехтером. Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва, Зб. 1, Київ, 1930.

Приведу важнейшие различия обеих редакций:

Пространная редакция около 1080 г.	Краткая редакция XI—XII вв.
1. «В стране, в которой я живу, жили прежде В-Н-Н-ТРЫ. Наши предки хазары воевали с ними. В-Н-Н-ТРЫ были более многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами».	1. «Они (предки кагана) вели войну с народами, которые были многочисленнее и сильнее их».
2. Указано, что каган Булан жил за 340 лет до написания «ответа».	(Опущено название народа и рассказ утратил историческую конкретность).
3. «Ты еще настойчиво спрашивал меня касательно моей страны и каково протяжение моего владения. Я тебе сообщаю, что я живу у реки, по имени Итиль, в конце реки Г-р-гана. Начало реки обращено к востоку на протяжении 4 месяцев пути».	2. Пропущено.
4. «У этой реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укрепленных городах. Вот их имена:	3. «Что касается твоего вопроса о протяжении нашей страны и ее длины и ширины, то она расположена подле реки, примыкающей к Г-р-ганскому морю, на восток на протяжении 4 месяцев пути».
Бур-т-с Бул-г-р С-вар Арису Ц-р-мис В-ни-тит С-в-р С-л-впюн».	(Протяжение Волги здесь подменено протяжением страны).
5. Приведен подробный список 15 народов на южной окраине Хазарии.	4. «Их девять народов, которые не поддаются распознаванию и которым нет числа».
6. Приведен список 13 городов на западной окраине Хазарии (Саркел, «СМКГЦ», Керчь, Судак, Алущга, Ламбат, Партенит, Алупка, «КУТ», «МАНКТ», «БУРК», Алма, Гурзуф).	(Подробный список заменен расплывчатым указанием на 9 народов).
7. «Оттуда (от крымских городов) граница поворачивает по направлению к северной стране по имени БЦРА или БЦНА (печенеги). Они расположены у реки по имени ВА-Г-З».	5. Упомянуто о 15 народах без их перечисления.
8. «Я охраняю устье реки и не пускаю русов, приходящих на кораблях, проходить морем, чтобы идти на исмапльтян...»	6. «С западной стороны живут 13 народов (!) многочисленных и сильных на берегу моря Кустантины».
9. При исчислении расстояний до границ страны в пространной редакции указаны также ориентиры как река УГ-РУ на юге, река ВУЗАН на западе, река Бузан и излучина Волги.	(Автор, сокращая текст, не понял, что речь идет о городах, а не о народах).
	7. «Оттуда граница поворачивает к северу до большой реки по имени ЮЗ-Г. Они живут в открытых местностях, не защищенных стенами... Они многочисленны как песок...»
	(Автор краткой редакции, сокращая текст, выбросил имя печенегов и оставил только местоимение «они», непонятное без сопоставления с пространной редакцией).
	8. «Я живу у входа в реку и не пускаю русов, прибывающих на кораблях проникать к ним...»
	9. В краткой редакции все эти подробности опущены.

Как видно из сопоставления, пространная редакция ближе к той задаче, которую должен был выполнить автор ответа на вопросы Хасдая, — она содержит ряд определенных указаний на народы и города, перечисляя которые, автор хочет убедить своих читателей в могуществе Хазарии.

Эта редакция рассчитана на читателей, знакомых с народами, живущими вокруг Хазарии, и с крымскими городами. Краткая же редакция, сохраняя и даже усиливая общий апологетический тон по отношению к каганату, совершенно не интересуется географическими подробностями и довольствуется суммарным описанием народов, «которым нет числа». То, что краткая редакция была не первичным текстом, а позднейшим сокращением пространной редакции, явствует и из того, что крымские города названы в ней «народами». Очевидно, автор краткой редакции совершенно не был знаком с географией южного Крыма. Автор же пространной редакции очень подробно описал города и городки Керченского пролива и юго-восточного Крыма. Соглашаясь с П. К. Коковцовым относительно датировки пространной редакции 1080-ми годами, я считал бы необходимым признать краткую редакцию более поздней. Впрочем, возможно, что хронологический интервал между ними не особенно велик, а различие редакций объясняется разными кругами читателей, для которых они писались: пространная редакция возникла где-то в Крыму или Тмутаракани, а краткая могла возникнуть и в среде «уцелевших от меча» испанских евреев, жаждавших прочесть весть о могуществе Хазарии, «так как благодаря ей увеличится и их возвышение».

Иегуда бен-Барзилай (барселонец) в конце XI в. или в начале XII в. приводит текст «Ответа царя Иосифа» именно в его краткой редакции, устранившей все излишние для испанских читателей списки неизвестных им народов и городов Хазарии и ее окружения и сохранившей лишь внушительные цифры количества подвластных народов и месяцев пути по хазарской земле.

Итак, обе редакции отстоят больше чем на столетие от времени жизни обоих корреспондентов — Хасдая и Иосифа. Существовал ли в действительности ответ кагана Иосифа, который должен был быть написан в 960-е годы?

Мне кажется, что подлинный ответ существовал, и следы его мы можем обнаружить в обеих редакциях.

После того как было описано «протяжение страны», с перечислением многочисленных народов, на 4 месяца пути на восток, на 2 месяца пути на запад и после описания сторожевой службы кагана, обороняющего мир Востока от воинственных русов, текст обеих редакций переходит к характеристике трех «городов» на реке Итиль: первый «город» — 50×50 фарсахов (300×300 км), второй — 8×8 фарсахов (48×48 км), третий — 3×3 фарсахов (18×18 км)¹.

После этих гиперболических городов текст обеих редакций неожиданно снова возвращается к теме «протяжение страны», но уже далеко не в тех гигантских масштабах, в каких это описывалось ранее. Эпически-огромной державе хазарского царя в шесть месяцев пути в поперечнике соответствуют в обеих редакциях «Ответа» эпически-огромные города в десять дней пути. Но затем в повествование источника вторгается повторение темы «протяжение страны», где эпически-гиперболический тон

¹ А. Ю. Якубовским доказано, что здесь речь идет не о городах, а об областях, приписанных к городу. См. А. Ю. Я к у б о в с к и й. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X веках. СА, X, 1948, стр. 260. В своей работе, посвященной русско-хазарским отношениям, А. Ю. Якубовский придерживается традиционных взглядов, но ему удалось избежать тех крайностей в обрисовке каганата, в которые впадали другие историки. См. А. Ю. Я к у б о в с к и й. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X веках. ИАН СССР, серия истории и философии, 1946, № 5. См. также С. П. Т о л с т о в. По следам хорезмийской цивилизации. М., 1949.

уступает место очень точным деловым цифрам. Вся Хазария оказывается размером 60 × 60 (или 50 × 50) фарсахов, т. е. очень близка к наибольшему «городу». Вот это-то точное описание и можно возвести к действительному ответу царя Иосифа.

Последовательность литературных наслоений еврейско-хазарской «переписки» мы можем представить себе так:

1. В 960-е гг. из Испании в Хазарию послано письмо Хасдая ибн-Шафрута с запросом об истории страны, о ее размерах, ее соседях и ее могуществе.

2. В 960-е гг. (очевидно, до разгрома Хазарии Святославом) написан ответ с изложением истории страны и ее пределов, исчисленных в фарсах. Возможно, что были указаны соседи Хазарии, в частности, русы, с которыми хазары воевали и старались не пропускать в Каспийское море.

3. В 1080-е гг. (очевидно, после 1083 г., как будет доказано ниже) в Тмутаракани или в восточном Крыму возникает так называемая «пространная редакция» «Ответа царя Иосифа» с хвастливым гиперболическим описанием каганата, в котором все ближайшие соседи хазар превратились в подданных кагана.

4. На рубеже XI и XII вв. в Испании в среде барселонских евреев текст пространной редакции подвергается сокращению в описательно-географической части и усилению эпической характеристики могущества каганата.

* * *

Для суждения об исторической роли Хазарии нам крайне важно точно представлять объем ее территории. Источников для этого вполне достаточно, но они или совсем не привлекались, или же слишком мало рассматривались с историко-географической точки зрения. Драгоценный материал содержится в той части еврейско-хазарской переписки, которую я отношу к подлинному ответу кагана Иосифа 960-х годов:

Пространная редакция	Краткая редакция
<p>«Я еще сообщаю тебе размеры пределов моей страны, (страны) в которой я живу. В сторону востока она простирается на 20 фарсахов пути до моря Г-р-ганского; в южную сторону на 30 фарсахов пути до большой реки по имени «Уг-ру»; в западную сторону на 30 фарсахов до реки по имени «Бузан», вытекающей из реки «Уг-ру»; в северную сторону на 20 фарсахов пути до (реки) «Бузана» и склона (нашей) реки к морю Г-р-ганскому. Я живу внутри островка; мои поля и виноградники и все нужное мне находится на островке».</p>	<p>«Я еще сообщу пределы моей страны. В восточную сторону она простирается на 20 фарсахов пути, до моря Г-р-ганского, в южную сторону на 30 фарсахов пути и в западную сторону на 40 фарсахов пути. Я живу внутри острова. Мои поля, виноградники, сады и парки находятся внутри острова. В северную сторону она простирается на 30 фарсахов пути (и имеет здесь) много рек и источников.»</p>

По поводу этого отрывка М. И. Артамонов писал: «...совершенно невероятно, чтобы громадная страна, какой была Хазария в эпоху Иосифа, простиралась от Итиля к востоку всего только на 20, к югу на 30, к западу на 40 и к северу на 30 фарсахов пути»¹. В этой фразе анализ источника подменен заранее сложившейся идеей о могуществе Хазарии.

¹ М. И. Артамонов. Очерки..., стр. 100.

М. И. Артамонов, опираясь на Ф. Вестберга, считает фарсах равным версте, что совершенно противоречит данным о метрологии IX—X вв. Фарсах эпохи кагана Иосифа — это мера длины около 6—7 км¹.

М. И. Артамонов отождествляет исчисленную в фарсах область с Итилем и его непосредственными окрестностями и считает, что «летнее путешествие Иосифа с его двором и слугами не выходило за пределы этого заселенного пространства в Волжской дельте, где без сомнения находилась и река В-р-шан»².

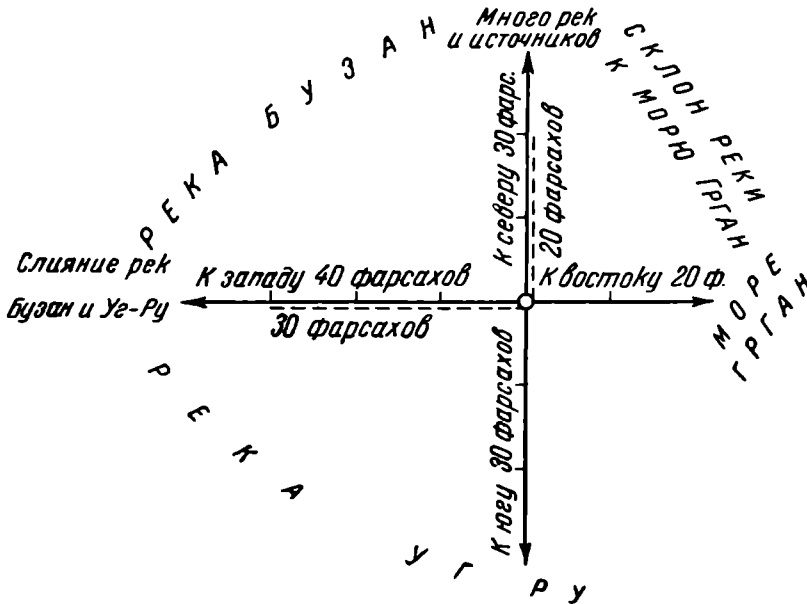

Рис. 2. Схема границ Хазарии по достоверной части «Ответа царя Иосифа» (около 960 г.).

При принятом М. И. Артамоновым не существовавшем размере фарсаха в 1 версту эта область, действительно, оказывается крайне незначительной, и если отсчет велся от Итиля, то она должна была бы ограничиться только дельтой Волги. М. И. Артамонов стремился всячески дискредитировать вторичное (по его положению в тексте) описание страны Хазарии и показать, что исчисление в фарсах относится не к границам каганата, а лишь к небольшой пригородной зоне вокруг Итиля. Поэтому он заставил хазарского кагана кочевать по бесчисленным островкам Волжской дельты, где фактически кочевья невозможны, поэтому он принял на веру предположение Вестберга об одноверстном фарсахе, лишённое всякого вероятия.

Попытаемся перенести на современную карту все данные «Ответа царя Иосифа», пользуясь достоверным фарсахом в 6—7 км (рис. 2). Общее протяжение Хазарии должно быть в таком случае 300—350 км по пространной редакции (где цифры подогнаны под «город» в 50 × 50 фарсахов) и 360—420 км по краткой редакции.

Изобразим эти данные в виде схемы. Под рекой «Бузан» принято подразумевать Дон. «Склон нашей реки (Итиль) к морю Г-р-ган» — это, очевидно, излучина Волги у Сталинграда, близ стратегически важной Переволоки. Там от Волги ответвляется Ахтуба с ее многочисленными

¹ А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских... отношениях..., стр. 470. П. К. Коковцов считает фарсах равным 6—7 км, а позднее — 9 км. Часто фарсах равнялся 3 арабским мильям, т. е. $1,9728 \times 3 = 5,919$ км.

² М. И. Артамонов. Очерки..., стр. 101.

протоками. Сближение Волги и Дона отмечено источником. Наибольшую трудность представляет определение реки Уг-ру. П. К. Коковцов допускает, что здесь может идти речь о Куме¹. Но, пожалуй, более вероятным будет отождествление этой «большой реки» не с Кумой, которая никак не может оказаться в соседстве с Доном, а со всей Кумо-Маньчской системой протоков, пересекающей весь Северный Кавказ и, действительно, сливающейся с Доном-Бузаном на западе.

Проверим наше предположение расстояниями; протяжение Хазарии с севера на юг — 50 или 60 фарсахов, т. е. 300—350 или 360—420 км. Расстояние от Сталинграда (начало «склона реки») прямо на юг до Кумо-Маньчской впадины — 370 км. Как видим, наш расчет оправдался. Нам предстоит еще определить исходную точку отсчетов. Казалось бы естественным, что отсчет во все четыре стороны производился из столицы каганата, из Итиля, но, во-первых, «Ответ царя Иосифа» не называет Итиль, а во-вторых, если мы наложим нашу схему на карту таким образом, что исходная точка совпадет с Астраханью (принимаемой условно за Итиль), то мы обнаружим ряд противоречий: 1) море от Астрахани на восток расположено не в 20 фарсах, а лишь всего в 12 фарсах, а в древности, очевидно, подходило еще ближе; 2) на юг от Астрахани в 30 фарсах — море, а не река «Уг-ру»; даже если принять за нее Куму, расположенную на юго-западе от Астрахани, то и тогда остается много противоречий при разборе западной и северной границ; 3) на запад от Астрахани в 40 фарсах находятся горы Ергени и нет никакой реки, которую можно было бы отождествить с «Бузаном»; 4) на север от Астрахани в 30 фарсах — совершенно безводные Рыи-пески, а не «изобилие рек и источников».

Итак, мы должны отказаться от Астрахани или какого-либо иного пункта в дельте Волги как от исходной точки.

Итиль лежал на краю Хазарии и от него неудобно было отсчитывать во все стороны. Попытаемся определить эту исходную точку, отправляясь от самого текста, отсчитывая от порубежных ориентиров. К сожалению, мы не можем взять за ориентир Каспийское море, так как уровень его сильно менялся и, по всей вероятности, в эпоху Иосифа был выше современного². Более надежными являются северный и южный ориентиры, но здесь дело осложняется разночтением редакций. Место сближения Дона-Бузана со склоном к морю Волги-Итиль в пространной редакции указано в 20 фарсах от точки отсчета, а в краткой — в 30 фарсах. Отложим от Кумо-Маньчской впадины на север полосу в 30 фарсах и попытаемся определить место пересечения с этой полосой дуги, описанной из северного ориентира радиусом в 20 и в 30 фарсах. Оказывается, что дуга радиусом в 20 фарсах не пересечется с южной полосой нигде. Дуга в 30 фарсах (180—210 км) пересекается с ней примерно в 47° сев. широты и 15° вост. долготы на юг от Сарпинских озер. Где-то здесь, в районе многочисленных родников и пресноводных озер, к которым сходились дороги старой Калмыцкой степи, южнее озера Сарпы на пространстве в 30—50 км нужно искать реальные следы того пункта, который служил центром географических отсчетов X в.

Если от полученной таким образом точки отсчета мы отложим 40 фарсах на запад, то граница пройдет через пограничную хазарскую крепость Саркел. На востоке в 20 фарсах расположена испещренная

¹ П. К. Коковцов. Ук. соч., стр. 103, примеч. № 49.

² Город Семендер указывается как лежащий на берегу моря; в настоящее время селение Ендери, отождествляемое с Семендером, отстоит от моря на 70 км.

озерами низменность — древний залив Каспийского моря. Отысканная нами точка отсчета фарсахов лежит внутри хазарской земли и удовлетворяет всем условиям источника. Нам неизвестно только название этого пункта, игравшего, очевидно, значительную роль в жизни Хазарии, если он был принят за географический центр каганата.

* * *

Границы Хазарии определены многими источниками IX—X вв. и восходящими к ним источниками XI—XII вв.

Рис. 3. Распределение народов и государств по «Книге границ мира» («Худуд-ал-Алем»).

«Книга границ мира», написанная в 983 г. по материалам середины IX в., так определяет их: «На востоке от хазар находятся: стена, идущая между горами и морем, море и некоторая часть реки Атиль. На юг от них — Сарир, на запад — горы (названные в другом месте Хазарскими), на север — Барадасы и Ненендеры» (рис. 3)¹.

Персидский аноним определяет северную границу Хазарии при посредстве таких соседей, как нендеры (венендеры-утургуры), жившие в Приазовье и в низовьях Дона, и буртасы, южные поселения которых начались за волго-донской Переволокой; буртасы были подчинены хазарам.

¹ V. Minor sky. Hudud-al-Alam, стр. 161.

Горы на запад от Хазарии — это Ставропольская возвышенность, по ту сторону которой в Приазовье жили «хазарские печенеги», названные так по соседству с хазарами, но не потому, чтобы они входили в состав каганата. Наоборот, хазарские печенеги нападали на хазар, вывозили оттуда пленников и продавали их¹. Воспоминания о керченских владениях хазар сохранились в этом источнике в перечислении черноморских народов, но при описании Хазарии она показана удаленной от моря².

Следует отметить, что описание Хазарии в «Книге границ мира» персидского анонима почти полностью совпадает с «Ответом царя Иосифа» 960-х годов за исключением стены от моря до гор, т. е. области близ Дербента, уже утраченной Хазарией к X в.

Аль-Балхи и Аль-Истахри (середина X в.) определяют положение Хазарии так: она находится «между Хазарским морем, Русом, Гузней и Сериром»³.

Трудно сказать, где эти авторы размещали русов, но, очевидно, речь идет не о коренной Руси, а о южных русских поселениях в Приазовье, о которых говорит Масуди (середина X в.): «Море Найтас (Меотида), которое есть Русское море; никто кроме русов не плавает по нем и они живут на одном из его берегов. Они (русы) образуют великий народ, не покоряющийся ни царю, ни закону»⁴. В этом описании южных русов легко узнать позднейших «бродников» — степную вольницу, не покорявшуюся никакой власти. Из русских племен Масуди назвал только одно, очевидно самое южное — Луджана, в котором можно видеть улучан-уличей летописи.

Поздний хазарский документ XII—XIII вв., описывая врагов Хазарии в X в., дает по существу перечень соседних народов, не подвластных каганату: «Вот какие народы воюют с нами: Асия (аланы-ясы), Баб-ал-Аббаб (Дербент), Зибус (возможно, зихи), Турки (печенеги или гузы), Луз-ния (очевидно, Луджана-уллучане-уличи)»⁵.

Все приведенные выше описания пределов Хазарского каганата в полном согласии друг с другом помещают его между восточной частью Кавказского хребта, Каспийским морем, нижним коленом Волги, Доном и «хазарскими горами» — Ставропольской возвышенностью.

Последний источник, который необходимо привлечь, — это замечательная карта Идриси 1154 г. (рис. 4)⁶. Эта карта ни разу не привлекалась как источник по географии Хазарии, а между тем ее сведения исключительно интересны. На этой карте, на листах 56 и 57, показана «Область Хазар» и нанесены пять хазарских городов. На юг от Хазарии показан Кавказский хребет, от которого отходит к северу (а потом к северо-востоку) дугообразная цепь возвышенностей. При взгляде на современную карту

¹ Там же, стр. 160.

² Там же, стр. 53.

³ А. Я. Гаркави. Сказания..., стр. 191. Истахри. — Аль-Балхи сообщает, что «Итиль назван по имени реки, текущей через него в Хазарское море. Город этот не имеет ни многих селений, ни пространного владения. Страна эта находится между Хазарским морем, Сериром, Русом и Гузами» (Там же, стр. 275—276).

⁴ А. Я. Гаркави. Сказания..., стр. 130. — Об Азовском море, как о Славянском, говорит и безымянный арабский автор X в. (См. там же, стр. 251). В полном согласии со свидетельством Масуди о Приазовской Руси находится и «Книга границ мира», где Меотида описана как «крайний предел расселения славян, идущих далее на север»; V. Miropgskij. Ук. соч., стр. 54.

⁵ П. К. Кокоев. Ук. соч., стр. 121.

⁶ Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г. КСИИМК, XLIII, рис. 1.

нам резко бросается в глаза дугообразная цепь возвышенностей, окаймляющая Прикаспийскую низменность: Ставропольская возвышенность, Ергени, Приволжская возвышенность и, наконец, Общий Сырт («горы Шайет» на карте Идриси). Река Атиль пересекает эту дугу возвышенностей, что соответствует действительности.

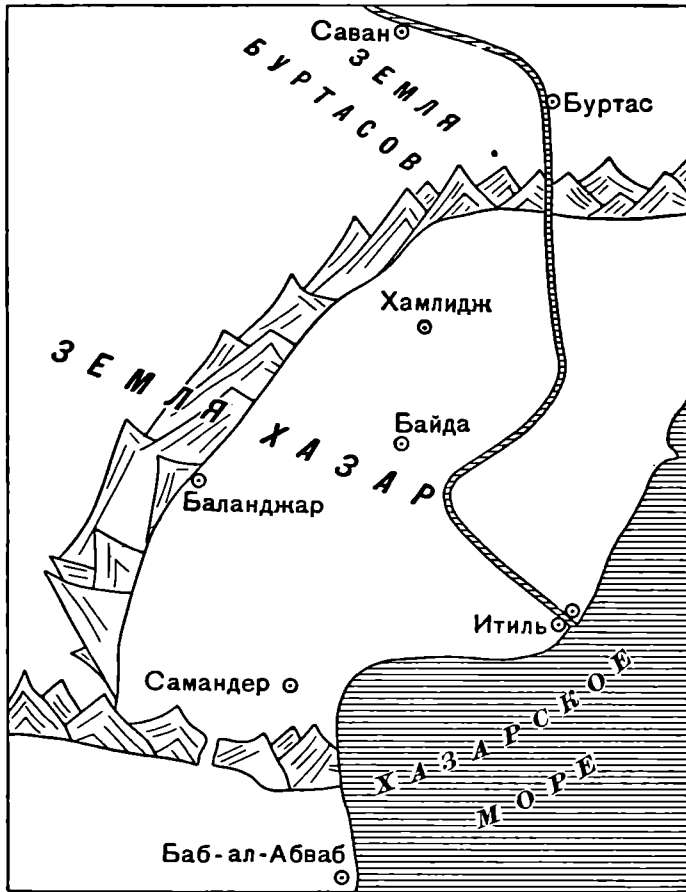

Рис. 4. Часть карты Идриси 1154 г.

Надпись «Ард-ал-хозар» находится между р. Атиль и цепью возвышенностей, частично переходя за нее в северо-западном направлении. Город Итиль на карте 1154 г. показан двумя пунсонами на обоих берегах Волги. Город Самандар помещен на карте юго-восточнее Итиля, недалеко от Кавказского хребта и от моря, что вполне соответствует локализации Семендера близ низовьев Сулака. Город Баланджар — самый западный из хазарских городов карты Идриси (Саркела на ней нет), помещен на восточном склоне возвышенности, отходящей от Кавказа на север. Этому положению вполне отвечает городище Маджары близ Бургонмаджар на р. Куме, давно отождествляемое с Беленджером¹. В северной части Ха-

¹ М. И. Артамонов. Очерки..., стр. 91—92. Автор сомневается в раздельном существовании Беленджера и Семендера, считая оба имени названием одного города, но карта Идриси убеждает в существовании двух городов: В. А. Городцов. Результаты археологических исследований на месте Маджар в 1907 г. Тр. XIV АС. т. III, стр. 165.

зари, между Ергенями и Волгой, на карте 1154 г. показаны два города: Хамлидж и Ал-Байда («Белый город»), известные и по ряду других источников. Хамлидж помещен на севере, там где Ергени сближаются с Волгой, а город Байда в самой сердцевине земли хазар. Такое срединное положение города Байда сближает его с той точкой отсчетов фарсахов, которую удалось приблизительно связать с районом на юг от Сарпинских озер.

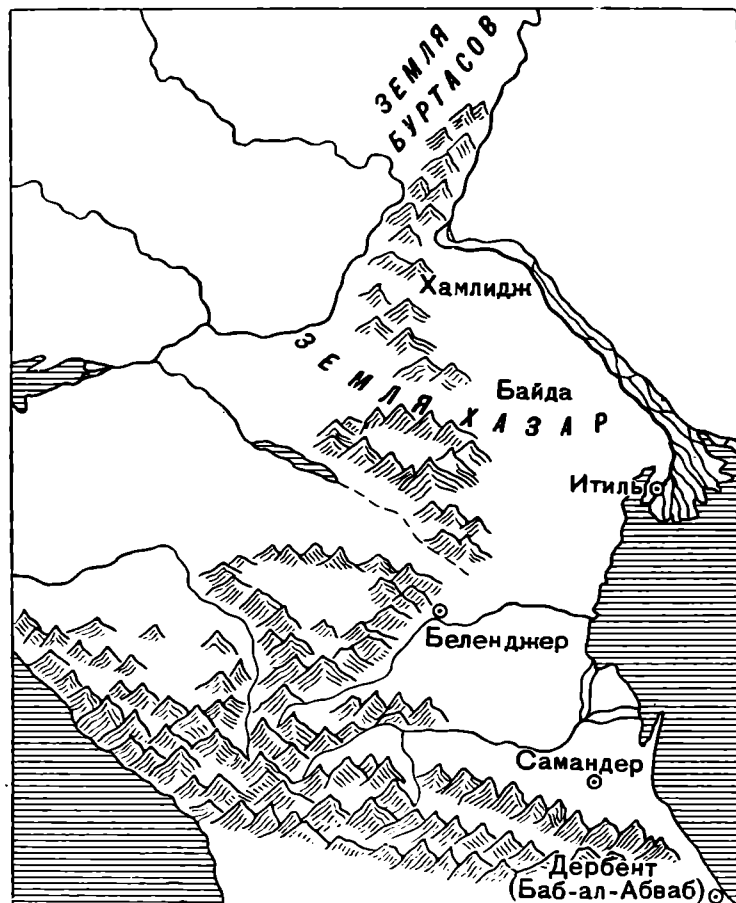

Рис. 4а. Перенесение данных Идриси на современную карту.

При переложении данных Идриси на современную карту (рис. 4а) и при сопоставлении с точными расчетами «Ответа царя Иосифа» мы видим полное совпадение их. Надпись на карте 1154 г. «Область хазар» размещена так, что заходит и западнее Ергеней; Хазария царя Иосифа тоже выходила за Ергени на запад, доходя до Саркела, являющегося, таким образом, пограничной западной крепостью каганата.

На сводной карте города Семендер и Беленджер — две древние хазарские столицы — оказываются за пределами носифовской Хазарии. Это соответствует исторической действительности, так как оба города были отвоеваны у хазар и столица была перенесена в Итиль¹.

Подведем итоги разысканиям по географии Хазарского каганата в IX—X вв. (рис. 5).

¹ А. Я. Гаркави. Существовала ли у хазар столица под названием Беленджер? СПб., 1877.

Размеры каганата очень скромны и очень точно описаны в достоверной части «ответа». Хазария представляла собою почти правильный четырехугольник, вытянутый с юго-востока на северо-запад, стороны которого составляли: Итиль-Волга от Сталинграда до устья, Хазарское море от устья Волги до устья Кумы, Кумо-Манычская впадина и Дон от Саркела до Переволоки.

За Волгой начиналась земля воинственных гузов, от которых каган старался оградить свою землю. На волго-донской Переволоке стояли таможенно-сторожевые хазарские отряды, а несколько севернее лежала земля буртасов, подчиненных кагану и совместно с хазарами иногда избивавших русских купцов¹. Поблизости от излучины Волги, где-то южнее Сталинграда, был город Хамлидж. На западе Саркел защищал каганат от мадьяр, болгар (утургуров) и позднее — от печенегов. На юге хазары к X в. уже утратили города Семендер и Беленджер. Весной хазарский каган выезжал на кочевку на 20 фарсахов от Итиля к реке В-ршан, в которой следует видеть Куму (древний Геррос)². «И оттуда идем вокруг нашей страны». Путь, очевидно, шел по орошенной долине Маныча, где до сих пор сохранились такие названия селений, как «Летняя Ставка».

Город Байда находился в центре хазарских кочевий в степях, но в районе, обильном питьевой водой.

Крымско-таманские города уже не входили в 960-е годы в состав Хазарии, и, очевидно, власть хазарских тудунов в них была временной, несмотря на всю стратегическую важность и экономическую выгодность обладания этими городами.

Область салтовской культуры никогда не входила в состав Хазарии и не была ей подчинена. У нас нет ни одного свидетельства в пользу взгляда М. И. Артамонова о существовании «Северо-западной Хазарии». Ни о каком подчинении всех печенежских племен Хазарии не может быть и речи. Из «Книги границ мира» мы знаем, что часть печенегов, кочевавших в азовско-кубанских степях, носила название «хазарских», но они не были данниками хазар: «они... овладели силой этой областью и здесь поселились... Хазарские пленники, попадающие в мусульманские области, большею частью происходят отсюда»¹.

Если ближайшие соседи каганата вывозили рабов-хазар и овладели частью хазарской территории, то что же говорить о сорока печенежских племенах, кочевавших от Дуная до Яика? Хазария в IX—X вв. была в силах лишь укреплять свою северо-западную границу по Дону и не помышляла о выходе в степи севернее Саркела. Считать городища салтовской культуры хазарскими форпостами или говорить о хазарских гарнизонах в русских городах для этой эпохи невозможно. Хвастливые авторы

¹ Масуди подтверждает, что северная граница Хазарии проходила в месте сближения Дона и Волги: «Здесь же хазарским царем поставлены в большом количестве люди», которые удерживают как плавающих по рекам, так и приходящих сушею. Особенно важна эта застава была для защиты от гузов, которые зимой старались перейти Волгу по льду и вторгнуться в Хазарию (А. Я. Гаркави. Ук. соч., стр. 131). Мнение К. В. Кудряшова о том, что здесь, на Переволоке, находился Саркел, совершенно несостоятельно (См. К. В. Кудряшов. Половецкая степь, 1948).

² Расстояние от Астрахани до устья Кумы несколько более 20 фарсахов, но возможно, что Итиль находился несколько южнее Астрахани. «... На левой стороне Волги город Астрахань; а ниже Астрахани 3 протока из Волги в море, а ниже тех протоков на четвертой протоке — г о р о д и щ е, а ниже того городища из Волги в море 10 протоков». (Книга Большому Чертежу. М.—Л., 1950, стр. 145). Не здесь ли следует искать древний Итиль? Тогда расстояние между Итилем и рекой В-ршан сократится до 2022— фарсахов.

¹ V. Minorsky. Ук. соч., стр. 160.

позднейших переделок «Ответа» не преминули бы упомянуть об этом, но если даже они молчат на этот счет, то историкам не следует соперничать с ними. Возможно, что списки народов Поволжья, славянских племен и крымских городов были приведены как описание соседей Хазарии и лишь

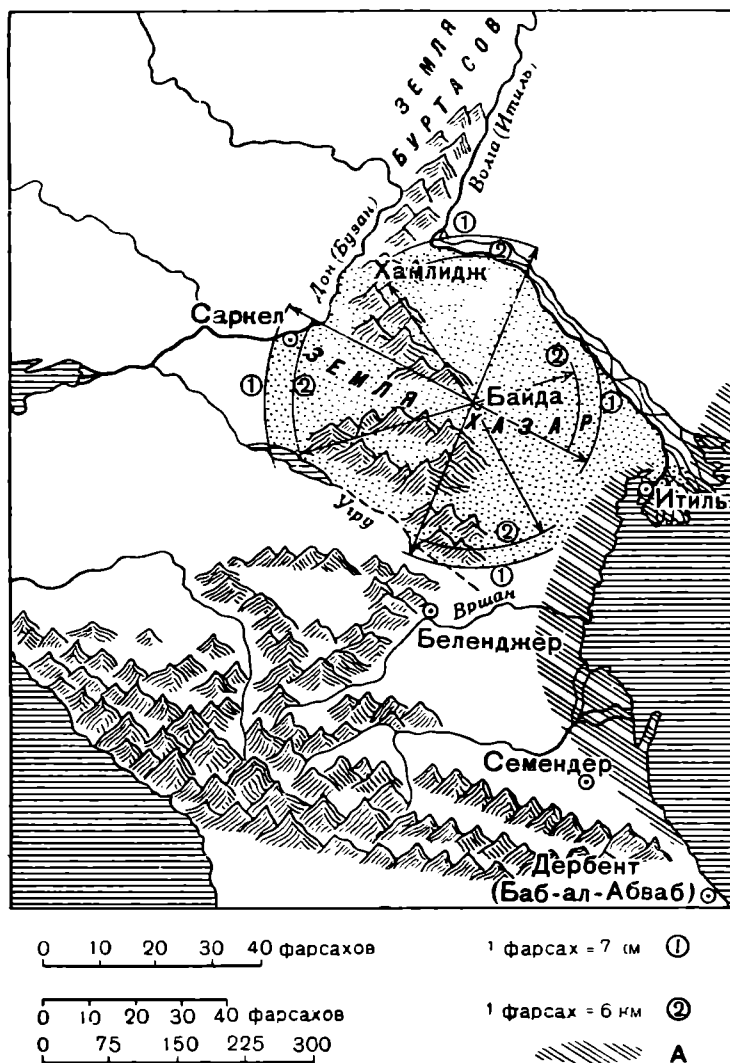

Рис. 5. Хазарский каганат в 960-х годах.

А—Предполагаемая область трансгрессии Каспийского моря.

в силу общей тенденции превратились в подданных путем вставки стереотипной фразы: «они многочисленны как песок моря и все они платят мне дань». Основанием для этой фразы могли быть и таможенные пошлыны, взимавшиеся в Итиле, и отдельные военные эпизоды.

Русы в обеих редакциях «Ответа» выглядят грозным и воинственным народом, от которого Хазария будто бы обороняет мусульманский мир. Ни одной фразы о том, что русы когда-то платили хазарам дань, нет в «Ответах».

* * *

Действительный ответ кагана Иосифа бен-Аарона должен относиться к последним годам существования этого паразитарного государства, сидевшего на важных торговых путях Восточной Европы.

Победоносный поход Святослава в 966 г. привел к падению каганата, и появление такого литературного произведения, как пространная редакция «Ответа», не могло иметь места в ближайшие годы после разгрома Хазарии. А между тем вопрос о времени и условиях появления новых «Ответов» очень важен для определения степени исторической достоверности еврейско-хазарской переписки. На основании одной фразы, вставленной в текст пространной редакции, П. К. Коковцов датирует ее 1080-ми годами¹.

Местом, где складывалась в конце XI в. пространная редакция, следует считать Крым или Тмутаракань, где в это время еще жили хазары. Ни П. К. Коковцов, ни позднейшие исследователи переписки не обратили внимания на освещение этого периода истории Тмутаракани в русской летописи. А между тем «Повесть временных лет» может пролить свет на происхождение сочинения, стремящегося во что бы то ни стало убедить своих читателей в былом могуществе Хазарии.

Благодаря тому, что летописец Никон жил несколько лет в Тмутаракани, в основанном им монастыре, мы получаем ряд интересных сведений о южных событиях. Половецкое нашествие после 1068 г. перерезало южные торговые пути и, очевидно, ослабило связи Руси с русской Тмутараканью. Князья-изгой, вроде Давида Игоревича, пользуются сложной обстановкой и перехватывают купеческие караваны («зая гръчники в Ольшии» 1084 г.). Знаменитый Олег «Гориславич» открыл новые военные ресурсы и, вступив в союз с половцами, воевал против киевского князя Всеволода Ярославича. Хазары в 1079 г. вмешались в русские дела и подговорили половцев убить князя Романа Святославича, а с его братом, княжившим в Тмутаракани, они расправились сами: «А Ольга емые козаре поточиша и за море Цесарюграду»².

Через четыре года, в 1083 г., «приде Олег из Грек Тмутараканю; и я Давыда и Володаря Ростиславича и седе Тмутаракани. И исече козары, и же беша светници на убьенье брата его и на самого»³. После событий 1083 г. Олег Святославич еще 11 лет княжил в Тмутаракани вплоть до 1094 г., когда он вернулся в свой родной Чернигов. Вот к этим-то бурным годам борьбы Олега с тмутараканскими хазарами и следует, очевидно, приурочить воскрешение в хазарской среде интереса к «Ответу царя Иосифа» и создание фальсифицированной, полемической пространной редакции 1080-х годов.

Интересно отметить, что славянские племена, поддающиеся расшифровке в «Ответе» (вятичи и северяне), — это население отчины князя Олега Святославича, данники Черниговского княжества. Неясно название «славвию», но возможно, что оно относится к какому-нибудь пограничному славянскому населению юго-восточных рубежей, где были города с гарнизонами из разных славянских племен. Большая часть этих городов принадлежала тогда Черниговскому княжеству⁴.

¹ П. К. Коковцов. Ук. соч., стр. XVII. Каган Булан принял иудейство; «...этому (уже) 340 лет» (стр. 93). Принятие иудейства хазарами относится ко времени около 740 г.

² Повесть временных лет. Под ред. Д. С. Лихачева, т. I. М.—Л., 1950, стр. 135.— Олег жил на острове Родосе; за время пребывания в Византии он женился на знатной гречанке Теофании Музалон, с которой и возвратился в Русские земли.

³ Там же.

⁴ Например, Гочевское городище IX—XIII вв. на реке Псле, где население состояло из северян, радимичей, отчасти вятичей и мордвы. Они могли носить собирательное имя славян.

Историю русско-хазарских отношений мы схематически можем изобразить так:

1. В VII в. русы и хазары совершают походы в южнокаспийские области (Ат-Табари). В хазарском войске была в употреблении славянская речь (Моисей Каганкатваци).

Можно допустить, что кочевникам-хазарам эпизодически удавалось собирать дань с пограничного славянского населения, например, с северян или с южных вятичей.

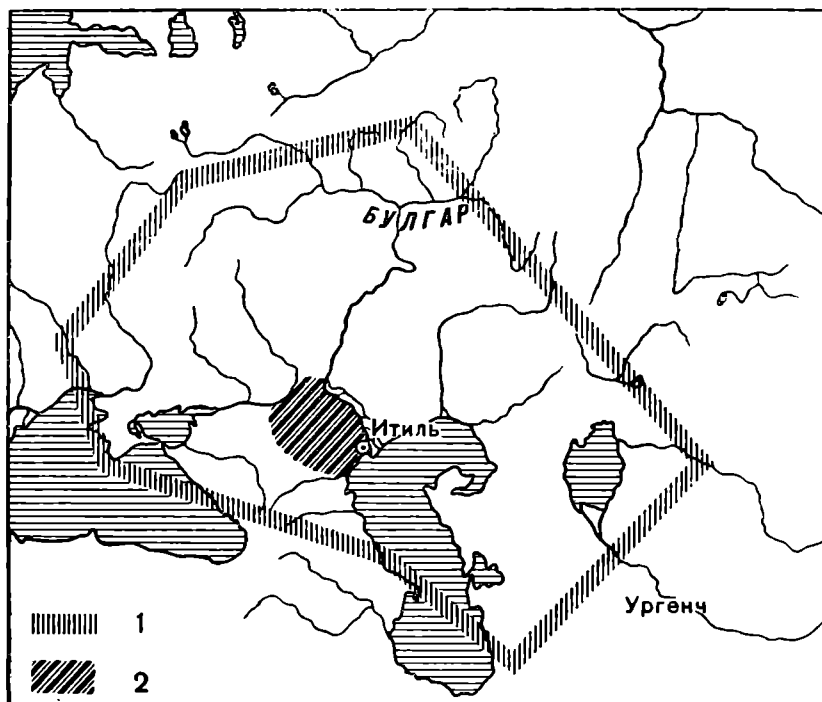

Рис. 6. Схема границ Хазарии.

1 — Границы Хазарии по пространной редакции «Ответа царя Иосифа».

2 — Действительная территория Хазарии.

2. В VIII в. основные славянские земли оказались отделенными от хазар мадьярами, нападавшими на славян. Хазарам в это время удалось контролировать Керченский пролив.

3. В IX в. русы продвинулись на юг, овладев «островом русов» — Тмутараканью. Во время походов на Каспий русы проходили через Хазарию. В Итиле образуется русская колония, имевшая свое управление.

Хазарский каганат ограничен небольшой степной областью между Ставропольской возвышенностью, Кумой, Каспийским морем, Волгой и Доном. Саркел на Дону был построен на северной границе каганата для защиты от печенегов, отделявших хазар от славян.

4. X в. был эпохой загнивания и упадка Хазарского каганата, окончательно рассыпавшегося под ударами русских войск в 966 г.

Незадолго до падения Хазарии возникла переписка между испанским вельможей Хасдаем ибн-Шафрутом и хазарским каганом Иосифом бен-Аароном. Уцелевшей от позднейших переделок частью «Ответа царя Иосифа» можно считать точное описание и исчисление в фарсах протяжения хазарской страны, очень небольшой по размерам.

После завоевания Хазарии русскими, северянско-вятическая колонизация из районов «роменской культуры» направилась в район Саркела.

5. В 1023 г. хазарские дружины упоминаются в составе войск Мстислава Тмутараканского. В 1079—1083 гг. конфликт между хазарами и Олегом Святославичем привел к появлению нового варианта «Ответа царя Иосифа» (пространная редакция) с гиперболическими размерами каганата и превращением соседей хазар в их подданных. В этом полемическом и тенденциозном литературном произведении часть славянских племен, входивших в вотчину Олега (северяне и вятичи), показана в числе подданных каганата.

Летописец Никон Тмутараканский в своде 1073 г. изложил русское сказание о попытке хазар наложить дань на полян.

6. Автор «Повести временных лет» воспринял на веру все известия (восходящие, очевидно, к хазарским источникам XI в.) о подчинении славян хазарам, неудачно дополнил их, хотя сам совершенно не представлял того времени, когда хазары собирали со славян дань. Летописец старательно возвеличивал Вещего Олега и ради этого подчеркивал его роль освободителя славян от хазарской дани.

На рубеже XI и XII вв. в Испании возникла сокращенная редакция «Ответов царя Иосифа», предназначенная для испанских читателей.

В итоге мы можем сказать, что Хазария была небольшим ханством (рис. 6) с низким уровнем производительных сил, которое не могло состязаться с непрерывно возраставшей силой Русского государства. Весьма сомнительно, чтобы славяне в IX—X вв. платили дань хазарам. Киевская Русь вызревала не в недрах Хазарского каганата, а рядом с ним, в борьбе с ним, и создавалась она на несравненно более прочной экономической основе, чем примитивное государство кочевников-хазар, долгое время существовавшее лишь благодаря тому, что превратилось в огромную таможенную заставу, запиравшую пути по Северскому Донцу, Дону, Керченскому проливу и Волге.

А. Л. МОНГАЙТ

ИЗ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ БАСЕЙНА СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ ОКИ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

Основным населением района средней Оки до появления здесь славян были местные чудские племена, которые могут быть признаны предками современной мордвы, а также предками известных из письменных источников, но исчезнувших в процессе славянской колонизации муромы и мешеры¹.

Наиболее древними памятниками, которые связываются с чудскими племенами, являются так называемые городища городецкой культуры².

Непрерывно тянущиеся по правому берегу Оки от Белоомута до Касимова, они составляют рязанскую группу городищ. К той же культуре принадлежат городецкие городища саратовской, пензенской, тамбовской, куйбышевской и муромской (нижнеокской) локальных групп³. Городецкие городища сходны с широко распространенными в верховьях Оки и Волги дьяковскими городищами⁴, но выделяются в особую группу по одному характерному признаку — по украшению керамики рогожным

¹ Все эти племена говорили на языках, принадлежавших к финно-угорской языковой семье, поэтому в исторической литературе их часто называют финнами. Это название применяется как к древним племенам, так и ко многим современным народам, ничего общего не имеющим с современным финским народом (финнами-суоми). Их языковое родство свидетельствует лишь об общем происхождении и очень древних связях. Русские летописи называют чудью племена эстов, но иногда этот термин применяется в качестве общего названия для группы народов финно-угорского языка, например, — чудь заволочская. Считаем возможным применять это название по отношению ко всем племенам финно-угорской группы для всей летописной поры и вместо термина «финские племена», «финские древности» писать «чудские племена», «чудские древности». Этот термин был принят в русской историографии, а потом неправомерно исключен. Необходимо помнить об условности термина «чудские племена», применяемого в данном тексте.

² Эта культура получила свое название по городищу у с. Городец, исследованному В. А. Городцовым.

³ Н. В. Трубинова. Племена городецкой культуры. Автореферат диссертации. М., 1951. А. П. Смирнов также разделяет городецкие городища на локальные группы, но насчитывает их меньшее количество. См. А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 40—47.

⁴ Группа племен, представленная дьяковскими городищами волго-окского бассейна и более северных областей, по мнению П. Н. Третьякова, должна быть определена, как группа древних мерянских и муромских племен, древней веси и других чудских племен.

орнаментом¹. На севере городецкие городища соприкасаются с дьяковскими; граница приблизительно проходит по Оке.

Городища городецкой культуры (среднего течения Оки) располагались обычно группами по 2—3 на расстоянии 1—3 км одно от другого, с интервалами в 10—15 км между такими группами².

Обычный размер городища 30—65 × 80—135 м. Расположенное на мысу вблизи реки городище отделено с напольной стороны одним, двумя или тремя валами и рвами. Изредка встречаются городища не на мысах, со всех сторон окруженные валами и рвами. Валы иногда сложены из обожженной глины, а на вершине их поставлен частокол. Жилища в разной степени углублены в землю. Они сделаны обычно из тонких бревен, плетня, обмазанного глиной или присыпанного землей. В середине землянки находятся очаги из камней, иногда обмазанные глиной. Находки вещей (кроме керамики) на городищах очень немногочисленны. Сосуды сделаны от руки, грубо и небрежно, из плохо промешанного глиняного теста с примесями дровяной стружки, песка или шамота. Типичным и основным является рогожный орнамент. Иногда он сочетается с ямками, сквозными отверстиями вдоль края, зарубками, защипками и нарезками по краю. Второй тип орнамента, встречающийся здесь, — сетчатый, характерный для дьяковских городищ. На городищах рязанской группы, наиболее близких к дьяковским, он встречен почти повсеместно. Реже встречаются сосуды с лощеной поверхностью, а также со штриховым и бороздчатым орнаментом. Значительную группу находок на городищах составляют изделия из кости: наконечники стрел, шилья, проколки, иглы, гарпуны и т. п. Очень немногочисленны металлические изделия: железные ножи, шилья, наконечники стрел, медные браслеты, бляшки, подвески. Население городецких городищ было знакомо с обработкой металлов, но металлургия находилась на самой первоначальной стадии развития.

Важнейшим занятием населения было скотоводство, значительную роль играли рыболовство и охота. Уже в VII в. до н. э. — I в. н. э. населению городецких городищ знакомо мотыжное земледелие. В I—V вв. н. э. скотоводство и земледелие становятся основным занятием населения. Таким образом, эпоха существования городецких городищ VII в. до н. э. — V в. н. э. подразделяется на два важнейших этапа. То же хронологическое разделение намечается и по количеству находимых на городищах вещей, сделанных из бронзы и железа. В более поздних (Троице-Пеленицкое, Дубровичи, Вышгород) имеются льячки, литейные формы и ряд изделий из металла. Городища являлись поселениями одной патриархально-семейной общины, ведущей хозяйство сообща³. Происхождение

¹ «Рогожный» орнамент сходен с отпечатками рогожи, но, как установлено исследованиями Н. Арзютова и Н. Трубицкой, этот орнамент наносился специальным штампом. Некоторые исследователи считают доказательства Н. Арзютова и Н. Трубицкой неубедительными и полагают, что рогожный отпечаток получался накладыванием рогожи. См. А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 44. Керамика с рогожным орнаментом обычно на дьяковских городищах не встречается, но на некоторых имеется в очень незначительных количествах (например, на Каширском, Барвихинском). См. Н. Арзютов. К вопросу о так называемой «рогожной» керамике. «Труды Нижневолжского обл. научн. общества краеведения», в. 35, ч. 1. Саратов, 1926 стр. 79—84; Н. В. Трубицкая — БСИМК, XLVII, 1952. На городецких городищах не встречаются характерные для дьяковской культуры конусовидные грузики (глиняные) с зарубками по основанию.

² П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества верхнего Поволжья. ИГАИМК, в. 106, М.—Л., 1934, стр. 154.

³ П. Н. Третьяков. К истории племен верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, № 5: 1941; его же. К истории доклассового общества верхнего Поволжья. ИГАИМК, в. 106, М.—Л., 1934.

Условия обозначения

- А — Городецкие городища.
 Б — Городецкие городища с восточным ставропигиальным слемом.
 В — Городецкие селения.
 Г — Муромские селения.
 Д — Славянские селения.
 Е — Могильники I тысячелетия н. в.

Городища

- 1 — Лукомское I (палеолит)
- 2 — Лукомское II (Полесье Муром)
- 3 — Алоницкое I
- 4 — Алоницкое II
- 5 — Перевитское II
- 6 — Алатырское
- 7 — Почва
- 8 — Лаврицкое
- 9 — Малыецкое II
- 10 — Новосельское II
- 11 — Шиманское
- 12 — Митинское (Чоргово Угол)
- 13 — Адыское
- 14 — Адыское
- 15 — Каштеловское I
- 16 — Каштеловское
- 17 — Дамское (Христовское)
- 18 — Семановское (Высокая Гора)
- 19 — Дьяновское
- 20 — Сыковское
- 21 — Дьяновское
- 22 — Лядковское
- 23 — Каравское
- 24 — Губовское
- 25 — Поповское
- 26 — Новоселовское (на Лысташи)
- 27 — Васильевское (Чоргово Городище)
- 28 — Кварское
- 29 — Сушубовское
- 30 — Васильевское
- 31 — Васильевское
- 32 — Польское I
- 33 — Польское II
- 34 — Поповское II
- 35 — Поповское III (Курятинское)
- 36 — Поповское III (Курятинское)
- 37 — Троице-Павловское II
- 38 — Спасское
- 39 — Горелитское
- 40 — Старорыцкое
- 41 — Ширинское
- 42 — Ширинское
- 43 — Белье-Пироговое
- 44 — Горелитское (на Итши)
- 45 — Столяновское
- 46 — Семозовское
- 47 — Асважское
- 48 — Юрицкое
- 49 — Демское
- 50 — Тувинское

Селения

- 76 — Любское
- 77 — Любское
- 78 — Константиновское (Высокая Гора)
- 79 — Никольское (Могилки)
- 80 — Рыжовское (Борок)
- 81 — Большое Богатырское Заовдья
- 82 — Колодецкое
- 83 — Богословское
- 84 — Золотское
- 85 — Горелитское
- 86 — Мурашское II
- 87 — Мурашское III
- 88 — Мурашское IV
- 89 — Алатырское
- 90 — Муромское
- 91 — Муромское
- 92 — Заречное
- 93 — Юрицкое
- 94 — Юрицкое
- 95 — Прокское Пиркуратинское
- 96 — Ужальское
- 97 — Оближское
- 98 — Тувинское

Курганы

- 141 — Поповские
- 142 — Ватутинские
- 143 — Дамские
- 144 — Вырваевские
- 145 — Арцабешевские

* На карте показаны памятники исчисления и эпохи бронзы в тех случаях, когда они находятся на той же территории, где раскопаны городища и селения I-IV тысячелетия н. в.

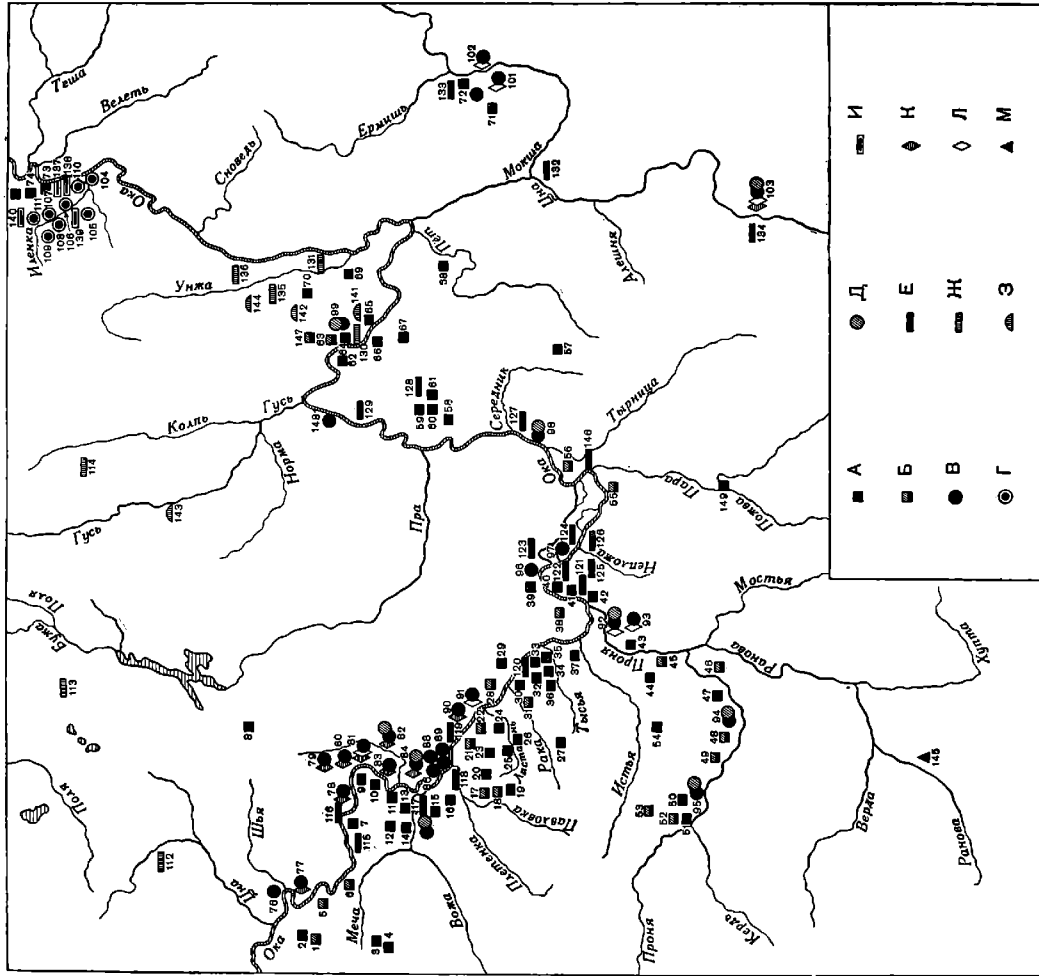

Рис. 1. Карта археологических памятников среднего течения р. Оки в I тысячелетии н. в.*

городищ с рогожной керамикой пока нельзя считать полностью выясненным. На средней Волге многие городища содержат в нижнем культурном слое остатки поздней «хвалынской» культуры эпохи бронзы¹.

На средней Оке также можно проследить связь городецких городищ с местной культурой позднего неолита и периода бронзы. В. А. Городцов отмечал подстилающие слои неолитического облика на некоторых рязанских городищах городецкого типа².

В рязанской группе городецких городищ насчитываются 72 памятника³. Все они, а также селища этого времени показаны на карте (рис. 1), составленной А. С. Амальриком и А. Л. Монгайтом на основании материалов, собранных А. А. Мансуровым (научный архив ИИМК, № 1060), а также по материалам Рязанского областного музея и отдела полевых исследований ИИМК. Археологические памятники района г. Муром нанесены по данным Е. И. Горюновой. Очень немногие из зарегистрированных городищ подвергались раскопкам, в большинстве случаев на них собирали подъемный материал и изредка шурфовали.

Из наиболее обследованных городищ нужно назвать следующие: Городецкое городище (в 1 км от с. Городец на берегу р. Кишни) овальной формы (66 × 81 шаг). В 1898 г. его раскапывал В. А. Городцов, в 1928 г. обследовал П. П. Ефименко. Городцовым найдено 7 землянок четырехугольной формы размером 10—18 × 8 аршин, глубина 1,5 аршина. Землянки имели односкатное покрытие. В некоторых жилищах были очаги в виде ям, выкопанных в середине пола. Найдены глиняные пряслица, грузила, обломки рогатых кирпичей. Керамика лепная, грубая: сосуды баночного типа и горшки со слегка отогнутым венчиком. Основной орнамент — рогожный и сетчатый. Встречено несколько миниатюрных сосудов. Найдены льячки в виде ковшиков, два железных ножа, ряд поделок из кости и камня. Подстилающий слой — неолитический. Находка костяного наконечника стрелы, подражающего скифским типам VII—VI вв., и керамики этого времени позволяет относить городище к ранним памятникам городецкой культуры⁴.

Вышгородское городище (на правом берегу р. Раки) расположено на мысу треугольной формы, ограждено валом, в настоящее время очень попорченным. Нижний слой относится к городецкой культуре, верхний, относящийся ко времени рязанских могильников, отделен от нижнего стерильной прослойкой. В верхнем слое попадает славянская керамика с волнистым и линейным орнаментом, в нижнем слое — керамика с рогожным и сетчатым орнаментом, а также лощеная; в верхнем слое лощеная керамика также встречается. Найдены льячки, железные наконечники стрел и много бытовых предметов из кости⁵.

Одно из интереснейших городищ — Вуколов бугор (рис. 2) — расположено на левом берегу р. Прони в 0,5 км за Пронским городищем и

¹ В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губ. ТСА РАНИОН, IV, 1928; Н. А р з ю т о в. Древние финны нижнего Поволжья. Саратов, 1928.

² Например, на самом Городецком городище, давшем наименование всей культуре, на Ловецком селище (см. АИЗ, VI—VII, 1899, стр. 181—186).

³ На карте, опубликованной в статье П. Н. Третьякова («К истории доклассового общества», ИГАИМК, в. 106), были помещены 44 городецких городища и селища.

⁴ В. А. Г о р о д ц о в. Дневник археологич. исследований в долине р. Оки. «Древности», т. XVIII; е г о ж е. Результаты археологич. исследований. 1898 г. АИЗ, VII, 1899; е г о ж е. Бытовая археология, М., 1910, стр. 377—378.

⁵ П. П. Е ф и м е н к о. Дневник раскопок в окрестностях с. Вышгород. Научный архив Рязанского музея (в дальнейшем — НАРМ), № 134; Н. А. Л е б е д е в а. Инвентарная опись археологического отдела НАРМ, № 127.

отделено от Пронского плато оврагом, соприкасающимся одним из разветвлений с р. Пралней (рис. 3). Обследовано в 1929 г. ¹ Культурный слой — 35—50 см. Найдены древний очаг, пережженные камни, кости животных, зернотерка и 341 фрагмент керамики ². Из них только 2 фрагмента с рогожным орнаментом, несколько штук — с сетчатым, основная же масса фрагментов совершенно не орнаментирована или с орнаментом только на венчиках: в виде ямочек по краю, косой насечки, полосок веревочного

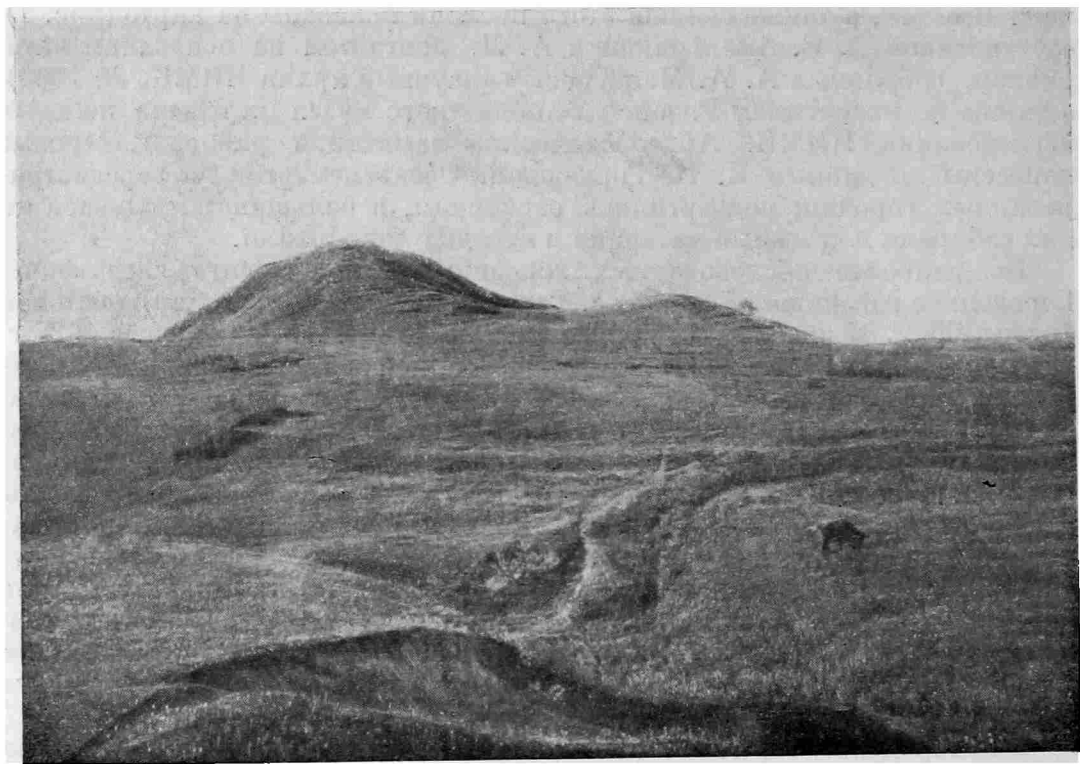

Рис. 2. Городище Вуколов Бугор (Общий вид).

орнамента или гофрировки края сосуда (рис. 4). Сосуды двух основных форм: 1) с мягко очерченными плечами и шейкой (рис. 5, б, в, г, е), иногда с перегибом от плеча к шейке (рис. 5, в, г) и 2) с высокой и почти прямой шейкой (рис. 5, а). Диаметры шеек сосудов колеблются между 11 и 28 см, толщина стенок — 0,3—1 см. В глине — примесь крупной дресвы или песка; поверхность грубо сглажена. Часть керамики — более тонкая, без дресвы, лучшего обжига, но также лепная. Вся группа керамики без орнамента, или с орнаментом по краю сосуда, близка к керамике Борковского и Кузьминского могильников. В верхнем слое Вуколова бугра находится славянская керамика, сделанная уже на кругу. В культурном слое этого городища прослеживается непрерывная линия развития от городищной керамики к позднейшей славянской. Между разновременными частями культурного слоя нет стерильных прослоек ³. На городище, повидимому, жизнь продолжалась с первых веков н. э. до X—XI вв.

¹ А. А. Мансуров. Археологическая карта р. Прони. СА, IV, стр. 227.

² Коллекция Рязанского областного музея (в дальнейшем — РОМ), № 389.

³ А. А. Мансуров. Археологические памятники по р. Проне (от Пронска до устья), НАРМ, № 658.

Такая же картина на Луховицком I (Полецком) городище (рис. 6)¹. Здесь имеются все три слоя, разделяющиеся по типам керамики: 1) рогожной и сетчатой, 2) неорнаментированной — культуры могильников, 3) раннеславянской и славянской круговой с волнистым и линейным орнаментом и с клеймами на днищах (рис. 7). На некоторых городищах

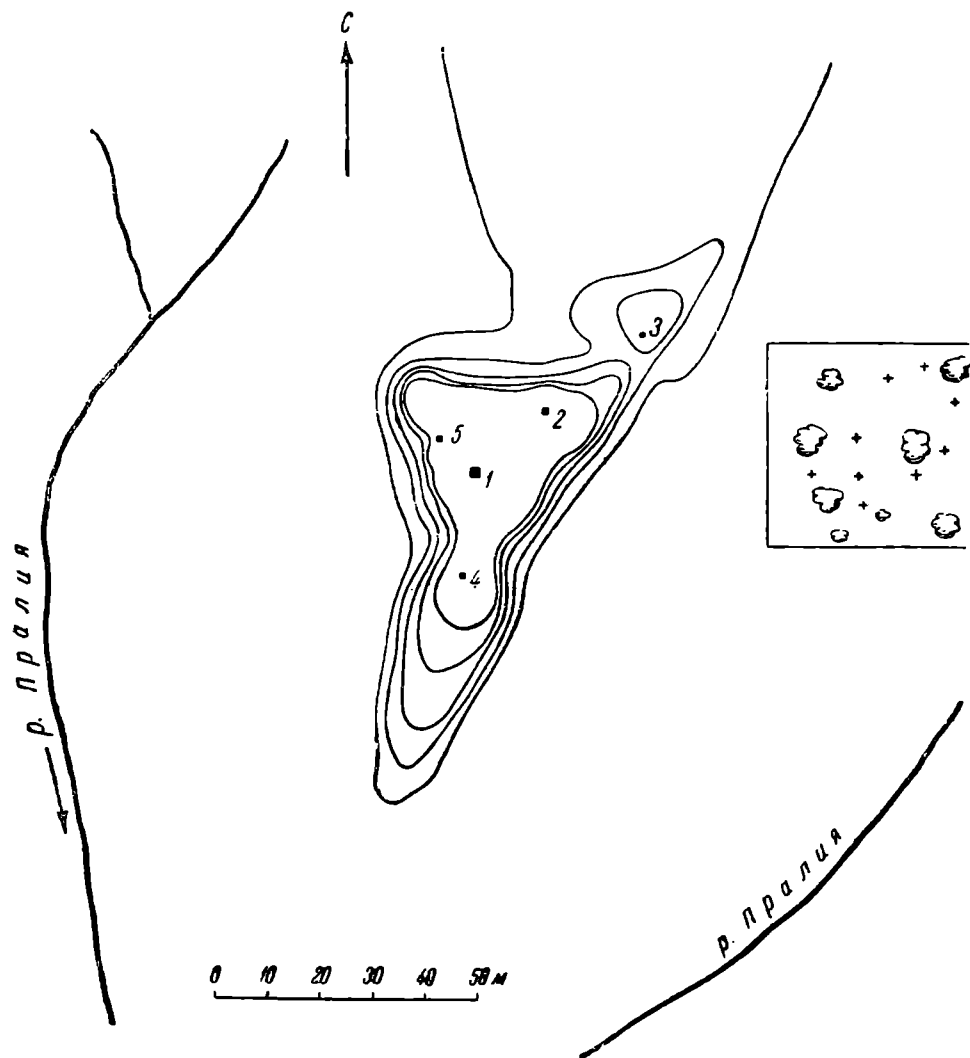

Рис. 3. Городище Вуколов Бугор. (План).

нет рогожной керамики, а только чудская, типа посуды, встречающейся в рязанско-окских могильниках (например, на городище у дер. Алпатьево)².

На Старорязанском городище сетчатая и рогожная керамика встречена в небольшом количестве на разных участках городища в раскопках экспедиции ИИМК 1946, 1948, 1950 гг., а также в раскопках Крейтона и Черепнина (1903 г.) и Сельванова (1888 г.). Она найдена на северном городище Старой Рязани, главным образом, на мысу, образуемом

¹ В 1925—1926 гг. раскопки Зарайского музея: в 1928 г. — П. П. Ефименко. См. «Труды Зарайского краеведч. музея», в. 1. Зарайск, 1927, стр. 47—49.

² П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков, Н. Н. Черныгин, Г. П. Гроздильов. Материалы по археологическому обследованию 1928 г. долины р. Оки, НАРМ, № 677.

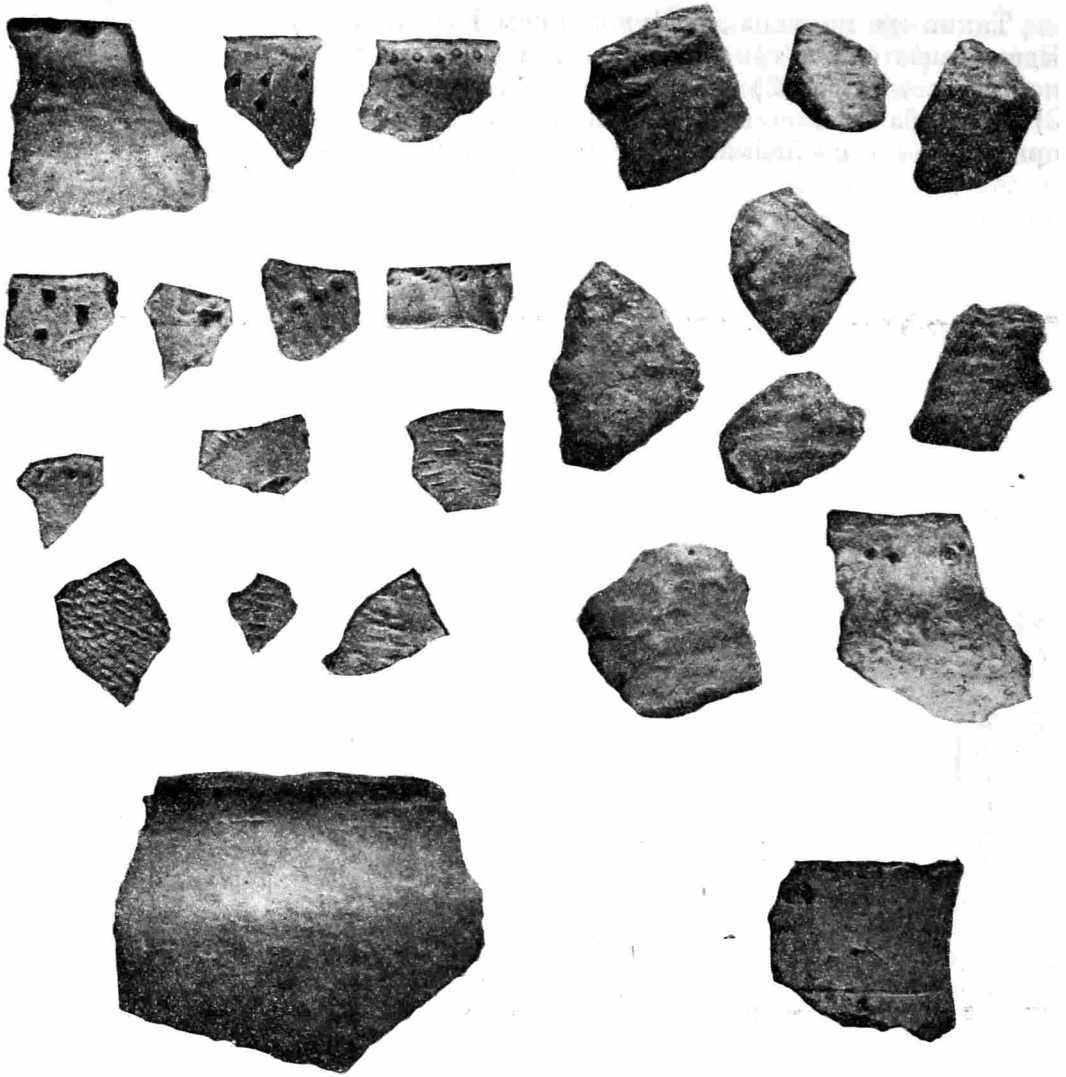

Рис. 4. Вуколов бугор. Керамика.

оврагом, по которому течет река Серебрянка, и рекой Окой. Этот высокий треугольный мыс, типичный для поселения дяковского и городецкого типа, сейчас отрезан от основной территории городища оврагом, образовавшимся на месте древнего рва, и представляет собой отдельный холм. Здесь, на берегу р. Серебрянки, встречались копья, долота и полированные топоры. С этого участка городища в Рязанский музей поступило 7 кремневых орудий. В. А. Городцовым здесь найдена кремневая стрела¹. В коллекции Государственного исторического музея имеются кремневый и костяной наконечники стрелы². Очевидно, еще в эпоху неолита здесь существовало поселение человека. Следующая историческая эпоха, представленная на северном холме, относится ко времени городецкой культуры. При зачистке профиля в западной части мыса нами было найдено 5 обломков керамики с сетчатым и рогожным орнаментом³. Здесь же

¹ В. А. Городцов. Материалы для археологической карты р. Оки. Тр. XII АС.

² Поступили из Румянцевского музея. Каталог, отдела древностей Румянцевского музея, 1905 г.

³ См. Отчет о раскопках 1946 г. (архив ИИМК).

В. А. Городцовым были найдены 2 фрагмента керамики городецкого типа с большим количеством крупной дресвы в составе глины¹. Встречается подобная керамика и в случайных находках в овраге р. Серебрянки. Здесь же встречены отдельные фрагменты более поздней лепной керамики; это баночной формы сосуды с нарезным орнаментом по венчику, керамика, аналогичная боршевско-роменской. Археологические поиски на территории северного холма очень затруднены, так как далеко зашедшие овраги и смывание почвы почти уничтожили древний культурный слой. На небольших доступных для исследования участках В. А. Городцов в 1926 г. прорыл траншею и заложил 2 шурфа. В основном культурный слой относится к славянскому поселению XI—XIII вв. и характеризуется обломками стеклянных браслетов, керамикой так называемого курганного типа, бронзовыми пластинчатыми браслетами и перстнями. В самом нижнем слое была найдена керамика, относящаяся к городецкой культуре, а также костяное шило и бронзовая пряжка, которые В. А. Городцов связывает с «восточнофинскими древностями»². К древнейшему времени относятся и три найденных очага, в одном из которых встречены шлакированные обломки глиняных

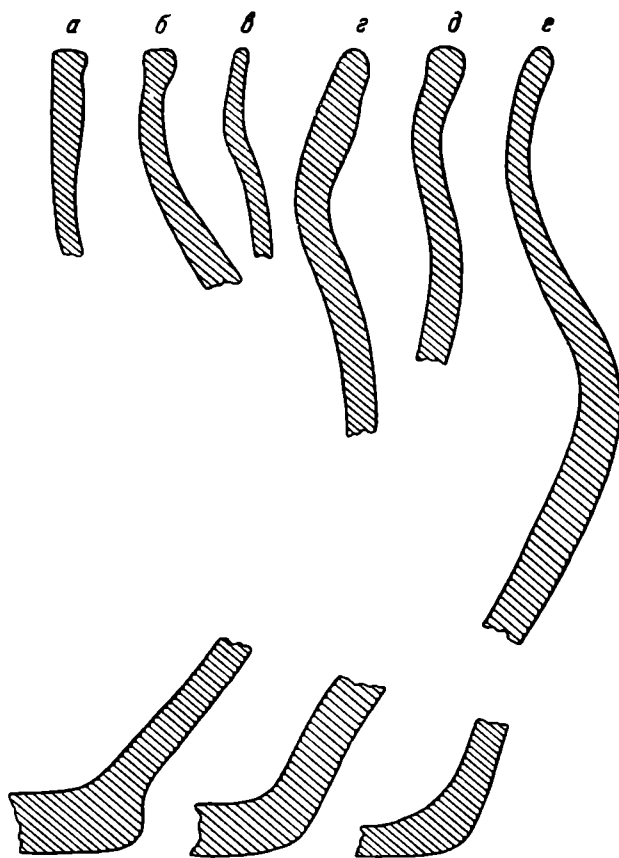

Рис. 5. Вуколов бугор. Профили сосудов.

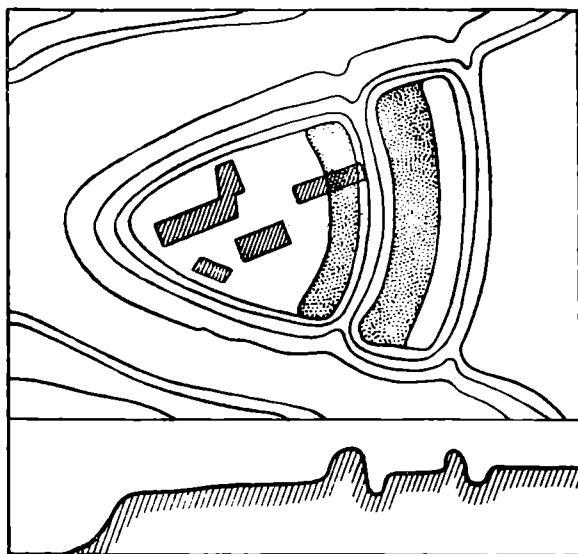

Рис. 6. Луховицкое I (Полецкое) городище (План и разрез).

¹ В. А. Городцов. Дневник археологических раскопок Старо-Рязанского городища в 1926 г. Рукопись НАРМ, № 152, стр. 3.

² В. А. Городцов. Дневник раскопок... Траншея I, слой II, № 15.

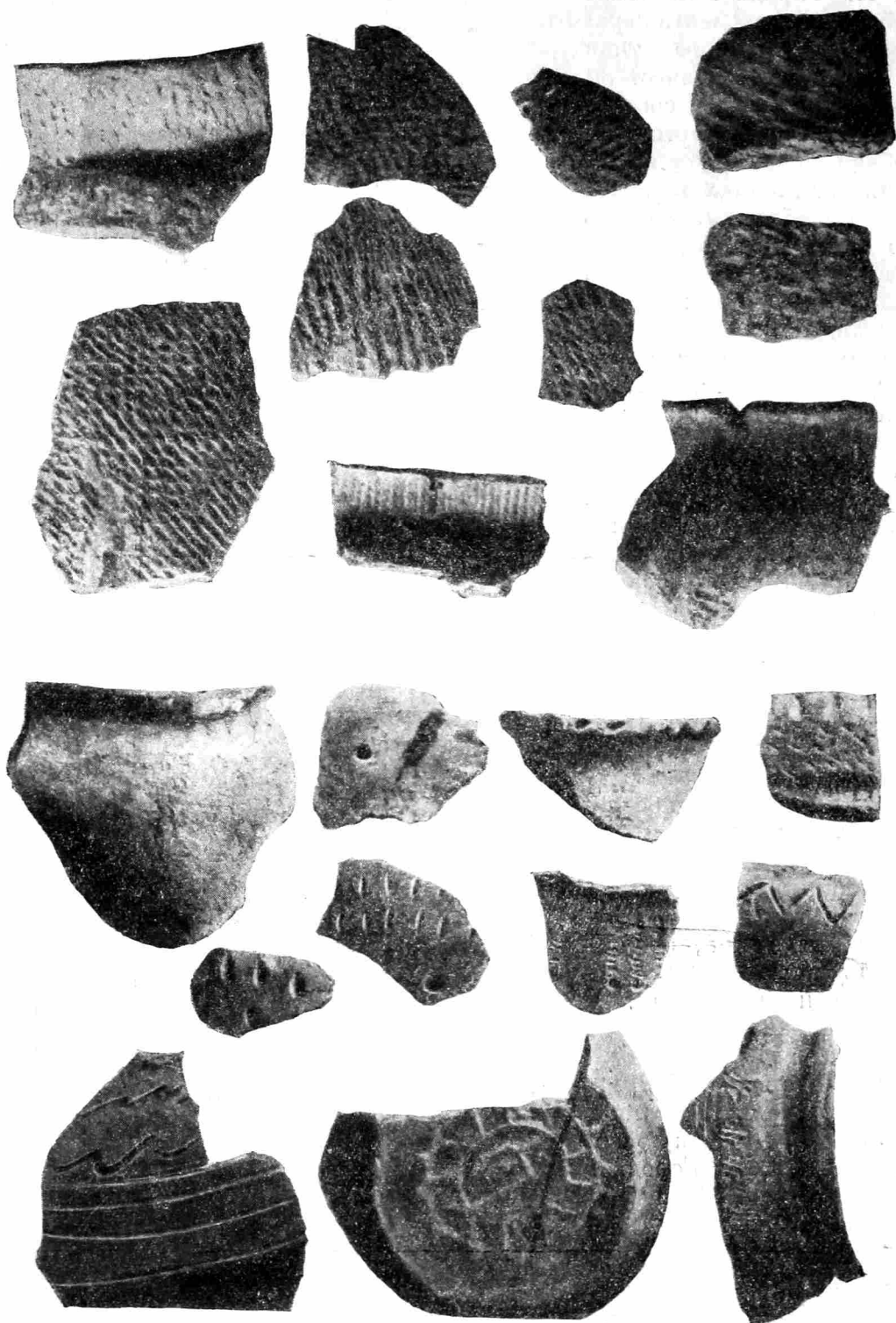

Рис. 7. Луховицкое I (Полецкое) городище. Керамика.

сосудов, вероятно, тиглей. Судя по полученным данным, можно утверждать, что на северном мысу Старорязанского городища находилось поселение неолитическое, затем — городецкого типа, позже — древнес чудское («восточнофинское» по терминологии В. А. Городцова), еще позже — славянское, сначала с лепной керамикой и, наконец, с круговой, связываемое с городом XI—XIII вв. н. э., вероятно, являвшееся его частью. Но вследствие смывания и перекапывания слоя остается неясным, наблюдается ли прямая преемственность поселения одной культуры от другого, более древнего, или отложившиеся культурные слои отделены прослойками, свидетельствующими о хронологическом разрыве в возникновении поселений.

Повидимому, дата существования Старорязанского городецкого городища может быть установлена по сделанным здесь находкам боспорских монет А. Ф. Федоровым на северном городище, т. е. там же, где встречаются городецкая керамика и другие вещи этой эпохи. Найдены 2 монеты: 1) статер царя Тиберия Юлия Рискупорида IV с датой ЕМФ (248 г. н. э.) и 2) плохо сохранившаяся, медная, Рискупорида, последнего Боспорского царя (315—332 г. н. э.)¹. Для датировки Старорязанского городецкого городища важно его сходство с находящимся в 10 км от него Троице-Пеленицким городищем.

Керамика городецкой культуры с северного мыса Старорязанского городища ближе всего по типу к керамике Троице-Пеленицкого городища и потому может быть датирована тем же временем. Сходны и фрагменты тиглей. Троице-Пеленицкое городище является поздним городищем городецкой культуры, вероятно, I—V вв. н. э. Датирующая один из периодов существования Троице-Пеленицкого городища монета царя Савромата IV, найденная на городище, относится к III в. н. э. (275 г. н. э.)².

К тому же времени принадлежит исследованное нашими раскопками 1949 г. Шатрищенское городище (рис. 8). Оно расположено в непосредственной близости к Старой Рязани, в 2 км вверх по р. Оке. Городище занимает высокий мыс треугольной формы, заключенный между Окой и впадающим в нее ручьем, образовавшим глубокий овраг. В результате раскопок выяснено, что на территории городища имеются слои XVI—XVII вв. (боярская усадьба), слои селища XI—XIII вв. и слои городища городецкой культуры.

Шатрищенское городище отделено от поля валом, сложенным из глины и в значительной части сильно обожженным (рис. 9). Вал плохо прослеживается в северной части, так как он оплыл, сполз в ров и заполнил ров слоями оранжевой от обжига глины. По вершине вала шли какие-то деревянные сооружения, сейчас прослеживаемые по зольным пятнам и остаткам обугленных бревен, идущих вдоль линии вала. Конструктивные детали сооружений выявить не удалось, так как остатки их очень фрагментарны.

В слое городецкого времени, кроме остатков вала, не найдено никаких сооружений. Может быть, жилища не попали в пределы раскопа,

¹ Монеты были переданы А. Ф. Федоровым В. А. Городцову, а последним — в Государственный исторический музей. Определение монет сделано В. А. Городцовым — см. его рукопись 1926 г. «Боспорские монеты на берегах р. Оки», НАРМ, № 420—421; даты В. А. Городцова исправлены по А. Н. Зографу.

² В. А. Городцов. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища в 1926 г. (Исследования и материалы Рязанск. обл. среднеокского музея, в. V, Рязань, 1930).

захватившего лишь часть городища (204 кв. м)¹. Основные находки составляет керамика — вся лепная с рогожным и сетчатым орнаментом (рис. 10). Сосуды слабо обожжены, днища плоские, преобладают баночные формы; Фрагменты керамики с рогожным орнаментом иногда имеют по краю сосуда небольшие сквозные отверстия. Очень часто рогожный орнамент

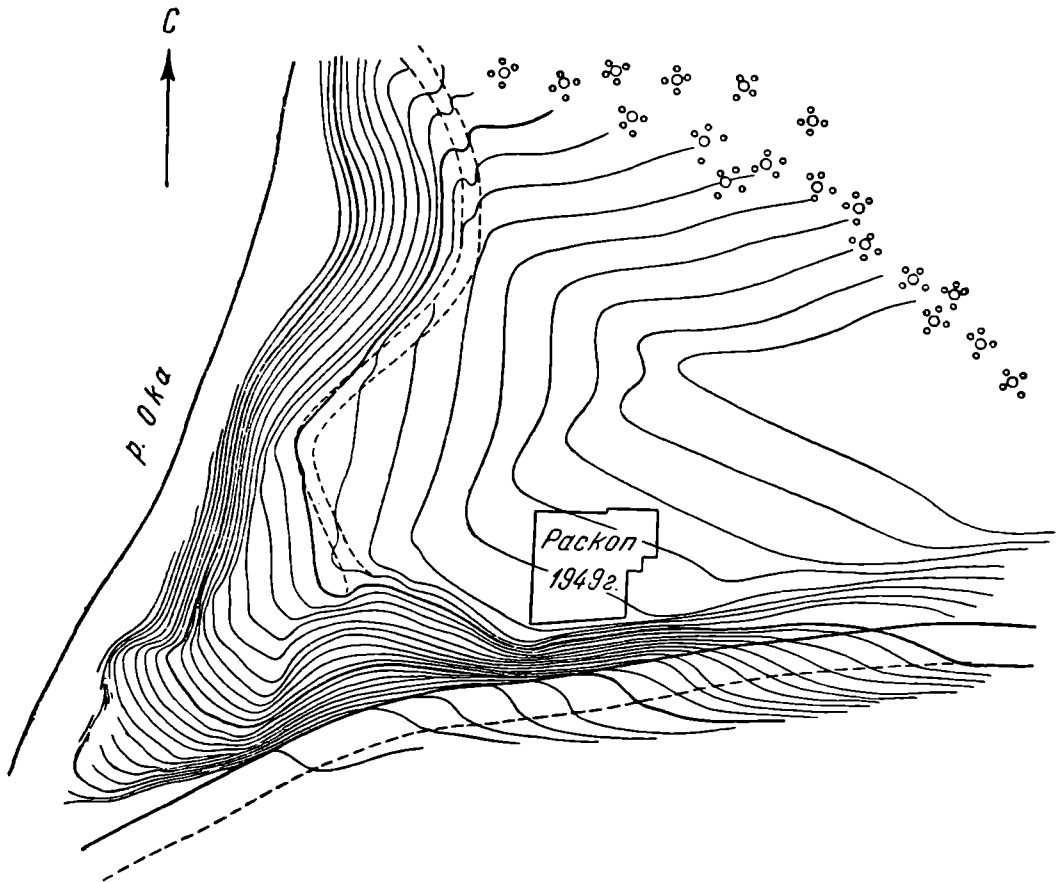

Рис. 8. Шатрищенское городище. (План).

сочетается с ямками, редко расположенными на поверхности сосуда. На двух фрагментах имеются ямочные вдавления на внутренней поверхности днища. Найдено несколько обломков керамики с залощенной поверхностью черного и темнокоричневого цвета (по типу близка к так называемой корчеватовской керамике, известной из полей погребений). Найдены глиняные пряслица, грушевидные грузила для сетей, обломки двух трубчатых костей со следами обработки, а также кости коровы, свиньи и лошади. Из предметов, связываемых с позднейшей чудской культурой, очень интересны свинцовая прорезная бляшка и медные колодочки (пронизки-косники в виде полудилиндрика; рис. 11)².

По устройству валов, по типу керамики и по находкам Шатрищенское городище ближе всего к Троице-Пеленицкому, имеющему довольно точ-

¹ Вообще жилища найдены на очень немногих городищенских городищах. Кроме городища у с. Городец, прямоугольное жилище (плохой сохранности) было открыто в г. Спасске (экспедиция ГАИМК 1928 г.; см. П. Н. Третьяков — ИГАИМК, в. 106, стр. 158). Остатки землянки были обнаружены В. А. Городцовым на селище у с. Городец (Материалы для археологической карты р. Оки).

² Такие встречены в Пьяноборском и Кошибеевском могильниках.

ную дату. Таким образом, Шатрищенское городище должно быть отнесено к поздним городищам городецкой культуры и может быть датировано III—V вв. н. э. Хотя, как сказано выше, возможно, что жилища не попали в пределы вскрытого раскопками участка: можно также предположить, что здесь, подобно Троице-Пеленицкому городищу, не было углубленных в землю построек. В культурном слое много золы, угля; прослеживаются скопления керамики вокруг угольных пятен — следы открытых очагов. Шатрищенское городище относится к поздней эпохе городецкой культуры, т.е. как раз к тому времени, когда, вероятно, городища-поселения превращаются в городища-убежища. Возможно, что поэтому здесь нет остатков углубленных в землю жилищ, при наличии следов пребывания здесь человека в течение значительных отрезков времени — насыщенного культурного слоя и обилия очагов.

В начале I тысячелетия н. э. наступают изменения в жизни племен городецкой культуры. В это время, наряду с керамикой, покрытой рогожным орнаментом, появляются керамика гладкая, неорнаментированная, а также сосуды, украшенные нарезкой по краю и полосами веревочного орнамента. Подобные сосуды удерживаются до конца I тысячелетия н. э., а у некоторых племен и дольше. Большинство городищ с «рогожной» керамикой имеет верхние слои, содержащие неорнаментированную керамику, подобную посуде, встречающейся в могильниках. При этом слои не отделены (за исключением Вышгорода) один от другого стерильными прослойками. Таким образом, на городищах жило то же население, лишь отказавшееся от обычая орнаментировать посуду рогожным орнаментом. Таковы городища Палецкое, Алпатьевское, Митинское,

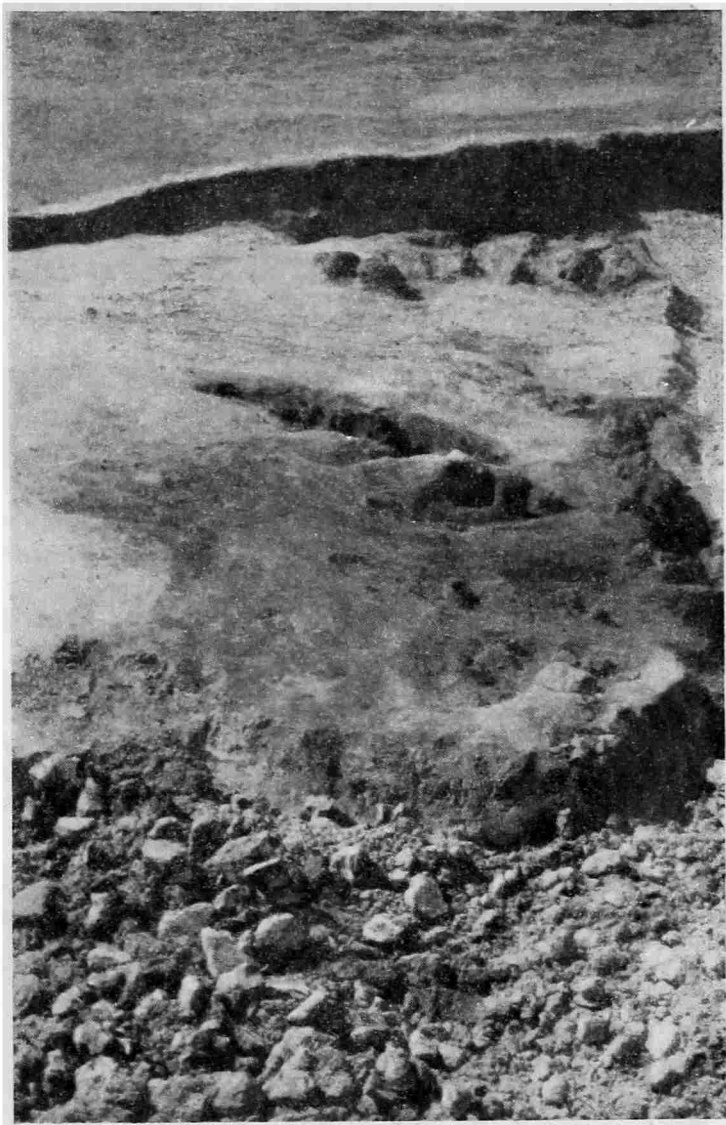

Рис. 9. Шатрищенское городище (Раскопки вала).

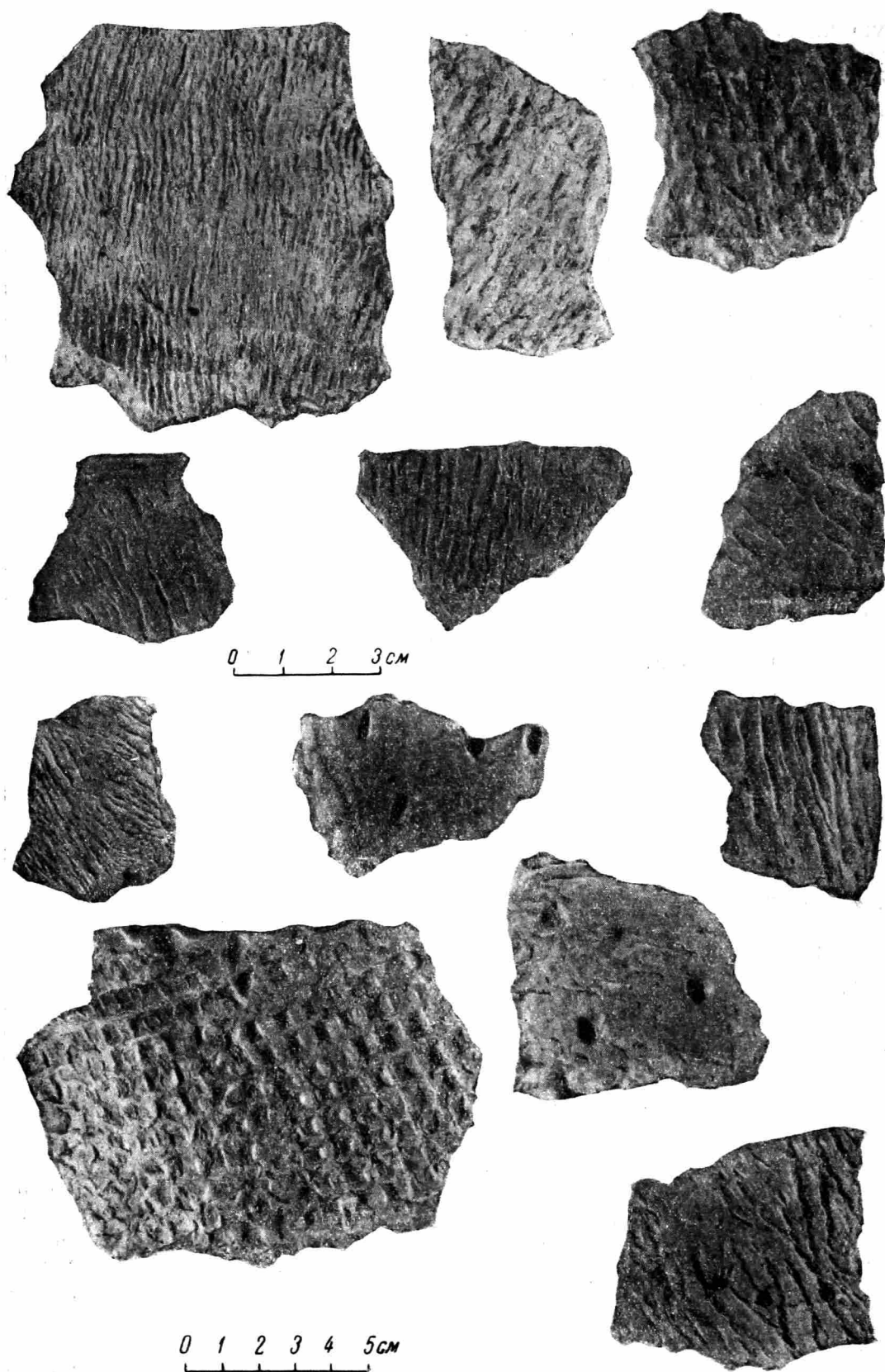

Рис. 10. Шатрищенское городище. Керамика.

Пальновское, Троице-Пеленицкое и др.¹ В первые века н. э., наряду с укрепленными поселениями, получили распространение открытые поселки, позже превратившиеся в господствующую форму селений. Вероятно, ранее существовавшие и вновь возникавшие городища в эту эпоху служили убежищами для жителей открытых поселков во время опасности.

Высказывалось предположение, что замена городищ-поселений городищами-убежищами связана с развитием земледелия. Впервые подобная гипотеза была предложена С. В. Киселевым². Подробно развил ее в отношении дяковских городищ А. В. Арциховский³.

П. П. Ефименко доказывал, что основой экономической жизни обитателей западного Поволжья становится не земледелие, а скотоводство⁴. П. Н. Третьяков переходом к пастушеству объяснял относительно раннее, хотя и неполное, исчезновение старых укрепленных поселений, уже не способных защитить новое общественное богатство — разросшиеся стада⁵.

Изучение рязанской группы городищ городецкой культуры не дало материалов для решения этого спора. Нет данных о том, что подсечное земледелие было настолько развито, что играло главную роль в хозяйстве. Повидимому, земледелие и скотоводство в равной степени способствовали изменению форм жизни племен городецкой культуры.

Но неправильно было бы представление, что до начала I тысячелетия н. э. население, изготавливавшее рогожную керамику, жило только на городищах. Известен ряд селищ с рогожной керамикой. Иногда возможно, что валы заплыли, и мы принимаем за селище плохо сохранившееся городище. Но в ряде случаев поселения с рогожной керамикой, так же как и позднейшие чудские, встречены на местах, где невозможно предполагать городища — на низком пойменном берегу реки, на дюнных холмах и т. п. Таковы находки на дюнных холмах у дер. Богослово (у оз. Кричина)⁶, у с. Городец (на берегу р. Вожи)⁷, на дюнах у Солотчи, на Облачинской дюне вблизи с. Исады⁸ и др. В особенности показательны

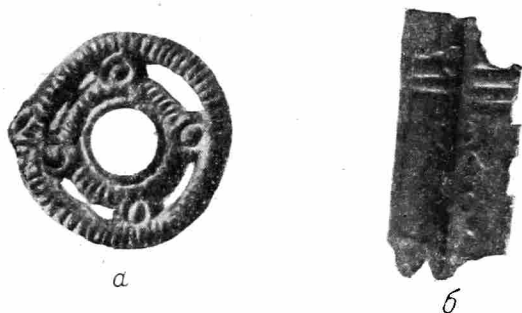

Рис. 11. Шатрищенское городище.

а — свинцовая прорезная бляшка; б — медные полуцилиндрики.

¹ П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества верхнего Поволжья. ИГАИМК, в. 106, 1934, стр. 155.

² С. В. Киселев. Поселение. Труды Секции теории и методологии РАНИОН, М., 1928, стр. 53—55.

³ А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 11—12, стр. 39—41.

⁴ П. П. Ефименко. К истории западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам. СА, II, 1937, стр. 46—49.

⁵ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941.

⁶ В. А. Городцов. Материалы для археологической карты р. Оки, Тр. XII АС, т. 1, М., 1905; С. А. Локтюшов. Каменный период в Рязанской губ., Рязань, 1916.

⁷ В. А. Городцов. Ук. соч., т. I, М., 1905.

⁸ На Облачинской дюне найден чудской могильник VI—IX вв. н. э. вблизи поселения с рогожной керамикой и позднейшей чудской; на том же месте в дальнейшем возникло славянское поселение. Неподалеку находятся еще 2 чудских могильника —

памятники в районе Солотчи; здесь на ряде дюнных холмов на протяжении почти 5 км, на левом берегу р. Оки, встречается сетчатая и рогожная керамика в количествах, несомненно, свидетельствующих о длительном поселении. На другом берегу Оки находится городище Малявница¹ с жилым слоем и с находками, подобными находкам на Солотчинской дюне. Таким образом, городецкие городища и селища той же культуры существовали одновременно. Иногда чудские селища, возникшие еще в раннем железном веке, продолжают существовать в V—X вв. н. э.² Впрочем, в большинстве случаев мы не знаем стратиграфии поселков, судим лишь по находкам вещей и потому не можем утверждать, что поселение существовало непрерывно.

Находка медных колодочек связывает Шатрищенское городище с позднейшими могильниками. В непосредственной близости от городища находится Шатрищенский (Старорязанский) могильник. Он расположен за валами Старой Рязани, но на территории самого Старорязанского городища найдены отдельные вещи, подобные инвентарю могильников. Например, в раскопках Д. Тихомирова 1836 г. были найдены «медная круглая бляха и обруч с застежкой»³.

Вопрос о связях городецких городищ с рязанскими могильниками очень важен для истории древнего населения края.

Исследование рязанских могильников началось еще в конце прошлого века и по этому вопросу имеется значительная литература. Одним из последних исследований, обобщивших все данные, была работа П. П. Ефименко, еще полностью не опубликованная. Основные выводы П. П. Ефименко даны в двух статьях, относящихся к 1926 и 1937 гг.⁴ Ему удалось с помощью подробного анализа инвентарей и составления корреляционных таблиц выделить пять последовательных хронологических этапов в могильниках рязанской группы (каждый от 100 до 150—200 лет, начиная с I в. до первой половины VII в. н. э.) и 4 стадии (с VII в. до XI в.) в могильниках муромской группы. П. П. Ефименко нарисована подробная картина социальной жизни и хозяйства населения, оставившего рязанские могильники.

Расположенные по среднему течению Оки так называемые «Рязанские могильники» представляют главную массу наиболее ранних могильников, распространенных в I тысячелетии и в начале II тысячелетия на огромных территориях западного Поволжья. (Кроме рязанских можно выделить еще группы муромских, мещерских и тамбовских могильников.) Рязанские могильники не доходят до течения Дона и не идут по Оке западнее устья Москвы-реки. На восток они доходят до Касимовской возвышенности. Кошибеевский и Старокадомский могильники еще принадлежат к рязанской группе. Что касается их северной границы, то она пред-

Еремеевский и Дубровский. См. В. А. Городцов. Материалы для археологической карты р. Оки... Отчет о деятельности Рязанской уч. археолог. комиссии за 1908 г.; ТРУАК, т. XVIII, в. 2; АИЗ, VII—VIII, 1898.

¹ П. П. Ефименко и др. Материалы..., НАРМ, № 677; П. Н. Третьяков — ИГАИМК, в. 106.

² Таковы, повидимому, селища у Солотчи, на Шумашской дюне (см. Описание рукописей этнологического архива Рязанского музея, № 411; Отчет о работах Рязанского среднеокского музея за 1931 г. Рязань, 1932 и др.).

³ Д. Тихомиров. Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани, 1844, стр. 19.

⁴ П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. МЭ, т. III, изд. Русского музея, 1926; в г о ж е. К истории западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам. СА, II, 1937, стр. 39—58.

ставляется не совсем ясной ввиду трудности обнаружения могильников и неисследованности мещерской стороны. Повидимому, граница проходит по Оке. Обнаруженные могильники мещерской стороны датируются более поздним временем, чем рязанские, и относятся к родственному, но все же отличному от рязанского, населению. Рязанские могильники обычно расположены на правом высоком берегу р. Оки или в пойме на мысах и песчаных холмах. П. П. Ефименко считает, что расположение могильников на луговых пространствах у рек, наличие в погребениях верховых лошадей и обычный инвентарь — дротик, копье, топор — свидетельствуют о том, что население рязанских могильников было конными пастухами. Они селились небольшими поселками по несколько десятков членов общины и по 400—500 лет жили на одном и том же месте. Таким образом, в могильниках накопилось от 200 до 300 и даже 400 погребений за несколько сот лет. Лишь в VII—VIII вв. распространяется подсечное земледелие, вызывающее значительные изменения не только в социальной жизни, но даже в районах расселения древних племен. По мнению Ефименко, в VII в. рязанские могильники исчезают, в связи с переселением населения, и одновременно возникают муромские могильники¹. В более ранней статье (1926 г.) П. П. Ефименко писал, что народность рязанских могильников в VII в. неизвестно почему и куда исчезает². Он считает, что нельзя утверждать, что муромские поселения и могильники являются результатом переселения населения Рязанского края, так как инвентарь одной и той же стадии (ДII — относящийся к VII в.) не вполне тождественен. Что касается появления на Оке населения рязанских могильников, то и этот вопрос с точки зрения Ефименко загадочен. Он отвергает высказывавшееся до него мнение, что городища дьяковско-го типа и городецкие относятся к той же эпохе, что и рязанские могильники, и принадлежат той же народности. Таким образом, Ефименко рисует историю рязанских могильников как совершенно изолированную от общих исторических процессов, совершившихся в Западном Поволжье и в среднем течении Оки. Население рязанских могильников неизвестно откуда пришло, неизвестно куда и почему исчезло.

Между тем археологические данные позволяют утверждать, что население рязанских могильников было автохтонным, что оно генетически связано с местным населением еще бронзового века и что его исчезновение относится к более позднему, чем предполагает Ефименко, времени и связано со славянской колонизацией края.

На городецких городищах найдено много вещей, тождественных с вещами рязано-окских могильников, — гривны, подвески, бляхи. Объяснять это неумелыми раскопками, в результате которых перемешаны слои, — нельзя. Наиболее ясно это видно из того, что на ранних городецких городищах таких вещей нет; они появляются лишь на городищах, синхронных могильникам. Таково, например, Троице-Пеленицкое городище. В его инвентаре виден переход от слоев городецких к слоям, современным рязанским могильникам. Здесь встречены и сосуды с сетчатыми и рогожными отпечатками, и лощеная рыжеватая или черная керамика, часто обнаруживаемая в могильниках, и типичные для могильников сосуды серой глины баночной формы без орнамента, и трапециевидные и конические привески, и т. д.³ Листовидное втульчатое железное копье, найденное на Троице-Пеленицком городище⁴, имеет аналогии в Курманском,

¹ К истории западного Поволжья..., стр. 52, 56.

² Рязанские могильники..., стр. 81.

³ См. В. А. Городцов. Ук. соч., рис. 7, 26, 25.

⁴ Там же, рис. 16.

Кошибеевском, Серповском могильниках. Конские удила с круглыми кольцами, железные пряжки с язычками тоже имеют аналогии в этих могильниках. Льячки для отливки металлов на Троице-Пеленицком городище сходны с льячками Курманского могильника. Отдельные формы горшков без орнамента (Троице-Пеленицы, Вышгород) очень напоминают сосуды Борковского и Кошибеевского могильников¹. Подвески в виде птички в Дубровичах сходны с подвесками могильников. Наконец, литейная форма с Троице-Пеленицкого городища для изготовления подвески с прорезями и с шнуровым узором, круглые пряжки с завернутыми в трубочки концами и с иглой совершенно аналогичны таким же находкам в могильниках. Выше уже говорилось о сходстве вещей с Шатрищенского городища с инвентарем могильников. Не остается никакого сомнения, что городецкая культура сменяется приокско-чудской (т. е. культурой рязанских могильников) и что эта смена связана с развитием производительных сил и изменением социальных отношений, а не со сменой населения. Население городецких городищ являлось предком населения, оставившего рязанские могильники. Переход от рыболовства и охоты к пастушеству и земледелию привел к возникновению небольших открытых поселений, археологически трудно улавливаемых и потому мало известных. Зато хорошо известны богатые инвентарем могильники этого времени².

Так же, как вопрос о возникновении, неверно был решен П. П. Ефименко и вопрос об исчезновении рязанских могильников. Прежде всего — о времени их исчезновения. Неясно, почему П. П. Ефименко считает этим временем VII в. Очевидно, судя по корреляционным таблицам, он попросту отбросил, не учитывая, все могильные инвентари с поздними вещами, считая их принадлежащими пришлому в позднейшее время населению³. Однако в типичных комплексах рязанских могильников встречаются вещи, позволяющие их датировать не VII, а IX—X вв. Таковы лунницы из Борковского (погребения 6, 25, 46, 99) и из Кузьминского (погребение 42) могильников. Таковы в этих же могильниках серебряные обкладки мечей, орнаментированные кружочками, маленькие поясные пряжечки и некоторые подвески⁴. Поэтому А. А. Спицын датировал Борковский и Кузьминский могильники VIII—X вв. П. П. Ефименко не опроверг этих дат, но попросту их игнорировал. Еще более показательным в этом отношении изучение коллекций рязанского музея. В отчетах о раскопках рязанских могильников часто упоминаются каменные пряслица, являющиеся принадлежностью женских погребений⁵. При изучении музейных коллекций выяснилось, что каменные пряслица из погребений Борковского могильника № 26, 38, 44, 77, 87 изготовлены

¹ Неорнаментированная глиняная посуда на городецких городищах распространяется, как сказано выше, с первых веков нашей эры. Постепенно исчезает обычай покрывать посуду «текстильным» или «рогожным» орнаментами.

² Вопрос о связях городецких городищ с рязанскими могильниками исследован в недавно опубликованной работе А. П. Смирнова «Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья». Его выводы в этом вопросе частично совпадают с изложенными здесь. Некоторые положения о судьбах городищ с рогожной керамикой высказаны в работе А. П. Смирнова «Волжские булгары», М., 1951.

³ Очень трудно возражать автору, столь подробно изучившему памятники, как П. П. Ефименко, не зная полностью его аргументации. Поэтому приходится ограничиться лишь беглыми замечаниями, вынесенными из наблюдения над материалами рязанских могильников.

⁴ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25 СПб., 1901.

⁵ А. И. Черепнин. Местная старина. Борковский могильник. ТРУАК, т. X, в. 3, стр. 314. Дневник раскопок Борковского могильника, произведенных в 1892 г. Приложение к т. VII ТРУАК.

из розового шифера, из которого изготовлены пряслица и в Шатрищенском могильнике¹. Пряслица из розового шифера обычно датируются X—XIII вв. Если даже признать обоснованной недавно выдвинутую более глубокую дату появления изготавливавшихся на Волыни пряслиц из розового шифера (VIII—IX вв.), то и в этом случае комплексы погребений Борковского могильника идут дальше VII в. Таким образом, исчезновение рязанских могильников относится не к VII в., а к гораздо более позднему времени. Для большинства могильников этим временем является X в. Что касается муромских могильников, то, повидимому, дата их появления занижена. Обычно их появление относят к VII в.² Однако по ряду вещей, в частности, по наличию крестовидных фибул V в., можно отнести появление муромских могильников к V—VI вв.

Элементы славянской культуры стали проникать в среду населения городецких городищ и рязанских могильников еще в первой половине I тысячелетия н. э. Большинство археологов считает возможным признать характерным для славянства этого времени существование обряда трупосожжения и наличие черной лощеной керамики полей погребений корчеватовского типа, уходящей в середине I тысячелетия н. э. далеко на север³. Керамика эта встречается и на городищах Троице-Пеленицком, Вышгородском, Шатрищенском⁴, близ с. Канищева⁵, и в могильниках (погребение 26 Шатрищенского могильника, в Дубровическом и др.). Большой частью это миниатюрные обрядовые горшочки, но встречаются и большие сосуды. Нужно отметить, что черная лощеная керамика продвигается на территорию, занятую городецкими городищами с северо-запада. Ее больше на городищах рязанского течения Оки, ее становится все меньше по мере продвижения на восток и совсем мало на поволжских городищах.

Тот же путь намечается для распространения других признаков, связываемых со славянством.

Обряд трупосожжения появляется в рязанских могильниках в V—VI вв. и распространяется постепенно с запада на восток, т. е. в том направлении, в котором должно было распространяться славянское влияние, если оно было⁶. В самом восточном и в то же время наиболее раннем из рязанских могильников — Кошибеевском — трупосожжений нет⁷. Постепенно возрастает процент трупосожжений. В более ранних могильниках (Сергачском, Курманском) их не более 5—6%, в Борковском и Кузьминском — 10% (по Черепнину, в Курманском — 20%, в Борковском — 10%, в Кузьминском — 7,9 или 6,7% трупосожжений).

¹ Коллекция РОМ № 200, 8 и 10; погреб. 12 и 21 (по описи).

² П. П. Ефименко. К истории западного Поволжья..., стр. 52.

³ Наиболее северным известным сейчас местом нахождения черной лощеной посуды является Псковское городище, где она встречена в нижнем слое. На Оке, в ее верхнем течении, черная лощеная керамика хорошо известна по городищам мощинского типа: Мощинскому, Огубскому, Дуле, Спасскому и многим другим и по древним курганам с трупосожжением. П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена, МИА, № 6, 1941.

⁴ См. отчет о раскопках Шатрищенского городища 1949 г. Архив ИИМК.

⁵ В. А. Городцов. Дубровический финский могильник. Рязань, 1925, стр. 9.

⁶ А. П. Смирнов отмечает, что в Борковском могильнике трупосожжения часто сопровождаются вещами неместного происхождения. Чуждый обряд захоронения и чужие вещи позволяют видеть в этих погребениях пришлый и притом, с большой долей вероятия, древнеславянский элемент. МИА, № 28, 1952, стр. 141.

⁷ А. П. Смирнов выделяет в особую группу могильники Кошибеевский, Сергачский и другие, сходные с ними. С этим нельзя согласиться.

В могильниках, далее к востоку, следов трупосожжений не оказалось вовсе. В Муранском могильнике (у Самарской луки) из 343 могил трупосожжения только в двух, в Армиевском — трупосожжений нет¹.

Несколько иная картина в муромских могильниках. Повидимому, сюда славянство проникало иными путями, не по Оке, а по Волге, и процесс славянизации протекал не так, как в рязанском течении Оки. Как установлено А. Ф. Дубининым, на V—VI вв. приходится 36% трупосожжений в муромских могильниках, в VII в. — 22%; постепенно процент трупосожжений возрастает, доходя в середине XI в. до 77 и к концу века снижаясь до 7.

По вещам не местного происхождения мы можем даже судить о том, откуда проникали эти влияния в бассейн среднего течения Оки. П. Н. Третьяков связывает с древними вятичами курганы с трупосожжениями типа Шаньково-Почепок и городища у с. Мощино, Митинское и у с. Спас бассейна р. Угры, Серенское городище, городище у с. Спас-Перекша, Дуна, Анишкинское, Федяшевское и ряд других городищ на верхней Оке². На этих городищах жизнь продолжалась с IV—V вв. н. э. до X—XIII вв.

Первоначально до VII—VIII вв., когда вятичи появились на Дону, вероятно, территория, занятая этим племенем, распространялась на верхнее течение Оки, а также Жиздру, Зушу, Угру и Упу в их нижнем течении. Отдельные ранние вятичские курганы доходили до устья Москвы-реки (Большой курган в с. Беседы)³. Вот эти верхнеокские вятичи и начали проникать в среду населения, оставившего рязанские могильники еще за долго до того, как славяне окончательно колонизировали среднее течение Оки. Вероятно, первоначально примеси чуждого населения появлялись на территории рязанских могильников в результате браков. Славянские женщины приносили свои обычаи, наряды и керамику⁴. Возможны также развитые торговые связи. Во всяком случае ряд вещей очень ярко характеризует эти сношения. В погребении 69 Кузьминского могильника (в 35 км от Рязани, на берегу Оки) найдена гривна, витая из 3 бронзовых проволок с замком в виде трех колец⁵, совершенно подобная таким же из Мощина и Межигорья. Здесь же встречены вещи с эмалью и фибулы с полукруглым щитком, короткой массивной дужкой и фигурной, суженной книзу ножкой. Одна из подобных фибул, украшенная нарезкой кружками, найдена в погребении № 7 с трупосожжением. В погребении № 8 Дегтянского и № 4 Кулаковского могильников встречены фибулы, известные только в курганах с трупосожжениями и городищах верхнего бассейна Оки⁶. На Вышгородском городище встречены массивные глиняные тарелки (сковороды) с залощенной поверхностью, подобные найденным на городище Дуна и известным на роменских городищах⁷.

¹ Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 149.

² П. Н. Третьяков. Ук. соч. МИА, № 6, 1941, стр. 48.

³ А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы. МИА, № 7.

⁴ В то время, как среди могил с трупосожжением встречаются погребения, богатые оружием и украшениями, среди могил с трупосожжением нет выдающихся своим богатством. Повидимому, господствующее сословие до IX—X вв. было местное. См. А. И. Черепнин. Очерк доисторического прошлого Рязанского края. Оттиск из «Описания празднования 800-летнего юбилея г. Рязани». Рязань, 1896.

⁵ А. А. Спицын. Древности..., табл. XVIII, 6.

⁶ Н. И. Булычев. Журнал раскопок. М., 1899, табл. I.

⁷ Для доказательства связей со славянами могут служить также находки пальчатых (лучевых) фибул, если справедливо мнение Б. А. Рыбакова, считающего такие фибулы типичными для славян Поднепровья. В могиле № 7 Кузьминского могильника найдена фибула лучевого типа (поздний вариант VI в.; А. А. Спицын — МАР, № 25, стр. 88); в Борковском могильнике найдены ажурные антропоморфные фибулы, близкие к фибулам Пастерского городища (там же, стр. 42).

Население, оставившее рязанские могильники, до верховьев Дона не доходило. Были ли здесь уже в это время славяне? Городища и курганы, связываемые со славянами-вятичами на Дону — Боршевские, — датируются VIII—X вв. Уже в VII в. южная часть Рязанского края принадлежала населению, этнически отличному от населения на территории рязанских могильников. Об этом свидетельствует случайная находка так называемой «могилы всадника» у с. Арцыбашева в Скопинском уезде Рязанской губернии¹. Могила была вырыта в виде продолговатого четырехугольника, глубиной около 3 аршин. В яме найдены скелет человека, костяк коня и сопровождавшие их вещи. Среди вещей раньше всего следует отметить обломки глиняных сосудов с волнистым и линейным орнаментом, очень близких по типу к серой салтово-маяцкой керамике. При погребенном найдены: большой однолезвийный меч-сабля, железные удила, трехлопастные черешковые наконечники стрел, разнообразные пряжки и накладки поясного набора, в том числе серебряные антропоморфные и золотые зерненные. Подобные вещи были широко распространены в степной полосе Восточной Европы в VI—VIII вв. Однако для Арцыбашевского комплекса мы имеем предмет, позволяющий уточнить дату. Это золотая серьга в виде кольца с приделанной опрокинутой трехгранной пирамидкой, украшенной рядами зерни. Пирамидка заканчивается тремя крупными шариками, к которым припаян один большой, завершающий всю серьгу. Подобные серьги широко распространены на юго-востоке Европы в славянских землях. Они встречены в погребениях далматских, хорватских, словенских, чешско-моравских и южнорусских. Часто встречаются они также в венгерских и так называемых аварских древностях. Нидерле считает их импортными византийскими². Серьга из Арцыбашева по типу относится к ранним подобным изделиям и датируется VII в.³ К этому времени относится и весь Арцыбашевский комплекс. Подобные Арцыбашевскому комплексы открыты у Вознесенки (в Запорожье)⁴, в Ново-Покровке и близ с. Тополи на Харьковщине⁵. Б. А. Рыбаков считает возможным предположить, что эти древности связаны с русами⁶. Однако вещевой инвентарь не дает точных оснований для определения этнической принадлежности его владельцев. Вещи, подобные арцыбашевским, распространены в степях и в лесостепном пограничье юго-восточной Европы — от Дона до Венгрии. Поэтому трудно отнести арцыбашевское погребение к какому-либо точно очерченному — территориально или этнически, — определенному кругу памятников. Единственно ценным в этом отношении указанием является находка в комплексе керамики салтовского типа.

Находка арцыбашевского погребения очень важна для истории Окско-Донского междуречья в VII в. н. э. Она не только показывает границу

¹ А. Л. Монгайт. Археологические заметки. КСИИМК, XLI, 1951; В. Крейтзон. Случайная находка могилы всадника близ с. Арцыбашева в Скопинском уезде Рязанской губернии. Труды Ряз. УАК, т. XX, в. I, 1905, стр. 85—89; в. II, стр. 207—212.

² L. Niederle. Rukovět slovanské archeologie. Praha, 1931, стр. 194, рис. 87.

³ Полная аналогия имеется в венгерском национальном музее. См. J. Hampe. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, Braunschweig, 1905, s III, табл. 286, рис. 9.

⁴ В. А. Гринченко. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. «Археологія», III, 1950, стр. 37—63.

⁵ Ю. В. Кухареико. О некоторых археологических находках на Харьковщине. КСИИМК, XLI, 1952; его же. Новопокровський могильник і поселення. «Археологія», VI, 1952.

⁶ Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 15.

распространения рязанских могильников, но и характеризует население южной части Рязанского края. Может ли, однако, одно погребение служить основой для таких выводов? Не является ли арцыбашевская находка погребением кочевника, далеко ушедшего от основных районов расселения своего народа и умершего на чужбине? О том, что это не так, свидетельствует, во-первых, тот факт, что арцыбашевское погребение, содержащее салтовскую керамику, близко примыкает (территориально) к памятникам салтовской культуры, во-вторых, — проникновение отдельных предметов типа арцыбашевских в рязанские могильники. Последнее может быть лишь результатом каких-то внешних сношений и территориальной близости, и никак нельзя приписать это случайности.

Не только в южных пограничных со степью районах, но и в могильниках Борковском и Кузьминском встречаются удила, пряжки, бляшки поясного набора, схожие с арцыбашевскими. Таковы в Борковском могильнике вещи из погребений № 14, 42, 28, 5 и др.¹ Антропоморфные бляхи, которые, по мнению А. А. Спицына, проникли в бассейн Оки с Дона или Кавказа, встречаются в ранних муромских могильниках². Вероятно, отсюда же с юга проникли в рязано-муромские могильники однолезвийные мечи-сабли [найлены в Пальновском (Гавердовском) могильнике³, в Кулаковском]. Таким образом, арцыбашевское погребение — не случайное в этой полосе, а принадлежит населению, жившему или кочевавшему в верховьях Дона и близко соприкасавшемуся с населением, оставившим рязанские могильники.

Интересно отметить, что рязанские могильники не выходят за пределы лесной полосы, арцыбашевские же погребения находятся в лесостепной полосе, но на издавна безлесном участке, позже называемом «половецким полем». Хотя в середине I тысячелетия н. э. скотоводство было важнейшей отраслью хозяйства населения, оставившего рязанские могильники, последнее не продвигается на юг, и не смешивается с населением степей. Однако тесные экономические связи с территорией степей, как мы видели, сказываются в элементах костюма, в типе оружия и т. п. Ту же картину сильного влияния на жизнь местного населения степного пограничья мы увидим в позднейшее время, в период славянской колонизации среднего течения Оки.

С большой степенью уверенности можно говорить о славянских поселениях в верховьях Дона лишь в VIII—X вв. Широкое распространение в бассейне Дона названий рек славянского происхождения (Воронез, Ворона, Сосна, Медведица и др.)⁴, тот факт, что Табари, Ибн-Хордадбег, Ибн-Хаукаль сам Дон называют славянской рекой, и, наконец, наличие здесь славянских городищ и курганов с трупосожжением (Боршево) — все это ясные следы славянского пребывания на Дону⁵.

Основой хозяйственной деятельности населения боршевских городищ было пашенное земледелие. Городища эти, большие по территории, были окружены валами и рвами. Жилища на них углублены в яму: в нее

¹ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, СПб., 1901, табл. XVI, рис. 5, 6, 7, 9, 11, 14.

² Aspelin. Antiquité du Nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1880, III, стр. 189, № 878—880.

³ А. П. Черепнин. Местная старина. ТРАУК, т. XII, в. 1, 1897, стр. 56—57.

⁴ И. И. Срезневский. Русское население степей и южного приморья в XI—XIV вв. Изв. II. Отдел. Академии Наук. СПб., 1858, 1 серия, VIII.

⁵ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948.

опускался сруб, по углам помещались массивные столбы для крепления стенок сруба. Керамика, изготовленная большей частью без гончарного круга, отличается характерным профилем и орнаментом, позволившим выделить всю подобную посуду в особый тип роменско-боршевской керамики. Курганный обряд погребения, сходный с таким же в верховьях Оки, позволяет причислить боршевское население к тому же славянскому племени, которое по свидетельству летописи занимало верховья Оки, т. е. к вятичам. В VIII—X вв. Подонье было глухой окраиной Русской земли и вряд ли оказывало влияние на население средней Оки. Как мы видели, в более раннюю эпоху славянские элементы проникали на среднюю Оку через ее верховья. Так же, вероятно, остается и в VIII—X вв. Например, шиферные пряслица, местом производства которых является славянская Волынь, проникают в рязанские могильники, но совсем не встречаются на боршевских городищах.

Первые вятичские поселки VIII—X вв. возникали в Рязанской земле в среде этнически чуждой, но, очевидно, сохранявшей мирные отношения со славянами, и, судя по все возрастающему проникновению славянских вещей, поддерживавшей с ними торговые связи. Отдельные вятичские поселки разбросаны в стране чудских племен вдоль главной торговой артерии — Оки. Таковы поселения близ Рязани на дюне у с. Борки¹.

Славянское селище занимало весь западный скат Жемчужного поля на Борковской дюне и простиралось на 300 шагов в длину и 150 шагов в ширину. Поселок покрывал всю площадь открытого могильника. Славянский поселок существовал довольно долго, повидимому от IX в. до XI—XII вв. В. А. Городцов нашел здесь ямы от древних жилищ, глинобитные печи, много вещей: железное шило, серп, ножницы, шиферные пряслица, тигли, семилопастные височные кольца, бронзовые бубенчики, стеклянные бусы, железные копья и дротики, топоры кельтовидные и курганного типа, кости животных, рыб и птиц. Особый интерес представляют формы для литья. Керамика двух видов: грубая, сделанная от руки, но все же орнаментированная параллельными круговыми или волнообразными линиями и сделанная на гончарном кругу. Среди находок имеются серебряные лировидные пряжки, перстень с изображением птицы на щитке и др.

На южной оконечности Сокор-горы (в 1890 г.) был открыт второй поселок, также с ямами от бывших здесь жилищ и с глинобитными печами; на так называемых «Французских буграх» — третий поселок. Два этих поселка, судя по керамике, связаны с борковским могильником и относятся ко времени более древнему, чем славянский поселок и, видимо, принадлежат чудскому населению. Здесь, кроме керамики, найдены были железная руда и шлаки, глиняные прясла и обломки грузил, железные ножи, удильные крючки больших размеров, плоские стрелы, обломки медных вещей.

На дюне «Борок» у с. Дубровичи на месте известной неолитической стоянки найдена раннеславянская керамика, свидетельствующая о существовании здесь поселения X в.² Как и в других местах славянская керамика на дюнных поселениях сопровождалась находкой кладов

¹ В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки. Тр. XII АС, т. I, М., 1905. Бескурганное вятичское погребение, перерезавшее древнее чудское, было открыто в Борковском могильнике при раскопках В. А. Городцова, А. В. Сельванова и А. П. Черепнина. См. А. А. Спицын. Древности Оки и Камы, стр. 42.

² Н. В. Говоров. Предварительный отчет об исследованиях летом 1930 г. НАРМ, № 410.

восточных монет. Так, на Дубровичском поселении в 1928 г. был найден клад преимущественно саманидских монет X в.¹

Алекановское селище является одним из наиболее интересных ранних вятичских поселений. Здесь при раскопках на дюне «Могилки» В. А. Городцовым были вскрыты четыре древнейших вятичских погребения, относящиеся к докурганному времени, вероятно, к X в. При одном из них был найден сосуд с загадочной надписью². Вблизи был вскрыт жилой слой, в котором были найдены обломки таких же сосудов. В 1930 г. обследованием Н. В. Говорова здесь был обнаружен раннеславянский слой³.

В 1948—1949 гг. селище было обследовано Н. П. Милоновым. Он установил, что культурный слой славянского времени отложился на позднедьяковском (городецком). В славянском слое найдены были куски железной руды и сплав свинца и олова⁴.

Вышеописанные славянские поселения — еще открытого типа. Позже славяне занимают чудские городища. На многих чудских городищах возникают славянские поселения. Занимали ли славяне запустевшие чудские городища, давно уже оставленные древним населением, или они соприкасались с этим населением? При раскопках на городище Вышгород П. П. Ефименко нашел слои городецкий и позднейший чудской (IX—X вв.), отделенные стерильной прослойкой. Отсюда он сделал вывод, что городецкие городища пустеют на время, а потом заселяются вновь. Однако на других городищах подобная картина не наблюдается. Городецкая культура преемственно сменяется позднейшей чудской (с керамикой, подобной рязанским могильникам), а затем славянской. Из 72 городецких городищ, зарегистрированных в среднем течении Оки, на 19 имеется позднейший славянский слой. Кроме описанных выше городецких городищ со славянским слоем, такие же наслоения наблюдаются на Превитском II⁵, Алпатьевском, Семеновском, Дашковском⁶, Львовском⁷, Дядьковском⁸, Спасском, Рубцовском, Денисовском, Юракинском, Тереховском⁹ и других городищах. Иногда, подобно Вуколову городищу, наблюдаются три непрерывно следующих друг за другом слоя: городецкий, чудской с гладкой (неорнаментированной) керамикой и славянский [например, на Чертовом (Елшинском) городище]¹⁰. Иногда же в таких

¹ А. А. Быков. Клад с. Дубровичи. НАРМ, № 646.

² В. А. Городцов. Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками. АИЗ, 1897, № 12; е го же. Заметка о загадочных знаках на обломках глиняной посуды. АИЗ, 1898, № 11—12; там же. Отчет об археол. исследов. в долине р. Оки, 1897 г. Погребение, кроме сосуда, сопровождалось шестью проволочными бронзовыми височными кольцами, браслетом из низкопробного серебра и железным небольшим ножом. Костяк принадлежал старой женщине, лежал на спине с руками, скрещенными на животе, головою на юго-запад. ТРУАК, т. XII, в. 3, стр. LXXVI.

³ Н. В. Говоров. Обследование археологических памятников у сс. Шумость, Дубровичи и Алеканово, 1930 г. НАРМ, № 411.

⁴ Н. П. Лебедева и П. П. Милонов. Типы поселений Рязанской области. СЭ, 1950, № 4.

⁵ П. П. Ефименко и др. Материалы... НАРМ, № 677.

⁶ Обследовано Н. В. Говоровым в 1930 г. См. Описание рукописей этнологич. архива. «Труды об-ва исследователей Рязанского края», в. XVII, № 416.

⁷ Описание рукописей этнолог. архива, № 142, 416; Отчет о деятельности Ряз. уч. археолог. комиссии за 1910 г. Рязань, 1911; коллекции РОМ № 27, 240, 277 и 445.

⁸ Н. П. Лебедева. Отчет об археолог. работах в Рязанской губернии летом 1925 г. НАРМ, № 184; коллекции РОМ № 43, 276, 444.

⁹ В. А. Городцов. Материалы для археолог. карты... ТРУАК, т. XVII, в. 1 и т. XIX, в. 3. Описание рукописей этнолог. архива, № 427.

¹⁰ А. А. Мансуров. Археологическая карта р. Прони. СА, IV, 1937; е го же. Археологические разведки по среднему течению р. Прони в 1929 г. НАРМ, № 309; коллекции РОМ № 390, 483.

наслоениях не наблюдается непрерывной линии, например, на горе Гневне¹ (близ Пронска). Здесь в XI—XIV вв. существовало славянское поселение. В нижнем слое на Гневне встречаются фрагменты керамики с рогожным орнаментом. Никакой преемственности в наслоениях нет. Просто через несколько веков после исчезновения здесь населения городищской культуры то же, удобное для поселения, место заняли славяне. Такая же картина, как на Гневне, наблюдается на Пронском городище, как установлено Ефименко, — на Вышгороде и на некоторых других.

Чем объяснить, что в VIII—IX вв., в эпоху, когда в других местах существовали многочисленные славянские городища, в Рязанской земле, в чуждом славянам этническом окружении встречаются еще только открытые славянские поселения, без укреплений? Тем, что это временные поселения, торговые фактории или, быть может, даже поселки купцов и ремесленников, расположенные вблизи торгового пути, вблизи рек, на дюнах, среди дружелюбно настроенного населения (Борковское селище с глинобитными печами, со следами длительной оседлости относится к позднему времени). Позже, когда процесс феодализации у славян ушел далеко вперед, славянские князья являются сюда уже в роли колонизаторов и, естественно, захватывают в первую очередь древние укрепленные поселки, восстанавливая укрепления и создавая поселения, защищенные валами и рвами. Конечно, пока открыто очень мало раннеславянских селищ, нельзя утверждать, что все они были открытыми поселениями или торговыми факториями. Есть одно очень важное доказательство высказанного здесь предположения, что первоначальное проникновение славян в чудские земли, в VIII—IX вв., было связано с торговлей. К этому времени относятся обширные торговые сношения северовосточной Европы с Востоком, свидетельством которых, кроме сообщений купцов и географов, являются клады восточных монет. Все находки в пределах земли вятичей сосредоточены по Оке от Белева до Старой Рязани и по притокам Оки, сокращающим путь с ее среднего течения к верховьям². В пределах рязанского течения Оки найдено 19 кладов восточных монет VIII—X вв. Их основная часть обнаружена на песчаных дюнах по берегам Оки в окрестностях Рязани и Старой Рязани, т. е. там, где обнаружены и древнейшие славянские поселения. Вероятно, справедливо предположение, что восточная торговля, проходившая через земли мордвы, была в руках у вятичей. Лишь к концу X в. относится включение в эту торговлю муромы³. Весьма возможно, что славянские купцы были посредниками в торговле чуди, признававшей до X в. лишь натуральный обмен и не принимавшей в расчет за проданные товары диргемов. Поэтому последние и концентрировались в руках славян. В кладах, кроме монет, встречаются и отдельные предметы восточного, среднеазиатского или иранского происхождения. Таковы серебряные вещи из клада 1850 г., найденного в Белом Омуте (Железницкий клад)⁴.

¹ Раскопки на Гневне велл Н. П. Милонов (см. Материалы к археолог. карте Скопинского уезда Рязанской губернии. Рязань, 1928), а также А. А. Мансуров (ук. соч., СА, № 4, стр. 235). Н. П. Милонов неправильно интерпретировал памятник. Изучение отчета о раскопках показывает, что здесь был раскопан не загадочный могильник, как об этом писал Н. П. Милонов, а славянский поселок XI—XIV вв. городского типа и расположенный рядом с ним могильник того же времени.

² П. Л ю б о м и р о в. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. «Ученые записки Саратовского университета», т. I, в. 3, Саратов, 1923.

³ А. В. М а р к о в. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, стр. 5. № 48. В Корниловском, Максимовском, Малышевском могильниках все диргемы не раньше X в.

⁴ Большую часть клада составляли саманидские диргемы. ЗРАО, VI, стр. 420.

Восточные купцы, торговавшие со славянами и русами, оставили нам много сведений о них. Это более или менее достоверные записи того, что они слышали об этих народах, так как сами купцы дальше Хазарии и Волжской Булгарии не заходили и в землях славян в VIII—IX вв. не бывали. К тому же до нас в большинстве случаев дошли не первоначальные записи, а позднейшие тексты, искаженные географами-компиляторами, использовавшими записи купцов и путешественников для своих сочинений. Поэтому сведения эти противоречивы, многое спорно, недостоверно.

Несколько лет назад я выступил со статьей «К вопросу о трех центрах древней Руси»¹, в которой, основываясь на арабских источниках X в., пытался доказать, что одним из центров, упоминаемых в этих источниках, была Рязань. Статья была написана до начала больших раскопок ИИМК в Старой Рязани, и можно было надеяться, что в процессе раскопок будут найдены археологические доказательства этого тезиса. Но раскопки показали, что наиболее древний слой на Рязанском городище, относящийся к славянскому времени и к моменту вероятного возникновения города, датируется второй половиной X в. Арабские же авторы, трактующие о трех центрах Руси, писали в первой половине X в., а их первоисточники восходят еще к IX в. Для этого времени никаких археологических доказательств того, что Рязань была крупным центром славянства, не найдено, и такое предположение теперь кажется маловероятным. Поэтому я считаю необходимым вновь остановиться на вопросе о трех центрах древней Руси.

Большинство ученых, комментировавших сообщения арабских источников, признало несомненным, что один из названных центров древней Руси Куяба — это Киев, что другой — Славия — это область новгородских славян. Наиболее многочисленные и противоречивые предположения высказывались относительно третьего центра — Артании. Краткие сообщения географов IX—X вв. дают так мало сведений, что неясно даже, о чем идет речь, — о городе, племени, государстве. Неясно и местоположение Артании, что позволило различным комментаторам произвольно передвигать его из одного конца Восточной Европы в другой. Руководящими для решения этого вопроса были топонимические сравнения. На этом основании было высказано Френом, Савельевым и другими мнение, что Артания — это Эрзания, а Шахматовым, что Артания — это Рязань, важнейший город славянского племени вятичей². Нужно сказать, что большинство исследователей, рассматривавших известия восточных писателей о славянах и русах, некритически подходили к ним, смешивали все источники, рассматривая их как равноценные³. Порожденная этим путаница в исторической литературе привела к пессимистической оценке восточных источников для русской истории вообще. Так, например, анализируя смысловое содержание слов «Артания» и «Арту» и выясняя их языковое происхождение, один из исследователей приходит к заклю-

¹ КСИИМК, XVI, 1947, стр. 103—112.

² А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919, стр. 35, примеч. С поисками третьего русского племени в стране вятичей согласен В. В. Бартольд (Арабские известия о русах. «Советское востоковедение», т. I, 1940, стр. 27).

³ Попытки критического пересмотра источников в последнее время предприняты Б. А. Рыбаковым (в ряде докладов по вопросу о происхождении Руси), а также А. Д. Удальцовым (доклад в секторе славяно-русской археологии ИИМК 11 октября 1951 г. «Значение известий восточных авторов для русской истории»).

чению, что Артаня на угорском наречии означает «страна на запоре», «туда никого не пускают» и что это слово попало в арабские рукописи случайно от какого-либо купца мордвина или буртаса, но ни города Артаньи, ни такой страны история не знает¹.

Бесплодность поисков третьего центра Руси, предпринимавшихся до сих пор, не дает еще оснований для того, чтобы считать этот вопрос полностью неразрешимым. Тем более нет оснований пренебречь восточными источниками вообще. Слишком немногочисленны источники для русской истории до-летописной поры, чтобы отказаться от попыток извлечь все, что возможно, из известий восточных авторов.

С моей точки зрения, остается в силе вся аргументация, приводившаяся мною в статье 1947 г. для доказательства, что русов арабских источников X в. следует искать на Оке. Отпадает лишь предположение, что Арта — это славянский город Рязань.

Какой самый главный факт для истории Восточной Европы можно извлечь из сообщений восточных писателей X—XI вв. при современном состоянии источников? Факт деления восточного славянства на три части. Три ли города, три ли племена, три ли государства имели в виду арабские путешественники, они ясно усвоили, что русы или, — что, повидимому, для традиции Аль-Балхи-Истахри одно и то же, — восточные славяне делятся на три группы племен. И, как можно установить из сопоставления географических данных, одна из этих трех групп живет на Оке. На верхней Оке в VIII—IX вв. и на средней Оке, начиная с X в., жили вятичи. Таким образом, остается предположить, что, говоря об Артаньи, арабы имели в виду вятичский племенной союз, а может быть, и начавшее образовываться государство. Ведь неясно, что имели в виду путешественники, говоря о царях русов, — племенных вождей или выделившихся уже местных князей, таких, каким был позже у вятичей Ходота. Что касается фонетики слова Артаня, то его созвучие с Эрзянией и созвучие последней с Рязанью представляют два самостоятельных явления. Для доказательства предполагавшегося ранее ряда Эрзяния — Артаня — Рязань мы не нашли археологических доказательств.

Почему же славянское племя вятичей было названо Артаньей? Вероятнее всего, как и предполагал Гаркави², это результат недоразумения. Близость земли эрзи к земле вятичей послужила причиной этой путаницы. Рассуждение о угорском (мы бы сказали — «чудском») происхождении слова Артаня только подтверждает это предположение. Арабы в земле вятичей не бывали, но вели с ней оживленную торговлю — об этом свидетельствуют клады диргемов на Оке. Возможно, что они встречались с вятичами в Булгарии, где и получили информацию о стране Артаньи.

Таким образом, важнейший вывод из сопоставления арабских источников заключается в том, что арабы считали вятичей, часть которых позже вошла в состав Рязанского государства, одним из трех главных славянских племен.

Откуда взялась арабская легенда о трех племенах и о трех центрах древней Руси? Имеет она какую-либо историческую почву или относится к досужим выдумкам древнего путешественника? В. А. Пархоменко заметил совпадение данных антропологии, археологии и филологии, как бы

¹ А. М. К а р а с и к. К вопросу о третьем центре древней Русы. «Исторические записки», т. 35, М., 1950.

² А. Я. Г а р к а в и. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 276.

подтверждающих триединство восточного славянства¹. Замечательно также, что подобно тому как арабские писатели признают вятичей одним из главных славянских племен, данные языка и антропологии позволяют выделить это племя из других восточнославянских племен. Это дает возможность говорить о том, что вследствие каких-то сложных исторических процессов в период разложения родового общества восточнославянские племена составляли три большие группы, давшие общность языковых явлений, общность антропологического типа и общность исторических связей. Сообщения арабских географов — не выдумка, они были связаны с реальной действительностью.

Вятичи — современники арабских источников IX в. — начала X в. — жили на верховьях Оки и Дона. Только к концу X в. они колонизовали среднее течение Оки. Только авторы XI в. могли бы упоминать русов, живущих в среднем течении Оки. Но XI в. — время ослабления связей Восточной Европы с арабо-персидским миром. Восточные писатели XI в. Аль-Бекри и Гардизи для описания славяно-русских земель пользуются источниками первой половины X в. и не знают об исторических сдвигах, происшедших в расселении славянских племен. Поэтому для истории собственно Рязанской земли арабские географы не могут служить источником. Из их сочинений мы узнаем лишь о предшествующей истории племени, колонизовавшего среднее течение Оки.

В среде племен, оставивших нам рязанские могильники, к моменту их исчезновения уже далеко зашло выделение имущей родоплеменной верхушки и появились признаки классового общества. Еще в погребениях V—VI вв. наблюдается имущественное неравенство погребенных, но к X в. можно определенно говорить о том, что патриархально-родовой строй постепенно уступает свое место феодальному.

Мнение всех исследователей, имевших дело с чудскими могильниками I тысячелетия н. э., сходится на том, что они преемственно сменяются на территории западного Поволжья могильниками позднейшего времени (XIII—XVII вв.), в отношении которых нет сомнения в возможности относить их к той или другой из современных народностей — мордве, марийцам, чувашам и т. д. Но собственно рязанские могильники, т. е. могильники в среднем течении Оки, исчезают в X в. Поэтому здесь проследить такую непосредственную преемственность не представляется возможным. По топонимическим данным можно предположить, что древним населением в рязанском течении Оки была мордва-эрзя. Повидимому, его ближайшим соседом на востоке было родственное племя — мурома².

Наиболее устойчивыми этническими признаками являются племенные наряды и украшения. Сравнивая таковые из рязанских могильников и из могильников на территории современной эрзи, мы не можем установить непосредственное сходство. Могильники мордвы-эрзи — Коринский (в окрестностях Арзамаса Горьковской области) XII—XVI вв.; Погибловский (там же) VII—VIII вв., Перемчалкинский (в 18 км от г. Лукоянова Горьковской области) IX—X вв., Сарлейский (в Терюшевском районе Горьковской области) XII—XVIII вв.³ территориально очень отдалены от Рязани. Нужно учесть, однако, что известные могиль-

¹ В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности. Л., 1927. Не соглашаясь ни с его схемой расселения племен из Каспийско-Донской области, ни с преувеличением роли Тмутаракани, нельзя не отметить умелое привлечение им данных смежных наук для обоснования исторического факта распада славянства на три племени.

² А. Е. Алихова. Мордва и мурома. КСИИМК, XXX, 1949.

³ Археологический сборник I, под ред. Ю. В. Готье. Саранск, 1948.

ники случайны, так как они бескурганные, и их трудно найти. Кроме того, эрзя, вытесненная со своих первоначальных мест поселения и теснимая в течение веков, ушла далеко от этих мест. Поэтому удаленность современной эрзянской территории от Рязани и отсутствие промежуточных могильников само по себе не может служить препятствием к признанию населения, оставившего рязанские могильники, древней эрзей. Другое дело, что для ранних эпох мы еще не можем выделить племенные признаки отдельных чудских племен. Так, четкие признаки, разделяющие мордву-эрзю и мордву-мокшу, относятся только к XIII в. Чудские древности VII—XI вв., в особенности когда к нам в руки попадают лишь отдельные вещи, когда мы не знаем целиком убора и обряда погребения, только в отдельных случаях позволяют решить вопрос, с каким племенем мы имеем дело — мордвой, муромой, мерей и т. д. В вещах, найденных на городище Старой Рязани, есть ряд типов, которые можно связывать с мордвой, но все же не характерных только для мордвы-эрзи. Более важно то, что в самом названии Рязани сохранилась ославленная форма названия племени эрзя. Если мы не располагаем достаточными археологическими данными для того, чтобы решить, какую ветвь мордовского народа представляли племена, оставившие нам рязанские могильники, то никакого сомнения не вызывает их связь с мордвой в целом. Ряд элементов племенного наряда мордвы представлен в инвентаре рязанских могильников¹. Возможно, что во времена рязанских могильников этнографические и языковые различия, позволяющие отделять мордву-эрзю от мордвы-мокши, еще не существовали.

В X в. древнее мордовское население исчезает в среднем течении Оки и в то же время здесь появляется славянское население. Несколько дольше сохраняются муромские могильники, заканчивающие свое существование лишь в XI в. Какова причина смены населения?

А. А. Шахматов в 1907 г. выступил с теорией о том, что вятичи первоначально жили на Дону и лишь позднее колонизовали Оку². Позднее он пришел к заключению о двух потоках колонизации Рязанской земли — с Поднепровья по верхней Оке и с Подонья³. Отказавшись от предположения о поселениях вятичей на среднем и нижнем Дону, А. А. Шахматов и в этой последней своей работе не отрицал славянскую колонизацию верховьев Дона.

В. А. Городцов высказал предположение о вытеснении мордовского населения появившимися в рязанском течении Оки вятичами⁴. Он считал, что между вятичами и финнами были крайне враждебные отношения, о чем свидетельствует полная культурная разобщенность, отсутствие всяких аналогий в вещах. Наоборот, у восточных кривичей были с финнами мирные отношения, поэтому ими воспринято много финских типов.

¹ Наиболее типичными являются шумящие привески. Начало свое они получают в VII—VIII вв., наибольшего развития достигают в IX—XI вв., после чего начинают вымирать и в XIV в. исчезают из быта, постепенно заменяются бусами, бисером, раковинами и кисточками из шерстяных и шелковых ниток. В современных мордовских нагрудных украшениях следует видеть выродившиеся шумящие привески. См: В. В. Г о л ь м с т е н. Хронологическое значение эволюции древних форм. «Известия Самарского гос. университета», в. 5, 1923, стр. 7.

² А. А. Ш а х м а т о в. Южные поселения вятичей. «Изв. Академии Наук», СПб., 1907, VI серия, № 16; е г о ж е. Очерк древнейшего периода истории русского языка. «Энциклопедия славянской филологии», вып. II, Пгр., 1915. Введение.

³ А. А. Ш а х м а т о в. Древнейшие судьбы русского племени. Изд. Русского исторического журнала. Пгр. 1919.

⁴ В. А. Г о р о д ц о в. Древнее население Рязанской области. «Изв. отд. русск. яз. и словесн. Академии Наук», т. XIII, кн. 4, 1908.

Действительно, одновременно с колонизацией вятичами средней Оки происходила колонизация кривичами, продвигавшимися несколько иным путем, с северо-запада земель древней мери и муромы и, вероятно, мещеры. И если мы в землях, колонизованных вятичами, очень мало видим общих типов вещей древнего мордовского населения и славянских (неверно утверждение Городцова, что отсутствуют всякие аналогии в вещах, их мало, но они есть), то в землях, колонизованных кривичами, множество сходных и переходных типов показывает постепенное растворение древнего местного населения среди славян. Это особенно ярко видно в кривичских курганах Владимирской области. В XI в. (стадия G, по Ефименко) инвентарь муромских могильников беднеет и становится сходным с русскими курганами XI в.¹

То же изменение типов вещей в процессе славянизации хорошо прослеживается в могильниках, которые могут быть связаны с древней мещерой².

Археологические данные не позволяют еще пока дать карту расселения древних племен, предшественников славян на Оке. Но мы уже имеем общее представление об этом. Составитель «Повести временных лет» знал о племенных различиях этих племен, но о их географическом положении имел только общее представление. «А по Оке реце, где втечет в Волгу, мурома язык свой, и черемиси свой язык, мордва свой язык»³ Только о муроме говорится, что они «первии насельници» в городе Муроме⁴. Летопись ничего не говорит о мещере, и следы этого племени в северных районах Рязанской области, а также во Владимирской области прослеживаются по топонимическим данным, по актам и по данным археологическим.

Ранние летописцы совершенно не упоминают мещеру. В поздних редакциях слово мещера вводится в старый текст «Повести временных лет», как название племени наряду с мордвой и муромой. При этом в большинстве списков мещера заменяет собой черемис в той фразе, где перечисляются народы, живущие на Оке. Это дало повод некоторым исследователям, в том числе Б. А. Куфтину, предположить, что поздние летописцы и переписчики внесли в летопись новую народность — мещеру — по названию края. Из топографического имени было переделано название народа, так как желали исправить летописца и поместить на место черемис, которые в XV в. здесь уже не жили, другой народ⁵. Независимо от справедливости этого предположения остается археологически устанавливаемый факт существования какого-то мордовского племени, выделяемого по племенному наряду в северных районах Рязанской земли. Это не меря и не мордва. Независимо от самоназвания племени мы можем его условно называть мещерой. Повидимому, мещера разговаривала на одном из диалектов мордовского языка, отличавшегося от других так же, как и сейчас язык эрзи отличается от языка мокши⁶. Описывая один из казанских походов, А. М. Курбский говорит: «а нас послал тогда (Иван Грозный) с тремянадесять тысяч люду через Рязанскую землю и потом через мещерскую, иде же есть мордовский язык»⁷.

¹ П. П. Ефименко. Ук. соч. СА, II, 1937, стр. 55.

² А. Иванов. Пустошенский могильник. «Труды Влад. гос. обл. музея», в. 1, 1925.

³ Повесть временных лет. М.—Л., 1950, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 18.

⁵ Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, ч. I. М., 1926.

⁶ Общеизвестно, что эрзянин и мокшанин, если они не из соседних деревень, не в состоянии понять друг друга и прибегают для объяснения к русскому языку.

⁷ Н. Г. Устрялов. Сказания князя Курбского, ч. I. СПб., 1833, стр. 17.

Современная мещера это — русское население, ничего общего с древним населением края уже не имеющее. Однако открытые в Мещерской стороне могильники, в частности Заколпский могильник (б. Меленковского уезда Владимирской губернии)¹, вероятно, принадлежат чудской мещере. Это мнение было высказано А. А. Спицыным. Заколпский могильник — поздний, по найденному в нем крестнику и медальону с изображением святых он датируется XII в. Однако по инвентарю он очень близок к более раннему Пустошенскому могильнику Судогодского уезда Владимирской губернии и к могильнику близ с. Жабок Егорьевского уезда Рязанской губернии², датирующимся XI в. Местность, где расположены эти могильники, наиболее низинная часть песчано-болотистой равнины — Мещерской стороны. В Пустошенском могильнике большинство трупоположений — головой на северо-запад; встречено лишь 2 трупосожжения. Но инвентарь с исключительной яркостью показывает, что могильник принадлежит чудскому населению, находящемуся под сильным влиянием славян.

Процесс славянизации зашел так далеко, что типы украшений совершенно смешанные. Поразительны образцы приспособления местным чудским населением (мещерой) русских ремесленных изделий к своим вкусам, воспитанным древней традицией. Так, в Пустошенском могильнике найден пластинчатый загнутоконечный браслет³ русского ремесленного производства, к которому на колечках привешены типичные чудские цилиндрические шумящие подвески. То же мы наблюдаем и в отношении ряда других вещей: на обычные в славянских древностях браслеты, плетеные из многих проволок, навешены для шума колечки⁴, на кривичские круглопроволочные с завязанными концами височные кольца подвешены цилиндрические и ромбовидные привески и бубенчики⁵, такие же привески на лунницах и т. п. Наряду с этими встречаются и чисто чудские типы вещей — сюльгамы, шумящие привески, и чисто славянские — пластинчатые браслеты, ажурные браслеты киевского типа⁶, бубенчики и особые, местные витые из проволоки шейные гривны с конусообразными шипами на концах. Таким образом, в Пустошенском могильнике, как и в Заколпском и близ с. Жабок, мы видим яркую картину славянизации древнего местного населения, вероятно мещеры, под влиянием колонизовавших этот район кривичей.

Так же, как и в начинающихся на север от Судогодского уезда кривичских курганах X—XII вв., наблюдается такая же картина славянизации мери. Границы распространения культуры мещеры при неисследованности края трудно определить. Весьма вероятно, что к этой же культуре относятся раскопанные в 1877 г. Ф. Нефедовым курганы близ д. Парахина и д. Поповой (Касимовский уезд Рязанской губернии)⁷. Во всяком случае инвентарь их весьма сходен с Пустошенским и Заколпским могильниками. Характерной особенностью являются витые гривны с конусообразными шипами на концах, браслетообразные завязанные височные кольца с нанизанными на них бусинами или

¹ Н. Е. Макаренко. Новинский и Заколпский могильники. «Труды Владимирской архивной комиссии». Владимир, 1910, кн. X.

² ОАК за 1893 г., в. III, стр. 31—32, рис. 911—916; коллекции РОМ, опись № 196.

³ А. Иванов. Ук. соч., табл. III, № 6. Это не гривна, как думает автор отчета о раскопках, а браслет.

⁴ Там же, табл. VII.

⁵ Там же, табл. II, № 3 и др.

⁶ Там же, табл. VIII, № 23.

⁷ Ф. Д. Нефедов. Отчет о раскопках в Касимовском уезде. Антропологическая выставка, т. II, в. 2; ИОЛЕАЭ, XXXI, М., 1878, стр. 56—61.

цилиндрическими подвесками, раковины каури, трапециевидные привески поздней удлиненной формы, лунницы с трубчатыми привесками и т. п. Примерно тот же инвентарь, что в Поповских курганах, дали Вырыпаевские курганы на р. Унже. Несколько более позднего времени курганная группа у с. Ватреницы с погребениями, сопровождавшимися чудским инвентарем, в котором сказалось сильнейшее славянское влияние¹.

Если связывать древнюю мещеру с районом, носящим сейчас название Мещерской низменности, то она, очевидно, занимала болотистую, лесистую, неплодородную местность в бассейнах рек Цны, Пры, Поли, Гуся и Колпи. В этой местности сохранились своеобразные географические названия: рр. Нинур и Дардур (притоки Гуся), рр. Чинур и Сентур, сс. Ерахтур, Салаур, Синтул, Свинчус, Ибердус, Чарус, Екшур и др. Сам город Касимов назывался Мещерским городом. Все это заставляет предполагать, что народ мещера дал название краю, а не наоборот, как предполагал Куфтин, — что из топографического имени было сделано название народа. В глухих районах Мещерской стороны медленнее протекали исторические процессы, и здесь удержалось этническое своеобразие местного населения вплоть до XIII в. Хотя и сильно славянизированное, оно сохранило элементы древней самобытности.

Очевидно, несколько быстрее, чем славянизация мещеры, но все же медленнее, чем тот же процесс в рязанском течении Оки, протекала славянизация муромы. Ряд селищ и городищ в периферии г. Муром принадлежал местному населению — племени муроме². Сам город Муром был племенным центром. Раскопки 1946 г. позволили установить, что в IX—X вв. муромская племенная среда сменилась русским населением, и муромские черты в материальной культуре города быстро исчезли³. Особенно яркими памятниками являются муромские могильники⁴. В XI в. муромские могильники исчезают. Судя по могильникам Муромского края, кривичское население проникало сюда, главным образом, из Ростово-Суздальской земли. Поэтому в поздних погребениях муромских могильников, наряду с славянскими, много мерянских вещей (например, двухголовые коньки с шумящими привесками)⁵.

Кривичская колонизация Окских земель протекала медленно, в течение веков, и приводила к смешению славянских и чудских этнических признаков и лишь к X—XII вв. к исчезновению последних. Иное дело в той области, которую мы считаем областью колонизации вятичей, — на средней Оке, в районах, занятых древней мордвой. Здесь мы не наблюдаем переходных типов вещей (вернее, их очень мало, и они относятся чаще всего не к моменту первой встречи славянских и чудских племен, а ко времени позднейшего их общения). В X в. внезапно исчезают рязанские могильники и в то же время появляются уже не редкие, отдельные, а многочисленные славянские поселения. Очевидно, в отличие от постепен-

¹ Раскопки Н. И. Лебедевой 1925 г. и Б. А. Куфтина 1926 г. Материалы о работе краеведч. организации в Елатье. НАРМ, № 538-1, 543-1; Синельников. Русский антропологич. журнал, т. XV, стр. 192.

² Е. И. Горюнова. Итоги работ Муромской экспедиции. КСИИМК, XXXIII, 1950; А. Ф. Дубинин. Археологические экспедиции Ивановского гос. пед. института. «Уч. записки Иван. ГПИ», т. III, 1952.

³ Н. Н. Воронин. Муромская экспедиция. КСИИМК, XXI, 1948.

⁴ Подробно изучены В. А. Городцовым, А. А. Спицыным, П. П. Ефименко. Корниловский, Ефановский, Перемилловский и Максимовский могильники описаны Ф. Я. Селезневым (Культура финнов средней Оки. «Труды Владимирского гос. обл. музея», в. II, 1926). Большие раскопки и подробное исследование Малышевского могильника провел А. Ф. Дубинин.

⁵ Нужно отметить, что мерянский инвентарь встречен и в мещерских могильниках

но и медленно протекавшей кривичской колонизации и в отличие от колониционного движения вятичей в предшествующее время здесь мы имеем дело с массовым вторжением славян, поглотивших, ассимилировавших или вытеснивших мордовское население.

В X в. в степях Восточной Европы происходят значительные сдвиги населения. Вероятно, еще в IX в., в связи с движением угров, произошел отлив степного населения на север. Летописи упоминают под 915 г. о первом появлении печенегов в Русской земле. Однако в степях они появились значительно раньше и в VIII—IX вв. вели борьбу с хазарами. Позже они разгромили салтово-маяцкие и славянские поселения на Дону и у Днепровской луки. Вероятно, с моментом овладения печенегами степью следует связывать продвижение славянского племени уличей в начале X в. на север¹. Вероятно, также с печенежской опасностью связан уход боршевского населения с верховьев Дона. В X в. боршевские городища пустеют. Население уходит с издавна насиженных мест, причем уносит с собой все имущество. Опустевшие боршевские поселения не носят следов разгрома. Население ушло добровольно². Мы не знаем точной даты этого ухода, а X в. так богат событиями, что можно создать множество гипотез. Однако наиболее вероятной будет следующая. В 964 г. киевский князь Святослав предпринял большой, продолжавшийся три года, поход на хазар. Во время этого похода Святослав покорил также вятичей, единственное во времена Святослава восточно-славянское племя, еще продолжавшее платить дань хазарам. Святослав, вероятно, встретил вятичей по дороге, ведущей его в землю хазар, не в верховьях Оки, а в верховьях Дона³. Однако, имея в виду выполнение главной задачи — разгром хазар, он сначала только прошел через вятичскую землю; после взятия Белой Вежи и побед над ясами и косогами Святослав поднялся вверх по Дону и в 966 г. покорил вятичей, живших на верхнем Дону, а затем и в бассейне верхней Оки. Удар, нанесенный Святославом Хазарии, был так силен, что не дал ей возможности уже оправиться. Святослав не успел закрепить победу над вятичами и хазарами, так как предпринял грандиозный поход на Дунай для завоевания Болгарии. Вятичи, жившие в верховьях Дона, были освобождены от дани хазарам, но, оторванные от основного массива славянских племен, они не могли самостоятельно сопротивляться натиску степняков и ушли на север⁴, в район среднего течения Оки, занятый в это время мордовскими племенами. Это уже было не постепенное проникновение славян с верховьев Оки, которое наблюдалось в течение многих веков. Внезапное вторжение массы боршевцев привело к коренному изменению состава населения в среднем течении Оки.

Какие данные говорят в пользу этой гипотезы? Прежде всего — совпадение времени исчезновения боршевского населения со временем массовой колонизации славянами средней Оки. Но, может быть, боршевцы не ушли на север, а увлеченные движением Святослава на юг были тем русским населением, которое явилось в Белую Вежу? Этому противоречат данные раскопок Саркела-Белой Вежи. М. И. Артамонов

¹ Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 3—17.

² П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Ук. соч.

³ А. А. Шахматов. Южные поселения вятичей. «Изв. Академии Наук», VI серия, 1907, № 16.

⁴ М. Грушевский также предполагает, что вятичи с Подонья двинулись под натиском степных орд на север, но не в рязанское течение Оки, а на северо-запад, в земли своих соплеменников — верхнеокских вятичей. М. Грушевский и др. Допитания про разселение Вятч. «Записки наук. тов. им. Шевченко», т. 98, в. VI, стр. 5—9, Львов, 1910.

предполагает, что русское население пришло в Белую Вежу из левобережного Поднепровья, а не с верховий Дона. «Нет никаких данных, — пишет он, — которые бы подтверждали проникновение сюда хотя бы и тонкой колонизационной струи с верхнего Дона, из земли вятичей»¹. Это положение, в частности, подтверждается тем, что среди многочисленных вскрытых беловежских славянских погребений нет трупосожжений, а у боршевцев был только этот обряд погребения.

Но, может быть, боршевцы ушли куда-то в другое место, а среднее течение Оки было колонизовано верхнеокскими вятичами тем путем, которым проникали славяне в более древние времена? Это тоже маловероятно, так как в рязанском течении Оки в X в. появляется масса славянского населения, а на городищах в верховьях Оки таких значительных выселений не наблюдается. Что среднее течение Оки было колонизовано вятичами — видно прежде всего по типу керамики. Керамика Боршевского и других славянских городищ Воронежской области, как и посуда верхнеокских городищ, как правило, мало орнаментирована (в отличие от роменской)². Такая керамика известна в Рязанской земле из Алёканова, из Вышгорода и из Старой Рязани. Фрагменты лепной славянской керамики, собранные на Старорязанском городище, встречены дважды в раскопках, в нижних пластах раскопа 2 (1946 г.) и раскопа 2а (1948 г.) Это были обломки сосудов баночной формы из грубого керамического теста со значительной примесью дресвы. Один из обломков украшен на краю нарезкой. Такая же керамика найдена в осыпях оврага, пересекающего северное городище и идущего к Оке. Кроме этой лепной керамики, с боршевской увязывается также грубая круговая керамика, восходящая к IX в.³ К тому же раннему типу керамики относятся сосуды со слабо профилированными плечами и с орнаментом в виде елочки, нанесенным зубчатым штампом, но подражающим веревочному елочному орнаменту роменско-боршевской керамики, с прямой шейкой без венчика (рис. 12, 13).

Нужно учесть, что на вятичских городищах уже в IX в. появляется сделанная на кругу керамика с линейным и волнистым орнаментом, типичная для всех славянских земель и составляющая основную массу керамики славянского времени и в Рязанской земле. Поэтому с X в., когда начинается массовая колонизация вятичами среднего течения Оки, уже трудно проследить по керамическим данным, откуда идет этот процесс: преобладающие формы и орнаменты керамики — общеславянские.

Типы жилищ, так же как и керамика, свидетельствуют о направлении колонизации с юга. В Боршеве, подобно роменским городищам, как сказано выше, основным типом жилища было полуземляночное с массивными столбами по углам для крепления стенок сруба, а иногда с досками или плетнем в верхней части. Такие жилища характерны для славянских поселений Рязанской земли.

Если для ранних вятичских поселений мы имеем лишь немногочисленные данные в Рязанской земле, то для более позднего времени количество этих данных возрастает. А. А. Спицын и, вслед за ним, А. В. Арциховский выделили племенные признаки поздних вятичских курганов:

¹ М. И. Артамонов. Белая Вежа. СА, XVI.

² П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941.

³ Таков, например, сосуд большого диаметра (25 см) грубого теста, с большой примесью песка, очень примитивной лепки (со следами ленточной техники), формован на кругу, но недостаточно хорошо. Сохранились следы лепки, толщина стенок — 9 мм (Раскоп 2б, 1948 г., яма № 8, пив. номер описи 5361—64); другой такой же сосуд грубой работы на кругу, из раскопок 1949 г. (№ 4364), небольшого размерам, типа миски со слабо отогнутым венчиком.

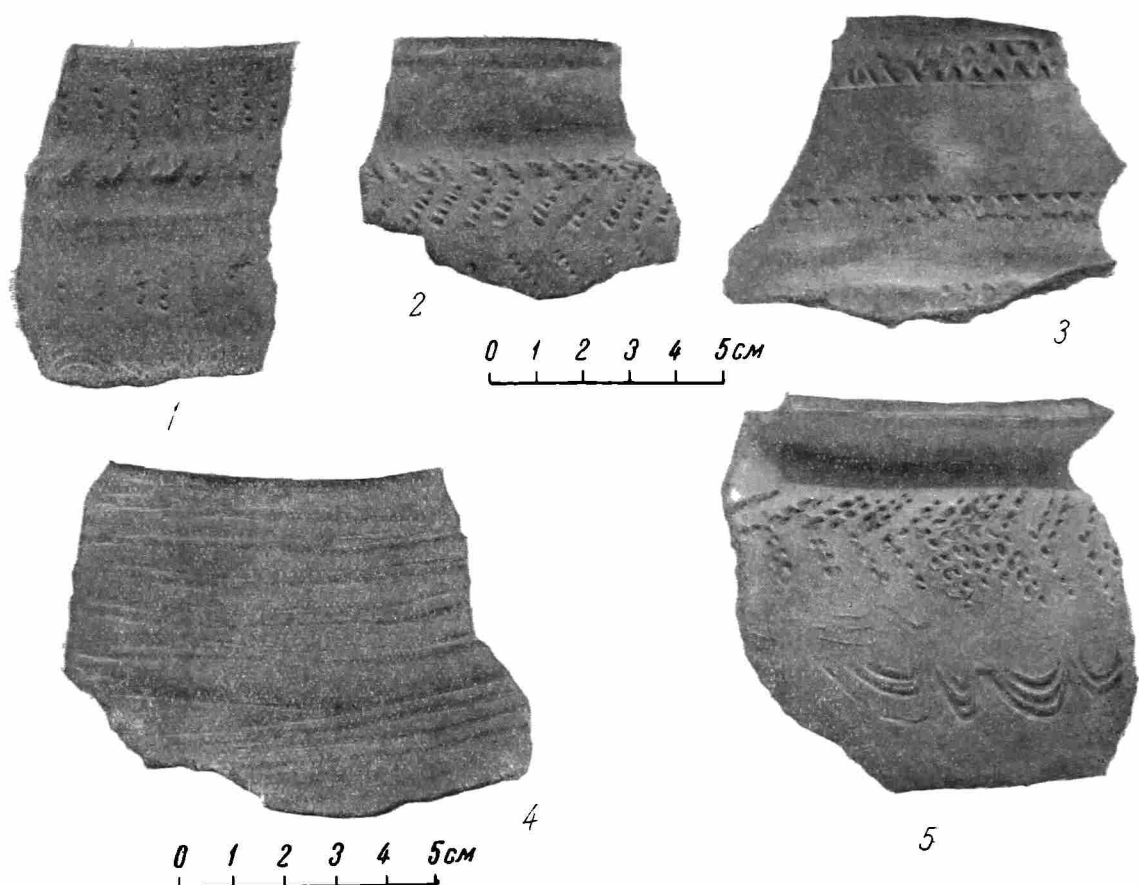

Рис. 12. Ранние формы славянской керамики, сделанной на круге, со Старорязанского городища.

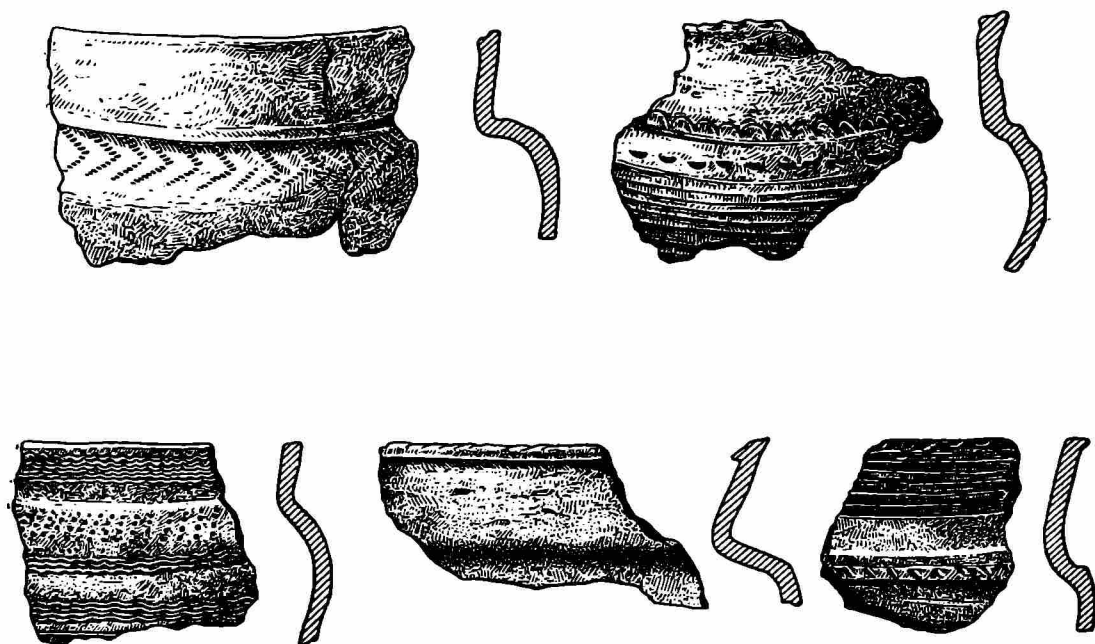

Рис. 13. Ранние формы славянской керамики, сделанной на круге, со Старорязанского городища.

семилопастные височные кольца, ажурные (решетчатые) перстни, круглые хрустальные бусы, пластинчатые браслеты¹. Эти характерные для племени украшения встречаются в деревенских курганах XII—XIV вв. Рязанской земли. Встречены они и на городище Старой Рязани. Еще в 1937 г. П. Н. Третьяков высказал сомнение в том, что курганные древности XI—XIV вв. можно связывать с племенами «Повести временных лет»², так как в это время племена как таковые уже не существуют. Возражавшие ему указывали на консервативность племенных нарядов и на то, что этнографические пережитки былого разделения племен могли сохраняться уже в период исчезновения самих племен. Во всяком случае не только украшения, приписываемые вятичам, свидетельствуют об их присутствии на среднем течении Оки, но и указания летописей. Ермолинская летопись, сообщая о происхождении вятичей от Вятка, говорит: «И седоша ту и прозвашася Рязанци»³; Львовская летопись: «А Вятко по Оце, от него же прозвашеся Вятичи, иже есть Рязанци»⁴; Тверская летопись: «И от него прозвашася Вятичи и до сего дне, еже есть Рязанци»⁵. Правда, эти летописи поздние. Но и более ранние летописи, хотя и не дают таких прямых указаний на расселение вятичей в Рязанской земле, все же определенно помещают вятичей на Оке. «Повесть временных лет» определяет территорию вятичей лишь в общих чертах, указывая, что вятичи жили «по Оце», и ограничивает ее лишь указанием, что по «Оце реце, где потече в Волгу», т. е. по нижней Оке, лежали области муромы, черемисы и мордвы. Упоминание о вятичах в Ипатьевской летописи также не исключает среднее течение Оки. отождествление вятичей с рязанцами, которое мы встречаем в поздних летописных сводах, вовсе не противоречит данным более ранних летописей. Следовательно, материалы курганов XII—XIV вв. также свидетельствуют о том, что славянское племя, колонизовавшее среднее течение Оки, было вятичами. Вятческие курганы уходят далеко на восток. В пределах Рязанского края, по правому берегу р. Оки, они доходят до Старой Рязани. На городище Старой Рязани найдены семилопастные височные кольца (рис. 14), хрустальные бусы, решетчатые перстни. В XII—XIV вв. в таком большом городе, каким была Старая Рязань, в центре большого княжества, конечно, не может быть и речи о преимущественно вятческом племенном составе населения. Если Старая Рязань и была племенным центром вятичей, то этого положения никак нельзя обосновать материалами XII—XIV вв. Но эти поздние материалы привлечены лишь как косвенные доказательства того, что племя, колонизовавшее в X в. среднее течение Оки, было вятичами.

Встретившись здесь с древним местным населением — мордвой-эрзей, вятичи частично ассимилировали и вытеснили ее. В названии главного города Рязани сохранилось древнее племенное имя эрзи. Эту мысль высказывали исследователи рязанских древностей еще в XIX в.⁶ Впер-

¹ А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, VIII, стр. 333—334; А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

² См. его дискуссию с А. В. Арциховским. СА, IV, 1937 (П. Н. Третьяков. Расселение древнерусских племен по археологическим данным; А. В. Арциховский. В защиту летописей и курганов).

³ ПСРЛ, XXIII, стр. 2.

⁴ ПСРЛ, XX, стр. 42.

⁵ ПСРЛ, XV, стр. 23.

⁶ Впрочем о происхождении слова «Рязань» было высказано множество различных предположений. Его производили и от глагола «резать» и сблизжали с монетами «резанам», и от слова «ряса» — топь, болото (Чтения ОИДР, 1846, III — «Опыт простонародного словотворчества» Макарова). Иловайский писал: «Вероятнее всего сблизжение этого названия с местным словом «ряса», которое означает топкое, несколько

вые подробно обосновал это мнение Н. Любомудров, который писал, что слово Рязань принято русскими от мордвы, одна из ветвей которой зовет и сейчас себя эрзя в отличие от мокши¹. Эту точку зрения поддержал такой знаток-филолог, как А. А. Шахматов². Филологическое сродство слов «эрзань» и «Рязань» несомненно. «Рязань» — ославяненная форма слова «эрзань», так как в русском языке часта перестановка гласных, чтобы избежать стечения двух согласных. Кроме филологического сродства этих слов, доказательством происхождения слова «Рязань» от эрзяни-эрзи

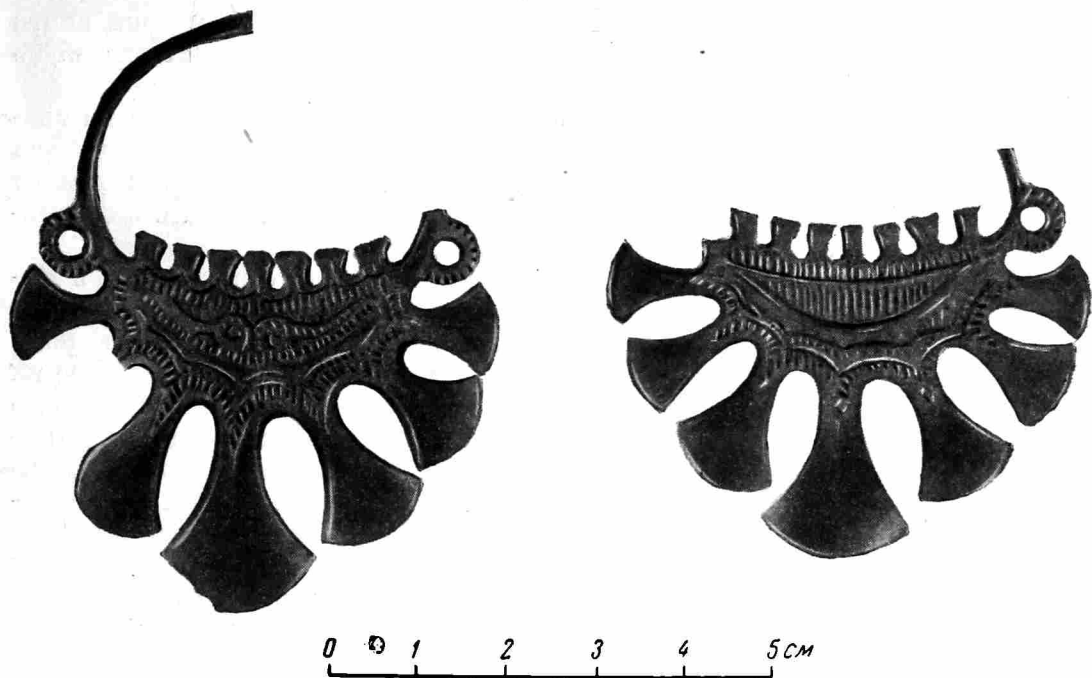

Рис. 14. Семиплостные височные кольца, найденные в жилище на Старорязанском городище (раскоп 14, 1950 г.).

является факт исторических связей мордвы с Рязанской землей, а также то, что город Рязань возник на месте мордовского поселка, вероятно, передавшего славянскому городу свое племенное имя.

В археологических материалах из Старой Рязани прослеживаются связи русского населения с чудским. Даже в поздних слоях XI—XII вв. встречаются шумящие привески, трапециевидные и треугольные привески, привески лапчатые, сюльгамы, пряжки (рис. 15)³. Иногда они относятся

болотистое место, обыкновенно заросшее мелким кривым лесом или кустарником. В связи с этим корнем находятся имена нескольких Ряс (реки в южной части Рязанской губернии), города Рязка и, наконец, Рязани» (Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества, 1858, стр. 23). Нигде в летописях нет корня «ряс», а везде «Рез», «Ряз». Название реки «Ряса» известно не ранее XVI в., да и лежит Рязань слишком далеко от Рясы, чтобы она ей передала свое имя. В смысле «топи», «болота» было бы странным применение этого слова к Рязани, лежащей на высоком берегу с сухой песчаной почвой. Чертков почему-то считал Рязань южнославянским словом и приводил в числе географических названий, прототипы которых якобы встречаются у дунайских славян (Историч. сборник Погодина, VI, примеч. 164).

¹ Н. Любомудров. Исследование о происхождении и значении имени Рязань. М., 1874.

² А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919.

³ Некоторые чудские вещи встречаются в поздних славянских погребениях довольно далеко от мест их первоначального распространения. Так, например, в вятич-

к древним типам, возможно добытым в близлежащем могильнике и вторично использованным, иногда же являются вещами, изготовлявшимися в Старой Рязани для дальних соседей — мордвы, муромы. Таково, например, открытое в землянке ремесленника (в 1950 г.) производство мордовских накосников (рис. 16) или находка литейной формы для изготовления шумящих привесок. Находка подвесок, в виде полой птички и круглых пряжек с завернутыми в трубочки концами, в погребениях свидетельствует о существовании этих украшений в среде населения Старой Рязани, а не только в ремесленном производстве.

К сожалению, другие города Рязанской земли археологически почти не исследованы, поэтому трудно говорить о наличии подобных связей по материалам других городов.

Если мордва оказала лишь в очень слабой степени влияние на славян, то обратное влияние даже в районах, где древняя мордва не обрусела полностью, сказалось в очень сильной степени. Мордва восприняла от русских древние формы костюма, жилья и других сторон быта и в отдельных случаях сохранила их почти до наших дней.

В чем же заключался процесс исчезновения чудского населения в Рязанской земле? Кроме культурного воздействия более передового славянства на несколько отставшую в своем развитии чудь, решающую роль играла феодализация страны. Процесс ассимиляции протекал быстрее на тех землях, которые были старыми земледельческими районами и которые феодалы захватывали в первую очередь. В процессе закрепощения ранее свободного общинника последний утрачивал свои племенные черты в наряде, в обряде погребений и других обычаях. Это облегчалось тем, что феодализация шла об руку с насильственной христианизацией. Экономическое давление сильной Киевской державы содействовало стиранию этнических особенностей местных племен; они вливались в массу вятичских и других русских закрепощаемых крестьян, недавно свободных общинников, смешивались с ними, передавая им некоторые особенности своего племенного наряда или внося свои черты в антропологический тип, но воспринимая основные черты культуры и, главное, — язык славянства. Этот процесс ассимиляции был совершенно ясен для историков. Они понимали, что исчезнувшие чудские племена приняли участие в образовании великорусской народности¹. Что касается Рязанской земли, то археологические, этнографические, антропологические данные с несомненностью показывают, что часть чудских племен была настолько ассимилирована, что

ской курганной группе XII в., у подмосковного с. Черемушки, встречен чудской пружинный проволочный медный перстень (И. В. Савако в. Курганы у с. Черемушки. Сборн. научн. студ. работ историч. факультета МГУ, в. XI, стр. 97).

¹ Об этом писали Н. М. Карамзин (История государства российского, т. I, гл. 2, примеч. 74), С. М. Соловьев (История России с древнейших времен, изд. 3-е «Общ. польза», кн. I, т. I, гл. I, стр. 11), С. В. Ешевский (Русская колонизация северо-вост. края, ч. III, М., 1870, стр. 612), К. Н. Бестужев-Рюмин (Русская история, I. СПб., 1872, стр. 64), В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов.

В 1929 г. против этой точки зрения выступил Д. К. Зеленин, доказывавший, что финны были вытеснены со старых мест поселения, но не ассимилированы русскими (Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности? Сборник Ленингр. о-ва исследователей культуры финно-угорск. народностей, т. I. Л., 1929). Его доказательства были методологически и фактически ошибочны. Он полностью игнорировал археологические материалы и вообще отвлекался от древних исторических процессов, беря лишь поздние этнографические данные. В развернувшейся по этому вопросу дискуссии Д. К. Зеленин остался в одиночестве. С. П. Толстов (К проблеме аккультурации. «Этнография», 1930, № 1—2) очень ярко показал, что только исторический подход к проблеме аккультурации, в том числе рассмотрение этого процесса и как социального, может дать правильный ответ на поставленный Д. К. Зелениным вопрос.

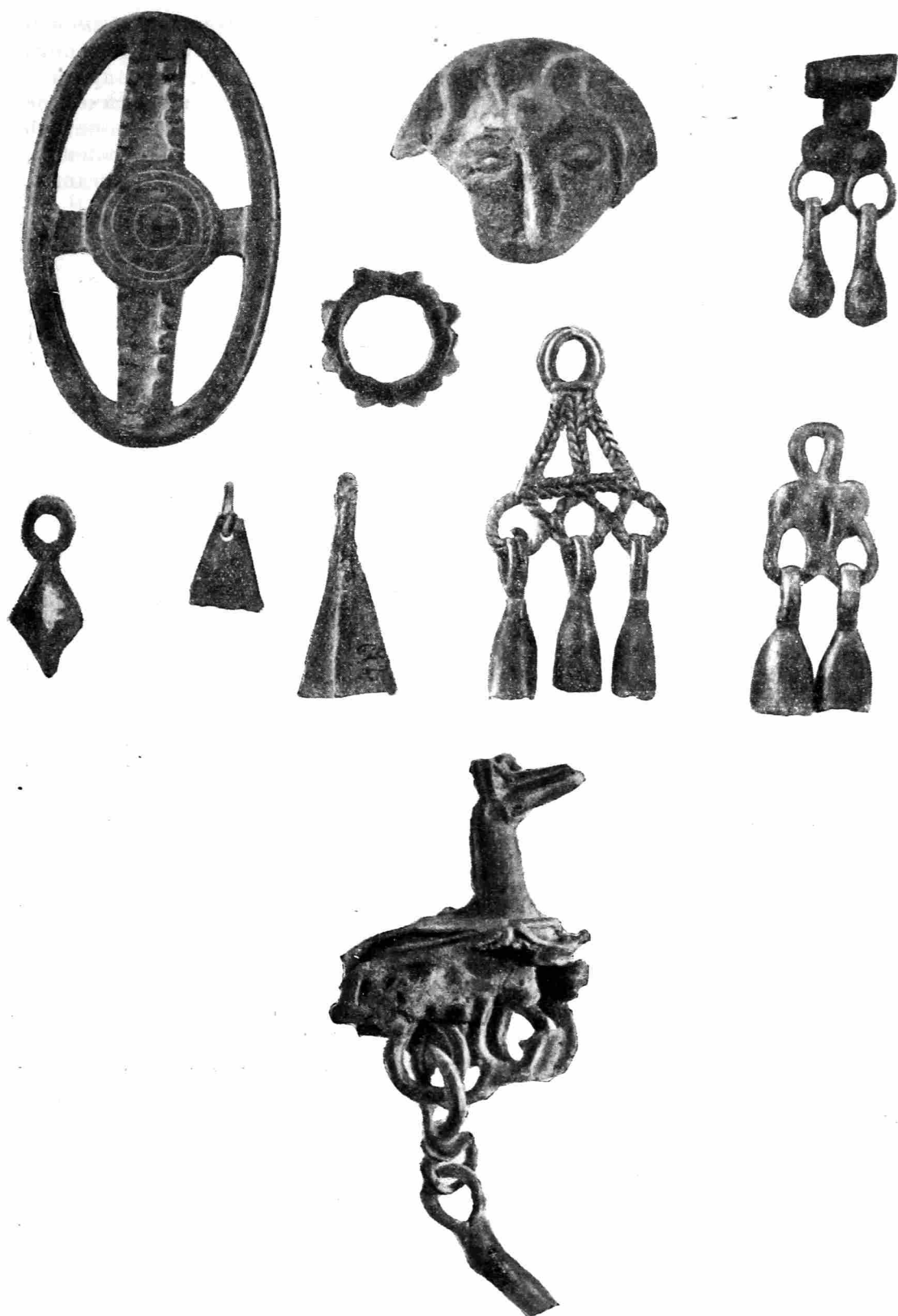

Рис 15. Чудские вещи из находок на Старорязанском городище.

исчезла совершенно, оставив память о себе лишь в названиях племен и в археологических памятниках. Это был процесс этнического поглощения, а не вытеснения. В землях, колонизованных кривичами, этот процесс протекал медленнее и потому здесь дольше сохраняются этнографические особенности чудских племен. В свою очередь эти племена успевают оказать некоторое влияние на костюмы и вкусы местного славянского населения, ярким примером чего являются находки во Владимирских курганах.

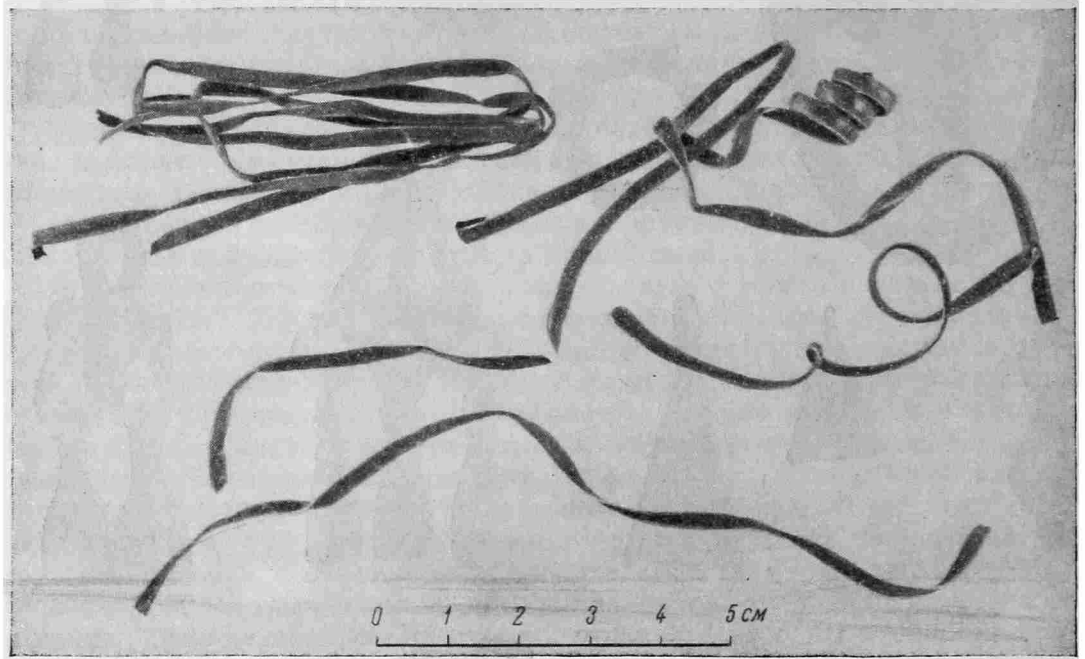

Рис. 16. Заготовки медных полосок для изготовления наконечников. Старая Рязань, 1950 г., землянка Б, раскоп 3.

Антропологическая близость вятичей и мордвы наблюдалась еще Чепурковским¹. Новейшие работы по антропологии подтверждают это². Этнографическая литература отмечает близость народного костюма русских в Рязанской губернии и соседней мордвы, отчасти объясняемую очень древними связями. В южных уездах Рязанской губернии мужской костюм совершенно подобен мордовскому и марийскому. Общи с чудскими нарядами и бисерные украшения рязанцев. Об очень древних связях с мордвой и мещерой говорят лапти мордовского типа с курками и черные онучи — завой³. Одни элементы этой общности должны быть отнесены за счет явлений поздних, — например, общность бисерных украшений, другие — за счет очень ранних, возможно восходящих к общему источнику, а не являющихся результатом взаимных влияний⁴. Но некоторые элементы

¹ Е. М. Чепурковский. Географическое распределение форм головы и цветности крестьянского населения Великороссии. ИОЛЕАЭ, т. СХХIV, в. 2; е го же. Очерки по общей антропологии, Владивосток, 1924.

² См. Материалы по антропологии Восточн. Европы. «Уч. записки МГУ», в. 63, 1941.

³ Н. И. Лебедева. Материалы по народному костюму Рязанской губернии. «Труды о-ва исследователей Рязанского края», в. XVIII, Рязань, 1929.

⁴ С. П. Толстов. Ук. соч.

общности являются результатом встречи, длительного соседства и взаимного влияния, возникшего еще в древности. Археологические материалы также, как мы видели, не подтверждают тезис о полной разобщенности вятичей и мордвы. Очевидно, в отличие от кривичей, вятичи оказали более сильное влияние на своих соседей и отдельные ветви мордовского племени обрусели так быстро, что обратное влияние сказалось в очень незначительной степени.

В. О. Ключевский писал: «Вопрос о взаимодействии Руси и чуди, о том, как оба племени, встретившись, подействовали друг на друга, принадлежит к числу любопытных и трудных вопросов нашей истории»¹. Ю. В. Готье отмечал, что «вопрос этот не разрешен до сих пор, и мы продолжаем спрашивать себя, была ли тут борьба, оттеснение или ассимиляция?»²

Изложенное выше, мне думается, доказывает, что для решения вопроса большое значение будут иметь археологические данные.

В. В. СЕДОВ

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ
ЗЕМЕЛЬ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА (IX—XIV ВВ.)

Изучение многоплеменного состава населения Новгородского государства может дать большие возможности как для решения важнейших исторических вопросов, связанных с формированием русской народности, взаимоотношением славянских племен с финноязычными племенами, с образованием многонационального государства, так и для создания истории каждой народности, входившей в состав Новгородского государства, и решения вопросов происхождения этих племен и народностей.

Настоящая работа по территории охватывает северо-западные земли Великого Новгорода¹, наиболее богатые археологическими памятниками, но совершенно не изученные в этническом отношении.

Полная неизвестность археологических памятников времени до IX в. н. э. в северной половине северо-запада и неизученность археологического материала первых веков II тысячелетия н. э. не позволили излагать историю этнической жизни северо-запада в хронологической последовательности. Поэтому первая часть работы посвящена изучению археологического материала первых столетий II тысячелетия н. э., а затем уже кратко излагается этническая история северо-западных земель Великого Новгорода, начиная с середины I тысячелетия н. э. и кончая серединой II тысячелетия н. э.

В 70—80-е годы прошлого столетия на Ижорском плато Л. К. Ивановским было раскопано свыше 5500 курганов. Встал вопрос об определении этнической принадлежности населения, оставившего эти многочисленные погребения. Отсутствие каких-либо указаний на расселение води и ижоры и о северо-западной границе славянских племен в письменных источниках полностью возлагало на археологию восстановление племенной карты северо-западных земель.

Исследователь этих курганов Л. К. Ивановский² не высказал какого-либо мнения об этнической принадлежности их, отложив решение этого вопроса до того времени, когда будут раскопаны одновременные курганы в Приильменье. В 80-е годы он предпринимает ряд разведыватель-

¹ За границы северо-западных земель Великого Новгорода приняты: южный берег Финского залива, р. Нарва, Чудское озеро, далее — линия юго-восточный угол Чудского озера — г. Новгород — исток р. Невы, и по р. Неве до Финского залива.

² Известия РАО, тт. 8 и 9, СПб., 1877; Записки РАО, т. I (новая серия), СПб., 1886; Отчет АК за 1893 г., СПб., 1893, стр. 94—95.

ных поездок на верхнее течение р. Волхова, но не обнаруживает там курганов.

А. А. Спицын, после смерти Л. К. Ивановского обработавший и издавший этот богатый курганный материал, без большого колебания признает абсолютное большинство раскопанных курганов славянскими¹. Однако одновременно он отмечает, что курганы Ижорского плато отличаются от приильменских сравнительным обилием нагрудных и поясных подвесок², на основании чего некоторые из раскопанных курганов могут быть отнесенными к води³. В другом месте А. А. Спицын считает, что водские древности должны удовлетворять двум условиям: во-первых, по типам украшений должны быть близкими к предметам украшений эстов и еми; во-вторых, должны быть территориально близки к району, занимавшемуся водью во второй половине XIX в.⁴

Среди курганов, раскопанных Л. К. Ивановским, таким условиям удовлетворяют 2 группы: при деревнях Войносово и Мануилово, которые А. А. Спицын и считает водскими⁵. Раскопанные в 1898—1901 гг. В. Н. Глазовым курганы и могильники в б. Гдовском уезде А. А. Спицын полностью относит к славянским⁶.

На рубеже XIX и XX вв. вопросом об этническом составе населения, оставившего многочисленные курганы на Ижорском плато, много занимался Н. К. Рерих, раскопавший сам не одну сотню курганов.

Результаты исследований Н. К. Рериха сводятся к следующему. Анализ курганного инвентаря и изучение погребального обряда склоняют к заключению, что большинство раскопанных на Ижорском плато курганов является славянскими. Несколько позже, учитывая некоторую территориальную обособленность курганных групп у деревень Дятлицы и Гостицы и неустановившийся ритуал (каждый из 11 раскопанных Н. К. Рерихом курганов у д. Дятлицы имел в своем строении особенности), Н. К. Рерих относит их к местному финскому племени, перенимавшему курганный погребальный обряд от соседей — славян⁷.

Вопрос о славянском происхождении 7000 курганов б. С.-Петербургской губернии Н. К. Рерих никогда не считал окончательно решенным: «...однообразного состава, единоплеменного происхождения нельзя искать среди предметов из курганных насыпей С.-Петербургской губернии, исследование которых еще никак нельзя считать законченным»⁸.

Воспользовавшись нерешенностью вопроса об этнической принадлежности курганов б. Петербургской губернии, финские ученые, без достаточных оснований, объявили, что все эти курганы принадлежат финским племенам. Еще в 1875 г. И. Р. Аспелин в числе намеченных им восьми финно-угорских групп называет ингерманландскую группу, относя к

¹ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, СПб., 1896, стр. 36—37 (в дальнейшем — МАР, № 20).

² А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологич. данным. ЖМНП, СПб., 1899, VIII, стр. 331.

³ МАР, № 20, стр. 37.

⁴ Водь занимала несколько селений в районе нижнего течения р. Луги. См. «Список селениям, обитаемым водью (Watialaiset) или т. н. чудью в 1848 г.». ЖМНП, СПб., 1851, LXX, стр. 100—146.

⁵ МАР, № 20, стр. 48—49.

⁶ А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29, СПб., 1903 (в дальнейшем — МАР, № 29).

⁷ Н. Рерих. К древностям валдайским и водским. ИАК, т. I, СПб., 1901, стр. 60—68.

⁸ Н. Рерих. На раскопке в Водской пятине (СПб. губ.). «Новое время», 16/28 июня 1899 г., стр. 2.

последней все раскапывавшиеся Л. К. Ивановским курганные насыпи¹. С такой же позиции составлен им известный атлас финно-угорских древностей². А. М. Тальгрэн считал все курганы Ижорского плато водскими³.

Такого же мнения придерживался в 1929 г. Х. Моора⁴. К этому заключению присоединялся и В. И. Равдоникас, считавший все курганы и жалыники Ижорского плато водскими⁵.

«Есть ли среди них (курганов, раскопанных Л. К. Ивановским. — В.С.) насыпи с погребениями воды, и в какой мере, это должно выясниться... также... путем антропологических изысканий», — писал А. А. Спицын⁶, надеясь на совместное разрешение вопроса о племенном составе северо-запада. Однако антрополог Петри о черепах из раскопок Л. К. Иванова и Н. К. Рериха сказал, что нет никаких признаков, по которым антрополог мог бы отнести их или к славянам, или к финнам⁷.

Изучение курганного материала XI—XIV вв. и картографирование его позволяют заключить, что население северо-запада, оставившее многочисленные курганы, делилось на две группы, различные территориально и различающиеся между собой женскими украшениями: височными кольцами, ожерельями, орнаментацией вещей.

Первая группа населения занимала южные и центральные районы северо-запада: полностью б. Новгородский и Лужский уезды, южную и центральную части Ижорского плато и южную половину б. Гдовского уезда. Особенностью второй группы населения северо-запада являлась территориальная разбросанность. Ее части размещались в северо-восточной части б. Гдовского уезда, в северо-западной и северо-восточной частях Ижорского плато и на крайнем юго-востоке того же плато, в окрестностях д. Ново-Сиверской. Немногочисленные отдельные поселения этой группы находились за рекой Нарвой (северо-восточная часть Эстонской ССР) и в области, заселенной первой группой. Помимо того, главным образом в пограничных районах, имелись единичные населенные пункты со смешанным населением.

Из височных украшений для первой группы населения характерны браслетообразные и ромбоцитковые кольца. Принадлежность их славянам вне всякого сомнения. А. А. Спицын считал их характерными для двух славянских племен — кривичей и словен новгородских⁸, А. В. Арциховский же ромбоцитковые височные кольца⁹ относит к характерным украшениям новгородских словен, а браслетообразные кольца считает кривичскими украшениями¹⁰.

¹ Suomalais-Ugrilaisen Muinaistutkinnon Alkeita Kirjoittanut. J. R. Aspelin. Helsingissä, 1875; Филиппов. Основы финно-угорской археологии И. Р. Аспелина. «Вестник общества древнерусского искусства при Московском публичном музее», 1876, № 11—12, стр. 97—98.

² J. R. Aspelin. Antiquités du nord finno-ougrien. Helsingfors, 1880—1884.

³ A. M. Tallgren. Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du nord. ESA, III. Helsinki 1928, стр. 20—21.

⁴ H. Moora. Wotische Altertümer aus Estland. ESA, IV, Helsinki, 1929, стр. 272—283.

⁵ В. И. Равдоникас. Ижорский могильник в Красногвардейске. СГАИМК, 1932, № 11—12, стр. 24—31.

⁶ МАР, № 20, стр. 37.

⁷ Дело ИАК о разрешении Н. Рериху производства раскопок в Петергофском уезде СПб. губ. Архив ИИМК, дело 54/1897, лист 18.

⁸ А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, СПб., 1899, VIII, стр. 58—59.

⁹ Овальоцитковые кольца включены в тип ромбоцитковых.

¹⁰ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 58—59.

Автором настоящей работы была сделана попытка разделить славянские курганы на кривичские и словенские на материале из северо-западных земель Великого Новгорода. Результаты получились отрицательные. На материале только северо-западных курганов отделить кривичские погребения от словенских нельзя: области распространения браслетообразных и ромбошитковых колец почти совпадают друг с другом; оба типа височных колец несколько раз встречены совместно при одном погребенном; все типы украшений, находимые с ромбошитковыми кольцами, одинаково часто встречаются и с браслетообразными, и наоборот¹. Стеклообразные, позолоченные и посеребренные бусы, считаемые А. В. Арциховским кривичскими, чрезвычайно редки в северо-западных курганах, но и эти экземпляры встречены здесь и с браслетообразными, и с ромбошитковыми височными украшениями. Для окончательного решения вопроса о ромбошитковых и браслетообразных кольцах необходимо привлечь археологический материал всей территории кривичей и словен новгородских.

Повидимому, к первым векам нашего тысячелетия, в результате укрепления экономических связей и государственного объединения, племенное деление славян стиралось. Может быть, браслетообразные и ромбошитковые кольца характеризуют новое этническое объединение, сложившееся из нескольких древних славянских племен: словен новгородских, кривичей, полочан. К этому нужно добавить и внутренние перемещения. Еще в период сопок и длинных курганов происходит территориальное смешение словен и кривичей. Так, в районе верхнего течения реки Плюсы сопки и длинные курганы располагаются попеременно, длинные курганы проникают на среднюю Лугу, в область густого распространения сопок, а сопки в свою очередь — в район Пскова — Изборска, в область первоначально занятую кривичами.

Поэтому население, употреблявшее браслетообразные и ромбошитковые кольца в качестве височного украшения, следует считать словено-кривичским или просто славянским, как оно будет называться ниже.

Другая группа населения северо-запада в качестве височных украшений употребляла многобусенные кольца. Это — провололочные кольца обычно диаметром 4,5—4,7 см (другие размеры встречаются редко), один конец кольца завернут обычно в петлю, другой — расплюсчен, и на нем пробито отверстие. На такое кольцо-стержень надеты одна за другой спаянные из двух половинок гладкие полые металлические бусы числом от 7 до 12².

Ареал распространения многобусенных колец резко ограничен северными районами Северо-западных земель Новгорода. На территории древней Руси, вне северо-запада, не найдено ни одного экземпляра височных колец этого типа³.

¹ При этом надо учитывать хронологическое различие.

² Необходимо отличать многобусенные височные кольца от трехбусенных серег, известных в курганах всех славянских племен. Последние представляют собой провололочные кольца меньшего диаметра, на которых надеты три фиксированные бусы, раздвинутые между собой спиральками. Бусы на них обычно зернистые, плетевые, часто стеклянные или пастовые.

³ А. В. Арциховский (Курганы вятичей, М., 1930, стр. 66) отмечает, что многобусенные кольца дважды встречены в вятичских древностях: д. Кузнецовка, курган № 3 (прил. 96) и д. Мякинино, курган № 10 (прил. 132).

Но кольцо из кургана № 10 при д. Мякинино имеет 5 фиксированных, раздвинутых спиральками, бус и, несомненно, должно быть отнесено к типу трехбусенных. Кольцо же из кургана № 3 у д. Кузнецовка, с тремя половинками нешарообразных бус, не имеет никакого сходства с новгородскими многобусенными кольцами и также не может быть включено в тип последних.

Кроме северо-западных земель Великого Новгорода, многобусенные кольца найдены лишь в четырех местах: в трех могильниках северо-восточной части Эстонской ССР¹ и один раз в могильнике западнокарельской культуры². Многобусенные височные кольца ни разу не встречены в погребениях совместно с ромбоцитковыми и браслетообразными кольцами.

Прежде чем перейти к характеристике других типов украшений, характерных для каждой выделяемой группы северо-запада, попытаемся определить, какой народности принадлежат многобусенные украшения и сопутствующие им предметы.

Вообще различие в височных украшениях погребенных может быть объяснено или этническим различием населения, оставившего эти украшения, или хронологическим различием памятников. В данном случае о социальном или возрастном различии погребенных, которыми также иногда вызываются различия в украшениях, говорить не приходится. Простого взгляда на карту достаточно, чтобы отбросить предположение о зависимости этих типов украшений от места их производства.

Территориальная обособленность ромбоцитковых браслетообразных височных колец, с одной стороны, и многобусенных — с другой, не позволяет объяснить различие погребенных хронологическим мотивом.

Впрочем, помимо того, и нет хронологического различия между височными кольцами обеих групп.

Правда, браслетообразные височные кольца относятся к более раннему периоду. Так, А. А. Спицын датирует их XI—XII вв.³ К тому же времени относятся они и в курганах верхнего Поволжья⁴. Ромбоцитковые же кольца, по А. А. Спицыну, на северо-западе начинают свое бытование в XI в. и держатся по XIV в. включительно⁵. Обработка курганного инвентаря Ижорского плато статистико-типологическим методом, произведенная под руководством П. П. Ефименко, позволяет датировать ромбоцитковые височные кольца XI—XIII столетиями⁶.

Время расцвета многобусенных колец — XIII столетие, появляются же они в XII в. и исчезают к концу XIV в.⁷

Таким образом, ромбоцитковые и многобусенные кольца хронологически совпадают; в течение двух столетий бытуют тот и другой типы украшений. При сравнении немногочисленных курганных групп, в которых найдены оба рассматриваемых типа височных колец, можно убедиться лишней раз в невозможности объяснить хронологическим мотивом различие в височных украшениях населения северо-запада. Так, например, в курганной

¹ L o e s c h k e. Die estnische Grabstätte beim Kaltri-Gesinde in Warrol. «Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft in Tartu (Dorpat)». Dorpat, 1887, стр. 105—120; R. H a u s m a n n. Grabfunde aus Mekhof. «Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft in Tartu (Dorpat)». Dorpat, 1906, стр. 114—119; ср. Археологический музей Эстонской ССР (г. Тарту), № 4008.

² С. А. N o r d m a n. Karelska järnaldersstudier. «Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja», XXXIV, Helsinki, 1924. Sordetala (рис. 137).

³ МАР, № 29, стр. 19.

⁴ Т. Н. Н и к о л ь с к а я. Хронологическая классификация Верхневолжских курганов. КСИИМК, XXX, 1949, стр. 31—41.

⁵ МАР, № 29, стр. 19.

⁶ На основании корреляционной таблицы, восстановленной автором по архивным материалам Музея антропологии и этнографии. (Антропологический отдел, приложение к описи № 5548. П. Т р е т ь я к о в. Датировка могильников и погребений из раскопок Л. К. Ивановского 1872—1882 гг.).

⁷ МАР, № 20, стр. 42. Дата А. А. Спицына совпадает с датировкой по корреляционной таблице.

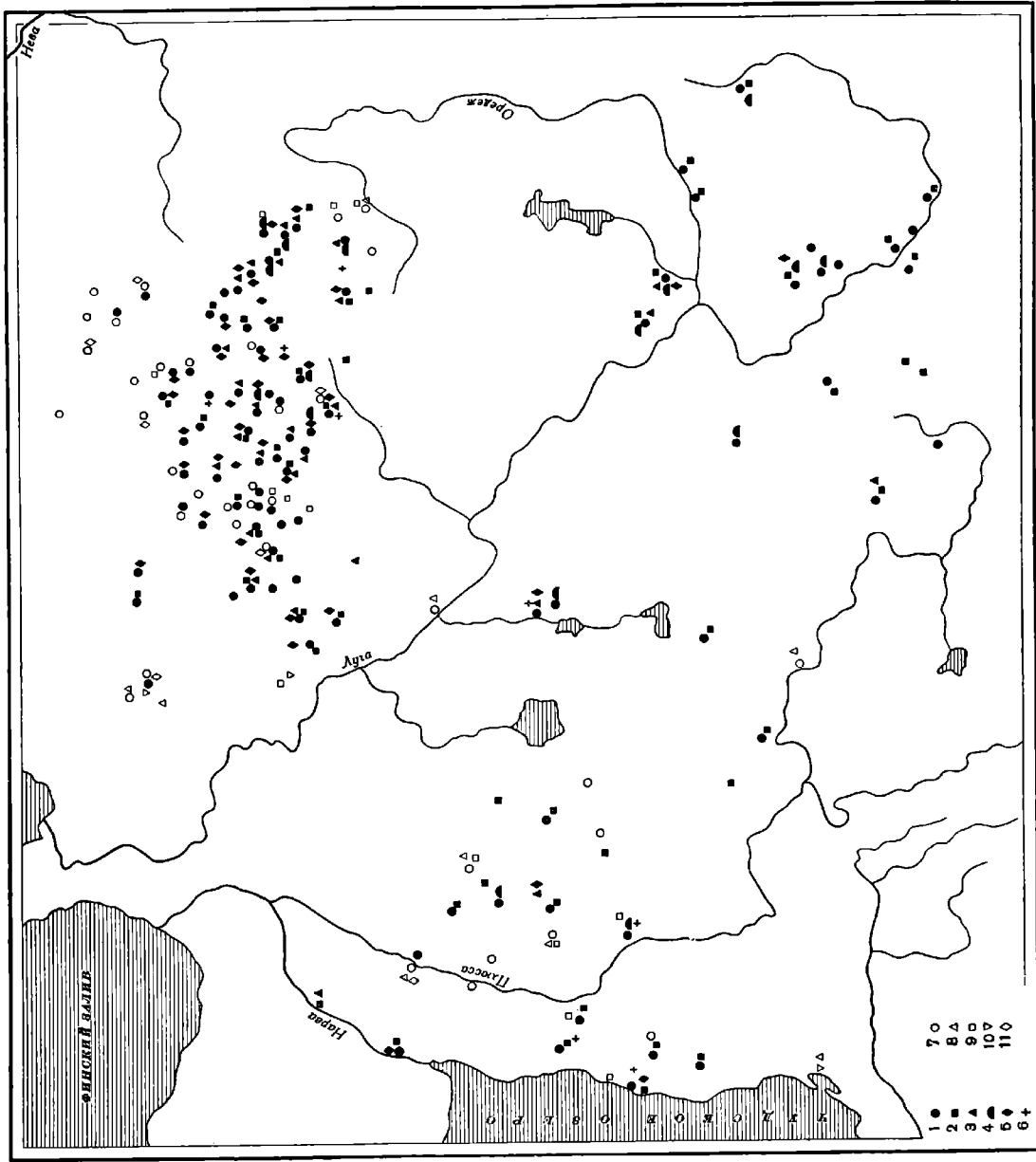

Рис. 1. Топография этнически определенных предметов.

- Славянские: 1 — Ромбшпигельные височные кольца. 2 — Ромбшпигельные височные кольца с шарниром. 3 — Рудные дарты. 4 — Луныны. 5 — Шарнирные височные кольца. 6 — Шарнирные височные кольца с шарниром. 7 — Хрустальные шарообразные бузлы. 8 — Хрустальные шарообразные бузлы. 9 — Шарнирные височные кольца. 10 — Шарнирные височные кольца с шарниром. 11 — Шарнирные височные кольца.
- Восточные: 1 — Ромбшпигельные височные кольца. 2 — Ромбшпигельные височные кольца с шарниром. 3 — Рудные дарты. 4 — Луныны. 5 — Шарнирные височные кольца. 6 — Шарнирные височные кольца с шарниром. 7 — Шарнирные височные кольца. 8 — Шарнирные височные кольца с шарниром. 9 — Шарнирные височные кольца. 10 — Шарнирные височные кольца с шарниром. 11 — Шарнирные височные кольца.

группе при д. Беседа найдено 9 ромбоштитковых и 2 многобусенных височных кольца. Курган № 109, в котором найдены многобусенные височные кольца, относится к XII в. К тому же столетию относится и ряд курганов с ромбоштитковыми кольцами (курган № 31 и 138). В следующем, XIII в. многобусенных колец в этой курганной группе нет, а ромбоштитковидные продолжают бытовать (курганы № 8 и 46).

Если различие в височных украшениях населения северо-запада не может быть объяснено хронологически, то остается лишь признать, что население южных и центральных районов северо-запада, носившее браслетообразные и ромбоштитковые кольца, этнически отлично от населения более северных районов северо-запада, которое употребляло в качестве височного украшения многобусенные кольца¹.

Если браслетообразные и ромбоштитковые кольца являются характерным признаком двух северных восточно-славянских племен, то остается признать, что многобусенные височные кольца принадлежат финскому населению северо-запада (води), известному здесь по летописным сообщениям и, повидимому, перенявшему у своих соседей, славян, курганный погребальный обряд и некоторые типы украшений.

Уже давно замечено, что височные кольца являются наиболее характерным признаком славян. Однако этнографически засвидетельствовано употребление височных колец и народами финноугорской языковой группы. Последние, повидимому, восприняли их у своих соседей. Так, височные кольца известны у финского населения Поволжья. Марийцы, по сообщению Д. К. Зеленина, еще в XIX в. сохраняли употребление височных колец². Имеется также этнографическое свидетельство, позволяющее утверждать, что многобусенные кольца были височным украшением водских женщин.

В курганных группах с многобусенными кольцами в количестве 11 экземпляров найдены височные кольца, относящиеся к концу XIV в.—XV в., типа, совершенно аналогичного с многобусенными, и отличающиеся от последних уменьшением количества бус и наличием после каждой бусины подвешенных на маленьких тонкопроволочных колечках раковин каури³. Несомненно, это височное украшение появляется в результате развития многобусенных колец XII—XIV вв. А. А. Сплицын даже не разделяет их. Дальнейшая эволюция многобусенных колец пошла тем же путем уменьшения, а затем и исчезновения металлических бус и увеличения подвесок — раковин. В таком виде в конце XVIII в. — начале XIX в. этнографы и застали их у води. Так, обрисовывая костюм и украшение водских женщин, один из этнографов сообщает, что вместо серег носят они большие серебряные кольца с подвесками из раковин⁴.

Основой для выделения других типично славянских и типично водских предметов, т. е. предметов, по которым можно определять этническую принадлежность погребенных, послужили топография распространения предметов украшения (см. рис. 1), взаимовстречаемость их между собой и с характерными височными кольцами (приложение 1).

¹ Ниже увидим, что население, употреблявшее многобусенные височные кольца и антропологически отлично от носителей браслетообразных и ромбоштитковых колец.

² Д. К. Зеленин. Общие элементы в древних финских и русских костюмах «Советское финноугроведение», т. I, Л., 1948, стр. 87.

³ О раковинах каури ниже будет сказано особо.

⁴ Дм. Успенский. Ингры, ваты, янгрямя, саволаксы. «Финский вестник», т. II, 1845, отд. IV, стр. 9.

Наряду с браслетообразными и ромбошитковыми височными кольцами к типично славянским предметам отнесены следующие:

1. Рубчатые перстни. А. В. Арциховский, учитывая большое количество их во всех древнерусских курганах и почти полное отсутствие их у неславянских племен, считает эти перстни этнически определяющими для всех восточнославянских племен¹. На северо-западе перстни этого типа ни в одном кургане не встречены совместно с многобусенными височными кольцами, хотя они хронологически совпадают². Топография находок рубчатых перстней не выходит за пределы распространения находок браслетообразных и ромбошитковых колец.

2. Лунницы. Их многочисленные находки, отмечает А. В. Арциховский, одинаково густо располагаются во всех районах восточных славян и почти не встречаются у неславянских народов³. В северо-западных курганах лунницы не встречены ни разу совместно с многобусенными кольцами и с другими типично водскими украшениями. Более того, лунницы совсем не встречены в тех курганных группах, в которых найдено хоть одно многобусенное височное кольцо.

3. Сердоликовые бипирамидальные бусы. А. В. Арциховский на основе статистического изучения этих бус пришел к заключению, что они являются надежнейшим этническим признаком для восточных славян курганного периода⁴. Он датирует их XII—XIV вв.⁵ Появление их следует относить к XI в.⁶ Несмотря на хронологическое совпадение, сердоликовые бипирамидальные бусы совместно с многобусенными кольцами не встречены ни в одном кургане.

4. Хрустальные шарообразные бусы. А. В. Арциховский доказал, что они являются этнически определяющим признаком вятичей⁷. По сравнению с вятичскими курганами в северозападных курганах бус этого типа встречено очень небольшое количество, но все они найдены в славянских курганах, с другими славянскими предметами, и не встречаются в курганах с водскими украшениями.

5. Немногочисленные пластинчатые браслеты с орнаментом, заимствованным от ромбошитковых височных колец⁸. Ареал их распространения полностью совпадает с районом бытования ромбошитковых колец с тем же орнаментом. С водскими украшениями они не найдены.

На рис. 2 изображены славянские и водские украшения.

Кроме многобусенных височных колец, к типично-водским предметам отнесены следующие:

1. Ожерелья из раковин каури или ожерелья с включением этих раковин. Раковины каури получили широчайшее распространение у всех финно-угорских народов.

¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 83.

² Время их определяется XII—XIV вв. (А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 142).

³ Там же, стр. 101.

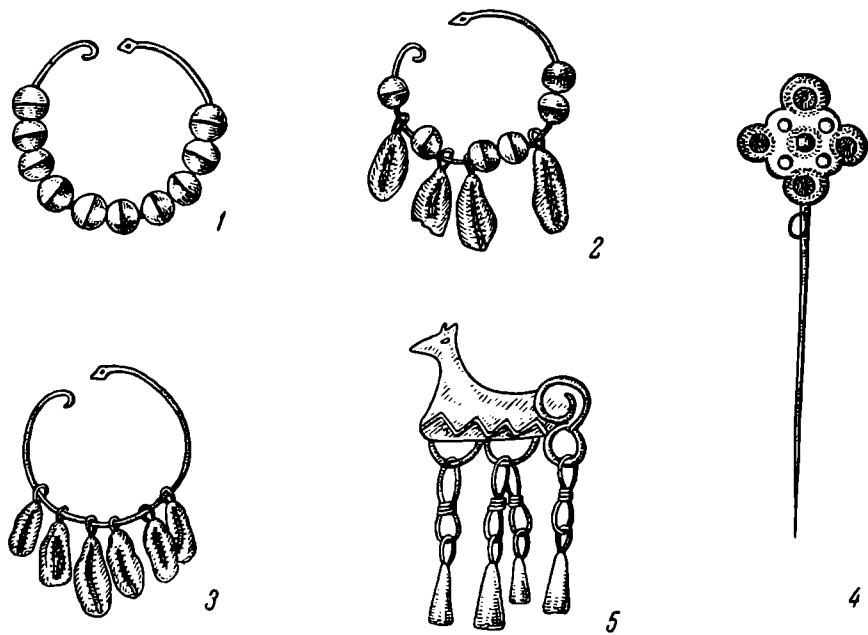
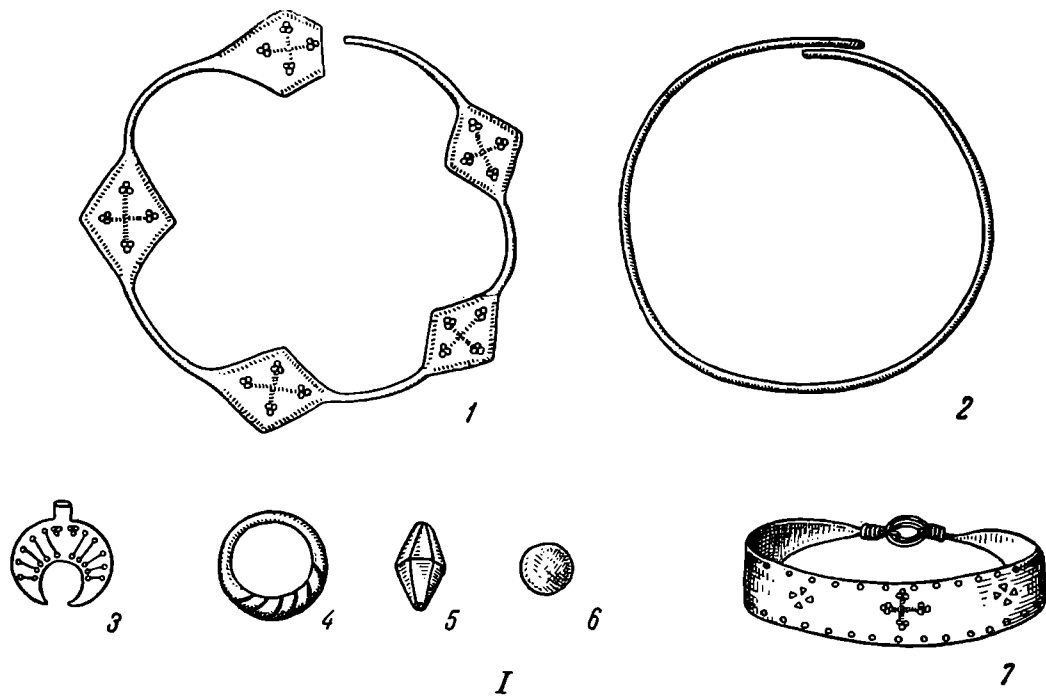
⁴ А. В. Арциховский. Сердоликовые бипирамидальные бусы. «Труды отделения археологии РАНИОН». М., 1926, т. I, стр. 51—54.

⁵ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 139.

⁶ Там же, см. примеч. 4 на стр. 9.— Т. Н. Никольская считает их характерными лишь для 1-й стадии (XI в. и первая половина XII в.) верхневолжских курганов, что, однако, не следует из приведенной ею хронологической таблицы (рис. 4). Из семи помещенных в таблице сердоликовых бипирамидальных бус 4 встречены с вещами 1-й стадии, а 3 находки с характерными предметами — 2-й стадии (вторая половина XII в.— XIII в.); см. КСИИМК, XXX, 1949.

⁷ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 111.

⁸ Штампованный крест с двумя-тремя кружочками на каждом конце.

II

Рис. 2. Славянские и волжские украшения.

«Общезвестно широкое применение в украшениях народов Поволжья раковин каури, — пишет Т. А. Крюкова. — Отдельные обряды, с ними связанные, позволяют предполагать возлагаемые на них магические функции. Исследователи отмечают, например, у марийцев обряд бросания в воду раковин невестой. Раковина с осмыслением ее в качестве оберега, в сопровождении соответствующих обрядов, пришивается на свадебную одежду у удмуртов и бессермян. Существующий у бессермян и удмуртов термин «гырпин» (коренной зуб) для обозначения раковины, раскрывая употребление ее в качестве заменителя настоящего зуба, подтверждает, таким образом, значение ее, как амулета. С тем же термином «гырпин» мы встречаемся в вышивке для обозначения одного из элементов орнаментального узора... вышивке у марийцев имеется термин «кишкэ вуй» — змеиная голова, который одновременно употребляется и для обозначения раковины каури»¹.

Ожерелья чувашских женщин до сих пор состоят из раковин каури, бус и монетообразных привесок. Головные уборы замужних женщин имеют длинные назатыльники, составленные из раковин². Марийские женщины носят ожерелья, составленные из двух рядов раковин каури³, совершенно подобные водским ожерельям, состоящим из нескольких рядов раковин, зарегистрированным этнографами в XVIII в.⁴

Не менее распространено применение раковин каури и у западнофинских народов. Пастор Цетреус, проживший несколько лет в конце XVIII в. среди води, отмечает, что водские женщины носили передники, унизанные раковинами⁵. «Каатери» води, ижоры и мордвы совсем недавно украшались двумя, тремя рядами раковин каури⁶. Широкое употребление раковин ижорой отмечает Георгий⁷. У эстов они широко представлены в средневековых могильниках⁸.

Среди курганных древностей северо-западных земель Великого Новгорода имеется большое количество раковин каури, и все они найдены с другими водскими украшениями и не встречены со славянскими. В древнерусских курганных древностях раковины каури почти не встречаются⁹.

2. Полые подвески — уточки с рельефным зигзаговым орнаментом. Обычно к таким подвескам на колечках привешены колоколовидные при-

¹ Т. А. Крюкова. К вопросу об изучении изобразительного искусства народов Поволжья и Приуралья. «Советское флюиоугроведение», т. IV, Ижевск, 1949, стр. 49.

² Музей этнографии народов СССР. Отдел «Народы Поволжья».

³ Там же.

⁴ Fortgesetzte Nachricht von den Tschuden. Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit. Friedr. Konrad Gadebusch. II Bd., 2 Stück. Riga. 1779—1783, стр. 89—122.

⁵ Цеплин. Нечто о вотландцах. «Северный архив», СПб., 1822, ч. 1, стр. 235—244.

⁶ Tuunivahter. Les «kaateris» chez les peuples finnois pendant l'âge récent du fer. ESA, VII, Helsinki, 1932, стр. 183—194; J. Manninen. Die finnisch-ugrischen Völker. Leipzig, 1932, стр. 88.

⁷ И. Г. Георгий. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, стр. 23—25.

⁸ Археологический музей Эстонской ССР (г. Тарту).

⁹ Одна раковина найдена в вятичском кургане (Н. И. Булычев. Раскопки по среднему течению р. Угры. «Записки Московского археологического института», М., 1913, т. XXXI, рис. 15; А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 100) и несколько раковин — в кургане № 16 близ Ретенского озера (б. Лужский уезд; Ф. Шпигунков. Отчет о раскопках 36 курганов в Лужском уезде. «Труды Псковского археологического общества», в. 10, Псков, 1913, стр. 43—44).

вески или гусиные лапки. Их угро-финское происхождение, пожалуй, не вызывает сомнения. А. И. Колмогоров отмечает, что они широко распространены по всей территории, некогда занимавшейся финно-угорскими народами. «Уточка» — обычный ласкательный эпитет финской мифологии. В Калевале утке приписывается огромная роль: из ее яйца был создан мир»¹. П. Н. Третьяков считает, что сначала эти подвески бытуют в финских раннеокских могильниках и к началу II тысячелетия н. э. распространяются там, «где идеологическая почва для этих изображений сложилась ранее»². Ареал их распространения ограничен районами, занимаемыми племенами финно-угорской системы: весь³, ливы⁴, меря⁵, воль и восточные финны.

3. Булавки с крестообразными и другими головками. Булавки с крестообразными головками в огромном количестве найдены в погребальных памятниках на территории Эстонской ССР и считаются этнически характерным украшением эстов средневекового периода⁶. В северо-западных курганах найдены лишь 4 экземпляра булавок этого типа, все в курганных группах с типично водскими украшениями. Только в тех же курганных группах найдены и другие типы булавок. В славянских древностях булавки северо-западных типов не встречаются, зато они, помимо этских древностей, имеют ближайшие аналогии в могильниках западно-карельской культуры и Суми⁷.

4. К водским украшениям нужно отнести и следующие, найденные в небольшом количестве, предметы: нагрудные цепочки ливского типа⁸, фигурные цепедержатели, совершенно сходные с ливскими и курскими⁹, различные типы чудских шумящих привесок, привески в виде петли с изогнутыми концами, украшенными спиралями¹⁰, и единичные экземпляры предметов с орнаментом, который распространен среди мокшанских мордвинов¹¹. У ижоры этот мотив довольно част на национальной одежде «хурстуксет»¹². Мордовские «каатери» нередко имеют такую вышивку¹³. Тот же мотив встречен в виде гончарного клейма на мерянских горшках¹⁴.

Остальной курганный инвентарь не может быть привлечен для этнического определения погребенных, так как более или менее равномерно распределен по всему северо-западному району Новгородской земли и одинаково встречается как с характерными славянскими, так и с водскими украшениями.

¹ А. И. Колмогоров. Тихвинские курганы. Тр. XV АС в Новгороде в 1911 г., т. I. М., 1914, стр. 426—427.

² П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, т. X, в. 6—7, стр. 25.

³ Бранденбург. Курганы южного Приладожья. МАР, № 18, табл. 3, рис. 9, 12, 14, 18; табл. 7, рис. 7; ср. ИГАИМК, № 24, М.—Л., 1934, табл. 9, рис. 11; табл. 15, рис. 35.

⁴ Katalog der Ausstellung zum X. Archäol. Kongress in Riga. Riga, 1896, 18 : 20.

⁵ П. Н. Третьяков. Ук. соч., табл. III, рис. 30, 31, 32.

⁶ А. М. Tallgren. Zur Archäologie Eestis, II. Dorpat, 1925, стр. 79.

⁷ Hjalmar Appelgren. Suomen Muinaislinnat. Helsingissä, 1891, рис. 137, 150.

⁸ МАР, № 29.

⁹ J. R. Aspelin. Antiquités du nord finno-ougrien. Helsingfors, 1880—1884, рис. 1988 и 2055.

¹⁰ МАР, № 16, табл. 4, рис. 5.

¹¹ А. О. Гейкель. О народном орнаменте финских племен. «Труды Второго областного тверского археологического съезда 1903 г.», Тверь, 1906, стр. 123—125.

¹² Н. П. Прыткова. Одежда ижор и води. «Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР», т. XVI, Л., 1930, стр. 317—318.

¹³ J. Maaninen. Eesti Rahvariiete-Ajalugu. ERMA, III, Tartu, 1927, рис. 38.

¹⁴ П. Н. Третьяков. Ук. соч., табл. 4, рис. 5.

Попытки привлечь для этнических выводов подробности курганного ритуала оказались пока безуспешными¹. Картографирование типов погребений не позволяет наметить особые области для каждого типа. Все типы труположений в курганах — на материке, на зольной прослойке, на подсыпке из белого песка над материком, в грунтовой яме, сидя и т. п. — более или менее равномерно распространены по всему северо-западу². Помимо того, обычно и внутри курганных групп насыпи отличны по своему устройству. Ничего не получается и при рассмотрении погребального обряда в связи с этнически определяющими предметами украшений. Такая разбросанность и многообразие типов погребальных обрядов вполне объяснимы. Погребальные типы ведут свое начало со времени, когда «живяху каждо со своим родом». Рассматриваемые же курганы относятся ко времени, когда родовые и племенные объединения сошли уже с исторической арены. Типы погребений, повидимому, оказались более живучими. Если учесть, что на северо-западе в конце I тысячелетия н. э. происходили перемещения населения (в частности, как будет показано ниже, Ижорское плато, имеющее около 6000 курганов, было заселено славянами на рубеже I и II тысячелетий н. э.), становится понятной причина такого многообразия и такой разбросанности погребальных обрядов.

Разобраться в таком многообразии и разбросанности типов погребального ритуала, мне кажется, можно, но лишь после того, как будут тщательно изучены погребальный обряд и инвентарь всей территории северных восточнославянских племен.

После выделения этнически определяющих предметов и небольшого замечания по поводу погребальных обрядов остается определить этническую принадлежность каждого погребального памятника в отдельности.

Те группы, где найдены исключительно этнически определяющие славянские украшения, отнесены к славянам, группы же погребений исключительно с водскими украшениями отнесены к водским (см. приложения 2 и 3 и рис. 3).

Этническое определение других групп сделано посредством рассмотрения инвентаря каждого кургана (см. приложения 4 и 5).

* * *

Узкая полоса по южному побережью Финского залива и бассейны рек Ижоры и Невы не имеют курганных кладбищ. Зато здесь известно

¹ Типы погребального обряда для более чем 5500 курганов, раскопанных Л. К. Ивановским, не получили фиксации, что также сказалось при этой попытке.

² Речь идет о курганном и обычном жальничном обряде. Так называемые перегородчатые могилы должны быть отнесены к воде. Таков ряд могил у д. Большие Поля (в одной — № 16 — найден скелет с многобусенными височными кольцами). У деревень Горбово, Комаровка, Морозовицы перегородчатые могилы раскопаны антропологом Г. Р. Шмидтом (Г. Р. Ш м и д т. Могилы Шелонской пятины Новгородской земли. ЮЛЕАЭ, т. XIX, в. 5, М., 1886, стр. 609—622). Краткие отчеты исследователя не говорят о типах серег и других типах украшений, найденных в могилах. Вещевой материал из этих раскопок почти не сохранился. Судя по одному планшету вещей из этих раскопок, имеющемуся в Государственном историческом музее, упоминаемые Г. Р. Шмидтом серьги являются многобусенными височными кольцами. Заметим, что и А. А. Спичин также называл многобусенные кольца серьгами. За водскую принадлежность раскопанных Г. Р. Шмидтом перегородчатых могил говорят и ожерелья из раковин каури, найденные в ряде этих могил. Перегородчатые могилы воды имеют ближайшие аналогии в эстских древностях. У эстов перегородчатые могилы получают широкое распространение с римского времени. Относить перегородчатые могилы северо-запада к эстам нельзя, так как инвентарь их совершенно отличен от эстских украшений, находимых в перегородчатых могилах Эстонской ССР.

То же самое нужно сказать и о грунтовых могилах, обозначенных каменной вымосткой. О них речь будет идти ниже.

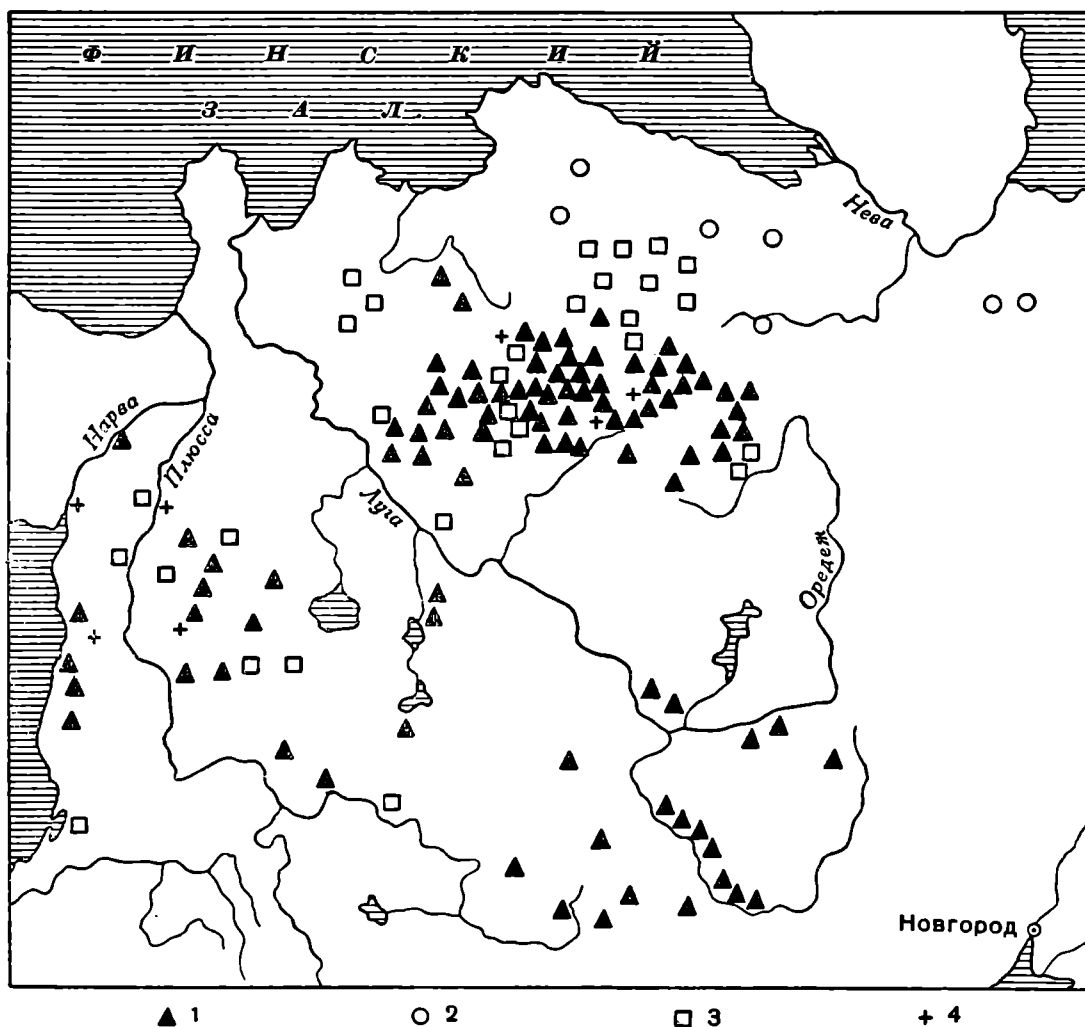

Рис. 3. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода XI—XIV вв. по археологическим данным.

1—Славянские курганные могильники; 2—ижорские грунтовые могильники; 3—водские курганные могильники; 4—смешанные курганные могильники.

пока очень незначительное количество бескурганных могильников. Открытие таких могильников затрудняется отсутствием каких-либо наземных признаков погребений. Захоронения в таких могильниках правильно расположены и не находят друг на друга, почему можно предполагать существование каких-то, повидимому, деревянных, наземных признаков, не оставивших следа к нашему времени. Район этот, судя по всем имеющимся сведениям, был заселен ижорой¹. Отсутствие курганов — также признак

¹ Сводка сведений русских и шведских письменных источников приведена у Sjogren'a. *Über die Finnische Bevölkerung der St.-Petersburgischen Gouvernements und den Ursprung des Namen Ingermanlands*. СПб., 1833, стр. 3—4; о том же свидетельствуют и поздние сведения: «Об ону страну Невы реки обитают земледельци — Ижоры, нашей христианской веры». Описание всех путей из Росии в Швецию, составленное в 1701 г. ЖМВД, XXIX, СПб., 1838, стр. 268; ср. P. Köppen. *Ethnographische Karte des St.-Petersburgischen Gouvernements*. St.-Pet., 1949; ег о же. *Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersburgischen Gouvernements*. St.-Pet., 1867.

неславянского населения. На этом основании могильники южного побережья Финского залива и бассейнов рек Ижоры и Невы можно считать ижорскими. Этнически определяющим признаком в данном случае является погребальный обряд. Выделить же этнически характерные украшения ижорского костюма пока не представляется возможным, так как раскопок этих могильников почти не производилось. Исключение составляют Гатчинский и Усть-Рудицкий могильники, однако и они не представляют возможности подметить характерные особенности ижорского наряда.

Раскопанный В. И. Равдоникасом¹ Гатчинский могильник содержал 22 захоронения, расположенных в 4 ряда. Скелеты лежали на глубине 0,7—1,2 м, головой на запад. При скелетах найдено несколько браслетов витых 2 × 4, пластинчатый браслет, перстень с насечками, имитирующими витые, пластинчатый перстень — предметы, по которым невозможно определить этническую принадлежность погребенных. Отсутствие славянских предметов украшений — признак неславянского населения, оставившего этот могильник.

Восемь погребений Усть-Рудицкого могильника раскопаны в 1866 г. А. М. Раевской². Скелеты лежали на глубине 0,7 м, головами на юг. При одном из них найдены серьги, форма которых осталась неизвестной, и два браслета, как пишет автор раскопок, типа браслета № 456 северных древностей Ворсо³. Браслетов такого типа в курганных древностях северо-запада вообще не встречено. При других погребенных найдены бусина неизвестного типа, привеска и ножи. В одном погребении найдена монета Ивана III⁴.

Остальные ижорские могильники раскопкам не подвергались. Их известно восемь: 1) Верхняя Рудица⁵, 2) Ропша⁶, 3) Карлино⁷, 4) Реполка⁸, 5) и 6) Лезья (два могильника)⁹, 7) Красное село¹⁰, 8) Войскорово¹¹.

Археологическую характеристику северо-западных земель Великого Новгорода следует завершить интересными каменными могилами с трупо-сожжениями, открытыми и исследованными Н. К. Рерихом. В 1894 г. в мызе Извара (б. Царскосельский уезд) были открыты 24 такие могилы, из них исследовано шестнадцать. «На пространстве $\frac{3}{4}$ десятины в лесу

¹ СГАИМК, 1932, № 11—12, стр. 24—31.

² Донесение А. М. Раевской о раскопках в урочище Черном. ИОЛЕАЭ, т. XX. М., 1875, стр. 31—33.

³ Северные древности Королевского музея в Копенгагене, выбранные и объясненные профессором Копенгагенского университета И. И. А. Ворсо, СПб., 1861.

⁴ Н. Г. Богословский. Отчет о раскопках. ИОЛЕАЭ, т. XXXI, стр. 205—206.

⁵ Отчет по археологической рекогносцировке в Ленинградской губ. по маршруту Детское село — Копорье сотрудников экспедиции по палеознотологическому обследованию Ленинградской области Б. А. Кошневского и Г. Ф. Дебеца в 1927 г. Архив ИИМК, дело № 108/2 стр. 29—30.

⁶ Там же, стр. 3—4.

⁷ Дело подкомиссии Ленинградской области. Некоторые памятники Ленинградского округа. Архив ИИМК, дело № 56/1931, стр. 17.

⁸ Дело Археологической комиссии о раскопках художника Н. К. Рериха в Царскосельском и Петергофском уездах С.-Петербургской губ. Архив ИИМК, дело № 117/1898.

⁹ Сведения о городищах и курганах С.-Петербургской губ. Памятная книжка С.-Петербургской губ. на 1874 г. СПб., 1874, стр. 148.

¹⁰ А. И. Савельев. О насыпях и курганах в Петербургской губ. Изв. РАО, т. VIII, СПб., 1877, стр. 58.

¹¹ A. M. Tallgren. Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer, dans la Russie du nord. ESA, III, Helsinki. 1928, стр. 21—22. А. М. Тальгрэн отмечает, что находки из могильника относятся к рубежу XII и XIII вв. и аналогичны находкам на территории Финляндии.

в разных местах торчали из-под корней и земли булыжники, где по два, где по четыре, образуя тогда ромбическую форму, удлиненную Восток — Запад»¹. Дневники и рисунки Н. К. Рериха позволяют хорошо разобраться в их устройстве. Сначала место, где собирались устроить могилу, очищали от дерна и выравнивали, так что образовывалась ровная песчаная (местный грунт) площадка. Рядом устраивались кострища, которые также исследованы Н. К. Рерихом. В остатках кострищ, помимо большого количества золы и угля, были найдены мелкие желто-серые осколки костей. Зола с кострища собирали и помещали на подготовленную площадку, после чего это место обозначалось двумя-тремя камнями, а в некоторых случаях вся поверхность забрасывалась камнями меньшего размера. К сожалению, кроме небольших кусочков железа, побывавших в огне, находок в этих погребениях не было. Отмечая аналогию этих могил с каменными могилами эстов, Н. К. Рерих считал их водскими².

Подобные же могилы были открыты Н. К. Рерихом у д. Лисино. Одна могила находилась прямо в середине курганной группы, отнесенной по инвентарю к смешанной группе. Вся поверхность ее сплошь была выложена камнем, причем на восточном и западном концах ее были положены камни большого размера. На глубине 0,35 м обнаружен был слой золы до 10 см толщиной³. Очевидно, зола была принесена, как и в изварских могилах, с кострища. Никаких находок не было обнаружено. Другая могила была найдена в лесу, несколько в стороне от курганной группы. «По четырем углам ее поставлены крупные валуны, на западе один особенно большой, так что внешняя форма могилы была ромбическая. Вся поверхность выложена мелким булыжником. Под слоем камня почти непосредственно следует слой золы»⁴.

Помимо отмеченного Н. К. Рерихом сходства с каменными могилами эстских племен, изварско-лисинские могилы имеют аналогии в погребальных памятниках IX—XI вв. северного побережья Финского залива. Здесь зола с остатками трупосожжения помещалась или в неглубоких ямах, или непосредственно на горизонте и прикрывалась тогда слоем валунов неправильных очертаний⁵. Аналогии этим памятникам есть и среди погребальных памятников северо-запада, отнесенных по инвентарю к води. Правда, последние имеют трупоположения, но по устройству наземных признаков погребений совершенно сходны. Таковы некоторые грунтовые могилы, сплошь выложенные булыжником, из групп погребальных памятников у деревень Большие Поля и Гостицы, относимых по археологическому инвентарю к води. В одной из них (№ 5 при дер. Гостицы) при скелете найдены два многобусенных кольца⁶. Такие же погребения открыты Лешке в Кальтри⁷. Там скелеты были открыты под каменной вымосткой. При одном скелете найдены также многобусенные височные украшения. Вообще в погребениях данного типа не встречено ни одного славянского

¹ Н. Р е р и х. Экскурсия археологического института 1899 г. в связи с вопросом о финских погребениях в С.-Петербургской губернии. «Вестник археологического института», т. XIII, стр. 107—109.

² Дневник Н. К. Рериха 1897 г. Архив ИИМК, дело № 54/1897.

³ Дело Археологической комиссии с ходатайством Н. Рериха о разрешении ему производства раскопок в С.-Петербургской губ. Архив ИИМК, дело № 56/1896, стр. 32—33.

⁴ Дело Археологической комиссии о раскопках студента Н. Рериха в изварской казенной даче Царскосельского лесничества. Архив ИИМК, дело № 64/1894, стр. 50.

⁵ С. А. Н о г д т а п. Ук. соч., стр. 100.

⁶ В издании А. А. Сплицына (МАР, № 29, стр. 81) ошибочно указаны трехбусенные.

⁷ Л о е с ч с к е. Ук. соч., стр. 105—120.

предмета, водские же украшения не представляют редкости, почему следует считать данный тип погребальных сооружений водским¹.

К какому времени следует отнести изварско-лисинские памятники и какова их племенная принадлежность?

Отсутствие инвентаря в них затрудняет решение этих вопросов. Сходство этих каменных сооружений с водскими труположениями и полное отличие их от ижорских могильников, не имеющих наземных обозначений, позволяют считать трупосождения, открытые Н. К. Рерихом в мызе Извара и д. Лисино, водскими. Этнографы конца XVIII в. оставили нам краткое описание погребального обряда води (населявшей в то время сильно заболоченный и мало удобный для поселения район устья р. Луги, поэтому почти и не подвергшийся славянизации), позволяющее относить эти памятники также к води². Местом кладбищ там служили леса (как и в Изваре и Лисине), места погребений обозначались большим камнем (некоторые из изварских погребений обозначены двумя камнями).

Датировку изварско-лисинских памятников пока установить невозможно. Но учитывая, что в XII в. води Ижорского плато заимствует у славян курганный погребальный обряд и что подобные памятники на северном побережье Финского залива относятся к IX—XI вв., можно отнести их к IX—XI вв. Отодвинуть начальную дату их бытования ближе к середине I тысячелетия н. э. препятствует одиночность погребений. До IX в., подобно сопкам, длинным курганам и каменным могилам эстов, у води должны были существовать коллективные родовые погребальные памятники.

Места поселений северо-западных земель Великого Новгорода остаются совершенно неисследованными. Около двух с половиной десятков городищ, известных на северо-западе, не подвергались раскопкам, почему не могут быть ни датированы, ни использованы для каких-либо выводов. Между тем они могли бы выяснить многое в истории северо-запада.

* * *

Новгородские писцовые книги дают богатейший материал по истории Новгородской земли рубежа XV—XVI вв. Из-за отсутствия в них каких-либо указаний на этнический состав населения описываемых селений писцовые книги не могут являться самостоятельным источником для создания этнической карты северо-западных земель Великого Новгорода. Для воссоздания картины этнической жизни населения земель Великого Новгорода могли бы быть использованы имена крестьян и холопов, записанных в этих книгах, если бы не было к этому времени такого обильного распространения христианских имен, не могущих служить этнически определяющим признаком какого-либо народа. Славянские же языческие имена, являющиеся надежнейшим этническим признаком русского населения, к тому времени сохранились лишь в небольшом количестве. Также в немногих поселениях сохранились и имена финского происхождения. Учтя отмеченное, а также хронологический разрыв, попытаемся сравнить археологические выводы с этнической картиной, восстановленной по остаткам славянских и финских имен, сообщенных в Новгородских писцо-

¹ Вымощена была также поверхность двух грунтовых могил в группе погребальных памятников у д. Малые Поля (погребения № 81 и 82; МАР, № 29, стр. 72 и 74). Немногочисленный инвентарь склоняет к славянской принадлежности памятника, однако присутствие в группе памятников, по типу сооружения относимых к води, заставляет считать группу памятников у д. Малые Поля смешанной.

² Ц е п л и н. Нечто о вотландцах. «Северный архив», ч. I, СПб., 1822, стр. 235—244.

вых книгах¹. Результат сравнения иллюстрирован таблицей; в нее включены названия упоминаемых в писцовых книгах селений, в которых были раскопаны погребальные памятники.

Населенный пункт	Этнический вывод по курганному инвентарю	Имена из писцовых книг		Населенный пункт	Этнический вывод по курганному инвентарю	Имена из писцовых книг	
		славянские	финские			славянские	финские
Арбовье	Смешанн.	—	—	Лисино	Смешанн.	—	—
Войносово	Водь	—	—	Недоблицы	Славяне	●	—
Волосово	»	—	—	Озертицы	»	●	—
Вруда	Славяне	●	—	Прологи	»	—	—
Глумицы	»	—	—	Пиллово	Водь	—	●
Горицы	»	—	—	Плещевицы	»	—	—
Горки	Водь	—	—	Рабитицы	Славяне	●	—
Городня	Славяне	●	—	Роготино	»	—	—
Греблово	»	●	—	Сельцо	Водь	—	—
Домашковичи	Неопредел.	—	—	Смедово	Смешанн.	●	—
Домашнево	»	●	—	Смолеговицы	Славяне	●	—
Дятлицы	Водь	—	—	Сяглицы	»	●	—
Имяницы	Славяне	●	—	Терпилицы	»	●	—
Кикерино	»	—	—	Унотпы	»	●	—
Клопицы	»	●	—	Хотынцы	»	●	—
Котино	»	●	—	Хрепле	»	●	—
Лопец	Неопредел.	●	—	Черенковицы	Неопредел.	—	—
Лемовжа	»	●	—	Черная	Славяне	●	—
Коноховицы	Водь	—	—	Ябловицы	»	—	—
Летошицы	»	—	—				

Таблица свидетельствует, что этнические выводы, сделанные на основании археологического материала, полностью подтверждаются данными писцовых книг. Ни в одном пункте, отнесенном по археологическому материалу к славянам, нет финских имен и, наоборот, ни в одном пункте, определенном археологически водским или ижорским, нет славянских имен.

* * *

Определение этнической принадлежности курганов и могильников северо-западных земель позволило изучить богатый краинологический материал из этих погребений и дать антропологическую характеристику славянского и водского населения XI—XIV вв. С другой стороны, антропологическое изучение замечательно подтвердило правильность этнических выводов, сделанных на основании археологического материала².

¹ Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией, т. III, СПб., 1868; Переписные оброчные книги Шелонской пятины 1498, 1539, 1555—1558 гг. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией, т. IV, СПб., 1868.

² Изучению антропологических типов северо-западных земель Великого Новгорода посвящена нами особая статья (см. «Краткие сообщения Института этнографии», в. XV, 1952, стр. 72—85), здесь же даны лишь краткие выводы, полученные при изучении краинологического материала.

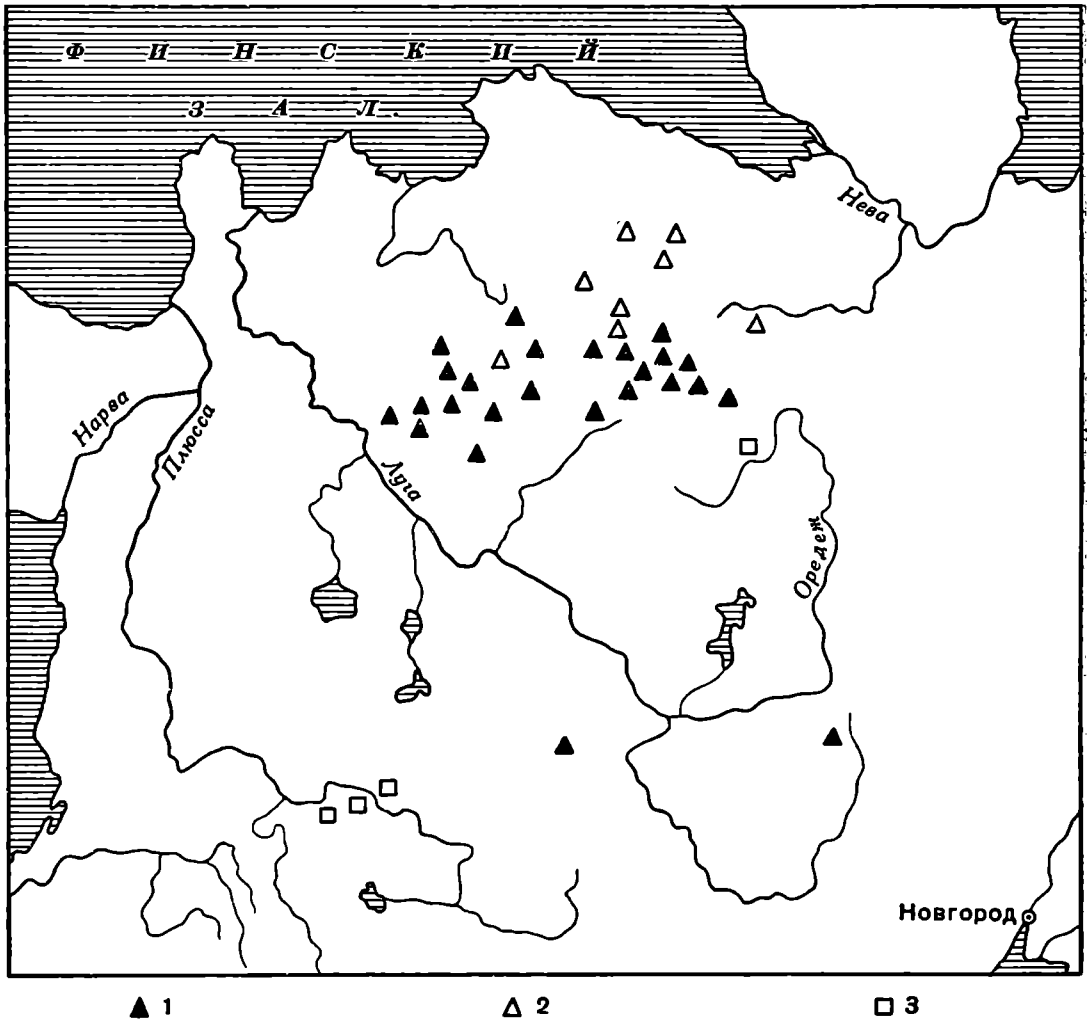

Рис. 4. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода XI—XIV вв.

1— европеоидный узколицый с сильно выступающим носом; 2—евросибирский широколицый с средневыступающим носом; 3—урало-лапоноидный.

Для славянских курганных могильников Прильменя, б. Лужского уезда и Ижорского плато, характерен европеоидный узколицый тип с сильно выступающим носом (рис. 4). Вне рассматриваемой территории этот тип встречается в других областях расселения новгородских славян¹ и должен быть связываем с ними. По большинству признаков этот тип черепов может быть сравниваем с черепами славянских племен Приднепровья: белорусскими кривичами, полянами, северянами, дреговичами и радимичами.

Водские черепа имеют два антропологических типа. Один из них также европеоидный, но, в отличие от славянского, широколицый и обнаруживает в своем строении небольшую монголоидную примесь (несколько уплощенное лицо, средневыступающий нос), повидимому, восходящую к давнему времени. Ближайшую аналогию ему представляют черепа из чудского

¹ Курганы б. Вышневолоцкого и Весьегонского уездов.

могильника IX в. у села Малый Полом (б. Вятской губернии)¹. Этот тип генетически связывается с европеоидными широколицыми черепами неолита Приладожья и Прионежья². Начало метисации европеоидного широколицего типа с монголоидами прослежено Е. Б. Жировым на серии черепов из неолитического могильника на Оленьем острове³.

Водский археологический инвентарь сопровождается также третий антропологический тип северо-запада. Этот тип характеризуется общей грацильностью, мезокранией, уплощенным лицом, слабо выступающим носом, небольшим процентом антропических форм в строении грушевидного отверстия. По всем характерным признакам он относится к урало-лапоноидной группе. По большинству признаков он близок к черепам курганов юго-восточного Приладожья, раскопанных В. И. Равдоникасом и относимых к чуди Приладожской (летописная весь). Просмотр всех серий черепов урало-лапоноидной группы позволяет заключить, что эта группа в первые века II тысячелетия н. э. повсюду связывается с финно-угорскими племенами. Средневековая урало-лапоноидная группа генетически может быть связываема с черепами культур ямочно-гребенчатой керамики, которые, судя, к сожалению, по фрагментарному материалу, входят в урало-лапоноидную группу.

* * *

Область, занимавшуюся в VI—IX вв. самым северным восточнославянским племенем — словенами, очерчивает топография сопок, погребальных памятников словен. В изучаемых землях Великого Новгорода сопки наиболее густо располагаются в районе верхнего течения р. Луги. Здесь, как отмечает Н. Н. Чернягин⁴, можно видеть один из основных центров словен новгородских. На запад с верхней Луги они заходят за озера Врево и Череменецкое и в верховьях р. Люты и среднего течения р. Желчи соприкасаются с памятниками другого восточнославянского племени — длинными курганами. Севернее этих районов сопки нет (рис. 5)⁵.

Топография курганов обрисовывает область расселения кривичей того же времени. Кривичи в VI—IX вв., судя по этим замечательным памятникам, занимали юго-западный угол северо-запада: юго-восточное побережье Чудского озера, берега рек Черной, Желчи, Люты и самые верховья р. Плюсы. В районе озер Врево и Череменецкого кривичи жили вперемежку со словенами. Севернее отмеченных районов северо-запада длинных курганов нет (см. рис. 5).

Севернее областей, занятых в IV—IX вв. словенами и кривичами, в районе, ограниченном южным побережьем Финского залива, р. Нарвой⁶, Чудским озером и северной границей распространения сопки и длинных курганов, где через некоторое время появляются водские трупосожжения и курганные могильники, — пока не обнаружено археологических

¹ Г. Ф. Дебедц. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 215—217.

² Там же, стр. 69—91; Е. В. Жиров. Заметка о скелетах из неолитического могильника Южн. Оленьего острова. КСИИМК, VI, 1940, стр. 51—54.

³ Г. Ф. Дебедц. Ук. соч., стр. 92—95.

⁴ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941, стр. 96.

⁵ Архив ИИМК. Дела по археологическому обследованию Ленинградской области, произведенному в 1927—1929 гг.

⁶ На западе за р. Нарвой и Чудским озером жили эстские племена. Их погребальные памятники второй половины I тысячелетия н. э. (каменные могилы с трупосожжениями) хорошо изучены (Н. М о о г а. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Tartu, 1938).

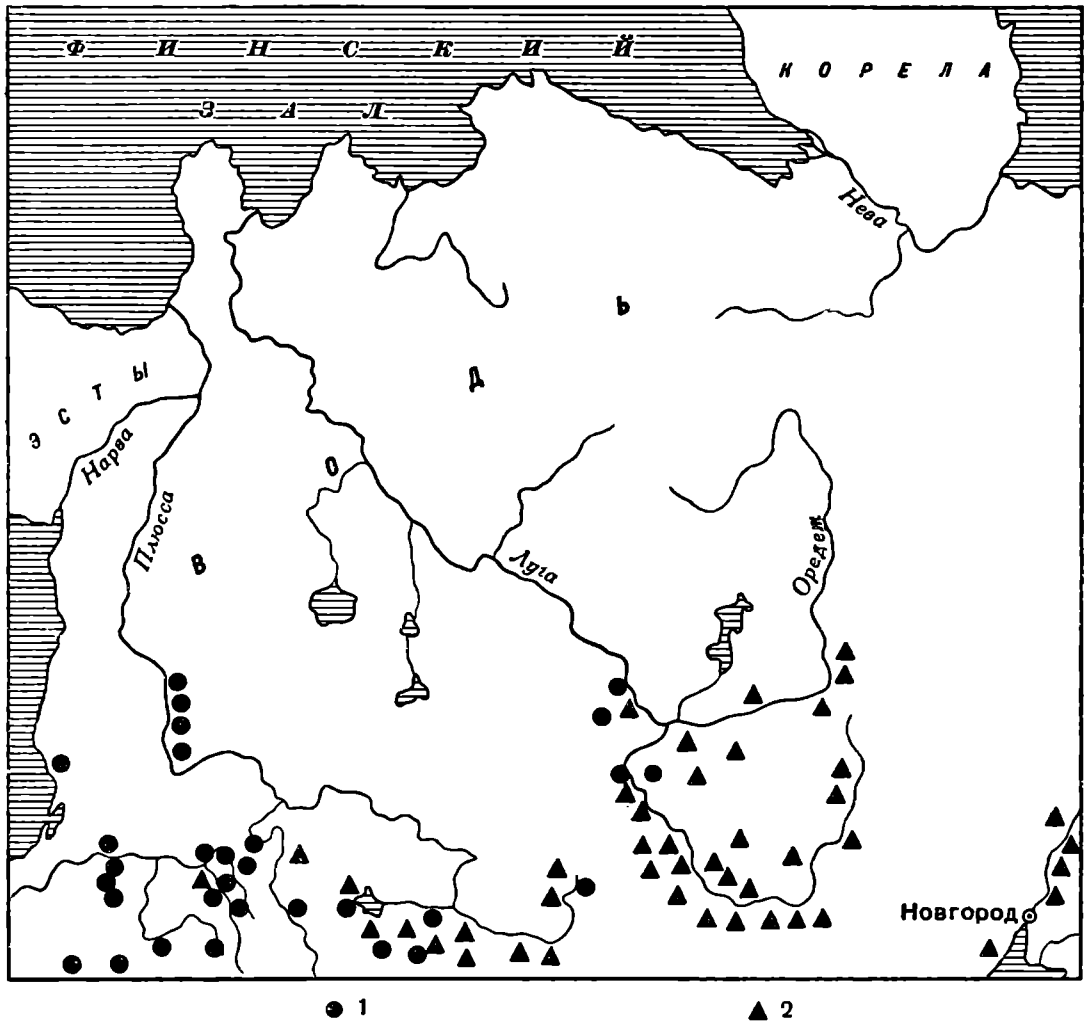

Рис. 5. Археологические памятники северо-западных земель Великого Новгорода VI—IX вв.

1—длинные курганы кривичей; 2—сопки словен.

памятников VI—IX вв. В наличии здесь населения сомневаться не приходится. Из района верхнего течения р. Суммы известна находка, относящаяся к V в. н. э.¹ Ряд известных здесь, но совершенно не подвергавшихся изучению, городищ, вероятно, относится также к этому времени.

Отсутствие здесь сопок и длинных курганов позволяет сделать вывод, что эта область была занята неславянским населением. Все исследователи единодушно помещают здесь водь. Первый исследователь водского языка Шегрен отводил води всю территорию между реками Лугой и Волховом². А. Х. Лерберг считал, что водь занимала область между р. Нарвой и р. Ижорой, причем поселения води спускались далеко на юг³. Здесь

¹ Н. М о о г а. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., Tartu, 1938, карта XVI.

² Д. Я з ы к о в. О финских жителях Санкт-Петербургской губ. «Русск. исторический сборник», т. IV, М., 1840, стр. 309—321.

³ Исследования, служащие к объяснению древней Русской истории А. Х. Лерберга, СПб., 1819, стр. 87—89.

же намечает первоначальную область водского племени Х. Моора¹. На основании лингвистических изысканий Д. В. Бубрих пришел к заключению, что к концу I тысячелетия н. э. племя води располагалось «в углу между Чудским озером и восточной частью Финского залива»².

Исследователь исторической географии Н. П. Барсов на основании изучения названий населенных пунктов отводит води ту же территорию, которая очерчивается археологическими памятниками. Расселение води, по Н. П. Барсову, ограничивалось следующими пунктами: д. Водовой на левом берегу р. Нарвы, д. Водское на р. Оредеже, д. Водосьи на левом берегу р. Волхова, на границе бывших Новгородской и С.-Петербургской губерний, оз. Вожинское в б. Тихвинском уезде³. Я. Ставровский на том же основании считал, что поселения води заходили и южнее, даже за Ильмень⁴. Ю. Ю. Трусман на основе изучения корней названий местностей, упоминаемых в письменных источниках, делает вывод о преобладании чудских корней в названиях местностей Водской пятины⁵, а на основании этнографического обследования б. Гдовского уезда приходит к выводу, что еще в летописное время поселения води были в Гдовском уезде⁶. Произведенное А. И. Поповым топонимическое рассмотрение Восточной Европы также позволяет заключить, что в Псковско-Новгородском крае большую часть древнейших местных имен составляют формы, особенно близкие к водскому и ливскому языкам⁷. Палеонтологическое изучение води курганного периода показывает, что водские черепа генетически связываются с черепами неолитических обитателей Восточной Прибалтики; это не только не противоречит размещению води севернее сопок и длинных курганов, а наоборот, подкрепляет такое расселение.

В IX в. в жизни населения северо-западных земель происходят значительные изменения. На смену древним формам быта, свойственным первобытно-общинному строю, приходит общество с новыми социальными отношениями, с имущественным неравенством и другими чертами, свойственными классовому обществу. Сменился и погребальный обряд. На смену родовым усыпальницам — сопкам и длинным курганам — в IX в. приходят небольшие курганы с одиночными трупосожжениями. Они полностью покрывают область, занятую сопками и длинными курганами. Одновременно их топография говорит о продвижении славянского населения на север, в область, ранее занятую водским племенем. Славяне появляются и в южных районах Ижорского плато и на северных окраинах Лужской возвышенности. Вопрос о том, каким славянским племенем было колонизировано Ижорское плато, позволяет решить антропологическое изучение славянского населения XI—XIV вв., которое указывает на новгородских словен. Повидимому, заселение Ижорского плато произошло

¹ Н. Моора. Die Vorzeit Estlands. Tartu. 1932, стр. 74.

² Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка. «Советское финноугроведение», т. VIII, Петрозаводск, 1948, стр. 11 и 12; е г о ж с. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, стр. 14 и карта № 2.

³ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 47.

⁴ Я. Ставровский. Племена Озерной обл. Россия. Полное географическое описание нашего отечества под ред. П. П. Семенова, т. III, СПб., 1900, стр. 103.

⁵ Ю. Ю. Трусман. Чудско-ливский элемент в Новгородских пятинах, ч. I, Ревель, 1898, стр. VIII.

⁶ Ю. Трусман. Финские элементы в Гдовском уезде. С.-Петербургской губ. ИРГО, т. XXI, 1885, в. III, стр. 177—199.

⁷ А. И. Попов. Топонимическое изучение Восточной Европы. «Советское финноугроведение», т. I, Л., 1948, стр. 107—108.

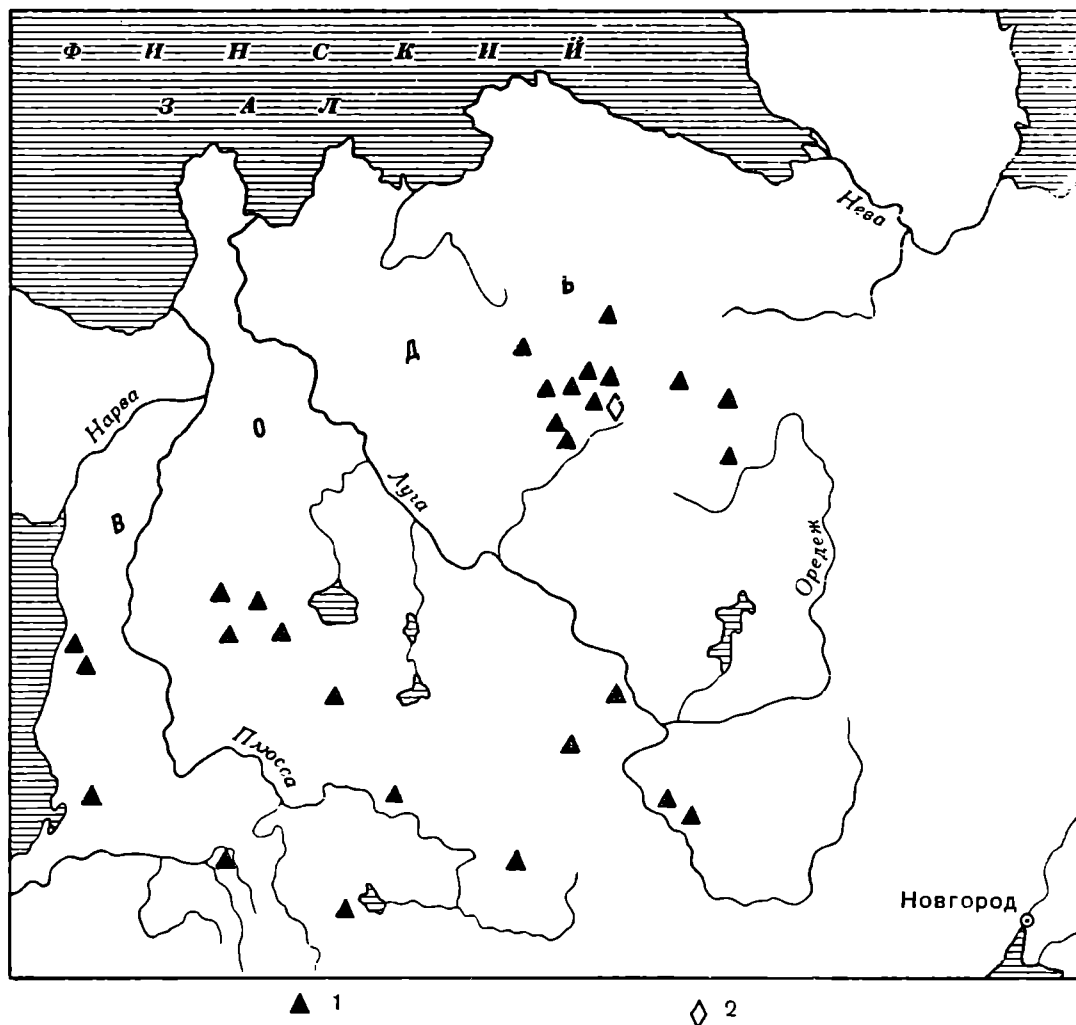

Рис. 6. Археологические памятники северо-западных земель Великого Новгорода IX—X вв.

1 — курганы с сожжением; 2 — каменные могилы с сожжением.

из района верхнего течения р. Луги, из области густого распространения сопок. Пути колонизации были долины рек Оредеж и Лемовжи; на это указывает как то обстоятельство, что первые славянские курганы с трупосожжением сосредоточиваются в верховьях этих рек, так и заболоченность остальных районов, отделяющих Ижорское плато от верхней Луи.

С этого времени, с IX—X вв., историю этнической жизни северной половины северо-запада можно проследить по векам (южная половина северо-запада с середины I тысячелетия н. э. была занята славянским населением и не претерпевала этнических изменений). Для X в. северная граница славянских племен обрисовывается северной границей распространения курганов с труположениями. Курганы эти занимают лишь южную среднюю часть Ижорского плато (рис. 6). Как и в период сооружения сопок и длинных курганов, к собственно водской территории IX—X вв. нужно отнести бескурганную территорию северо-запада.

Действительно, через столетие водские курганные погребения размещаются там, где в IX—X вв. курганов нет. Погребениями всд этих столетий, повидимому, были трупосожжения с каменной складкой или вы-

мосткой на поверхности типа изварско-лисинских. Нахождение этих памятников в области, занятой в IX—X вв. славянами (курганы с трупопожжениями), говорит за то, что водское население, если и отступало перед славянской колонизацией, то не полностью; часть его оставалась на своих местах, и уже в IX—X вв. редкие водские поселения вперемежку располагались со славянскими.

На рубеже I и II тысячелетий н. э. в этнической жизни северо-западных земель происходит новое изменение. Корела — племя, образовавшееся в течение I тысячелетия н. э. севернее 60° северной широты, в районе северного и западного Приладожья, — стала активно расселяться. Одна часть корелы продвинулась к северному побережью Ботнического залива другая — к побережью Белого моря, третья перешла р. Неву и заняла бассейн р. Ижоры и стала известна под именем ижора (ингры)¹.

Из-за отсутствия необходимых экономических связей с основным ядром корельского племени ижора обособилась, ее диалекты оживают и дают начало образованию самостоятельного ижорского языка, с течением времени ставшего языком ижорской народности. К сожалению, археологи не могут пока проследить этого отмеченного лингвистикой переселения части корельского племени в северо-западные земли Новгородской земли.

В XI в. славяне бурно расселяются и на запад, и на восток по Ижорскому плато, появляются далеко на севере восточного побережья Чудского озера (рис. 7). В этом же столетии появляются пока немногочисленные, первые водские курганные погребения. Они располагаются рядом со славянским курганным массивом или даже внутри его. Последнее обстоятельство подчеркивает уже отмеченный факт, что водь не отступала перед славянской колонизацией, а оставалась на своих местах. Водские древности XI в. имеют много аналогий с предметами других западно-финских племен, в особенности с украшениями эстских племен. Таковы булавки с крестообразной головкой, найденные в курганах при д. Мануилово и при д. Залахтове, подковообразные застёжки с «маковыми» головками, найденные в курганах при д. Малая Горка, некоторые типы спиральных браслетов из курганов той же группы и т. п. Одновременно в водских украшениях XI в. уже в значительном количестве присутствуют предметы славянского происхождения, свидетельствующие о давних связях водского племени со славянами.

К XI в. относится первое упоминание води новгородскими летописями. Под 1069 г. новгородский летописец отмечает: «В то же лето, осень, месяца октября в двадцать восемь... в пятницу в час в дни опять приде Всеслав... в Ноугороду, новгородцы же поставиша пълък пртиву их у Зверинца, на Къземли, и пособи бог Глебу князю с новгородцы. О велика бяше сеця Вожанам! и паде их бесчисленное число»². Чем был вызван тот факт, что против Новгорода с войском полоцкого князя Всеслава выступает водь? С. С. Гадзяцкий предположил, что это было вызвано тем, что в середине XI в. отношения водского населения с Новгородом, до того носившие форму пассивного вассалитета, сменились отношениями феодальной эксплуатации, что и вызвало, как реакцию, столкновение с Новгородом³. Археологические данные позволяют подтвердить высказанное предположение. Расселение славянского населения по Ижорскому плато

¹ Д. В. Б у б р и х. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, стр. 32; е г о ж е. Историческая фонетика финского-суоми языка. «Советское финно-угроведение», т. VIII, Петрозаводск, 1948, стр. 12—13.

² ПСРЛ, т. III, стр. 2.

³ С. С. Г а д з я ц к и й. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства. «Исторические записки», т. VI, М.—Л., 1940, стр. 102.

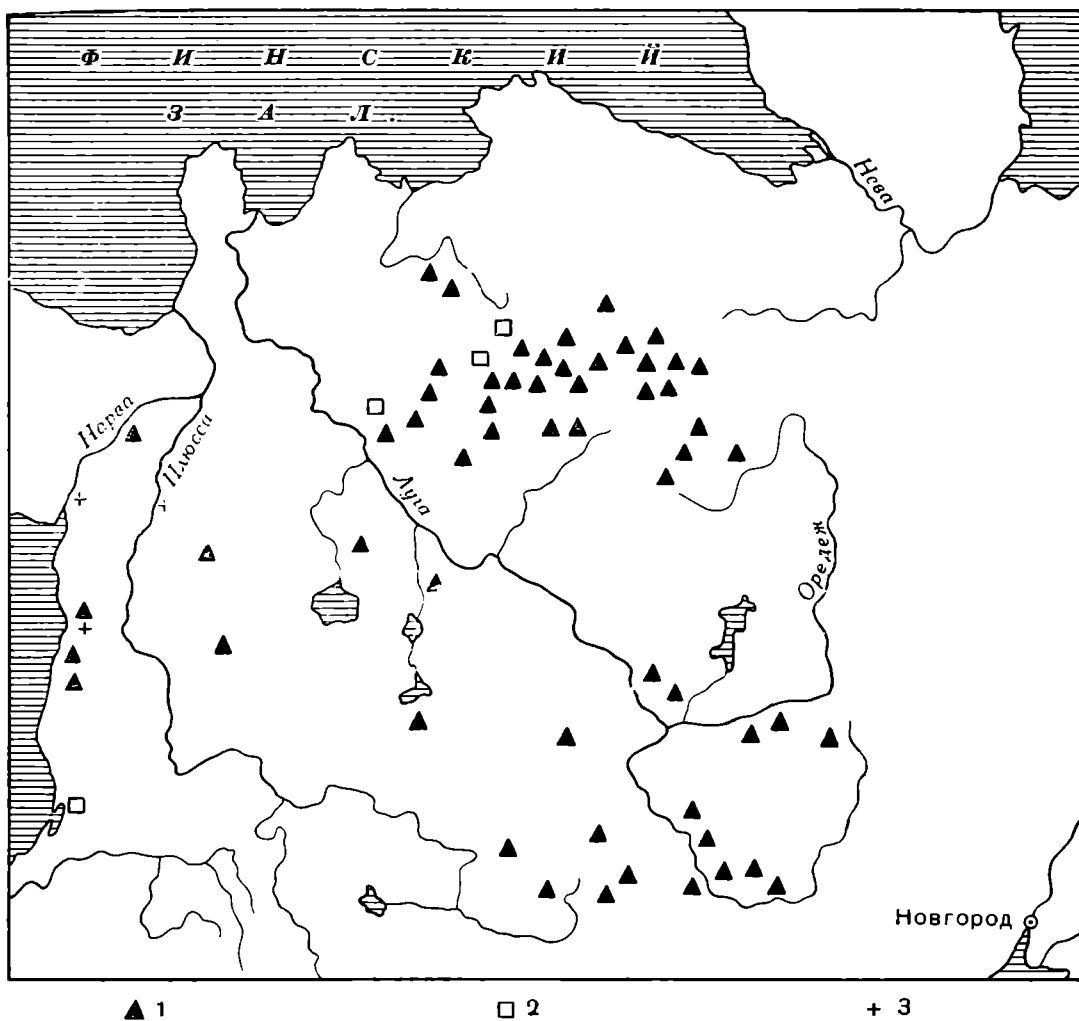

Рис. 7. Археологические памятники XI в.

1 — славянские курганные могильники; 2 — водские курганные могильники; 3 — смешанные курганные могильники.

и по северо-восточному побережью Чудского озера лишило водское племя значительной территории, ранее подчиненной племенному управлению води, а территориальное приближение славян и частичное смешение ускорили появление феодальных отношений у води.

XI в. был последним столетием колонизационного процесса славян на северо-западе. Славянские курганы XII в. по занимаемой территории совпадают с курганами XI в.; исключение составляет лишь нижнее течение р. Плюсса, куда славяне, повидимому, проникли на рубеже этих столетий (рис. 8). В XII в. на окраинах славянской курганной территории возникают водские курганные группы. Появляются многобусенные височные кольца¹. Почти совсем исчезают типы предметов, имеющие аналогии в эст-

¹ Происхождение многобусенных височных украшений представляется следующим образом: у води, повидимому, с давних времен, — о чем говорят находки отдельных бус без проволоочного стержня, — бытовало головное украшение *ristivirkke*, представляющее собой 5—10 бус, навязанных на ниточку длиной 10—12 см, связанную в колечко (Эстонский народный музей в г. Тарту имеет такие украшения). Когда водское население пришло в непосредственный контакт со славянами, оно, вероятно,

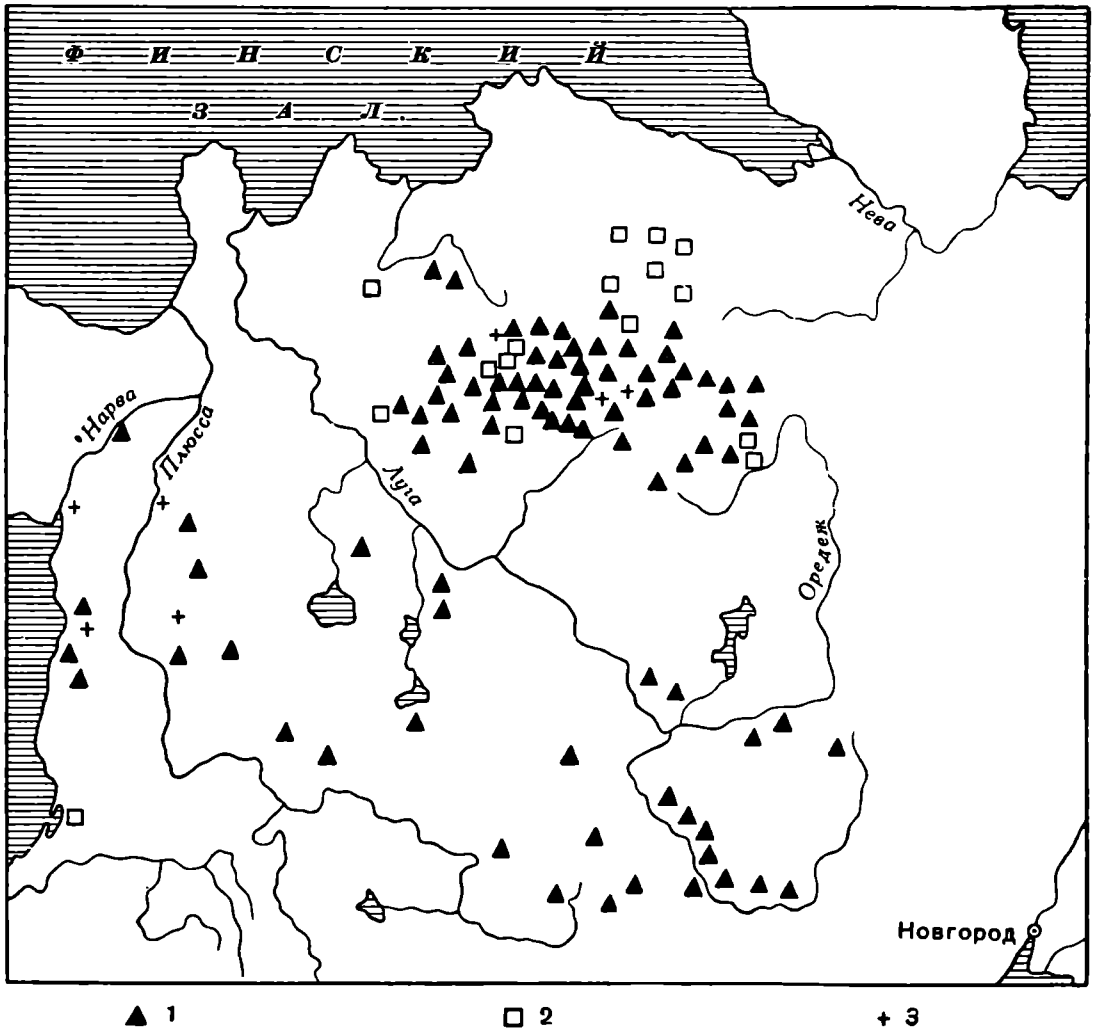

Рис. 8. Археологические памятники XII в.

1 — славянские курганные могильники; 2 — водские курганные могильники; 3 — смешанные курганные могильники.

ских древностях; зато предметы, этнически не определяющие водских курганов, во многом аналогичны славянским курганным древностям. Началась славянизация водского населения, закончившаяся лишь через несколько столетий.

Начиная с XII в. история славян и води неразрывна. К началу XII в. относится письменное свидетельство о том, что земля води, как неотъемлемая часть, входила в состав Новгородского государства¹. В 1149 г., когда емь нападает на воду, против еми вместе с водью выступают новгородцы.

В XIII в. количество водских курганных захоронений увеличивается по сравнению с XII в., все больше водского населения включается в исторический процесс славянизации. Начинается смешение водского населения

позаимствовало проволоочный стержень для такого украшения (от браслетообразного кольца), — получилось многобусенное кольцо, — и стало использовать его как височное украшение.

¹ С. С. Гадзяцкий. Учен. соч., стр. 102.

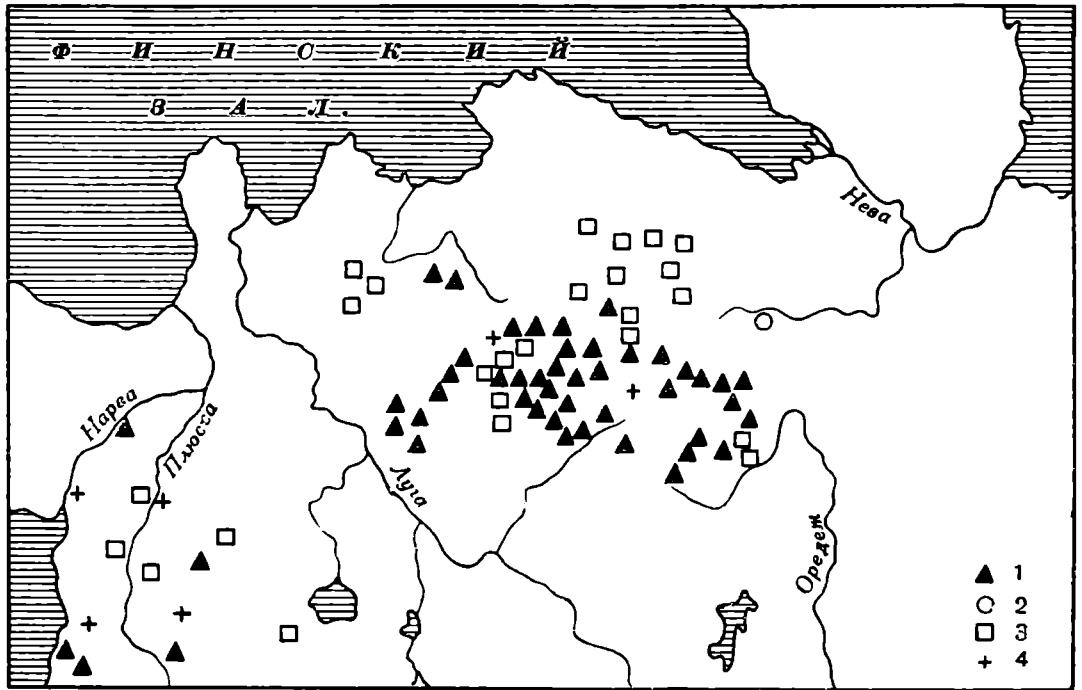

Рис. 9. Археологические памятники XIII—XIV вв.

1 — славянские курганные могильники; 2 — ижорские грунтовые могильники; 3 — водские курганные могильники; 4 — смешанные могильники.

со славянами. Еще в XII в. появляются поселения смешанного характера, о чем свидетельствуют курганные группы со славянскими и водскими погребениями. В XIII—XIV вв. смешение увеличивается. Краеископический анализ серий курганных черепов XI—XIV вв. позволяет обнаружить в ряде курганных групп и славянские, и водские черепа. В других же сериях обнаруживается уже смешанный тип населения. Смешение населения происходило двумя путями: во-первых, славяне брали в жены водских женщин, и наоборот (в славянских курганных группах 1—2 погребения водских, и наоборот); во-вторых, славянское мужское население, повидимому молодежь, поселялось в водских деревнях (краеископическим анализом серий черепов из курганных групп при деревнях Рутлицы, Дятлицы среди водских черепов обнаружено небольшое количество мужских славянских черепов). По археологическому инвентарю оба названных поселения — водские (женские черепа этих серий целиком относятся к воде). Намечается более тесная культурная общность води со славянским населением.

В XII в. витые тройные или двойные браслеты с обрезанными концами главным образом были украшением славян. В водских курганах встречаются лишь единичные экземпляры. В конце XII в. и особенно в начале XIII в. такие браслеты широко проникают и к води и становятся славяно-водскими украшениями. В XIII в. они одинаково встречаются и в славянских и в водских курганах.

Изучение археологического материала позволяет отметить в XIII в. продвижение ижорского населения к западу из бассейна р. Ижоры, где оно осело на рубеже I и II тысячелетий. Это видно и по уменьшению славянских курганных групп в восточной части Ижорского плато, и по появ-

лению больших подковообразных пластинчатых застежек с карельской орнаментацией среди курганного материала Ижорского плато (например, д. Волковицы, курган 91) и др.

К этому времени относится отмечаемое Х. Моора проникновение карельских украшений в восточную часть Эстонской ССР¹. Проникновение их, должно быть, связано с отмеченным движением ижорского населения на запад. О том же свидетельствуют результаты изучения водского и ижорского языков. П. Аристе установил, что в водский язык вошло много элементов из карельских (ижорских) диалектов. Ижорское влияние обнаруживается и в лексике, и в морфологии водского языка². Хотя исследователь не указывает дату этого воздействия, однако, судя по всему изложению, оно начинается с XIII в. Результат этого перемещения обнаруживается и на карте распространения славянских и финских имен, упоминаемых в писцовых книгах (отсутствуют славянские имена в восточной части Ижорского плато), и на этнографической карте, составленной П. Кёпеном³ (в середине XIX в. ижора занимала междуречье рек Нарвы и Луги, почти все южное побережье Финского залива, т. е. те районы, где ее не могло быть в период отделения этого племени от корелы).

XIV в. почти не изменил этнической карты. К концу этого столетия исчезают славянские курганные погребения, значительно уменьшается количество водских курганов за счет смены курганного погребального обряда обычными христианскими захоронениями. Изучение водских украшений этого столетия позволяет отметить еще большее культурное сближение водского населения со славянским. Пластинчатые браслеты и подковообразные застежки воды и славян в это время совершенно неразличимы, одинакова и орнаментация на этих браслетах. В равной же степени аналогичны перстни. Однако вода еще прочно сохраняет признак племенного отличия — многобусенные височные украшения, употреблявшиеся, как отмечалось выше, до XVIII в.

В XV в. курганный погребальный обряд исчезает повсеместно. Лишь в глухих, периферийных уголках продолжают существовать курганные захоронения и заходят в XVI в., представляя исключительное явление. Так, в 1534 г. посланный к чуди архиепископом Новгородским и Псковским Макарием инок Илья отмечает, что чудь⁴ кладет мертвых по курганам⁵. Из курганов, раскопанных Л. К. Ивановским, к XVI в. относится ряд курганов при д. Войносово (курганный комплекс по археологическому инвентарю — водская).

История северо-запада XII—XV вв. полна письменных свидетельств о совместной обороне Новгородской земли славянами, водой и ижорой. События этих столетий свидетельствуют об общих оборонительных интересах всех народностей земель Великого Новгорода и говорят, что Водская пятна являлась форпостом обороны Великого Новгорода и на западе и на северо-западе в особенности, так как после Ледового побоища главная роль в походах на Новгородские земли перешла к шведам. Совместные интересы обороны от немцев и шведов требовали более тесных государственных,

¹ Н. Моога. *Wotische Altertümer aus Estland*. ESA, IV, Helsinki, 1928, стр. 281.

² П. Аристе. Происхождение водского языка. Ленинградский гос. университет. Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии 23 января — 4 февраля 1947 г. Тезисы докладов, Л., 1947, стр. 18.

³ Р. Кёппен. *Ethnographische Karte des St.-Petersburgischen Gouvernements*. St.-Pet., 1849; его же. *Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersburgischen Gouvernements*. St.-Pet., 1867.

⁴ С середины XV в. по XVIII в. остатки водского племени назывались чудью.

⁵ П. Кёппен. Вода и Вотская пятна. *ЖМНП*, LXX, стр. 112—115.

военных, экономических и культурных связей и ускоряли ассимиляцию водско-ижорского населения.

С проникновением славян на Ижорское плато славянский язык как государственный язык и благодаря значительному проценту славянского населения, повидимому, рано получил всеобщее распространение и скоро оказался победителем. Недостаточная изученность взаимоотношений русского языка с водским и ижорским не позволяет еще установить, чем обогатился русский язык из этих языков. Обратное же влияние исследовано и говорит за то, что русский язык с давних времен оказывал влияние на водский и ижорский языки. Так, изучение водского языка обнаруживает влияние русского языка не только в лексике, но и в синтаксисе и в общей фонологической системе языка¹. Лингвистическое обследование ижорского населения также установило, что русский язык оказал огромное влияние на все диалекты ижоры. Ижорская разговорная речь впитала в себя очень значительную долю русских слов².

Мы не имеем этнической карты XV—XVII вв. Однако немногочисленные письменные свидетельства позволяют заключить, что в эти столетия водь и ижора сохранились лишь в областях нижнего течения рек Нарвы и Луги, на узкой полосе южного побережья финского залива и в бассейне р. Певы³. Остальная часть северо-запада к этому времени была занята русским населением. Общность территории, общность государственных, военных и экономических интересов водско-ижорского населения края со славянским способствовали слиянию этих народностей с более многочисленным и более культурным славянским народом.

¹ П. А р и с т е. Ук. соч., стр. 19.

² В. Д у б о в. Лингвистическая работа среди ижор. «Советская этнография», 1931, № 1—2, стр. 184—185.

³ П. К е п п е н. Водь и Вотская пятина. ЖМНП, LXX, стр. 112—115; Описание Ингерманландии в церковном отношении. составленное в 1684 году Нарвским суперинтендантом Гезеллусом младшим. Сборник документов, касающихся истории Невы и Ниеншанца. Приложение к труду А. И. Гиппиуса «Нева и Ниеншанц», Пгр., 1916, стр. 277—284.

Славянские

Местонахождение могильника	Автор раскопок	Дата могильника	Славянские			
			ромбичные кольца	браслетообраз- ные кольца	рубчатые пер- стни	лунницы
Артюшкино ¹	Л. К. Ивановский	XII-XIII	4	—	—	—
Большие Борницы ¹	»	XI-XII	4	—	3	—
Бор ⁴	Л. Н. Целепи	—	×	—	—	—
Боршова ⁴	»	XI-XII	×	×	—	—
Брод ⁴	»	—	×	×	—	—
Будино ¹	Л. К. Ивановский	XI-XIII	3	—	2	3
Введенское ^{1; 5}	Л. К. Ивановский, Н. К. Рерих	XII-XIV	2	—	1	—
Войсковиды ¹¹	В. Н. Глазов	—	×	—	—	—
Вопша-I ²	Л. К. Ивановский	XII-XIII	8	1	4	4
Вопша-III ²	»	XII-XIV	2	—	1	1
Высоко ⁶	Г. Р. Шмидт	—	×	×	—	—
Выра ¹	Л. К. Ивановский	XI-XIII	7	2	1	—
Вязь ⁴	Л. Н. Целепи	—	×	×	—	—
Вруда ¹	Л. К. Ивановский	XI-XII	1	—	—	—
Глумицы ^{1; 5}	Л. К. Ивановский; Н. К. Рерих	XI	2	—	—	—
Гонголово ¹	Л. К. Ивановский	XI-XII	2	2	—	—
Горицы ¹	»	XI-XII	1	—	—	—
Городище ²	В. Н. Глазов	—	2	1	—	—
Городня ¹	Л. К. Ивановский	XII-XIII	5	3	—	—
Греблово ¹	»	XII-XIII	1	—	—	—
Губаницы ¹	»	—	—	—	—	—
Гусева Гора ²	В. Н. Глазов	—	—	—	1	—
Доложское ¹	Л. К. Ивановский	—	×	×	—	—
Елицы ¹	»	XII	2	—	1	—
Ершово ⁴	Л. Н. Целепи	XI-XII	×	×	—	—
Жидилов Бор ²	В. Н. Глазов	—	—	—	—	1
Жилое Горнешно ¹³	Г. Р. Шмидт; Кудряшов	—	×	×	—	—
Замошье ⁷	А. А. Спицын	XI-XII	3	—	—	1
Замошье ²	Археологический ин- ститут	—	6	5	1	2
Заполье ²	ЛГУ	—	9	1	1	8
Засторонье А ²	В. Н. Глазов	XI-XII	—	8	—	—
Заупорье ⁴	Л. Н. Целепи	—	×	×	—	—
Имяницы ¹	Л. К. Ивановский	XII-XIII	—	—	—	—
Калитино ^{1; 4}	Л. К. Ивановский; Н. К. Рерих	XII-XIII	6	2	—	2
Кикерино ¹	Л. К. Ивановский	XI-XIII	3	—	2	—
Клопицы ¹	»	XI-XIV	2	2	—	—
Квяжево ¹	»	XII-XIII	—	—	—	—
Кобрино ¹	»	XII-XIII	1	—	—	—
Косицкое ^{1; 12}	Н. Г. Богословский	—	1	3	—	1

Местонахождение могильника	Автор раскопок	Дата могильника	Славянские			
			ромбические кольца	браслетообраз- ные кольца	рубчатые пер- стни	лунницы
Котшино ¹	Л. К. Ивановский	XI-XIII	5	2	—	—
Копытец ⁴	Л. Н. Целепи	—	—	×	—	—
Криуши ²	В. Н. Глазов	XI-XIII	—	5	1	—
Куклина Гора ²	»	XII	2	5	—	—
Кущела ²	»	XII-XIV	1	—	—	1
Кшева ⁴	Л. Н. Целепи	—	×	×	—	—
Лихарева Гора ⁴	»	—	×	×	—	—
Логовещи ³	Л. Васильев	—	—	—	—	—
Лорвила ¹	Л. К. Ивановский	XI-XIII	4	1	1	—
Малый Удрай ⁷	А. А. Спичын	—	2	—	—	1
Малый Удрай ²	»	—	4	—	—	—
Малый Удрай ¹⁴	»	XI-XII	×	×	—	×
Межно ¹	Л. К. Ивановский	XI-XIV	—	—	—	—
Недоблицы ¹	»	XI-XIII	2	1	—	—
Озера ¹	»	XI-XII	3	2	—	—
Озertiцы ¹	»	XI-XIII	3	—	—	2
Ославе ^{1; 5}	Л. К. Ивановский; Н. К. Рерих	XI-XIII	12	—	3	—
Осьмино ²	Археологический институт	ин-	2	—	1	—
Осьмино ³	А. Э. Мальмгрен	—	×	—	—	×
Павлов Погост ²	В. Н. Глазов	XI-XII	3	7	—	—
Патреева Гора ²	»	XI	—	3	—	—
Пежовицы А ¹	Л. К. Ивановский	XI-XIII	6	1	1	—
Песчанк ⁴	Л. Н. Целепи	—	×	—	—	—
Подберезье ⁴	»	—	×	×	—	—
Полицы ²	Данилов	—	1	1	1	—
Полотбицы ¹	Л. К. Ивановский	XII	7	2	1	—
Прологи ¹	»	XI-XIV	—	—	1	—
Речка ⁴	Л. Н. Целепи	—	×	—	—	—
Роговицы ¹	Л. К. Ивановский	—	2	—	—	—
Роготино ^{1; 4}	Л. К. Ивановский; Н. К. Рерих	XII-XIV	3	2	—	—
Рождественско ¹	Л. К. Ивановский	XI-XIII	—	1	—	—
Ростово ⁴	Л. Н. Целепи	—	—	×	—	—
Сергиевский полигон ⁹	Ф. Щитников	—	2	—	—	1
Именье Салтыкова ¹⁰	А. А. Спичын	—	—	×	—	—
Сяста ¹	Л. К. Ивановский	XI-XIV	3	—	—	—
Смолеговицы ¹	»	XII	1	—	—	—
Смольково ¹	»	XI-XII	1	1	—	—
Старо-Сиверская II ²	»	XII-XIV	7	—	1	3
Сяглицы ¹	»	XII-XIII	1	1	—	2
Тарасово ^{1; 5}	Л. К. Ивановский; Н. К. Рерих	XII-XIII	1	—	—	—
Таровицы ¹	Л. К. Ивановский	XII-XIII	1	—	—	—

Местонахождение могильника	Автор раскопок	Дата могильник :	Славянские			
			ромбичные кольца	браслетообраз- ные кольца	рубчатые пер- стни	лунницы
Терпилицы ¹	Л. К. Ивановский	XI-XII	10	—	1	—
Тяглицо ¹	»	XI-XIV	4	—	1	—
Удрай ²	Археологический ин- ститут	—	4	—	—	—
Унотицы ¹	Л. К. Ивановский	XI-XIV	7	2	—	—
Ущевицы ¹	»	XII	1	—	—	—
Харламова Гора ³	А. А. Бихнер	—	—	3	—	—
Холоповицы ¹	Л. К. Ивановский	—	—	—	—	—
Хотил ²	В. Н. Глазов	—	—	4	—	—
Хотыницы ¹	Л. К. Ивановский	XI-XIII	5	1	4	—
Хрепле ¹	А. В. Арциховский	XI-XII	11	2	—	4
Череповицы ¹	Л. К. Ивановский	XI-XIII	—	—	—	—
Черная ¹	»	XII-XIII	—	1	—	—
Черновицы ⁴	Л. Н. Целепи	—	×	×	—	—
Шпаньково ¹	Л. К. Ивановский	XI-XIII	—	—	—	—
Яблоницы ¹	»	XI-XII	—	—	1	—
Яскелево ¹	»	XI-XIII	3	—	1	—

¹ ГИМ, коллекции.

² Гос. Эрмитаж, коллекции.

³ Музей антропологии и этнографии, коллекции.

⁴ Архив ИИМК, дело ф. 37/№ 7 и № 8.

⁵ Архив ИИМК, дело 56/1898 и 117/1898.

⁶ ИОЛЕАЭ, т. XLIX, в. 5. Доклад о раскопках, произведенных в 1883 г. Шмидтом в Гдовском и Лужском уездах С.-Петербургской губ., стр. 519. ИАК, LIII, стр. 81—93.

⁷ А. А. Спицын. Раскопки 1910 г. в Лужском уезде С.-Петербургской губ.

⁸ АИЗ, 1894, № 2 и 1895, №№ 7—8.

⁹ Труды Псковского археологического общества, в. 10, Псков, 1913, стр. 35-50.

¹⁰ А. А. Спицын. Жальники Гдовского уезда ЗРАО, т. X, в. 1—2, стр. 364-365.

¹¹ Архив ИИМК, дело 60/1912.

¹² ИОЛЕАЭ, т. XXXI, Отчет о раскопках Н. Г. Богословского, стр. 206.

¹³ ИОЛЕАЭ, т. XLIX, в. 5. Курганы и могильники Шелонской пятины, стр. 646—648.

¹⁴ ОАК за 1909—1910 гг. СПб., 1913. Производство археологических раскопок, стр. 163.

Знак × означает «несколько».

Водские

Местонахождение могильника	Автор раскопок	Дата могильника	Славян		
			ромбоцигловые кольца	браслетообраз- ные кольца	рубчатые перстни
Большие Поля ²	В. Н. Глазов	XIII-XIV	—	—	—
Горбово ⁵	Г. Р. Шмидт	—	—	—	—
Горки ¹	Л. К. Ивановский	XI-XV	—	—	—
Гостицы ²	В. Н. Глазов	XIII-XIV	—	—	—
Дятлицы ¹	Л. К. Ивановский	XII-XIII	—	—	—
Загрядье ²	В. Н. Глазов	—	—	—	—
Зажупанье ¹	Л. К. Ивановский	XIII-XV	—	—	—
Залахтовые ⁶	К. Д. Трофимов; Кудряшов	XI-XII	—	—	—
Засторонье-Б ²	В. Н. Глазов	XIII-XIV	—	—	—
Калтри ³	Лешке	—	—	—	—
Коварщина ¹	Л. К. Ивановский	XI-XIV	—	—	—
Коноховицы ¹	»	XI-XIII	—	—	—
Летошицы ¹	»	XII-XIII	—	—	—
Макса ³	Хаусман	—	—	—	—
Малая Руя ²	В. Н. Глазов	XIV	—	—	—
Мануйлово ²	Л. К. Ивановский; В. Н. Глазов	XI-XIII	—	—	—
Новая Буря ⁴	А. Э. Мальмгрен	XIII-XIV	—	—	—
Ново-Сиверская ^{1; 2}	Л. К. Ивановский; Давилов	XII-XV	—	—	—
Пиллово ¹	Л. К. Ивановский	XIV	—	—	—
Пумолицы ¹	»	XIV-XV	—	—	—
Рутулицы ²	»	XIII-XIV	—	—	—
Сабск ¹	»	XVI(?)	—	—	—
Сельцо ¹	»	XII-XIII	—	—	—
Старо-Сиверская II ²	»	XII-XIV	—	—	—
Ямки ¹	»	XIII	—	—	—

¹ ГИМ, коллекции.² Гос. Эрмитаж, коллекции.³ Археологический музей Эстонской ССР (г. Тарту), коллекции.⁴ Архив ИИМК, дело 91/1897.⁵ ИОЛЕАЭ, т. XLIX, в. 5. Курганы и могильники Шелонской пятны, стр. 610.⁶ К. Трофимов. Раскопки курганов при д. Залахтовые. М., 1909.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

могильники

сухие предметы						Водские предметы							Этническая принадлежность могильника
лунницы	сердоликовые бипирамидальные бусы	хрустальные шарообразные бусы	предметы с орнаментом типа «ромбошпигельных»	в с е г о	многобусенные кольца	многобусенные с подвесками каури	раковины каури	полые подвески-уточки	булавки восточно-ливского типа	прочие	в с е г о		
—	—	—	—	—	14	—	×	—	—	1	×	Водь	
—	—	—	—	—	×	—	×	—	—	—	×	»	
—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2	»	
—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	5	»	
—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	1	3	»	
—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2	»	
—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2	»	
—	—	—	—	—	—	—	×	—	11	—	×	»	
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	»	
—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	3	»	
—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2	»	
—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	3	»	
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	»	
—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2	»	
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	»	
—	—	—	—	—	—	—	—	1	5	—	6	»	
—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2	»	
—	—	—	—	—	11	—	×	1	—	—	×	»	
—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	×	»	
—	—	—	—	—	1	2	×	—	—	—	×	»	
—	—	—	—	—	13	6	×	—	—	—	×	»	
—	—	—	—	—	1	—	×	—	—	1	×	»	
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	»	
—	—	—	—	—	2	—	—	1	—	—	3	»	
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	»	

АНАЛИЗ ПО ПОГРЕБЕНИЯМ

Славянскими, в основном, могут быть признаны следующие группы:

Б е с е д а. Славянские погребения № 8, 31, 46, 57, 95 (по ромбошитковым кольцам), 143 (по браслетообразному кольцу), 97 (по рубчатому перстню), 138 (по ромбошитковому кольцу и сердоликовой бипирамидальной бусе), 78 (по сердоликовым бипирамидальным бусам). Водское погребение № 109 (по многобусенным кольцам).

Б е р х о л я н ы. Славянские погребения № 9, 15, 18 (по браслетообразным кольцам), 11 (по ромбошитковым кольцам). Водское погребение № 4 (по многобусенным кольцам).

В о п ш а II. Славянские погребения № 20, 34 (по ромбошитковым кольцам), 23 (по ромбошитковым кольцам и сердоликовым бипирамидальным бусам), 21 (по луннице), 6-б (по сердоликовым бипирамидальным бусам), Курган № 6-а неопределен (2 ромбошитковых кольца и подвеска-уточка).

Г р ы з о в о. Славянские погребения № 20, 57 (по ромбошитковым кольцам), 18 (по ромбошитковым кольцам и по рубчатым перстням), 47 (по ромбошитковому и браслетообразному кольцам и рубчатому перстню), 48 (по браслетообразным кольцам и сердоликовым бипирамидальным бусам), 17 (по подковообразной застежке с орнаментом типа ромбошитковых). Водское погребение № 36 (по многобусенным кольцам и цепедержателю).

К а л и х н о в щ и н а. Славянские погребения № 22, 52 (по ромбошитковым и браслетообразным кольцам), 67, 70, 79, 81 (по браслетообразным кольцам), 78 (по ромбошитковым кольцам), 53 (по браслетообразным кольцам и хрустальным шарообразным бусам), 56 (по браслету с орнаментом типа ромбошитковых), 80 (по браслетообразным кольцам и треугольным пластинчатым привескам с орнаментом типа ромбошитковых). Водские погребения № 36, 62, 71 (по полым подвескам-уточкам).

К р а п и в а. Славянские погребения № 3 (по ромбошитковым кольцам, лунницам и гривне с орнаментом типа ромбошитковых), 18 (по ромбошитковым кольцам и браслету с орнаментом типа ромбошитковых), жальник № 3 (по браслету с орнаментом типа ромбошитковых). Водский курган № 21 (по полый подвеска-уточка).

П е ж о в и ц ы В. Славянские погребения № 41 и 58 (по ромбошитковым кольцам). Водское погребение № 48 (по многобусенному кольцу).

П е ж о в и ц ы Б. Славянские погребения № 21 и 33 (по ромбошитковым кольцам). Водское погребение № 39 (по многобусенному кольцу).

Р а б и т и ц ы. Славянские погребения № 27, 106 (по ромбошитковым кольцам), 59, 61 (по рубчатым перстням). Водское погребение № 1 (по многобусенному кольцу).

Р о н к о в и ц ы. Славянские погребения № 9, 26, 54, 69 (по ромбошитковым кольцам), 1, 68 (по хрустальным шарообразным бусам), 7 (по сердоликовым бипирамидальным бусам). Водский курган № 81 (по многобусенным кольцам).

С у м и н о. Славянские погребения № 9, 21, 127 (по ромбошитковым кольцам), 66, 75, 77, 109 (по браслетообразным кольцам), 7 (по хрустальным шарообразным и сердоликовым бипирамидальным бусам), 31 (по рубчатому перстню). Водские погребения № 151, 152 (по многобусенным кольцам).

Следующие курганные группы, имеющие большинство водских погребений, должны быть отнесены к води:

В о й н о с о в о. Водские погребения № 126, 130, 135 (по многобусенным кольцам), № 2 и 50 (по булавам). Курган № 74 (по ромбошитковому кольцу)—славянский.

В о л г о в о. Водские погребения № 5, 24, 30, 32, 35, 37, 38, 42, 54, 60, 61, 63, 90, 107, 110 (по многобусенным кольцам). Славянский курган один № 44 (по ромбошитковому кольцу).

В о л к о в и ц ы. Водские погребения № 58, 74 (по многобусенным кольцам). Славянское № 116 (по ромбошитковым кольцам).

В о л о с о в о (Восточная часть б. Петергофского уезда)¹. Водские погребения № 12, 32, 33, 41, 50, 58, 100 (по многобусенным кольцам). Славянский курган № 1 (по ромбошитковому кольцу).

¹ А. А. Спицын в «Журнале раскопок, произведенных Л. К. Ивановским в Петербургской губ.» (МАР, № 20) ошибочно поместил под № XV (Волосово, юго-западная часть Петергофского уезда) две курганные группы. В действительности эти группы относятся к разным деревням одного и того же названия. Отсутствие второй курганной группы при д. Волосово, расположенной в юго-западном углу Петергофского уезда, отмечал Н. К. Рерих в поправках к изданию отчетов о раскопках Л. К. Ивановского: «В дневнике сказано две группы, на самом деле одна. Вещи могли

П л е ш е в и ц ы. Водские погребения № 49, 52, 56, 64, 74, 75, 76 (по многобусенным кольцам), 53 (по раковинам каури). Славянские погребения № 60 (по ромбошитковым кольцам), 58 (по ромбошитковым и браслетообразным кольцам), 59 (по браслетообразным кольцам).

О ж о г и н о. Водские погребения № 4, 14, 17, 22, 28, 31, 32, 47, 66, 70 (по многобусенным кольцам), 69 (по многобусенному кольцу с подвесками-раковинами), 1 (по полой подвеске-уточке). Славянские погребения № 5, 44 (по ромбошитковым кольцам), 58 (по сердоликовым бипирамидальным и хрустальным шарообразным бусам).

Т р е с к о в и ц ы. Водские погребения № 4 (по многобусенным кольцам), 26 (по многобусенным кольцам с подвесками-раковинами), 15 (по полой подвеске-уточке). Один курган (№ 1) — славянский (по ромбошитковому кольцу).

Курганные группы, в которых количество славянских и количество водских погребений оказалось сравнительно одинаковым, считаются смешанными. Таковы следующие:

А р б о н ь е. Водские погребения № 29, 30, 38, 44, 48 (по многобусенным кольцам), 58 (по бусам от многобусенного кольца). Славянские погребения № 19, 25 (по ромбошитковым кольцам), 28 (по ромбошитковым кольцам и хрустальной шарообразной бусе), 59 (по хрустальной шарообразной бусе).

З а г о р ь е. Славянское погребение № 27 (по ромбошитковому кольцу). Водский курган № 28 (по многобусенным кольцам).

К у р и ч е к. Славянские погребения № 6 (по браслетообразному кольцу), 9 (по ромбошитковым кольцам). Водские погребения № 1 (по двум подвескам-уточкам), 2 (по многобусенным кольцам), 3 (по раковинам каури).

Л и с и н о. Водское погребение № 94 (по многобусенным кольцам). Славянский курган № 109 (по ромбошитковому кольцу).

М а л а я К а м е н к а. Славянские погребения № 3, 17 (по ромбошитковым кольцам), 5 (по ромбошитковым и браслетообразным кольцам). Водские погребения № 1, 25, 35 (по подвескам-уточкам).

С м е д о в о. Славянские погребения № 18, 43, 115 (по ромбошитковым кольцам), 9 (по шарообразным хрустальным бусам). Водские погребения № 4, 7, 71, 73 (по многобусенным кольцам).

О л ь г и н К р е с т. Славянский курган № 7 (по браслетообразным кольцам и хрустальным шарообразным бусам). Не могут быть определены курганы № 5 (2 ромбошитковых кольца и 2 полых подвески-уточка) и № 17 (браслетообразное кольцо и подвеска-уточка).

Ю г а (Jõuga). Славянские погребения № 4, 21, 23, 42 (по ромбошитковым кольцам). Водские погребения № 22 (по многобусенным кольцам и раковинам каури), 43, 51 (по подвескам-уточкам). Неопределимое погребение № 26 (браслетообразное кольцо и подвеска-уточка).

принадлежать другой деревне» (Н. Р е р и х. Экскурсия Археологического института 1899 г. в связи с вопросом о финских погребениях в С.-Петербургской губ. «Вестник Археологического института», т. XIII, стр. 105). Установить, какая из раскопанных групп к какому Волосову относится, не трудно. В 1876 г. Л. К. Ивановский (у Спицына указано: раскопки 1876 и 1883 гг.) производил раскопки в самом центре Ижорского плато. Тогда была раскопана более или менее компактная группа (близ деревень Роговицы, Будино, Ославье, Череповицы, Губаницы, Кикерино, Сумино и т. д.). Среди названных деревень есть Волосово. Следовательно, Волосовская курганный группа, раскопанная в 1876 г., относится к Волосову в юго-западной части Петергофского уезда. Раскопки 1883 г. охватили восточную часть Петергофского уезда [ЗРАО, т. I (новая серия), СПб., 1886, стр. 32, 35]; тогда были раскопаны рядом лежащие группы у деревень Мало-Горская, Глядино, Волковицы, Дятлицы и Волосово. Рассматриваемая группа и относится к последнему селению.

Славянские, водские

Местонахождение могильника	Автор раскопок	Дата могильника	Славянские			
			ромбоцифровые кольца	браслетообраз- ные кольца	рубчатые пер- стни	лунницы
Беседа ¹	Л. К. Ивановский	XI-XIII	9	1	6	—
Верхоляны ²	В. Н. Глазов	XI-XIV	3	15	—	—
Вопша-II ²	Л. К. Ивановский	XII-XIV	6	—	—	1
Грызово ¹	»	XI-XIV	8	3	3	—
Калихновщина ²	В. Н. Глазов	XI-XV	11	24	—	—
Крапивна ²	»	XII-XIV	10	—	—	4
Пежовицы Б ¹	Л. К. Ивановский	XI-XIII	3	—	—	—
Пежовицы В ¹	»	XII-XIV	3	—	—	—
Рабитицы ¹	»	XII-XIV	2	—	2	—
Ронковицы ¹	»	XII-XIV	5	—	—	—
Сумино ¹	»	XI-XIV	4	6	1	—
Войносово ¹	»	XII-XVI	1	—	—	—
Волгово ¹	»	XIII-XIV	1	—	—	—
Волковицы ¹	»	XII-XIV	8	—	—	—
Волосово ¹	»	XII-XIV	3	—	—	—
Плещевцы ¹	»	XII-XIV	2	2	—	—
Ожогно ²	»	XII-XIV	2	—	—	—
Тресковицы ²	»	XIII-XIV	1	—	—	—
Арбонье ¹	»	XII-XIV	5	—	—	—
Загорье ¹	»	—	1	—	—	—
Куричек ²	В. Н. Глазов	XII-XIV	1	1	—	—
Лисино ^{1; 4}	Л. К. Ивановский; Н. К. Рерих	XII	1	—	—	—
Малая Каменка ²	В. Н. Глазов	XI-XV	7	2	—	—
Малые Поля ^{2; 5}	»	XI-XIV	2	—	—	—
Смедово ¹	Л. К. Ивановский	XII-XIV	4	—	—	—
Ольгин Крест ^{2; 3}	В. Н. Глазов	XI-XIII	2	5	—	—
Юга ³	П. Аристе; Х. Моора	—	6	2	—	—

¹ ГИМ, коллекции.² Гос. Эрмитаж, коллекции.³ Археологический музей Эстонской ССР (г. Тарту), коллекции.⁴ Архив ИИМК, делс 56/1896.⁵ При этническом определении учтен погребальный обряд (см. текст).

П Р И Л О Ж Е Н И Е 5

и смешанные могильники

предметы				Водские предметы							Этническая принадлежность могильника
сердоликовые бипирамидальные бусы	хрустальные шарообразные бусы	предметы с орнаментом типа «ромбоцитковых»	в с е г о	многобусенные кольца	многобусенные с подвесками каури	раковины каури	Полые подвески-уточки	буланы восточного типа	прочие	в с е г о	
3	—	—	19	2	—	—	—	—	1	3	Славяне
—	—	—	18	2	—	—	—	—	—	2	»
4	—	—	11	—	—	—	1	—	—	1	»
4	—	1	19	2	—	—	—	—	1	3	»
—	2	5	42	—	—	—	3	—	—	3	»
—	—	3	17	—	—	—	1	—	—	1	»
—	—	—	3	1	—	—	—	—	—	1	»
—	—	—	3	1	—	—	—	—	—	1	»
—	—	—	4	1	—	—	—	—	—	1	»
—	11	—	16	2	—	—	—	—	—	2	»
3	2	—	16	3	—	—	—	—	—	3	»
—	—	—	1	4	—	—	—	5	1	10	Водь
—	—	—	1	26	—	—	—	—	—	26	»
—	—	—	8	9	—	—	—	—	1	10	»
—	—	—	3	16	—	—	—	—	—	16	»
—	—	—	4	9	—	—	—	—	—	9	»
2	1	—	5	20	2	—	1	—	—	23	»
—	—	—	1	2	1	—	1	—	—	4	»
—	2	—	7	10	—	—	—	—	—	10	Смешанный
—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	2	»
—	—	—	2	2	—	—	2	—	—	×	»
—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	2	»
—	—	—	9	—	—	—	3	—	—	3	»
—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	»
—	1	—	5	8	—	—	—	—	—	8	»
—	4	—	11	—	—	—	3	—	—	3	»
—	—	—	8	3	—	×	3	—	—	×	»

**МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ**

М. З. П А Н И Ч К И Н А

РАЗВЕДКИ ПАЛЕОЛИТА НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ

Уже ряд лет проводятся археологические работы Куйбышевской археологической экспедицией Института истории материальной культуры Академии Наук СССР под руководством проф. А. П. Смирнова. На территории среднего Поволжья экспедицией исследованы многочисленные памятники, относящиеся к различным эпохам. Наряду с исследованием памятников, характеризующих ранние этапы эпохи металла, а также памятников, относящихся к средневековью, экспедицией были организованы в 1951 г. работы по изучению палеолитических местонахождений.

Обнаружение палеолита в Поволжье является одной из первоочередных задач, стоящих в настоящее время перед советскими археологами. Вопрос о древнейшем заселении нашей страны и о развитии палеолитической культуры на ее территории не может быть полностью освещен без выяснения характера палеолитических памятников Поволжья. Волжский бассейн, связывающий собой обширные области, расположенные от него к западу и востоку (и давшие уже значительное количество палеолитических памятников), несомненно, является местом стыка палеолитических культур и взаимодействия древнейшего населения восточноевропейской равнины, с одной стороны, Урала, Сибири и Средней Азии — с другой. Поэтому ключ к выявлению намечающихся различий в культуре этих областей должны дать палеолитические памятники Поволжья.

Огромные пространства Поволжья могли быть заселены человеком, судя по ряду признаков, с самого древнейшего времени. Отсутствие в четвертичное время ледникового покрова в среднем и нижнем Поволжье, наличие обширных степных и лесостепных равнин с богатой растительностью¹, привлекавших стада крупных млекопитающих, остатки которых в изобилии встречены в отложениях Волги и ее притоков, — создавали благоприятные условия для поселений здесь человека с самой начальной поры плейстоцена. Только слабой изученностью и специфическими условиями залегания можно было объяснить отсутствие палеолитических остатков на этой территории.

Вопрос о времени заселения человеком Поволжья уже давно интересует русских исследователей. В этой связи особенно привлекало внимание

¹ А. П. П а в л о в. Ископаемый человек эпохи мамонта в восточной России и ископаемые люди Западной Европы. Прилож. к Русск. антрополог. журналу, т. XIV, в. 1—2, 1925, стр. 22; е го же. Геологическая история европейских земель и морей в связи с историей ископаемого человека. М.—Л., 1936, стр. 253; В е р а Г р о м о в а. Новые материалы по четвертичной фауне Поволжья и по истории млекопитающих Восточной Европы и Северной Азии вообще. Тр. КИЧП, т. II, 1932, стр. 174—176.

обилие находок на берегах Волги костных остатков крупных млекопитающих четвертичного возраста. Открытие палеолитических памятников на Оке, на Дону, на северном и южном Урале, на Каме — не оставляло сомнений в наличии аналогичных местонахождений и на Волге.

Еще в 1879 г., в район среднего Поволжья совершил поездку с целью «проследить судьбу доисторического человека, в зависимости от окружающих его физико-географических условий»¹ известный русский исследователь И. С. Поляков. Осматривая берега Волги сразу же после работ на Дону, во время которых им была открыта знаменитая ныне Костенковская стоянка, И. С. Поляков обратил внимание на сходство в геологическом строении берегов Волги и берегов Дона. Им было указано также и на то, что общей чертой второй террасы Волги и Дона является «изобилие содержащихся в них костей различных по большей части ныне вымерших делювиальных животных»². Этим выводом И. С. Поляков намечал возможность нахождения на Волге палеолитических остатков, аналогичных находкам на Дону. И. С. Поляковым были осмотрены известные еще в 70-х годах прошлого столетия по работам Н. А. Головкинского³ два местонахождения костей четвертичных животных — урочище Тунгуз близ с. Хрящевки и Красновидовская коса, расположенная южнее Казани. На этих местонахождениях им были собраны значительные палеонтологические коллекции и дана краткая характеристика условий залегания этих остатков.

В 1913 г. П. А. Ососковым (вслед за К. П. Кузьминским, собравшим в 1913 г. свыше тысячи костей вымерших крупных млекопитающих) проводились обследование и частичные раскопки упоминавшегося выше палеонтологического местонахождения на полуострове Тунгуз в окрестностях с. Хрящевки. В результате была собрана богатейшая коллекция костей четвертичных животных, из которых большое количество оказалось расколотым (по мнению П. А. Ососкова, — намеренно). На основании наличия на многих костях следов употребления и факта находок обломков костей человека⁴ П. А. Ососков пришел к выводу о том, что скопление костей животных на полуострове Тунгуз связано с деятельностью человека, являвшегося современником этой фауны, и что обработка человеком изделий происходила на месте залегания находок⁵. П. А. Ососковым были отмечены также находки костей ископаемых животных на островах, расположенных против урочища Тунгуз и сел. Хрящевки (Ставропольский район), Русской Бектяжки и Мордово (Сенгилеевский район)⁶. К сожалению, империалистическая война 1914 г. не позволила П. А. Ососкову продолжить столь успешно начатые в 1913 г. на берегах Волги палеонтологические и археологические работы.

¹ И. С. Поляков. Антропологическая поездка в центральную и восточную Россию. Прилож. к т. XXXVII «Записок Академии Наук», № 1, 1881, стр. 77.

² И. С. Поляков. Ук. соч., стр. 67.

³ Н. А. Головкинский. О послетретичных образованиях по р. Волге в ее среднем течении. «Ученые записки Казанского университета за 1865 г.».

⁴ По данным академика А. П. Павлова, найденная П. А. Ососковым лобная часть черепа человека отличается по характеру сохранности и окраске от остальных костей и «возбуждает сомнение в том, что она относится к той же эпохе, как и остальные кости». — А. П. Павлов. Геологическая история европейских земель и морей..., стр. 254.

⁵ П. А. Ососков. Предварительное сообщение об открытии кладбища костей послетретичных млекопитающих в береговом гравии на левом берегу Волги между г. Сенгилеем и с. Новодевичьим. Прилож. к Протоколам Моск. об-ва испыт. природы, 1913, стр. 39.

⁶ Там же, стр. 40.

В 1912—1913 гг. сотрудниками Симбирского музея во главе с Г. С. Рогозиным был установлен на отмелях правого и левого берегов Волги в окрестностях с. Ундоры ряд местонахождений, давших остатки костей четвертичных животных и антропологические находки.

Изучая эти местонахождения вскоре по их открытии, А. П. Павлов дает детальное описание местоположения сделанных находок и собранного там материала, в том числе и антропологического, относя последний, в значительной его части, к остаткам ископаемого человека¹.

Оставляя открытым вопрос о датировке костных остатков человека, найденных на Волге, мы считаем важным отметить, что А. П. Павлов допускает мысль о том, что обнаруженные на Волге скопления костей четвертичных животных связаны с деятельностью первобытного человека.

После Великой Октябрьской социалистической революции поиски древнейших памятников становятся гораздо более интенсивными. Значительный вклад в изучение далекого исторического прошлого Поволжья, в частности Куйбышевской области, внесла своими археологическими работами В. В. Гольмстен. Одним из наиболее древних волжских памятников, ставших известным благодаря раскопкам В. В. Гольмстен, является стоянка Постников Овраг в г. Куйбышеве, давшая каменный и костяной инвентарь², относящийся, повидимому, к самому концу палеолитической эпохи³. Не менее интересные находки, возможно, относящиеся к палеолитическому времени, были сделаны в г. Куйбышеве на Воскресенском спуске. Исследования эти велись М. Г. Маткиным, учеником В. В. Гольмстен, под ее непосредственным руководством. На Воскресенском спуске были найдены кости мамонта и осколки кремня со следами намеренного раскалывания⁴.

В 1926 г. М. Г. Маткиным было обследовано, по поручению В. В. Гольмстен, еще одно местонахождение палеолитического типа, расположенное в 1,5 км к востоку от д. Кравцево (Бузулукский район), давшее находки двух гардунов (один из бивня мамонта, второй из рога оленя) и костей мамонта⁵. К сожалению, это весьма интересное местонахождение не подверглось до сих пор более тщательному исследованию.

В 1930 г., с целью изучения древнейших памятников Поволжья (Куйбышевская область, район Жигулей), была организована экспедиция Государственной академии истории материальной культуры под руководством П. П. Ефименко. Экспедицией изучались древнейшие памятники открытого типа, а также проведено обследование пещер в районе Жигулей. Результаты работ экспедиции не опубликованы.

В 1931 г. экспедицией Комиссии по изучению четвертичного периода, возглавлявшейся Г. Ф. Мирчинком, велось комплексное, в том числе и археологическое, обследование четвертичных отложений в районе средней и нижней Волги, а также по р. Каме, от г. Чистополя до впадения ее в Волгу⁶. Археологические работы, проводившиеся Г. А. Бонч-Осмоловским с целью выявления палеолитических памятников, заключались

¹ А. П. Павлов. Геологическая история европейских земель и морей..., стр. 254.

² В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. ТСА РАНИОН, IV, 1928, стр. 125—129.

³ П. П. Ефименко и Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, № 2, 1941.

⁴ В. В. Гольмстен. Ук. соч., стр. 129.

⁵ Там же.

⁶ Г. Ф. Мирчинк. Волжская экспедиция для изучения отложений четвертичного возраста. ВАН СССР, 1932, № 3, стр. 39—42; е го ж е. Результаты работ Волжской экспедиции Академии Наук. Тр. КИЧП, т. II, 1932, стр. 215—218.

в раскопке двух пунктов у г. Куйбышева (не давших положительного результата), а также в рекогносцировочном осмотре берегов Волги и Камы. В результате последних работ была сделана весьма интересная, но, к сожалению, не получившая достаточного освещения, находка «одного орудия мустьерского облика»¹, обнаруженного близ г. Тетюшей во вторичном залегании.

Экспедицией Государственного исторического музея под руководством А. Я. Брюсова, проводившейся на территории Чувашии в 1936 г. с целью выявления древнейших памятников в бассейне Волги, было обнаружено близ с. Улянк (Янтиковский район) одно местонахождение палеолитического типа. В непо потревоженном культурном слое этого местонахождения были найдены кости четвертичных животных и мелкие угольки; культурные остатки другого вида отсутствовали. На основании видового состава четвертичных животных, костные остатки которых обнаружены на стоянке Улянк, а также угольков, содержащихся вместе с костями, А. Я. Брюсов определяет возраст Улянковской стоянки верхнепалеолитическим временем².

Исследованное в 1949 г. сотрудниками Казанского музея краеведения Н. Ф. Калинин и О. С. Хованской местонахождение в окрестностях г. Мензелинска³ характеризуется теми же признаками, которые присущи и местонахождению Улянк. Наряду с костями четвертичных животных, в Мензелинском местонахождении были обнаружены только угольки; кремневые изделия отсутствовали.

Большое внимание привлекло к себе (ставшее известным позже других) скопление костей четвертичных млекопитающих, — давнее также остатки костей человека, — обнаруженное сотрудниками Хвалынского музея на Хорошевском острове близ г. Хвалынска. Это местонахождение привлекло вначале внимание В. А. Городцова (1929 г.), отнесшего найденные здесь костные остатки человека к современному типу. О. Н. Бадер подтвердил в 1939 г. для этих находок определение В. А. Городцова⁴.

Разница во мнениях этих исследователей заключается, однако, в том, что В. А. Городцов, относя остатки костей человека к *Homo sapiens*, определяет их возраст хвалынской культурой (II тысячелетие до н. э.), а О. Н. Бадер считает палеоантропологический материал с Хорошевского острова остатками верхнепалеолитического человека, отличавшегося переходными чертами от неандертальского типа к кроманьонскому⁵.

Наряду с осмотром обнаруженных ранее палеоантропологических находок, О. Н. Бадер провел в 1939—1940 гг. на берегах Волги археологическое обследование в ряде пунктов; в результате этого обследования им был собран материал палеолитического времени⁶. К сожалению, эти находки пока не опубликованы.

Во время археологического обследования окрестностей г. Куйбышева, проводимого в последние годы Куйбышевской археологической экспеди-

¹ Г. Ф. М пр ч и н к. Волжская экспедиция для изучения отложений четвертичного возраста, стр. 42.

² А. Я. Б р ю с о в. Следы палеолитической стоянки у сел. Улянк (Чувашская АССР). БИЧП, № 6—7, 1940.

³ Доклад Н. Ф. Калинин на Пленуме ИИМБ АН СССР в апреле 1951 г.

⁴ О. Н. Б а д е р. Находка неандерталоидной черепной крышки человека близ Хвалынска и вопрос о ее возрасте. «Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы. Отд. геологии», т. XVIII (2), 1940, стр. 75; е г о ж е. Первоначальное заселение Урала и Волгокамья человеком. «Ученые записки Молотовского гос. ун-ва», т. V, в. 2, 1947, стр. 99—100.

⁵ О. Н. Б а д е р. Первоначальное заселение Урала и Волгокамья человеком. стр. 101—103.

⁶ Там же, стр. 98.

цией, А. В. Збруева сделала весьма интересную находку каменного орудия типа мустьерского остроконечника¹. Орудие это было обнаружено на поверхности земли, в устье Барбашина оврага. Несмотря на неясные условия залегания, эта единичная находка, так же как и орудие мустьерского облика, найденное Г. А. Бонч-Осмоловским в Тетюшах, вызывают, в связи с обнаруженными нами на Волге в 1951 г. каменными изделиями мустьерского типа, особый интерес, и было бы желательным провести на этих местонахождениях дополнительные сборы материала.

Наряду с этими единичными орудиями необходимо вспомнить еще одну случайную и не совсем ясную находку каменного орудия нижнепалеолитического типа, сделанную, возможно, в нынешней Куйбышевской области еще до Октябрьской революции и переданную позже В. А. Городцову. Это орудие, хранящееся в настоящее время в Государственном историческом музее, представляет собой кремневое ручное рубило ашельского типа. К сожалению, остались совершенно неизвестными как обстоятельства, при которых найдено это орудие, так и место его нахождения, почему В. А. Городцов и воздерживался от его публикации.

По данным О. Н. Бадера, единичные находки позднепалеолитического типа были сделаны Т. А. Медведевой на правом берегу Камы, у с. Мысы².

Таким образом, за последние годы начали поступать с берегов Волги и прилегающих к ней областей, хотя и единичные, а иногда и не совсем ясные по условиям залегания, находки каменных изделий палеолитического типа.

Эти единичные находки, а также многочисленные местонахождения костей четвертичных животных заставили археологов вновь провести поиски палеолита на территории Поволжья. С этой целью в составе Куйбышевской археологической экспедиции ИИМК в 1951 г. был организован специальный отряд³, в задачу работ которого входили поиски палеолита в пределах Куйбышевской (от Ставрополя и выше по Волге) и Ульяновской областей, в Татарской АССР, а также в долине р. Большой Черемшан, от его устья до г. Мелекеса. Отряд не ставил целью вести обследование сплошным маршрутом, а ограничился осмотром отдельных пунктов, в первую очередь мест крупных скоплений четвертичной фауны.

Работы были начаты с осмотра берегов р. Большой Черемшан, от с. Хрящевки до г. Мелекеса, и древних террас р. Ташелки — от с. Ташелка до с. Ташлы и несколько ниже последнего (рис. 1).

Разведки были затруднены тем, что значительная площадь береговых участков Черемшана малодоступна для осмотра, так как их склоны и овраги обычно сильно задернованы, а часто и покрыты обширными лесными массивами, простирающимися широкой полосой вдоль берегов Черемшана. Осмотры естественных обнажений не дали положительных результатов.

Обследование песчано-галечной косы в урочище Тунгуз, расположенной на левом берегу Волги, недалеко от устья р. Большой Черемшан, дало более интересные результаты.

Как отмечалось выше, с урочищем Тунгуз связаны многочисленные остатки костей четвертичных животных, залегающие здесь на поверхности галечника и в отложениях последнего.

¹ А. В. Збруева. О находке мустьерского остроконечника близ г. Куйбышева. БКИЧП, № 9, 1947, стр. 83—84.

² О. Н. Бадер. Древнее Поволжье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья. СЭ, 1951, № 2, стр. 16.

³ В составе отряда работали старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа М. З. Паничкина и студенты Московского института востоковедения.

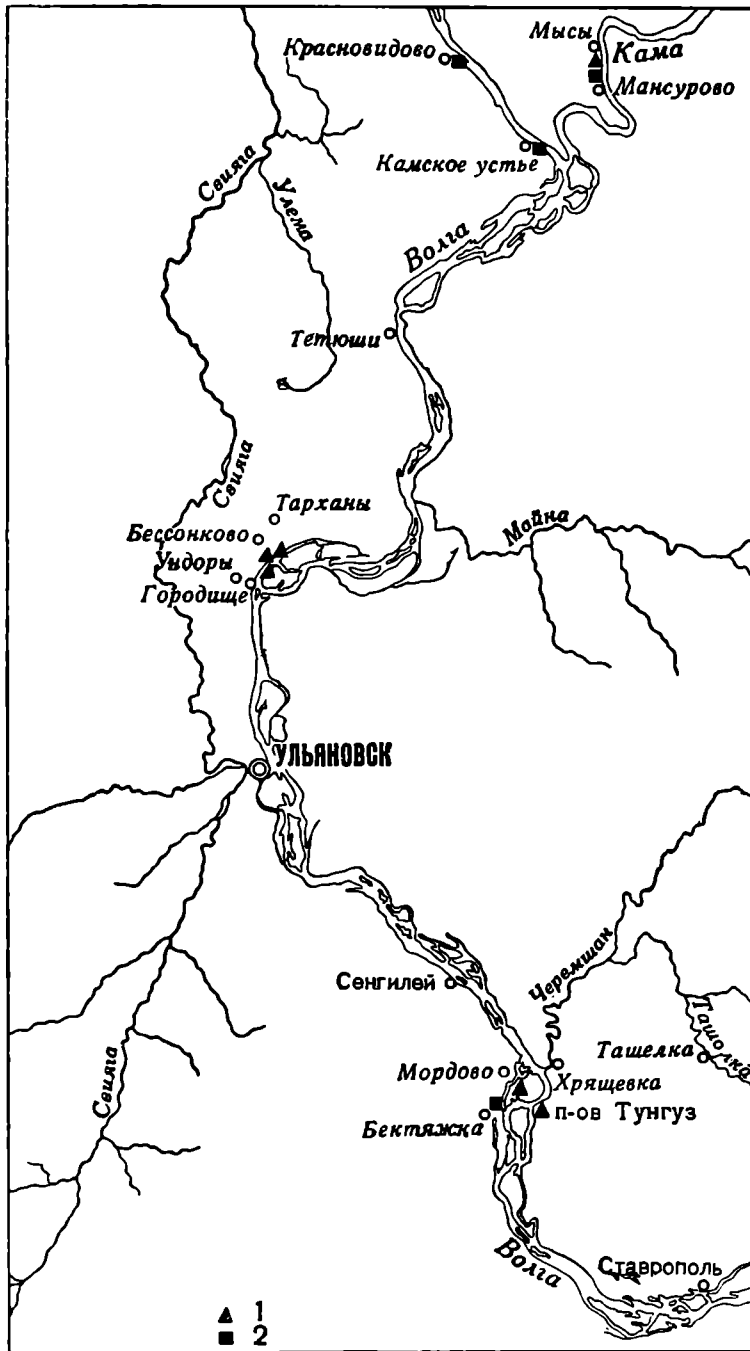

Рис. 1. Карта палеолитических и фаунистических находок в районе Среднего Поволжья.

- ▲ 1
■ 2
- 1—местонахождения кремней;
2—места находок костных остатков.

Благодаря этим находкам полуостров Тунгуз стал хорошо известен в геологической и палеонтологической литературе еще со второй половины XVIII в. Указания П. А. Ососкова на то, что с галечниковыми отложениями урочища Тунгуз связаны не только палеонтологические, но и палеолитические остатки, оставались до сих пор археологически не про-

веренными. Задачей наших работ на урочище Тунгуз явился осмотр галечниковых отложений с целью проверки положения П. А. Ососкова и выявления здесь более достоверных палеолитических остатков.

1. Урочище Тунгуз (или Хрящевская коса) расположено несколько ниже впадения р. Большой Черемшан в Волгу (см. рис. 1) и представляет собой небольшой полуостров, вдающийся полукругом в р. Воложку — широкий, левый рукав Волги. Полуостров Тунгуз тянется вдоль левого берега Воложки примерно на 2 км. В наиболее широкой части, занимающей южный конец, урочище достигает ширины в 1 км. Северный конец косы сильно сужен; к самому берегу Воложки подходит в этом месте надпойменная терраса, сложенная в основном песчано-глинистыми отло-

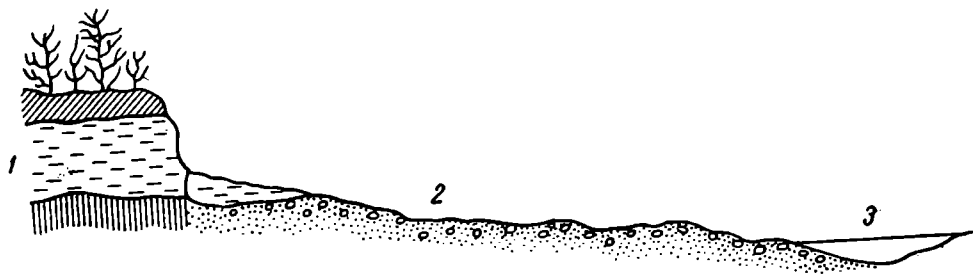

Рис. 2. Характер положения галечников, содержащих фаунистические и палеолитические остатки в урочище Тунгуз.

1 — пойма р. Воложки; 2 — отмель, сложенная песками с галькой; 3 — русло р. Воложки.

жениями. Поверхность террасы заросла лесом и кустарником. По очертаниям коса представляет форму удлиненного треугольника, обращенного вершиной на север. Береговая линия косы изрезана мелкими заливчиками, заполняющимися во время весеннего разлива водой Воложки и высыхающими после ее спада. По направлению к внутреннему краю поверхность полуострова несколько повышается, прислоняясь здесь к внешнему краю первой надпойменной террасы. Поверхность косы неровная, имеются неглубокие, но широкие западины, сменяющиеся невысокими, пологими бугорками. Такое чередование бугров и впадин придает поверхности слабую волнистость (рис. 2). Слагающие косу отложения состоят из крупного гравия и гальки, перекрытых у внутреннего ее края и на южном конце мелким, светложелтым песком.

Мощность отложений галечника на Тунгузе установить без специальных земляных работ трудно; имеющиеся на полуострове карьеры по добыче гравия вскрывают толщу галечника на глубину до 1 м. Размеры галек варьируются в диаметре от 2 см до 12—15 см. Преобладающее количество галек имеет размеры в 6—9 см. Вместе с хорошо окатанными образцами встречаются угловатые экземпляры, а также малоокатанный щебень. В состав галечника входят различные породы — кремль, мергель, известняк, песчаник и др.

Время отложения галечника на полуострове Тунгуз П. А. Ососков предположительно относит к концу образования верхней третьей и началу сложения второй террасы Волги¹.

Время накопления галечников, залегающих в настоящее время в ряде пунктов на берегах Волги и образующих на них обширные косы или отмели, содержащие остатки четвертичной фауны, относится и Н. И. Николаевым к началу образования второй, рисской террасы. Учитывая, что галечники, заключающие в себе остатки четвертичной фауны, подстилают

¹ П. А. Ососков. Ук. соч., стр. 35—36.

аллювиальные отложения не только пойменной и вюрмской террасы, но и второй, рисской, Н. И. Николаев относит время накопления галечников и возраст связанной с ним хазарской фауны к миндель-рисской межледниковой эпохе¹.

По исследованиям Г. Ф. Мирчинка и Е. В. Шанцера, время накопления галечников и возраст четвертичной фауны относятся к рисс-вюрму².

Галечники полуострова Тунгуз, включающие в себя многочисленные остатки костей четвертичных животных, размываются ежегодно полыми водами Волги; вследствие этого значительная часть костных остатков накапливается на поверхности галечника и залегает здесь в беспорядке на обширной площади. Наиболее многочисленные находки костей приурочены к береговой полосе полуострова, т. е. к месту выходов галечников на поверхность. В южной и восточной частях полуострова, там, где галечники более перекрыты песком, костные остатки встречаются в виде исключения. На этот факт также обратили в свое время внимание Д. И. Яковлев³ и Е. И. Беляева⁴, и, повидимому, его можно объяснить тем обстоятельством, что в прибрежной части полуострова происходит в настоящее время наиболее сильный процесс размывания отложений гальки. Возможно, какая-то часть костных остатков прибывает к берегу водой, вымывающей их из галечника, устилающего на этом участке русло Волги. Находки ископаемых млекопитающих неоднократно делались в русле реки близ Тунгуза, об этом упоминает Д. И. Яковлев; в русле реки находки костей были сделаны и нами.

Как уже отмечалось, сборы и описание фаунистического материала с Тунгуза производились много раз. Наиболее полные списки остатков четвертичных млекопитающих, обнаруженных на Тунгузе, даны в работах П. А. Ососкова⁵, Д. И. Яковлева⁶, М. В. Павловой⁷, Е. И. Беляевой⁸ и В. И. Громовой⁹.

Во время обследования полуострова Тунгуз сотрудниками палеолитического и II отряда экспедиции проведены выборочные сборы костных остатков четвертичных животных, залегавших на поверхности галечника. Костными остатками в собранной коллекции, по определению Н. К. Верещагина, представлены различные виды животных (табл. 1 на стр. 241).

Как любезно сообщил Н. К. Верещагин, в его сборах, проведенных им в том же году на полуострове Тунгуз, имеются, кроме того, остатки костей мелкого волка (*Canis volgensis* M. Pavl.) и бедренная кость человека.

Определяя возраст фауны с Тунгуза и увязывая ее с аналогичными находками других местонахождений Поволжья, Е. И. Беляева отмечает, что эта фауна «имеет очень много общего с находками остатков млеко-

¹ Н. И. Николаев. О возрасте четвертичной волжской фауны млекопитающих. «Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы. Отд. геологии», т. XV (6), 1937, стр. 499

² Г. Ф. Мирчинк. Четвертичная история долины р. Волги выше Мологи. Тр. КИЧП, т. IV, в. 2, 1935, стр. 25; Е. В. Шанцер. Некоторые новые данные по стратиграфии четвертичных отложений среднего Поволжья в связи с вопросом о поребристых почвах в делювиальных шлейфах. Тр. КИЧП, т. IV, в. 2, 1935, стр. 42—43.

³ Д. И. Яковлев. Описание полуострова Тунгуз и местонахождения на нем костей четвертичных животных. Изв. Геолкома, т. XLVII, № 5, 1928.

⁴ Е. И. Беляева. Заметка об остатках четвертичных млекопитающих полуострова Тунгуза. «Бюлл. Моск. об-ва испыт. природы. Отд. геологии, т. XVII (6), 1939, стр. 85.

⁵ П. А. Ососков. Ук. соч., стр. 32 и сл.

⁶ Д. Яковлев. Ук. соч., стр. 544—546.

⁷ Marie P a v l o w. Mammifères posttertiaires trouvés sur les bords du Volga près de Senguiley et quelques formes provenantes d'autres localités. «Ежг. русск. палеонт. об-ва», IX, 1930.

⁸ Е. И. Беляева. Ук. соч., стр. 86—89.

⁹ Вера Громова. Ук. соч., стр. 69—184.

Таблица 1

№ п.п.	В и д ы	Количество остатков	№ п.п.	В и д ы	Количество остатков
1	Мамонт <i>Elephas primigenius</i> Blum.	16	6	Северный олень . . . <i>Rangifer tarandus</i> L.	1
2	Носорог волосатый <i>Rhinoceros tichorhinus</i> Fisch.	9	7	Олень, точнее не определенный <i>Cervus</i> sp.	1
3	Быки и зубры <i>Bos et Bison</i> .	26	8	Верблюд <i>Camelus</i> sp. (<i>Knoblochii</i>) Nehr.	1
4	Лось <i>Alces alces</i> L.	2	9	Лошадь <i>Equus caballus</i> foss L.	10
5	Гигантский олень <i>Megaloceros euryceros</i> Aldr.	4	10	Крупные копытные, точнее не определенные	10

питающих и из других местонахождений, лежащих выше и ниже Тунгуза как Красновидово, Ундоры, о. Хорошевский и др. пункты. Большинство отмеченных в списке форм входит в состав «хазарской» фауны... датируемой теперь миндель-риссом. Полного отождествления с ней мы еще не можем привести, так как указанные месторождения требуют дальнейшего изучения»¹.

Иную датировку хазарской фауны Поволжья, следовательно, и значительной части костных остатков Тунгуза, дают В. И. Громова² и В. И. Громов³; оба исследователя относят ее к ресс-вюрмскому времени; наряду с хазарской фауной, они выделяют из известных в Поволжье палеонтологических находок более древний и более молодой, чем хазарская фауна, комплексы.

При обследовании полуострова Тунгуз обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди хорошо окатанной гальки встречаются в некотором числе мелко расколотые осколки камней; площадь распространения последних совпадает с площадью выходов на поверхность галечника. Просмотр этого материала показал, что среди естественно расколотых осколков камня имеются единичные предметы, несущие признаки намеренного изготовления. Вследствие залегания этих предметов в галечнике и на поверхности последнего они сильно окатаны. Наряду с экземплярами, хорошо сохранившимися, имеются предметы, которые настолько сильно окатаны и потерты, что вызывают сомнение в том, что они изготовлены человеком, хотя форма и еле прослеживающиеся признаки систематических сколов как будто бы указывают на неслучайное их происхождение.

Те единичные предметы, которые сохранили все признаки обработки, относятся по технике изготовления к палеолитическому времени.

На поверхности галечника было собрано 9 экземпляров каменных изделий палеолитического типа, хорошо сохранивших следы намеренной обработки. Находки были рассеяны в виде единичных экземпляров. Также, как и кости животных, они были приурочены в основном к северной

¹ Е. И. Беляева. Ук. соч., стр. 89.

² Вера Громова. Ук. соч., стр. 169—174.

³ В. И. Громов. Стратиграфическое значение четвертичных млекопитающих Поволжья. Тр. КИЧП, т. IV, в. 2, 1935, стр. 322—323.

части прибрежной полосы полуострова. Бóльшая их часть залегала непосредственно у берега. Приуроченность костей ископаемых животных и древних изделий из камня к берегу объясняется, возможно, недавним их вымыванием из галечника, наиболее интенсивно разрушающегося в настоящее время именно в этой части полуострова. Только благодаря недавнему появлению на поверхности они сохранили явные признаки обработки и не успели еще подвергнуться окончательному разрушению. Степень окатанности этих изделий зависела, кроме того, от характера материала, из которого они были изготовлены.

Среди собранных на полуострове Тунгуз древних каменных изделий имеются экземпляры, изготовленные не только из кремня, но и из более мягких пород камня (вроде, например, кремнистого известняка или кремнистого песчаника), значительно уступающих по твердости меловому кремню.

Часть изделий изготовлена из непрозрачного серого кремня. Кремневые изделия окатаны слабее; ребра и грани прослеживаются на них хорошо. Здесь следует отметить, что на всем протяжении средней Волги кремень встречается в очень небольшом количестве и весьма низкого по своей структуре качества. На эту особенность обратил внимание в свое время и И. С. Поляков, отмечая что «местный кремень пермской формации довольно мягок и хрупок; он даже режется меловым кремнем... Изделия из кремней, полной твердости и крепости, довольно редки»¹. Из 9 предметов—четыре отщепа, два нуклеуса и три остроконечника. Один крупный и массивный отщеп удлиненно-треугольной формы сделан из кремнистого известняка. Ударная площадка, ударный бугорок и грани на спинке прослеживаются ясно. Ударная площадка гладкая и составляет почти прямой угол с нижней плоскостью отщепа (рис. 3, 4). Ударный бугорок занимает значительную часть нижней плоскости отщепа. Размеры отщепа — 8,0 × 4,5 см. Другой отщеп, изготовленный из кремня хорошего качества, имеет случайные очертания и широкие грани на спинке (рис. 3, 5): ширина отщепа больше длины (ширина 9,8 см, длина 8,0 см). Ударная площадка небольшая, гладкая. Два тонких кремневых отщепа имеют подтреугольную форму (рис. 3, 6 и 7); в продольном сечении слегка изогнуты.

Нуклеусов или, точнее, нуклевидных кусков кремня имеются всего лишь два малосработанных экземпляра. Для их изготовления использованы небольшие (7,0 × 5 см и 6,5 × 5,5 см) куски камня, совершенно не подвергавшиеся предварительной подправке. На каждом нуклеусе имеются следы скола только одного широкого отщепа. На одном конце нуклеусов сохранилась хорошо выраженная глубокая лунка — негатив ударного бугорка на отщепе. Подготовленная ударная площадка на нуклеусах отсутствует. Несработанная часть ядрищ сохраняет естественную поверхность камня (рис. 4, 1—2).

Орудия представлены тремя остроконечниками, изготовленными из кремня. Один остроконечник сделан на небольшом, широком и массивном отщепе (длина 5,8 см, ширина 3,5 см) треугольной формы; ударная площадка слегка изогнута, предварительно подправлена на нуклеусе и расположена, по отношению к центральной оси отщепа, сбоку. Ударный бугорок хорошо выражен. Грани на спинке широкие. Ретушь, формирующая рабочий край, — неровная, частично заходит на нижнюю плоскость орудия (рис. 3, 2).

Второй остроконечник изготовлен на отщепе удлиненно-треугольной формы (длина 6,0, ширина 3,5 см); в поперечном сечении утолщен; ударная

¹ И. С. Поляков. Ук. соч., стр. 73.

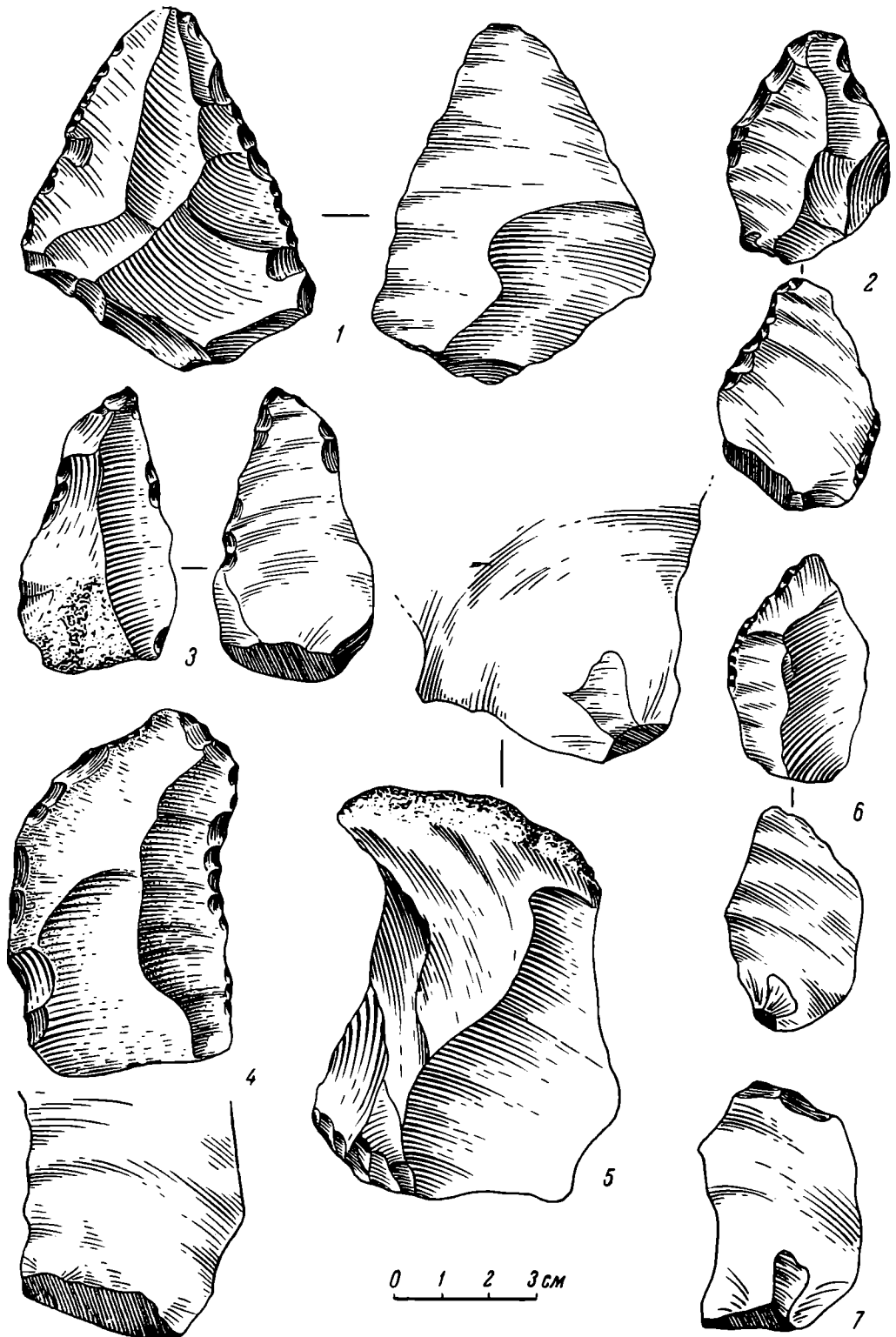

Рис. 3. Палеолитические изделия с полуострова Тунгуз.

1—3—остроконечники; 4—7—отщепы.

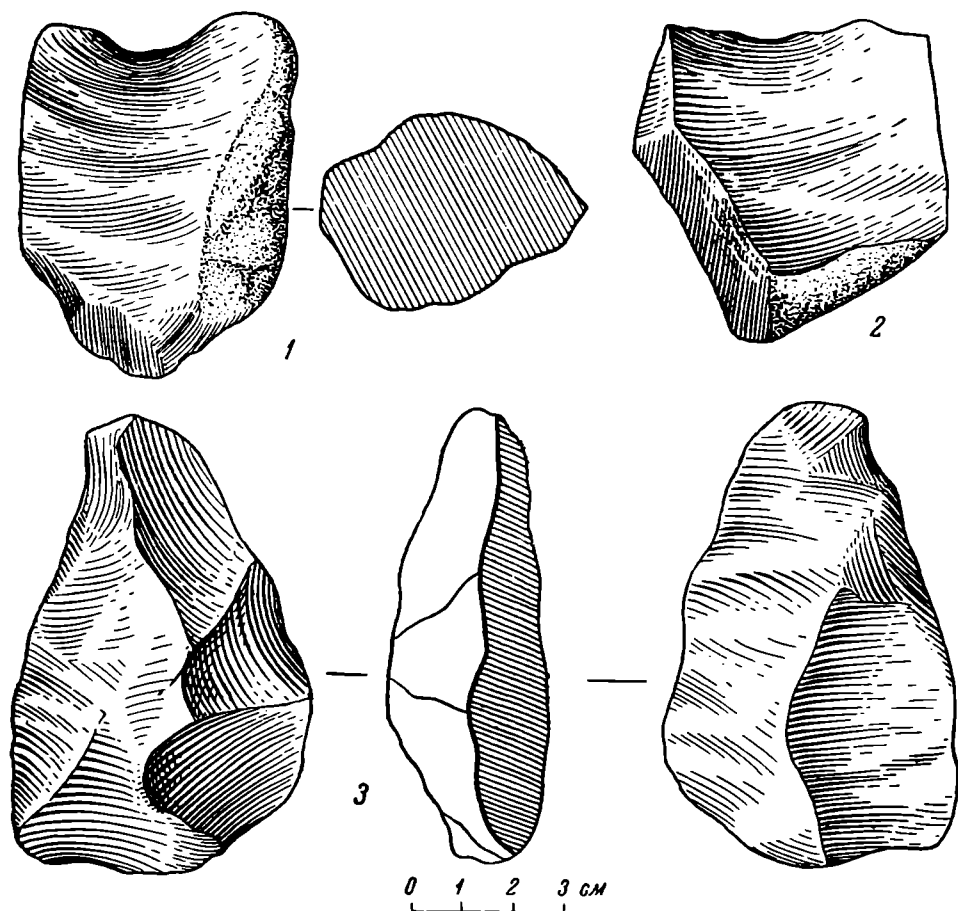

Рис. 4. Палеолитические изделия с полуострова Тунгуз.

1—2 — нуклеусы; 3 — сильно окатанный предмет типа грубого рубящего орудия, изготовлен из мягкой породы камня.

площадка крупная, гладкая. Одна грань на спинке сохранила меловую корку. По краям слабая, сильно сглаженная окатыванием ретушь. Верхний конец тщательно приострен (рис. 3, 3).

Для изготовления третьего остроконечника (рис. 3, 1) использован крупный, широкий, правильной формы треугольный отщеп (длина 7,7 см, ширина 6,0 см). Основание орудия утончено обработкой. Ударный бугорок отделен от остальной части нижней плоскости отщепа резко выступающим ребром. Грани на спинке широкие. Поверхность сильно заглажена, вследствие чего ретушь по краям едва прослеживается.

По технике изготовления эти три остроконечника являются типичными орудиями позднеашельского — раннемустьерского времени.

Небольшое орудие двусторонней формы (рис. 4, 3), сделанное из более мягкой, чем кремль, породы камня, очень сильно окатано и выветрено; по этой причине трудно проследить с полной отчетливостью детали его обработки, и потому оно включается в группу сомнительных орудий. Этот предмет представляет собой массивный кусок кремнистого песчаника миндалевидной формы, оббитый, на значительной части поверхности, крупными сколами, нанесенными с двух сторон и образующими приостренный рабочий край. Основание слегка утончено одним крупным сколом, нанесенным с менее оббитой стороны.

Нами собрано еще несколько предметов, которые по степени сохранности аналогичны описанному экземпляру; они сохраняют как будто бы следы намеренной обработки, но, вследствие очень сильной окатанности, не могут быть с полной уверенностью отнесены к несомненным изделиям человека.

Характерно, что все эти сильно окатанные предметы напоминают своим обликом изделия именно нижнепалеолитического времени. Возможно, что значительная часть их представляла собой орудия, но они утратили почти все признаки намеренного их изготовления.

Заканчивая характеристику древней группы палеолитических остатков Тунгузского местонахождения, необходимо отметить, что эти находки хотя и немногочисленны, но содержат типичные нижнепалеолитические остроконечники и отщепы. Эта группа изделий в целом характеризует собой или самый конец ашеля или начало мустье. Весьма существенно, что возраст этих находок хорошо согласуется с возрастом фаунистических остатков так называемого хазарского комплекса, представленных на этом местонахождении в значительном количестве и также определяемых как среднечетвертичные.

Условия залегания находок на Тунгузе не позволяют с полной категоричностью утверждать, что каменные орудия и кости ископаемых животных, собранные здесь, происходят из общего источника. Однако нельзя полностью отрицать возможность накопления здесь костных остатков животных (хотя бы отчасти) за счет охотничьей деятельности первобытного человека.

Окончательное решение этого вопроса принесут в будущем исследования других волжских местонахождений с более ясными условиями залегания.

Кроме палеолитических оббитых кремней, на Тунгузе было собрано несколько поздних изделий, недостаточно характерных для точного определения их возраста.

Ниже приводится описание их для полного учета находок, сделанных на этом местонахождении. Сюда относятся две крупные ножевидные пластинки и один скребок типа высокой формы. Пластинки сделаны из белого кремня, отличающегося от кремня, шедшего на изготовление нижнепалеолитических изделий, лучшим качеством. Эти пластинки окатаны значительно слабее. Одна пластинка имеет ровные края и очень узкие, параллельные друг другу грани (рис. 5, 1). Правильные очертания и очень тонкие края указывают на возможность использования пластинки в качестве ножа. Концы ее обломаны в древности. Относится она, видимо, к самому концу неолита, возможно, уже к эпохе металла (длина 7,0, ширина 2,3 см). Вторая пластинка двускатная; одна грань сохранила меловую корку; края параллельны; верхний конец обломан. Тонкая ретушь, нанесенная со стороны брюшка по одному краю (рис. 5, 3), имеет блеск и патину, одинаковую по интенсивности с остальной поверхностью пластинки (длина 6,0 см, ширина 2,6 см). Скребок высокой формы, изготовленный на небольшом массивном осколке камня, коричневого цвета. Значительная часть закругленного рабочего лезвия обработана крупной, с продолговатыми фасетками, ретушью (рис. 5, 2). Эта форма скребка обычна в инвентаре верхнепалеолитических стоянок. Однако по одной находке невозможно пытаться уточнить ее возраст. Этими камнями ограничиваются поздние находки на Тунгузе.

II. Очень близкие по возрасту к нижнепалеолитическим изделиям полуострова Тунгуз были сделаны единичные находки на Бектяжском острове (см. рис. 1), расположенном ниже с. Хрящевки, против

сел. Мордово и Русская Бектяжка (правый берег Волги, Сенгилеевский район).

На северном мысу Бектяжского острова, против с. Мордово, имеется песчано-галечная коса (рис. 6), занимающая обширную площадь: она тянется более чем на 1 км вдоль берега Волги и на 0,5 км вглубь острова.

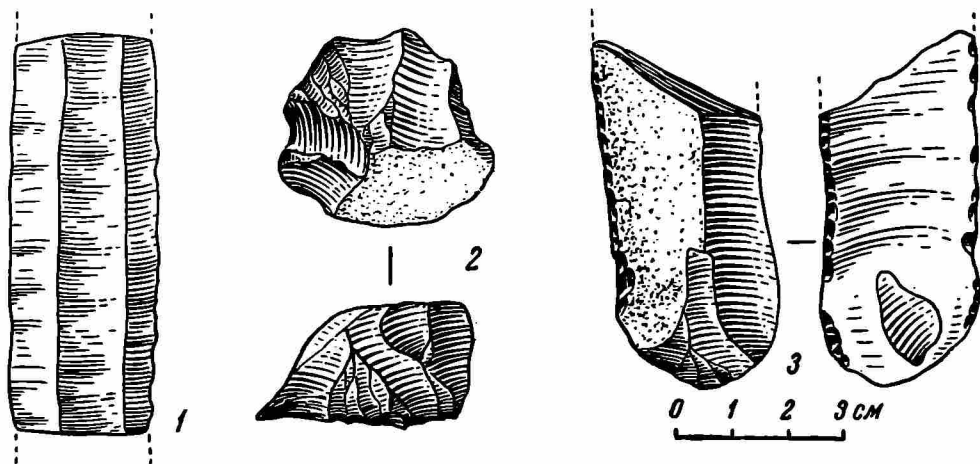

Рис. 5. Каменные изделия с полуострова Тунгуз.

1 и 3 — ножевидные пластинки; 2 — скребок.

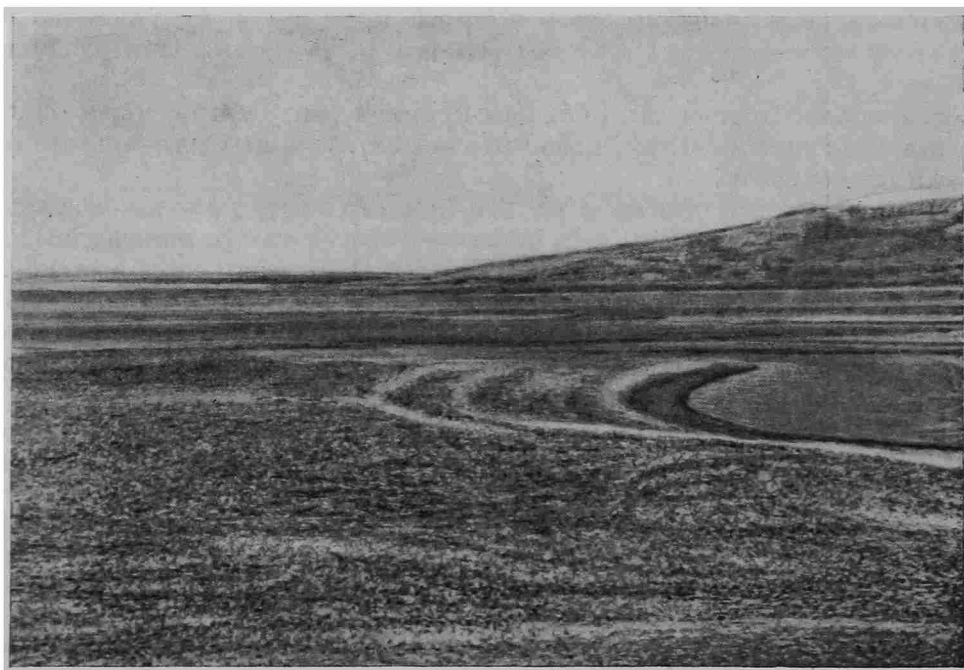

Рис. 6. Песчано-галечная коса на Бектяжском острове.

По составу гальки и характеру напластований галечник на берегу острова совершенно однороден с напластованиями урочища Тунгуз. Как и на последнем, обнаженная поверхность галечника на Бектяжском острове приурочена к береговой части мыса и уходит здесь постепенно под воду; далее от берега галечные отложения перекрыты слоем светложелтого песка и выступают на поверхность небольшими пятнами.

На поверхности галечников, простирающихся широкой полосой вдоль берега Волги, залегают в большом количестве кости четвертичных животных. Эти остатки рассеяны единичными экземплярами по всей площади распространения галечника и связаны не только с поверхностью последнего, но залегают и в его напластованиях. Значительное количество костей животных встречается в обломках. Кости очень сильно минерализованы, тяжелы на веси покрыты характерным для волжской фауны четвертичного времени коричнево-черным «загаром». Многие кости сильно окатаны.

По определению Н. К. Верещагина, в состав нашей коллекции входят (табл. 2):

Таблица 2

№ п/п.	Виды	Количество остатков	№ п/п.	Виды	Количество остатков
1	Эласмотерий <i>Elasmotherium sibiricum</i> Fisch.	1	6	Гигантский олень <i>Megaloceros euryceros</i> Aldr.	2
2	Носорог волосатый <i>Rhinoceros tichorhinus</i> Fisch.	7	7	Благородный олень <i>Cervus elaphus foss</i> L.	3
3	Лошадь <i>Equus caballus foss</i> L.	15	8	Лось <i>Alces alces</i> L.	1
4	Кулан (?) <i>Equus hemionus</i> Pall. (?)	2	9	Тур <i>Bos primigenius</i> Woj.	1
5	Зубры и быки <i>Bison et Bos</i>	13	10	Фрагменты неопределимых костей, по преимуществу копытных животных	40

Таким же темнокоричневым налетом, как и на костях четвертичных животных, покрыты многие гальки (особенно те из них, которые представлены мягкими, слоистыми или кремнисто-песчаниковыми породами камня). Среди гальки встречается очень большое количество естественных осколков, поверхность которых сильно заглажена и патинизирована.

Среди галечных отложений нами были найдены четыре отщепы, несущих следы намеренного изготовления. Один из них изготовлен из кремня; другие три отщепы сделаны из кремнистого известняка.

Для всех отщепов характерны крупные размеры и массивность; в характере их обработки имеется ряд примитивных признаков, указывающих на древний возраст этих находок. Несмотря на то, что шедшая на изготовление отщепов порода камня дает слабый раковистый излом, все экземпляры имеют крупные ударные бугорки, занимающие значительную часть их нижней плоскости. Ударные площадки расположены на наиболее длинной оси отщепы, грани на спинках широкие, случайных очертаний; все отщепы массивны в поперечном сечении. Несмотря на сильную окатанность, один отщеп (рис. 7, 1) сохранил на ударном бугорке характерный для нижнепалеолитических изделий крупный изъянец. Ширина у этого экземпляра преобладает над длиной (длина 6,5 см, ширина 7,5 см); ударная площадка хорошо выражена. На кремневом отщепе (рис. 7, 2) площадка небольшая, расположена сбоку; ударный бугорок очень крупный; на спинке сохранилась частично меловая корка; остальные грани широкие, случайных очертаний. Один экземпляр (рис. 7, 3) имеет несколько удлинённые пропорции, но массивен и широк (длина 8,0 см, ширина 4,8 см). Наиболее крупный отщеп, правильной удлиненной треугольной формы,

сохраняет следы вторичной подправки краев грубыми сколами (рис. 7, 4). Нижняя плоскость отщепа сильно сглажена; основание утончено одним крупным сколом.

Небольшое количество материала, собранного на Бектяжском острове, не дает возможности определить точный возраст этих находок. Однако некоторые выразительные черты обработки и ближайшее сходство этих изделий с находками Тунгузского местонахождения позволяют датировать этот материал концом нижнего палеолита. Одновременный возраст находок обоих местонахождений подтверждается не только сходством в технике изготовления каменных изделий, но и однородным составом фауны, одинаковой степенью сохранности каменных изделий и костей четвертичных животных.

III. В сходных с вышеописанными местонахождениями условиях залегания было обнаружено несколько предметов палеолитического типа на Ундорском острове. Это местонахождение удалено на многие десятки километров к северу от только что охарактеризованных пунктов находок. Ундорский остров имеет протяженность с севера на юг около 20 км, а в ширину достигает свыше 4 км. На севере остров заходит несколько выше с. Тарханы (Татарская АССР), а южный его конец достигает с. Городище (Ульяновская область).

Вся площадь острова заросла лесом и мелким кустарником, перемежающимся с луговыми полянами; только на берегах Волги имеются значительные по площади песчаные отмели, иногда сильно вдающиеся в русло реки. Наибольшая высота острова над уровнем реки не превышает 8—10 м.

Галечные отложения с костными остатками четвертичных животных и находками палеолитического типа были обнаружены на Ундорском острове несколько ниже Яблонового протока, против Бессонковской пристани (Татарская АССР), т. е. в 8 км к северу от с. Ундоры (см. рис. 1). На этом участке острова, являющемся здесь левым берегом р. Воложки, образовалась обширная коса, сложенная из крупного гравия и галечника. Вдоль берега Воложки она простирается на 1,5—2,0 км, а в ширину достигает 500—700 м.

Песчано-галечная коса Ундорского острова очень сходна по своему строению с Тунгузской и Бектяжской отмелями: галечники на ней приурочены к берегу и простираются здесь неширокой (в 100—200 м) полосой; вдали от берега галечные отложения перекрываются наслоениями песка. Выходы галечника на поверхность на Ундорском острове связаны, по Г. Ф. Мирчинку, как и на вышеописанных отмелях Тунгуза и Бектяжки, с образованием в русле Волги, близ этих отмелей, древних перекатов. Причину образования последних Г. Ф. Мирчинк видит в тектонических колебаниях, происходивших в Поволжье в четвертичное время¹.

На поверхности галечника были встречены кости четвертичных животных, рассеянные по площади в виде единичных находок. Как и на других местонахождениях Поволжья, эти остатки характеризуются сильной степенью минерализации; поверхность их приобрела черно-коричневую окраску. Многие кости животных встречены в обломках и совершенно расслоившимися.

Костные остатки, собранные нами на Ундорском острове, против Бессонковской пристани, представляют следующие виды животных (определение Н. К. Верещагина; табл. 3 на стр. 250).

¹ Г. Ф. Мирчинк. Четвертичная история долины р. Волги выше Мологи. Тр. КИЧП, т. IV, в. 3, 1935, стр. 25.

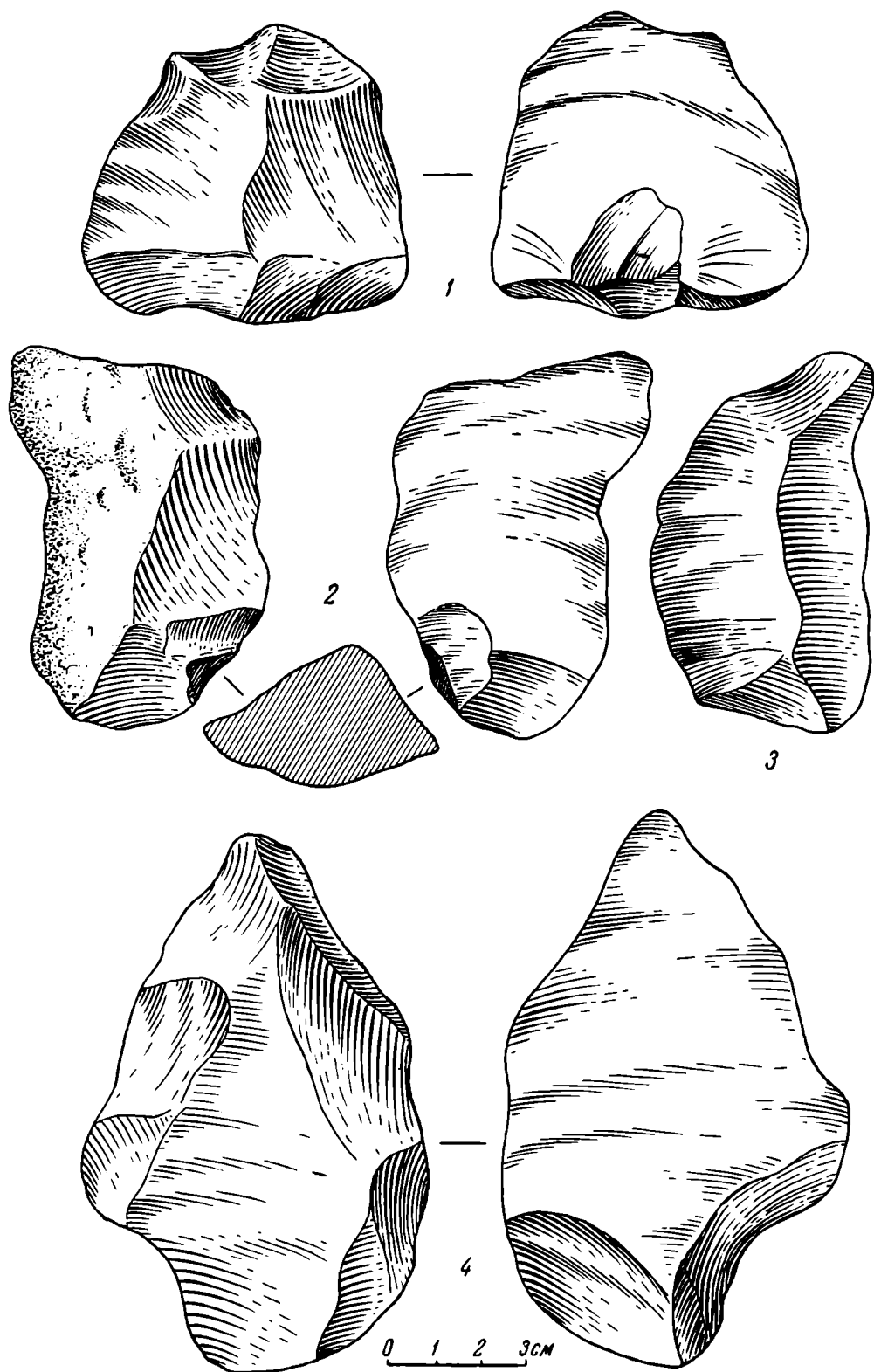

Рис. 7. Палеолитические изделия Бектяжского острова.

Таблица 3

№ п.п.	В и д ы	Количество экземпляров	№ п.п.	В и д ы	Количество экземпляров
1	Лошадь ископаемая <i>Equus caballus foss.</i>	8	6	Благородный олень . . . <i>Cervus elaphus foss. L.</i>	1
2	Носорог волосатый . . . <i>Rhinoceros tichorhinus</i> Fisch.	3	7	Фрагменты неопределимых остатков костей крупных животных	138
3	Мамонт <i>Elephas primigenius</i> Blum.	3	8	Лошадь домашняя . . . <i>Equus caballus domest.</i>	9
4	Быки и бизоны . . . <i>Bos et Bison.</i>	11	9	Крупный рогатый скот <i>Bos taurus</i>	5 7 полу- сов- рем.
5	Гигантский олень . . . <i>Megaloceros euryceros</i> Aldr.	2			

По наблюдению Н. К. Верещагина, среди собранных на отмели, против Бессонковской пристани, остатков животных имеются два обломка голени костей быка или бизона со следами намеренного раскалывания в древности.

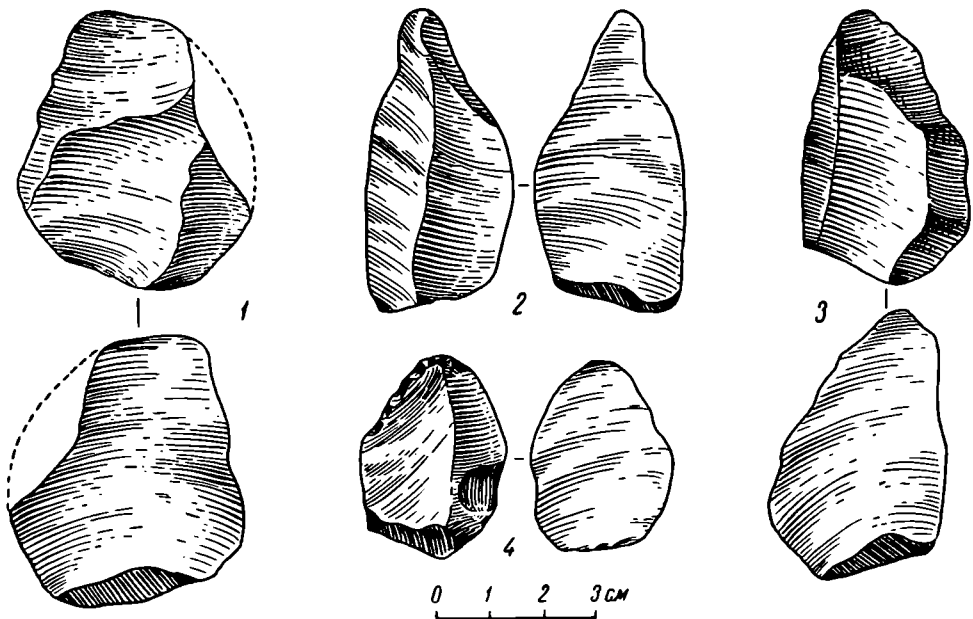

Рис. 8. Палеолитические изделия с Ундорского острова.

Наряду с остатками четвертичной фауны среди галечника были найдены четыре отщепы и один обломок нуклеуса.

Поверхность этих предметов очень сильно окатана и покрыта темно-коричневой патиной. Материалом для их изготовления служили кремни и более грубые кремнистые породы.

Для отщепов характерны небольшие размеры (длина 5,5—4,0 см, ширина 3,4—2,7 см) и незначительная толщина в поперечном сечении. Три отщепы имеют удлиненно-треугольную форму (рис. 8, 2—4), один

экземпляр — неправильно овальных очертаний (рис. 8, 1). Площадки расположены на наибольшей оси отщепа; ударные бугорки слабо выражены. На спинках сохранились широкие грани — следы предыдущих сколов с нуклеуса. Один отщеп похож по очертаниям на острие (рис. 8, 2), но, к сожалению, поверхность его чрезвычайно сильно окатана и, возможно, потому не сохраняет следов вторичной обработки. Верхняя часть отщепа сильно сужена и как бы приострена на конце.

Для нуклеуса был использован крупный, массивный кусок кремня. В древности нуклеус был разбит на части. На гладкой плоскости, образовавшейся на месте раскола, прослеживаются небольшой ударный бугорок и изъянец. Удар был нанесен в поперечном к длине нуклеуса направлении. На одной стороне обломка частично сохранились крупные, широкие грани неправильных очертаний, свидетельствующие о неоднократном отделении от нуклеуса крупных отщепов.

К этой группе изделий относится еще несколько отщепов и осколков, несомненно, отбитых намеренно человеком, но мало выразительных.

Незначительное количество находок и отсутствие хорошо выраженных форм орудий затрудняют определение их возраста. Наличие треугольных отщепов и обломка дисковидного нуклеуса указывает как будто на признаки мустьерской техники. Очень сильная патинизация, интенсивность которой одинакова со степенью патинизации костей четвертичных животных, указывает также как будто на древний возраст каменных изделий. Однако делать по этим признакам окончательное заключение о возрасте обнаруженных отщепов преждевременно, тем более что речь идет не о находках, сделанных в ясных стратиграфических условиях, а о подъемном материале.

На этом местонахождении найдена, кроме описанной группы изделий, одна крупная ножевидная пластинка (рис. 9), изготовленная из серовато-белого кремня очень хорошего качества (длина 10,3 см, ширина 2,8 см). По сохранности она резко отличается от палеолитических находок; поверхность ее почти не окатана. Судя по весьма правильным очертаниям и реберчатой грани на спинке, свидетельствующей об отделении ее от нуклеуса очень позднего типа, возраст этой пластинки не может быть древнее самого конца палеолита, а может быть, и значительно моложе.

IV. В 2 км к северу от этого местонахождения (в 1,5 км от Бессонковской пристани), в урочище Красная Глинка, нами был установлен другой в этом районе пункт находок каменных изделий палеолитического типа. Урочище Красная Глинка находится на правом берегу Волги, примерно в 5 км к юго-востоку (см. рис. 1) от с. Бессонково (Тархановский район, Татарская АССР) и тянется вдоль берега реки на протяжении полукилометра. Свое название — Красная Глинка — урочище получило благодаря выходам на этом участке красной глины.

От Бессонковской пристани до урочища Красная Глинка, т. е. на протяжении 1,5 км, правый берег Волги прорезан древними оврагами. Берег густо порос лесом и полого спускается к реке. Коренной берег отступает от реки на 200—300 м и только в одном месте выступает в виде мыса, достигающего до воды. Обрывистая часть мыса, обращенная к реке, собственно

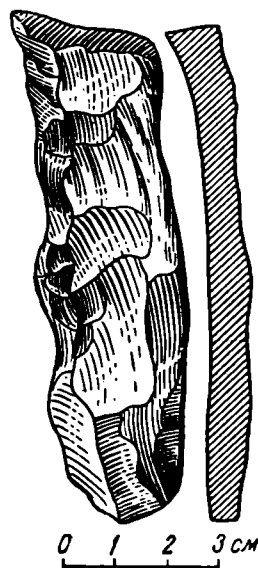

Рис. 9. Кремневая пластинка с Ундорского острова.

и носит название Красная Глинка. В обресе берега хорошо прослеживаются слагающие этот выступ отложения (рис. 10). Последние подняты над уровнем воды в виде дуги; концы дуги полого спускаются от средней ее части к урезу воды и далее уходят под воду. Расстояние между концами дуги—около полукилометра. Верхний слой отложений на Красной Глинке состоит из гуммированного суглинка (рис. 11), который

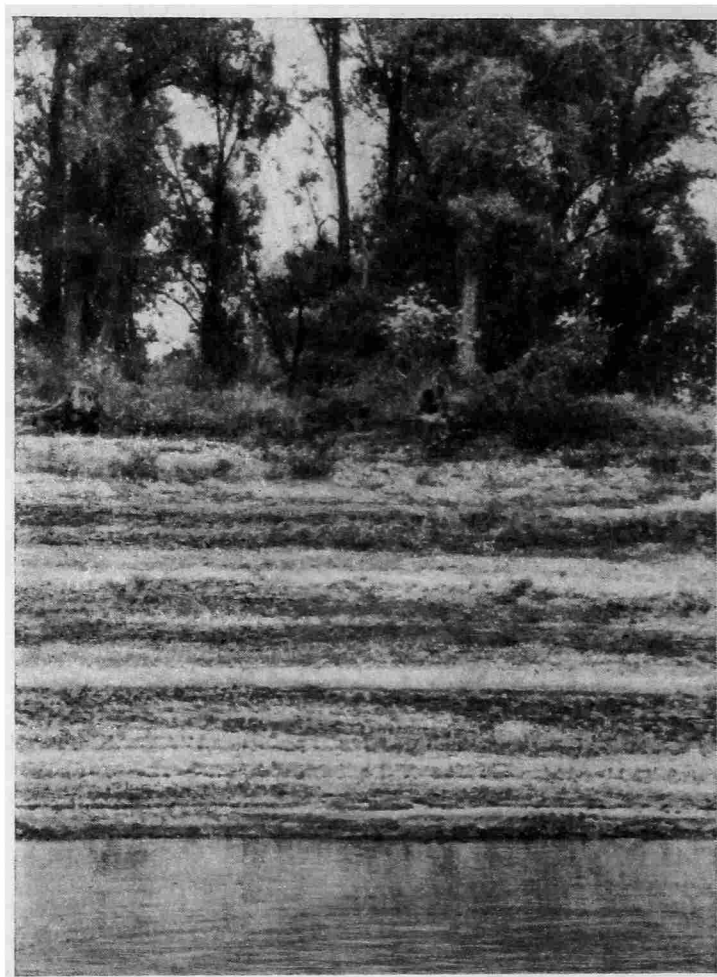

Рис. 10. Характер положения слоев в обресе правого берега Волги в урочище Красная Глинка.

сильно скреплен корнями деревьев; мощность слоя колеблется от 1,0 до 1,5 м. Ниже суглинка идет слой галечника (около 1,5 м), сцементированного глиной оранжевого цвета. Так же, как и верхний слой, галечник пронизан корнями деревьев. Под галечником залегает слой песка оранжевого цвета, местами песок приобретает коричневые оттенки. Наибольшая мощность этого слоя — 1 м. Ниже идет прослойка глины голубого цвета (0,50—0,70 м). Под глинами залегает белый известняк; толщина слоя — от 0,75 до 1,0 м. В основании его лежит мощный слой пестроцветных (красные, голубые, розовые и др.) глин. Нижняя часть обнажения замаскирована илом и осыпью гальки. Вся эта толща отложений полого срезана к руслу реки (рис. 12). Нижняя часть обнажения покрыта осыпью из верхних слоев, преимущественно из галечникового слоя. В осыпи было

собрано небольшое количество каменных изделий и несколько обломков костей четвертичных животных. По степени минерализации и окраске кости сходны с аналогичными находками, обнаруженными на песчано-галечных отмелях Тунгуза, Бектяжки и Ундорского острова.

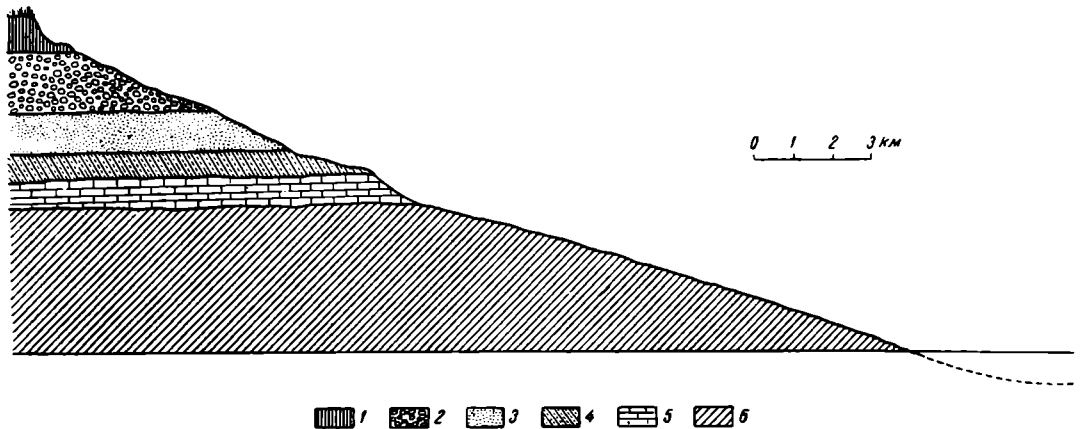

Рис. 11. Схематический разрез слоев правого берега р. Волги в урочище Красная Глинка.

1 — почвенный слой темно-бурого цвета; 2 — галечник, цементированный песчаной глиной оранжевого цвета; 3 — оранжевый песок, местами переходящий в коричневый; 4 — комковатые голубые глины; 5 — плитчатый известняк; 6 — пестроцветные (красные, розовые, голубые) глины, перекрытые илом и осыпью галечника.

Костные остатки на Красной Глинке принадлежат, по определению Н. К. Верещагина, следующим видам животных (табл. 4):

Таблица

№ п.п.	В и д ы	Количество остатков	№ п.п.	В и д ы	Количество остатков
1	Носорог волосатый <i>Rhinoceros tichorhinus</i> Fisch.	1	3	Зубр <i>Bison</i> sp.	1
2	Лошадь ископаемая <i>Equus caballus</i> foss.	1	4	Парнокопытное величипной с оленя <i>Artiodactyla</i>	1

Характерно, что среди этих костных остатков, представленных всего лишь четырьмя определяемыми обломками¹, имеются две кости — зубра и ископаемой лошади — с признаками намеренного раскалывания.

При осмотре обнажения из обреза галечного слоя были извлечены два кремневых, маловыразительных по очертаниям, отщепа. Как и многие гальки, отщепы покрыты железистым натеком. По своему облику эти экземпляры сходны с изделиями, обнаруженными в осыпи. Очевидно, каменные изделия и костные остатки выпали из слоя галечника. Это подтверждается отсутствием гальки и других включений в остальных слоях

¹ Близ обнажения, на поверхности осыпи были подняты еще два обломка костей (домашней лошади), которые по степени сохранности (белый цвет, отсутствие минерализации, патины и окатанности) резко отличаются от костей четвертичных животных.

этого обнажения. В осыпи имеются куски известняка, выпавшие, очевидно, из выклинивающегося здесь пласта этой породы, но по цвету и слабой окатанности эти куски резко выделяются среди остального обломочного материала. Характерно еще и то, что площадь распространения осыпи совпадает с протяженностью галечного слоя. За пределами последнего осыпь прекращается, а вместе с ней прекращаются и находки каменных изделий.

Считая, что культурные остатки связаны с галечным слоем, я позволю себе несколько подробнее остановиться на характеристике последнего.

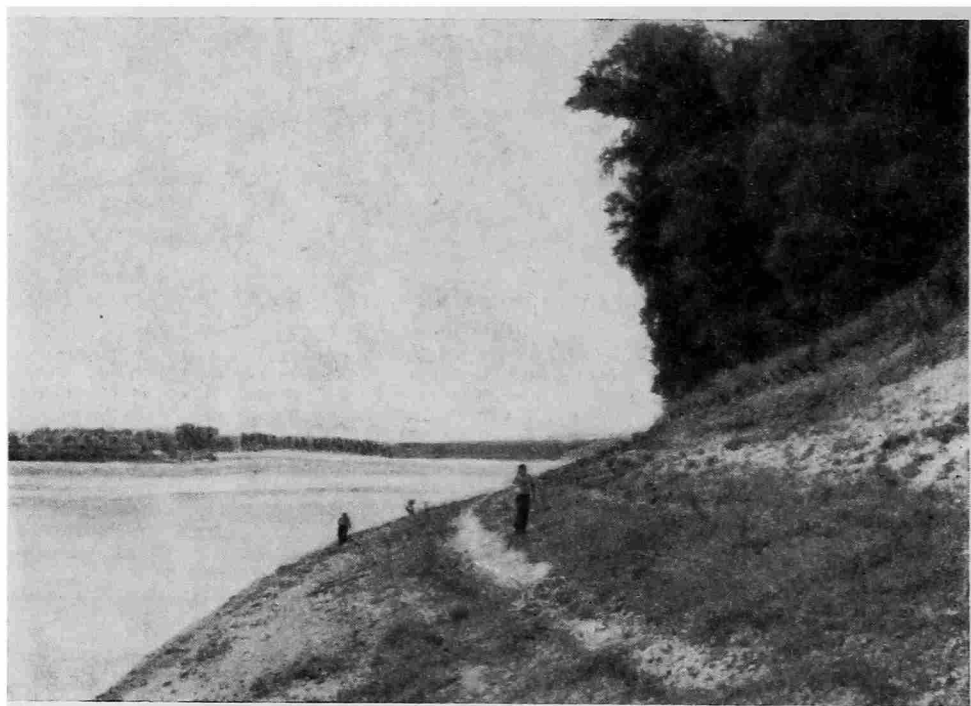

Рис. 12. Берег р. Волги в урочище Красная Глинка.

Как уже отмечалось, горизонт гальки, перекрытый гуммированным суглинком и подстилающийся оранжевыми грубозернистыми песками, тянется вдоль берега на 0,5 км. Как и все слои этого обнажения, он дугообразно изогнут и уходит под воду. Толщина слоя колеблется от 1,0 до 1,5 м.

Среди многочисленной, хорошо окатанной гальки встречаются в значительном количестве крупные, угловатые куски камня и более мелкий щебень. Размеры галек варьируют от 3 до 20 см; наибольшее количество галек имеет размеры в 7—10 см. По составу пород здесь представлены гальки из доломита, известняка и кремня; изредка попадает бурый железняк, а также песчаник и куски фосфорита. Степень окатанности материала в этом слое различна. Наряду с типичной галькой имеются осколки камня, очень слабо затронутые окатыванием. Очевидно, в процессе накопления этого слоя в его состав включался разнородный по сохранности материал; степень окатанности последнего зависела, возможно, от интенсивности и расстояния перемещения его по площади, происходивших до момента окончательного отложения на Красной Глинке. Такой разнородный по сохранности материал типичен, по Н. И. Николаеву, для состава древних

галечников Волги, отложения которых им специально изучались в ряде пунктов Поволжья¹.

Различная степень окатанности материала на Красной Глинке зависела, возможно, и от того, что какая-то часть его была перенесена сюда издалека и в момент окончательного отложения смешалась с материалом, доставленным сюда из ближайших окрестных мест. Различная по интенсивности переработка материала могла происходить и на месте окончательного его залегания. До момента перекрытия галечного слоя более поздними образованиями верхняя часть его могла подвергнуться дополнительной переработке — выветриванию и окатыванию водой; нижняя часть слоя могла оставаться, с момента накопления, не затронутой этими процессами. Более основательно мотивированного объяснения этому явлению, конечно, следует ждать от геологов.

Я подробно остановилась на описании этой черты галечника лишь потому, что каменные изделия Красной Глинки, явно представляющие по своему облику единый по возрасту комплекс находок, также характеризуются разной сохранностью поверхности. В то время как для части изделий характерна очень сильная окатанность, имеются экземпляры, поверхность которых окатана весьма слабо. Наиболее сильному окатыванию подверглись, естественно, предметы, изготовленные из более мягких пород камня. Однако среди кремневого материала также имеются предметы разной сохранности. Можно указать, что такой же различный по степени сохранности материал собран С. Н. Замятниным на Фортепянке (Северный Кавказ) и П. И. Борисовским на галечнике Днестра, у с. Лука Врублевецкая. Несмотря на эту особенность, каменные изделия Фортепянки и Луки Врублевецкой представляют собой, как и на Красной Глинке, единые по возрасту комплексы находок.

Всего собрано на Красной Глинке 12 хорошо выраженных каменных изделий. Из них семь экземпляров сделаны из кремня, два орудия — из бурого железняка, один предмет изготовлен из песчаника; для остальных изделий использовались более мягкие, чем кремень, породы камня — типа доломита или кремнистого известняка.

Характерной чертой каменных изделий Красной Глинки являются крупные размеры, массивность и примитивный способ изготовления. В состав коллекции входят три отщепа, два нуклеуса, четыре скребла и три грубых рубящих орудия. Кроме того, имеется несколько осколков и массивных кусков камня со следами намеренного раскалывания и частичной обработки.

Поверхность отщепов сильно патинизирована. Два отщепа имеют четырехугольные очертания (рис. 13, 1) и значительную ширину. Один отщеп имеет правильно треугольную форму (рис. 13, 2), спинка его сохраняет следы предыдущих сколов; грани продолговатые. Гладкая ударная площадка составляет с нижней плоскостью отщепа тупой угол. Поверхность мало окатана (длина 6,5 см, ширина 4,5 см). Четырехугольные отщепы имеют более крупные размеры. Один экземпляр сильно окатан (рис. 13, 1); мелкие выбоины на его краях имеют одинаковые с остальной поверхностью отщепа патину и блеск. Свежие выбоины на краях отщепов совершенно отсутствуют; это указывает, возможно, на недолговременное залегание их в осыпи. Второй четырехугольный отщеп очень массивен; верхний конец обломан. На спинке сохранилось несколько широких граней — следы предыдущих сколов с нуклеуса.

¹ Н. И. Николаев. Ук. соч., стр. 488 и сл.

Для изготовления нуклеусов использованы очень крупные, массивные куски камня. Один экземпляр сделан из непрозрачного, серого кремня, а второй — из мелкозернистого кварцита желтовато-красного цвета. Поверхность обоих нуклеусов очень слабо окатана, но патина интенсивная. Кремневый нуклеус сработан по всей поверхности и имеет кубовидную форму (рис. 14). Следы отделения от него отщепов немногочисленны;

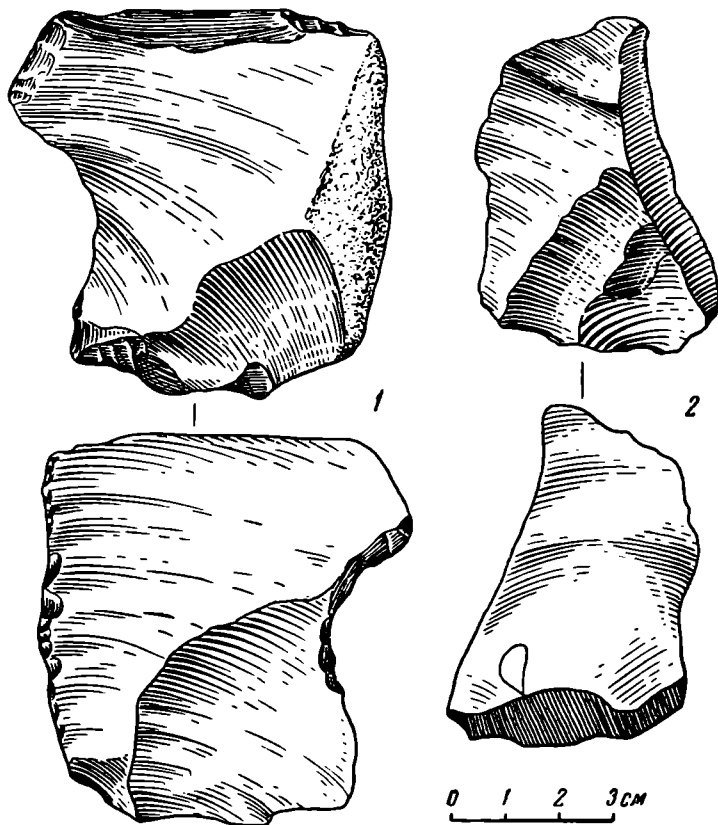

Рис. 13. Кремневые отщепы с урочища Красная Глинка.

сколы шли в разном направлении, грани широкие. Нуклеус из кварцита имеет неправильные очертания. На одном его конце имеется небольшая ударная площадка; поверхность последней неровная, сильно скошена; края площадки не подправлены. Следы отделения широких отщепов имеются только на одной стороне; сколы производились в различных направлениях (рис. 15). Вторая сторона нуклеуса сохранила естественную корку.

Грубые рубящие орудия представляют маловыразительную группу изделий. По своему облику и технике обработки они напоминают нуклеу-

сы. Отличие их от последних заключается в том, что эти изделия более уплощены и намеренно заострены по краям. Два грубых рубящих орудия изготовлены из камня типа бурого железняка. Эти предметы чрезвычайно сходны между собой по способу обработки. Они представляют собой массивные, уплощенные, очень тяжелые на вес гальки, обработанные по одному краю крупными сколами, нанесившимися то с верхней, то с нижней стороны. Рабочий край имеет полукруглую форму и довольно тщательно заострен (рис. 16 и 17, 1). Остальная часть поверхности не подвергалась дополнительной подправке и сохраняет естественную окатанность гальки.

В сборах имеются еще два предмета, похожих по своему облику на рубящие орудия. Эти предметы, представляющие собой массивные куски очень мягкой породы камня, вроде доломитизированного известняка, имеют овальную форму и как будто несут на поверхности и по краям следы вторичной обработки. К сожалению, поверхность этих предметов чрезвычайно сильно заглажена окатыванием и выветрена; грани фасеток настолько стертые, что проследить с определенностью следы вторичной обработки весьма трудно; вследствие очень плохой сохранности эти предметы не

позволяют с уверенностью говорить о намеренном их изготовлении (рис. 17, 2).

Скребла представлены четырьмя экземплярами. Три скребла изготовлены на массивных кремневых отщепах. Кремьень серый, непрозрачный, хорошего качества. Поверхность патинизирована, но очень слабо окатана.

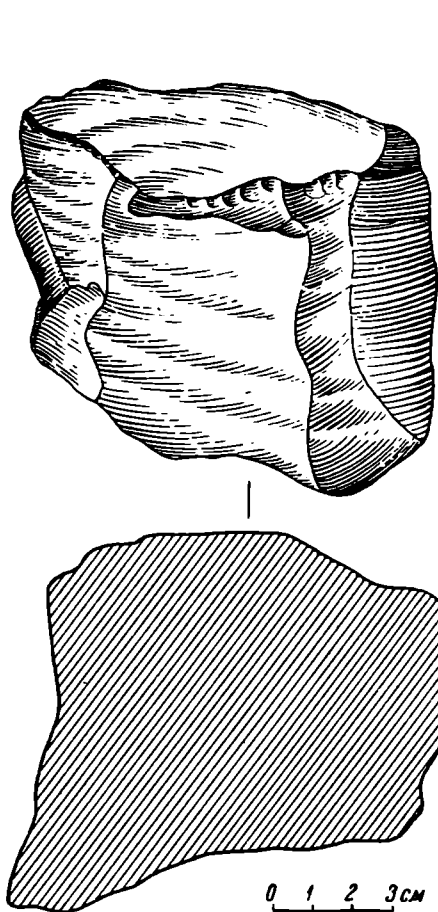

Рис. 14. Кремневый нуклеус кубовидной формы. Урочище Красная Глинка.

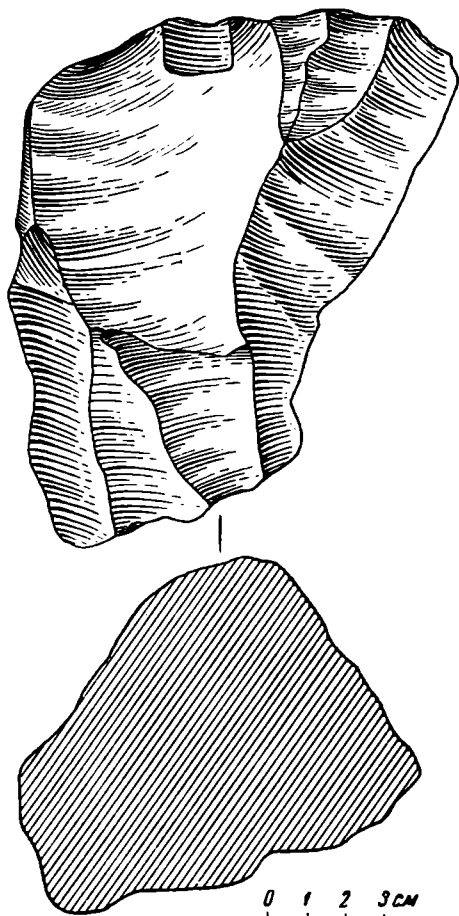

Рис. 15. Кварцитовый нуклеус. Урочище Красная Глинка.

Для одного скребла, очень массивного в поперечном сечении, использован расколотый пополам диск (длина 5,5 см, ширина 5,0 см). На спинке орудия сохранились широкие грани, покрывающие всю его поверхность. Сколы наносились от краев к центру. На нижней, гладкой плоскости сохранился хорошо выраженный ударный бугорок. Слегка выпуклое рабочее лезвие частично подправлено заостряющей ретушью. Фасетки ретуши располагаются по краю неровно и заходят частично на нижнюю плоскость орудия (рис. 18, 2).

Второе скребло сделано на очень широком, массивном отщепе. Ширина отщепа преобладает над длиной (длина 8,0 см, ширина 9,7 см). Ударная площадка гладкая, хорошо выражена и составляет тупой угол с нижней плоскостью отщепа. На спинке орудия сохранились широкие грани, расположенные под углом друг к другу. Рабочее лезвие оформлено на одном, продольном крае. Крупная заостряющая ретушь нанесена со стороны брюшка (рис. 18, 1).

Для третьего скребла использован кремневый отщеп овальной формы. На нижней, гладкой стороне орудия чрезвычайно резко выделяется ударный бугорок. Гладкая площадка хорошо выражена и составляет с нижней плоскостью орудия почти прямой угол. Спинка покрыта меловой коркой.

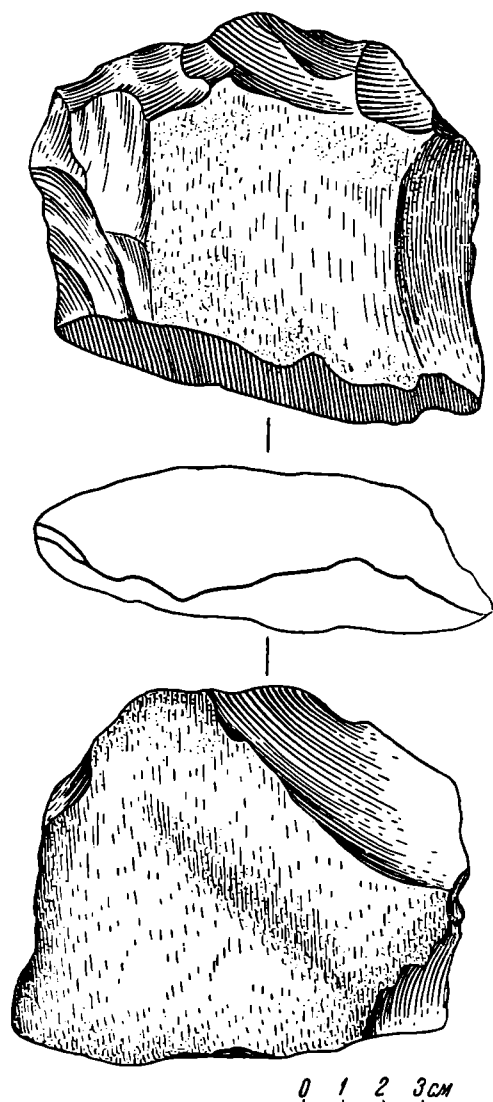

Рис. 16. Грубое рубящее орудие.
Урочище Красная Глинка.

чение геологических условий залегания палеолитических орудий и более полные сборы.

V Самым северным пунктом находок каменных изделий, обследованным во время работ отряда, явилась песчано-галечная коса, расположенная на правом берегу Камы (см. рис. 1), близ с. Мысы (Лайшевский район Татарской АССР). Здесь было собрано лишь небольшое количество (10 экземпляров) кремневых отщепов и пластинок, маловыразительных по своему облику и недостаточных для характеристики этого местонахождения.

Находки были сделаны на поверхности галечника, образовавшего в 1,5 км к югу от с. Мысы обширную косу, тянущуюся вдоль берега р. Камы

Один край орудия тщательно заострен крупной ретушью; фасетки ретуши неровные. Второй край частично подправлен мелкой ретушью (рис. 18, 4). Цвет кремня неоднородный—местами темносерый, а местами более светлый; в зависимости от разной окраски кремня образовалась и различного цвета патина. Темносерые участки покрыты голубой патиной, светлосерая часть поверхности кремня приобрела желтовато-белую, кажущуюся более интенсивной, патину. На этой детали необходимо остановиться потому, что разная окраска патины может вызвать, на первый взгляд, совершенно неверное представление о разновременности обработки отдельных участков этого кремня.

Четвертое скребло изготовлено на обломке широкого отщепа из кремнистого сланца черного цвета. Верхний прямой конец и один продольный, слегка выпуклый край несут неровную, слабо выравнивающую лезвие ретушь, похожую скорее на следы употребления (рис. 18, 3).

В целом набор изделий из Красной Глинки имеет характерные черты древнепалеолитической техники. Наличие скребел на широких отщепах и диске, грубых рубящих форм, крупных отщепов и примитивных нуклеусов позволяет относить его ко второй половине нижнего палеолита—к ашельско-мустьерскому времени. На местонахождении Красная Глинка требуются очень тщательное изу-

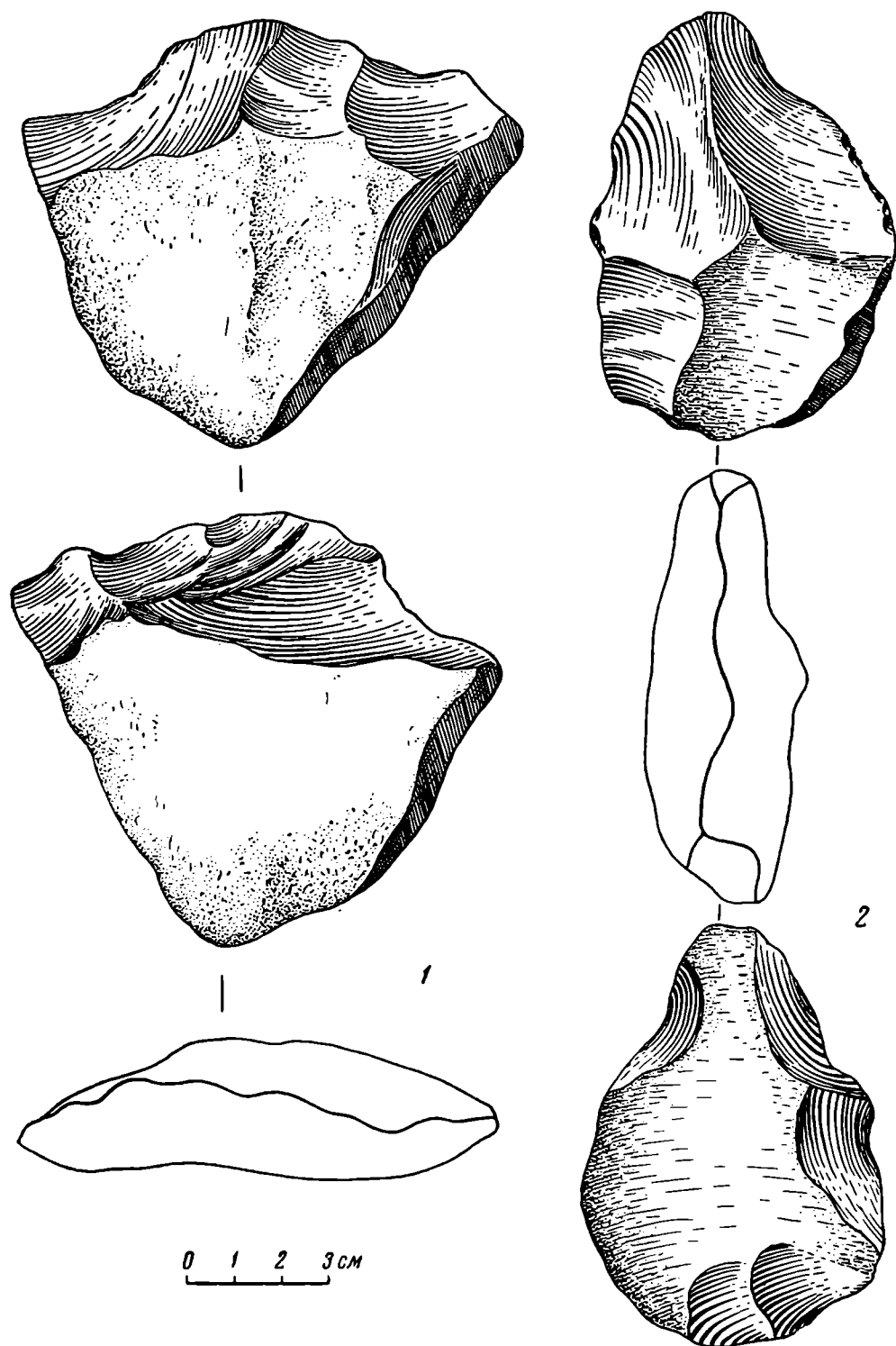

Рис. 17. Грубые рубящие орудия.
Урочище Красная Глина.

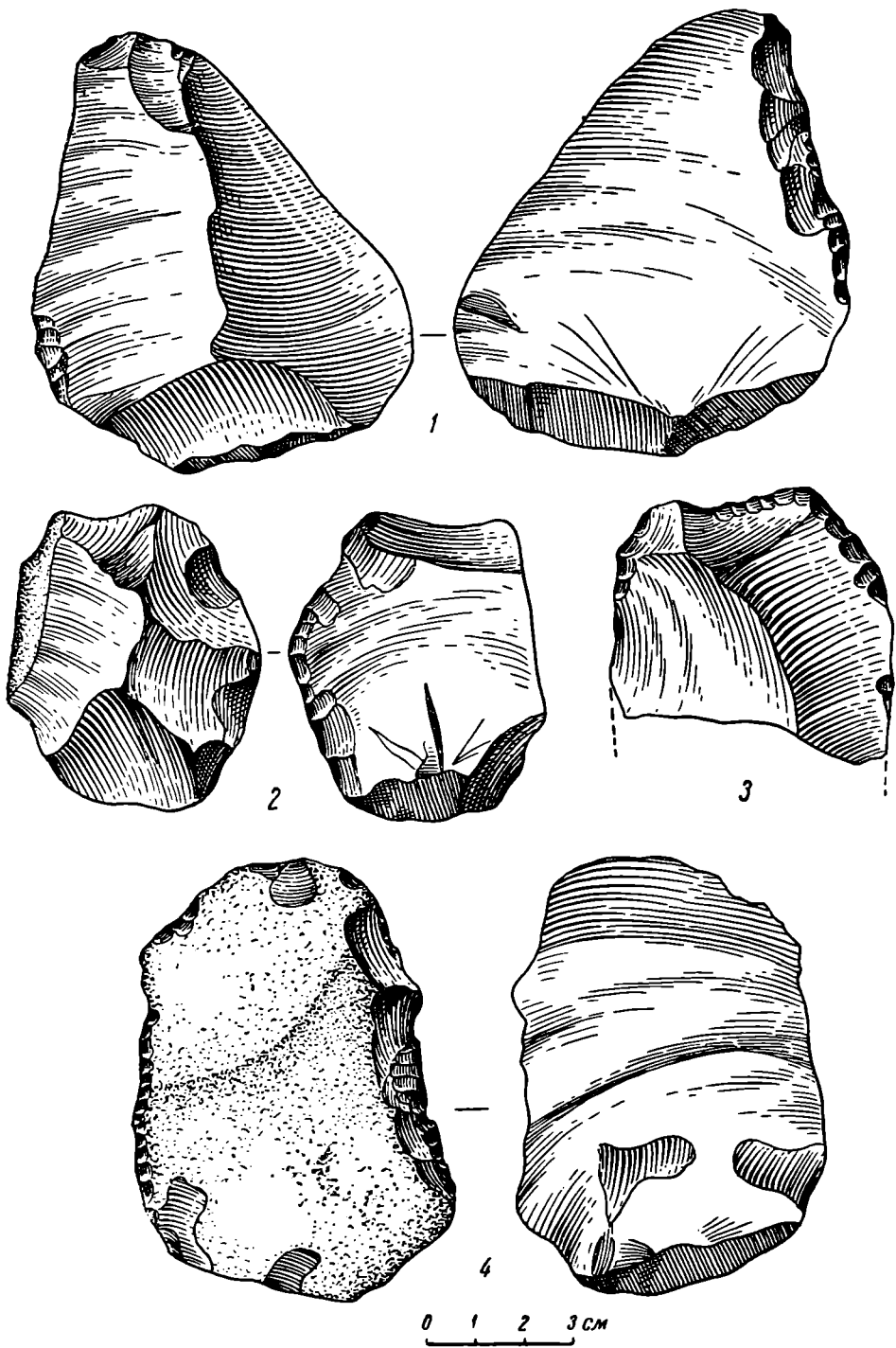

Рис. 18. Скребла на широких массивных отщепах.
Урочище Красная Глина.

более чем на 2 км; южный конец косы тянется узкой полосой почти до с. Мансурова, расположенного в 4 км к югу от с. Мысы. В наиболее широкой части галечная отмель достигает 0,5 км. К внутреннему краю косы несколько повышается и примыкает здесь к первой надпойменной террасе. Береговая часть отмели постепенно уходит под воду. Верхние слои галечника на отмели нарушены почти на всей площади их распространения обширными выработками, глубина которых доходит до 2 м. Галька этой косы значительно отличается по своему составу от галечников осмотренных ранее волжских отмелей. Галечные скопления в Мысах содержат преимущественно кремневую гальку. Среди последней имеется очень незначительная примесь других пород. Кремень хорошего качества, обычно серого цвета; изредка встречаются осколки кремня розовато-серых оттенков. На поверхности и в слое галечника встречаются кости крупных млекопитающих; многие из них сохранились лишь в обломках. Костные остатки рассеяны по всей площади распространения галечника. Наиболее частые находки костей связаны с северным концом косы, ближе к внутреннему краю последней. По окраске и сохранности эти остатки сходны с костями вышеописанных местонахождений долины Волги. Очень тяжелые на вес и сильно окатанные, они приобрели темнокоричневую, иногда почти черную окраску. Внутренние полости костей заполнены мелкой галькой и песком.

По определению Н. К. Верещагина, собранные нами костные остатки принадлежат следующим видам животных (табл. 5):

Таблица 5

№ п.п.	В д ы	Количество остатков	№ п.п.	В д ы	Количество остатков
1	Лошадь <i>Equus caballus foss. L.</i>	12	5	Благородный олень <i>Cervus elaphus L.</i>	1
2	Зубр и бык <i>Bison et Bos.</i>	21	6	Лось <i>Alces alces L.</i>	1
3	Гигантский олень <i>Megaloceros euryceros Aldr.</i>	2	7	Мамонт <i>Elephas primigenius Blum.</i>	15
4	Северный олень <i>Rangifer tarandus L.</i>	1	8	Носорог <i>Rhinoceros tichorhinus Fisch.</i>	5

Кроме костей четвертичных животных, на поверхности отмели были собраны в незначительном количестве (12 экземпляров) кости домашних животных: коровы (9 экземпляров), свиньи (2 экземпляра) и лошади (1 экземпляр).

На поверхности галечника и в стенках выработок были собраны упомянутые выше три кремневые пластинки и пять отщепов. Поверхность этих предметов заглажена окатыванием и патинизирована. Из трех пластинок лишь одна имеет правильную, ножевидную форму (длина 9,0 см, ширина 2,5 см); тонкая, слегка изогнутая, с двускатной спинкой (рис. 19, 5), она имеет на краях мелкие выбоины случайного происхождения. Две пластинки (из них одна обломана) имеют менее правильные очертания (рис. 19, 6—7).

Отщепы имеют небольшие размеры; все они широкие, укороченные (рис. 19, 1—4, 8). Более характерны два отщепа. Оба они небольшого

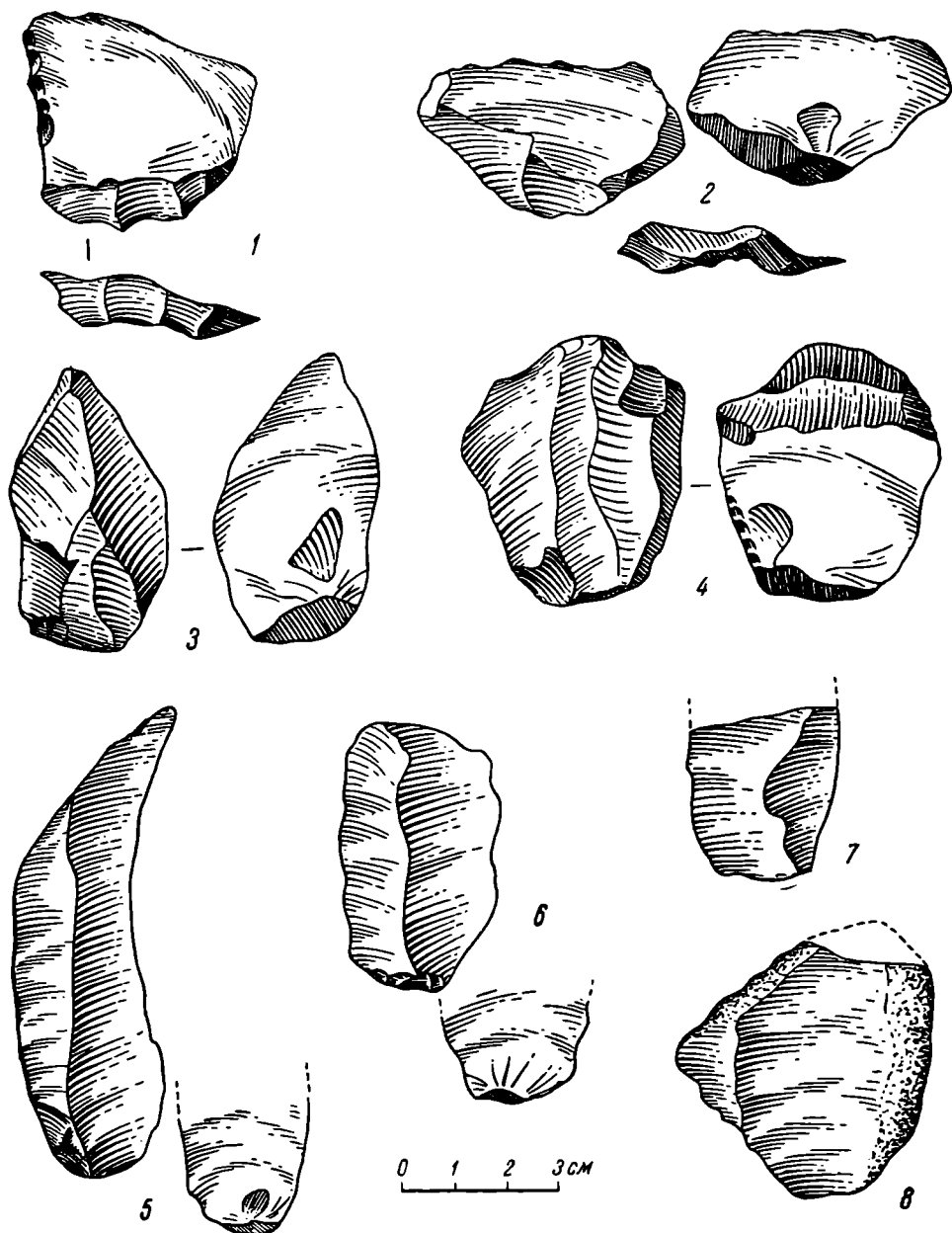

Рис. 19. Кремневые изделия с песчано-галечной отмели у с. Мысы.
1—4, 8 — отщепы; 5—7 — пластинки.

размера. Один экземпляр, четырехугольной формы, имеет крупную ударную площадку, тщательно подправленную на нуклеусе (рис. 19, 1). Фасетки ретуши — крупные, покрывают всю площадку. Ударная площадка второго экземпляра имеет изогнутые очертания (рис. 19, 2), свидетельствующие о неоднократном отделении отщепов от диско-видного нуклеуса. Отмеченные черты обработки на этих двух отщепах являются характерными признаками мустьерской техники. Однако определить возраст каменных изделий, найденных в Мысах, по этим единичным находкам мустьерским временем у нас мало оснований. Найденные в Мысах каменные изделия хотя и маловыразительны, но отличаются по облику от материала, собранного нами в аналогичных по условиям

залегания местонахождения долины Волги. Кремни из Мысов имеют в целом более поздний облик, чем материалы с Тунгуза.

Осмотренные нами песчано-галечные отмели у с. Красновидова и с. Камское Устье, расположенные на правом берегу Волги, к югу от Казани, дали только палеонтологические находки. Каменные изделия не обнаружены.

Таким образом, в результате осмотра известных мест скопления находок четвертичной фауны в Куйбышевской и Ульяновской областях, а также в Татарской АССР, в пяти из семи случаев были обнаружены также и каменные изделия первобытного человека. Наиболее значительный интерес представляют находки каменных изделий нижнепалеолитического типа, обнаруженные в двух пунктах на берегах Волги — на полуострове Тунгуз и в урочище Красная Глинка. Судя по технике обработки и типам изделий, они имеют позднеашельский, скорее раннемустьерский возраст. Возраст каменных изделий, собранных в Мысах и на Ундорском острове, вследствие небольшого количества материала и отсутствия характерных форм, остается неуточненным.

Каменные изделия и фаунистические остатки связаны во всех пяти местонахождениях с переотложенными галечниками. В четырех пунктах (полуостров Тунгуз, Бектяжский и Ундорский острова и с. Мысы на Каме) находки связаны с песчано-галечными отмелями, отложения которых разрушаются в настоящее время полыми водами. Сильная окатанность и распространение находок на значительной площади указывают на существенное их перемещение.

На местонахождении Красная Глинка каменные орудия и кости четвертичных животных связаны, повидимому, с галечником, залегающим в непо потревоженном слое. Связь этих остатков с галечными отложениями исключает возможность ожидать на этом местонахождении культурного слоя в непо потревоженном состоянии. Несмотря на это, изучение условий залегания каменных изделий на Красной Глинке, связанных с непо потревоженным слоем галечника, дает возможность выяснить не только характер и степень распространения нижнепалеолитических остатков на этом местонахождении, но может позволить уточнить первоначальные условия залегания и возраст тех палеолитических и фаунистических находок, которые в других местах связаны с переотложенными галечниками.

Залегание культурных остатков нижнепалеолитического возраста в древних аллювиальных отложениях представляет широко распространенное явление. Хорошо известные местонахождения Франции, обнаруженные еще в середине прошлого столетия в долине р. Соммы, и находки того же характера в южной Англии и на Черноморском побережье Кавказа были связаны с древними аллювиальными отложениями.

Археологическими исследованиями давно установлено, что первобытный человек в эпоху нижнего палеолита предпочитал селиться на берегах рек; одной из побуждающих к тому причин являлось обилие гальки на берегах, широко использовавшейся человеком для изготовления орудий.

К сожалению, обычная картина залегания нижнепалеолитических остатков в аллювиальных отложениях, как повсюду, так и в Поволжье, не позволяет установить достаточно определенную связь находимых в тех же местонахождениях костных остатков с деятельностью первобытного человека. Не может быть уверенности, что большие коллекции костей, собранные на волжских отмелях, характеризуют ту же фауну, которая составляла окружение первобытного человека, орудия которого собраны

тут же. Именно поэтому большое значение будут иметь дальнейшая работа на местонахождении Красная Глинка и раскопки на вновь обнаруженном местонахождении у Сталинграда. Раскопки могут доставить документированный материал, безусловно относящийся к одной определенной фауне, одновременность которого с изделиями первобытного человека, найденными совместно, будет совершенно очевидна.

Но и те сведения, которые получены в результате проведенных уже работ, вносят много нового в наши представления. Находки палеолита на Волге значительно расширяют наши представления о древнейшем расселении человека на территории СССР. Эти находки показывают, что Поволжье было заселено человеком уже в нижнепалеолитическое время, т. е. в раннюю пору плейстоцена. Остатки культуры человека этой удаленнейшей эпохи были известны у нас до последнего времени только в южных частях восточноевропейской равнины.

О. Н. БАДЕР и З. П. СОКОЛОВА

СТОЯНКА БОРОВОЕ ОЗЕРО IV НА ЧУСОВОЙ

О п и с а н и е. Стоянка находится на расстоянии около 2 км к югу от д. Верхние Гари Верхне-Городковского района Молотовской области, на правом берегу р. Чусовой, в стороне от ее русла. Расположена над чусовской поймой у северной оконечности большого Борового озера, на краю первой надпойменной террасы (рис. 1). В свое время здесь озеро имело небольшой заливчик, к берегу которого и приурочено расположение стоянки; ныне он заболочен. Однако однотипные стоянке культурные остатки имеются и за заливчиком, на берегу самого озера, значительно пониженном здесь (рис. 1 и 2), что было установлено еще пробным участком № 1 при обследовании неолитической стоянки Боровое озеро I в 1947 г. Незначительность культурного пласта в этом пункте и сходство остатков позволяют связывать его со стоянкой Боровое озеро IV, хотя их и разделяет расстояние в 75 м (см. рис. 1). Памятник порос сосновым лесом, за исключением прибрежной, пониженной части. Какие-либо заметные повреждения поверхности на памятнике отсутствуют.

И з у ч е н и е. Стоянка открыта Камской археологической экспедицией Молотовского университета в 1947 г., когда Л. Я. Крижевской здесь были найдены на поверхности мелкие обломки керамики. Тогда же авторами с помощью студентов был вскрыт в пункте находки пробный участок 1,5 × 1,5 м, давший обильные обломки керамики и осколки кремня в культурном слое. Характер материала позволил отнести стоянку ко II тысячелетию до н. э.

Раскопки стоянки были произведены экспедицией в 1949 г. также силами студентов университета, под руководством М. А. Бадер и О. Н. Бадера, и имели рекогносцировочный характер. Стоянка была избрана для раскопок с целью получения культурного комплекса II тысячелетия до н. э., не смешанного с остатками неолитического времени, что можно было предположить на основании разведочных данных.

На стоянке вскрыты площадь прямоугольной формы в 70 кв. м и, кроме того, три пробных участка вправо, влево и вглубь от главного раскопа. Раскоп был заложен на месте впадины, похожей на заплывшую землянку, план которой, однако, установить не удалось.

Материалы раскопок поступили в кабинет археологии Молотовского университета.

Р а з м е р ы и с т р а т и г р а ф и я с т о я н к и. Три пробные участка, заложенные вокруг уже намеченного главного раскопа, позволили уточнить площадь, занятую на стоянке культурным слоем; она равна приблизительно 1300 кв. м (см. рис. 1), что рисует поселение сравнительно небольших размеров.

Культурный слой монолитен; залегает повсеместно под слабым почвенным слоем темносерого цвета толщиной в 10—20 см и на подстилающем серовато-желтом мелкозернистом песке, слагающем бортовую террасу.

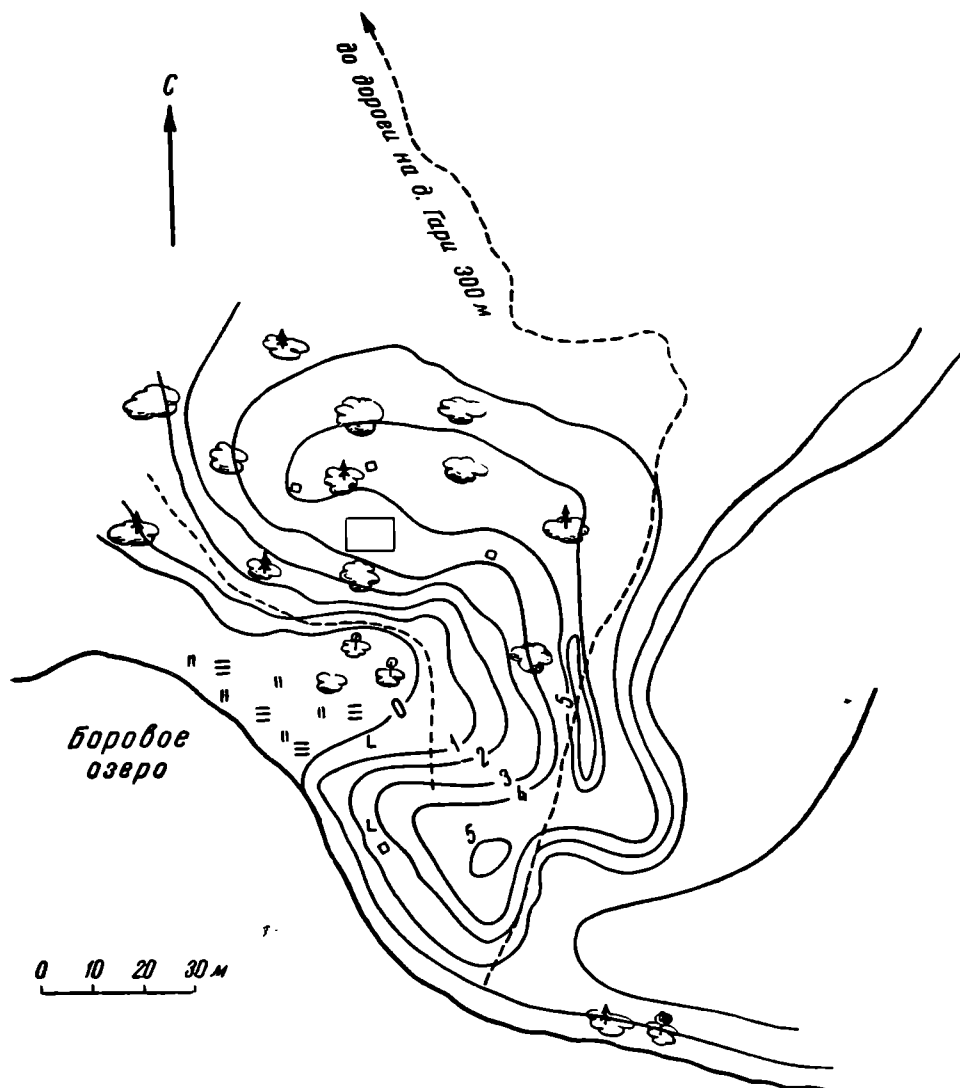

Рис. 1. Общий план стоянки Боровое озеро IV.

Он отличается красновато-желтым цветом, но линии контактов его со смежными слоями не всегда четки. Мощность культурного слоя нигде не превышает 65 см (исключая большую очажную яму); в среднем на площади раскопа она равна 30—35 см и уменьшается на периферии. Слой — песчаный, рыхлый, часто пронизан древесными корнями и остатками старых пней, сильно мешавших раскопкам.

Жилые остатки. Главное внимание было уделено изучению остатков жилищ, очагов и т. п. Однако раскопки не дали в этом отношении сколько-нибудь целостной картины. Заметная на поверхности впадина, к которой были приурочены разведочный участок 1947 г. и раскоп 1949 г., не дала ясной картины жилища, хотя и содержала его элементы. Все прослеженные продольные и поперечные разрезы показали очень ровное залегание культурного слоя, исключая северную стенку ряда А, представлявшего собой первоначальную рекогносцировочную траншею

раскопа (рис. 3). Здесь у восточного края отмеченной на поверхности впадины обнаружен довольно резкий уступ по линии контакта культурного слоя с подстилающим, похожий на стенку углубленного в землю основания жилища. На дне углубления к западу от уступа, т. е. на предполагаемом полу жилища, — кострище, хорошо выраженное благодаря

Рис. 2. Прибрежная часть стоянки Боровое озеро IV.

темному углистому, пережженному слою, лежавшему в виде круглого пятна диаметром около 1 м с подслоем красного, прожженного песка в 10 см толщиной и около 80 см в диаметре.

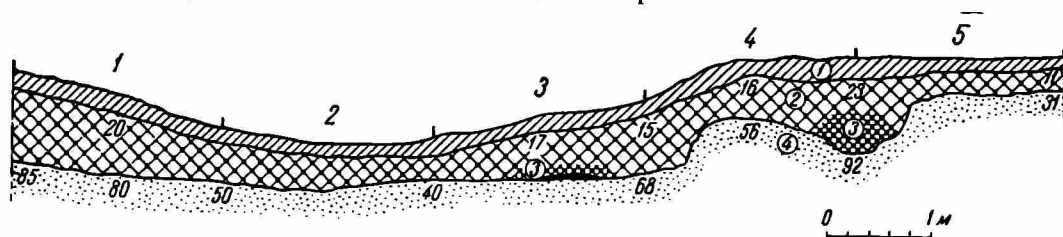

Рис. 3. Разрез слоев по северной стенке участков ряда А.

① — почвенный слой; ② — культурный слой; ③ — очажные слои; ④ — подстилающий песок
1 — 5 нумерация квадратов.

Несмотря на столь обещающий разрез, выявленный в самом начале раскопок, в дальнейшем контуров жилища проследить не удалось ни по расположению находок, точно нанесившихся на схему (рис. 4), ни по очертаниям предполагаемого пола полуземлянки, заметно более темного в жилищах на поселениях Бор I и на озере Грязном. Нижний горизонт культурного слоя здесь оставался столь же слабо окрашенным, как и в средних и верхних его горизонтах.

На том же разрезе, непосредственно за описанным уступом к востоку (см. рис. 3), находилась большая очажная яма овальной формы (см.

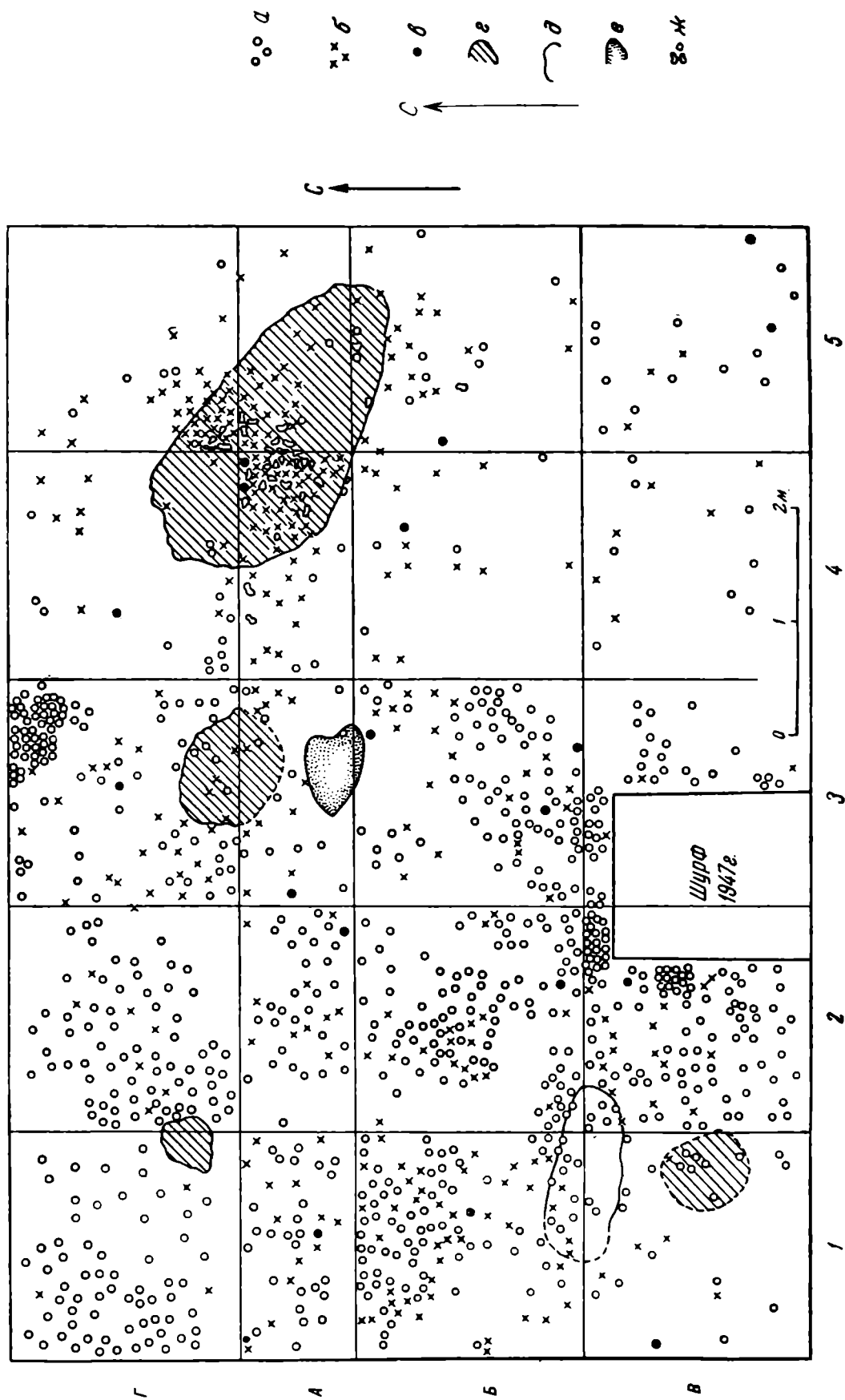

Рис. 4. Схема расположения культурных остатков в раскопе на стоянке Боровое озеро IV
 керамика; б — осколки кремня; а — каменные орудия; г — очажные ямы; д — хозяйственные ямы; е — каменная плита;
 ж — обожженные кости.

рис. 4) длиной 2,90 м, шириной 1,45 м и глубиной 0,92 м от поверхности и 52 см от восточного уступа подстилающего грунта. Яма была заполнена темнокоричневым песком красноватого оттенка, с вкрапленными угольками. На дне ямы находилось довольно много кремневых осколков, мелких жженных костей, а также разбитых галек, склейка которых показала, что они имели сбитые от многочисленных ударов края.

Кроме того, очажные пятна зафиксированы еще в двух пунктах: на участке $\frac{\Gamma}{1,2}$, округлой формы, в слабом углублении (рис. 5), диаметром около 1 м сверху и 40 см у дна (см. рис. 4) и на участке $\frac{B}{1}$, круглой же формы, диаметром в 75 см; кострище, как и предыдущее, находилось на линии контакта культурного слоя с подстилающим и шло на 15 см вглубь.

Помимо очажных ям, обнаружена довольно крупная яма на участке $\frac{BВ}{1,2}$ продолговатой формы, длиной 1,60 м, шириной 0,60 м, глубиной до 0,85 м от поверхности, заполненная плотным песком темнокоричневого цвета, с вкраплением отдельных угольков, но без следов красного, пережженного песка. Видимо, это не очажная яма, а какого-то иного, хозяйственного назначения.

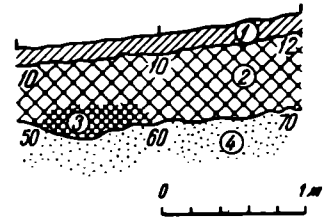

Рис. 5. Разрез очага на западной стенке участка $\frac{\Gamma}{2}$. (Описание слоев см. рис. 3).

В общем жилые остатки стоянки Боровое озеро IV очень близко напоминают картину, наблюдавшуюся на стоянке Бор II.

Находки, более многочисленные в западных частях раскопа, распределялись довольно равномерно; но в отдельных пунктах наблюдались скопления керамики, состоявшие из обломков одного сосуда (см. ниже).

У кострища на участке $\frac{A}{3}$ лежал большой плоский камень со следами пришлифовки на поверхности.

Собранная на стоянке Боровое озеро IV коллекция предметов состоит из 870 номеров по коллекционной описи, из которых 517 — обломки керамики, 388 — каменные орудия и осколки, 12 — обломки обожженных костей, 2 — угли, 1 — образец очажного слоя¹

Каменный инвентарь стоянки по петрографическому составу не отличается разнообразием. Кремний, использованный для изготовления скребков, ножей, наконечников стрел, ножевидных пластинок и пр., — темного, серого, желтого, красноватого, белого оттенков. Шлифованные топорикки из мергеля желтого цвета и из черного кремня.

Коренные месторождения кремня жителям стоянки не были известны, о чем говорят обилие галечникового материала, невысокое качество и пестрота кремня.

Весь каменный инвентарь состоит из 491 предмета. Из них 382 — кремневых и 109 — других каменных пород. Большую группу — 179 предметов — составляют бесформенные куски без обработки; из них кремневых — 79, песчанниковых — 96 и сланцевых — 4. Среди них кремневые, песчанниковые и сланцевые плитки, целые и расколотые гальки, т. е. сырье, подготовленное для выделки орудий.

Пятнадцать предметов представляют нуклеусы, из них 6 целых и 9 нуклевидных обломков. Нуклевидные обломки случайных форм с гранями сколов в нескольких направлениях. Из нуклеусов есть 3 хороших,

¹ Мелкие обломки керамики, осколки кремня, косточки и уголь регистрировались в коллекционной описи группами за одним номером по каждому участку.

правильно ограненных, годных для скалывания тонких ножевидных пластинок. Один из них, призматической формы, очень короткий (рис. 6, 2), имеет стесанную ударную площадку — результат последнего «оживления» нуклеуса. С другого нуклеуса (рис. 6, 3) ножевидные пластины скалывались в двух противоположных направлениях. Часть нуклеусов, менее правильных форм, служила для скалывания отщепов (например, рис. 6, 1).

Группу в 234 предмета составляют отщепы, в их числе (в количестве 148) мелкие отщепы и чешуйки. Частью это заготовки, но в большинстве — отбросы производства; больших скоплений их на стоянке не встречалось, они находились по всей площади раскопа.

На 234 отщепа и 16 орудий на них (всего 250) приходится 30 ножевидных пластин и 2 орудия на них (всего 32). Количество ножевидных пластин по отношению к отщепам (считая и орудия) составляет 12%; впрочем, указанное соотношение не может считаться достоверным из-за малочисленности материала.

Ножевидные пластины разнообразны: широкие и массивные, годные для изготовления скребков, ножей (самая крупная пластина $52 \times 20 \times 3$ мм, рис. 6, 5); тонкие и узкие, правильно ограненные (рис. 6, 4); пластины неправильной формы и довольно грубые. Есть два сегмента разделенной ножевидной пластины с ретушью по одному краю со стороны брюшка. Можно было бы предполагать в них вкладыши, если бы не их массивность и отсутствие острого противоположного края у одного из них.

Отщепы различны по величине и форме.

Законченных орудий в коллекции — 22 (считая и обломанные). Незаконченных орудий и предметов со следами обработки — 15; среди последних — обломок массивного отретушированного орудия (нижняя часть дротика или ножа — рис. 6, 8), несколько аморфных орудий и их обломков на кремневых кусках, с обработкой широкими фасетками с обеих сторон; 2 куски кремня, обработанных широкой, плоской ретушью; несколько кусков с незначительными следами обработки. Имеется один очень крупный отщеп из кварцита, возможно, употреблявшийся в качестве рубящего орудия (рис. 7, 8).

Среди орудий имеется только один наконечник стрелы асимметричной формы, с округлым основанием, плоский, оформленный широкими плоскими фасетками (рис. 6, 6). Нож также один. Он сделан на ножевидной пластинке, с узким концом, плоский, с отретушированными со стороны спинки боковыми краями и острием. Ретушь довольно крутая, мелкая и ровная (рис. 6, 7). Близок к ножу отщеп с узким концом, обработанный по одному боковому краю заостряющей ретушью.

Более многочисленны скребки, их 11 экземпляров. Два из них — на массивных отщепах с очень крутой, высокой ретушью, с широким, округлым рабочим краем, довольно заметно сработанным (рис. 7, 1, 2). Скребок на длинном отщепах обработан крутой, ровной ретушью и имеет два рабочих края: один — длинный, боковой и второй — узкий, перпендикулярный первому; это как бы комбинированный скребок-нож (рис. 7, 3). Три скребка — на удлинённых отщепах, с округлым рабочим краем без ретуши на боковых краях. Два отщепа не могут быть прямо названы скребками, но имеют скребковую ретушь. Два скребка отличаются своеобразной особенностью; у них стесано брюшко. Стесанность со стороны брюшка делает скребок более острым, что наводит на мысль о цели стесывания: возможно, это делали после затупления скребков в работе, для «оживления» их (рис. 7, 4). Один скребок — с выемкой. Он сделан на небольшом отщепах и имеет выемку с одной стороны, обработанной крутой ретушью (рис. 7, 7). Рабочий край, особенно в выемке, имеет значительную рабо-

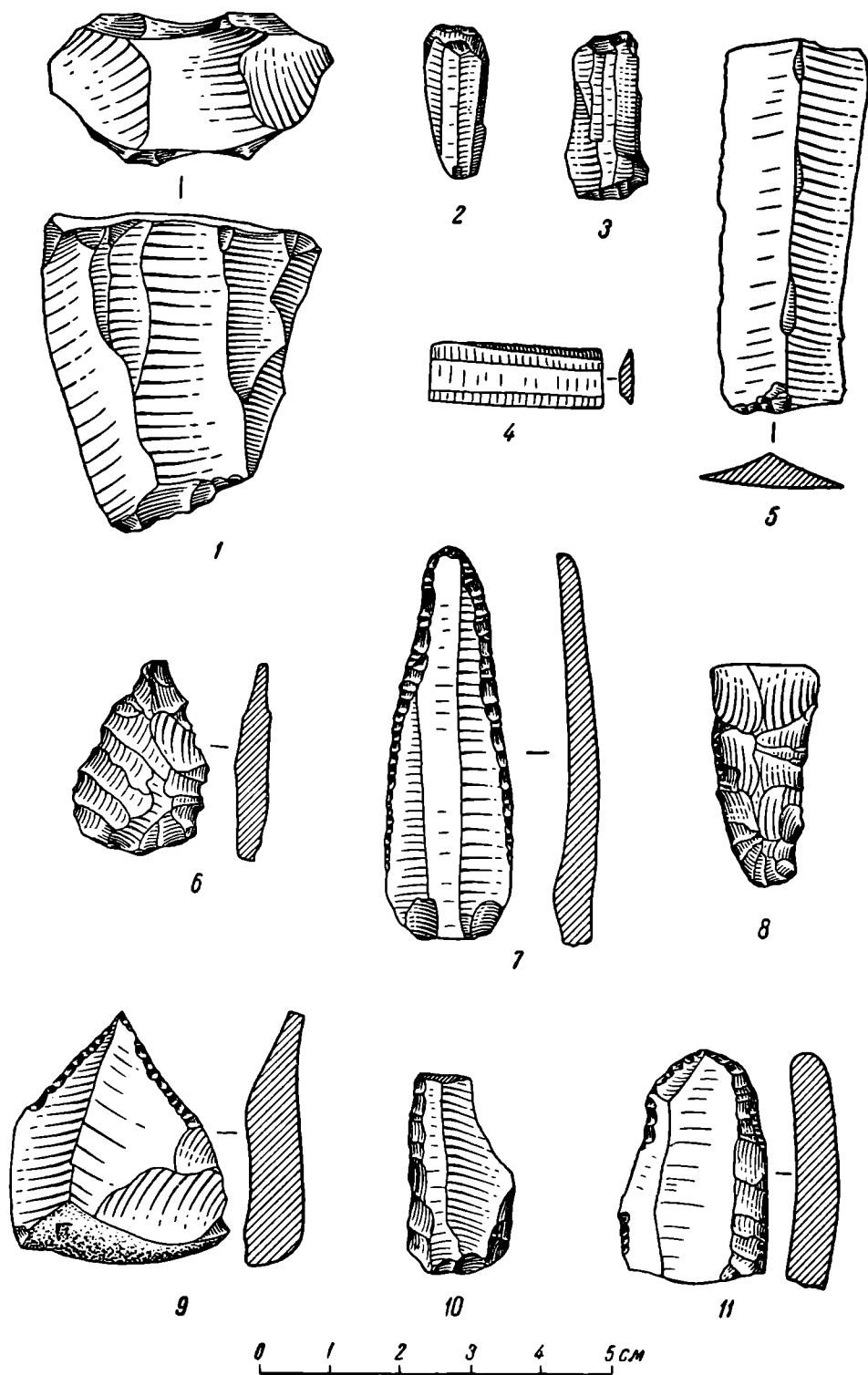

Рис. 6. Каменные орудия.

танность. Скребок, возможно, употреблялся для обработки длинных и тонких деревянных стержней. На другом боковом крае скребка — очень слабая выемка, почти симметричная первой. Этот боковой край, довольно острый и кое-где ретушированный, мог употребляться для резания. Один скребок — на удлиненном отщепе с округлым рабочим краем и боковой гранью, отделанными крутой скребковой ретушью (рис. 6, 11). На округлом рабочем крае очень заметна сглаженность граней между фасетками, отполированность; не исключена возможность использования его в качестве отжимника. Один из скребков — с высокой очень крутой ретушью и небольшим рабочим краем (рис. 7, 6).

Среди других орудий — проколка (правда, с отломанным концом) со следами обработки по одной боковой грани (рис. 6, 10).

На галечниковом кремневом отщепе сделано орудие, имеющее острый конец. С одного бока этот конец обработан мелкой скребковой ретушью, а с другого, у самого острия имеет скол, подобный резцовому. Орудие это могло употребляться в качестве сверла (рис. 6, 9).

Из других каменных пород сделаны 5 орудий. Из них два шлифованные — обломок небольшого топорика из мергеля и обломок тесла со скошенным лезвием. Лезвия не имеют следов сработанности. Обращает на себя внимание очень хорошая шлифовка орудий. Имеется кусок третьего шлифованного орудия, о форме и назначении которого судить невозможно.

Массивное грузило из плитки песчаника (95 × 70 мм) с характерными, симметричными друг другу выемками для привязывания к сети (рис. 10, 12, стр. 277), повторяет форму, хорошо известную в позднейших стоянках Прикамья. Обломок шлифовальника — бруска из сланца с двумя вогнутыми от работы краями; предмет мог употребляться для наточки каменных, костяных и металлических орудий. Наконец, небольшой пест из гальки (см. ниже — рис. 10, 13) употреблялся с двух концов, так как на обоих концах его видны сильные следы сработанности.

В целом каменный инвентарь стоянки Боровое озеро IV, несмотря на наличие отдельных предметов достаточно высокой техники, все же иллюстрирует упадок кремневой техники. Это видно по немногочисленности хорошо дифференцированных типов орудий и по небрежности обработки многих из них; чувствуется, что обитатели стоянки имели в своем распоряжении металлические орудия, которые в значительной мере уже успели заменить собой каменные.

Необходимо отметить, что описанный каменный инвентарь целиком совпадает с инвентарем стоянки Бор II, находящейся в 1 км вниз по реке Чусовой. Из наиболее характерных особенностей, свойственных обоим стоянкам, на нашем памятнике представлены наконечник стрелы с округлым основанием и скребок со стесанным или сколотым брюшком.

К е р а м и к а. Из общего количества обломков 354 фрагмента были подобраны по отдельным сосудам, которых оказалось сорок. По основным признакам это однородный материал, представляющий целостный комплекс.

Керамика плохой сохранности, собрать и склеить ни одного сосуда целиком не удалось. Один сосуд реконструирован графически (рис. 8).

Форма сосудов определяется как полуяйцевидная, что находит подтверждение в полном сходстве керамики нашей стоянки с керамикой стоянки Бор II, где преобладает полуяйцевидная форма. Диаметры шеек удалось измерить только у четырех сосудов. Это диаметры в 42, 46, 48 и 50 см. Толщина стенок сосудов колеблется от 6 до 11 мм. Преобладает толщина в 7 и 8 мм (табл. 1).

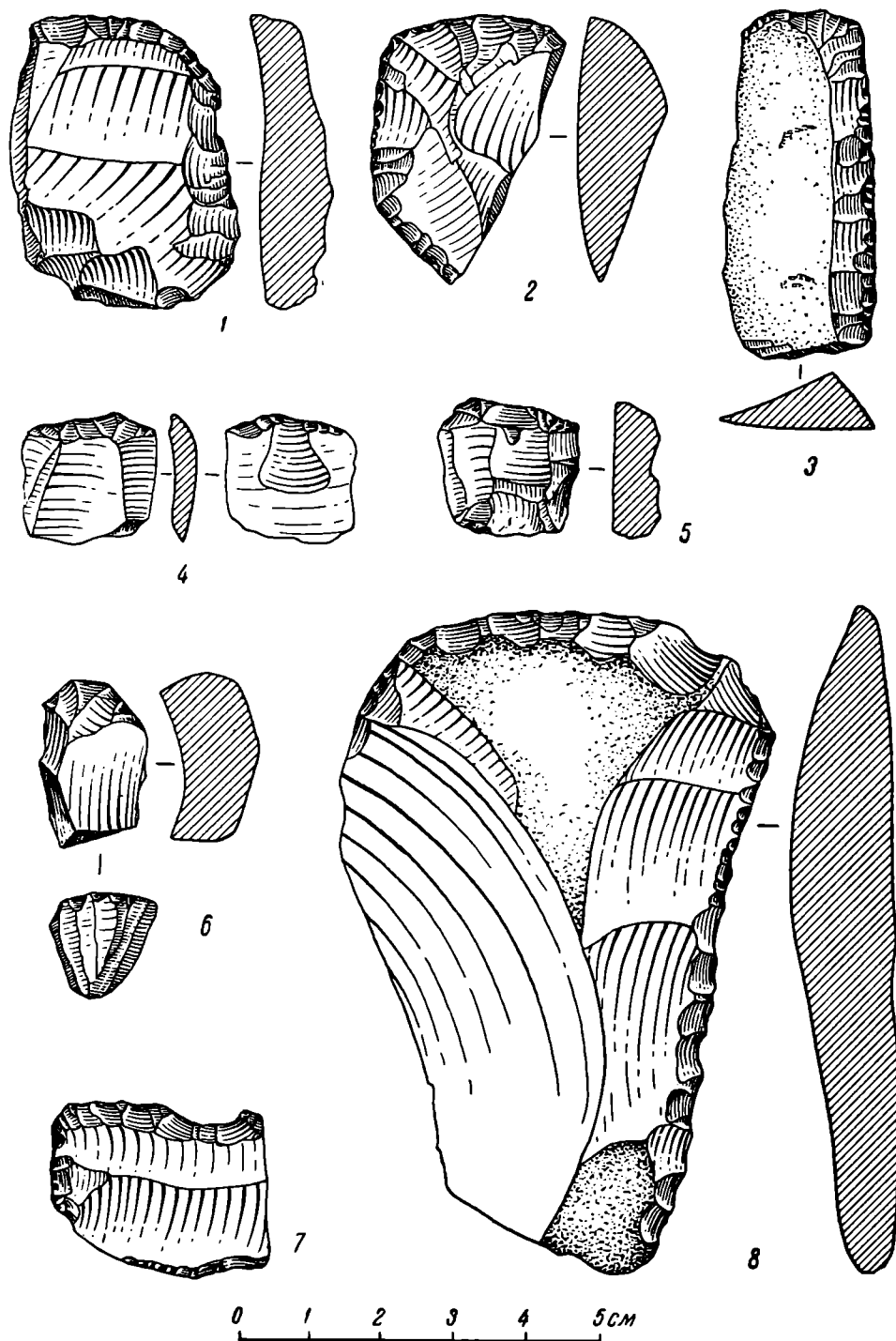

Рис. 7. Каменные орудия.

Таблица 1

Толщина стенок сосудов

Толщина, мм	6		8	9	10	11	Всего
Количество сосудов	3	11	7	5	—	1	27
То же, %	11,2	40,7	25,9	18,6	—	3,6	100

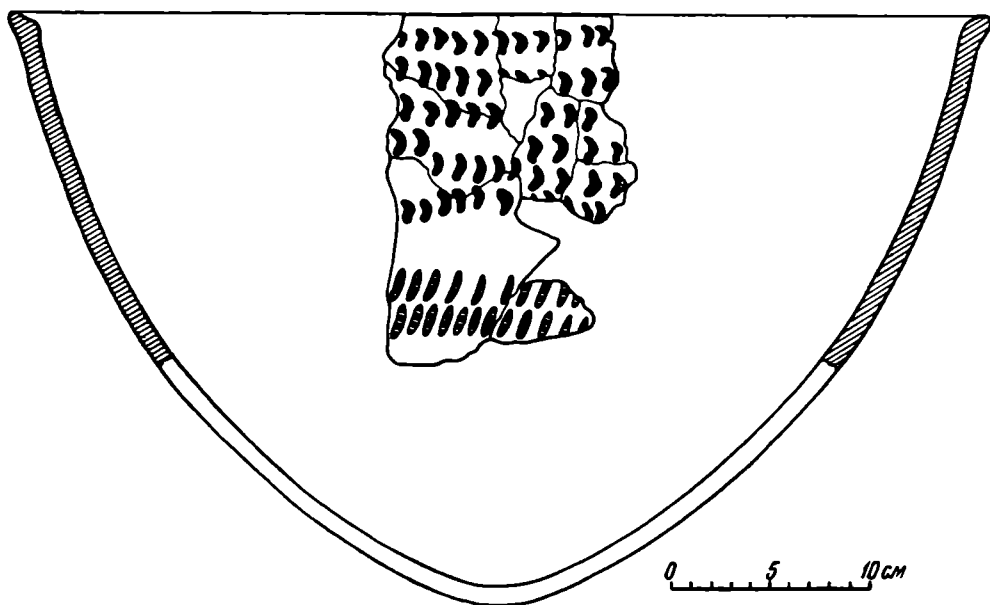

Рис. 8. Реконструкция сосуда № 1.

В большинстве случаев у сосудов шейка на 1 мм тоньше стенок или такой же толщины (табл. 2).

Форма венчиков шеек разнообразна. У большинства сосудов венчик отвернут наружу более или менее сильно, часто с орнаментальным вдав-

Таблица 2

Соотношение толщины стенок и шеек сосудов

Шейки толще стенок на		Равная толщина	Шейки тоньше стенок на			Всего
3 мм	4 мм		1 мм	2 мм	3 мм	
1	1	3	3	1	—	9
22,2%		33,3%	44,5%			100%

лением под венчиком снаружи (рис. 9, 2—7). У нескольких фрагментов — скошенный или скошенный и слегка отогнутый венчик.

Орнамент на огромном большинстве сосудов представлен полосами оттисков штампа с промежутками между ними. Иногда зоны орнамента разделены неорнаментированными зонами. Ширина зон — до 5 см. Сосудов со сплошной, густой орнаментацией очень мало. Неорнаментированных сосудов в коллекции нет, если не считать одного маленького обломка шейки сосуда очень небольших размеров.

По обрезу венчика (сверху) орнамент имеют только 4 сосуда, т. е. 10% сосудов. Орнамент имеет вид косо поставленной, неглубокой зубчатой «насечки» (см. ниже — рис. 10, 10) или (в одном случае) это — широкое вдавление, идущее вдоль венчика по всей окружности шейки (рис. 9, 10).

Особенностью в расположении орнамента является орнамент на шейке с внутренней стороны — у 9 сосудов. Он состоит большей частью из косо поставленных отпечатков зубчатого штампа, в двух случаях — из неправильно-ямочных вдавлений и в одном случае — из перекрещивающихся тонких зубчатых линий.

Элементов орнамента три: зубчатый («гребенчатый»), неправильно-ямочный и линейный (табл. 3). Во всех случаях это вдавления штампом.

Таблица 3

Орнамент на поверхности сосудов

Элементы орнамента	Зубчатый	Ямочный	Линейный	Только зубчатый	Только ямочный	Только линейный	Зубчатый с ямочным	Ямочный с линейным
Количество сосудов	33	6	5	31	2	4	3	1
То же, %	82,5	15	12,5	77,5	5	10	7,5	2,5

Зубчатый орнамент представляет широкие или узкие оттиски штампов, с 3—11 отдельными зубчиками. Он преобладает над всеми другими типами орнамента (на 33 сосудах).

Ямочный орнамент — только на 4 сосудах. В двух случаях он составлен из неглубоких круглоямочных вдавлений (рис. 9, 3), в остальных — неправильно-ямочных, продолговатых и бобовидных (рис. 9, 1). Нанесен он в одном случае цилиндрической палочкой, в других — коническим штампом или углом цилиндрической палочки.

Линейный орнамент — на 5 сосудах; образован или узкими и длинными вдавлениями ребра пластинки (рис. 10, 9), или вытянутыми широкими линиями, нанесение которых могло производиться прокатыванием круглого штампа (рис. 9, 4 и 6 и рис. 10, 7).

Сочетание различных элементов орнамента на одном сосуде встречено в четырех случаях (ямочный с линейным и зубчатый с ямочным).

Орнаментальный узор на большей части сосудов представляет круговые горизонтальные полосы, образованные рядами одинаковых отпечатков штампа, нередко чередующегося с полосами гладкой поверхности сосуда. Стенки одного сосуда густо, почти без промежутков покрыты бобовидными отпечатками штампа в верхней части; ниже идет полоса гладкой поверхности сосуда и еще ниже — полоса косо поставленных отпечатков зубчатого штампа (рис. 9, 1). Чередуются, одна под другою,

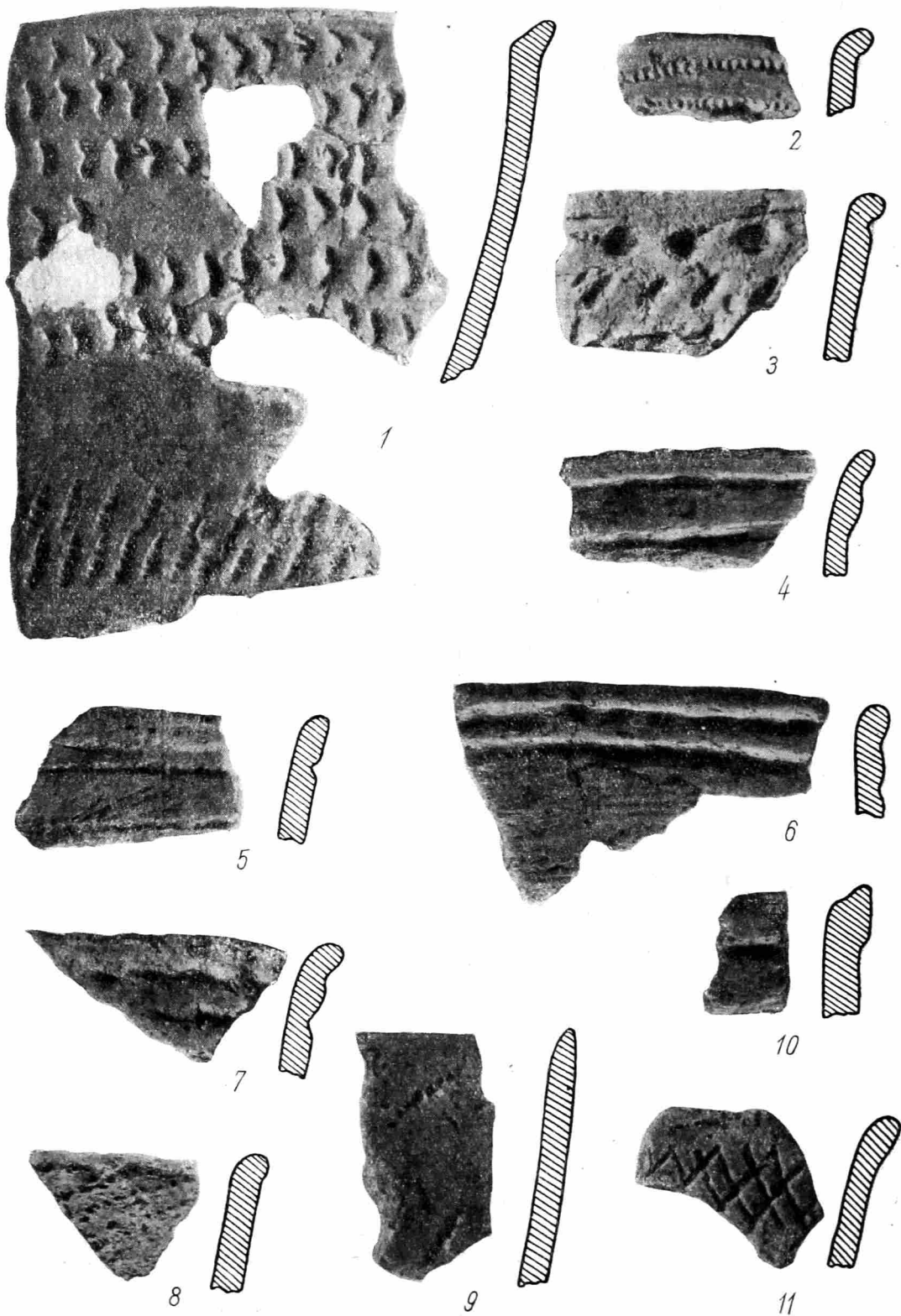

Рис. 9. Керамика. 1/2 nat. вел.

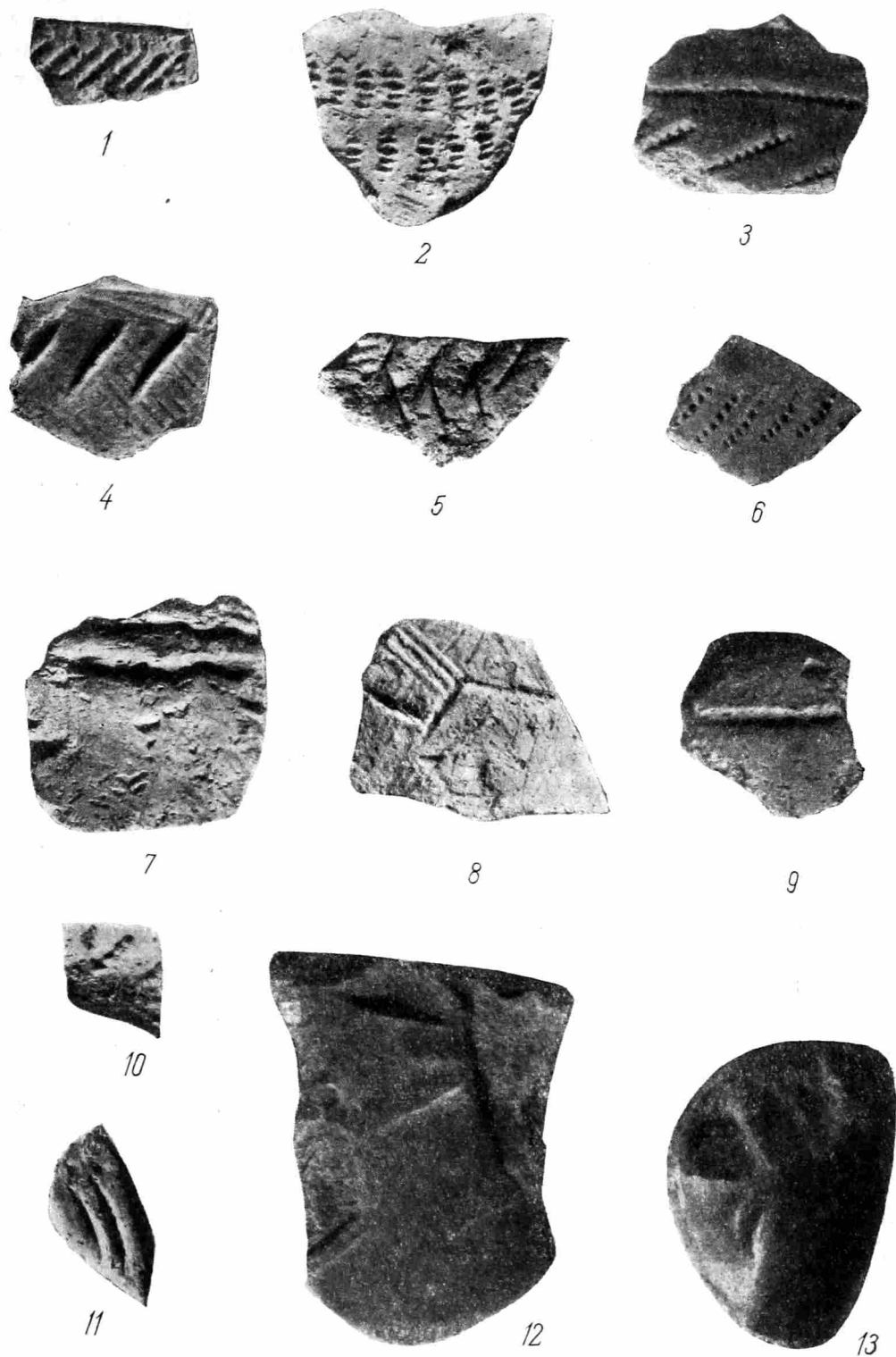

Рис. 10. Керамика, каменное грузило и пест из гальки. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

полосы зубчатого (рис. 10, 2) или ямочного штампа (рис. 9, 3), или полосы косо поставленных зубчатых отпечатков (рис. 9, 9). Часто встречаются круговые горизонтальные линии зубчатого штампа (рис. 9, 2, 5 и рис. 10, 3), а также косо поставленные отпечатки зубчатого штампа и зигзаг из отпечатков зубчатого или линейного штампов (рис. 10, 8). Единичны орнамент «елочкой» (рис. 10, 5), орнамент из частых, косо поставленных линий (рис. 10, 1) и орнамент из перекрещивающихся линий (рис. 9, 11) — везде зубчатый. Орнамент в виде так называемой «шагающей гребенки» отсутствует. Нет также и «флажкового» орнамента.

Глиняное тесто у всех сосудов (за одним исключением) имеет растительные примеси, которые при обжиге выгорали, отчего стенки сосудов как бы пористые, шероховатые, с мелкими и крупными выщербинами с внутренней и внешней стороны. В примесях нет сланца, талька или слюды.

Распад по спаям лент не наблюдался ни у одного сосуда; вероятно, это следует отнести за счет случайности.

Обработка поверхности с внутренней стороны у 19 сосудов производилась с помощью зубчатого орудия, следы которого сохранились в виде параллельных бороздок преимущественно горизонтального направления. Только один сосуд имеет хорошо сглаженную внутреннюю поверхность — и то после обработки ее зубчатым штампом. Для 21 сосуда характер обработки поверхности не установлен. У четырех сосудов зубчатым штампом обработана и наружная поверхность (до нанесения зубчатого орнамента). Обычно же наружная поверхность сглаживалась (рукой?).

Обжигание сосудов производилось на костре, о чем свидетельствует неравномерность их окраски, темные пятна на светлом фоне поверхности сосудов.

Свежие изломы черепков — серые и темносерые и только на 1—1,5 мм у наружной и внутренней поверхностей — светложелтого и желтого цвета. Просверленных отверстий на стенках сосудов не встречено.

Из всего комплекса керамики выделяется один черепок архаического вида, с очень плотным глиняным тестом, без примесей, с зубчатым орнаментом. Его следует отнести к более раннему времени, а попадание на место стоянки считать случайным.

З а к л ю ч е н и е. В культурном и хронологическом отношении определение стоянки Боровое озеро IV не представляет затруднений благодаря ее очень большому сходству с одновременно исследованной и гораздо более богатой стоянкой Бор II, расположенной на той же боровой террасе на расстоянии 1 км вниз по долине Чусовой¹.

Сходство заключается в общем характере поселения и культурного слоя, не давшего следов полуземлянок, но изобилующего ямами, частью заполненными очажными остатками, частью без них, а также в общей форме кремневых стрел — миндалевидных очертаний (с округлым основанием — рис. 6, 6) и в наличии там и здесь скребков со стесанным брюшком (рис. 7, 4). Но особенно убедительно сходство в керамике; последняя и там и здесь имеет одну и ту же преобладающую полуяйцевидную, широкошейную форму (рис. 8), весьма близкий орнамент, растительные примеси к глиняному тесту и способ обработки поверхности зубчатым орудием.

Помимо стоянок Бор II и Боровое озеро IV, к той же группе поселений Чусовского Прикамья относятся стоянки Бор III, Бор IV, вероятно,

¹ О. Н. Бадер. Стоянка Бор II и предананьянское время в Прикамье (печатается).

сильно разрушенная Верхнегаринская стоянка и Боровое озеро VI, на которой в 1950 г. вскрыто большое жилище¹, являющееся прототипом ананьинского жилища на Конецгорском селище². Перечисленные 6 поселений представляют весьма однородную группу по материальной культуре, отличающуюся от поселений гаринского типа (Астраханцевского и Бор I), хотя и связанную с ними генетически³. Поселения борского и гаринского типа не могут рассматриваться в качестве различных синхронных племенных культур, так как занимают один и тот же узкий район, перемежаясь в нем. По ряду признаков, перечисленных в другом месте⁴, поселения борского типа занимают промежуточное место между ранним этапом турбинской культуры, к которой относятся поселения гаринского типа⁵, и ананьинской культурой, датируются ориентировочно XIII—X вв. до н. э. и выделяются в особый предананьинский борский этап турбинской культуры. Намечается выделение еще более поздней группы памятников с «флажковой» керамикой, встречающейся и на борских стоянках. Поселения борского типа занимали часть верхнего Прикамья и среднее Прикамье, о чем говорят некоторые, пока единичные находки.

Таким образом, в этой области и, во всяком случае, в Чусовском Прикамье мы имеем теперь вполне определенное представление о культуре, непосредственно предшествующей ананьинской.

Культура борского этапа турбинской эпохи по своему общему облику очень архаична. В то же время именно к ней близок инвентарь каменных орудий раннеананьинского Галкинского городища на стрелке Чусовой и Камы⁶; именно в ней мы видим предананьинский тип длинной полуземлянки с многочисленными очагами. Здесь же особенно ясно выступает развивающееся сетевое рыболовство и мотыжное земледелие. Наконец, на борском этапе появляются и котлообразные, круглодонные, низкие сосуды подвешенного типа⁷, позднее, в ананьинское время, приобретающие значение основной формы; так же как и на борском этапе турбинской культуры, ананьинская керамика имеет органические, непрочные примеси к глине и обработанную зубчатым штампом поверхность. Совершенно прав оказался П. П. Ефименко, когда он указывал, что на территории Прикамья котлообразная посуда подвешенного типа первоначально не была связана со шнуровой орнаментацией⁸.

Таким образом, мы, наконец, имеем в Прикамье вполне определенную местную культуру, с которой ананьинскую культуру можно связывать генетически. Турбинская культура с ее борским этапом локализуется в верхней половине Прикамья, и вопрос о распространении ее на области нижнего Прикамья пока неясен.

А. В. Збруевой, которая давно стоит на точке зрения, в основном, местного культурного подسоя для ананьинской культуры⁹, не посчастливилось в достаточной мере выявить этот подслой в ее исследова-

¹ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1950 г. КСНИМК, XLIX, 1952.

² А. В. Збруева. Коллективное жилище в Прикамье. ВДИ, 1940, № 2.

³ О. Н. Бадер. Стоянка Бор II и предананьинское время в Прикамье.

⁴ Там же.

⁵ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1950 г.

⁶ Егоров. Стоянка Бор II и предананьинское время в Прикамье.

⁷ Там же.

⁸ П. Ефименко. До питання про джерела культури пізньої бронзи на території Волго-Кам'я. «Археологія», II, Київ, 1948.

⁹ А. В. Збруева. Происхождение ананьинской культуры. КСНИМК, IX, 1941.

ниях предананьинских поселений. Основное из них — первая Луговская стоянка — дала лишь слабые следы какой-то архаичной, безусловно местной культуры¹, не определенной ближе.

Поэтому А. В. Збруева принуждена оставить местный подслоя ананьинской культуры без конкретной характеристики и в результате анализа керамики древнейшей части Луговского поселения считает возможным «вскрыть сложные влияния окружающих культур: позднесрубной, андроновской и в то же время констатировать появление посуды ананьинского типа — с выпуклым валиком вокруг горла сосудов, шнуровым орнаментом и округлым дном»². Действительно, андроновский и в особенности позднесрубный элементы в Луговском поселении решительно преобладают³, а местный архаичный элемент, который можно было бы сопоставить с предананьинской среднекамской культурой борского типа, на Ананьинской стоянке и недавно раскопанных предананьинских стоянках близ устья Камы и у Казани — совершенно отсутствует⁴.

В то же время в Прикамье ниже вятского устья и в смежной части волжского левобережья в конце II тысячелетия — начале I тысячелетия до н. э. широко распространены многочисленные стоянки, в последнее время подробно описанные А. П. Смирновым⁵; хотя они еще недостаточно выявлены, уже сейчас ясно, что их объединяет наличие позднесрубной керамики в соединении с «текстильной», т. е. керамикой с отпечатками ткани на наружной поверхности. Известно, что поселения с подобной керамикой широко распространены в марийско-чувашском Поволжье, на Оке и на верхней Волге, где на базе этой культуры формируется культура городищ дьяковского типа. Расценивать же ее как исходную форму для ананьинской культуры не представляется возможным⁶, тем более, что в среднем Прикамье имеется такая исходная культура в виде поселений борского типа.

Поэтому основной областью ананьинского этногенеза в настоящее время представляется верхняя и средняя, приуральская часть Прикамья. В нижнем же Прикамье и казанском Поволжье ананьинские племена появились в VII в. до н. э. вследствие этнического сдвига из областей среднего Прикамья, достигшего тогда же бассейна Ветлуги⁷. Впрочем, этот вопрос будет окончательно решен дальнейшими исследованиями.

¹ А. В. Збруева. Камская экспедиция в 1946 г. КСИИМК, XX, 1948.

² А. В. Збруева. О результатах работ Камской экспедиции. КСИИМК, XXI, 1947.

³ А. В. Збруева. Памятники поздней бронзы в Прикамье. КСИИМК, XXXII, 1950.

⁴ Н. А. Прокошев. Памятники эпохи бронзы в устье Камы. КСИИМК, XXV, 1949; Н. Ф. Калинин. Казанская стоянка. Ист.-археол. сборник Ин-та краеведческ. и музейн. работы. М., 1948.

⁵ А. П. Смирнов. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козмодемьянск, 1949.

⁶ О. Н. Бадер. Древнее Поволжье в связи с вопросами марийского этногенеза и ранней истории Поволжья. «Сов. Этнография», 2, 1951.

⁷ О. Н. Бадер. Этногенез мария по археологическим материалам Поволжья. Тезисы доклада на Этнографическом совещании в Москве 30 января 1951 г.

О. М. ДЖАПАРИДЗЕ

БРОНЗОВЫЕ ТОПОРЫ ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ

(К вопросу о ведущих типах орудий позднебронзовой культуры)

Археологические открытия последних лет и изучение фондов Музея Грузии и краеведческих музеев выявили, что в эпоху поздней бронзы в Западной Грузии существовала своеобразная «колхидская» культура, обнаруживающая определенное сходство с известной кобанской культурой. Вопрос о взаимоотношении колхидской и кобанской культур становится одним из важнейших вопросов грузинской археологии. Однако накопившийся в наших музеях обильный археологический материал из Западной Грузии представлен, к сожалению, главным образом, случайными находками. Поэтому изучение этого материала возможно лишь путем типологического анализа ведущих предметов западногрузинской позднебронзовой культуры. Такое изучение основных типов колхидской культуры прольет свет также и на вопрос о взаимоотношении ее с кобанской культурой.

В настоящей статье сделана попытка сравнительного изучения колхидского топора, который наиболее характерен как для кобанской, так и для колхидской культуры; поэтому изучение его, по нашему мнению, является одной из первоочередных задач. Впервые топоры этого типа были обнаружены в 70-х годах прошлого столетия в Северной Осетии в Верхнекобанском могильнике.

Добытый в этом могильнике материал впервые был обработан и изучен Г. Д. Филимоновым (1877 г.), опубликовавшим также результаты своих раскопок¹. Сообщенный Г. Филимоновым материал из Кобана вызвал всеобщий интерес. В 1879 г. подготовительный комитет V археологического съезда командировал в Кобан археолога В. Б. Антоновича, который раскопал пять погребений². В последующие годы этот могильник посетили многие русские и иностранные ученые (А. С. Уваров, Ф. Байерн, Е. Шантр, Р. Вирхов и др.).

А. С. Уваров в трудах V археологического съезда опубликовал интересную статью, в которой рассматривает в основном кобанский материал³. Р. Вирхов посвятил Кобану обширную и обстоятельную

¹ Г. Д. Филимонов. О доисторической культуре Осетии. ИОЛЕАЭ, т. XXXI, приложение, М., 1878.

² В. Б. Антонович. Дневник раскопок. Кобань. V Археолог. Съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного комитета, М., 1879, стр. 242.

³ А. С. Уваров. К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе. Тр. V АС (в Тифлисе), приложение, 1887.

монографию¹. Археолог Э. Шантр в своем труде также отводит этому могильнику значительное место². Большое внимание Кобану уделила и П. С. Уварова³.

Именно в Кобанском могильнике был впервые обнаружен неизвестный до того времени тип топора, который впоследствии по месту находки получил название «кобанский топор», а соответствующая ему культура — «кобанской культуры». В те годы на территории Грузии еще не были известны колхидские топоры (если не считать нескольких единичных находок)⁴, поскольку Грузия была совершенно не изучена в археологическом отношении. Только с V археологического съезда в деле изучения древностей Кавказа наступает перелом. Растет интерес к древностям Кавказа; в Кавказском музее накапливается обильный материал из разных местностей и в том числе с территории Грузии. Но действительно научное изучение археологии Грузии начинается лишь после установления Советской власти. В Государственном музее Грузии и в краеведческих музеях постепенно накапливается материал из Западной Грузии. Уже в 1926 г. В. И. Стражев опубликовал интересный очерк о бронзовой культуре Абхазии, где отмечает, что хранившиеся в Сухумском музее бронзовые предметы обнаруживают большую близость с кобанским инвентарем⁵. М. М. Иващенко в своих статьях специально останавливается на этом вопросе⁶. Он первый высказал мнение, что предметы кобанской культуры на территории Западной Грузии, Сванетии и Абхазии количественно в несколько раз превосходят находки в Осетии и поэтому именно Западную Грузию следует считать центром этой культуры⁷. А. А. Иессен в своем труде о древнейшей металлургии Кавказа более подробно рассматривает данный вопрос.

Изучая клады, найденные в Западном Закавказье, А. А. Иессен отмечает, что в них можно выделить две группы предметов: одна из них характерна исключительно для Западного Закавказья, а вторая — также и для кобанской культуры⁸. По его мнению, вообще на этапе поздней бронзы ведущую роль играла металлургия Западного Закавказья. Отсюда шла основная масса металла; естественно, здесь возникали и отсюда распространялись и соответствующие типы изделий⁹. В другой своей статье А. А. Иессен отмечает, что «первоначальной базой возникновения кобанского комплекса металлических изделий является Западное Закавказье»¹⁰.

Особенно большое значение имела Абхазская археологическая экспедиция 1934 г. под руководством академика И. И. Мещанинова. Найден-

¹ R. Virchow. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Berlin, 1883.

² E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase. t. II, Paris—Lyon, 1885.

³ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, стр. 3.

⁴ R. Virchow. Ук. соч., стр. 87; П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 14; А. В. Комаров. Краткий обзор последних археологических находок в Кавказском крае. «Изв. Кавказского об-ва истории и археологии», т. I, вып. 1, 1882, стр. 1—6.

⁵ В. И. Стражев. Бронзовая культура в Абхазии. «Изв. Абхазского научн. о-ва», в. IV. Сухум, 1926, стр. 113.

⁶ М. М. Иващенко. Исследования архаических памятников материальной культуры в Абхазии. «Изв. Ин-та кавказоведения», в. 3. Тифлис, 1935; М. М. Иващенко. Beiträge zur Vorgeschichte Abchasiens. ESA, VII, Helsinki, 1932.

⁷ М. М. Иващенко. Ук. соч., стр. 111.

⁸ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАНМК, в. 120, М.—Л., 1935, стр. 130.

⁹ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 138.

¹⁰ А. А. Иессен. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. Доклады III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. М.—Л., 1939, стр. 96.

ный экспедицией материал, а также случайные находки в разных местах Западной Грузии, дали И. И. Мещанинову основание высказать соображение, что центр так называемой «кобанской культуры» должен был находиться в Западной Грузии и эта культура должна быть названа «колхидской культурой». Академик С. Н. Джанашиа, вполне разделяя это соображение И. И. Мещанинова¹, ставит дальнейший вопрос: «если с этим свяжем факт, установленный современной археологией о том, что замечательная бронзовая культура, которую раньше называли кобанской, в действительности является колхидской культурой и что расцвет этой культуры как раз подходит к эпохе табал-тубалов и что колхидская бронзовая культура с новейшими открытиями распространяется далеко к югу, к Малой Азии (подразумеваем клады, найденные в Артвине и в Орду), тогда естественно возникает вопрос, не является ли действительно колхидская бронзовая культура культурой тубалов или тех же тубалкайнов»².

Следует отметить также мнение проф. Б. А. Куфтина, что кобанская культура не только по территории основного своего распространения, но и по происхождению является колхидской³. Он считает, что в Западной Грузии и в Кобане существовала совершенно однородная культура, и поэтому он ее называет «колхидско-кобанской» культурой, а характерный для нее топор — «колхидско-кобанским» топором⁴.

Отождествление колхидской и кобанской культур мы считаем неправильным. Несмотря на то, что эти культуры характеризуются некоторыми общими чертами, они в достаточной степени отличаются друг от друга. В результате изучения выясняется, что в этих культурах определенное сходство замечается, главным образом, в предметах вооружения (топоры, кинжалы). Особенно их сближают топоры.

Здесь же следует отметить, что характерное для западногрузинской культуры копье с расщепленной втулкой отсутствует в кобанской культуре. Не встречаются там также характерные для колхидской культуры бронзовые мотыги, сегментовидные орудия, плоские топоры, палки и др., что, возможно, объясняется различием в укладе хозяйства. В Кобане, повидимому, занимались преимущественно скотоводством, в то время как в Колхиде ведущим типом хозяйства являлось земледелие⁵.

С другой стороны можно выделить ряд типов, которые характерны исключительно для кобанской культуры (большие булавки, прямоугольные поясные бляхи, браслеты со спиральными концами и др.).

Колхидская и кобанская культуры издревле были тесно связаны друг с другом, а поэтому характерный для колхидской культуры бронзовый топор нашел большое распространение и в кобанской культуре. Именно этот топор явился одной из главных причин отождествления этих двух культур.

Как мы уже отметили, такое отождествление мы не считаем верным. Думаем, что грузинские археологи вполне правильно ввели для западно-

¹ С. Джанашиа. Общественные науки в Советской Грузии к 20-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. «Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры», т. I, Тбилиси, 1937, стр. XXXIII (на груз. языке).

² С. Джанашиа. Тубал-Табал, Тибареи, Ибер. «Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры», т. I, Тбилиси, 1937, стр. 240 (на груз. языке).

³ Б. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 16; его же. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. ВГМГ, т. XII-V, Тбилиси, стр. 232.

⁴ Б. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 68.

⁵ А. А. Пессен. К вопросу о древней металлургии меди на Кавказе, стр. 131.

грузинской культуры термин «колхидская культура» и термин «колхидский топор» — для топора, связанного с этой культурой.

В колхидских топорах различается несколько вариантов. Попытки их типологической классификации даны уже в трудах Р. Вирхова¹, Е. Шантра², П. Уваровой³ и Ф. Ганчара⁴.

В своей монографии Р. Вирхов детально останавливается на топорах и выделяет среди них три типа. Но классификация Р. Вирхова не точна. Основным признаком он считает обушную часть топора и на этом основывает свою типологию. Классификацию колхидского топора лишь по одному признаку мы считаем неправильной. Часто встречаются колхидские топоры с одинаковым обухом, но с различным лезвием, и наоборот. При классификации надо исходить не из одного какого-нибудь признака, а из общей формы топора, его очертаний.

Е. Шантр в одном из своих трудов довольно пространно останавливается на инвентаре Кобанского могильника и, в частности, на топорах. Но он касается, главным образом, украшений топорков, а не их типологий. Отмечая наличие четырех типов топорков, он не дает их характеристики⁵.

Более обоснованна классификация П. С. Уваровой. Она выделяет шесть типов топорков. При группировке типов она руководствовалась не только формой, но и размером и весом топорков. Например, типы «б» и «в» ее классификации совершенно одинаковой формы, но тип «в» массивнее и тяжелее. Тип «е» той же формы, что и тип «б», но меньше по размеру⁶. В этих случаях П. С. Уварова кладет в основу классификации не форму, а размер, что, по нашему мнению, не совсем правильно. Колхидский топор на протяжении своего существования дал несколько вариантов. Почти во всех вариантах встречаются топоры как большого, так и малого размеров.

Ф. Ганчар в своей работе о колхидских топорах разделяет их на три типа⁷.

При перечислении типов «кобанским» он называет только свой 1-й тип, но при дальнейшем разборе и свой 2-й тип именует «кобанским боевым топором»; оба типа он считает характерными для Кобана⁸. Что касается 3-го типа, то к нему он относит один вислообушный топор, вероятно случайно попавший в кобанский комплекс, так как весь материал Венского музея приобретен покупкой⁹.

Не принимая ни одну из существующих классификаций, мы пытаемся дать новую типологию колхидских топорков. При группировке в основном мы руководствовались очертаниями топора, его общей формой, считая этот момент наиболее существенным, а затем результат проверяли путем установления географического распространения той или иной формы.

Колхидские топоры мы делим на три основных типа. В первых двух типах мы выделяем еще по одному подтипу (рис. 1).

Т и п. Основным и существенным в топорах этого типа являются клиновидный обух, прямое туловище и почти симметричное, закругленное лезвие.

¹ R. Virchow. Ук. соч., стр. 81—88.

² E. Chantre. Ук. соч., стр. 42—46.

³ П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 14—23.

⁴ F. Gančar. Die Beile aus Koban in der Sammlung kaukasischer Altertümer «Wiener Prähistorische Zeitschrift», XXI, Wien, 1934.

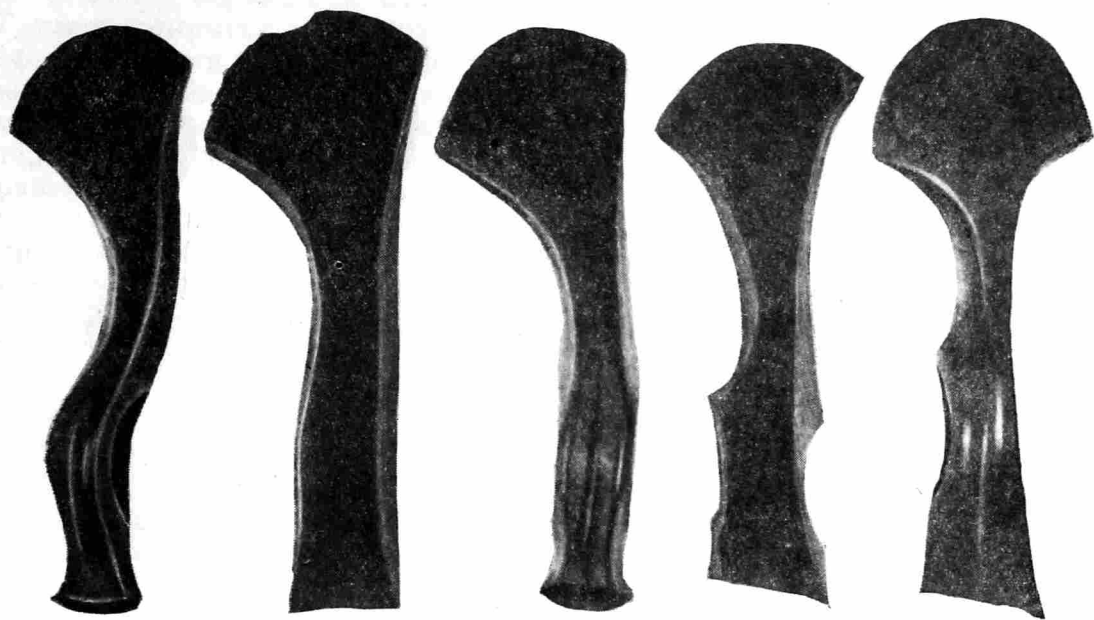
⁵ E. Chantre. Ук. соч., стр. 42—46.

⁶ П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 14—23.

⁷ F. Gančar. Ук. соч.

⁸ Там же, стр. 32.

⁹ Там же, стр. 12.

Рис. 1. Типы колхидских топоров (I, I₁, II, II₁, III).

I₁ подтип в основном характеризуется теми же признаками, что и основной тип, но все же отличается от него некоторыми особенностями: обухная часть укорочена, лезвие меньших размеров и явно асимметрично; наиболее существенным признаком этого подтипа является выступавший вниз проух.

II тип. Наиболее существенной особенностью этого типа являются граненый обух, прямая лобная часть и сильно асимметричное, закругленное лезвие.

II₁ подтип. Единственным существенным отличием от основного типа является клиновидный обух, в остальном же он полностью сходен с основным типом.

III тип. Основным признаком этого типа считаем изогнутое дважды в противоположных направлениях туловище.

Колхидский топор распространен во всей Западной Грузии. Он хорошо известен как в нагорной, так и в низменной части Колхиды. По имеющимся в нашем распоряжении материалам можно сказать, что I тип колхидского топора наиболее распространен в Западной Грузии. Хорошо представлен также и II тип. Что касается III типа, то он встречается реже.

Колхидские топоры I и II типов широко распространены в Абхазии. I тип хорошо представлен и в других районах Западной Грузии: несколько топоров найдено в Сванетии, большое количество — в Мегрелии, Гурии, Аджарии, Имеретии. В значительном числе колхидские топоры обнаружены в Лечхуми.

Колхидский топор II типа хорошо представлен в Мегрелии и Сванетии. Из Гурии пока известен лишь один топор. На сегодня топоры этого типа совершенно неизвестны в Аджарии и Имеретии. Хорошо представлен II тип в Лечхуми. Колхидский топор II типа встречается преимущественно в северной части Колхиды.

Что касается III типа, то в Западной Грузии он пока что известен лишь из Лечхуми. Следует особо отметить, что именно в Лечхуми, по имеющимся до настоящего времени данным, обнаружено наибольшее количество колхидских топоров. Примечательно и то обстоятельство,

Рис. 2. Клад бронзовых предметов из сел. Сурмуши. Кутаисский музей.

что здесь топоры встречены, главным образом, в кладах (Ладжобисдзир, Сурмуши, рис. 2, Цагери и др.). Лечхуми в позднебронзовую эпоху, видимо, являлся одним из основных очагов металлургического производства колхидской культуры. Найденные в Лечхуми бронзовые предметы отличаются преимущественно хорошей сохранностью и покрыты замечательной патиной; возможно, это было вызвано тем, что изделия лечхумского металлургического центра изготавливались из особого состава металла (ср. Сурмушский клад, клад из Ладжобисдзир и др.).

Подтипы колхидских топоров в западногрузинской культурной области сравнительно малочисленны. I₁ подтип встречается почти во всей Западной Грузии. II₁ подтип пока что известен из Сванетии, Мегрелии, Лечхуми, Имеретии; он совершенно неизвестен из Абхазии, Гурнии и Аджарии.

Область колхидской культуры не ограничивалась лишь Западной Грузией; открытия последних лет указывают, что и Месхети входил в ее сферу. Месхети непосредственно граничил с Колхидой, и вблизи их границы в бассейне р. Чорохи находился один из основных производственных очагов колхидской культуры¹. В этой связи следует указать, что термин, предложенный для восточногрузинской культуры проф. Ш. Я. Амيرانашвили в его последнем труде, по нашему мнению, является неправильным. Ш. Я. Амيرانашвили отмечает: «Ввиду того, что район распространения второго культурного комплекса превышает географические границы Иберии, правильнее назвать его не «иберийским», а «иберо-месхо-албанским»². Не говоря уже о сложности этого термина, и само содержание его неправильно. Месхети и политически, и географически являлся частью Иберии³. Поэтому выражение «иберо-месхский» неправильно: в иберийском подразумевается и месхетское. Для иберийской культуры мы сейчас уже имеем термин «восточногрузинская культура», для албанской же культуры в археологии уже укоренился термин «ганджа-карабакская культура».

Особого внимания заслуживает обнаруженная в Месхети в сел. Теловани форма для отливки колхидского топора II типа. Примечательно, что топор, обнаруженный в сел. Митарба, подходит к литейной форме из сел. Теловани. Проф. Г. К. Ниорадзе вполне справедливо отмечает, что «этот факт бесспорно говорит о местном производстве топоров»⁴. Здесь же следует отметить, что литейные формы для колхидского топора обнаружены только на территории Грузии: две найдены в сел. Тагилони (I тип), третья — в сел. Теловани. По мнению Б. А. Куфтина, бронзовые литейные формы для отливки колхидских топоров, хранящиеся в музеях Зугдиди и Боржоми, были предназначены для изготовления восковых моделей, хотя не исключена возможность литья в них и бронзовых топоров.

Из Месхети на сегодня известны четыре колхидских топора, из которых один II типа, остальные — I типа.

Переходим теперь к обзору колхидских топоров в сфере восточногрузинской культурной области. Во внутренней Картли колхидский элемент встречается в достаточном количестве. Но ясно, что уже в позднебронзовую эпоху этот край входит в круг восточно-грузинской культуры; доказательством являются как отдельные находки, так и комплексы смешанного характера (Сасиретский клад, Цхинвальский клад, Ахалкалакский клад, Гостибе и др.), где уже явно преобладает восточногрузинский элемент. В позднебронзовую эпоху восточногрузинская и западногрузинская культуры находились в тесной связи. Как отмечает академик С. И. Джанашиа, «нынешняя Картли являлась, повидимому, и тогда центральным районом, где обменивались своим опытом и продуктами труда жители Западной и Восточной Грузии. Здесь находят памятники как восточногрузинской, так и западногрузинской культуры»⁵. Это понятно, так как внутренняя Картли граничила непосредственно с Месхети, откуда и шел, повидимому, в основном колхидский элемент в восточногрузинскую

¹ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 127.

² Ш. Я. Амيرانашвили. История грузинского искусства. М., 1950, стр. 36.

³ И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, т. II. Тбилиси, 1913, стр. 284 (на груз. языке).

⁴ Г. К. Ниорадзе. Археологические разведки в долине р. Мтквари. ВГМГ, т. XIII-V. Тбилиси, 1944, стр. 194 (на груз. языке).

⁵ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа. История Грузии. Тбилиси, 1946, стр. 25.

культуру. Примечательно, что колхидский элемент в восточногрузинской культуре доходит до Мцхета (за исключением единственной более восточной находки в Варташени), где и проходила приблизительно восточная граница внутренней Картли. Следует отметить предположение Б. А. Куфтина, что на ранних этапах поздней бронзы внутренняя Картли находилась в сфере колхидской культуры, но впоследствии эту территорию занимает более воинственный народ, носитель восточногрузинской культуры¹. Накопившийся на сегодня материал, полагаем, достаточно подтверждает, что в позднебронзовый период внутренняя Картли попадает в сферу восточногрузинской культуры. Это обстоятельство особенно ясно видно по материалам, добытым Мцхетской археологической экспедицией на Самтаврском могильнике.

Особенно нужно отметить ту часть внутренней Картли, которая в настоящее время входит в пределы Югоосетинской автономной области. Здесь мы встречаем вместе с восточногрузинскими и западногрузинскими предметами и чисто кобанский элемент, что хорошо подтверждается материалами как Югоосетинского краеведческого музея, так и Музея Грузии. Эта область внутренней Картли посредством перевалов издревле сообщалась как с Северным Кавказом, так и с Западной Грузией. Поэтому, быть может, мы не ошибемся, если скажем, что именно здесь проходила одна из основных дорог, на которой встречались колхидская и кобанская культуры.

В восточногрузинской культурной области, особенно во внутренней Картли, мы встречаем все три типа колхидского топора. Так, во Мцхета, на Самтаврском могильнике найдены топоры всех трех типов. Мцхета — крайний пункт распространения колхидского топора в восточногрузинской культурной области, если не примем во внимание Варташенскую находку, включавшую топор II типа.

В Южной Грузии (Квемо Картли) Триалетской археологической экспедицией² найден один только колхидский топор. В Кахетии топоры этого типа пока не обнаружены.

Хорошо представлен колхидский топор и за пределами нынешней Грузии. На юге следует отметить те области, которые исторически и культурно связаны с Грузией, но ныне находятся в Турции. Сейчас мы еще почти не знаем археологии этого края, но думаем, что можно говорить о включении его в древности в состав западногрузинской культурной области. Это вполне закономерно, так как один из основных производственных центров колхидской культуры находился именно в бассейне реки Чорохи. Из находок особенно заслуживают внимания клады бронзовых предметов из Орду и Артвина³.

Орду является пока что крайним юго-западным пунктом распространения колхидской культуры. Примечательно, что здесь найдены колхидские топоры I типа.

Колхидский топор особенно широко распространен на Северном Кавказе. В первую очередь следует отметить известный Кобанский могильник, где впервые были обнаружены топоры этого типа. В Кобане имеются топоры всех трех типов, но не все типы здесь одинаково укоренились. Как отмечает П. С. Уварова, в Кобане редко встречается тип «г» (наш I

¹ Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии, стр. 328.

² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 68.

³ St. Przeworski. Der Grottenfund von Ordu. «Archiv Orientalni», vol. 7, № 3; vol. 8, № 1. Praha, 1935—1936, стр. 390.

тип). Зато в Кобанском могильнике хорошо представлен колхидский топор II типа, всего же более распространен топор III типа.

Особенно надо отметить, что топоры III типа, найденные в Кобане, часто инкрустированы железом; здесь же встречаются и другие предметы, инкрустированные железом. Между тем в Грузии инкрустированные железом топоры не обнаружены. Поэтому возможно, что колхидский топор III типа производился также и в Кобане. Инкрустированные железом экземпляры другого типа колхидского топора совершенно неизвестны.

На Северном Кавказе колхидские топоры известны и из других мест (Голиат, Фаскау, Гижгит, Кисловодск и др.). Несколько топоров найдено и за пределами Северного Кавказа (Анкерман, станица Сиротинская, окрестности Лубен и др.)¹.

В основном колхидский топор являлся боевым оружием, хотя встречаются и такие экземпляры, у которых лезвие не отточено и вообще нет следов употребления. Возможно, они предназначались не для практических целей. Примечательно, что эти экземпляры обычно богато орнаментированы, и, быть может, мы не ошибемся, если сочтем их парадными или ритуальными предметами. Обязательно надо отметить, что во всех типах колхидского топора, кроме III типа, встречаются более массивные, грубые экземпляры, на которых особенно заметны следы употребления. Такие топоры, очевидно, употреблялись в домашнем обиходе, а не в качестве боевых.

Характерной чертой колхидского топора является остроовальное сечение проушины, что указывает на значительное развитие топоров этого типа. Топоры, распространенные в предшествующую эпоху, имели преимущественно цилиндрическое отверстие, унаследованное ими от каменных топоров. Несмотря на практическое неудобство (топор легко вращался вокруг рукоятки), цилиндрическое отверстие долго сохранялось и в металлических топорах. Более целесообразны отверстия овальной и тем более остро-овальной формы. В этом случае сама рукоятка в разрезе должна была быть овальной.

В этой связи следует отметить топоры с бронзовой рукояткой, найденные в Гудаута и Эшеры. Пока что такие топоры обнаружены только в Абхазии. Из них особенно интересен гудаутский экземпляр: на обухе его имеются три скульптурных изображения лошадей². Изображение лошади — довольно широко распространенный мотив на Кавказе. В Грузии и сейчас мы встречаем некоторые пережитки, связанные с культом лошади. Думаем, что гудаутский топор также имел культовое назначение и, вероятно, связан с культом лошади.

Особо следует отметить, что для типа колхидского топора вообще чуждо пластическое украшение. Он прославился своим графическим орнаментом. Кроме гудаутского экземпляра, нам известны лишь два топора, которые также украшены скульптурами животных: один из коллекции барона де Бая³, другой из сел. Голиат в Государственном историческом музее в Москве.

В нашу классификацию колхидских топоров мы не включили тип «д» уваровской классификации, который исследователями выделен в осо-

¹ Что же касается двух топоров, будто бы найденных в Крыму, то они, как нам удалось установить, происходят из Мегрелии [см. нашу статью «Колхидский топор» — ВГМГ XVI-B, стр. 65 (на груз. языке)].

² А. Л. Лукин. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Гос. Эрмитаж. Труды Отдела истории первобытной культуры, т. I. Л., 1941, стр. 49.

³ F. H a n ß e r. Probleme des kaukasischen Tierstils. «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», Bd. LXV Wien, 1935, табл. VI. 7.

бий тип «кобанского топора» (Ганчар, тип 1₃). Дело в том, что эти авторы при группировке руководствовались топорами, происходившими из Кобанского могильника. Топор названного типа в Кобане встречается довольно часто, но почти неизвестен в Грузии. Поэтому при изучении колхидского топора он должен быть исключен из классификации. Кроме того, этот тип имеет ряд таких черт, которые совершенно чужды колхидскому топору (обух, очертание лезвия). По форме он приближается к распространенному на Северном Кавказе типу, особенно к каменному топору, так называемого «пятигорского типа»¹. Их сближает преимущественно очертание лезвия. «Пятигорский тип» каменного топора был широко распространен на Северном Кавказе во II тысячелетии до н. э.² и дожил до кобанской культуры³. В самом Кобане был найден такой топор, который сейчас хранится в Венском музее.

Ф. Ганчар считает каменный топор «пятигорского типа» прототипом колхидского топора и отмечает, что этот тип каменных топоров особенно близок типу 1₂ его классификации⁴. Мы думаем, что Ф. Ганчар в данном случае ошибается. Каменные топоры более близки его типу 1₃, т. е. типу «д» П. С. Уваровой. Поэтому возможно «пятигорский тип» считать прототипом именно этого топора. По существу тип «д» отличается от каменных топоров положением и очертаниями проушины. В каменных топорах она имеет цилиндрическую форму и расположена в средней, наиболее массивной части топора. В топорах типа «д» проушина расположена выше и отличается овальным очертанием. Это изменение было, видимо, вызвано, во-первых, переменой материала топора, а также и тем, что в его оформлении, как видно, определенную роль сыграл колхидский топор, после того как он прочно укоренился в Кобане и соседних районах. Об этом в первую очередь свидетельствует остро-овальное очертание отверстия и расположенные снаружи на его стенках рельефные ребра, столь характерные для колхидского топора. В других же отношениях топор типа «д» далек от колхидского топора. Достаточно отметить, что у него мы совсем не встречаем характерных для колхидского топора изящества, красоты, богатства орнаментации. Наоборот, этот топор очень грубо изготовлен, и все его экземпляры лишены какого-либо украшения.

Таким образом, как мы видели, тип «д» характерен лишь для Северного Кавказа, а его прототипы хорошо прослеживаются в предшествующее время. Что касается мнения Ф. Ганчара, что каменный топор «пятигорского типа» следует считать прототипом колхидского топора, то оно не может быть принято. Колхидский топор сформировался значительно южнее, и его прототипы мы должны искать здесь.

Б. А. Куфтин в одном из своих трудов касается этого вопроса. Он не соглашается с Ф. Ганчаром и отмечает, что на территории Колхиды и Лазики мы встречаем указания на местное происхождение колхидского топора. Прототипом колхидского топора Б. А. Куфтин считает одну особую группу медно-бронзовых топоров. Эти топоры характеризуются рядом таких признаков, которые сближают их с колхидским топором, а именно остро-овальным отверстием, закругленным лезвием, шестигранным телом, а также рельефными ребрами с наружной стороны отверстия. Эта группа особенно близка I типу колхидского топора. Их очень сбли-

¹ А. А у г ä р ä ä. Über die Streitaxtkulturen in Russland. ESA. VII, Helsinki, 1933, стр. 57.

² А. Н е с с е н. Ук. соч., стр. 94; А. А у г ä р ä ä. Ук. соч., стр. 60.

³ МАК, VIII, стр. 22; А. А у г ä р ä ä. Ук. соч., стр. 58.

⁴ F. H a n ç a r. Die Beile aus Koban in der Sammlung kaukasischer Altertümer, стр. 19.

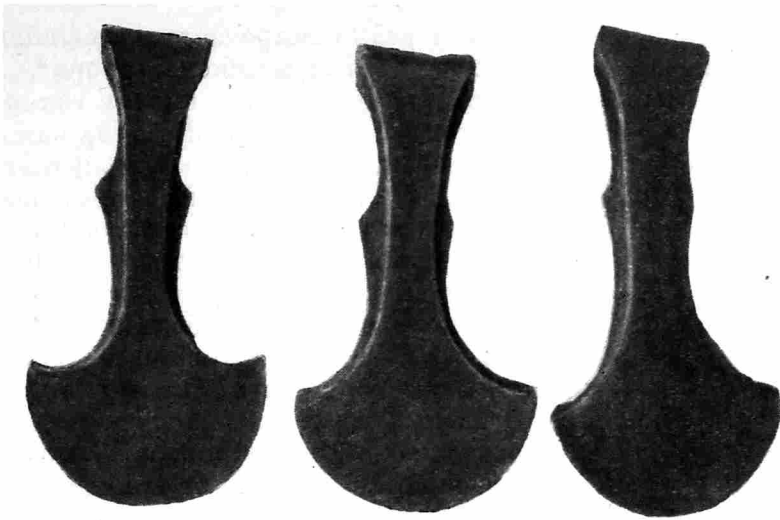

Рис. 3. Топоры из сел. Зепшти. Батумский музей.

жают очертания лезвия, а также рельефные ребра. Заслуживают внимания хранящиеся в Батумском музее три топора, обнаруженные в сел. Зенити Кобулетского района (рис. 3). Нам кажется, что эти топоры представляют собой своеобразную переходную форму. Поэтому возможно, что первый тип колхидского топора является самым архаичным.

Вопроса о прототипах колхидского топора коснулся в своей диссертационной работе Г. Гобеджишвили при рассмотрении клада топоров из села Квишари (Рача)¹. Он отмечает, что квишарский топор, возможно, лег в основу колхидско-кобанских топоров, а также вислообушных и трубчатообушных топоров из Брильского могильника. Более подробно на этом вопросе останавливается Г. К. Ниорадзе². Квишарские топоры он считает прототипами колхидских топоров, хотя отмечает, что квишарские топоры имеют культовое назначение и представляют собой имитацию настоящих топоров. Ряд признаков квишарских топоров совпадает с признаками колхидских топоров: внешнее очертание, закругленное лезвие, остро-овальное отверстие и др.

Рассмотренные два варианта топоров по возрасту предшествуют колхидской культуре. Г. К. Ниорадзе датирует Квишарский клад XV в. до н. э. Приблизительно так же датируется та группа топоров, которую Б. А. Куфтин считает прототипом колхидского топора. Обе эти группы по некоторым признакам, действительно, приближаются к колхидскому топору. Нам кажется правильным считать их прототипами колхидского топора.

Кроме колхидского топора в позднебронзовую эпоху в Западной Грузии был распространен также и плоский топор.

Плоский топор имел широкое распространение преимущественно там, где почти неизвестен топор с проушиной. Так, плоский топор весьма характерен для Египта, где проушные топоры почти не встречаются³. Хорошо известна эта форма и в Западной Европе, особенно в юго-западной

¹ Г. Ф. Гобеджишвили. Древнейшие грузинские поясные бляхи (на груз. языке), стр. 161.

² Г. К. Ниорадзе. Археологические раскопки в сел. Квишари. ВГМГ, т. XV-V. Тбилиси, 1948, стр. 1; е г о ж е. Археологические находки в селе Квишари. СА, XI, стр. 186—187.

³ Н. В о n n e t. Die Waffen der Völker des Alten Orients. Leipzig, 1926, стр. 24.

ее части, где также сравнительно редко встречается проушной топор¹. В Европе выделяется несколько вариантов плоского топора².

Сравнительно меньшего развития достигает плоский топор там, где хорошо представлен проушной топор. В Передней Азии, как известно, топор с проушной появляется сравнительно рано и получает широкое распространение. Поэтому, видимо, там плоский топор, не получив значительного развития, уступает место проушному топору³.

Такую же картину мы видим и в Закавказье, в частности, в Грузии. Топор с проушной здесь появляется сравнительно рано; в настоящее время хорошо известны ранние формы вислообушных-трубчатообушных топоров (Сачхерские топоры, топоры из Урекского клада, топор, найденный в Кюр-Дере, и др.)⁴. Именно этим, вероятно, должно быть объяснено то обстоятельство, что плоский топор не получил значительного распространения в Грузии. Сравнительно лучше представлен он в позднебронзовую эпоху. На более ранней ступени он почти совершенно неизвестен, за исключением одного плоского топора, найденного в Сачхере в 1929 г. вместе с другими предметами — тремя трубчатообушными топорами, долотом, большими булавами и др. Эта коллекция очень близка к комплексу, найденному в Сачхере Е. С. Такайшвили в 1910 г., и по времени должна быть отнесена к тому же периоду, т. е. к первой половине II тысячелетия до н. э. Верхняя часть Сачхерского плоского топора сравнительно узкая; топор постепенно расширяется к лезвию⁵ (рис. 4). Здесь же нужно указать, что такие плоские топоры получили широкое распространение, и вполне справедливо утверждение А. Тальгрена, что «самые простые образцы этой группы имели очень большое распространение в древнем мире и в силу этого не могут быть разграничены этнически или географически»⁶. В Закавказье мы не знаем подобного топора, кроме вышеописанного экземпляра из Сачхере. На Северном Кавказе этот тип плоского топора хорошо известен на II этапе металлургии, по Пессену, а частично также и в предшествующую эпоху⁷. Зато в последующий период плоский топор на Северном Кавказе совершенно не встречается, если не считать одного топора из Пятигорского края⁸. Видно, здесь плоский топор не получил дальнейшего развития и всецело уступает место проушному топору. В Закавказье же, наоборот, плоский топор достигает значительного развития именно в позднебронзовую эпоху. В частности, в этот период как для восточно-грузинской культуры, так и для колхидской культуры были характерны своеобразные формы плоских топоров.

В колхидской культуре выделяются два типа плоского топора. Первый из них характеризуется наличием на боковых гранях двух зубовидных выступов, а также почти симметричным, закругленным лезвием (рис. 5). Что же касается второго варианта плоского топора, то пока мы не можем

¹ Б. А. К у ф т и н. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии, стр. 292.

² О. М o n t e l i u s. Die älteren Kulturperioden im Orient und in Europa. Stockholm, 1903, стр. 21—29; е г о ж е. Die vorkeltische Chronologie Italiens. Stockholm, 1912, стр. 181.

³ Н. В o n n e t. Ук. соч., стр. 22.

⁴ Б. А. К у ф т и н. Археологические раскопки в Триалети, стр. 13; О. М. Дж а п а р и д з е. Археологические раскопки в Грузии ВГМГ, т. XVI-V, Тбилиси, 1950, стр. 115 (на груз. языке).

⁵ Б. А. К у ф т и н. Ук. соч., стр. 13.

⁶ А. М. Т а л л г р е н. La Pontide précelthique. ESA, II, Helsinki, 1926, стр. 174.

⁷ А. А. П е с с е н. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАНМБ, в. 120, М.—Л., 1935, стр. 95.

⁸ Каталог собрания древностей А. С. Уварова. Отд. IV—VI. М., 1907, стр. 7, рис. 5.

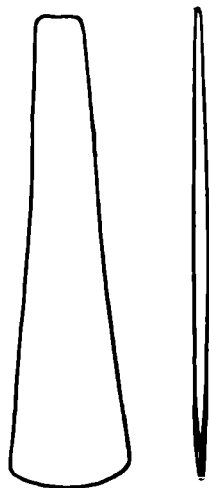

Рис. 4. Плоский топор из Сачхерской коллекции.

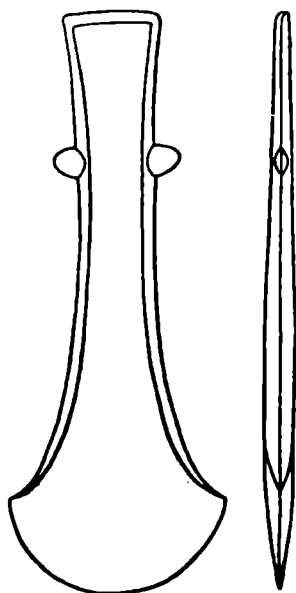

Рис. 5. Плоский топор I типа.

дать его полного описания, так как у всех известных на сегодня экземпляров отломано лезвие, и в нашем распоряжении имеется лишь верхняя часть топора, на которой также выделяются плечиковидные боковые выступы.

По имеющимся данным выясняется, что I тип плоского топора был распространен в нагорной части Колхиды, в частности, в Рача-Лечхумском районе. Один подобный топор был найден в Ладжобисдзирском кладе вместе с другими предметами¹. В Музее Грузии хранится коллекция, найденная в сел. Сурмуши, состоящая из одного плоского топора, а также двух колхидских топоров, круглой бляхи и удила (рис. 6). Два таких плоских топора были обнаружены в Квишарском кладе². В Музее Грузии имеется один плоский топор в коллекции из Гари (№ 1009)³, состоящей из разновременных предметов, где вместе с колхидским топором и плоским топором I типа встречаются предметы и более ранней эпохи; поэтому гарский плоский топор мы не рассматриваем вместе с предметами, отмеченными в каталоге Уваровой⁴. Наконец, в Музее Грузии хранятся три подобных топора, место находки которых неизвестно. Неизвестны также места находок нескольких топоров Кутаисского музея.

Этот тип плоского топора пока совершенно неизвестен в других частях Западной Грузии — в Гурии, Аджарии, Абхазии и Мегрелии. Не встречается он и в восточнотурецкой культуре, а также за пределами Грузии. Таким образом, можно полагать, что плоский топор I типа был распространен в Рача-Лечхумском районе. В Лечхуми, как уже отмечали,

¹ Б. А. К у ф т и н. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куре-Аракский энеолит ВГМГ т. XIII, Тбилиси, 1944, стр. 27—35.

² Г. К. Н и о р а д з е. Археологические находки в селе Квишари. СА, XI стр. 188.

³ Б. А. К у ф т и н. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетии и Имеретии. Тбилиси, 1949, стр. 45.

⁴ П. С. У в а р о в а. Коллекция Кавказского музея. «Археология», V. Тифлис 1902, стр. 41, № 983—1022.

Рис. 6. Коллекция бронзовых предметов из сел. Сурмушп. Музей Грузии.

в позднебронзовую эпоху должен был быть один из основных производственных очагов колхидской культуры¹. Поэтому не исключена возможность, что этот тип топора местного происхождения — из лечхумского металлургического центра. В формировании его, повидимому, определенную роль сыграл колхидский топор, от которого он перенял очертание своего лезвия (рис. 7). Характерно, что приблизительно такую же картину мы наблюдаем и в Вавилоне, где плоский топор перенял очертание лезвия проушного топора².

Как мы уже выше отмечали, особенностью плоского топора этого типа является наличие в верхней части двух боковых зубовидных выступов. Плоские топоры с зубовидными выступами вообще получили широкое распространение³. В Европе они встречаются в Италии, Англии и других

¹ О. М. Джапаридзе. Колхидский топор. ВГМГ, т. XVI-B, Тбилиси, 1950, стр. 52 (на груз. языке).

² Н. Воннет. Ук. соч., стр. 22.

³ А. Tallgren. Die Kupfernen Flachäxte mit seitlichen Zäpfen. «Finsk. Forn. Tidskrift», XXVI, Helsingfors, 1912, стр. 21; Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит, стр. 31.

местах. В более поздний период они хорошо представлены в гальштатской культуре, но уже в железных экземплярах¹. Известен этот тип также в Малой Азии². Особенно нужно указать, что Дерпфельд обнаружил в слое VII города Трои каменную форму для отливки подобного топора³. Один плоский топор с зубовидными боковыми выступами был найден в восточном Иране, близ Астерабада, в Тюранг-Теппе⁴. Наконец, чрезвычайно интересна находка одного плоского топора с такими же боковыми выступами в Керчи⁵. Этот топор, несомненно, принадлежит к малоазиатскому типу⁶. На обеих сторонах топора изображена фигура быка или оленя с длинной шеей и коротким туловищем (рис. 8). Некоторые исследователи сближают это изображение с изображениями и на кобанских предметах⁷. Так, С. Пшеворский относит этот топор к кобанской культуре, откуда он и попал в Крым⁸. Но, как уже сказано, в кобанской культуре плоский топор совершенно неизвестен. Повидимому, этот топор был занесен в Крым с южного побережья Черного моря посредством использования пути вдоль кавказского побережья⁹. Если же согласиться, что на керченском топоре даны изображения кобанского стиля, то более вероятным было бы полагать, что он происходит из причерноморских районов Колхиды, для которых этот стиль также характерен. К тому же здесь, как увидим ниже, хорошо была известна малоазиатская форма плоского топора.

Наконец, надо указать, что недавно высказано новое мнение о назначении и способе употребления плоского топора этого типа. Г. К. Ниорадзе считает топоры Квишарского клада ножами чувячников для резания толстой кожи. Исходя из того, что долото, которое по своей форме сходно с плоскими топорами, употреблялось без рукоятки, он полагает, что и плоский топор применялся без рукоятки¹⁰. Но эти два орудия, несомненно, были предназначены для разных целей. У долота боковые выступы должны были предотвратить скольжение руки при ударе молотом, тогда как у плоского топора они служили для укрепления его на рукоятке. Клиновидная форма топора, его лезвие и боковые выступы указывают на то, что

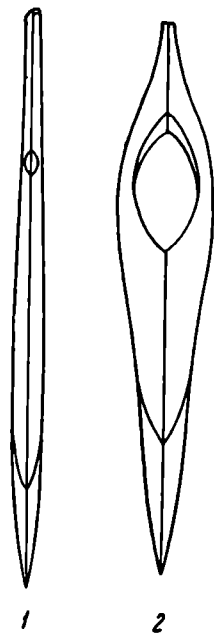

Рис. 7.

1 — плоский топор;
2 — колхидский топор.

¹ А. Tallgren. Ук. соч., стр. 25—26; Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 32.

² А. Tallgren. Ук. соч., стр. 24; St. Przeworski. Der Grottenfund von Ordu. «Archiv Orientalni», vol. 7, N 31, 1935, стр. 409; Б. А. Куфтин. Ук. соч., рис. 32.

³ А. Tallgren. Ук. соч., рис. 4; St. Przeworski. Ук. соч., стр. 410; Б. А. Куфтин. Ук. соч., рис. 23а, 1.

⁴ F. Wulsin. Excavation at Tureng Tepe, near Asterabad. Supplement to the Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology, March, 1932, vol. 2. № 1 bis, стр. 12, табл. XX; А. Роуе. A Survey of Persian Art, v. I, London — New York, 1938, стр. 166.

⁵ А. Tallgren. Ук. соч., стр. 22, рис. 2; А. Tallgren. La Pontide pré-sythique, стр. 180, рис. 103. Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 30, рис. 23а, 3.

⁶ А. Tallgren. Die kupfernen Flachhaxe mit seitlichen Zapfen, стр. 24; А. А. Иессен. Греческая колонизация северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 31.

⁷ А. Tallgren. Ук. соч., стр. 23; St. Przeworski. Ук. соч., стр. 50.

⁸ St. Przeworski. Ук. соч., стр. 51.

⁹ А. Иессен. Ук. соч., стр. 32.

¹⁰ Г. К. Ниорадзе. Археологические находки в селе Квишари, стр. 188.

он прикреплялся к рукоятке. Таким образом, мы полагаем, что это орудие является именно плоским топором.

Рис. 8. Плоский топор из Керчи.

Второй тип плоского топора, который, по классификации Б. А. Куфтина, принадлежит к топорам с плечиковидными выступами, известен в Западной Грузии пока что в нескольких экземплярах. В Цихис-дзире в 1905 г. был обнаружен клад, состоящий из следующих предметов: один обломок плоского топора (рис. 9, 1), 17 мотыг, фрагменты сегментовидного орудия, несколько фрагментов серпа, обломки медных или бронзовых пластинок и медные слитки. В Махарадзевском краеведческом музее хранится клад, случайно найденный в 1936 г. в сел. Вакиджвари во время обработки почвы. В глиняном сосуде лежали: один фрагмент плоского топора, четыре мотыги, один колхидский топор, два обломка такого же топора, несколько сегментовидных орудий, фрагмент копья, один обломок цалди, бронзовая проволока и медные слитки. В тот же музей поступил клад бронзовых вещей, найденный в сел. Шрома. Он состоит из обломка плоского топора,

Рис. 9.

1 — обломок плоского топора из Цихис-дзирского клада; 2 — топор, найденный у Севанского озера; 3 — топор из сел. Квемо-Мачхаани, 4 — топор из сел. Назарло.

колхидского топора, нескольких сегментовидных орудий, обломков мотыг, одной двойной мотыги, фрагментов кинжала, плоского наконечника стрелы, одного долота (?), браслета и слитков. Наконец, один обломок подобного топора был найден в Обшквитском кладе Кутаисского музея, состоящем из 15 колхидских топоров, 25 сегментовидных орудий, нескольких фрагментов серпа, обломка мотыги, одного кольца и двух слитков (рис. 10). Здесь же надо упомянуть еще один топор Зугдидского музея, но, к сожалению, относительно места находки его нет никаких сведений. Повидимому это должен быть тот самый топор, который издал А. Иессен. Последний

отмечает, что этот топор найден в сел. Махария в 1916 г. в бронзовом сосуде вместе с другими предметами. Из этого клада только четыре предмета попали в Зугдидский музей: колхидский топор, мотыга, серповидный нож и плоский топор¹. По своей верхней части этот топор напоминает II тип плоского топора. Он также имеет плечиковидные боковые выступы,

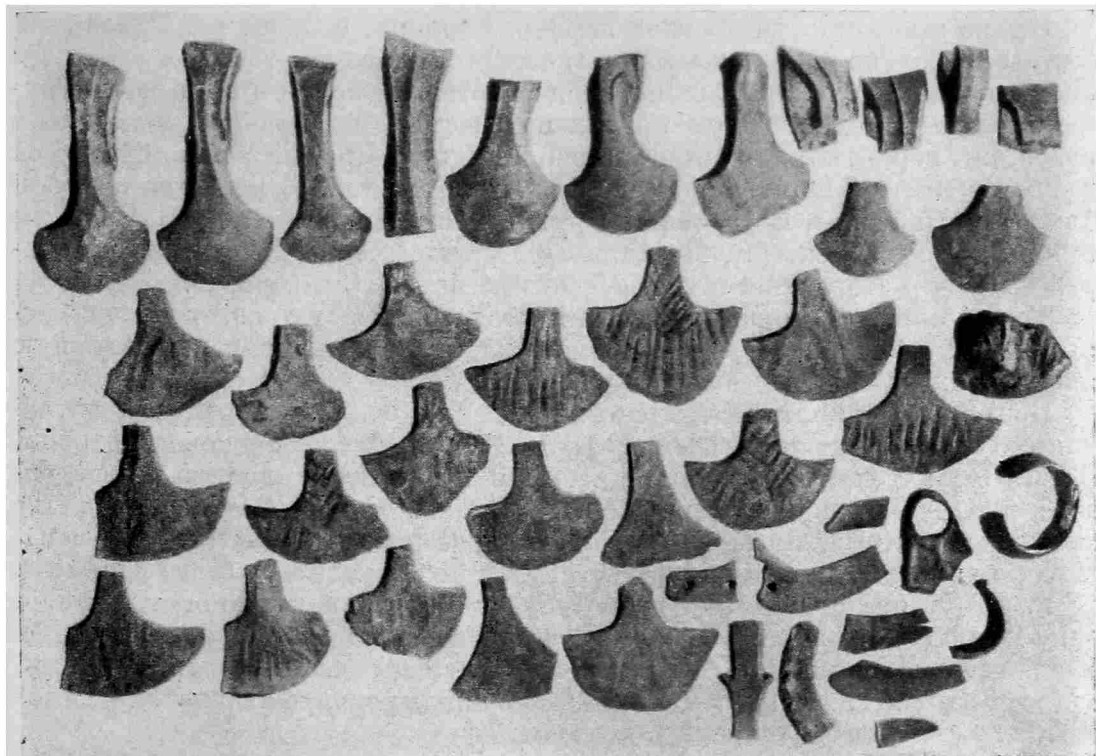

Рис. 10. Клад бронзовых предметов из сел. Обшквити. Кутаисский музей.

лезвие его близко к I типу, но он значительно массивнее и имеет шестигранное сечение. Таким образом, интересующий нас тип плоского топора, по имеющимся данным, в основном был распространен в южной части Колхиды. Совершенно неизвестен он в ее нагорной части, так же как и в Абхазии. За пределами Западной Грузии эта форма топора известна в восточно-грузинской культуре, преимущественно в восточных районах ее распространения. Особенно близко II тип плоского топора стоит к топорам, найденным Е. Лалаянцем у Севанского озера (рис. 9, 2), а также к топорам из Квемо-Мачхаани (рис. 9, 3) и из Назарло (рис. 9, 4). Один подобный топор хранится в Москве в Историческом музее; он происходит из коллекции А. В. Комарова и найден на Цалке.

Особо следует отметить, что этот тип топора очень сходен с малоазиатскими плоскими топорами, в частности, с орнаментированным топором из Кайсери² (рис. 11), а также с найденным в Алишаре в слое хеттского периода³. Вообще эта форма в разных вариантах была широко распространена в Малой Азии и, повидимому, отсюда проникла в другие страны.

¹ А. А. Пессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 124 и стр. 130, рис. 19.

² А. Tallgren. Ук. соч., стр. 24, рис. 3; St. Przeworski. Ук. соч., стр. 403, табл. XLIXa.

³ The Alishar Hüyük, Part I. The University of Chicago Press. Chicago, стр. 253, фпг. 286, рис. 1741.

Вероятно, отсюда эта форма попала и в Закавказье, в частности, в область западногрузинской культуры. Мы имеем ряд находок, указывающих на существовавшую в это время связь между Западной Грузией и Малой Азией. Первым долгом необходимо указать на чрезвычайно интересную находку в Орду. В этом кладе вместе с колхидскими топорами был найден плоский топор малоазиатского типа¹.

Кроме вышеописанного типа плоского топора, в Западной Грузии известны и другие варианты малоазиатского плоского топора. Здесь мы имеем в виду два топора, хранящиеся в настоящее время в Кутаисском музее². Место находки одного из них неизвестно, но, как нам передали в музее, он, вероятно, найден в Западной Грузии. Другой топор обнаружен в сел. Багинети (Маяковский район)³. Эта форма топора известна в Малой Азии⁴ из Кайсери⁵, Богазкея⁶ и других мест. Приблизительно такие же топоры были найдены Ж. Морганом в Талыше⁷. Проф. Самоквасов обнаружил топор этого типа в третьей могиле близ Пятигорска⁸.

Таким образом, проникновение в позднебронзовую эпоху малоазиатских форм в Закавказье, несомненно, указывает на близкую культурную связь этих районов.

Вопрос о датировке колхидского топора не раз был предметом изучения, но почти все авторы рассматривали его в связи с кобанской культурой. В археологической литературе до сегодняшнего дня нет вполне определенного взгляда на время кобанской культуры. Совершенно справедливо некоторые авторы отмечают, что о датировке кобанской культуры высказано столько же мнений, сколько исследователей касалось этого вопроса⁹.

Г. Д. Филимонов считал, что Кобанский могильник относится к первому периоду железного века¹⁰. А. С. Уваров в основном соглашался с этим мнением и, находя на кобанских предметах следы ассирийского влияния, относил их к VIII в. до н. э.¹¹ С этой датой вполне соглашалась и П. С. Уварова¹².

Более подробно этого вопроса касался Р. Вирхов, относивший Кобанский могильник к XI—X вв. до н. э.¹³ По мнению Е. Шантра, кобанская культура синхронна гальштатскому периоду, т. е. относится к началу железного века в Европе¹⁴.

Совсем оригинальное мнение относительно датировки Кобанского и других кавказских могильников высказали И. Толстой и Н. Кондаков. По их мнению, все эти могильники относятся к I в. н. э.¹⁵

Попытка «омоложения» колхидской культуры имела место и позже. В этом отношении примечательны труды А. Калитинского и М. М. Иващенко.

¹ St. Przeworski. Ук. соч., стр. 396—408, табл. XLVII.

Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 30, рис. 23а, 22—23.

³ М. Иващенко. Материалы к изучению культуры колхов, стр. 18, рис. 10.

⁴ St. Przeworski. Ук. соч., табл. L, б.

⁵ Там же, стр. 409, табл. XLIX, d.

⁶ St. Przeworski. Znalezisko Kruchowichie. Warszawa, 1922, стр. 28, рис. 20.

⁷ J. de Morgan. La Préhistoire Orientale, t. II. Paris. 1927, стр. 207, рис. 205.

⁸ Каталог собрания древностей А. С. Уварова. Отд. IV—VI. М., 1907, стр. 7, рис. 5.

⁹ Е. И. Крупнов. К вопросу о хронологии кобанской культуры. Кабардинский научно-исследовательский институт. Нальчик, 1946, стр. 146.

¹⁰ Г. Д. Филимонов. Ук. соч., стр. 33.

¹¹ А. С. Уваров. Ук. соч., стр. 6.

¹² П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 361.

¹³ R. Virchow. Ук. соч., стр. 124.

¹⁴ E. Chantre. Ук. соч., стр. 187.

¹⁵ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, в. III, СПб., 1890, стр. 109.

По мнению первого, дуговая фибула появилась на Кавказе в VI—V вв. до н. э. из Греции через посредство греческих колоний. Поэтому он считает, что Кобанский могильник следует отнести к VI—V вв. до н. э., так как в нем дуговая фибула обнаружена в большом количестве¹.

В результате изучения материалов, обнаруженных в районе сел. Эшери, М. М. Иващенко высказал мнение, что кобанская культура синхронна эллинскому и эллинистическому времени, т. е. IV—II вв. до н. э.² А. М. Тальгрэн датировал кобанскую культуру 1300—900 гг. до н. э.³

Вопроса датировки Кобанского могильника коснулся и Ф. Ганчар. Он не соглашается с датировкой, предложенной А. Калитинским, и на основании именно дуговой фибулы датирует его XII в. до н. э.⁴ К этому же времени относил кобанскую культуру и польский археолог С. Пшеворский при рассмотрении клада, обнаруженного в Орду⁵.

А. А. Иессен относит Кобанский могильник к третьему этапу кавказской металлургии и датирует его концом II тысячелетия и началом I тысячелетия до н. э.⁶

Наконец, отметим мнения Б. А. Куфтина и Е. И. Крупнова. Б. А. Куфтин касается этого вопроса в двух своих трудах. Расцвет «колхидско-кобанской» культуры он считает синхронным с ванской эпохой⁷ Е. И. Крупнов хронологии кобанской культуры посвятил свой недавно опубликованный труд. Он полагает, что основная масса кобанской бронзы датируется скифским временем VII—VI вв. до н. э. Что касается ранних типов этой культуры, то их он относит к рубежу II и I тысячелетий до н. э.⁸

Из сказанного видно, что большинство авторов датирует кобанскую культуру концом II тысячелетия и первыми веками I тысячелетия (XII—IX вв. до н. э.). Этим же временем датировали и культуру, обнаруженную в Колхиде.

К сожалению, для установления возраста колхидской культуры пока нет твердой опоры. Как мы уже указывали, почти весь материал западно-грузинской культуры пока представлен случайными находками.

Для датировки колхидской культуры, несомненно, заслуживают внимания данные Бешташенского могильника. В погребении № 11 этого могильника был обнаружен один колхидский топор I типа. При изучении этого могильника Б. А. Куфтин указал на значительное его сходство с нижним ярусом Самтаврских погребений. Нижней хронологической границей Бешташенского могильника он считает XII—XI вв. до н. э.⁹

Наконец, особо следует отметить материалы, добытые Мцхетской археологической экспедицией на Самтаврском могильнике. В Самтавро в грунтовых погребениях обнаружены 3 колхидских топора. Вопросы хронологии

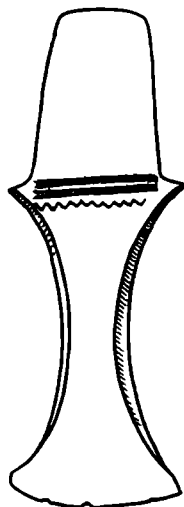

Рис. 11. Плоский топор из Кайсери.

¹ А. Калитинский. Из истории фибулы на Кавказе.

² М. Иващенко. Ук. соч., стр. 68.

³ А. T a l l g r e n. Kaukasus. Bronzezeit, Bd. VI, 1926, стр. 260.

⁴ F. H a n ç a r. Kaukasus Luristan. ESA, IX, Helsinki, 1934, стр. 89.

⁵ S t. P r z e w o r s k i. Ук. соч., стр. 53.

⁶ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 111.

⁷ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 53; Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подшвы Арарата и Куро-Аракский энеолит, стр. 27.

⁸ Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 158.

⁹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 68.

Самтаврских грунтовых погребений, при датировке Земо-Авчальской могилы, коснулся Г. К. Ниорадзе. Нижнюю хронологическую границу этих погребений он доводит до XIII в. до н. э. К этому же времени Г. К. Ниорадзе относит и Земо-Авчальскую могилу¹. К той же эпохе нужно отнести Самтаврские грунтовые погребения № 208 и 260, где были обнаружены колхидские топоры I и II типов. Эти погребения сближаются с грунтовыми погребениями, найденными Ф. Байерном в Самтавро, и с Земо-Авчальской могилой, а поэтому должны быть синхронны им. Что касается найденного в Самтавро колхидского топора III типа, то он обнаружен в значительно более позднем комплексе, где железные предметы уже преобладают над бронзовыми (грунтовое погребение № 121). Это пока что единственный случай обнаружения колхидского топора в богатом железом комплексе.

Здесь же нужно указать, что Г. К. Ниорадзе датирует XIII в. до н. э. Квемо-Сасиретский клад, в составе которого был один колхидский топор². Недавно Г. К. Ниорадзе при датировке предметов, обнаруженных в сел. Гомна (где также найден колхидский топор), отмечал, что эти предметы нужно отнести не ранее, чем к XIII в. до н. э.³

Нам кажется, что мнение Б. А. Куфтина относительно датировки «колхидско-кобанской» культуры не является правильным. По его мнению, расцвет этой культуры синхронен ванской эпохе. Повод к такому выводу дает то, что в могилах урартского времени, обнаруженных близ сел. Малаклю, встречена ручка бронзовой ситулы. Три аналогичных сосуда были найдены близ сел. Окурещи с предметами, характерными для колхидской культуры (Ладжобисдзирская коллекция). Исходя из этого, Б. А. Куфтин заключает, что расцвет колхидской культуры совпадает с эпохой Ванского царства. Это является для него, как он сам говорит, первым и главным основанием⁴. Попытка Б. А. Куфтина «омолодить» колхидскую культуру не может быть признана правильной. Нам кажется, что решение этого вопроса на основании лишь одной находки неправомерно. В археологии неоднократно отмечены случаи, когда более ранние предметы встречались в сравнительно поздних комплексах.

Таким образом, отнесение Б. А. Куфтиным расцвета колхидской культуры к VIII в. до н. э. нам кажется совершенно безосновательным. В VIII в. до н. э. начинается господство железа, и мы полагаем, что этот период скорее являлся концом колхидской культуры, а не ее расцветом. Колхидская культура в основном относится к развитому бронзовому веку. Железо здесь постепенно появляется на рубеже II—I тысячелетий до н. э. Накопившийся на сегодня материал указывает, что в позднебронзовую эпоху западногрузинская и восточногрузинская культуры сосуществовали. Это хорошо подтверждается рядом находок как в Западной, так и в Восточной Грузии, в которых обнаружены элементы обеих культур: Цхинвальский клад, Сасиретский клад, Цагерский клад, Самтавро, Трипалети и др. Поэтому мы, повидимому, не ошибемся, если нижнюю хронологическую грань колхидской культуры также доведем до XIII в. до н. э. Что касается верхней границы этой культуры, то ее, нам кажется, надо довести до начала железного века, т. е. VIII до н. э.

¹ Г. К. Ниорадзе. Земо-Авчальская могила, стр. 202 (на груз. языке).

G. Ni or ad se. Der Verwahrfund von Kvemo-Sasirethi. ESA. VII, Helsinki, 1932, стр. 97.

³ Г. К. Ниорадзе. Археологические разведки в долине р. Мткварц, стр. 211 (на груз. языке).

⁴ Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит, стр. 27.

С. П. ТОЛСТОВ

ХОРЕЗМСКАЯ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР 1950 г.¹

Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1950 г. являлись органическим продолжением и отчасти завершением работ предшествующих лет. В 1946 г. на Общем собрании Академии Наук СССР мы, подводя итоги довоенного цикла работ экспедиции, попытались сформулировать очередные задачи ее исследований на ближайшие годы. Эти задачи заключались в том, чтобы, во-первых, перейти к более интенсивным исследованиям, к широко поставленным раскопкам одного из крупных памятников античного Хорезма, которые помогли бы воссоздать и все-сторонне охарактеризовать жизнь хорезмского населения в античный период.

В качестве такого объекта нами избрано было городище Топрак-кала, открытое экспедицией еще в 1938 г., рекогносцировочно обследованное в 1940 г. и начатое систематическими раскопками в 1945 г. Первый цикл работ, связанный с раскопками Топрак-кала, — раскопки дворца — можно считать в 1950 г. законченным.

Второй задачей нашей экспедиции на протяжении истекшей пятилетки явились более широко развернутые экстенсивные работы с выходом далеко за пределы Хорезмского оазиса, вглубь пустынь Кара-кум, Кзыл-кум и плоскогорья Устюрт, для того чтобы восстановить историческую картину не только центрального района древнего Хорезмийского государства, но и его периферии, картину хозяйственной и культурной жизни тех степных племен, которые, как на это указывают отрывочные данные, играли в истории древнего и средневекового Хорезма исключительно крупную роль. Эти изыскания велись систематически в течение 1946—1950 гг.²

Как и в прошлые годы, экспедиция в 1950 г. была организована Институтом этнографии Академии Наук СССР при участии исторического факультета Московского государственного университета (кафедры археологии, этнографии, истории СССР и отделения истории стран Востока). Полевые исследования продолжались в общей сложности более 4 месяцев — с 1 июля по 8 ноября 1950 г. Наряду с археологическими

¹ Стенограмма доклада, прочитанного автором на Общем собрании Отделения истории и философии Академии Наук СССР 10 апреля 1951 г.

² См. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, а также наши отчеты о работе экспедиции за 1946, 1947, 1948 и 1949 гг. опубликованные в «Известиях Академии Наук СССР, серия истории и философии», 1947, № 2; 1948, № 2; 1949, № 3; 1950, № 6.

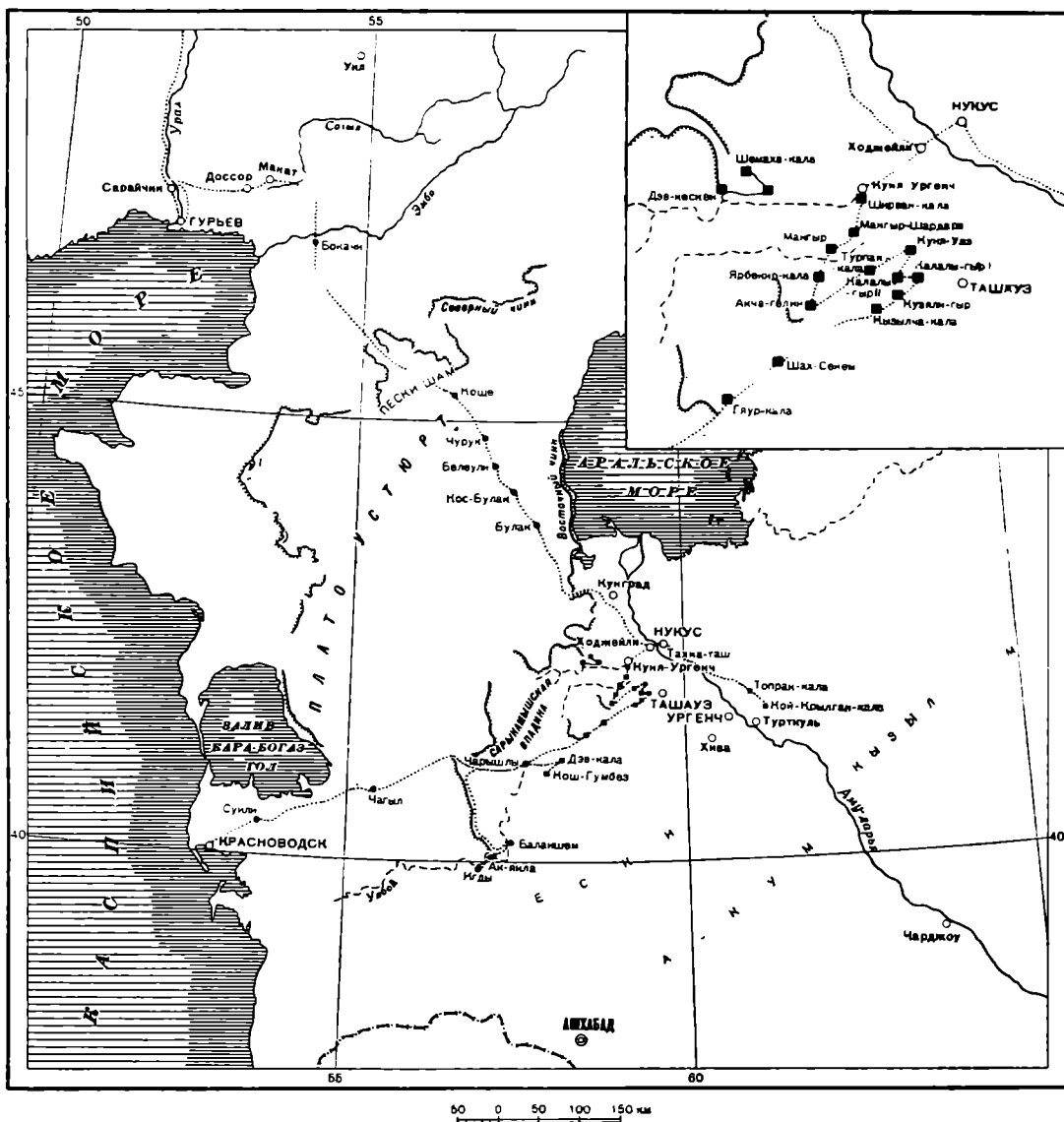

Рис. 1. Схематическая карта рекогносцировочных археологических маршрутов и раскопок Хорезмской экспедиции 1950 г.

изысканиями велись этнографические работы: этнографический отряд под руководством кандидата исторических наук Т. А. Жданко изучал культуру и быт населения Кара-Калпакской АССР на землях нового освоения — в Шуманайском и Турткульском (Кырк-кызский участок) районах.

В составе экспедиции работали 52 научных, научно-технических и вспомогательных работников и около ста рабочих-землекопов. В авиаразведках принимали участие пилоты Нукусского отряда Гражданского воздушного флота¹.

¹ В составе Хорезмской экспедиции 1950 г. работали: в археологическом отряде — начальник экспедиции доктор исторических наук С. П. Толстов, заместитель начальника экспедиции по научной части — архитектор М. А. Орлов, заместитель начальника экспедиции по административно-хозяйственной части Ф. П. Жуков; научные сотрудники — археологи Н. Н. Вактурская, О. А. Вишневецкая, архитектор А. А. Спико; аспиранты-археологи М. А. Итина, Д. Дурдыев; студенты-практиканты

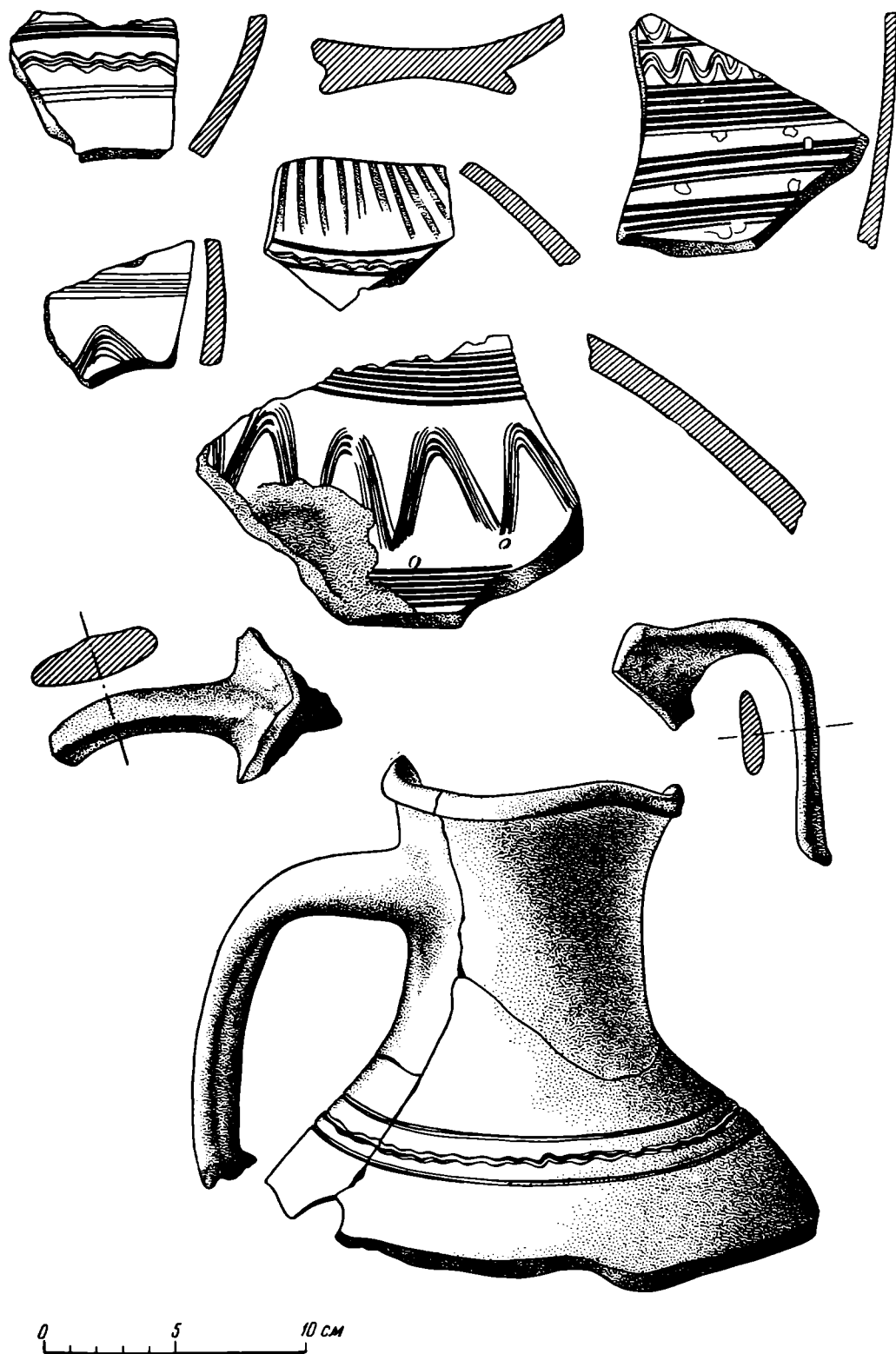

Рис. 2. Образцы раннесредневековой керамики Сарайчика и караван-сараяв Устюрта.

Археологические работы Хорезмской экспедиции в 1950 г. разделились на три части; из них главной было продолжение раскопок городища Топрак-кала, в начале же и в конце экспедиции были проведены два разведочных маршрута (рис. 1).

Первый маршрут — от низовьев р. Урала через плоскогорье Устюрт до Хорезма по старой караванной дороге раннего средневековья был осуществлен в поле. Впервые эта дорога была нами открыта в 1946 г. во время авиаразведки юго-восточного угла Устюрта, но мы тогда проследили ее только на несколько десятков километров. В 1950 г. отряд экспедиции под руководством М. А. Орлова прошел на автомашинах всю дорогу, обследовав многочисленные развалины раннесредневековых караван-сараяв и других сооружений, существовавших на этом важном торговом пути.

Самым интересным из итогов уральского маршрута является результат обследования находящегося в низовьях р. Урала городища Сарайчик. Это городище упоминается в источниках монгольского периода и обычно относилось исследователями к монгольскому, золотоордынскому времени. Однако работы 1950 г. показали, что нижний слой городища Сарайчик является домонгольским и что по характеру археологического материала этот слой ничем существенно не отличается от хорезмских памятников XI в. н. э. (рис. 2). У нас есть теперь все основания считать, что название Сарайчик, присвоенное этому памятнику, не является его первоначальным названием; возможно, что это городище соответствует раннесредневековому Саксину. Город был, очевидно, построен в XI в., а может быть, и в X в., хорезмскими колонистами на нижнем Урале, на пути в Нижнее Поволжье.

Таким образом, выводы, к которым привели нас материалы предшествующих лет о крупной роли Хорезма в исторических событиях раннего средневековья на нижнем и среднем Поволжье¹, подтверждаются новыми данными.

Пройдя от Сарайчика по линии дороги, отряд экспедиции обследовал ряд расположенных на ней караван-сараяв.

На речке Сагыз были обследованы развалины искусственного брода — каменной плотины и караван-сарая из крупного (28 × 28 × 6 см) обожженного кирпича. Здание караван-сарая было построено в форме прямоугольника (42 × 45 м) с рядами помещений вдоль стен и внутренним двором. Чрезвычайно интересным сооружением оказался караван-сарай Кос-кудук, стоящий над обрывами у места подъема дороги на плато Устюрт. Стены этого караван-сарая были сложены из крупных тесаных блоков песчаника. Удалось установить, что для перекрытия различных помещений здания применялось несколько вариантов сводчатых конструкций. Рядовые помещения перекрывались сводами типа «балхи», а парадные — куполами на трюпах. Кладка перекрытий из камня, обтесанного по форме кирпича, подчеркивает связь конструкций караван-сарая с исконно хорезмийскими традициями кирпичной кладки сводов.

Московского государственного университета (МГУ), Кара-Калпакского педагогического института П. Мадпаров; научные сотрудники Красведческого музея Кара-Калпакской АССР В. В. Никонова, Е. Д. Салтовская; художник Н. А. Юсов, фотограф Г. А. Аргипуло, реставратор О. А. Кирьянова, в этнографическом отряде — начальник отряда кандидат исторических наук Т. А. Яданко; аспиранты Института этнографии С. Камалов, Р. Косбергенов, Л. П. Сорокина; аспирант МГУ Г. П. Латышева; студенты-практиканты МГУ, художник Н. В. Савицкий. Сотрудники этнографического отряда принимали участие и в археологических работах экспедиции.

² См. С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 228—232, 241—265.

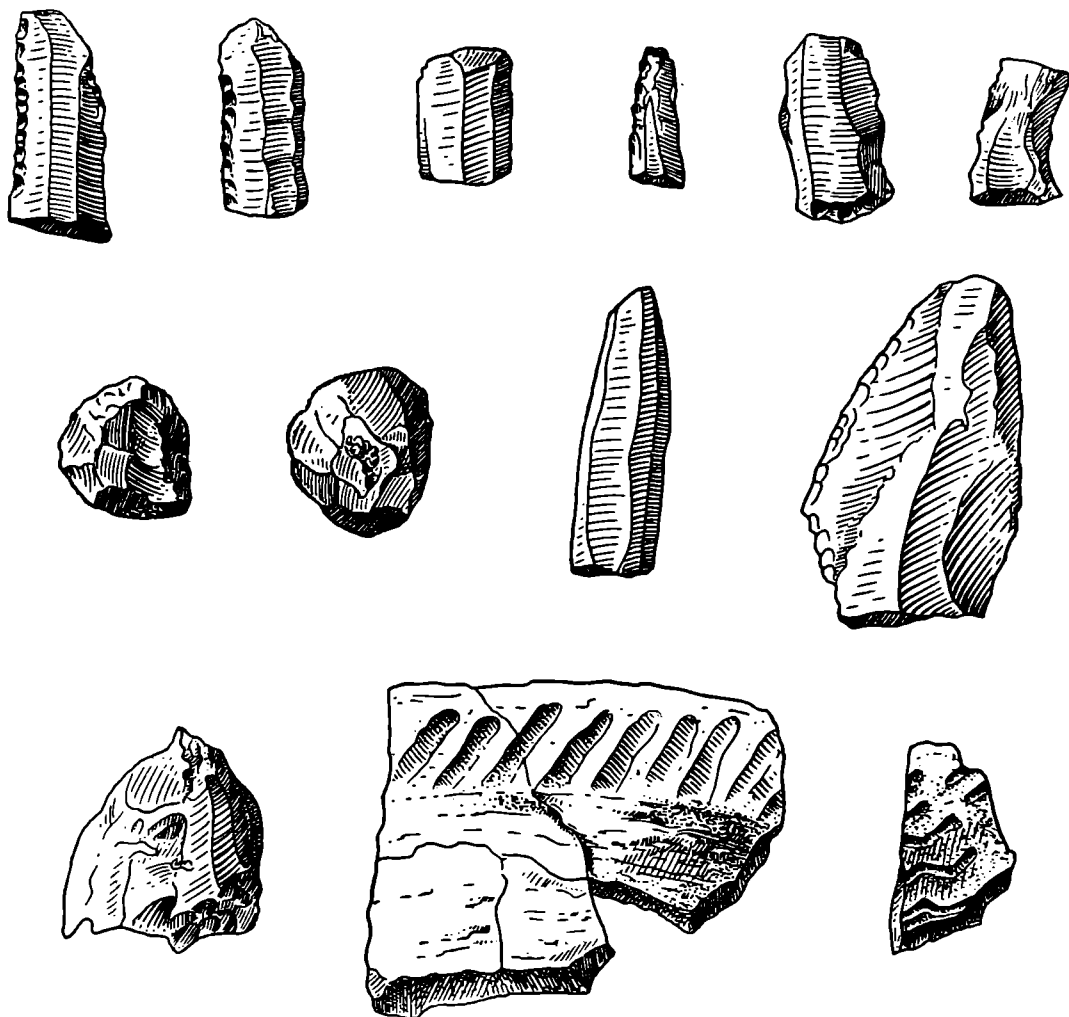

Рис. 3. Находки со стоянок бассейна р. Эмбы.

Обследованные далее караван-сарай Чурук, уже известный нам Белеули¹, караван-сарай Уч-кудук, Кос-булак позволили собрать материал, характеризующий сохраняющееся единство типа всех этих сооружений, при разнообразии строительных приемов и конструкций. Однотипность планировки, расположение и характер конструкций этих построек свидетельствуют об их сравнительно одновременном сооружении как единого комплекса оборудованной дороги.

Возникновение их, очевидно, относится ко времени начала подъема Хорезмийской империи в XI—XII вв., когда торговые и политические интересы Хорезма связывали его с Поволжьем и Восточной Европой.

Большой интерес представляют открытые во время этого маршрута первобытные стоянки в бассейне р. Эмбы (район Бакачи). Здесь в нескольких местах, на старых дюнных холмах, были обнаружены многочисленные фрагменты микролитических орудий и несколько мелких фрагментов керамики (рис. 3). Материал этих стоянок может быть связан с хорезмийской кельтеминарской культурой в несколько более позднем ее варианте².

¹ См. С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 248, 263—265.

² См. А. А. Формозов. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане. «Вестник Казахского филиала АН СССР», 1945, № 2.

Открытие аналогичных стоянок в районе ключей Учукан (приблизительно 100 км к югу от Эмбы) подсказывает и направление этих связей.

Второй круг разведочных работ, связанный с археологическими исследованиями на юго-западной окраине Хорезма был проведен в конце экспедиции (см. ниже).

* * *

Остановимся на центральной части работы экспедиции — продолжении раскопок дворца Топрак-кала, памятника III в. н. э.

Уже в прошлом году нами была сделана попытка реконструкции планировки дворца Топрак-кала. Правда, эта реконструкция была построена еще на ряде допущений, потому что до конца здание дворца тогда не было расколано. Сейчас мы можем уже эту реконструкцию документировать. Завершение раскопок дало нам новый, во многом неожиданный материал, с новой стороны освещающий историю позднеантичной хорезмийской культуры и искусства.

Мы имеем сейчас возможность уже полностью восстановить план дворцового здания (рис. 4). Центральная часть этого здания представляла собой совокупность больших парадных помещений, торжественных зал, богато украшенных скульптурой и росписью (рис. 5). Раскопки зал со скульптурами велась нами уже с 1947 г. Тогда был открыт грандиозный «зал царей», ниши которого были украшены групповыми портретами хорезмских царей и цариц с их приближенными.

Культурный слой зала представлял собой сплошную массу завала из фрагментов сырцовых глиняных скульптур, поэтому каждый шаг при раскопке требовал величайшей осторожности; этот зал окончательно был раскрыт только в 1950 г. Несмотря на то, что в предшествующие годы был уже извлечен из него основной скульптурный материал, в этом году здесь обнаружен ряд новых и интересных находок, в том числе скульптурная рукоять меча (рис. 6).

Кроме «зала царей», в предшествующие годы был раскопан не менее великолепный зал, названный нами «залом побед», с горельефными группами, изображающими царей и цариц, венчаемых богиней победы.

Третьим парадным помещением был «зал воинов» с изображениями царей или богов, расположенными на стенах в нишах, между которыми были расположены скульптурные фигуры темнокожих воинов. В 1950 г. были открыты еще два зала со скульптурным оформлением — уже в западной части дворца. Это небольшой прямоугольный зал (8,80 × 5,10 м) и расположенный к северу от него большой (10,60 × 9,65 м) почти квадратный зал, — оба несколько необычные для хорошо уже известного строгого и торжественного стиля топрак-калинских парадных помещений.

Первый небольшой зал оказался очень интересным. Стены его были покрыты рельефными изображениями деревьев, обвитых виноградными листьями (рис. 7), а в нижней своей части украшены фризом, изображающим оленей. Целого изображения оленя не сохранилось, но найдены головы по меньшей мере пяти оленей, а также части корпуса и ног; эти фрагменты позволяют установить, что на барельефе были изображения пасущихся в свободных позах оленей, сделанные в размере, несколько меньшем натуральной величины (рис. 8).

Особенно хороши две головы: одна сохранилась полностью, но краска с нее осыпалась, и цвета изображения не могут быть восстановлены; другая более разрушена, но на ней прекрасно сохранилась раскраска. Коричневатая рельефная фигура оленя расположена была на синем фоне. Раскраска оленей, как и самый барельеф, выполнены в реалистической манере и свидетельствуют о тонкой наблюдательности художника.

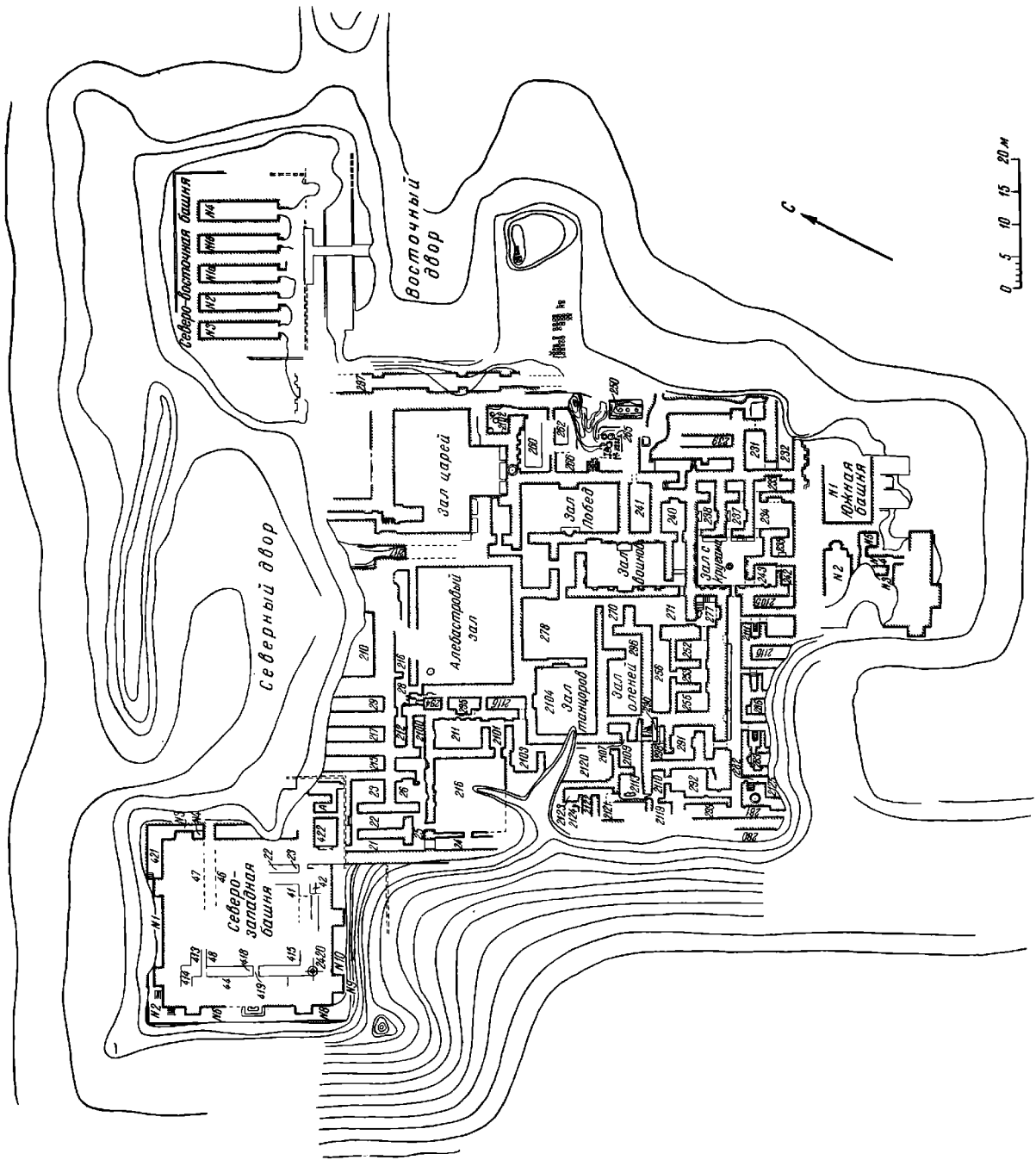

Рис. 4. План дворца Топраис-нала после завершения его раскопок в 1950 г.

Не оставляет никакого сомнения видовая принадлежность этих животных: перед нами разновидность лани — пятнистый олень.

Будучи реалистическими, изображения все же носят на себе некоторые следы определенной художественной традиции, сказавшейся на характерной трактовке отростков задней лопасти рогов. Трактовка изображения этих отростков рогов в виде правильных шариков, несомненно, уводит нас в мир художественных традиций скифо-сарматского искусства. Самый выбор

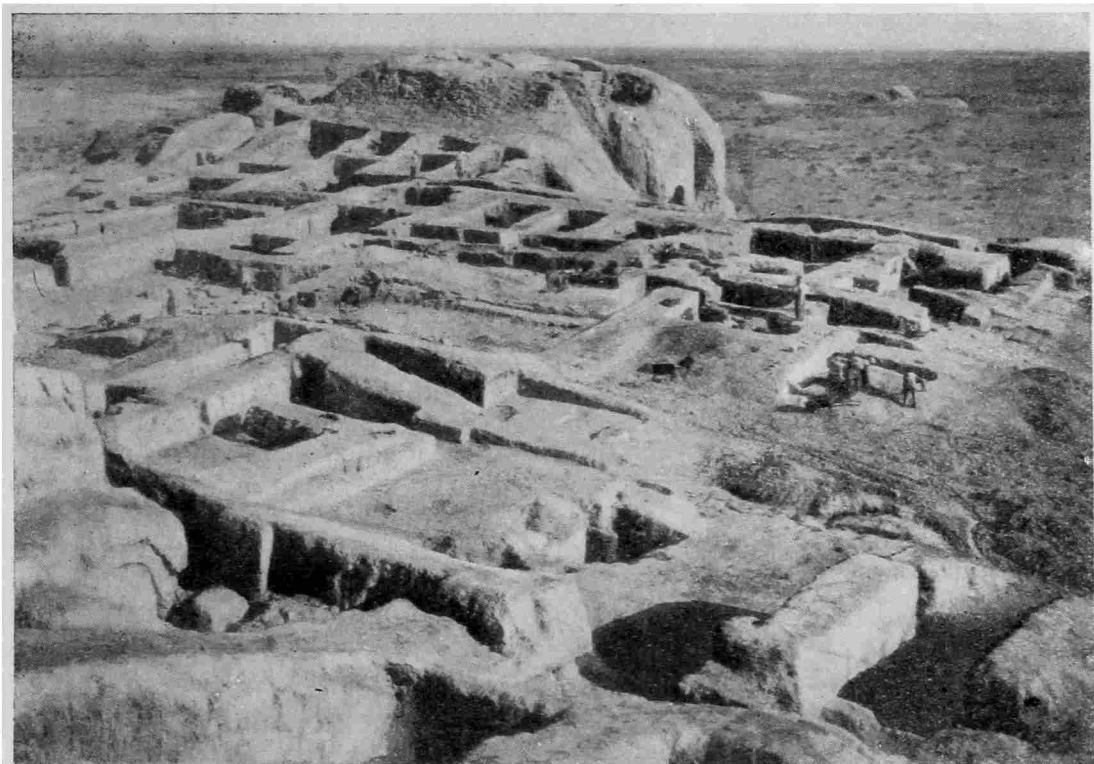

Рис. 5. Общий вид раскопок дворца с СЗ башни.

именно пятнистого оленя для изображения на стене является неожиданным, ибо в остеологическом материале, добытом при раскопках дворца Топрак-кала, этот вид оленя не обнаружен. Там мы нашли кости лишь одного из видов благородного оленя, и поныне существующего в бассейне Аму-Дарьи.

В связи с этой находкой следует напомнить другое изображение того же самого вида и разновидности оленя, получившее уже широкую известность в научном мире. Я имею в виду изображение оленей на кайме пазырыкского ковра, найденного в 1948 г. во время раскопок С. И. Руденко на Горном Алтае.

Уже тогда привлекла общее внимание необычайность для территории горного Алтая такого ковра. С. И. Руденко предполагал, что это произведение иранского искусства ахеменидского периода. Он датировал ковер V в. до н. э.¹

Я полагаю, что нет никаких оснований считать этот ковер произведением иранских мастеров. Если пойти по пути поисков в современном

¹ С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952 г., стр. 76—77.

народном искусстве тех композиционных приемов и тех творческих методов, которые отражены в этом замечательном древнем образце ковроделия, то мы увидим, что живым носителем тех же приемов является туркменский ковер и с точки зрения колористики, и с точки зрения общего композиционного решения; наличие на нем типично туркменских «гулей», типично туркменского оформления, — позволяет считать, что этническая среда, породившая пазырыкский ковер, исторически связана с той этнической средой, на почве которой сложилась культура современного туркменского народа, т. е. массагетскими племенами.

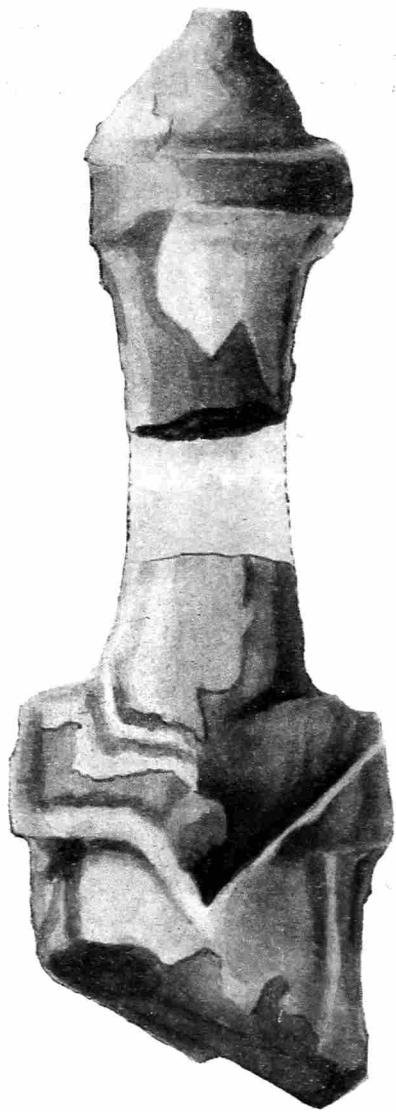

Рис. 6. Фрагмент скульптурной рукояти меча. Топрак-кала, «зал царей». 1950 г.

Находка идентичного (видоизмененного лишь в процессе применения к совершенно другому материалу) изображения оленя на хорезмском памятнике Топрак-кала еще более подкрепляет ту мысль, к которой мы пришли раньше, — что происхождение этого ковра массагетское. Можно предположить, что пазырыкский ковер является производением тех массагетских племен, которые в конце IV в. и в III в. до н. э., в результате больших политических событий, связанных с походами Александра Македонского, двинулись в Центральную Азию и вошли там в тесное соприкосновение с племенами Монголии и Алтая. Это заставляет нас не согласиться с датировкой С. И. Руденко и считать, что пазырыкский ковер может быть датирован временем не раньше конца IV в., а может быть, и III в. до н. э.

С другой стороны, все изложенное позволяет предполагать, что крупные скульптурные украшения дворца Топрак-кала также восходят к старым традициям массагетского искусства еще середины I тысячелетия до н. э., которые, таким образом, донесены до самого конца III в. н. э.

Над фризом из оленей располагался второй фриз, к сожалению, сохранившийся гораздо хуже. На нем находились изображения грифонов. Найдено только одно из

этих изображений: фантастическое животное представлено на нем с орлиным клювом, с большими крыльями и звериными лапами. Обломки подобных же лап найдены в ряде мест в этой и соседней комнатах: повидимому, количество грифонов было довольно значительно.

Когда начались раскопки соседнего, почти квадратного, последнего по счету зала со скульптурами и была расчищена полностью вся нижняя часть его северной стены, украшенной барельефными человеческими изображениями, — стало ясно, что оформление этого зала также совершенно отличается от того, которое мы привыкли считать характерным для Топрак-кала.

Рис. 7. Фрагмент барельефного фриза с изображением листьев и граната...
Топрак-кала, «зал оленей».

Рис. 8. Фрагмент барельефа с оленем. Топрак-кала, «зал оленей».

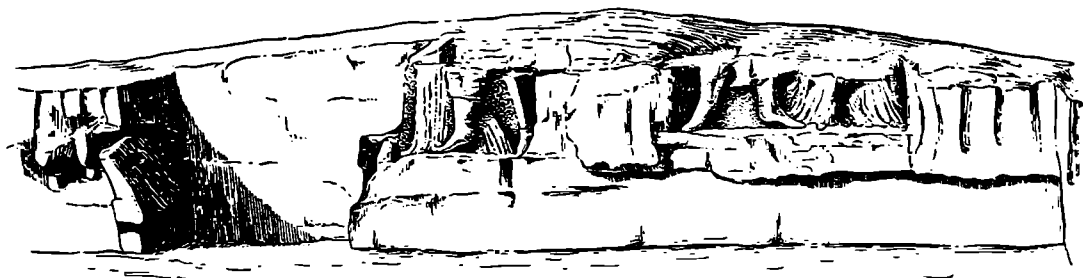

Рис. 9. Часть северной стены «зала танцующих масок». Топрак-кала.

Все человеческие фигуры (от которых, к сожалению, сохранились только ноги и нижняя часть туловища) были здесь расположены попарно — мужская и женская. Но сочетание этих фигур оказалось совсем иное, чем в «зале побед» или в «зале царей»; они все изображены танцующими (рис. 9).

Самым любопытным в этой находке оказались головы танцоров, фрагменты которых были обнаружены при расчистке пола. Одна из голов изображала узколицего человека с тонким носом, с длинной черной бородой и общим обликом, напоминающим архаическую ассирийскую скульптуру. Однако уши у этого человека — явно не человеческие, а звериные, более всего похожие на козлиные. При этом между ухом и лбом видна складка: повидимому, уши были частью головного убора; перед нами, таким образом, изображение танцующей замаскированной фигуры (рис. 10). Своеобразная остроконечная форма уха заставляет искать в оформлении зала проявления какого-то дионисийского культа, о существовании которого в древнем Хорезме есть свидетельства как в археологическом материале, так и в произведениях ал-Бируни. Еще в 1938 г., в работе, посвященной исследованию монет древнего Хорезма¹, мы установили хорезмийское происхождение нескольких серебряных чаш, хранящихся в Государственном Эрмитаже и изданных Я. И. Смирновым в атласе «Восточное серебро»², и в то же время обратили внимание на религиозную семантику украшавших некоторые из этих чаш изображений. На одной чаше (№ 45 по атласу Смирнова) мы видим стоящую фигуру божества с козлиной головой; с головы его спускаются развевающиеся сзади ленты — деталь, характерная для портретов царей на древних хорезмских монетах.

В связи с затронутым вопросом я напому также отрывок из «Хронологии» Бируни, посвященный хорезмским праздникам: автор описывает один из этих праздников, называемый «Ночью Мины». Как он повествует, Мина была знатной женщиной, жившей в Хорезме. Однажды она вышла из своего замка после пира сильно опьяневшая, упала и замерзла, — в это время был сильный мороз. И вот в память этой аристократки, погибшей в результате пристрастия к вину, был установлен в Хорезме обычай ежегодно праздновать «Ночь Мины». Обычай этот существовал, по свидетельству Бируни, еще в XI в.

Перед нами, несомненно, уже приобретший анекдотический характер, совершенно непонятный для мусульманского населения Хорезма XI в. обычай, связанный с отголосками какого-то вакхического культа.

¹ С. П. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ, 1938, № 4.

² Я. И. Смирнов. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной в пределах Российской империи. СПб., 1909.

Рис. 10. Голова замаскированной фигуры из «зала танцующих масок». Топрак-кала.

Этот фрагмент древних религиозных представлений, донесенный до XI в., зафиксированный в повествовании хорезмского ученого раннего средневековья, вместе с археологическими фрагментами голов танцующих масок во дворце Топрак-кала, позволяет предполагать, что вновь открытый зал был посвящен какой-то религиозной мистерии с культом дионисийского характера. В пользу такого предположения говорят и другие обломки изображений человеческих голов, найденные в зале; в частности, один из них изображает переносье и глаза, причем кожа лица на этом фрагменте черная, а глаза — совершенно круглые, выпяченные, видимо, принадлежавшие какому-то фантастическому существу. Несколько таких же круглых глаз было найдено в других частях помещения. Можно думать, что в зале вдоль всех стен находились изображения замаскированных людей.

Рис. 11 Алебастровая голова в скифском головном уборе.
Топрак-кала.

Я должен здесь напомнить одну любопытную деталь, на которую обратил мое внимание болгарский археолог Н. Мавродинов, когда я делал сообщение о работах Хорезмской экспедиции в Софии, во время моей поездки в Болгарию: это — распространение в раннесредневековом искусстве кочевников Центральной Азии и Восточной Европы, вплоть до Венгрии (в том числе в знаменитом кладе в Надь-Сент-Миклош), изображений, близко напоминающих замаскированную голову из дворца Топрак-кала. Действительно, переключка между хорезмским прототипом III в. и памятниками степных племен очень значительна, и не исключено, что здесь мы имеем свидетельство о влиянии древней среднеазиатской культуры на религиозные представления этих раннесредневековых центральноазиатских и восточноевропейских кочевников.

Из остальных находок, обнаруженных в 1950 г. во дворце, самой интересной является мужская алебастровая голова, примерно в полтора раза больше натуральной величины, найденная в одной из комнат южной группы помещений (рис. 11). Голова была в свое время раскрашена, но от краски остались лишь слабые следы. Хорошо сохранился «скифский» головной убор с наушниками, встречающийся и в других памятниках хорезмийского искусства. На лице видны остатки усов.

Это первая находка монументальной алебастровой скульптуры на Топрак-кала. В 1946 г. здесь была найдена небольшая алебастровая обнаженная женская статуэтка, причем не во дворце, а в одном из помещений стены города. Кроме того, встречались несколько раз фрагменты алебастровой орнаментики, в частности алебастровые листья. Однако находка большой алебастровой монументальной скульптуры была совершенно неожиданной и послужила основой для новых заключений по поводу

характера архитектурного оформления дворца. Комната, где была найдена эта скульптура, представляла собой одно из небольших помещений, расположенных вдоль коридора, тянувшегося в южной части дворца с востока на запад, где, видимо, жила привилегированная часть дворцовой челяди; ничем особенным не отличаясь от других, соседних, комната имела довольно скромную роспись на стенах, но никаких скульптурных украшений в ней не было. Голова найдена в завале посередине помещения, на довольно значительной высоте над полом. Других частей этой скульптуры в комнате обнаружить не удалось. Учитывая все обстоятельства, сопровождавшие находку, мы сделали предположение, что это фрагмент одной из статуй, украшавших верхнюю часть фасада дворца. Только так можно объяснить неожиданное появление алебастровой головы в развалинах скромной комнаты крайнего ряда помещений дворца. Тогда объясняется и своеобразие материала этого изображения, так как, конечно, сырцовая скульптура не могла быть выставлена на открытом воздухе и предоставлена влиянию атмосферных осадков.

Повидимому, наше первоначальное представление о внешности дворца не совсем соответствует действительности. Нам казалось, что, как нередко бывает на Востоке, в то время, как внутренние помещения были богато украшены скульптурой и росписями, экстерьер дворца был решен чрезвычайно просто, в виде простых прямых линий, вертикальных пилястров и т. п. Никаких внешних скульптурных украшений мы тут не предполагали. Сейчас есть основания полагать, что верхняя часть стен была украшена снаружи рядами больших статуй. Поскольку задняя сторона найденной головы несколько уплощена, вероятно, что фасад украшала не круглая скульптура, а скорее горельефы, находившиеся, возможно, в нишах, расположенных в верхней части наружной стены дворца. В пользу новой гипотезы оформления фасада говорит и то, что во время шурфовки северного двора в 1950 г. нами найдено довольно большое количество фрагментов алебастровой облицовки или алебастровой скульптурной орнаментировки, плохо, правда, сохранившихся. Следовательно, вполне возможно, что снаружи дворец был довольно богато декорирован разнообразными алебастровыми украшениями, в том числе и статуями.

В 1950 г. нам удалось, наконец, решить вопрос о входе во дворец — вопрос, заставлявший нас в течение всего периода раскопок памятника обсуждать много разнообразных гипотез, возникавших по мере выяснения планировки здания.

В этом году впервые, благодаря применению транспортеров, оказалось возможным начать раскрытие внутренних дворов дворца, засыпанных мощным слоем песка (от 7 до 14 м глубины). Почти полностью был расчищен восточный двор, через который, как мы предполагали, вел вход в здание дворца. Оказалось, однако, что этот двор замыкался с трех сторон глухими стенами. Анализ коридора восточной стены дворца и расположение башен заставили нас придти к заключению, что вход шел через пандус, перпендикулярный к восточной стене дворца, остатки которого обнаружились во время земляных работ. Почти на середине пандуса, в центре его, была расположена башня. Пандус вел к началу коридора, опоясывавшего северо-восточный угол дворца, причем этот коридор представлял собой анфиладу узких помещений, соединявшихся арками; стены его были украшены богатой росписью.

Сейчас, в итоге работ 1950 г., уже все внутренние помещения дворца раскрыты. Мы можем дать полное описание и самого дворца, и каждого отдельного помещения. Раскопки дворца Топрак-кала, этого первоклассного памятника позднеантичного Хорезма, окончены; они дали нам воз-

можно на основании богатейших коллекций археологического материала всесторонне охарактеризовать хозяйственную жизнь, культуру и быт хорезмийцев III в., начиная от сельскохозяйственного и ремесленного производств и кончая военным делом, формами художественной культуры и письменности. Топрак-кала, конечно, представляет собой памятник, который подлежит дальнейшему изучению. Предстоит еще осуществить раскопки в городе, необходимо исследовать большой комплекс храма, находящегося в непосредственной близости к городищу, к северу от него, а также произвести раскопки отдельных небольших усадеб, расположенных в нескольких километрах от дворца. Но все это представляет уже следующий, второй этап наших работ в Топрак-кала.

* * *

В конце полевого сезона экспедиция совершила свой второй в этом году разведочный автомаршрут, пройдя путь от Нукуса до Красноводска.

Археологические работы в этих районах Хорезмская экспедиция начала еще в 1939 г., когда был проведен большой маршрут на верблюдах от Ташауза через развалины средневекового города Змухшира и дальше на запад по линии большого древнего канала Чермен-яб, а затем — на юго-запад, вплоть до расположенной около верховьев Узбоя, в самом центре Кара-кумов, крепости Дэв-кала. Во время маршрута 1939 г. впервые здесь было открыто большое количество археологических памятников, античных и средневековых.

Вторично мы вернулись к работе в этом районе в 1946 г. во время авиационной разведки Устюрта; тогда был обследован ряд городищ, расположенных по юго-восточному краю плато, и начато изучение развалин Дэв-кескен, в прошлом — города Вазира, крайнего западного пункта средневекового Хорезма и одного из наиболее живописных памятников хорезмийского зодчества.

В 1947 г. были снова проведены большие авиаразведочные работы в Сарыкамьшской котловине, на Устюрте, на землях древнего орошения Ташаузской области, обследованных впервые еще в 1939 г., и в верховьях Узбоя.

Все перечисленные работы дали нам возможность сформулировать те выводы, которые опубликованы в книге «По следам древнехорезмийской цивилизации», и сделать попытку археологически решить проблему Узбоя¹.

Работы были продолжены и после этого — в 1948 г., когда мы провели рекогносцировочные раскопки Шемаха-кала — прекрасного памятника позднесредневекового Хорезма.

9 октября 1950 г. экспедиция вышла в составе 10 научных сотрудников из города Нукуса на трех автомашинах².

Работа началась с Куня-Ургенча, откуда мы направились на юг, пересекли русло Дарьялыка и обследовали запустевшие культурные земли XIX в., которые были покинуты заселявшими их туркменскими племенами в результате варварской политики хивинских ханов, закрывавших оросительные каналы в порядке возмездия за частые восстания угнетенного туркменского населения. Затем мы вышли на сухое русло Даудан,

¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, гл. XII, «Тайна Узбоя».

² В работе принимали участие С. П. Толстов — начальник экспедиции, заместитель начальника экспедиции М. А. Орлов, старший научный сотрудник Института этнографии Т. А. Жданко, младшие научные сотрудники того же института О. А. Вишневская и Н. Н. Вактурская, аспирант Д. Дурдыев, студенты МГУ и архитектор А. А. Сипко.

на берегу которого расположена ранее не обследованная нами античная крепость Мангыр. От крепости Мангыр мы двинулись к расположенному на юг от ДAUDANA средневековому городищу Ярбекир и провели тщательное обследование этого городища, обмер и сбор подъемного археологического материала. Наиболее интересным здесь оказалось открытие гончарных мастерских, давших исключительно богатый набор средневековой керамики и различных орудий производства, среди которых особо следует отметить формы для изготовления рельефной художественной керамики.

На Ярбекире мы впервые столкнулись с чрезвычайно своеобразным явлением. Оказалось, что стены городища построены из сырцового кирпича размером $40 \times 40 \times 10$ см, характерного для античных памятников Хорезма, причем это не было лишь случайным использованием античных стен для возведения средневекового города, что довольно часто встречается в истории Хорезма: выяснилось, что из такого же кирпича сложена верхняя часть стен, отличающаяся так называемой «елочной» кладкой, — строительный прием, типичный исключительно для средневековья и не существовавший ранее. Между тем сырцовый кирпич, как известно, может быть использован в строительстве лишь один раз. Таким образом, оказалось, что кирпич античного размера здесь изготовлялся в средние века. Это подтверждает и еще один факт: на ярбекирском кирпиче нет характерной для античного детали — родовых знаков, тамг.

Второй особенностью памятника является его планировка, которая поражает необычайным для средневековья расположением жилых помещений, главным образом внутри стен в виде идущего между двумя стенами коридора или же в виде расположенных вдоль стен в несколько рядов помещений.

Подобная планировка характерна для античных городищ, именно для раннеантичных «городищ с жилыми стенами». Но в то же время несомненно, что Ярбекир — памятник средних веков, датируемый XIII—XIV вв.; вся строительная техника и все содержание памятника оказались средневековыми. После установления этого любопытного факта в архитектурном комплексе Ярбекира получило объяснение и другое не понятное нам прежде явление, а именно: наличие в крепости Шах-Сенем (расположенной в этой же зоне земель древнего орошения и также средневековой) бойниц, имитирующих античные.

Дело в том, что бойницы для средних веков не характерны; вследствие изменения техники обороны в это время используются взамен бойниц зубцы, идущие по верхнему краю стены. Наоборот, для античного Хорезма характерны бойницы, расположенные посередине стены, иногда в два яруса. Между тем стены Шах-Сенем характеризуются типичными для античного Хорезма стреловидными бойницами, выложенными из сырцового кирпича; как и на Ярбекире, кирпич — античных размеров. Эти наблюдения заставили нас поставить вопрос о том, что термин, который в свое время был введен в оборот в нашей книге «Древний Хорезм» по отношению к средневековой культуре Хорезма эпохи расцвета в XII в. — начале XIII в., — «хорезмийский ренессанс», — имеет гораздо более прочное основание, чем это нам казалось. Речь идет действительно о «ренессансе» (в первоначальном, узком значении этого слова), т. е. о попытке возрождения античных традиций в эпоху средневековья. Воскресить эти традиции в Хорезмийском государстве было не труднее, чем в античном Средиземноморье, потому что многочисленные античные памятники, сохранившиеся здесь и до сих пор, были гораздо лучшей сохранности в те времена и могли служить прекрасными образцами для хорезмийских зодчих.

После Ярбекира мы двинулись дальше на юг, пересекли старое русло еще одного из протоков Сарыкамьшской дельты Аму-Дарьи и остановились у городища Акча-Гелин, которое ранее нами не обследовалось. Оказалось, что это городище принадлежит к одному из наиболее ранних периодов античности (так называемый «кангюйский период», IV—I вв. до н. э.); оно являлось крайним западным форпостом античного Хорезма. От Акча-Гелин мы повернули прямо на восток для того, чтобы повторно обследовать, на этот раз уже с шурфовкой, памятники, обследованные нами в 1939 г., а именно Куня-Уаз и так называемые «городища с жилыми стенами» — Калалы-гыр и Кюзели-гыр¹.

В зоне орошения старого арыка Шамурат нами было открыто античное городище Турпак-кала. Оказалось, что это городище характеризуется крайне интересной круглой планировкой. Круглые городища античного времени были до того нам известны в районе Джеты-Асара на Сыр-Дарье, в Хорезме же они очень редки: два таких городища имеются в районе земель древнего орошения Кара-Калпакской АССР на правом берегу (Кой-Крылган-кала и Малый Кырк-кыз) и одно — на Аму-Дарье близ Чарджоу (городище Устык).

Интересный материал дали обследование и последующая шурфовка городища Куня-Уаз. Это городище, как выяснилось, было населено дважды. В нем явно обнаруживаются античный и раннесредневековый слои, причем раннесредневековый слой хорошо датируется временем IX в. — начала XI в.

Памятники с такой хронологией слоев в Хорезме до сих пор не были известны. Из раннесредневековых памятников здесь одни окончили свое существование в VIII в. (эпоха арабского завоевания), а другие — в XIII в. (эпоха монгольского завоевания); Куня-Уаз, на котором жизнь прекратилась в XI в., является памятником, представляющим исключительный интерес, так как он дает возможность впервые осветить культуру Хорезма периода IX—XI вв.

После Куня-Уаза мы направились на юг, к линии раннеантичных городищ верховьев Чермен-яба. Исследование этой группы памятников было начато с городища Калалы-гыр № 2 (Айртам).

Рекогносцировочные раскопки на этом городище дали очень интересный материал. В частности, удалось обнаружить, что памятник датируется примерно IV—III вв. до н. э. и что культура его совершенно тождественна культуре наиболее древних городищ восточного Хорезма — Джанбаскала и Кой-Крылган-кала.

Городище характеризуется богатством расписной керамики, прекрасными терракотовыми статуэтками и круглым зданием ритуального, погребального назначения. Это так называемый наус, т. е. зороастрийское могильное сооружение, внутри которого были поставлены погребальные костехранилища — оссуарии. Раскопки, произведенные в наусе, показали, что оссуарии здесь были совершенно неизвестного нам до сих пор в Средней Азии типа. Если на правом берегу Аму-Дарьи известны оссуарии прямоугольной формы на высоких ножках, сделанные из обожженной глины или алебаstra, то здесь перед нами оказался оссуарий круглой формы на трех ножках, сделанный из сырой глины и обмазанный изнутри и снаружи алебастром (рис. 12).

Передвинувшись затем на восток на городище Калалы-гыр № 1, мы произвели там также рекогносцировочные раскопки. В 1939 г. при

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 77 и сл., 114—118.

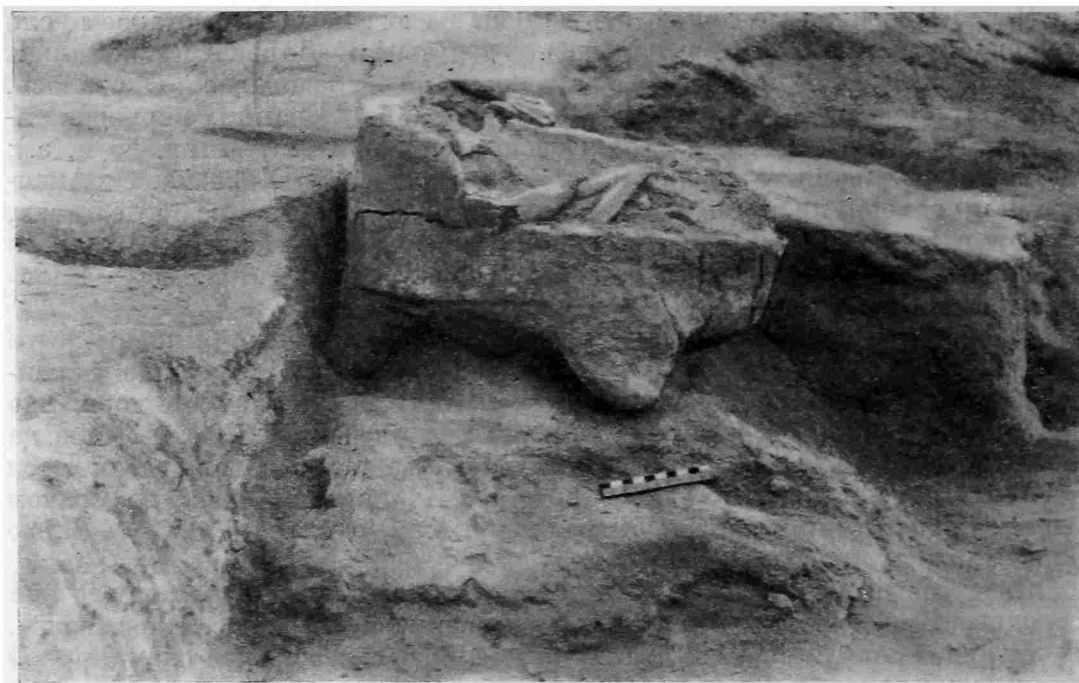

Рис 12. Осуарий из науса в Калалы-гыр № 2 (Айртам).

рекогносцировочной шурфовке здесь были обнаружены нами погребения в хумах (пифосах). Два года назад одна из геологических инженерных партий обнаружила на этом городище осуарные погребения. По вызову геологов сюда выезжал из Ашхабада археолог Вязигин, извлекавший найденные ими осуарии¹. В 1950 г., идя по следам этих находок, мы заложили раскоп вдоль западной стены внутри городища. В результате выяснилось, что вдоль всей этой стены шла непрерывная цепь осуариев, поставленных на специально вырубленную в стене ступень. При этом осуарии оказались разнообразной формы: и глиняные, и каменные, на ножках и без ножек — в виде своеобразного каменного корытца (рис. 13). Каждый из осуариев был коллективным захоронением, содержащим до 7 черепов; к черепакам добавлялось небольшое количество костей.

Единственное большое здание, расположенное внутри стен городища, которое мы шурфовали в 1939 г., а теперь исследовали более подробно, оказалось многокомнатным наусом. Полы в нем были выложены своеобразным кирпичом, до сих пор неизвестным ни в античном, ни в средневековом Хорезме: этот кирпич сделан из великолепно пережженного и размоленного тончайшего алебаstra, в античном размере, но не квадратный, а прямоугольный: в длину 40 см, в ширину 20 и около 8 см в толщину. Однако наиболее интересной находкой была обнаруженная на этом памятнике дахма, т. е. «башня молчания». В Средней Азии такие памятники вообще неизвестны; мы знаем о них либо по литературным источникам, либо по современным дахмам парсов в районе Бомбея. Здесь же мы открыли древнейшие из известных дахм, видимо, датируемые первыми веками до н. э.

Дахма Калалы-гыра № 1 оказалась построенной на одной из башен городской стены.

¹ См. С. А. Вязигин. Осуарии с городища Калалы-гыр № 1 Ташаузской области Туркменской ССР. ВДИ, 1948, № 3, стр. 150—155.

Рис. 13. Осуарий у западной стены Калалы-гыр № 1.

На вершине башни была сооружена круглая цистерна около 2 м в диаметре, в которой обнаружена вся загрузка этой дахмы, т. е. скелеты тех трупов, которые когда-то были положены сюда, чтобы птицы очистили их от мяса перед укладкой костей в осуарии. Видимо, какое-то событие прервало совершение этого обряда и костяки остались на месте. Там было обнаружено около 8 костяков, расположенных по радиусу; кости лежали более или менее в порядке (рис. 14).

Конструкция этой дахмы оказалась довольно сложной, в полу ее были отверстия с тщательно отделанными краями. Эти отверстия вели вниз и открывались в вентиляционные ходы, выходящие в бойницу башни. Таким образом, отверстия в полу цистерны имели двойное назначение: по ним осуществлялся сток продуктов разложения трупов и в то же время происходила вентиляция, ускорявшая этот процесс (рис. 14а).

В связи с этой серией находок, связанных с погребальными обрядами древнего Хорезма, нельзя не коснуться еще одной находки, также сделанной в 1950 году, но на памятнике, находящемся на правом берегу Аму-Дарьи, а именно — на античной крепости Кой-Крылган-кала. В Кой-Крылган-кала, во время авиаразведки, произведенной в период раскопок на Топрак-кала, нами были открыты погребальные сооружения IV—III вв. до н. э., т. е. того же времени, что в Калалы-гыр № 2, но совершенно другого типа и большой художественной ценности. Как оказалось, осуарии здесь представляли собой квадратные ящики без ножек, на которых помещалась сидящая фигура в половину человеческого роста.

В найденном нами оссуарии статуя изображала женщину; нижняя часть фигуры в платье с пышными складками сохранилась полностью; от верхней части остались крупные фрагменты головы и плеч (рис. 15 и 15а). Такой своеобразный тип оссуария, увенчанного сидящей статуей, не был известен на территории Средней Азии и Ирана. Можно полагать, что статуи были скульптурными портретами покойников, останки которых находились в оссуариях. Интересно, что фрагменты пустотелой скульптуры сходного типа были нами обнаружены при обработке материала с Мангыр-кала.

Кроме оссуария со статуей, во время археологической разведки на Кой-Крылган-кала в 1950 г. были найдены и другие образцы древнего хорезмийского искусства: терракотовые статуэтки, рельефное изображение всадника с копьём на обломке стенки крупного сосуда (рис. 16) и др. В обходной галлерее здания были открыты хумы, запечатанные глиняными печатями с разнообразными родовыми знаками. Среди последних особенно интересно изображение древнего хорезмского корабля до сих пор нам не известного типа (рис. 17).

Таким образом, мы видим огромное разнообразие типов оссуариев, причем большая часть из них до сих пор была вообще неизвестна науке. Кроме того, весьма важным является то, что нам удалось датировать оссуарии и дахмы на территории Хорезма временем IV—III вв. до н. э. и позднее. Надо сказать, что до сих пор на территории Средней Азии не было сделано находок оссуариев, относящихся к более раннему времени, чем V в. н. э., причем и эта их датировка вызывает весьма серьезные сомнения. Оссуарии с точной датировкой относятся к VII—VIII вв. н. э., т. е. к концу зороастризма. В Иране оссуарный обряд появляется только при парфиях. В итоге работ 1950 г. для Хорезма установлена наиболее ранняя дата существования оссуарного обряда.

Этот факт имеет большое значение, поскольку он подкрепляет гипотезу о среднеазиатском и даже, точнее, о хорезмийском происхождении зороастризма, развивавшуюся в свое время Марквартом и Бартольдом: но они высказывали эту гипотезу в очень осторожной форме, так как основанием для нее служили главным образом толкования некоторых текстов Авесты. Сейчас мы можем это предположение подкрепить уже объективным археологическим материалом. Обследование стен Калалы-гыра позволило установить, что эта огромная крепость осталась недостроенной (был возведен лишь фундамент «жилых стен») и затем на протяжении ряда веков использовалась как гигантский некрополь.

После Калалы-гыр экспедиция произвела небольшие раскопки на Кюзели-гыр, где раскрыто было несколько жилых помещений между двойными стенами, впрочем сильно разрушенных. Однако это дало возможность внести существенное уточнение в наше представление о конструкции «жилых стен» этого городища, точно датированного теперь V в. до н. э. Следующими пунктами маршрута были Кзылча-кала, Шах-Сенем, Гяур-кала (№ 1 и 2), а затем между возвышенностями Тарым-кая и Канга-гыр дошли до конца сухого русла древнего арыка Чермен-яб, теряющегося в протоках близ юго-западного мыса Тарым-кая, и, выйдя в урочище Еды-хауз — лишенный следов культуры район, прошли затем к колодцам Чарышлы. Отсюда была сделана попытка пройти на машинах к двум близлежащим безымянным памятникам, обозначенным на топографической карте, но не найденным во время авиаразведки 1948 г. Попытка проехать на машинах к ним, однако, не увенчалась успехом. Мы были вынуждены обогнуть этот район с востока и вышли к крепости Дэв-кала, а затем к колодцам Екидже, откуда сделали пешком тяжелый 15-километровый переход через ячеистые пески к указанным двум памятникам.

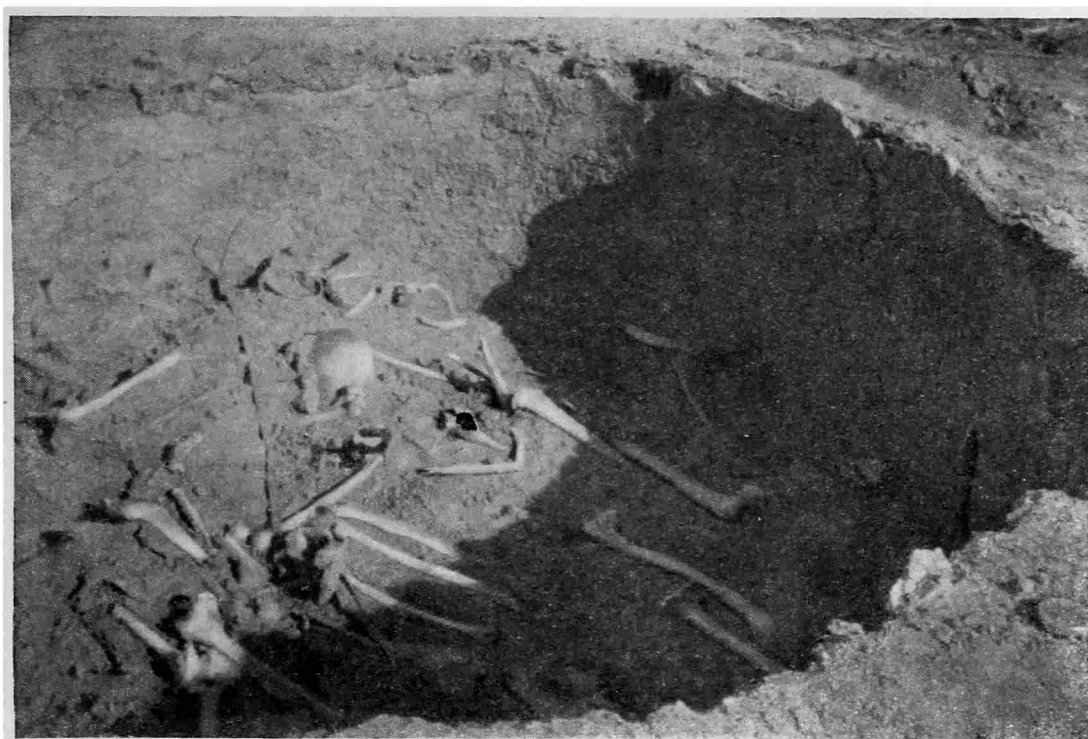

Рис. 14. Дахма на Калалы-гыр № 1.

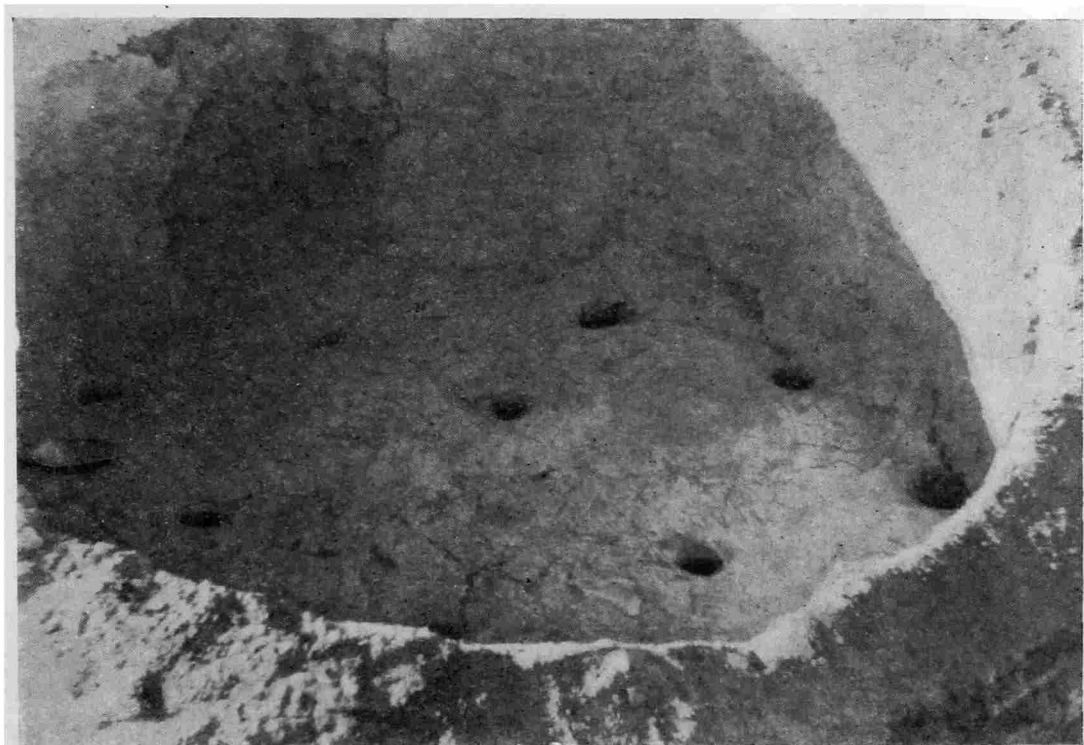

Рис. 14а. Дахма на Калалы-гыр № 1.

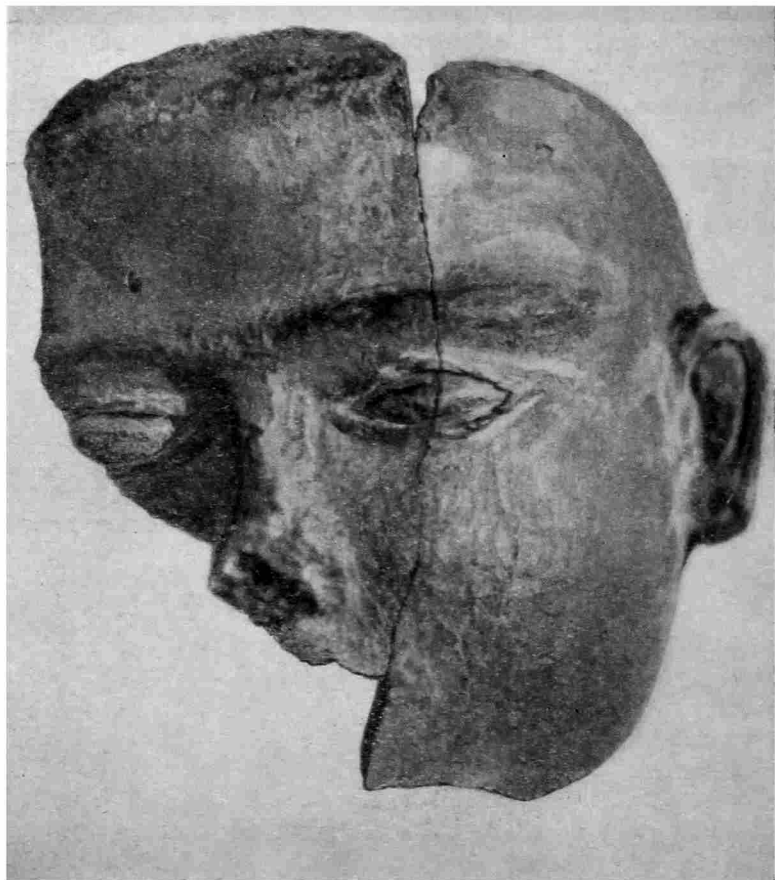
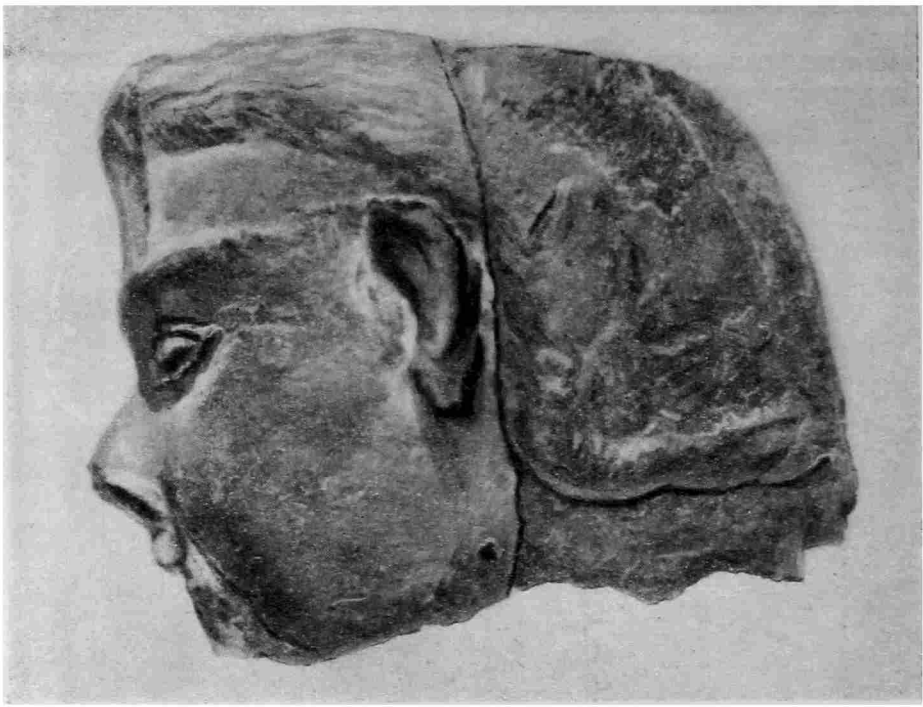

Рис. 15. Осуарий со статуей на крышке. Кой-Крылган-кала.
1950 г. (Фрагмент головы статуи, профиль и фас.)

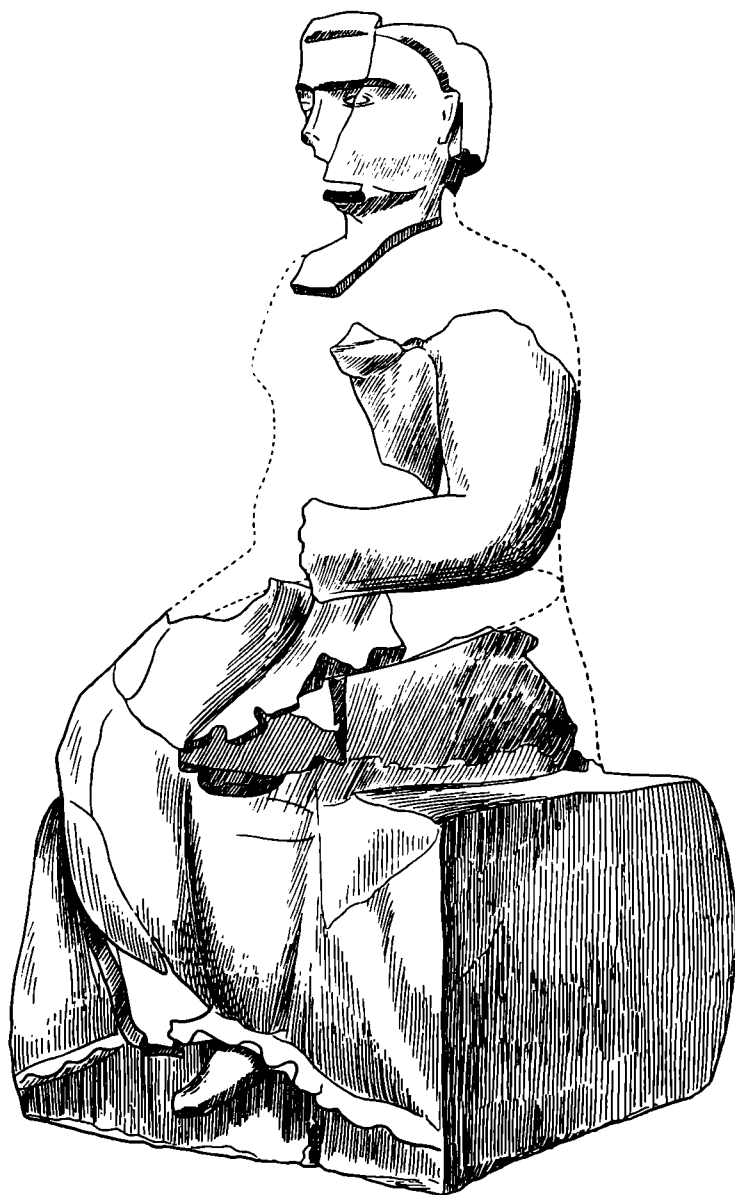

Рис. 15а. Оссуарий со статуей на крышке Кой-Крылган-кала (Реконструкция).

Выяснилось, что это маленькие мазары XVI—XVII вв.; один из них — очень интересной восьмигранной формы. Ничего, что свидетельствовало бы о какой-то заселенности вокруг них, обнаружено не было. Мазары были названы нами «Кош-Гумбез» («пара куполов»).

Убедившись в невозможности пройти на наших машинах к Узбою тропой, проложенной через тяжелые пески, окружающие колодцы Орта-Кую, мы решили достигнуть русла кружным путем, через окраину плато Устюрт.

Во время этого объезда одна из машин потерпела аварию, в результате чего пришлось наш небольшой отряд разделить на три части: одна осталась со сломанной машиной, другая отправилась за технической помощью в Куня-Ургенч; на Узбой мы пошли лишь с одной машиной — в обход

Рис. 16. Изображение всадника с копьем на фрагменте сосуда. Кой-Крылган-кала. 1950 г.

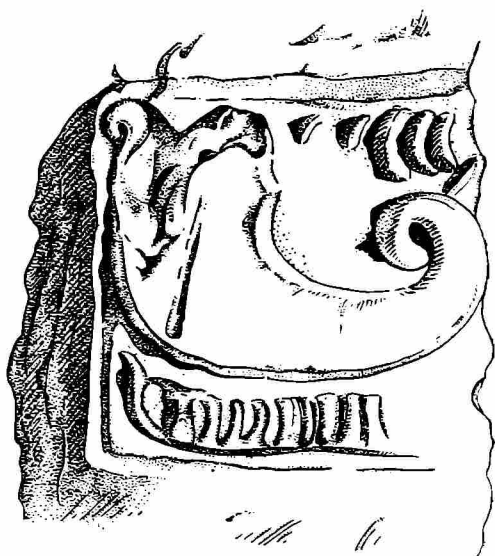

Рис. 17. Печать на глине с изображением корабля. Кой-Крылган-кала. 1950 г.

песков Верхнего Узбоя по чинку Каплан-гыр. Войдя на край этого огромного обрыва, тянувшегося на 100 км с лишним с запада на восток, мы были поражены дикой красотой простирившегося перед нами пустынного, мертвого ландшафта. Внизу, на трехсотметровой глубине сверкал обширный солончак, простирившийся под совершенно отвесными скалами обрыва и причудливо нагроможденными каменными глыбами, рухнувшими на его дно. Противоположный край обрыва казался призрачным в туманной дали величественного пейзажа. Мы прошли путь вдоль Каплан-гыра, обследовали расположенные на нем укрепления и могилы и вышли на Узбой к урочищу Ак-яйла. Здесь были произведены рекогносцировочные раскопки так называемого Ак-яйлинского водопровода (рис. 18 и 18а): заложены 4 шурфа и сделана нивелировка по линии километрового кирпичного желоба — до водоема, находящегося на самом берегу русла Узбоя.

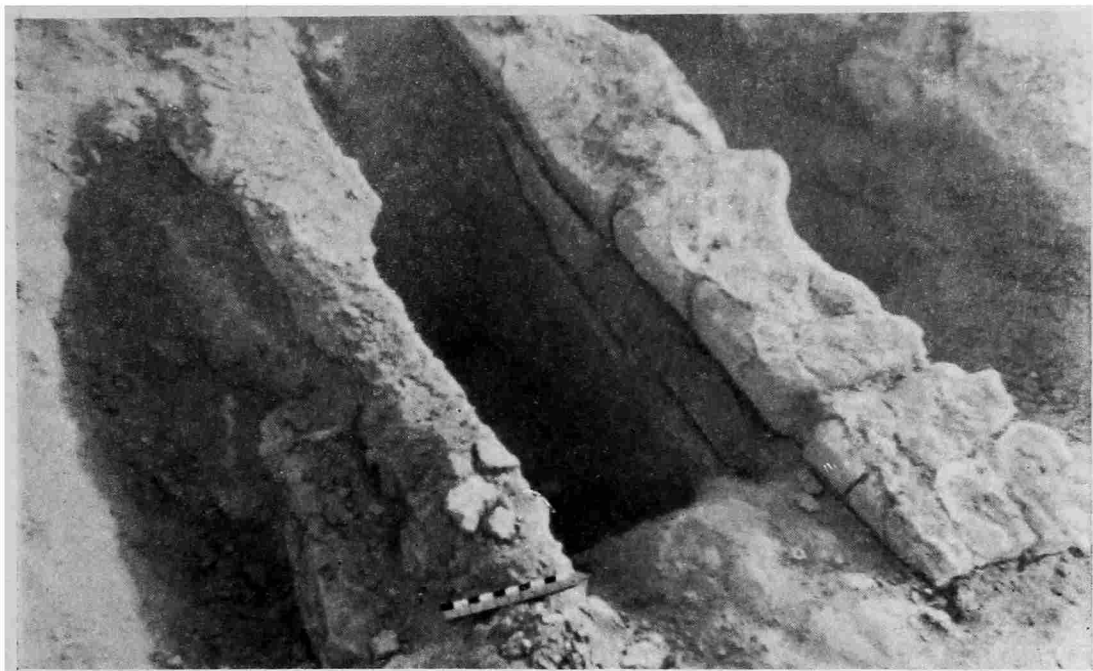

Рис. 18. Ак-яйлинский водопровод (деталь жолоба).

По вопросу об этом средневековом памятнике в литературе была полемика. В. А. Обручев, лично посетивший этот район в 1888 г., считал, что это остатки ирригационного сооружения, снабжавшего водой из Узбоя примыкавшие к берегу поля, и полагал соответственно, что этот водопровод имеет наклон в сторону от Узбоя¹. Другой исследователь конца XIX в., Коншин, считал, что водопровод имеет наклон в сторону Узбоя. Точка зрения Коншина подтвердилась: как показала нивелировка, кирпичный жолоб имеет уклон 7,5 м на 990 м длины водопровода в сторону Узбоя. На берегу Узбоя находятся развалины круглого сооружения, к которому подводилась вода. Сам жолоб обложен жженым квадратным кирпичом довольно низкого качества, производившимся на месте, о чем свидетельствуют груды шлака, обнаруженные поблизости. Никаких следов ирригации кругом нет. Ни авиаразведкой, ни аэрофотосъемкой, ни наземным обследованием не установлено в непосредственной близости водопровода и вокруг цистерны никаких следов земледельческой культуры. Перед нами, несомненно, лишь водосборное сооружение типа широко распространенных в Туркмении «хаков» или «каков», однако «инженерно», если так можно выразиться, оборудованное. Построен был «водопровод», несомненно, в домонгольский период, ибо весь керамический материал, который там собран, датируется XI в., самое позднее — XII в. Ни одного фрагмента керамики монгольского времени здесь найдено не было. Таким образом, можно считать дискуссионный вопрос об Ак-яйлинском водопроводе окончательно решенным: перед нами водяная цистерна, специально оборудованная «дождевая яма», в которую проведен водосборный канал².

¹ См. об этой дискуссии: С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 305.

² Во время наших работ 1951 г. удалось установить, что Ак-яйлинское сооружение, как и Талай-хан-ата, имевший такую же систему водоснабжения, было караван-сараем. См. ВАН, 1952, № 4, стр. 53 сл.

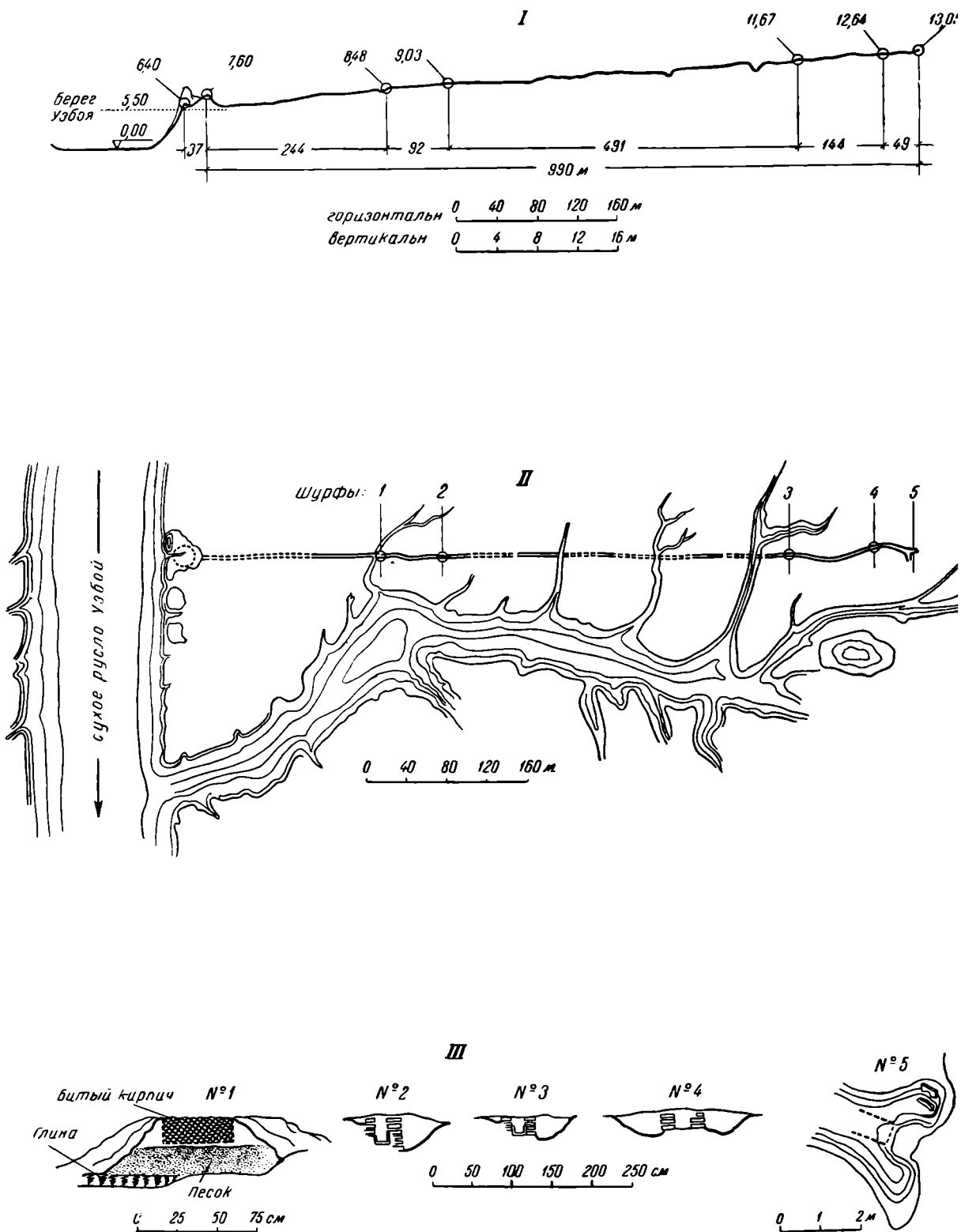

Рис. 18а. Ак-яйлинский водопровод (чертежи).

После обследования этого памятника мы прошли некоторое расстояние вдоль русла Узбоя, сперва — на юго-запад в район колодцев Игды, а потом — в обратную сторону, к колодцам Бала-ишем.

Обследование всего этого района подтвердило полностью выводы, сделанные нами раньше на основании авиаразведки. Никаких следов ирригации здесь нет, за исключением упоминавшихся мной в свое время отмеченных авиаразведкой следов полей в самом русле Узбоя, на его дне.

Развалины Талай-хан-ата, также часто упоминавшиеся в специальной литературе, представляют собой остатки средневекового караван-сарая, функционировавшего как в домонгольское, так и в золотоордынское время.

Более северная Дэв-кала — также караван-сарай раннего средневековья — хорезмшахского времени, торговый пункт на пути, ведущем из Хорезма в Иран до XIII в.

Из наших наблюдений 1950 г. можно заключить, что в монгольский период в районе Узбоя хозяйственная жизнь не только не получила особого развития, но, наоборот, произошло даже затухание торговых путей, идущих вдоль русла. Это и неудивительно, потому что, как известно, в этот период Хорезм тяготел к Золотой Орде, в то время как Хорасан оказался втянутым в систему влияния Ирана, между которым и Ордой на всем протяжении монгольского времени были враждебные отношения, конечно, мало способствовавшие развитию торговли.

После обследования излучины между колодцем Бала-ишем и Ак-яйла мы возвратились через Каплан-гыр к месту аварии. Прибытие туда самолетов дало нам возможность провести авиаразведку юго-западного побережья Сарыкамышской котловины и впервые зарегистрировать здесь наличие многочисленных и весьма своеобразных ирригационных сооружений, в виде часто расположенных валов, идущих по радиусам от древнего озера в сторону обрыва Устюрта. Судя по сохранившемуся рельефу сооружений, они должны быть датированы поздним средневековьем. Наземное обследование их мы вынуждены были отложить¹ и «верхней дорогой» через Дахлы и Чагыл вышли на Красноводск.

¹ Описание грандиозной ирригационной системы Сарыкамыша, датированной нами XV—XVI вв. на основании работ экспедиции 1952 г., см. ВДИ, 1953, № 2, стр. 181—184.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В ПЯНДЖИКЕНТЕ
1951 г.

В 1951 г. был проведен пятый раскопочный сезон на городище Шахристана древнего Пянджикента. Работы предшествующих лет дали в достаточной мере важный и интересный материал для суждения о многих сторонах культуры Согда в доарабское время. Общий объем работ за предшествующие годы был довольно большим. Внутри городища были вскрыты два крупных храмовых комплекса (объекты I и II), сложные жилые комплексы (III и V), начато обследование городской стены. За пределами собственно городища раскопан большой своеобразный некрополь, состоящий из склепов — наусов. Велось изучение цитадели¹.

Вместе с тем, вследствие исключительно большой трудоемкости работ на городище, сложности раскапываемых объектов и очень большой площади, занимаемой каждым из них, исследуемые комплексы за предшествующие годы до конца не были раскопаны. Поэтому и в 1951 г. работа на городище частично состояла из продолжения раскопок на объектах, ранее начатых изучением.

Значительные по объему работы были проведены на объектах II и III.

Объект II. Так названо раскапываемое отрядом здание второго храма. В 1948—1950 гг. были раскопаны главные храмовые сооружения.

В 1951 г. раскопки на объекте II были сконцентрированы у восточной ограды двора (рис. 1). Здесь раскопан участок размером около 45 × 10 м. В результате была вскрыта вся стена ограды, оказавшаяся сложным архитектурным сооружением.

Стена ограды выложена целиком из кирпича. С западного фаса стены идет суфа, которая тянется вдоль всей ограды. В центре стены открыт широкий проем ворот, служивший входом во двор. Другие ворота были устроены у северного края стены ограды.

Одновременно был открыт и восточный фас ограды. Стена с этой стороны оказалась покрытой росписью. Факт этот говорит о том, что мы имеем дело не просто с оградой, а с архитектурным сооружением, некогда имевшим перекрытие. Дальнейшие работы подтвердили это предположение. С северного и южного края стены были открыты боковые стенки, идущие на восток. Можно считать сейчас, — хотя раскопки здесь не закончены, — что вдоль стен были устроены по обе стороны от прохода крытые галлерей — айваны с суфами, план которых устанавливается достаточно определенно.

¹ Об археологических работах прошлых лет в Пянджикенте см. МИА № 15, 1950, а также А. Ю. Якубовский. Древний Пянджикент. Сб. статей «По следам древних культур», 1951, стр. 209 и сл.

Полная расчистка этого сооружения в 1951 г. однако, оказалась невозможной. Уже на глубине около метра, считая с верха холма, были обнаружены фрагменты крупной скульптуры из глины в крайне разрушенном виде. Продолжать работы обычным способом дальше было нельзя. Здесь требовалась работа специалистов-реставраторов по предварительному закреплению скульптурных остатков.

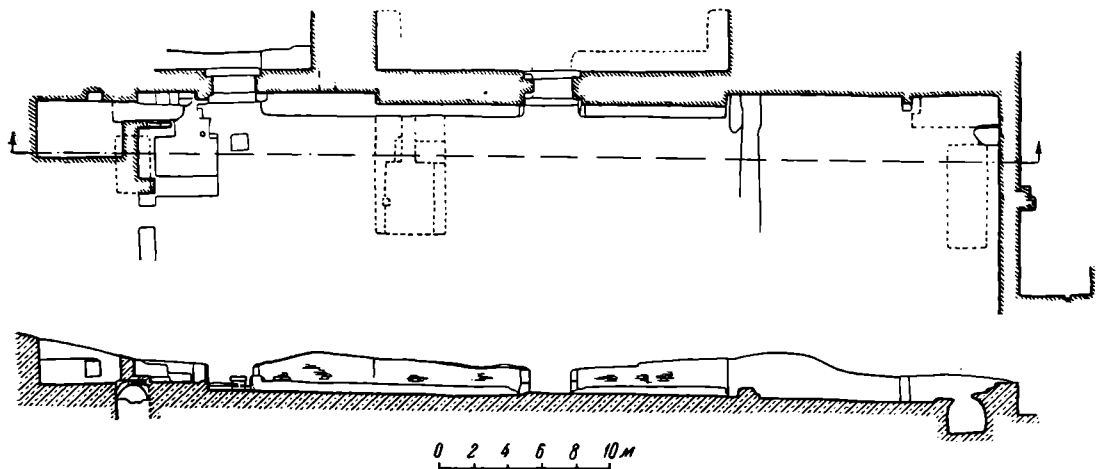

Рис. 1. План и разрез восточной ограды второго храма.

В 1951 г. мы имели возможность закрепить лишь несколько лежавших наверху фрагментов, взятых в качестве образцов.

Судя по расщепленным фрагментам (нижней части ноги, части одежды и др.), скульптура представляла фигуры людей или человекоподобные

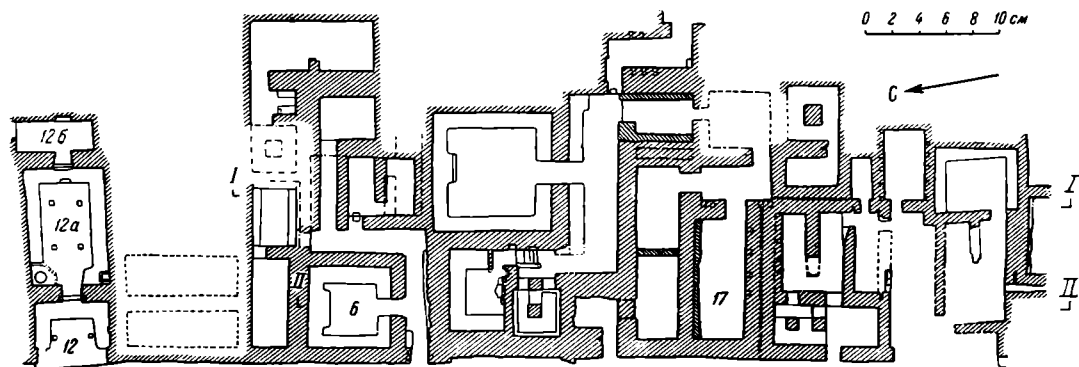

Рис. 2. Общий план раскопанных помещений объекта III.

изображения божеств весьма крупных размеров. Вполне вероятно, что первоначально скульптурные фигуры находились в главном помещении храма и были установлены в нишах западной стены последнего. Лишь впоследствии они были перенесены или выброшены в айван. Во всяком случае, самый факт обнаружения скульптурных остатков из глины представляется весьма важным. На этом участке работы, помимо вскрытия восточной стены ограды, был раскопан большой участок и вдоль северной стены ограды храма.

Здесь полностью удалось раскопать два помещения, из которых одно представляет собой жилую комнату. Южная стенка этой жилой комнаты

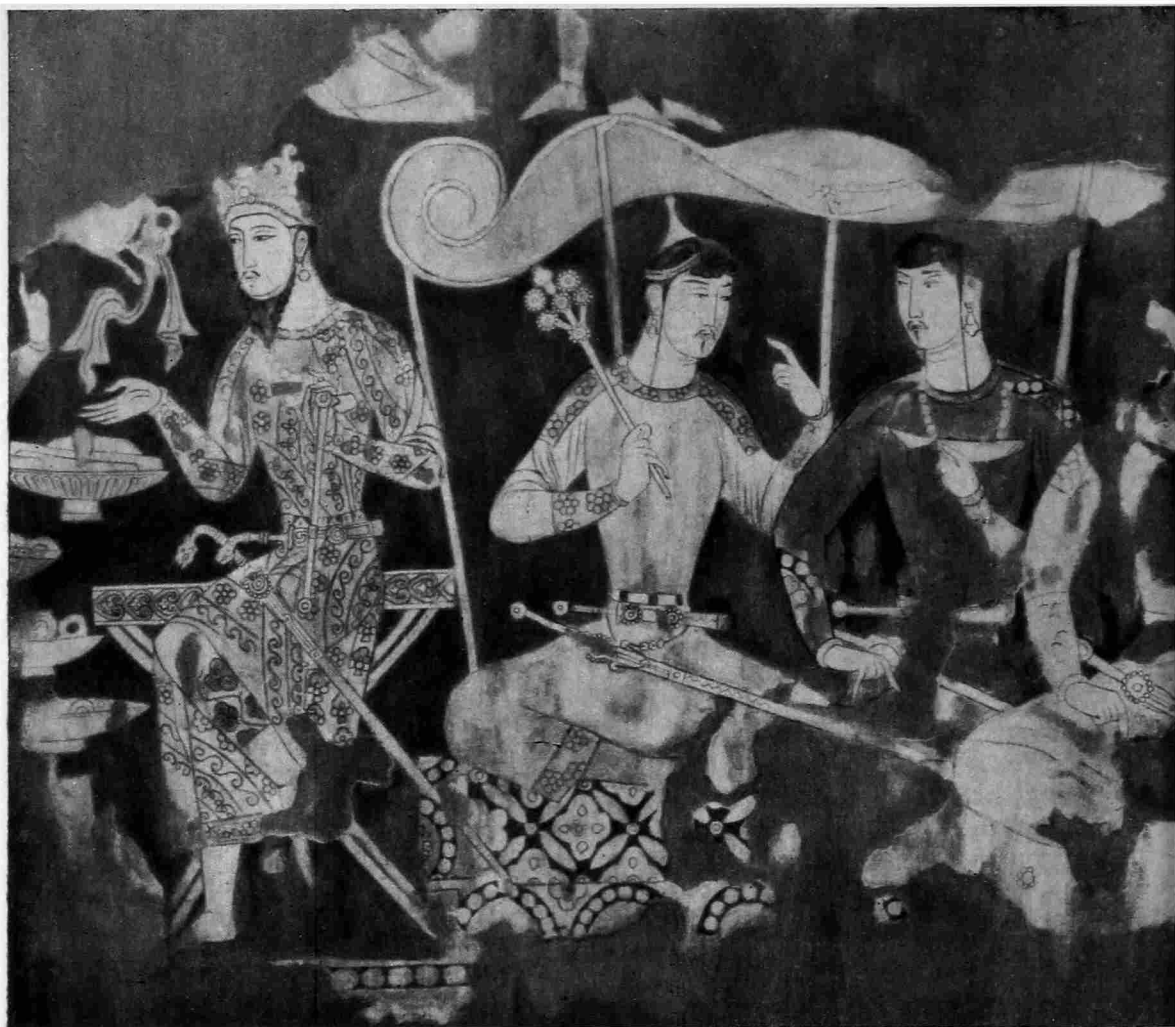

Рис. 3. Здание VI. Северная стена. Сцена тор.

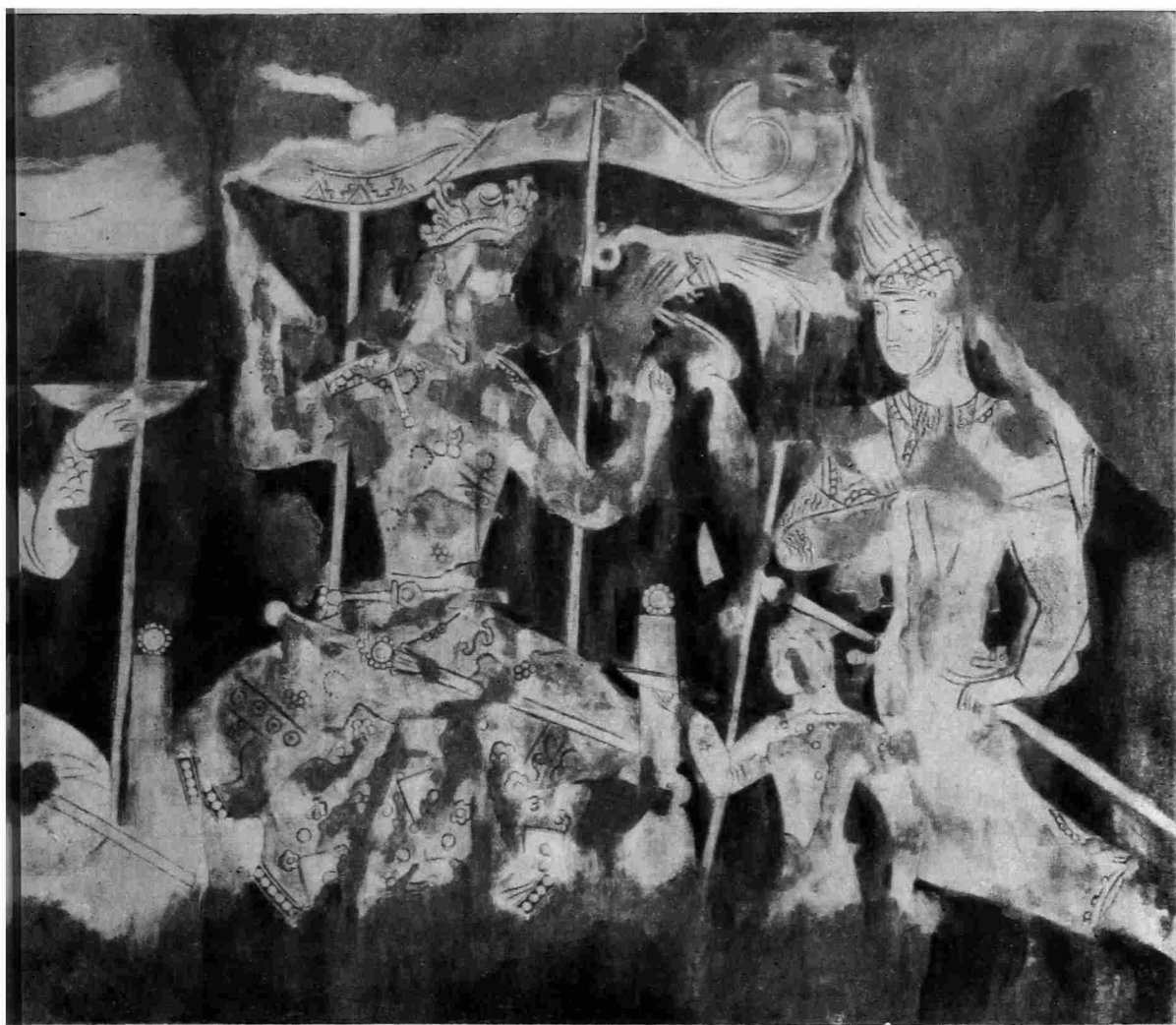
поставлена над сводом другого помещения, уходящим вниз. Являлось ли это последнее помещением нижнего этажа или подвалом, или помещением, принадлежавшим к более раннему периоду жизни городища, — пока решить трудно. Вполне вероятно, что это помещение аналогично по устройству и современно открытым в 1950 г. помещениям в юго-восточном углу ограды двора храма.

Следует еще отметить, что при раскопках были найдены две каменные базы от колонн, вынесенных в свое время из главного зала и брошенных по дороге, вероятно, из-за их тяжести.

Таким образом, в результате раскопок на этом объекте мы получили полную картину устройства всей восточной ограды двора как с внутренней стороны, так и с внешней. Мы вышли и к северной ограде, которая представляла собой одновременно комплекс жилых и, по всей вероятности, добавочных культовых помещений.

Помимо несомненной ценности с точки зрения чисто архитектурной, эта часть храма может свидетельствовать косвенно и об одном важном моменте жизни города.

Храмы представляли собой не только место молитвенных собраний. Они были приспособлены к тому, чтобы служить своеобразным форумом

венного приема (копия худ. Ю. Гремячинской).

для различных собраний горожан. Идущие вдоль ограды суфы, крытые айваны давали возможность и необходимые удобства для таких собраний.

Объект III. Представляет собой обширный архитектурный комплекс, начатый раскопками в 1948 г. До настоящего времени здесь раскопано уже более 40 помещений (рис. 2).

В 1951 г. на объекте III было выявлено 15 новых помещений.

Значительная высота вскрываемых сооружений — 2- и 3-этажность помещений — часто с обвалившимися или грозящими обвалом сводами делает работу чрезвычайно трудной и опасной.

Из раскопанных в 1951 г. помещений наибольший интерес представляют следующие:

1. Три помещения, обозначенные под № 12, 12-а и 12-б. Это единый комплекс — анфилада, состоящая из 3 помещений: айвана, центрального зала и коридора.

Айван и центральный зал погибли в результате пожара. При расчистке удалось сохранить на месте все или почти все остатки обгорелых конструкций, которые здесь имелись (рис. 4). Точно зафиксированные, они дадут возможность реконструировать устройство этих помещений. Так, несомненно, оба помещения имели плоские перекрытия, которые

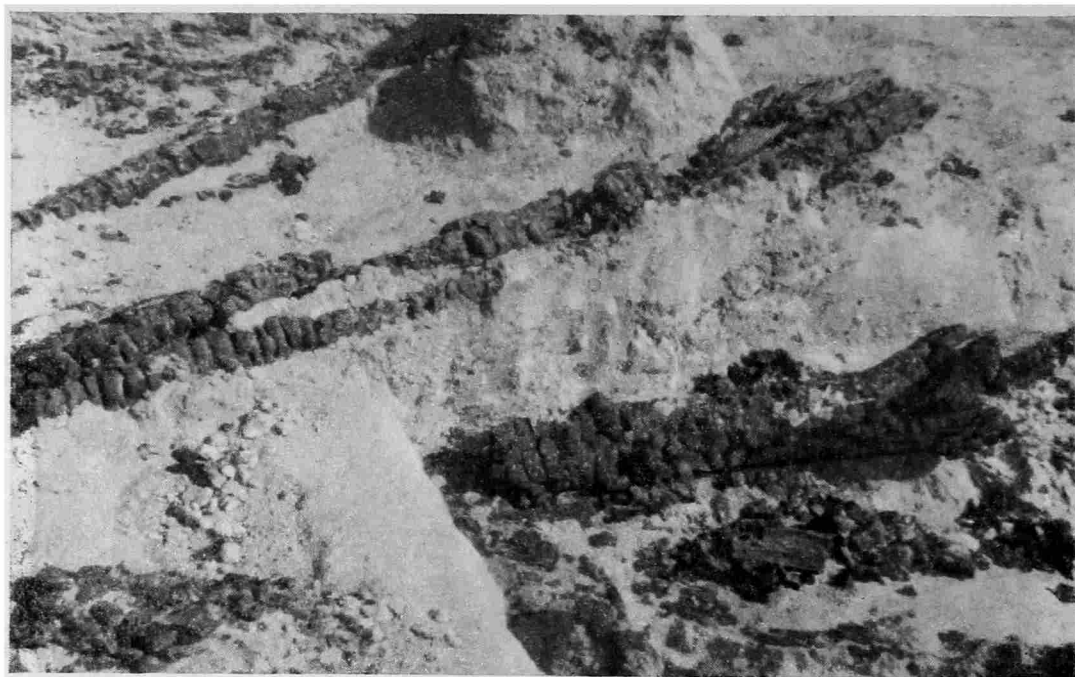

Рис. 4. Горелое дерево на полу помещения 12-а.

покоились на айване на двух деревянных столбах, а в зале — на четырех. Восстанавливается и внутреннее оформление комнат. Вокруг стен идут суфы — обычная принадлежность большинства жилых комнат пянджикентских зданий. Стены главного зала были покрыты росписью. Сохранились лишь более или менее крупные обгорелые куски, со следами живописи. Что касается стен айвана, то и они, вероятно, также были покрыты росписями, хотя от последних не осталось следов.

Третье помещение представляет собой узкий сводчатый проходной коридор, главная ось которого идет перпендикулярно оси двух остальных помещений. Здесь не обнаружено никаких следов внутреннего оформления, за исключением ниши в восточной стене напротив входа.

В северной стене открыт проем, служивший проходом в расположенные дальше на север помещения, которые в 1951 г. остались не вскрытыми.

2. Помещение, значащееся под № 6, — почти квадратное, площадью около 40 кв. м. По своему плану это помещение в уменьшенном виде повторяет план главного зала здания, раскопанного в 1948—1949 гг.

Стены здесь сохранились на высоту до 3 м. При этом на трех уцелели крупные фрагменты росписи, к сожалению, в весьма разрушенном состоянии. Тем не менее, благодаря усилиям реставраторов и художника удалось графически скопировать росписи и установить как основное содержание их сюжетов, так и ряд чрезвычайно интересных особенностей.

Не давая здесь подробного описания росписи, отмечу лишь в самой общей форме ее характер.

Прежде всего следует подчеркнуть то, что роспись здесь по сюжету своему отлична от известных нам росписей храмов. Здесь сюжеты чисто светские. Так, на северной стене мы различаем группу участвующих в торжественном собрании или пиру. Справа от них курильницы с дымящимися благовониями. Штандарт, развевающийся около одной из

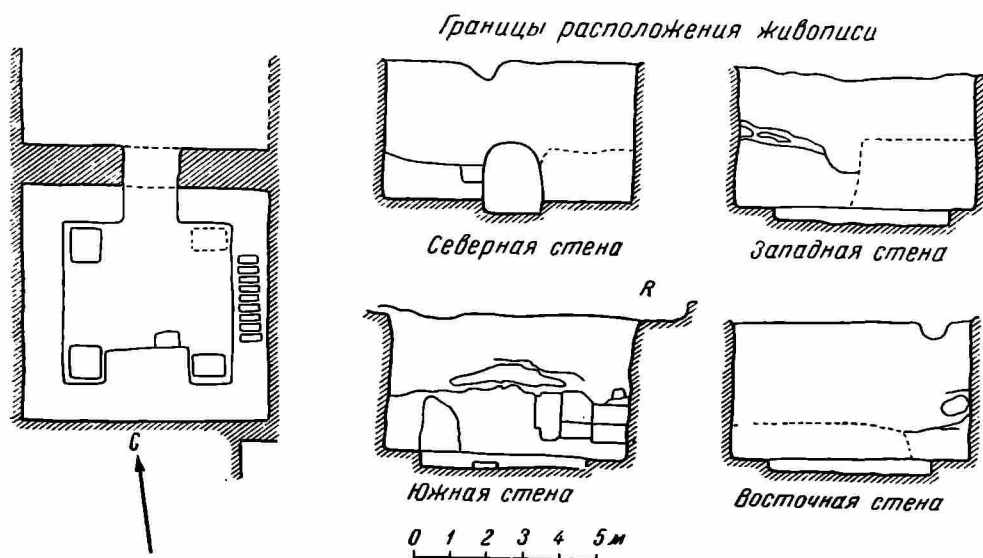

Рис. 5. План и развертка стен зала здания VI.

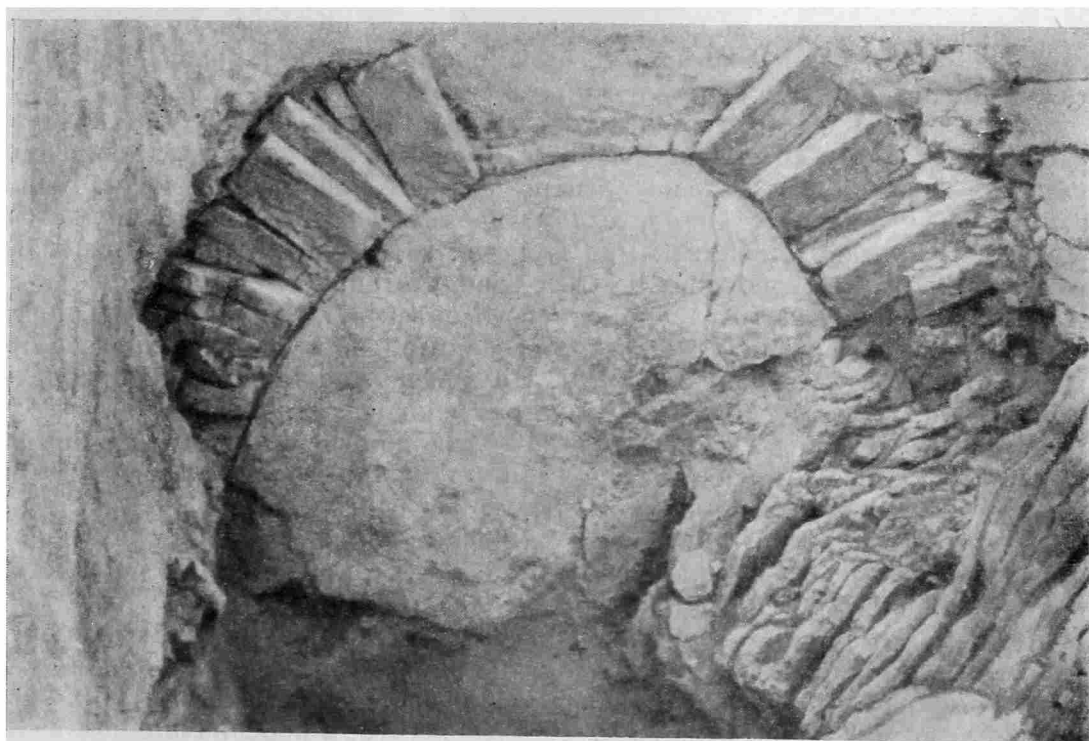

Рис. 6. Здание VI. Остатки свода коридора.

мужских фигур, видимо, является опознавательным значком военачальника или владетеля. К сожалению, здесь осталось много неопознанных деталей.

На восточной стене, где роспись сохранилась лишь на северной половине, композиция сложнее. Здесь на самом углу (северо-восток) изображен, повидимому, трон (тахта), на котором сидит группа, состоящая из 4 лиц, расположенных попарно (мужчина и женщина). Слева от них стоит женская фигура (от которой сохранилась лишь нижняя часть тела), вероятно, — божество.

Дальше изображены две группы сражающихся всадников, из которых сохранилась удовлетворительно левая группа. Эта композиция особенно интересна своими деталями. Так, здесь очень хорошо представлено тяжелое защитное вооружение — весь доспех всадника-воина. Хорошо сохранились пластинчатый панцырь, металлические нарукавники, шлем — типа шишака с ниспадающей от него на плечи и грудь кольчужной бармой. Отчетливо видно и боевое оружие: копье, лук и налучье, стрелы и колчан. Много деталей конской сбруи. Интересны изображения лошадей. Заслуживают внимания детали одежды, украшения, расцветка и орнамент ковров, рисунки орнаментальных бордюров и многое другое. Особо замечательным надо считать изображение целого ряда лиц.

От остальной росписи этой стены сохранились лишь отдельные куски, которые с трудом поддаются расшифровке.

3. В этом же здании, в помещении, обозначенном под № 17, был обнаружен крупный фрагмент росписи, изображающий группу всадников. Этот фрагмент живописи чрезвычайно интересен по своим художественным достоинствам, а благодаря сохранности лиц он хорошо передает тип и общий облик молодых людей того времени.

Объект VI. Наряду с указанными работами, в 1951 г. были начаты раскопки и новых объектов. Раскопки прошлых лет дали представление лишь о городском культовом центре и месте пребывания знати. Было желательным выяснить вопрос о том, насколько Пянджикент является и центром производственным. Ряд шурфов, заложенных в прошлые годы в разных пунктах городища, не дал результатов.

Было решено начать раскопки нового объекта на окраине городища. В качестве такого объекта был выбран сравнительно небольшой холм вблизи восточного вала городской стены. Но и здесь также оказалось здание, несомненно, принадлежавшее представителю знати.

В 1951 г. удалось раскопать только два помещения этого здания — крупный зал, почти квадратный в плане, площадью более 45 кв. м, при высоте сохранившихся стен до 5 м (рис. 5 и 6).

По своему плану и внутреннему оформлению этот зал с примыкающим к нему с севера коридором повторяет зал с коридорами здания III. Здесь удалось установить и характер перекрытия.

При очистке пола обнаружены гнезда от деревянных баз колонн. Вероятно, потолок и крыша этого помещения были плоскими и покоились на 4 колоннах. Как и в залах здания III, стены здесь были покрыты росписью на высоту не менее 3 м. Таким образом, в первоначальном виде здесь фрески занимали громадную площадь около 75 кв. м.

Роспись в 1951 г. была вскрыта полностью только на южной стене, а на остальных — лишь частично. Значительная часть стен с росписью осталась не открытой. Сохранность росписей не одинакова на отдельных стенах. На многих участках открытых стен живопись совершенно уничтожена. Однако есть участки, где она сохранилась хорошо. Отдельные фрагменты живописи, открытые здесь, могут считаться лучшими из

доселе открытых в Пянджикенте.

Содержание росписей этого зала в общем имеет также светский характер. Сюжетами этой росписи служили сцены боевых поединков и торжественных приемов.

Сейчас трудно сказать, представляла ли здесь роспись единую связную композицию. По всей вероятности, какая-то внутренняя связь между отдельными частями существовала.

Наиболее замечательной не только для этого помещения, но и для всех до сих пор открытых росписей, надо считать прекрасно сохранившееся в условиях Пянджикента изображение фигуры молодой женщины, играющей на своеобразном струнном инструменте — типа арфы (рис. 7).

Художник воспроизвел момент игры. Вся поза и особенно жесты рук переданы превосходно. Рисунок фигуры отличается большим мастерством и замечательным вкусом. Особенно важно то, что у арфистки хорошо сохранились черты лица, позволяющие судить и об этническом типе, который она представляет.

Замечательным надо считать и рисунок инструмента, гриф которого заканчивается золотой головой хищной птицы, передачу одежды и других деталей. Справа от арфистки изображена сцена боя пешеходных воинов, значительно дополняющая набор предметов вооружения,

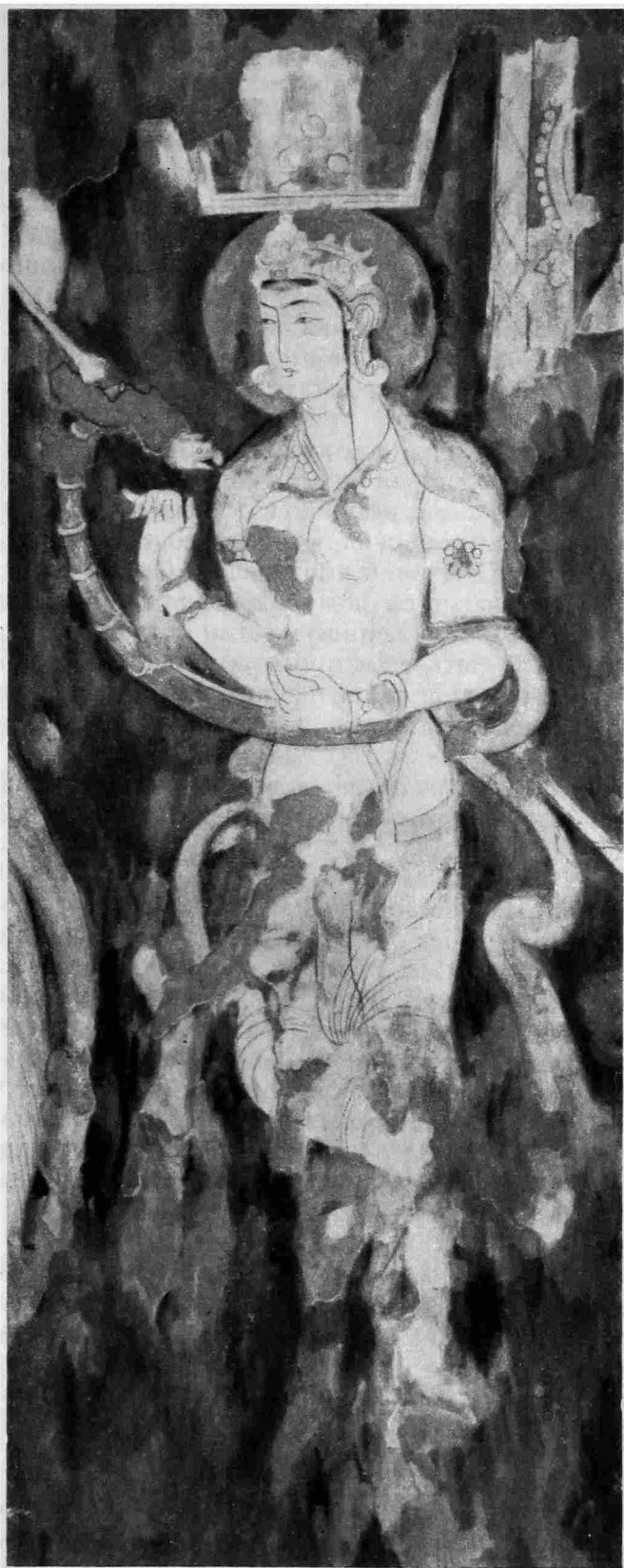

Рис. 7. Здание VI. Южная стена. Арфистка (копия худ. Ю. Гремячинской).

представленных на восточной стене комнаты № 7 здания III. В восточной части стены сюжет весьма сложный, но, к сожалению, расшифровка его затруднена. Здесь фигурируют и всадники и какой-то громадного роста воин, одетый в доспехи, наряду с очень просто одетым молодым человеком, входящим в дверь здания. Середина стены обгорела, и от росписей остались лишь небольшие красочные пятна. Здесь заметна только задняя часть крупа животного (льва?).

Южная часть росписей западной стены изображает бой всадников.

Наиболее полно в смысле композиционном удалось выявить сюжет, изображенный в самом северо-западном углу помещения: на простенке у входа и примыкающем к нему отрезке западной стены (рис. 3).

На северной стенке изображен открытый шатер или балдахин, натянутый на высоких тонких шестах. В центре на троне сидит человек в золотой короне, рисунок которой превосходно сохранился. Справа от фигуры сидящего царя изображен воин в чешуйчатом шлеме, склонившийся перед царем на одно колено. Над ним изображена птица с распростертыми крыльями, несущая в клюве венок с лентами. Видимо, воин этот — вестник или герой победоносного сражения. Справа же перед царем изображен виночерпий, подающий царю чашу с напитком.

Слева от царя под шатром на ковре сидят три безбородых молодых человека, вооруженные мечами и кинжалами. У первого и второго в руках чаши. У третьего в руке замечательно любопытный жезл с навершием в виде дисков или ободков, инкрустированных перлами. Свисающие над щеками тонкие длинные косички являются особенностью их причесок.

Таким образом, сцена эта в целом представляет торжественный царский прием, связанный, по всей вероятности, с празднованием какого-то военного успеха.

Художник часть крайней фигуры, не поместившуюся на северной стене, перенес на примыкающий к ней отрезок западной стены. На последней тут же, без особых переходов и отграничений, начинается новая композиция. В 1951 г. роспись в этой части западной стены не смогла быть полностью вскрыта. Был расчищен лишь небольшой участок. Здесь представлен край такого же шатра, как и на северной стене. Под ним изображен сидящий на узкой скамейке с перекрещивающимися ножками (вероятно, складной) царь в такой же короне, как и у царя на композиции северной стены. Перед ним установлен ряд блюд с различными кушаньями (печеньями). Сверху по направлению к царю изображено какое-то животное, несущее в пасти венки с лентами. Таким образом, можно полагать, что по своему сюжету композиция эта близка к композиции северной стенки.

Рассматриваемый фрагмент отличается замечательной сохранностью и является в этом отношении лучшим из всего того, что до сих пор открыто в Пянджикенте. Это относится как к изображению самого царя, так и ко всем окружающим предметам. Прекрасно сохранилось изображение орнамента богатой красочной одежды, предметов вооружения, скамейки, ковра и др.

Дальнейшие раскопки на этом объекте, судя по конфигурации самого холма, под которым скрыто здание, дадут представление об особняке, городском доме феодала. Здесь во время раскопок найдены некоторые весьма ценные предметы — ряд типов монет, прекрасная терракотовая пластинка с рельефным изображением танцовщицы.

Таким образом, начало раскопок этого объекта вполне себя оправдало.

Объект VII. Расположен вблизи объекта VI. Первоначально он также представлял собой холм округлой формы с четко выраженной в середине впадиной, покатой на юг. Этот холм представлял интерес тем, что он напоминал по внешнему контуру холмы, под которыми находились храмы. Предстояло выяснить, скрыто ли здесь действительно храмовое сооружение, или же сооружение иного типа.

Раскопки этого объекта оказались крайне тяжелыми. Вскоре после начала раскопочных работ обнаружилось, что центр холма занимает обширное помещение типа известного нам по другим объектам квадратного зала со стороной в 9 м, т. е. площадью 80 кв. м. Он оказался заполненным плотно слежавшейся землей в перемежку с пахсой от разрушившихся стен.

В результате очень упорной работы удалось полностью выявить границы объекта и достигнуть уровня пола в части помещения. Пока можно полагать, что это было общественное здание. Вопрос о его конкретном назначении может быть выяснен лишь при дальнейших раскопках.

Объект VIII. За пределами Пянджикентского городища в прошлые годы экспедицией раскапывались только так называемые наусы -- могильные склепы. В 1951 г. впервые было раскопано жилое здание, расположенное за пределами городских стен.

В 30-х годах три таких здания были раскопаны сталинабадским археологом Чейлытко. Однако, судя по настоящему состоянию вскрытых им зданий, раскопки ни одного из них не были доведены до конца. Насколько известно, отчет о раскопках Чейлытко не опубликовал.

Для начала работы был выбран сравнительно небольшой холм. Удалось полностью раскрыть все здание, которое, как можно полагать, представляет собой в достаточной мере типичный образец пригородного сельского жилища (рис. 8).

План дома весьма рационален, и назначение отдельных помещений в нем устанавливается достаточно определенно.

Материалом для возведения стен служили в основном пахсовые блоки, и лишь отдельные стенки были выложены из кирпичей. Все помещения без исключения имели сводчатые перекрытия. Сохранилась в целости лишь часть свода над узким коридором. В нем соединены два приема выведения свода — обычного и так называемого ложного свода. В целом же принципиального отличия в строительных приемах городского жилища и пригородного не ощущается. Тем более бросается в глаза разница во внутренней планировке здания. Здесь нет крупного центрального зала, как в аристократических зданиях городища. Очевидно, это — жилища трудовой семьи.

Особый интерес представляет одно из помещений этого здания, которое, судя по оборудованию и находкам, служило для хранения продуктов и их обработки (помол на ручном жернове), а также для приготовления пищи. Другие помещения предназначались для сна.

На крышу здания вел крытый пандус, такого же устройства, как и пандусы в городских зданиях.

Некоторые выводы

Материал, добытый в результате работы Пянджикентского отряда в 1951 г., значительно обогащает наши знания о культуре жителей верхнего Согда накануне арабского завоевания. Наиболее важные наблюдения сводятся к следующему.

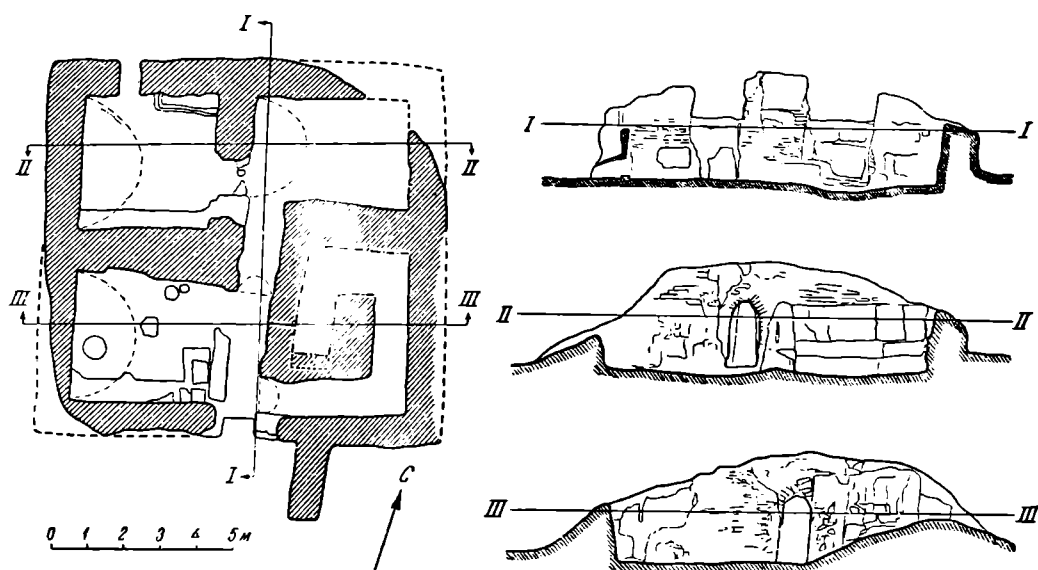

Рис. 8. План и разрезы пригородного дома.

1. **Архитектура.** В прошлые годы была выявлена в наиболее полной мере архитектура культовых сооружений, план которых представляется сейчас достаточно четким. В результате работ, главным образом, в 1951 г. мы можем говорить и о двух типах жилых комплексов — о жилище представителей знати и жилище крестьянина. Характерным элементом первого является центральный парадный зал, перекрытие которого покоилось на 4 колоннах; вдоль стен, покрытых живописью, тянулись сплошные суфы — скамейки. К залам примыкают продолговатые, как правило, сводчатые, помещения коридорного типа, иногда айваны, т. е. открытые галереи. Хозяйственно-жилые помещения строились в два и три этажа, соединенные крытыми винтовыми пандусами. Строительная техника позволяла без труда пристраивать к имеющимся новые помещения, и поэтому, повидимому, единый план жилого комплекса внутри города не выработался. Нельзя не отметить и того, что конкретное назначение служебных помещений прослеживается с трудом.

Значительно более цельным представляется план дома в пригороде. Осью дома является коридор с примыкающими к нему тремя комнатами. Из них одна служит в качестве кухни и кладовой, две другие — спальни. От коридора же отходит крытый витой пандус, по которому поднимались на крышу.

Строительная техника мало чем отличается от техники городских построек, хотя, несомненно, менее тщательна. Производилась побелка стен. Перекрытия — сводчатые. В целом план пригородного дома своеобразен и вполне выработан. Можно отметить, что в других местах Средней Азии аналогичных строительных комплексов, насколько известно, пока не установлено¹.

¹ План пригородного дома древнего Пянджикента некоторую аналогию находит в доме, раскопанном в Хорезме вблизи Аяз-Кала. Однако отсутствие в последнем коридора, пандусного устройства и то обстоятельство, что план дома у Аяз-Кала является результатом неоднократной перепланировки, не позволяют считать эти два дома архитектурно родственными (см. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 106, рис. 43, и стр. 107).

2. Искусство. Для истории изобразительного искусства в доарабское время добытый в 1951 г. материал имеет особенно крупное значение.

Найден ряд интересных терракотовых статуэток с изображениями людей и животных. Открыты остатки монументальной скульптуры. Но наиболее значительным открытием в этом отношении является обнаружение трех помещений с сохранившимися крупными фрагментами настенной живописи. Вместе с остатками живописи, найденными в предыдущие годы, открытые в 1951 г. образцы свидетельствуют о том, что в Пянджикенте работали не случайные заезжие художники, что здесь существовала, несомненно, местная школа с определенными, отличающимися ее особенностями и, вероятно, с длительной традицией. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в живописи пяти уже открытых пунктов мы обнаруживаем существенные стилистические и композиционные отличия и приемы, при одновременной общности многих частных. Эта сторона пянджикентской живописи, бесспорно, заслуживает самого пристального внимания искусствоведов.

Особенностью пянджикентской живописи является и ее сюжетность. Открытые в 1951 г. памятники живописи важны в том отношении, что сюжетность их новая по сравнению с храмовой живописью. Настенные росписи по их содержанию документируются современными им письменными известиями, из которых в первую очередь следует назвать китайские исторические хроники и записки путешественников. В этот период политические и экономические связи между Средней Азией и Китаем были весьма интенсивны.

Не претендуя на исчерпывающую полноту, я ниже дам перечень тех сообщений из китайских письменных известий, которые имеют общность с содержанием живописи, тем самым подтверждая документальность последней, и наоборот — получают подтверждение в памятниках Пянджикента. Начну с отдельных деталей. Китайские хроники сохранили довольно многочисленные сообщения о дарах и дани, которые местные правители посылали китайскому двору, причем, как правило, подчеркивается, что эти произведения местные¹.

Так, среди присланных из Самарканда в 713 г. даров фигурируют кольчуга, кубок из горного хрусталя, агатовый кувшин, женщины-танцовщицы².

В качестве дара присылались инкрустированные пояса. Из Бухары были отправлены два типа ковров³.

Китайские авторы сообщают об основных видах вооружения среднеазиатских народов этого времени. Они отмечают в качестве постоянного защитного оружия различные доспехи, из боевого оружия — длинные копья, прямые (сложные) луки, мечи. Часто упоминаются значки. Китайские авторы отмечают и общий высокий уровень ремесл. Так, Тан-шу пишет о Самарканде: «отсюда выходят превосходные художественные вещи»⁴.

Все это находит свое полное и наглядное подтверждение или в находимых предметах материальной культуры в Пянджикенте, или в изображениях на росписях. Так, были найдены, например, многочисленные поделки из горного хрусталя. На росписях прекрасно представлены пред-

¹ См. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М. 1950, стр. 316.

² Там же, стр. 311.

³ Там же, стр. 312. Ср. E. Chavanes. Documents sur les Tou-ku (Turcs) occidentaux. СПб., 1903, стр. 138.

⁴ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. II, стр. 310.

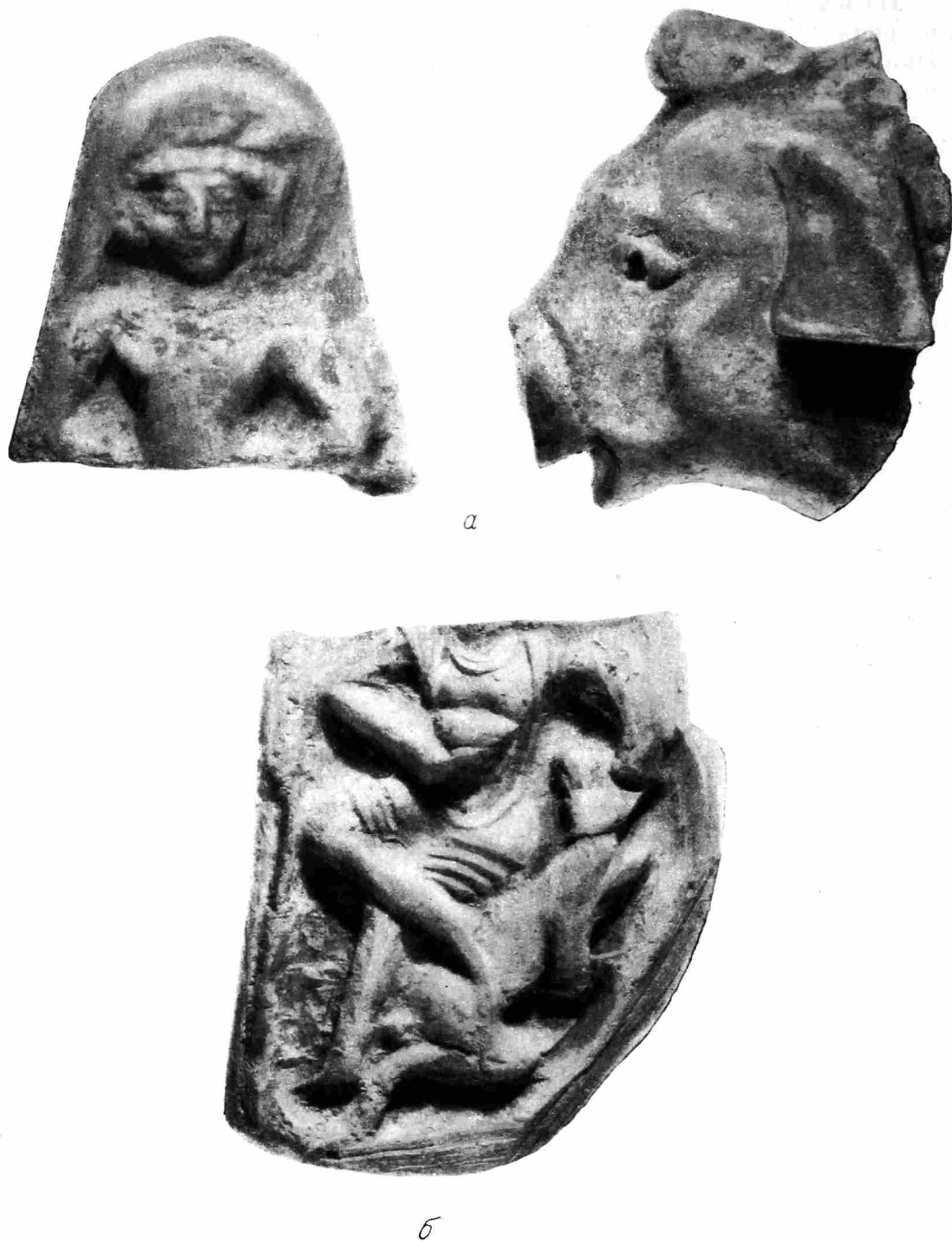

Рис. 9.

а — фрагменты терракот, найденных в 1951 г.; б — терракотовая плитка с изображением танцовщицы.

меты вооружения — доспехи, длинные копья, сложные луки, значки, мечи, кинжалы, боевые чеканы и др.

Настенные росписи Пянджикента подтверждают и сообщения китайских авторов относительно любви согдийцев к музыке и пляске. Сцена религиозной пляски с участием музыкантов была открыта в 1949 г. в первом здании храма. Превосходное изображение музыкантши дали росписи

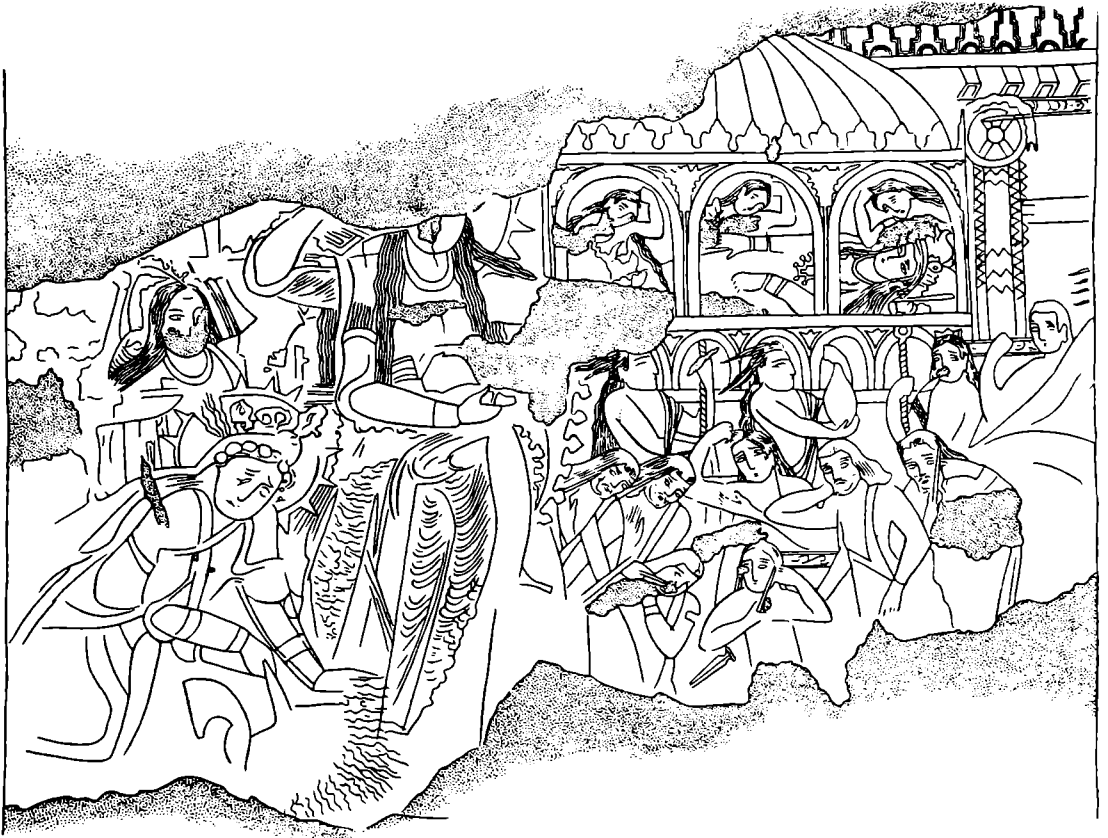

Рис. 10. Сцена оплакивания (храм 2).

в здании VI, открытые в 1951 г. Найденная здесь же терракота изображает танцовщицу (рис. 9).

Сам факт наличия живописной культуры в Согде также отмечен в китайских источниках. Я имею в виду рассказ о здании в Кушании¹, на полдороге между Самаркандом и Бухарой, — рассказ, хорошо известный историкам Средней Азии и часто цитируемый.

Одновременно росписи благодаря своему, несомненно, реалистическому характеру являются исключительно ценным памятником историко-культурного значения и в более общем смысле. Они прежде всего интересны для суждения об этническом составе населения Согды в это время.

Памятники живописи показывают три этнические типа. Здесь представлен тип основного населения — согдийский, тюркский и, как полагаю, кушано-эфталитский. Первые два этнические типа представлены в росписях храма, в наиболее сохранившемся виде — в сцене оплакивания (рис. 10); третий тип — на фресках, открытых в 1951 г. Памятники изобразительного искусства, а также письменные сообщения позволяют утверждать, что в третьем типе мы вправе видеть именно эфталитско-кушанский тип. В этом смысле особо интересны сцены под шатрами. Несомненно, здесь изображены представители местной династии, правившей в то время в Согде. Об этом говорят достаточно выразительно короны главных персонажей. Прямое сообщение китайской хроники, хорошо

¹ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. II, стр. 315.

осведомленной в генеалогии среднеазиатских династий, вполне определенно свидетельствует о том, что согдийские правящие дома вели свое происхождение от юэчжей-кушан¹.

Одновременно форма корон говорит о связи пянджикентских царей с эфталитской династией, которая, согласно той же китайской хронике, также была связана происхождением с юэчжами, хотя в отношении эфталитов автор китайского известия приводит и другую версию, — а именно об их уйгурском происхождении². Но если несомненно восточнотуркестанское происхождение этого типа, то столь же очевидно, что он в том виде, каким он представлен на фресках Пянджикента, является результатом длительного воздействия согдийского этнического элемента. Как бы то ни было, изображение в живописи Пянджикента трех этнических типов является очень важным свидетельством того, что художники передали, если не портреты современников, то во всяком случае точно увековечили этнические типы.

Нет основания сомневаться в том, что художники точно изобразили и все бытовые предметы. В этом смысле росписи дают нам очень большой набор изображений самых разнородных предметов, начиная от всевозможных видов металлической посуды и кончая одеждой и коврами. На ряде фрагментов бросаются в глаза прекрасно написанные изображения предметов вооружения. Можно полагать, что выделка железного оружия являлась своеобразной специальностью согдийских мастеров. Не случайно, что та же китайская хроника отмечает среди даров, присланных из Самарканда, например, кольчугу. Особое значение этот факт в целом приобретает в связи с тем, что такого рода дары посылались, как указывалось, в Китай в качестве образцов местных произведений.

Найденные в Пянджикенте предметы искусства и изображения на росписях, особенно те, что открыты в 1951 г., имеют большое значение и еще в одном отношении. Я имею в виду то, что они позволяют установить происхождение ряда музейных предметов искусства. Как известно, археологические исследования последнего времени уже внесли значительные коррективы в этот вопрос. Ряд памятников искусства, которые обычно фигурировали в качестве «восточных» вообще или столь же часто обозначались как сасанидские, в настоящее время рассматривается как изделия среднеазиатских мастеров. В данном сообщении я не могу останавливаться в полной мере на родстве, которое прослеживается между отдельными предметами из музейных восточных вещей с предметами искусства из Пянджикента.

Отмечу лишь близость изображений на фресках, например, предметов вооружения с таковыми на металлических изделиях. Укажу, например, на блюдо, на котором изображен поединок двух воинов³.

Иконографическую общность находят между собою изображения животного с венком в пасти на открытых в 1951 г. фресках с таким же изображением в сцене пира на блюде, изданном Я. И. Смирновым, так же как и изображения музыкальных инструментов, например, двустороннего биконического барабана.

В заключение остановлюсь на важнейшем вопросе, встающем при исследовании такого поселения, как Пянджикент, а именно на вопросе о его социальной структуре.

¹ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. II, стр. 271, 310.

² Там же, стр. 268.

³ И. А. Орбелл, К. В. Тревер. Сасанидский металл, 1935, табл. 21.

Результаты работ прошлых лет, и в особенности результаты раскопок 1951 г., говорят о том, что это было укрепленное поселение, занятое постройками, принадлежавшими представителям господствующего слоя общества — аристократии, и строениями культового назначения по преимуществу. В таком смысле город этот вполне отвечает по своему назначению понятию «шахристан», что значит место пребывания власти. Пока признаков того, что древний Пянджикент был одновременно и центром ремесленного производства, мы не обнаружили. Я этим не хочу утверждать, что в Пянджикенте не было каких-либо мастерских; повидимому, они были. Однако можно говорить о том, что ремесленных кварталов или особых специальных пунктов, где была сосредоточена постоянная торгово-промышленная деятельность, не было.

Такое наблюдение в общем не противоречит тому, что сообщают и письменные источники. В этом аспекте следует обратить внимание на два обстоятельства, подчеркиваемые последними. Первое — это характерный для Согда и вообще для Средней Азии ярмарочный характер обмена, центрами которого были некоторые пункты Средней Азии, чаще всего связанные с определенными святилищами; обмен приурочивался к праздникам. Поставщиками товаров в эти пункты, помимо купцов, державших в своих руках международную торговлю и тесно связанных с землевладельческой верхушкой, были ремесленники-кустари, неразрывно связанные еще с сельским хозяйством.

Второе обстоятельство заключается в том, что когда впоследствии, в IX—X вв., города Средней Азии превращаются в центры производственной деятельности, ремесленно-торговое население занимает своими кварталами не шахристан, а прилегающие к нему поселения, образуя так называемые рабады, т. е. торгово-промышленные пригороды, слободы.

Делая этот вывод, я хочу, однако, подчеркнуть, что он сугубо предположительный. Пятилетними работами на шахристане вскрыта крайне незначительная площадь всего городища — в пределах нескольких процентов к общей его площади. Дальнейшее его изучение может целиком изменить приведенные выше заключения.

В целом для истории Таджикистана, как показали работы прошлых лет, благодаря стечению ряда обстоятельств, Пянджикент представляется, несомненно, ключевым пунктом. Город этот закончил свое существование на грани двух важнейших этапов прошлого Средней Азии — на грани рабовладельческой формации и становления феодальных отношений. Другого аналогичного памятника со столь определенным хронологическим обликом мы пока в Средней Азии не знаем.

А. В. АРЦИХОВСКИЙ
РАСКОПКИ 1951 г. В НОВГОРОДЕ

Возможности археологических открытий безграничны и разнообразны. В 1951 г. об этом напомнило открытие новгородских берестяных грамот, совершенно новой категории исторических источников.

Найденные в 1951 г. грамоты и надписи изданы отдельной книгой (А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские берестяные грамоты). Настоящая статья дает общий краткий обзор раскопок 1951 г. в Неревском конце Новгорода Великого.

Раскопки в Новгороде идут с 1929 г. Они дали уже огромные коллекции бытовых древностей времен вечевоего строя, обнаружили много деревянных и каменных построек, доказали, вопреки мнению буржуазных ученых, что Новгород был городом ремесленников, установили, что по благоустройству это был передовой город Европы, и вообще подтвердили мнение о высоком уровне древнерусской культуры. Мне уже неоднократно приходилось подводить в печати итоги новгородских раскопок¹, теперь речь будет только о работах 1951 г.

Основной раскоп находился на новой для Новгородской экспедиции территории — в Неревском конце; до сих пор экспедиция работала почти исключительно в Славенском конце. Неревский раскоп дал множество древних сооружений и новых для науки предметов, в нем найдены и все берестяные грамоты. Руководили раскопом Г. А. Авдусина и В. Л. Янин. Второй раскоп был за городом — в Перыни. Руководил раскопом В. В. Седов. Начальником экспедиции был А. В. Арциховский, заместителем начальника — Б. А. Колчин.

В. В. Седов в особой статье публикует итоги раскопок в Перыни, где было открыто святилище Перуна. Настоящая статья посвящена исключительно Неревскому раскопу.

Он находился на современной Дмитриевской улице (параллельной Волхову) и пришелся на территорию древней Холопьевой улицы (шедшей от Волхова). Местоположение этой улицы было неверно намечено при довоенных археологических работах Новгородского музея; более точные топографические промеры, произведенные М. Н. Кисловым, установили теперь, что она была ближе к Кремлю, чем это предполагали. Основу для этих промеров дал геодезический план города XVIII в., снятый до екатерининской перепланировки (рис. 1); на нем нанесены все старинные

¹ О довоенных раскопках см. А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949; е г о ж е. Раскопки восточной части дворца в Новгороде, там же; о послевоенных раскопках см. е г о ж е. Новгородская экспедиция. КСИИМК, XXVII, 1949; е г о ж е. Раскопки в Новгороде. КСИИМК, XXXIII, 1950.

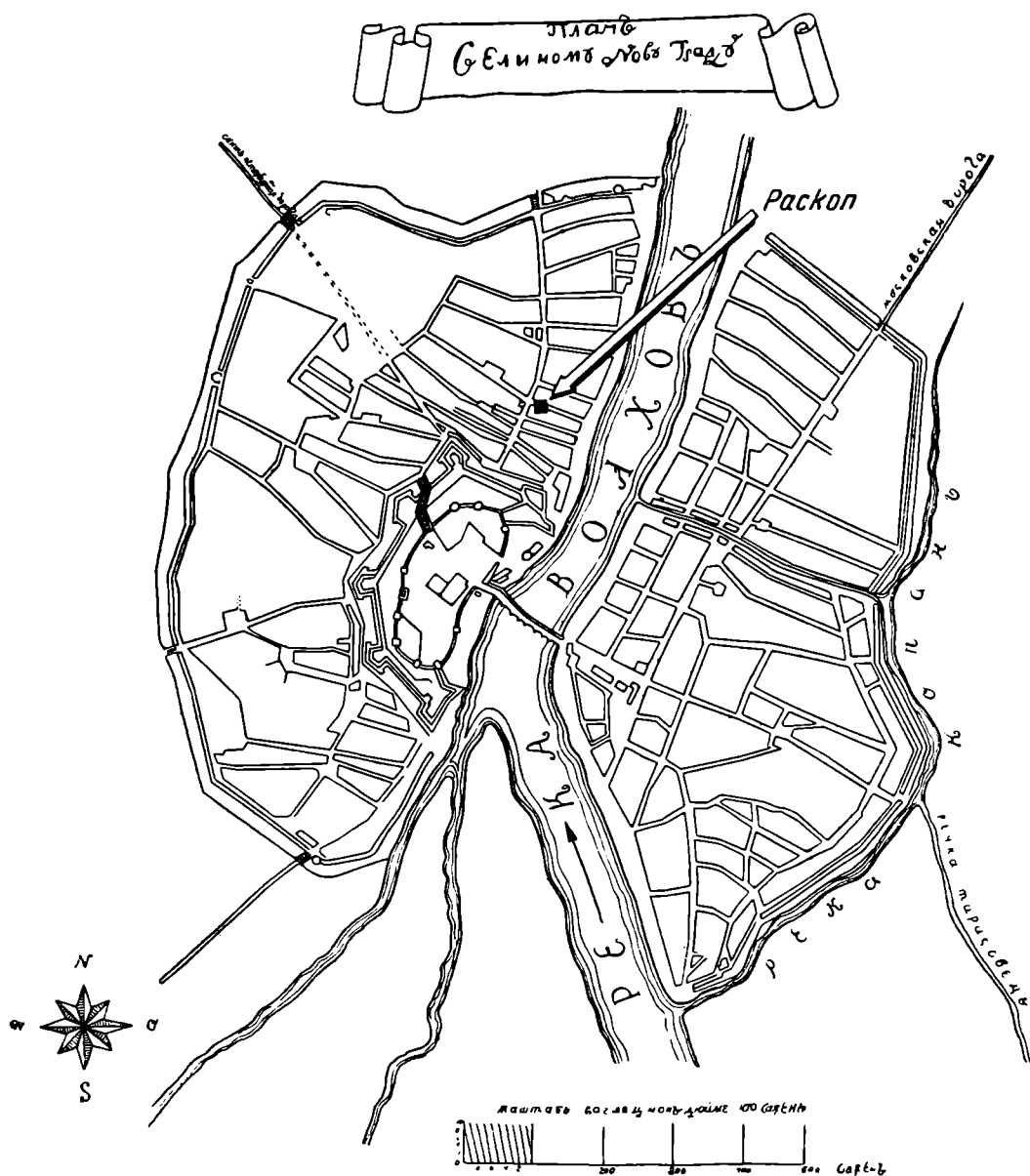

Рис. 1. План Новгорода, снятый до екатерининской планировки; стрелка указывает место раскопок 1951 г. в Неревском конце.

улицы, восходящие к древнему Новгороду. Копия этого плана хранится в Новгородской специальной проектно-реставрационной мастерской.

Холопья улица с XII в. неоднократно упоминается в новгородских летописях. По убедительному предположению Б. А. Рыбакова, в XIV в. она была местом концентрации демократических группировок, влиявших одно время на новгородское правительство¹.

Восточная стенка Неревского раскопа вплотную примыкала к западной (левой) стороне современной Дмитриевской улицы, между улицами Садовой и Декабристов. От угла Садовой улицы до юго-восточного угла раскопа расстояние 102 м, от северо-восточного угла раскопа до угла улицы Декабристов расстояние 50 м. Площадь раскопа 324 кв. м (18 × 18 м).

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 767--776.

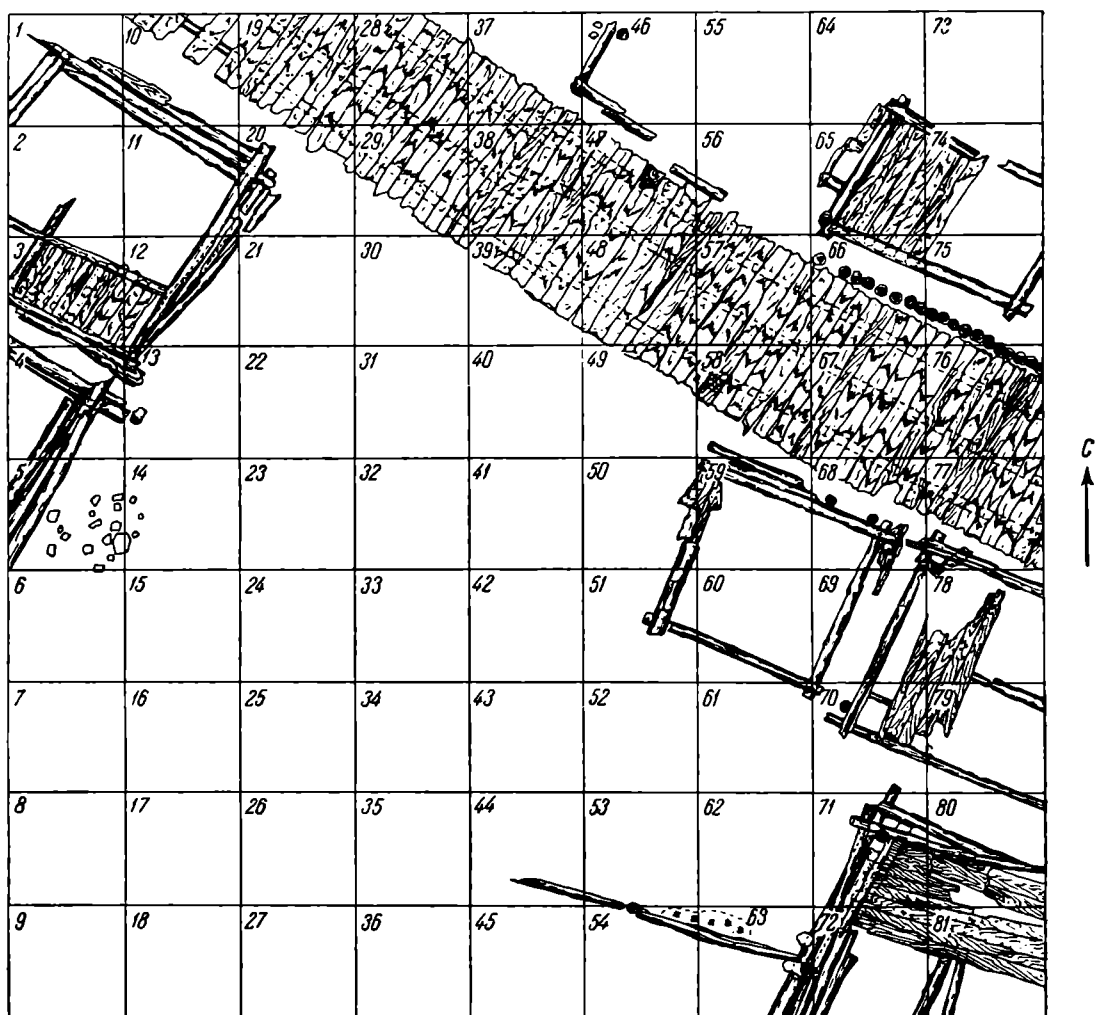
Раскоп был разделен на квадраты площадью 2×2 м. Общее их количество, таким образом, 81; нумерация шла от северо-западного угла на юг и дальше столбцами попережнему с севера на юг. Но были еще, сверх того, квадраты 82—90. Дело в том, что по соображениям техники безопасности пришлось устроить уступ, прилегавший к раскопу с востока. Сотрясения от проходивших по Дмитриевской улице автомобилей вызвали бы в противном случае обвал. Ширина уступа 2 м; тем самым он состоял из 9 квадратов (порядок нумерации тот же); он, в отличие от основного раскопа, не был и не мог быть доведен до материка (его глубина всего 2,6 м).

По вертикали раскоп был разделен на слои (их было 4), строительные ярусы (их было 25) и пласты (их было 37). Толщина каждого пласта равна 0,2 м, что каждый раз для ряда точек проверялось при помощи нивелира.

Толщина культурного слоя в Неревском раскопе достигала 7,5 м. Такая глубина в археологии вообще встречается редко. Тем не менее раскоп удалось довести за одно лето до материка полностью. Это достигнуто только благодаря широкому применению механизации (транспортеры, лебедки и подъемный скип). Механизирован был только отвоз земли: самые раскопки механизировать невозможно, слой был настолько насыщен древностями, что копать приходилось больше ножами, чем лопатами. Но при такой глубине переброска земли вручную потребовала бы невероятных затрат средств и времени и стоила бы в несколько раз дороже самих раскопок; этого удалось избежать благодаря применению механизмов. Особую статью о технике этого дела публикует Б. А. Колчин. Трудности раскопок вознаграждены результатами, поскольку мощность слоя связана здесь с четкостью напластований, обилием находок и хорошей сохранностью растительных веществ.

Раскопками открыты деревянные уличные мостовые Холопьевой улицы, сменявшие друг друга на протяжении веков. После одной мостовой открывалась другая, и т. д. Это объясняется тем, что по мере нарастания культурного слоя улицу мостили заново, что повторялось в каждом веке несколько раз. Между мостовыми культурный слой иногда довольно толст, но обычно его почти нет, и это позволяет заключать, что улицы обычно, хотя и не всегда, содержались в чистоте; распространенные представления об антисанитарных условиях жизни наших предков сильно преувеличены. Мостовая состояла из широких деревянных плах, лежавших на продольных лагах; все сооружение было старательно пригнано и скреплено. Это уже неоднократно встречалось при раскопках в Новгороде; новостью здесь было большое количество мостовых: их оказалось 25 друг на друге, самая поздняя, 1-я, относилась к XVI в. и залегала на глубине 1,3 м; самая древняя, 25-я, относилась к X в. и залегала на глубине 6,2 м. Все окаймлявшие улицу сооружения были в процессе раскопок соответственно разделены на 25 строительных ярусов (рис. 2 и 3). Обнаружены нижние венцы нескольких десятков сменявших друг друга домов, амбаров и иных построек, а также ряд дворов, замощенных то деревом, то камнем (рис. 4, 5, 6, 7). В слое XI в. открыта деревянная мостовая площади, занимавшая значительную часть раскопа и уходившая в его стену. Дерево в Неревском раскопе сохранилось прекрасно, что для Новгорода обычно. Древние бревна вполне годятся для современных построек.

Раскопки 1951 г. лишней раз подтвердили, что Новгород был замощен уже в X в. (обоснования хронологии см. ниже). Для сравнения можно указать, что первые мостовые во Франции, если не считать древнерим-

бредно горбыль тесина ● колья, сваи ◉ камни ⋯ глина

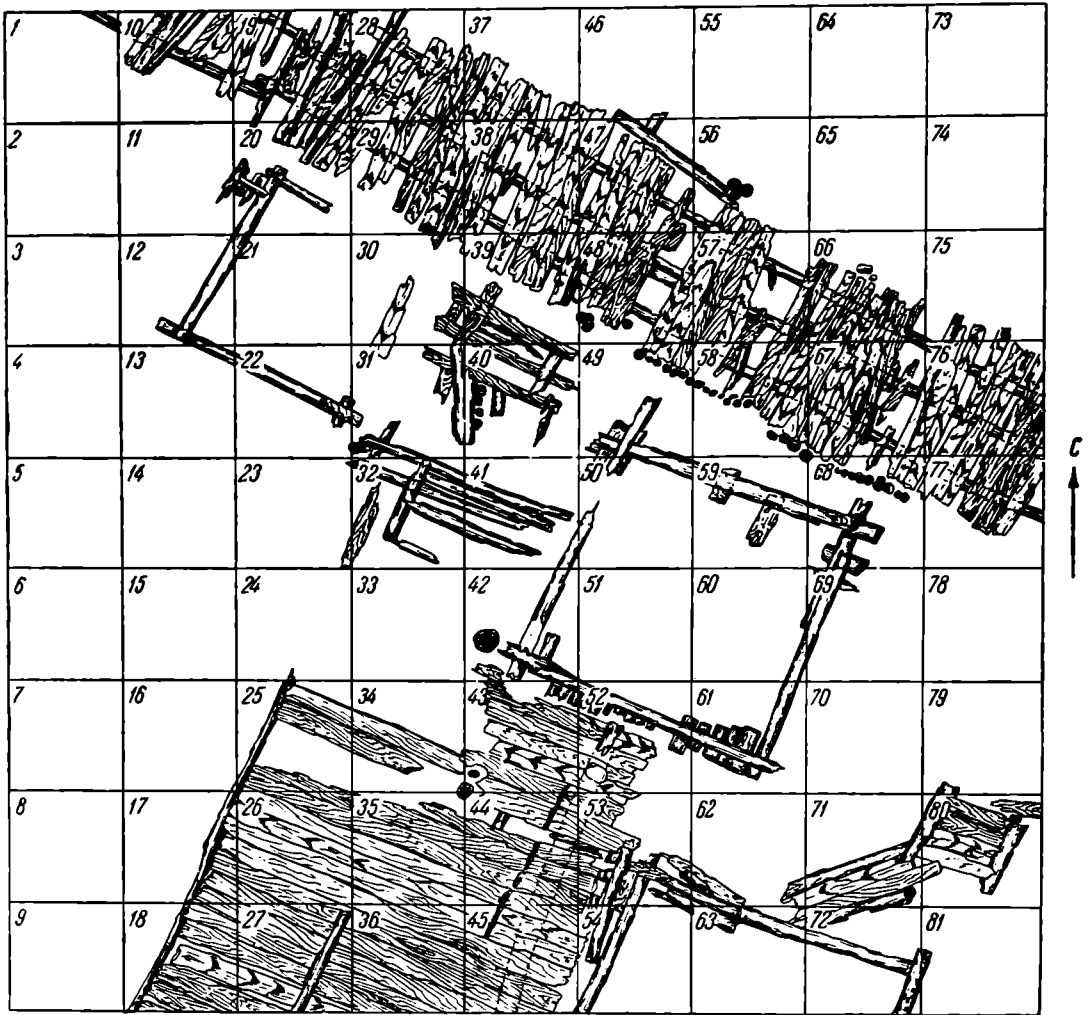
Рис. 2. План сооружений 13-го строительного яруса.

ских, появились (в Париже) в XII в., в Германии (в Нюрнберге) — в XIV в., в Англии (в Лондоне) — в XV в.¹

Описание сооружений, открытых при раскопках, заняло бы слишком много места и не может войти в эту краткую статью.

Стратиграфия Неревского раскопа заслуживает особого внимания; она имеет большое значение для хронологии древнерусских городских слоев вообще, поскольку нигде еще не было столь благоприятных стратиграфических условий. Небывалая мощность слоя уже сама по себе помогла выяснению хронологических закономерностей, представляя для этого должный простор и необходимые статистические основания. Но важнее была четкость напластований, т. е. отсутствие ям. Это, вместе с обилием датированных находок, дает здесь прочные основания для хронологических выводов, несмотря на отсутствие датированных по летописи строительных слоев каменных построек, которые легли в основу хронологии при раскопках в Новгороде на Славне и в восточной части Дворища.

¹ F. M. Feldhaus. Die Technik der Vorzeit, der geschichtlichen Zeit und der Naturvölker. Berlin, 1914, стр. 1088—1089.

— бревно — тесина — горбыль ● колья, сваи

Рис. 3. План сооружений 17-го строительного яруса.

На всей площади раскопа за тысячу лет почти вовсе не было ям (они были в верхнем слое, выше 1-го строительного яруса, доходя местами до его уровня). Такое явление при раскопках (в частности, при новгородских раскопках) вообще наблюдается очень редко. Здесь отсутствие перекопов подтверждается разнообразными наблюдениями. Ям нет в профилях (экспедиция сняла подробные профили, при этом культурный слой был разделен, помимо пластов и строительных ярусов, еще на четыре слоя; однако этот способ выяснения стратиграфии имеет здесь меньшее значение, чем обычно, вследствие общей ее четкости и обилия деревянных настилов). Пятна ям не открывались при ежедневных зачистках поверхности. Ценным аргументом является также непоколебленность деревянных сооружений. Наконец, к тому же выводу приводят наблюдения над повторяющимися находками, прежде всего над находками стеклянных браслетов, затем пряслиц, бус, печатей и т. д.

Стеклянные браслеты в Неревском раскопе были такие же, как всюду (обычные цвета: синий, зеленый, желтый, фиолетовый). Надо привести их распределение по глубине залегания, по пластам. Общее число облом-

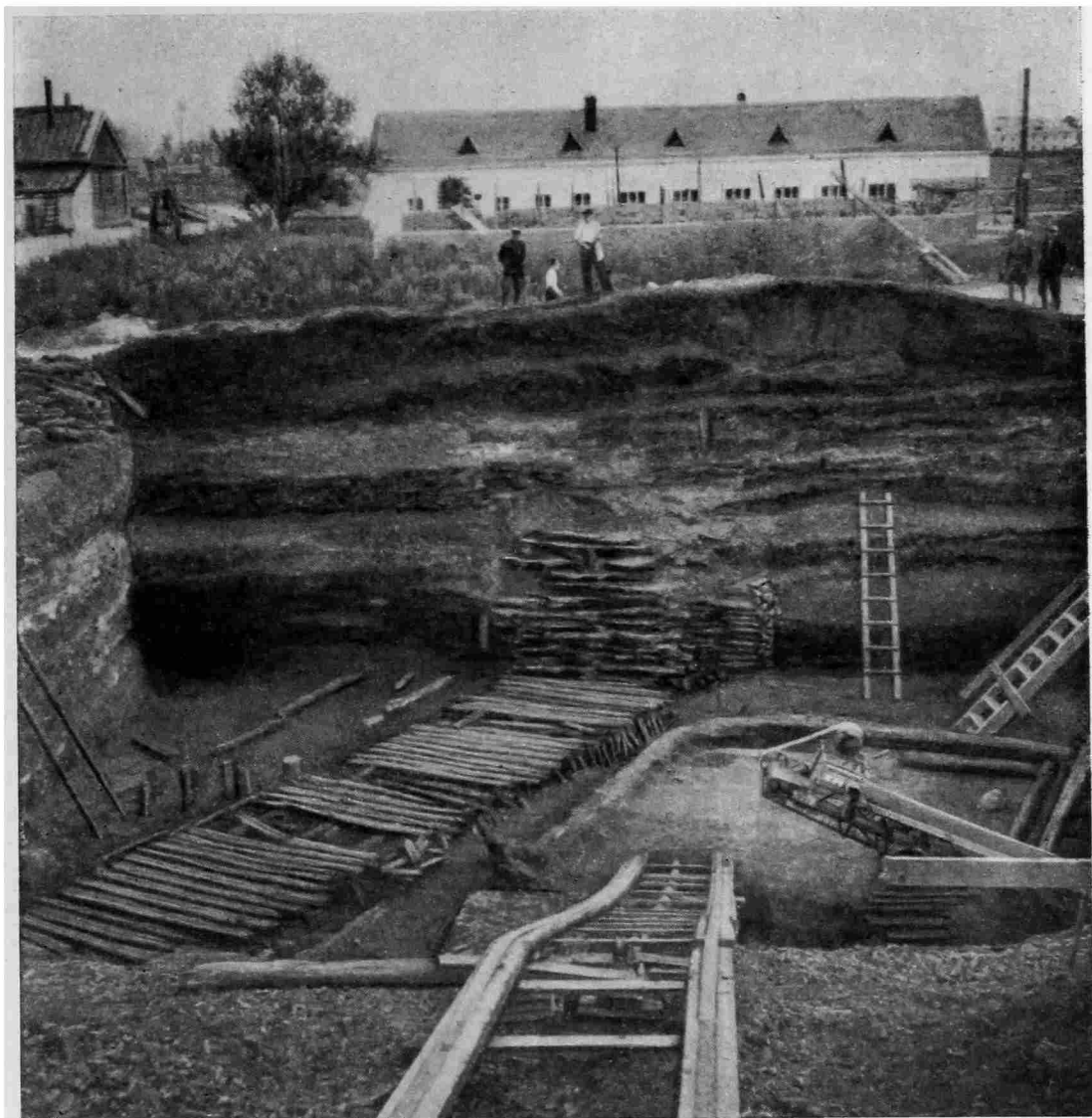

Рис. 4. Общий вид 17-го строительного яруса.

ков стеклянных браслетов в Неревском раскопе 437. В верхних пластах (от 1 до 11-го) их не было ни одного. Между тем во всех древнерусских городах поздние ямы, перерезающие древние слои, постоянно выносят стеклянные браслеты в верхний слой (они и в Новгороде часто попадают на огородах). Здесь этого не произошло ни разу. Следующие пласты дают такие числа находок стеклянных браслетов: 12-й — 1, 13-й — 1, 14-й — 3, 15-й — 29, 16-й — 57, 17-й — 16, 18-й — 37, 19-й — 69, 20-й — 65, 21-й — 63, 22-й — 62, 23-й — 16, 24-й — 16, 25-й — 1, 26-й — 1. Нижние пласты (от 27 до 37-го) снова не имели стеклянных браслетов; значит, перекопов не было и там. Числа эти достаточно велики, так что статистика объективна.

Однако и в Неревском раскопе, как всюду, датировка культурного слоя может быть основана только на повторяющихся находках. Четкость напластований придает лишь особую убедительность хронологическим выводам.

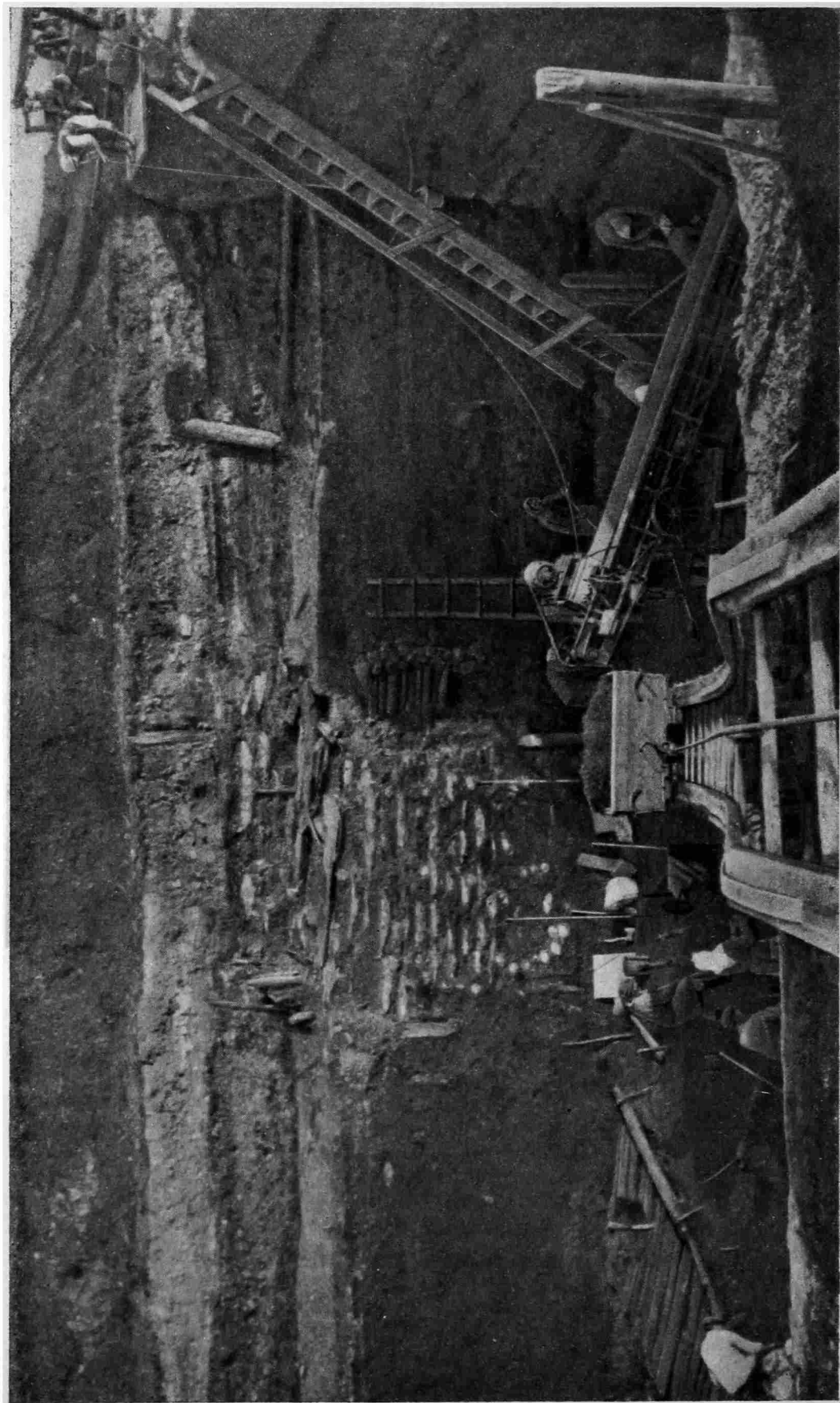

Рис. 5. Общий вид 25-го строительного яруса.

Массовой находкой являются прежде всего те же стеклянные браслеты. Бытовали они не позже XIII в., что неоднократно установлено при городских раскопках. Хорошую дату при моих раскопках в Новгороде на Славне дала строительная прослойка 1335 г., связанная с каменной стеной, построенной в этом году посадником Федором Даниловичем¹. Ниже этой прослойки было найдено 1105 обломков стеклянных браслетов, а выше — только 4 (возле стены было мало поздних ям; в других раскопках на Славне, где таких ям было много, стеклянные браслеты встречались во всех пластах часто). Это позволяет утверждать, что в конце XIII в. или в начале XIV в. эти украшения в Новгороде исчезли (повидимому, несколько позже, чем в других землях, где это связывают с монгольским нашествием). Труднее определить время их появления. Б. А. Рыбаков ошибался, относя это время к X в. на основании находки в Черной могиле в Чернигове². Там обломок стеклянного браслета найден, по словам Д. Я. Самоквасова, «непосредственно под дерном»³, т. е. он моложе кургана. Но и для XI в. бытование на Руси этих украшений хотя

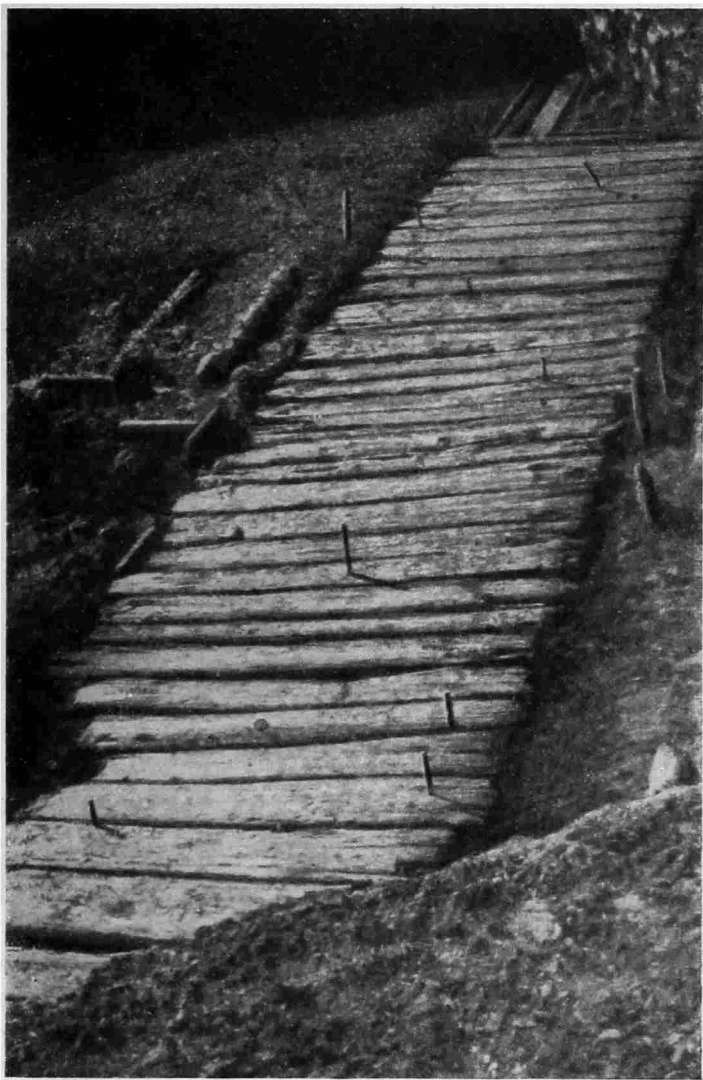

Рис. 6. Мостовая 13-го строительного яруса.

и признается всеми археологами, окончательно не доказано пока нигде, если не считать Белой Вежи на Дону. Ни в одном русском городе слоя XI в., судя по публикациям, не были четко отделены от слоев XII в. В XII в. стеклянных браслетов было множество, судя по раскопкам многих городов (Киев, Галич, Владимир, Суздаль, Рязань, Дмитров, Смоленск, Белоозеро и

¹ А. В. Архиповский. Раскопки на Славне в Новгороде, стр. 124, 140.

² Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 398.

³ Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1916, стр. 7.

Рис. 7. Мостовая 23-го строительного яруса.

многие другие). Бытование их в Новгороде немного дольше, чем в других землях, и это позволяет предположить их новгородское производство. Во всяком случае появление стеклянных браслетов в Новгороде датировать пока труднее, чем их исчезновение (едва ли, впрочем, они появились здесь много позже, чем в Белой Веже: слишком связаны были между собой все русские земли). Мне и раньше случалось отмечать, что для самых ранних новгородских напластований эти украшения не характерны, но такой вывод приходилось делать по тонким слоям¹. В Неревском раскопе удалось впервые в Новгороде открыть толстый древний слой (толще двух метров), где стеклянных браслетов еще нет вовсе. Датировка его должна быть произведена по другим находкам.

Наряду со стеклянными браслетами, считаются характерными для домонгольской Руси древностями шиферные пряслица (производившиеся, как известно, в Овруче на Волыни). Но эти две группы предметов не совпадают хронологически. Шиферные пряслица появились раньше. Б. А. Ры-

¹ А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 129.

баков убедительно доказал, на основании изучения Гнездовских курганов (под Смоленском), что это произошло в X в.¹ Неревский раскоп позволяет утверждать, что шиферные пряслица бытовали в Новгороде больше всего тогда, когда стеклянных браслетов еще никто не носил. Прежние новгородские раскопки не давали оснований для таких выводов, поскольку слой X—XIII вв. был сравнительно тонок, и делить его было трудно. В Неревском раскопе шиферных пряслиц найдено 65; цвет их, как обычно, розовый, иногда довольно яркий. Три из них найдены в самом верхнем слое, вместе с предметами XVIII—XIX вв. (пласты 3, 4 и 6-й — по одному). Возможно, что они попали туда вместе с землей, привезенной со стороны (из какого-то древнего слоя) при садовых работах (на месте раскопа в XIX в. был сад, с которым связаны мелкие ямы верхнего слоя). Дальше, до 19-го пласта включительно, шиферных пряслиц не было вовсе. Следующие пласты дают такие цифры находок: 20-й — 2, 21-й — 4, 22-й — 4, 23-й — 4, 24-й — 6, 25-й — 9, 26-й — 4, 27-й — нет, 28-й — 4, 29-й — 7, 30-й — 8, 31-й — 6, 32-й — 3, 33-й — нет, 34-й — 1, дальше нет. Шиферные пряслица проникли из Овруча в Новгород, вероятно, тогда же, когда и в Смоленск, т. е. в X в.

Следующей категорией находок, интересных для хронологии, являются в Новгороде бусы. Типы их хорошо известны по могильникам и курганам, где даты устанавливаются легче, чем в культурных слоях. Сплошной просмотр найденных в Неревском раскопе бус приводит к выводу, что распределение их по пластам в точности соответствует принятым для них датам. Здесь надо привести те типы бус, которые наиболее важны хронологически. Все остальные перечислить невозможно, это заняло бы очень много места, но во всяком случае ни одна бусина (все они мною проработаны) не нарушала хронологических выводов.

Синие стеклянные винтообразные бусы хорошо известны по поздним русским курганам лесной полосы. Цвет их густосиний, получались они путем разбивания винтообразной стеклянной полосы на части. Дата их — XIII—XIV вв.²; в многочисленных ранних курганах они отсутствуют повсеместно. В Неревском раскопе таких бус найдено шесть, причем все на одном и том же уровне, в пластах 16 и 17-м, но в разных квадратах и на больших расстояниях друг от друга, что не позволяет относить их к одному ожерелью и увеличивает их хронологическое значение (пласт 16-й, кв. 11, 31, 69, 81, пласт 17-й, кв. 30, 50).

Наиболее типичные для русских славян сердоликовые бипирамидальные бусы, количество которых в музеях огромно, датируются XI—XIV вв.³; многочисленные их публикации все укладываются в эти даты⁴. В Неревском раскопе этих бус четыре (пласт 21-й, кв. 3 — две, кв. 36; пласт 24-й, кв. 43).

Позолоченные стеклянные бусы, бочкообразные и ребристые, считаются надежным признаком XI в.; немного они заходят в X в., с одной стороны, в XII в., — с другой, даты их проверены много раз, в том числе по ряду находок с монетами⁵. Между бочкообразными и ребристыми бусами разницы в возрасте нет; нет такой разницы и между позолоченными

¹ Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 194.

² А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 33 и 140.

³ Там же, стр. 36, 139 и 146.

⁴ Для ранней даты см. Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация верхневолжских курганов. КСИИМК, XXX, М., 1949, стр. 33 и 37.

⁵ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 32, 145 и 147; Т. Н. Никольская. Ук. соч., стр. 37; П. Н. Третьяков. Костромские курганы. Л., 1931, стр. 15; Б. А. Рыбаков. Радимичи. Минск, 1932, стр. 104—105.

и посеребренными (последние встречаются реже); но особо надо выделить маленькие зонные позолоченные бусы, отличающиеся от обычных бочоночков; они несколько старше: в приладожских курганах они, например, характерны для X в.¹ В Неревском раскопе найдены: три обычные позолоченные бочкообразные (пласт 26-й, кв. 16; пласт 29-й, кв. 31, 32), две посеребренные бочкообразные (пласт 28-й, кв. 21, 32), две позолоченные ребристые (пласт 25-й, кв. 13; пласт 26-й, кв. 12), три маленькие зонные позолоченные (пласт 30-й, кв. 40, 55; пласт 31-й, кв. 67). Позолота в большинстве случаев яркая и чистого оттенка.

Надежным признаком X в. считаются желтые стеклянные бусы, так называемые лимоновидные², появившиеся еще в IX в., а в XI в. не заходящие. На лимоны они похожи вдвойне: оттенком желтого цвета и формой; на обоих концах у них такие же сосковидные бугорки, как у лимонов. Бусы эти много раз найдены с монетами IX и X вв. и никогда не были найдены с монетами XI в. Они хорошо представлены, судя по коллекциям Исторического музея, во всех типичных могильниках IX—X вв.: Максимовском близ Муром, Лядинском близ Тамбова, Чем-шай близ Глазова, Аниковском близ Чердыни и т. д. Славяно-русские курганы не составляют исключения, в том числе важнейшие из этих курганов IX—X вв., Гнездовские близ Смоленска, дали довольно много таких бус. Важно для даты и распределение их в курганах Новгородской земли. Их вовсе нет среди десятков тысяч бус из многочисленных курганов Водской пятины, датированных XI в. и позже. Зато в курганах южного Приладожья в трупосожжениях IX—X вв. это самые частые бусы³. Наиболее они характерны в Приладожье для первой половины X в.⁴ В Неревском раскопе найдено пять лимоновидных бус, и все они совершенно закономерно залегали в самых нижних пластах, где вообще находок было уже мало (пласт 30-й, кв. 30; пласт 32-й, кв. 8, 21, 40; пласт 33-й, кв. 68).

С лимоновидными бусами в тех же могильниках и курганах встречаются еще два типа бус, дата которых та же; по материалу бусы обоих типов стеклянные, по форме — зонные, но различаются узорами: 1) черные с белыми разводами и красно-бело-синими глазками, 2) с черными продольными полосами по светлому фону. Оба типа представлены в Неревском раскопе в тех же пластах (первый — пласт 31-й, кв. 4, второй — пласт 33-й, кв. 53).

Наконец, надо коснуться сердоликовых шарообразных бус. Эти мелкие и довольно правильные шарики наиболее типичны для известного Салтовского могильника под Харьковом, датированного VIII—IX вв.; там более 90% многочисленных каменных бус относятся к этому типу. В X в. они еще встречаются, хотя в ожерельях уже нигде не преобладают: так, они восемь раз по одному экземпляру найдены в Гнездовских курганах, представлены они и в курганах Приладожья, а также в Лядинском и Аниковском могильниках и т. д. Типы каменных бус вообще долговечнее, чем типы стеклянных, поскольку самый материал прочнее; но в X в. этот тип является уже исключением, хотя и не редким, в XI в. и позже — редчайшим исключением. В вышеупомянутых многочисленных курганах Водской пятины этих бус нет вовсе. В Неревском раскопе их три,

¹ Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. СПб., 1895, стр. 150.

² Б. А. Рыбаков. Радимичи, стр. 94—95; М. В. Таллицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА СССР, № 22. М., 1951, стр. 34.

³ Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 150; см. также в архиве ИИМК отчет А. М. Ливневского о раскопках 1948 и 1949 гг.

⁴ Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладогги. СА, XIV, Л., 1950, стр. 179.

и они ничем не отличаются от салтовских (пласт 29-й, кв. 11— две, пласт 32-й, кв. 28).

Итак, изучение ранних бус, стеклянных и каменных, подтверждает, что нижние пласты раскопа надо датировать X в.; это помогает и датировке вышележащих пластов.

Затем свинцовые печати, т. е. вислые печати документов, распределяются по уровням залегания с такой же закономерностью, как бусы. Печати, найденные в Новгороде, издает в особой статье В. Л. Янин. Важны его хронологические выводы, основанные на изучении изображений и надписей. Здесь достаточно сказать, что всех свинцовых печатей в Неревском раскопе найдено одиннадцать, из них две XV в. (они оказались в пластах 8 и 9-м), четыре XII в. (они все были в пласте 22-м, далеко друг от друга, так что их нельзя считать одной находкой) и, наконец, пять XI в. (они залегали еще ниже: две — в пласте 24-м, две — в пласте 25-м, одна — в пласте 26-м). Цифры эти опять говорят сами за себя, лишний раз подтверждая четкость напластований и хорошо согласуясь с хронологией стеклянных браслетов, пряслиц и бус.

Здесь перечислены находки, имеющие основное значение для дат. Но я проработал и остальные предметы, найденные в Неревском раскопе. Ни один из них не противоречит своим залеганием намечаемой здесь хронологии, и многие ее подтверждают. Но приводить все эти данные здесь невозможно.

Перечисленные выше хронологические основания позволяют установить не только возраст найденных металлических, деревянных и других изделий, но и возраст всех берестяных грамот. Тут встречаются две хронологии. Ведь возраст грамот устанавливается не только стратиграфически, по залеганию, но и палеографически, по форме букв. Взаимопроверка этих хронологических выводов тем важнее, чем независимее они друг от друга. Палеографический анализ найденных в Неревском раскопе грамот произведен авторитетнейшим специалистом М. Н. Тихомировым. Установленные при этом даты совпали со стратиграфическими. Совпадения точны для восьми грамот из десяти (№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9), для двух (№ 1 и 10) имеются ничтожные расхождения; эти колебания между XIV в. и началом XV в. вполне допустимы, поскольку ни стратиграфия, ни палеография еще не позволяют нам измерять десятилетия.

Берестяные древнерусские грамоты, обнаруженные теперь при раскопках, были до сих пор совершенно не известны науке. Имелись лишь смутные сведения о применении бересты в качестве писчего материала. Иосиф Волоцкий писал про Сергия Радонежского: «В обители блаженного Сергия и самые книги не на хартиях писаху, но на берестех»¹. Но такие книги до нас не дошли, а о грамотах можно было только догадываться. Зато от XVII, XVIII, XIX вв. дошло некоторое количество книг и грамот, преимущественно сибирских, писанных на бересте.

Но в это позднее время на бересте писали чернилами. Палеографы, касавшиеся этого вопроса, не упоминают об иных способах письма², и экземпляры, хранящиеся в музеях, все написаны одинаково. Чернилами написана и золотоордынская берестяная грамота XIV в., найденная

¹ Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1847, № 7.

² Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1947, стр. 114; Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 108—109; А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография, курс 1, СПб., 1901, стр. 30; Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, часть 1. СПб., 1899, стр. X; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1, Киев, 1891, стр. 96—97.

в Саратовской области¹. Между тем береста, подобно другим растительным веществам, сохраняется в земле лишь при крайних степенях сухости или влажности. Влажность древнего новгородского слоя обеспечила дивную сохранность древесины, лыка и бересты, но на сохранность чернил рассчитывать при этих условиях не приходится. Именно поэтому, между прочим, маловероятны открытия при раскопках пергаментных грамот, тоже распространенных в древней Руси; пергамент должен сохраняться в земле, но на нем всегда писали только чернилами. К счастью, как доказали находки 1951 г., надписи на бересту наносились процарапыванием.

Первая грамота найдена 26 июля 1951 г., затем такие находки шли одна за другой; последняя грамота, десятая, найдена 28 августа. Можно сказать, что на несколько сот пустых берестяных свитков приходился один исписанный. Пустые свитки, ничем или почти ничем по общему облику не отличающиеся от грамот, служили поплавками или просто были выброшены при отделке бревен; они непрерывно встречались в Неревском раскопе, вообще необычайно богатом находками. Их все надо было внимательно рассмотреть, иначе мы не нашли бы ни одной грамоты.

Буквы нанесены, как правило, на внутреннюю поверхность березовой коры, более гладкую. При свертывании в свиток эта внутренняя поверхность оказывается наружной стороной. Только грамота № 2, в отличие от всех остальных, имеет текст на обеих сторонах. Для грамоты березовая кора бралась полностью, во всю толщину. В XVII—XIX вв. было иначе: тогда, говоря словами Е. Ф. Карского, «брали самый верхний тонкий слой бересты»² (музейные экземпляры это подтверждают). Различие понятно: тонкий слой необходим для письма чернилами, толстый — для процарапывания. Поэтому А. И. Соболевский ошибался, думая, что древние грамоты, написанные на бересте, не дошли до нас «по причине ее крайней непрочности»³. Найденные теперь грамоты, безусловно, прочнее не только бумажных, но и пергаментных; дело лишь в том, что в государственных и церковных архивах подобные частные письма и записи не хранились, а частные архивы погибли все.

Рассмотрение букв позволяет утверждать, что они нанесены костяными орудиями: железные были бы слишком остры, деревянные — недостаточно остры. И, действительно, инструмент для писания на бересте удалось найти в том же раскопе, где найдены все грамоты (пласт 14-й, кв. 71, наслоения XIV в.). Это изогнутый и заостренный книзу костяной стержень, отполированный до блеска, с круглым отверстием сверху, позволявшим привешивать его к поясу; длина его 15,5 см. На современной бересте он оставляет такие же следы, из каких состоят все буквы на грамотах (рис. 8).

Грамоты найдены в виде свитков; они, после промывки в горячей воде с содой, расправлены, зажаты между стеклами и в таком виде помещены в гипсовые формы, где благополучно, т. е. без новых трещин, высыхают. Эту работу провел ученый реставратор А. В. Кирьянов. Прорисовку всех текстов выполнил М. Н. Кислов. Длина грамот от 12 до 38 см, ширина от 2 до 13 см.

Особо надо подчеркнуть, что находки 1951 г. ни в коей мере нельзя считать каким-либо архивом. Для этого они слишком далеко друг от друга залежали: расстояния между ними слишком велики как по горизонтали, так и, что особенно важно, по вертикали. Две грамоты (№ 1 и 8)

¹ «Советское востоковедение», 1941, т. 2, табл. I-XXIV

² Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 109.

³ А. И. Соболевский. Ук. соч., стр. 30.

найжены на самой улице, между ними было десять мостовых, т. е. двухметровая толща, сплошь заполненная деревянными настилами и нарастающая в течение трех веков. Неизменное залегание более поздних (по форме букв) грамот вверху и более ранних внизу доказывает, что в землю они попадали одновременно и случайно. Это открывает самые радужные перспективы дальнейших раскопок. Перед нами не отдельная находка собрания документов; культурный слой данного городского участка равномерно насыщен грамотами, которые и сейчас лежат в тех местах, где они были утеряны или выброшены древними новгородцами, подобно тому как теперь теряются или выбрасываются бумаги. Чем больше будут раскопки, тем больше они дадут драгоценных свитков березовой коры, которые, смею думать, станут такими же источниками для истории Новгорода Великого, какими для истории эллинистического и римского Египта являются папирусы.

Грамоты пронумерованы по порядку находок и в этом порядке здесь описываются. Их десять (есть еще свиток бересты с нанесенными на него отдельными буквами, но он не включен в нумерацию).

Грамота № 1 найдена в пласте 12-м, на глубине 2,4 м, между пятым и шестым строительными ярусами, в квадрате 38, непосредственно на шестой мостовой. Слой, в котором она найдена, относится скорее к XIV в., к его концу. М. Н. Тихомиров по форме букв устанавливает несколько иную дату, начало XV в.; выше уже была речь об этом расхождении, оно

настолько невелико, что не нарушает общего правила совпадения стратиграфических и палеографических дат. Грамота изорвана в клочки. Прохожий шел когда-то по улице и бросил эти клочки, вскоре они были перекрыты деревом при сооружении пятой мостовой и под ней сохранились. Не все обрывки грамоты дошли до нас, да при этих условиях и не могли прийти. Текст читается четко, сохранилось около 500 букв. По содержанию это перечень феодальных повинностей, взимавшихся с целого ряда сел. Для повинностей здесь употреблены термины: «позем» 8 раз и «дар» 10 раз. Эти термины в знаменитых позднейших новгородских писцовых книгах конца XV в. употребляются редко и в виде пережитков, будучи тогда заменены терминами «доход» и «оброк». 13 раз в грамоте встречается

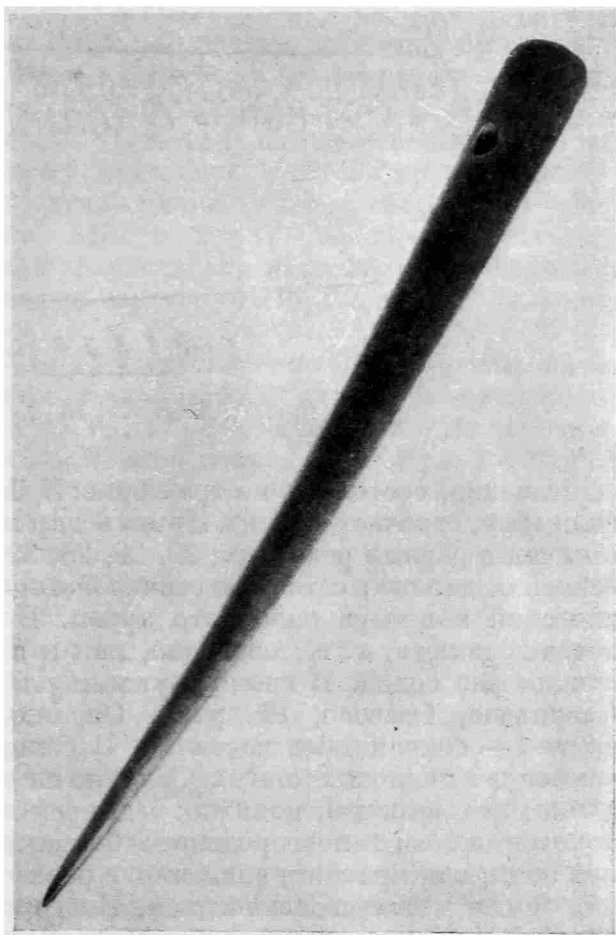

Рис. 8. Костяной инструмент для писания на бересте.

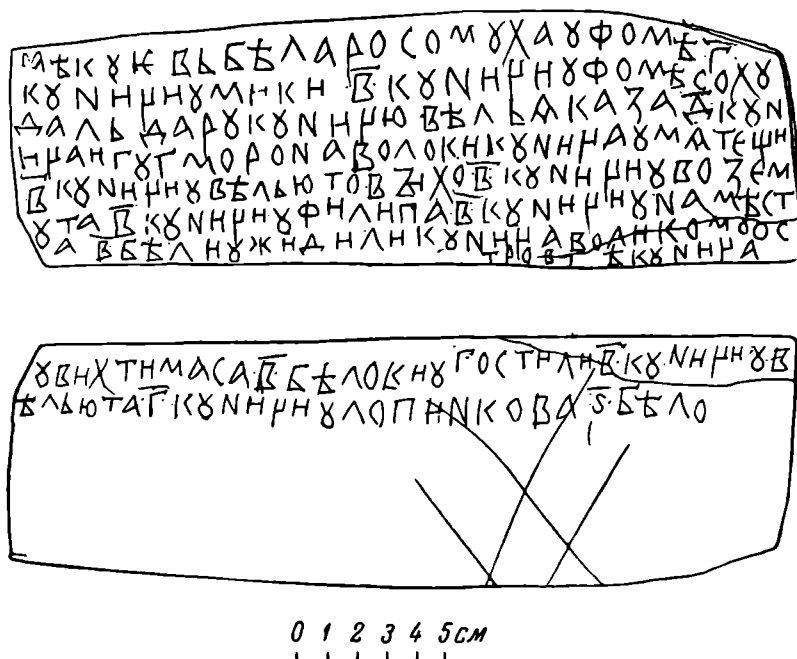

Рис. 9. Грамота № 2. (Прорись).

сокращение, состоящее из трех букв: Б, Ъ и над ними выносное Л. Это, по-видимому, означает «белок». Позем и дар исчисляются здесь в белках с разных сел в разных размерах: 20, 26, 28, 30, 33, 38, 40, 60 белок; это была основная валюта; оставляю сейчас в стороне вопрос, — меховой или металлической являлась она в это время. В дополнение к белкам два раза названа полоть, т. е., очевидно, как и в писцовых книгах, полоть мяса, и один раз солод. В грамоте упомянуты следующие имена сел: Меново, Васильево, Овсеево, Шадрино, Ошвино, Вабиных, Мохово, некоторые другие — сохранились частично. В большинстве своем эти имена встречаются и в писцовых книгах XV в., но ни в одном районе нет данной комбинации; это, впрочем, понятно: ведь грамота содержала, очевидно, перечень доходов некоего новгородского боярина или житего, а такой владелец имел, как правило, владения в разных местах, да за сто лет и названия могли частично измениться. Новгородским феодальным повинностям конца XV в., исчисленным в писцовых книгах, посвящено уже множество исследований; грамота позволяет заглянуть примерно на сто лет глубже.

Грамота № 2 найдена в пласте 13-м, на глубине 2,6 м, между шестым и седьмым строительными ярусами, в квадрате 75, возле мостовой (рис. 9). По форме букв и по залеганию она относится к XIV в. В отличие от первой она сохранилась целиком; только правый нижний краешек оторван, но и он найден, притом отлично сошелся с основной частью по линии разрыва. В этой грамоте, в отличие от всех остальных, использована для письма и наружная поверхность бересты, загибаемая при сворачивании внутрь. Именно на ней написана большая часть текста и лишь конец — на внутренней поверхности. В отличие от всех остальных эта грамота двусторонняя. Поскольку последние строки заняли не весь оборот, пустая его часть прочеркнута крестиками, чтобы никто не мог продолжить документ. Читается он отлично, только в начале, перед буквой А, стоит неясный знак, вроде буквы Л (сочетание ЛА, — возможно, цифра 31, номер страницы какой-либо многостраничной берестяной тетради).

Текст гласит¹: «А Екуевъ бела росомуха, у Фоме 3 куници, у Мики 2 куници, у Фоме соху даль дару куницу, Вельяказа 4 куница, Игугмор на Волоки куница, у Мятащи 2 куници, у Вельютыхо 2 куници, у Воземута 2 куници, у Филипа 2 куници, у Наместа 2 бели, у Жидили куница, Воликомо острове куница, у Вихтимаса 2 белоки, у Гостили 2 куници, у Вельюта 3 куници, у Лопинкова 6 бело». При чтении текста надо учесть, что буква О неоднократно соответствует здесь букве Ъ: у Вельютыхо, белоки и т. д. Ер (ѣ), в отличие от большинства других берестяных грамот, здесь ни разу не встречается. Буква О заменяет здесь один раз и Е; та же замена несомненна в грамоте № 10 (см. ниже); поэтому «Воликомо» означает «Великом». Имена в грамоте различны по происхождению: есть христианские — Фома, Филипп и уменьшительное Мика; есть русские — Намест, Жидило, Гостило и, может быть, Мятаща; по мнению финнологов (А. И. Попов, Х. А. Моора) имена Вельяказ, Вельют, Вихтимас — финские и, повидимому, эстонские; того же происхождения, вероятно, имя Игугмор; происхождение имени Воземут спорно. По содержанию грамота напоминает устав 1137 г. князя Святослава Ольговича о доходах Новгородской епископии; доходы эти исчислены там подобным образом и тоже в мехах: «у Пененича сорочек, у Порогопустьць полсорочка, у Валдита два сорочка» и т. д.

Грамота № 3 найдена в пласте 13-м, на глубине 2,5 м, между пятым и шестым строительными ярусами, в квадрате 36, вдалеке от мостовых и от построек (рис. 10). По форме букв и по залеганию она относится к XIV в. От нее оторвана правая половина первой строки, вторая цела; третья тоже может быть прочтена полностью, хотя нижние части нескольких букв оторваны. Текст гласит: «Поклонъ от Грикши къ Есифу. Приславъ Онанья мол Язь ему отвечалъ: не реклъ ми Есиф варити перевары ни на кого. Онъ прислалъ къ Федось: вари ты пивъ, седишь на безатьщине, не варишь жита». Итак, перед нами письмо, первое в истории науки древнерусское частное письмо; за ним при тех же раскопках последовали другие. Слово «перевары» встречается в летописи, в том числе и в выражении «варити перевары». И. И. Срезневский в своем словаре древнерусского языка пишет: «перевара — чан для варки меда и пива». Слово «безатьщина» (прочтением которого я обязан М. Н. Тихомирову) встречается в княжеских грамотах. И. И. Срезневский в том же словаре пишет: «безадыщина — безадыщина — выморочное имение». Имя Грикша соответствует по типу многим новгородским летописным именам: Богша, Павша, Прокша, Ратша, Ревша и т. д. Рассказ можно понять так: Онанья хочет, чтобы ему сварили пиво, Грикша отказывает, ссылаясь на запрет Есифа; Онанья обращается тогда в другое место, ссылаясь на феодальные права: получение выморочного имения влекло за собой обязательство работать, в том числе варить пиво. Но, и помимо того, грамота ценна, как образец живой разговорной речи древних новгородцев.

Грамота № 4 найдена в пласте 14-м, на глубине 2,8 м, между седьмым и восьмым строительными ярусами, в квадрате 74, у наружной стены жилого сруба. По форме букв и по залеганию она относится к XIV в. От нее сохранилась только левая часть, правая пропала. Это тоже письмо, но оборванность всех строчек препятствует пониманию смысла. Целком сохранились первая фраза «От Миките ко Церту» и последняя «возми сапозе». Слово Церт — Чёрт не вызывает сомнений, здесь обычное новгородское проклятье, в той же грамоте есть слово «цто» и «руцил». Чёрт, очевидно, —

¹ При передаче текста здесь подвергаются замене отсутствующие в современном алфавите буквы; более точная транскрипция дается при полном издании грамот.

прозвище. В новгородских писцовых книгах XV в. упомянуты Васко Чёрт, Ивашко Чёрт и Игнат Чёрт. В грамоте назван еще некий Юрги. Эта ранняя форма имени Юрий (наравне с формой Гюрги) встречается в летописях и актах, являясь для XIV в. уже редким архаизмом (тогда писали Юрьи). Наконец, отмечу выражение «у Петра на Городище». Речь идет, очевидно, об известном Городище под Новгородом.

Грамота № 5 найдена в пласте 15-м, на глубине 3 м, ровно между восьмым и девятым строительными ярусами, в квадрате 71, вдалеке от мостовых и от построек (рис. 11). По форме букв и по залеганию она относится к XIV в. От нее оторвана часть первой строки, остальное цело. Текст гласит: «...сифа къ Матфею. Постои за нашего сироту, молви дворянину Павлу Петрову брату дать грамоте, не дасть на него». Это снова письмо. Имя автора, повидимому, Есиф. Слово «дворянин» известно в Новгороде с XIII в. Дворян упоминают I Новгородская летопись под 1210, 1214 и 1215 гг., Новгородские договоры под 1264, 1266, 1270 гг. и т. д. Грамота содержит просьбу оказать протекцию. Трудно только понять выражение «не дасть». Впрочем, «тъ» перед словом «грамоте» может быть сокращением указательно-усилительной частицы «ти» (такое «тъ» в летописи встречается); тогда слога «да» и «тъ» будут отдельными словами, и перевести можно: «да грамоты не даст на него», «пусть грамоты не даст на него». Это письмо тоже является хорошим образцом живой речи.

Грамота № 6 найдена в пласте 16-м, на глубине 3,15 м, между девятым и десятым строительными ярусами, в квадрате 47, возле мостовой. По форме букв и по залеганию она относится к XIII в. Это начало письма. Сохранилась первая фраза «Поклоно от Филипа», дальше грамота оборвана, целы только отдельные буквы. Конечное О в первом слове опять соответствует Ъ. Выражение «поклон» в письмах, дожившее до XX в., восходит, оказывается, к XIII в.

Грамота № 7 найдена в пласте 22-м, на глубине 4,3 м, между пятнадцатым и шестнадцатым строительными ярусами, в квадрате 60, внутри сруба. По форме букв и по залеганию она относится к XII в. Это четырехугольник, вырезанный зачем-то из середины письма. Со всех четырех сторон текст поэтому прерван, и понять его, несмотря на четкость букв, нельзя. Наличие повелительного наклонения подтверждает, что мы опять имеем дело с письмом. Упоминаются сорок лисец; письмо, повидимому, написано мехоторговцем.

Грамота № 8 найдена в пласте 23-м, на глубине 4,42 м, между пятнадцатым и шестнадцатым строительными ярусами, в квадрате 76, непосредственно на мостовой. По форме букв и по залеганию она относится к XII в. Прохожий шел и потерял письмо; вскоре оно оказалось под слоем дерева при сооружении пятнадцатой мостовой. Эта грамота от всех остальных отличается плохой сохранностью; все остальные читаются хорошо, а эта, из-за частичного разрушения волокон бересты, прочтена не целиком. Это тоже письмо, что опять подтверждается повелительным наклонением. Три раза упоминается в нем корова.

Грамота № 9 найдена в пласте 23-м, на глубине 4,56 м, между шестнадцатым и семнадцатым строительными ярусами, в квадрате 30, возле мостовой (рис. 12 и 13). По форме букв и по залеганию она относится к XI в. Эта древнейшая из грамот отличается наилучшей сохранностью и наибольшей четкостью. Текст гласит: «От Гостяты къ Васильви. Еже мп отьць даяль и роди съдаяли, а то за нимь. А ныне, вода новую жену, а мьне не въдасть ничьтоже. Изби въ руки пустиль же мя. А пную пояль. Доеди, добре сътворя». Имя Гостята родственно новгородским летописным именам Гостилец и Гостомысл. Слова «роди съдаяли» означают, вероятно,

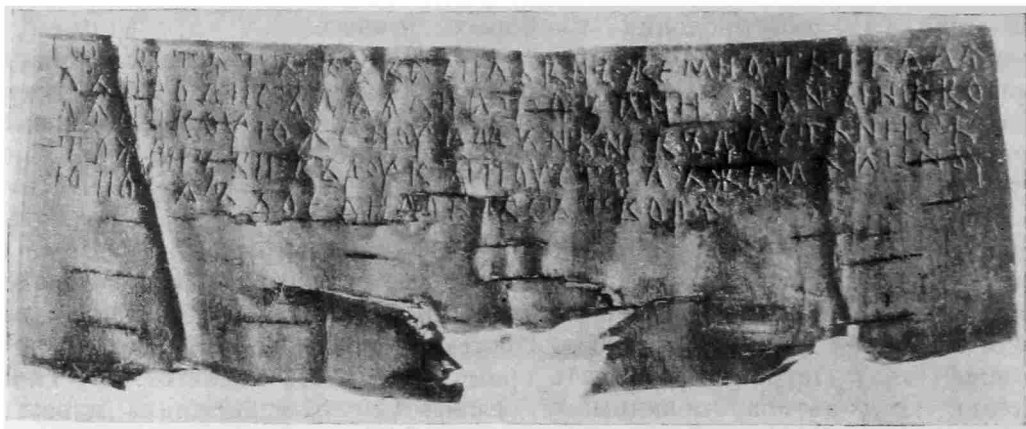

Рис. 12. Грамота № 9.

Рис. 13. Грамота № 9. (Прорись).

«родные также дали». Выражение «водити жену» имеется в церковном уставе Ярослава XI в. и в установной грамоте Ростислава Мстиславича 1150 г.; слово «водимая» означает жену в летописном рассказе о Владимире I. Слова «в руки пустил» не совсем понятны. Глагол «поять», в смысле «взять в жены», летописи, в том числе новгородские, употребляют неоднократно в XI—XII вв., говоря о княжеских браках, начиная с Владимира I, в том числе о свадьбах Мстислава Владимировича и Святослава Ольговича с дочерьми новгородских посадников; после XII в., судя по словарю И. И. Срезневского, этот глагол имел форму «понять».

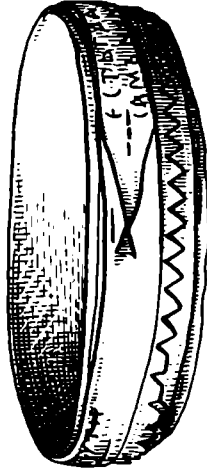
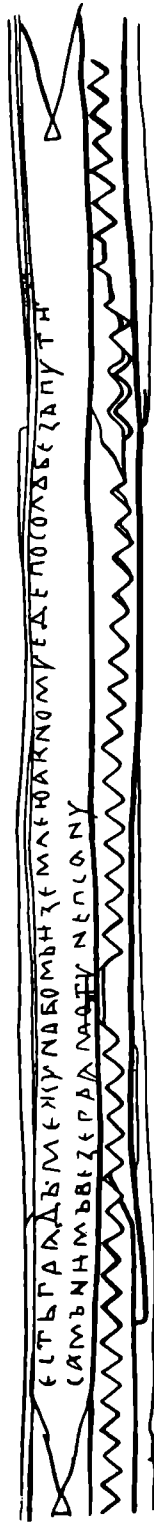
Понимание этого письма зависит от того, кем мы будем считать Гостяту — мужчиной или женщиной. Думаю, что это мужчина. Летописи и иные источники содержат много имен на «ята», все это имена мужские. В Новгороде в XI в. известны Вышата, Гюрята, Жидята, Петрята, Седята, Твердята, в XII в. — Васята, Воята, Вышата, Нежата, Петрята, Твердята, в XIII в. — Гюрята, Жидята, Жирята, Климята, Милята, Острята. В «уставе о мостах» упоминаются Будятин вымол и Климятины сени, в новгородских летописях — Редятиня улица. После XIII в. в Новгороде таких имен нет, они обильно представлены в топонимике Новгородской области и иных областей, восходя, повидимому, всюду к раннему времени.

Были такие имена и в других городах: в Киеве в XI в. — Гродята, Путята, Славята, в Смоленске в XIII в. — Путята, в Пскове в XIII в. — Тешата. Женских имен с этим окончанием мы не знаем. Правда, таких имен от древней Руси вообще дошло мало, но все же они известны. Женские имена у всех народов отличаются по окончаниям от мужских. Имена на «ята» были в древнем Новгороде столь распространены, что мы явно имеем здесь дело с какой-то языковой нормой, едва ли допускавшей двусмысленность. Если Гостята мужчина, то содержание письма можно понять следующим образом. Гостята жалуется на своего отца, женившегося на двух новых женах и отнявшего по этому случаю у него имущество. Отец здесь является носителем традиций большой семьи, патриархально распоряжаясь имуществом ее членов. Сын опирается на новые, городские, нормы, требуя отдельного владения. Он обращается к некоему Василию, надеясь, что тот придет, сотворив добро, т. е. поможет. Мы имеем здесь возможность слышать разговорную речь XI в.

Грамота № 10 обнаружена после других, но по возрасту сравнительно молода. Она найдена при устройстве вышеупомянутого уступа, в пласте 13-м, на глубине 2,45 м, между пятым и шестым строительными ярусами, в квадрате 85, возле мостовой (рис. 14). Дата ее та же, что и грамоты № 1, т. е. по залеганию это XIV в., по форме букв XV в., а, вернее, рубеж этих веков. Строго говоря, это не грамота, а надпись на берестяном цилиндрическом ободке, замкнутом и окаймленном берестяной каемочкой и зубчатым узором; ободок этот совершенно цел. Буквы на него нанесены точно так же, как на все грамоты. Поэтому данная надпись включена в общую нумерацию грамот, тем более что она тоже дает длинный связный текст. Слово «грамота» употреблялось в древней Руси и в значении «надпись», что неоднократно встречается в источниках, например: «Весь же мрамор исполнен грамот еллинских» (Козма Индикоплов). Текст на ободке сохранился целиком. Он гласит: «Есть градъ между нобомъ и землею, а к ному еде посоль безъ пути, самъ нимъ, везе грамоту непсану». Буква О здесь дважды заменяет Е (нобом, ному). Может быть отмечена древнерусская форма: «непсану» вместо «неписану». По содержанию грамота № 10 является народной загадкой. Этот поэтический текст говорит о том, что береста может сохранить и произведения древнерусской литературы.

Все 10 грамот по содержанию распадаются так: 7 частных писем, 2 хозяйственных документа и 1 поэтический текст. Самое существование в древней Руси частных писем было до сих пор неизвестно, тем более такое их обилие, а в культурном слое они, оказывается, лежат недалеко друг от друга и в разных слоях. Письма знакомят нас с разными сторонами жизни Новгорода Великого, касаются бытовых, юридических и экономических вопросов; политических вопросов найденные пока экземпляры не касаются, но вообще и эта сторона истории будет, вероятно, отражена в письмах. О значении хозяйственных документов, особенно грамоты № 1, речь уже была.

Грамоты ценны не только как исторические источники. Филологи, несомненно, используют их для истории русского языка, тем более, что речь здесь не книжная и не канцелярская, а самая непринужденная. Надо полагать, что берестяные грамоты будут найдены не только в Новгороде, но и в других русских городах, где сохраняются дерево и береста, например, в Ладоге, Белоозере, Вологде, Смоленске, а, может быть, и в Москве, а также в некоторых польских и чехословацких городах. Новгородские находки интересны и тем, что они опровергают распространенный предрассудок, будто грамотность в древней Руси была привилегией

0 1 2 3 см

Рис. 14. Грамота № 10. (Прорись).

духовенства. Рядовые светские новгородские горожане пишут друг другу письма по бытовым вопросам, и писем этих было много, судя по случайным находкам в разных слоях небольшого раскопа.

Широкое распространение в Великом Новгороде грамотности доказывается и надписями на предметах, преимущественно деревянных. Такие находки были и при прошлых раскопках (1947 и 1948 гг.), позволяя утверждать, что грамотны были не только сами граждане, метившие имущество своими именами и инициалами, но и их соседи, для которых эти пометки предназначались. В 1951 г. были найдены надписи различных новых типов.

На бревне нижнего венца сруба, принадлежащего пятому строительному ярусу и датируемого XIV—XV вв., оказалась большая буква А, вырубленная тремя ударами плотницкого топора (пласт 11-й, глубина 2,13 м., квадрат 53). Это славянская цифра 1. На Руси издревле распространен обычай перевозить готовые срубы в разобранном виде и собирать их на новом месте. Венцы при этом метились зарубками, число которых означало номер венца; так было до XX в. Но в древнем Новгороде грамотный плотник для грамотных плотников метил венцы цифрами.

В слое XII в. найдена деревянная крышка кадучки с надписью (пласт 21-й, глубина 4,1 м, квадрат 78). Она залегала между четырнадцатым и пятнадцатым строительными ярусами, внутри маленького сруба, служившего, повидимому, сараем. Надпись состоит из трех букв: первая из них — большое глаголическое М, затем следуют кирилловские Н и Б. Глаголическое М от основного типа этой буквы отличается лишь отсутствием боковых маленьких колечек. Но вырезать эти колечки простым средневековым ножом на твердой доске едва ли возможно. На крышке кадучки все линии поневоле прямолинейны, в том числе и Ъ еще прямолинейнее, чем на грамотах. Первая буква и без колечек сохраняла свой понятный и своеобразный контур. Смешение глаголических и кирилловских букв в Новгороде вообще известно (книга попа Упыря Лихого, надписи Софийского собора). Слово «мнь» можно читать «мень», что значит налим. Таким образом, древний общеславянский алфавит, глаголица, применялся новгородцами и в домашнем хозяйственном быту. Надпись заставляет предположить, что несколько кадучек с рыбой стояли рядом, и, чтобы их различить, на крышках были надписи.

В том же слое XII в. найдена медная узкая пластинка с латинской надписью. Она залегала между тринадцатым и четырнадцатым строительными ярусами, возле наружной стены жилого сруба (пласт 21-й, глубина 4 м, квадрат 62; рис. 15). В пластинке несколько отверстий для мелких гвоздиков, она прикреплялась к деревянному или костяному предмету, с обоих концов обломана. Надпись гласит: «...t: me: Buris: ab...». Слова разделены двоеточиями. Слово «me», меня, дает опору для реконструкции текста. Это подпись к изделию, а на подобных средневековых подписях встречаются слова «fecit me». Перевести можно: «сделал меня Бурис от ...» А. И. Смирницкий сообщил мне, что имя Бурис не может иметь ни германского, ни вообще западноевропейского происхождения. Это, очевидно, русское имя Борис. Переход О в У постоянно встречается в германских языках, через посредство которых на Русь могла проникнуть латинская грамота; тем более этот переход понятен для русского неударного О. Такое чтение подтверждается и тем, что в 1436 г. новгородский посадник Борис назван в немецкой грамоте Buritze. Имя Борис у западных славян не встречается. Есть все основания полагать, что автором этой латинской надписи был новгородец.

Затем в том же слое XII в. найдена большая массивная кость моржа (обломанная). Она залегала между пятнадцатым и шестнадцатым

Рис. 15. Надпись на медной пластинке.

Рис. 16. Надпись на моржовой кости.

строительными ярусами, возле мостовой (пласт 22-й, глубина 4,35 м, квадрат 58; рис. 16). На ней надпись «Домо»; заглавное Д имеет узорчатую форму. Это, вероятно, сокращение имени владельца; в Новгородской летописи XIII в. есть имя Доможир, в псковском акте того же времени — имя Домослав. Владелец расписался на диковинной и красивой кости, привезенной с далекого моря.

В слое XI в. найден деревянный цилиндр с надписью. Он залегал между двадцать третьим и двадцать четвертым строительными ярусами, возле мостовой (пласт 29-й, глубина 5,64 м, квадрат 49; рис. 17). Цилиндр сделан тщательно, длина его 9 см, ширина 6 см; внутри его два взаимно перпендикулярных сквозных канала. Надпись гласит: «емця гривны 3». Емцы упоминаются в Русской Правде, где сказано: «а от 12 гривну емцю 70 кун». Н. И. Ланге так толкует этот термин: «Емцы или мечники, без сомнения, были лица, состоявшие при посадниках для имання, т. е. для представления к суду, но не одних только татей, а вообще обвиняемых»¹. Емец получал определенный процент от судебных взысканий; при счете 25 кун на гривну 70 кун от 12 гривен составляют 23%. На оборотной стороне этого деревянного цилиндра изображен один из варпантов знака Рюриковичей. Здесь как бы зеркальное изображение того варианта знака, который исследователями приписывается Олегу Святославичу². Этот князь в Новгороде не жил; там княжили его братья Глеб и Давид.

¹ Правда Русская, т. 2, 1947, стр. 232.

² А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. ИАН СССР, 1930, № 3, стр. 101 и 107; Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. СА, VI, 1940, стр. 232—233.

Рис. 17. Надпись на деревянном цилиндре.

Вещественные древности, найденные в 1951 г. в Новгороде, настолько обильны и разнообразны, что более или менее полная их характеристика невозможна в пределах настоящей статьи.

Быть может, наиболее интересны деревянные предметы: детали станков, блоки, весла, гребни, бирки, вальки, чаши, ковши, ложки, крышки, лопаты, колодки, полозья, двери, игрушки, художественные изделия и т. д.; специальную статью об этих находках пишет Б. А. Колчин, поэтому я не касаюсь их здесь вовсе.

Глиняная посуда, как обычно, обильна, но я поныне затрудняюсь развить ту краткую характеристику новгородской керамики, которую я давал при издании довоенных раскопок. Тогда были в общих чертах намечены изменения ее профилей и других признаков по эпохам. Наметки эти недостаточны, но произведенные при послевоенных раскопках массовые зарисовки профилей не дали ничего нового. Новгородская посуда мало менялась из века в век. Для хронологических определений слоев керамика, несмотря на ее обилие, менее полезна, чем вышеперечисленные предметы (стеклянные браслеты, пряслица, бусы, печати). Тем не менее изучать дальше ее хронологию надо, но это требует трудов целого коллектива. Обильные материалы для этой работы попрежнему собираются.

Раскопки 1951 г. с особой наглядностью подтвердили, что новгородская керамика уже в X в. вся изготовлялась на гончарном кругу. Это было известно и раньше, в частности по раскопкам языческого святилища в восточной части Ярославова Дворища; но теперь доказательства особенно многочисленны: слой X в. в Неревском раскопе толст. Многие археологи переоценивают хронологическое значение гончарного круга вообще, для древней Руси в частности. Этот прибор является признаком не хронологическим, а социальным, свидетельствуя всегда и всюду о появлении гончарного ремесла. Эта гипотеза, высказанная мною свыше 20 лет назад, теперь принята большинством советских археологов. Но гончарное ремесло даже в разных пунктах одной и той же области

появлялось в разные сроки. Теперь можно утверждать, что в Новгороде гончары стали работать значительно раньше, чем в новгородской деревне, и значительно раньше, чем в большинстве русских городов.

Среди новгородских костяных изделий, как всегда, многочисленны гребни; деревянных гребней тоже много; те и другие обычно двусторонни.

Из художественных изделий наиболее замечательна прорезная костяная бляха, изображающая пьющую из сосуда русалку (рис. 18). К сожалению, половина этой бляхи отломана. Сохранились: голова русалки, туловище, руки, сосуд и часть хвоста над головой. Распущенные волосы развеваются по ветру (может быть, по течению воды). Русалка одета, вдоль груди идет линия застежек. Сосуд, который она держит обеими ру-

Рис. 18. Костяная бляха с изображением русалки.

Рис. 19. Костяной крюк.

ками, может быть определен: это ритон, напоминающий турьи рога Черной Могилы; турий рог в виде сосуда упомянут еще в Псковской летописи XV в. В целом изображение надо признать чрезвычайно условным и сознательно гротескным; особенно характерны в этом отношении глаза, нос и губы. Фигурка имеет много общего с гротескными человечками новгородских книжных инициалов XIV в., но те выполнены смелыми и легкими росчерками, а здесь резьба на твердом материале обусловила твердость контура. В целом получилось произведение искусства манерного и своеобразного, известного нам до сих пор недостаточно. Диаметр всей бляхи 6 см. Найдена она в слое XIV в. (пласт 15-й, кв. 81); эта дата вполне соответствует ее стилистическим особенностям.

Любопытной деталью одежды является костяной крюк, надевавшийся, по видимому, на пояс (рис. 19). Верхняя его часть представляет

собой продолговатую прямоугольную обойму, куда продевался пояс; нижняя часть состоит из щитка, примыкающего к обойме, и загнутого вверх щитка, параллельно первому. Все это вырезано из одной толстой кости; длина предмета 8 см. На этом крюке, вероятно, носили оружие. Внешние поверхности обоймы и загнутого кверху щитка покрыты рельефным орнаментом. Это разновидность узора из изогнутых веток, столь распространенного в средние века во многих странах Европы и Азии, в том числе на Руси. Варианты веточного узора хорошо представлены в орнаментальных окаймлениях фресок некоторых новгородских церквей. Описанный костяной предмет найден в слое XIV в. (пласт 15-й, кв. 46); для этого времени веточный узор уже архаичен, хотя еще встречается.

Неоднократно найдена скорлупа красных краше-ных яиц.

Из каменных изделий можно особо отметить маленькую иконку, явно составлявшую часть Деисуса (рис. 20). Рельефом изображена погрудно фигура женщины со скрещенными на груди руками и склоненной к плечу головой. Вероятно, это богородица. Голова ее склоняется перед центральной фигурой Деисуса, Христом. Одежда для богородицы обычна. Иконка представляет собой четырехугольную плитку, которая должна была вставляться в рамку, скреплявшую части Деисуса. Работа тонкая, но лицо фигуры, к сожалению, повреждено. Длина иконки 2,6 см. Залегала она в слое XV в. (пласт 10-й, кв. 37).

Рис. 20. Каменная иконка. (Увел. в 3 раза)

Довольно многочисленны были в Неревском раскопе находки женских украшений. О стеклянных браслетах и о бусах речь была выше. Много было и изделий из цветного металла. Хорошо представлены браслеты, перстни, пряжки и привески, в том числе лунницы. Даты этих предметов известны по курганным находкам, распределение их по пластам раскопа лишней раз подтверждает вышеустановленную хронологию.

Надо особо упомянуть ромбощитковое височное кольцо. Такие кольца наиболее типичны для курганов Новгородской земли, но в городе они до сих пор не встречались. Теперь здесь найден хороший экземпляр, притом совершенно целый (рис. 22). Это кольцо щитковоконечное (подобно большинству курганных экземпляров). Число ромбических щитков — четыре с половиной. Узор на них обычный: крестики из пяти кружков. Поперечник кольца 9 см. Курганный дата этих украшений XI—XII вв. Залегало височное кольцо в слое XI в. (пласт 25-й, кв. 12).

Бронзовый кувшин прекрасной сохранности обнаружен на дне небольшого погребка (рис. 21). Этот погреб открылся на глубине 5,12 м, был связан с двадцатым строительным ярусом и относился тем самым к XI в. Дно погребка оказалось на глубине 6,96 м, где и найден кувшин. Погреб был четырехугольным срубом, длина его 1,9 м, ширина 0,9 м, высота 1,84 м; находился он в квадратах 22 и 23. Число венцов—12. В основании погребка был пол, состоявший из семи досок, на нем лежал кувшин. Он сделан из желтой бронзы, не подвергшейся коррозии, что для бронзовых предметов в Неревском раскопе обычно. Доньшко припаяно оловом. Никаких повреждений кувшин не имеет. По его тулову проведено несколько полос линейного орнамента. Горлышко очень узкое. Поддона нет. На ручке маленькая птичка с хохолком и поднятым вверх

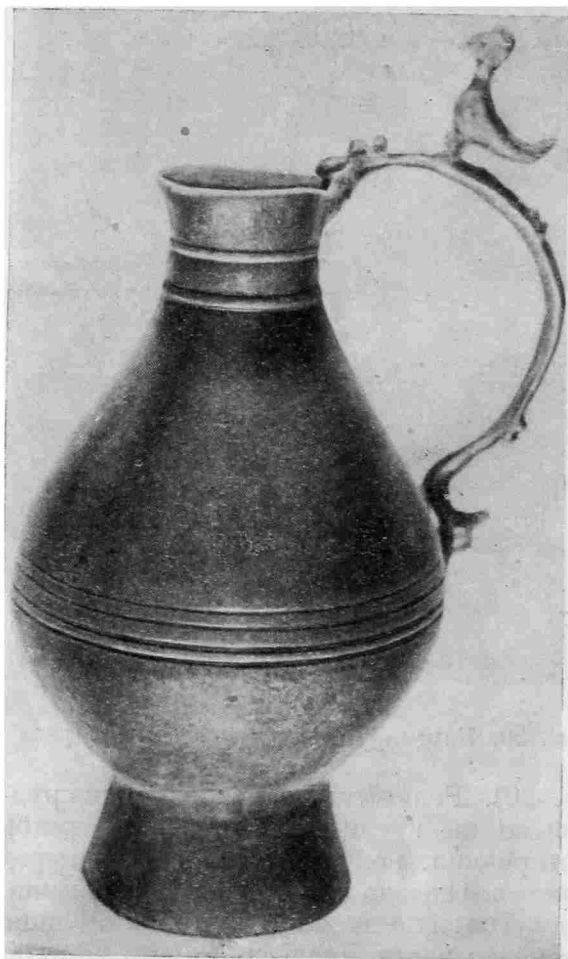

Рис. 21. Бронзовый кувшин.

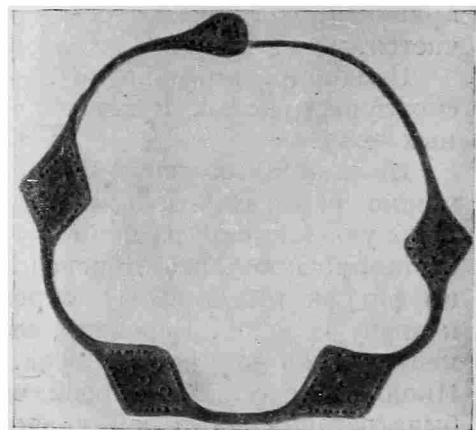

Рис. 22. Ромбошлитковое височное кольцо.

хвостом. Высота кувшина 16 см. По авторитетному определению М. Е. Массона и М. М. Дьяконова, кувшин происходит из Средней Азии; его среднеазиатская дата — IX — X вв.

Среди железных вещей имеются серпы, топоры, ножи, скобели, молотки, ножницы, долота, стрелы, сверла, кресала, ключи, замки и многое другое. Остановлюсь здесь лишь на четырех наиболее важных железных изделиях.

Особенно ценна находка железной пилы (рис. 23). История этого орудия труда археологически изучена плохо. По изделиям доказано широкое применение мелких пил для производства деревянных и костяных гребней, для костерезных работ вообще и т. д. Срубы и крупные деревянные изделия на Руси изготовлялись при помощи топора, которым русские плотники могли, как известно, выполнять любые работы. Леса

не жалели: его было слишком много; даже в XVII — XVIII вв. плотницкие пилы распространялись медленно. Бревна, находимые при раскопках, рублены топорами, а доски — теслами. Найденная теперь пила существенно отличается от древнерусских пил, известных доньше (Райки, Старая Рязань, Княжая Гора, Старая Ладога, Владимир). Все они, кроме одной, меньше, чем теперь найденная; длина ее без черенка 39 см; сохранилась она целиком, только черенок почти весь отломан; число зубьев — 73. Это ножовка, а найденные до сих пор пилы все лучковые (если не считать неясных обломков). Но наиболее интересно, что это разводная пила. Зубцы ее тщательно и правильно разводены, как это обычно делается на современных пилах; найденные в других древнерусских городах пилы все не были

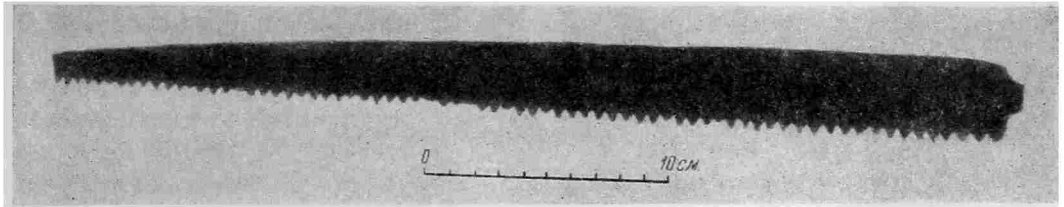

Рис. 23. Железная пила.

разведены, да и не могли быть: сечение их полотна треугольное. У новгородской пилы сечение полотна прямоугольное, как это и должно быть у разводной пилы. Порядок разводки зубцов следующий: первый отведен налево, второй оставлен в плоскости полотна, третий отведен направо и т. д. много раз. При новгородских раскопках 1948 г. был встречен обломок разводной пилы в слое XIV в., теперь найдена целая пила и более древняя. Вероятно, она столярная, но, судя по размерам и по ширине разводки, она вполне могла применяться и для плотничных работ. Выполнение этих работ в Новгороде топорами и теслами не было вызвано ни отсутствием пил, ни каким-либо их своеобразием. Пила найдена в слое XI в.: в пласте 25-м, на глубине 4,85 м, в восемнадцатом строительном ярусе, в квадрате 21, у наружной стены жилого сруба.

Из орудий труда можно отметить еще железный сошник, продолговатый и асимметричный, явно предназначенный для русской двузубой сохи (рис. 24). Длина его 28 см. Датированные находки сошников редки. Этот найден в слое XIII в. (пласт 18-й, кв. 31).

Железный двойной топорик имел, вероятно, церемониальное и декоративное назначение (рис. 25). Оба лезвия его дугообразны, лопасти опущены вниз и возле проуха пересечены орнаментальными полосами. Снаружи железо покрыто белым металлом. Сохранилась часть деревянной рукоятки. Ширина топорика 10,5 см. Найден он в слое XI в. (пласт 25-й, кв. 21).

Наконец, большое метрологическое значение имеет железная гиря, самая тяжелая из найденных поныне древнерусских гирь (рис. 26). При взвешивании в Новгороде в день находки вес ее оказался 2450 г, т. е. почти ровно 6 фунтов; совпадение, если принять во внимание коррозию, можно признать точным; оно удивительно для кузнечного производства, а гиря явно выкована кузнецом. Теперь, после удаления ржавчины, вес 2385 г. Нижняя часть гири имеет форму усеченного конуса, верхняя — форму полушара. Сверху имеется петля и продетый в нее крюк. Высота гири без крюка 8 см, общая высота 15 см. находка эта лишний раз подтверждает широкое распространение в древней Руси месопотамской

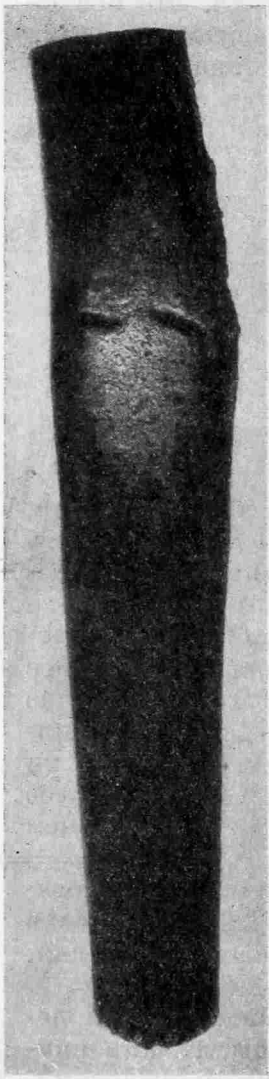

Рис. 24. Железный сошник.

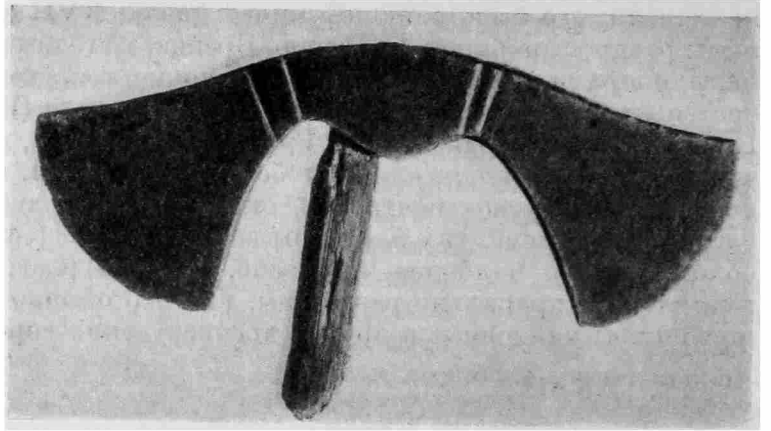

Рис. 25. Железный двойной топорик.

Рис. 26. Железная ги́ря.

системы веса, от которой произошел позднейший русский фунт; в метрологии это распространение общепризнано. Но до сих пор в археологическом материале были известны только гири для мелких взвешиваний. Они все много меньше, чем найденная теперь. Но она важна не только своим весом, но и устройством. Ее форма, петля и крюк свидетельствуют, что она предназначалась для весов так называемого римского типа. С ее помощью на таких весах можно было взвесить груз, по меньшей мере сорократный, т. е. 6 пудов. Ги́ря найдена в слое XI в. (пласт 24-й, кв. 50).

Любопытные выводы позволяет сделать статистика находок грецких орехов. Они (точнее — их скорлупки) встречались в Новгороде и раньше, притом в нижних слоях. Теперь их оказалось сравнительно много, и связь с нижними слоями установлена точно. Грецких орехов — 20 (в большинстве случаев это целые скорлупки), из них лишь 1 в слое XV в. (пласт 10-й) и 19 в слоях X—XI вв. (в пластах: 23-м — 1, 24-м — 2, 25-м — 7, 26-м — 2, 27-м — 2, 28-м — 2, 29-м — 1, 30-м — 1, 31-м — 1). Это можно понять: в X—XI вв. особенно интенсивно действовали днепровский путь в Крым и Грецию и волжский путь в Среднюю Азию и Иран.

В неслыханном до сих пор количестве Неревский раскоп дал древнерусские зерна. Их несколько десятков пудов. Зерна взяты целиком, и разборка их займет много лет. Можно будет не только изучить самые сорта ржи, пшеницы, ячменя и проса разных эпох; значение этих находок больше. Видовые определения примешанных к злакам сорняков позволят выяснить разные агрономические варианты переложной и трехпольной систем земледелия. Это тем важнее, что зерна точно датированы. Они почти все найдены в амбарах, дата каждого из которых хорошо устанавливается стратиграфически, что позволит изучить новгородское земледелие в его развитии.

Новгород Великий — яркое и своеобразное историческое явление. Значение его в истории нашей Родины невозможно переоценить. Но летописные и иные известия о Новгороде сравнительно немногочисленны. Письменные источники могут быть дополнены вещественными. Раскопками добыто уже немало новгородских вещественных древностей, и еще больше будет добыто; они для исторических выводов предоставили новые возможности. Но теперь археологи научились добывать и письменные источники. Находки 1951 г. — только начало. Берестяные грамоты, которыми, очевидно, насыщен культурный слой Неревского раскопа, должны быть извлечены из земли и стать достоянием науки. Содержание их должно быть чрезвычайно разнообразно, что откроет неограниченные возможности познания новгородской истории. Сквозь толщу земли, сквозь толщу веков до нас стали доходить живые голоса древних новгородцев.

В. Л. ЯНИН

ПЕЧАТИ ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК 1951 г.

Малая изученность и отсутствие сколько-нибудь удовлетворительной систематизации древнерусских печатей чрезвычайно мешают нашей сфрагистике превратиться не только в науку, могущую давать важные исторические выводы, какой она, несомненно, будет со временем, но и в надежное основание для тех или иных датировок. Печати, сохранившиеся при грамотах, относятся к сравнительно позднему периоду, оставляя для исследования домонгольской сфрагистики широкое поле сомнительных сопоставлений, соображений о художественном стиле, гаданий о христианских именах князей и т. д. Очень часто вместо окончательного, неоспоримого вывода приходится поэтому пользоваться лишь более или менее смелым предположением. Значительную важность благодаря этому получают данные топографии сфрагистических находок и особенно подробности этих данных, когда дело касается памятника с очень пестрым составом находок. Таким памятником является Великий Новгород, который вообще для русской сфрагистики имеет исключительное значение, так как большинство известных сейчас печатей происходит из новгородских находок. На необходимость исследования сфрагистической топографии еще в 1940 г. указал Н. Г. Порфиридов¹. Известно, какое резкое отличие имеет материал Городища в сравнении с находками на Ярославовом Дворище и в Кремле. Если Новгород в пределах городской черты давал почти исключительно находки архиепископских, наместничьих, государственных, тиунских, великокняжеских и других печатей XIV—XV вв., то материал Городища изобилует печатями домонгольского времени, своей однородностью и самим местом находки подтверждая определение этих печатей княжескими.

Еще большее значение для систематизации сфрагистических памятников имеют данные археологической стратиграфии, особенно когда речь идет не об отдельных находках, а о значительных комплексах, происходящих из однородных и определенных слоев. Такие возможности в Новгороде открылись в результате раскопок широкой площадью. В раскопках прошлых лет на Ярославовом Дворище печатей, правда, было найдено немного, и относились они к сравнительно позднему времени. Иная картина открылась при раскопках на Неревском конце в 1951 г. Из пятнадцати печатей, найденных в Неревском раскопе площадью 18 × 18 м, только четыре относятся ко времени позднее XIII в., девять же

¹ Н. Г. Порфиридов. Очерки памятников новгородской сфрагистики. «Новгородский исторический сборник», в. 8, Новгород, 1940, стр. 20.

печатей обнаружены в типичных, нигде не нарушенных перекопами домонгольских слоях ¹.

Ниже помещаю описание найденных в раскопе на Неревском конце печатей, начиная со стратиграфически наиболее поздних.

1. Пласт 6-й, кв. 17 (рис. 1). Костяная печать в виде низкого цилиндра диаметром 1,70 см с одной плоской и другой выпуклой стороной. Внутри,

по диаметру, канал для шнура. Выпуклая сторона украшена циркульным орнаментом, на плоской, вокруг неясного изображения (цветок?), надпись «СЄМН. ВАПЄ». Надпись вырезана позитивно и очень неглубоко, оттиск получается неясный. Печать оставляет впечатление только начатой изготовлением и затем брошенной. Найдена в верхнем слое, единственном в раскопе со смешанным материалом, не дающем находок ранее XVI в.

Рис. 1. Костяная печать из верхнего слоя и оттиск с нее.

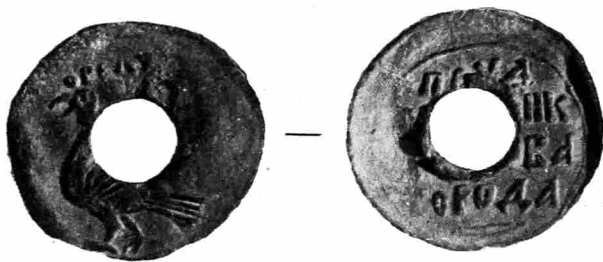

Рис. 2. Печать Великого Новгорода, XV в.

2. Пласт 8-й, кв. 49 (рис. 2.) Свинцовая круглая печать диаметром 3,00 см. Лицевая сторона:

изображение сидящей птицы с раскрытым клювом, влево; влево; наверху: ОРЕЛЬ. Обратная сторона: надпись в четыре строки. «ПЕЧА | Т...НК | ...ВА | ГОРОДА»; вокруг линейный ободок.

Печать пробита в центре большим отверстием (диаметр 1,20 см).

Государственная печать Великого Новгорода с изображением птицы принадлежит к числу наиболее редких находок, и ни одна из них не сохранилась при каком-либо древнем акте. Наиболее интересными аналогиями нашей печати являются две, также имеющие надпись «орель». Одна из них найдена летом 1928 г в Новгородском Кремле, в проходе под аркой, ведущей к водоплавательной станции Освода ²; другая, также найденная в Новгороде, воспроизведена Н. П. Лихачевым в Сфрагистическом альбоме ³ (табл. LV, 8). Оба экземпляра — других матриц, нежели наша печать, но близки ей как по палеографическим признакам, так и по композиции, величине, особенностям изображения птицы и т. д. На нашем экземпляре слово «орель» сохранилось отчетливо в отличие от ранее известных, где оно только угадывалось. Описывая новгородский экземпляр подобной печати, Н. Г. Порфиридов отметил печати должностных лиц Новгорода с изображением птицы. Такими оказались печати посадника Дмитрия Васильевича и тысяцкого Михаила Андреевича при жалованной грамоте Великого Новгорода Сергиеву монастырю, 1447—1454 гг.,

¹ К числу пятнадцати печатей я отношу также две заготовки, о которых будет сказано ниже.

² Н. Г. Порфиридов. Ук. соч., стр. 31, № 12, рис. 6; Собр. Новгородского музея, инв. № 3510.

³ Хранится в Архиве НИМГ (Ленинград).

и посадника Ивана Лукинича при жалованной грамоте Великого Новгорода Соловецкому монастырю, 1459—1470 гг.¹

Приведу несколько соображений, подтверждающих датировку печати XV в. Печати, несущие эмблему со словесным объяснением, — не единичное явление в новгородской сфрагистике. Кроме печатей с изображением

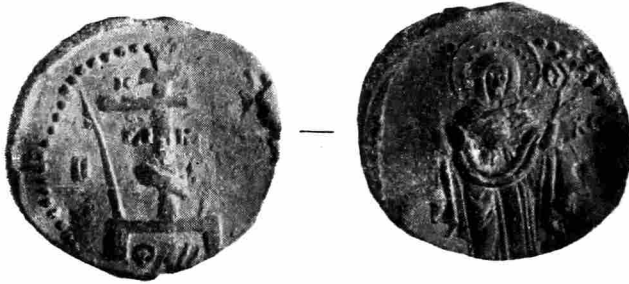

Рис. 3. Архиепископская печать. XV в.

орла и соответствующей надписью, известна печать с изображением рыси и пояснением: «А СЕ ЛЮТЪЗВЪРЬ». Две такие печати сохранились при грамотах 1417 и 1418—1421 гг.² Между тем на этих печатях с лютым зверем оборот имеет надпись «ПЕЧАТЬ НОВГОРОЧКАА», которая, как показывают наблюдения над

печатями датированных грамот, в общем предшествует надписи «ПЕЧАТЬ ВЕЛНКОГО НОВАГОРОДА». Мне кажется наиболее вероятным, что печати с орлом сменяют печати с лютым зверем и относятся ко времени около середины XV в.³

3. Пласт 9-й, кв. 73 (рис. 3). Свинцовая круглая печать диаметром 3,70—3,80 см.

Лицевая сторона: восьмиконечный крест на подножии; по сторонам — изображение копья и трости, упирающихся в подножие; под крестом адамова голова; по сторонам креста: «...IC — NI — KA»; по сторонам страстей: \wedge —.; вокруг точечный ободок.

Оборотная сторона: изображение богородицы типа «Знамение»; по сторонам: «.. — HV | — XC»; вокруг точечный ободок.

Однотипные печати весьма распространены среди новгородских находок и сохранились в значительном числе при грамотах. Последние свидетельствуют, что это архиепископские печати. Наличие при изображении креста страстей указывает на XV в., но возможна и очень точная датировка. Экземпляр архиепископской печати той же матрицы сохранился

¹ Н. Г. Порффиридов. Ук. соч., стр. 31.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949. Грамоты № 53 и 58.

³ Сотрудником Новгородской экспедиции студентом Московского архивного института Б. Томаном была поднята на берегу Волхова у часовни Чудного Креста выброшенная при земляных работах свинцовая круглая печать Великого Новгорода диаметром 2,60—2,70 см с изображением грифона вправо в точечном ободке на одной стороне и надписью: «ПЕЧАТ.:/ВЕЛНН/ОГОНО/ВАГОР/ОДА» — на другой (рис. 4). Вариант найден впервые; по аналогии многочисленным печатям с грифонами и характеру надписи датируется XV в. Интересной его особенностью является то, что четвертая строка надписи была сначала пропущена резчиком и вписана мелкими буквами потом. Обращаю внимание на восточную часть Кремля и прилегающий

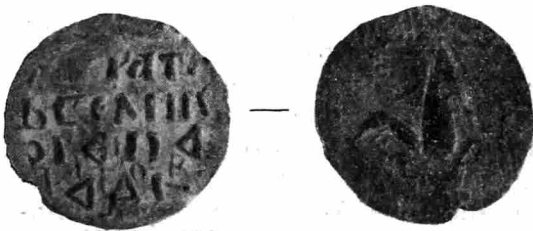

Рис. 4. Печать Великого Новгорода XV в., найденная на берегу Волхова.

берег Волхова, как на место, давшее уже значительное количество государственных печатей Новгорода XV в.

значительное количество государственных

при данной грамоте Толвуйской земли Палеостровскому монастырю на Палий остров с мальми островами, 1415—1421 гг.¹ Издание «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» указывает «точно такие же» владычные печати при грамотах 1440—1447, 1448—1454, 1471—1482 и 1478—1480 гг.², но проверка по Сфрагистическому альбому Н. П. Лихачева показала, что там приведены хотя и близкие, но отличные по мелким подробностям матриц экземпляры.

Взаимное расположение описанной печати с лежащей выше печатью Великого Новгорода («орель») подтверждает принятую мной более позднюю датировку последней.

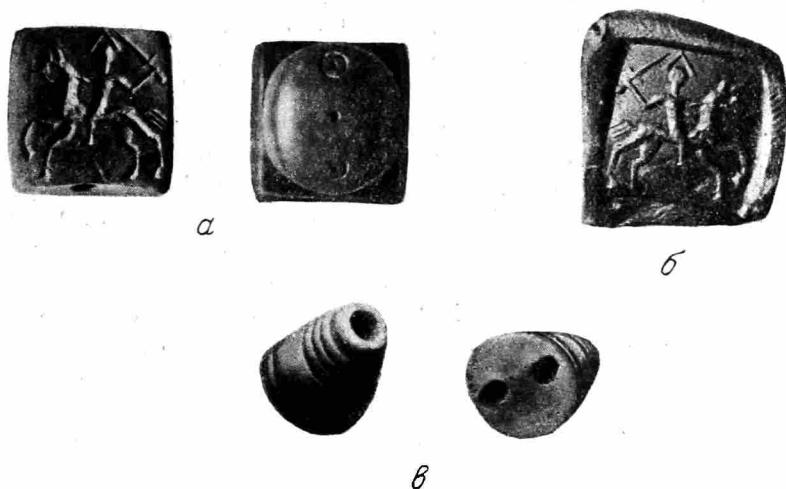

Рис. 5.

а — костяная печать XV в.; б — оттиск с печати; в — костяная поделка.

4. Пласт 11-й, кв. 68 (рис. 5, а и б). Костяная печать в виде низкой призмы с квадратным основанием. Одна сторона призмы плоская, на другой — полусферическое утолщение, украшенное циркульными глазками. На плоской стороне — врезанное изображение всадника влево, в шлеме конической формы и с мечом в руке. Меч — колющий с прямым перекрестием и круглым навершием. Внутри призмы, параллельно изображению, — канал для шнура.

Несколькими сантиметрами ниже этой печати и рядом с ней была найдена небольшая костяная коническая поделка, украшенная врезанными поясками, с каналом внутри конуса, выходящим на основание двумя отверстиями, а на вершину — одним (рис. 5, в).

Обе находки изготовлены из кости одной и той же фактуры, очень хорошо и одинаково отполированы. Вероятно, маленькая коническая поделка имеет прямое отношение к найденной вместе с ней прикладной печати, носилась с ней на одном шнурке и служила бусиной, скрывающей в себе узел шнура.

Описанная костяная печать найдена в одном слое и на одной глубине с берестяной грамотой № 1, которую М. Н. Тихомиров датирует по палеографическим признакам первой четвертью XV в., и немного ниже архиепископской печати 20-х годов XV в. По стилю работы она не противоречит этой датировке, находя аналогии в изображении всадника печати князя

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 147, грамота № 90; Н. П. Лихачев. Альбом, XII, 10. Экземпляр той же матрицы на табл. XXXVI, 10.

² Грамоты № 70, 95, 99, 318.

Ивана Андреевича (40-е годы XV в.)¹ и в четырехугольной форме и величине штампа печатей игумена Троице-Сергиева монастыря того же времени². Что касается Новгорода, интересно отметить короткий период бытования восковых печатей в 1418—1421 гг., когда, судя по грамотам, восковые печати не только преобладали над свинцовыми, но иногда даже отжимались матрицами последних³.

Следующие два метра, от глубины 2,20 до 4,20 м, определяемые находками XIV—XIII вв., не дали печатей совсем, если не считать двух заготовок, обнаруженных в 13 и 16-м пластах. Отсутствие печатей в этом слое следует считать простой случайностью. На это указывают и обнаруженные здесь заготовки, и находка в 1948 г. Б. К. Мантейфелем в раскопе, расположенном в близком соседстве с Неревским раскопом 1951 г., печати начала XIV в. с надписью «Семенова печать новгородского»⁴. В то же время картина сфрагистических находок на Неревском раскопе до известной степени отражает действительную историю развития новгородской сфрагистики, пережившей, как известно, дважды периоды количественного расцвета — в домонгольское время и в XV в. Находки XIV в. и особенно второй половины XIII в. вообще более редки. Расцвет новгородской сфрагистики в домонгольское время хорошо представлен находками в Неревском раскопе. Положение этих находок в сравнительно тонком слое (от глубины 4,20 до 5,20 м), в то время как слой с шиферными пряслицами (X—XIII вв.) продолжается до глубины 6,80 м, говорит о том, что этот расцвет относился скорее к концу домонгольского периода, а не продолжался два с половиной столетия, как это принято обычно считать. Некоторые дополнительные данные по этому поводу будут высказаны ниже.

В 22-м пласте (глубина 4,20—4,40 м) были обнаружены следующие печати.

5. В кв. 12 (рис. 6) — круглая свинцовая печать диаметром 2,10—2,50 см.

Лицевая сторона: изображение св. Иоанна Предтечи в рост. по сторонам надписи:

«о	īw
а	о.
гг	р
о	ш
с	о».

Оборотная сторона: надпись в пять строк:

«ГГНПО|МОЗНР|АБУСВw €МУН€|ВАНУ».

Подобная печать обнаружена впервые. Несмотря на то, что изображение Иоанна Предтечи чрезвычайно распространено в домонгольской сфрагистике Новгорода, до сих пор не установлено, какому князю принадлежит это христианское имя. Подробнее эта печать будет разобрана после описания следующей, найденной здесь же, печати, связанной с ней единством сюжета.

¹ П. И в а н о в. Сборник снимков с древних печатей... М., 1858, табл. I, Печати XV века, № 3.

² Там же, табл. II, № 33, 34.

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, № 57, 58, 60.

⁴ Новгородский музей, инв. № 10949; экземпляр той же матрицы у Н. П. Лихачева. — Альбом, XX. 2.

Напротив, Мстислав Ростиславич Храбрый полностью отвечает требованиям наших сведений. У него было три сына, как и он занимавших важное место в истории Новгорода: Мстислав Удалой был Новгородским князем, Владимир — Псковским, Давид — Торопецким. Попутно отмечу, что если действительно наши печати принадлежали Мстиславу Храброму, носившему, таким образом, имя Иван, то Мстиславу Удалому, его сыну, следует приписать печати с изображением Иоанна Предтечи и св. Пантелеймона, которые чаще других встречаются в Новгороде¹. Интересно, что на этих печатях имя Иван написано в той же транскрипции, что и на нашей печати № 5: ИЄВАНЪ. Написание ИЄВАНОСЪ отмечено также на фресках Спаса-Нередицы (1199 г.) и на «Еваньском локте» из Новгородских раскопок 1948 г. (XII в.)².

Определив печати с изображением Иоанна Предтечи временем второй половины XII в., нужно теперь остановиться на одном мнении, как будто противоречащем этой датировке. Изучая группу печатей с русской формулой «Господи, помози рабу своему», Н. П. Лихачев пришел к выводу о том, что все эти печати принадлежат «к старейшему периоду»³. Основанием этому послужили многочисленные печати с именем Василия, происходящие, главным образом, из южной Руси, которые Н. П. Лихачев приписал Владимиру Мономаху, и известная компактность всей группы подобных печатей, определяемая общностью палеографических особенностей, художественным стилем и характером композиции изображений и надписей. Сами надписи по смыслу повторяют греческие легенды византийских печатей, что и послужило Н. П. Лихачеву поводом датировать их временем сильного византийского влияния.

Вновь найденная печать с именем Ивана, безусловно, принадлежит к той же группе и не отличается от нее по времени. Более того, Н. П. Лихачевым была издана печать с формулой «Господи, помози рабу своему Димитрию», оттиснутая на другой печати, от которой сохранились лишь концы пятистрочной надписи⁴, позволяющие утверждать, что печать Димитрия является «контрамаркой» на такой же печати Ивана, какая найдена сейчас.

Для того, чтобы убедиться в невозможности приписывать печати с формулой «Господи, помози рабу своему Василию» Владимиру Мономаху, нужно сравнить их с теми немногими достоверными свинцовыми печатями XI в., которыми сфрагистика сейчас располагает. Печати эти действительно свидетельствуют о византийском влиянии, но влиянии более сильном, чем на печатях с именем Василия. Печати Ярослава Мудрого⁵, Мстислава Владимировича⁶, Всеволода Ярославича⁷, Олега Святославича⁸ и жены его Феодании⁹ имеют надписи на греческом языке и передают титулатуру князей византийскими терминами. Единственная печать с русской надписью «Господи, помози рабу своему Василию князя русского»¹⁰ которую можно приписать Владимиру Мономаху,

¹ Н. П. Лихачев. Альбом, I, 2—6; XXIX, 9; Новгородский музей, инв. № 4068.

² А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 13.

³ Н. П. Лихачев. Материалы..., в. I, 1, 1928, стр. 103—134.

⁴ Там же, стр. 112.

⁵ Там же, стр. 154—156.

⁶ Там же, стр. 256—258.

⁷ Там же, стр. 146—154.

⁸ Там же, стр. 141—143.

⁹ Там же, стр. 137—139.

¹⁰ Там же, стр. 109.

обнаруживает также сильнейшее византийское влияние и даже резана греческим мастером, что проявилось и в синтаксисе надписи, и в особенностях палеографии (В передано как R). По внешнему облику печать эта стоит очень близко, например, к печати Феофании Музалоннис, но не обнаруживает никакого сходства с остальными печатями Василия. Из достоверных печатей XI в., кроме этой, только печати «от Ратибора» имеют русские надписи, но и они стилистически ближе всего к остальным печатям XI в.

Печати с формулой «Господи, помози» известны теперь в восьми типах¹. Самый распространенный из них — с именем Василия. Всего к настоящему времени сохранилось 11 экземпляров этого типа. Четыре из них найдены в Новгороде, четыре — в Киеве, один — в Вышгороде, один — в Звенигороде Галицком, один — в Киевской области. Последний экземпляр палеографически наиболее близок нашему с именем Ивана. Мне кажется, было бы неверным разрывать эти памятники полу столетием, если имеется возможность тесно связать их не только формальными признаками. Имя Василия носил брат Мстислава Храброго Рюрик Ростиславич, который в 1170—1171 гг. княжил в Новгороде, а затем был великим князем Киевским. Большинство остальных имен подобных печатей также находит своих носителей во второй половине XII в. — начале XIII в. Это Михаил — Ростислав Мстиславич, Дмитрий — Всеволод Юрьевич или его внук Всеволод Георгиевич, бывший Новгородским князем; Федор — Ярослав Всеволодович, Константин² — Константин Всеволодович, также новгородские князья. Неопределимы пока печати с Петром и Яковом, но по общему характеру они близки печати с именем Константина. И Петр, и Яков встречаются на других новгородских печатях XII в. — начала XIII в. Употребление термина «Господи, помози рабу своему» не чуждо новгородскому быту XII в. Аналогии надписям печатей следует искать поэтому не в греческих надписях XI в., а в русских надписях новгородских мастеров Косты и Братилы XII в. Палеографически надписи печатей особенно близки надписи Косты.

7 В том же 22-м пласту, в кв. 15, найдена круглая свинцовая печать диаметром 2,70 см, пробитая небольшим отверстием в верхней части (рис. 8).

Лицевая сторона: изображение св. Лазаря в рост с евангелием и свитком в левой руке; по сторонам:

«о	ла
а	з
гг	о
о	рь»:

вокруг точечный ободок.

¹ Н. П. Лихачев. Материалы..., в. 1, стр. 106—108; Новгородский музей, инв. № 3480.

² Единственная печать с именем Константина и русской надписью найдена в Новгороде на Городище в 1950 г. (инв. № 11882). На одной стороне — погрудное изображение царя Константина в короне, без нимба; на другой — надпись: «ГНПОМ | ЗНРАБУ | ВОСМУ...» в бусовом ободке.

Рис. 8. Печать с изображением Лазаря и Василия.

Оборотная сторона: изображение св. Василия в рост с евангелием и свитком в левой руке; по сторонам:

«о	ка
л	с
гг	н
о	л
з	wl»;

вокруг точечный ободок. Подобная печать найдена впервые. Трудность ее определения заключается в том, что св. Лазарь не встречен ранее ни на одной печати, а печатей такого типа (святые на обеих сторонах) с изображением Василия мало, хотя князей с этим именем известно несколько.

Поскольку печать найдена среди памятников второй половины XII в., хочется обратить внимание на одну композиционную особенность фресок Спаса-Нередицы. В алтаре, по сторонам Деисуса, изображены святители Ипатий и Лазарь. Деисус Спаса-Нередицы необычен: с одной стороны Христа изображен Иоанн Предтеча, а с другой — св. Марфа. Это дало Н. П. Сычеву повод предположить, что строитель церкви Ярослав Владимирович носил христианское имя Иоанн и изобразил в Деисусе патронов своего и своей жены, имя которой также неизвестно¹. Между тем давно уже было высказано предположение, что вся необычность нередицкого Деисуса заключается в ошибке переводчика, принявшего титлы $\overline{\text{MP}} - \overline{\text{OV}}$ за имя Марфа². Изображение богородицы в профиль с протянутыми вперед руками, как изображена «Марфа» в Нередице, известно. Этот тип и является как раз Деисусным. В таком случае значение приобретают святые, помещенные в непосредственной близости к Деисусу и как бы распрямляющие его. Вспомним, что отца Ярослава звали Владимиром, что он был внуком Владимира — Василия Мономаха и носил, таким образом, «дедне» имя и что равнозначность имен Владимир — Василий вообще традиционна. Эти соображения дают некоторое основание предполагать в «Лазаре Васильевиче» Ярослава Владимировича, бывшего новгородским князем в 1182—1184, 1187—1196 и 1197—1199 гг. Присутствие в Деисусе Ипатия объяснимо. Ипатий — патрон посадников — появился в домашней княжеской церкви Ярослава и даже занял там равное с княжеским место, вероятно, в силу той опасной для князя напряженности его отношений с Новгородом, которая существовала в 1199 г.

8. В выбросе из 22 или 23-го пласта была обнаружена небольшая свинцовая круглая печать диаметром в 1,40—1,60 см. Матрица печати была больше заготовки, и на печати оттиснулась лишь середина изображения (рис. 9.)

Лицевая сторона: изображение архангела в рост.

Оборотная сторона: изображение святых воинов Бориса и Глеба в рост; по сторонам:

«.	о
	Бо
	н.
	с».

¹ N. Syčev. Sur l'histoire de l'église du Sauveur à Neredicy près Novgorod. Deuxième Recueil à la mémoire de prof. Uspensky. Paris, 1932.

² И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, в. VI. СПб., 1899, стр. 135—136.

Эта печать, хотя и найдена впервые, наименее трудна для датировки. Изображение архангела указывает на Гавриила или Михаила. У Гавриила Феодоровича (Всеволода Мстиславича) детей с именем Борис, Глеб, Давид или Роман¹ не было; у его брата Михаила — Ростислава были сыновья Роман и Давид, княжившие в Новгороде. Так как на нашей печати первым помещен Глеб, ее следует приписать скорее Давиду, традиционно носившему крестное имя Глеб и бывшему новгородским князем в 1154 г. Глеб и Давид, княжившие в Новгороде в XI в., не могут быть владельцами этой печати, так как их отец Святослав Ярославич носил имя Николай. Неизвестно также ни одного князя Бориса (Романа) или Глеба (Давида), имевшего сына Михаила.

Таким образом, все четыре печати, происходящие из 22—23-го пласта, оказались очень однородными по времени, относясь ко второй половине XII в.

9—13. Пять следующих находок обнаружены на глубине 4,60—5,20 м (пласт 24-й, кв. 16; пласт 24-й, кв. 16; пласт 25-й, кв. 22; пласт 25-й кв. 60; пласт 26-й, кв. 20). Описываю их вместе из-за их однородности. Все они относятся к одному типу, хотя принадлежат разным матрицам (рис. 10). Это хорошо известные печати или, вернее, пломбы диаметром 1,30—1,60 см с изображением процветшего шестиконечного креста на одной стороне и бородатого святого на другой. По сторонам креста иногда отмечаются титлы $\overline{\text{IC}}$ — $\overline{\text{XC}}$, изображение святого без надписей.

Подобные печати-пломбы известны как из Новгорода, так, особенно, из Дрогичина. Н. П. Лихачев писал о них: «Русские свинцовые печати с изображением святого с одной стороны и крестом процветшим с другой вообще принадлежат к числу древнейших»².

Мнение это, вероятно, не совсем правильно, так как древнейшими русскими печатями были упомянутые выше моливдовулы с греческими надписями, а стратиграфия наших находок говорит о том, что они вряд ли могут быть старше рубежа XI—XII вв. Но в новгородском материале они, действительно, принадлежат к разряду старейших, потому что других печатей XI в. в Новгороде не найдено, а сокровищница русской сфрагистики — Городище становится княжеской резиденцией лишь с 30-х годов XII в.

Наблюдения над сфрагистическими памятниками в связи со стратиграфией участка позволяют прийти к одному чрезвычайно важному выводу. Дело в том, что находки стеклянных браслетов, которые для всех русских городов принято датировать серединой XI в. — серединой XIII в., прекращаются на глубине 4,8 м, на одном уровне с пломбами с процветшим крестом, немного ниже печатей второй половины XII в., т.е. в слое рубежа XI—XII вв.

Важность вывода влечет за собой необходимость всесторонней проверки его при раскопках следующих лет и заставляет особенно тщательно провести эту проверку. С другой стороны, верхний горизонт массовых находок стеклянных браслетов (2,8 м) датируется временем около начала XIV в. Такая датировка подтверждается стратиграфией участка, раскопанного в 1932—1937 гг. на Славне, где рубеж между поздними слоями

Рис. 9. Печать с изображением Бориса, Глеба и Михаила.

¹ Сыновья Владимира Борис и Глеб, впоследствии канонизированные, носили христианские имена Роман и Давид, вследствие чего всем позднейшим Романам и Давидам давались имена Борис и Глеб.

² Н. П. Лихачев. Материалы..., в. 1, стр. 98.

без стеклянных браслетов и массовыми находками стеклянных браслетов кладет стена посадника Федора 1335 г.¹ Поздняя дата бытования стеклянных браслетов в Новгороде, отличная от принятой обычно, говорит о том, что в Новгороде существовало собственное производство стеклянных украшений, уцелевшее в эпоху всеобщего монгольского разгрома. Возможно, и начало бытования браслетов следует связывать не с киевским импортом, а с началом этого собственного производства.

Многочисленность находок печатей на Неревском конце подчеркивается находками берестяных грамот в том же раскопе. Элементы письменных документов — печати, найденные в таком количестве, говорят о том, что район раскопок 1951 г. является местом больших перспектив для сфрагистики и сулит новые находки грамот. Находки печатей в этом районе засвидетельствованы неоднократно: из послевоенных назову

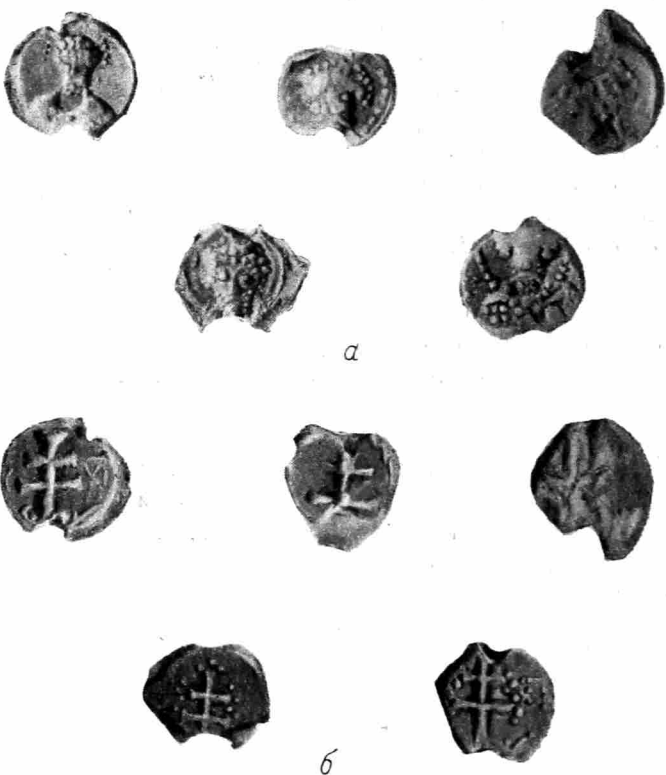

Рис. 10. Свинцовые пломбы XI в.
а — лицевая сторона; б — оборотная сторона.

увомянутую выше печать Семена из раскопок 1948 г. и печать, найденную на ул. Декабристов в июле 1950 г., с изображением архангела Михаила и св. Феодора (Ростислав Мстиславич?)².

* * *

Раскопки на Перыни дали также несколько печатей.

14. На глубине 0,40 — 0,60 м (пласт 3-й, кв. 83) найден неизвестный ранее вариант печати новоторжского наместника (рис. 11). Печать свинцовая, круглая, диаметром 2,50—2,90 см.

Лицевая сторона: изображение св. Давида на столбе; по сторонам надпись: «ДВ — ДЪ | СА — ВА».

Оборотная сторона: надпись в пять строк: «ПЕЧА | ТЬ НАМЪС | ТНИКА | НО | ВОТОРЖЪС | К. ГО».

Печать принадлежит новоторжскому наместнику архиепископа Давида (1308—1324 гг.) Савве³.

¹ А. В. Ардиховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 124.

² Новгородский музей, инв. № 11857.

³ Подробная аргументация развернута в подготовленной автором статье «Печати наместников новоторжских».

15. На той же глубине, но в другой части раскопа (пласт 3-й, кв. 38) найдена круглая свинцовая печать диаметром 2,10—2,40 см на толстой пластинке (рис. 12).

Лицевая сторона: изображение св. Павла в святительских одеждах, сидящего на престоле; по сторонам:

«о	п
д	д
г	у
с	о
	с».

Рис. 11. Печать Саввы, новоторжского наместника архиепископа Давида.

Рис. 12. Печать с изображением Иоанна Богослова и Павла.

Оборотная сторона: изображение св. Иоанна Богослова в рост, по сторонам:

«о	θε
ω	λο
	γο
	ς».

Русское происхождение печати выдает ошибочное написание ΘΕΛΟΓΟΣ вместо ΘΕΟΛΟΓΟΣ, уже отмеченное для русских памятников¹. Найденный тип печати ранее известен не был. Св. Павел очень редко встречается на печатях. Мне, кроме издаваемого типа печати, известны еще только два: один, изданный Н. П. Лихачевым², имеет на одной стороне изображение Петра и Павла, на другой — Благовещения; другой, неизданный, найденный летом 1951 г. на Городище³, изображает на одной стороне Петра и Павла, очень близко к печати, изданной Н. П. Лихачевым, а на другой — Бориса и Глеба.

Иоанн Богослов встречается чаще. Известны сочетания Иоанн — Агафонин⁴ и Иоанн — Андрей⁵, а также печать с изображением Иоанна и княжеским знаком⁶. Знак (рис. 12а) очень близок к знаку на печати с Андреем⁷ (рис. 12б), представляя собой лишь незначительное усложнение последнего.

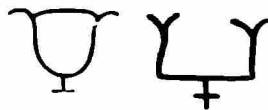

Рис. 12а. Рис. 12б.

¹ См., например, Д. А. Григоров. Русский иконописный подлинник. ЗРАО, т. III (новая серия), СПб., 1888, стр. 137.

² Н. П. Лихачев. Альбом, LIV, 6.

³ Новгородский музей, инв. № 12065.

⁴ Н. П. Лихачев. Альбом, XLII, 17.

⁵ Там же, XLII, 6.

⁶ Там же, VIII, 6.

⁷ Там же, VII, 8.

Исследователями последний приписывается Всеволоду (Андрею) Ярославичу¹. Предположение это нуждается в проверке, так как до тех пор, пока не будут выработаны общие приемы классификации княжеских знаков, все определения остаются случайными и предположительными. Однако характер изображений на вновь найденных печатях как будто не противоречит их датировке XII в.

Рис. 13. Английская печать из раскопок в Перыни.

На глубине 1,20—1,40 мм (пласт 7-й, кв. 60, жилище № 1) найдена круглая заготовка для свинцовой печати диаметром 2,20—2,80 см. Заготовка эта исполнена другой техникой, нежели найденные в раскопе на Неревском конце. Если те представляют собой круглые выпуклые свинцовые пластинки, утончающиеся к краям, то перынская пластинка имеет края той же толщины, что и центр, но над каналом шнура имеется валик. В Новгороде подавляюще преобладают печати, оттиснутые на пластинках первого типа. Это говорит, вероятно, о том, что пластинки второго типа существовали короткий промежуток времени. Действительно, все печати, оттиснутые на них, очень близки по стилю и даже часто связаны сюжетами. К нпм, в частности, относятся все экземпляры с Петром и Павлом, в том числе и найденный сейчас в Перыни.

16. Особняком стоит большая односторонняя свинцовая пломба диаметром 4,70 см (пласт 11-й, с.-в. часть, землянка 16), на которой изображен четырехчастный фигурный гербовый крест под короной, поддерживаемый щитодержателями; на щите накрест лежащие леопарды и лилии. Вокруг надпись: «HONV SOIT QVI MAL·V PENSE» (рис. 13). Герб и девиз — английские. Герб такого типа употреблялся в Англии до начала XVII в., когда был изменен Яковом I. Девиз появился с учреждением ордена Подвязки в 1350 г. Такая же пломба, несколько отличная по матрице, уже была однажды найдена в Новгороде и издана Н. П. Лихачевым². Для более точного ее определения важны сопутствующие находки. Вместе с ней, в одной землянке, были обнаружены дерптская и ревельская монеты начала XV в. Мелкие особенности герба также подтверждают раннюю дату, так как с 70-х годов XV в. герб несколько изменяется. Академик Е. А. Косминский, к которому я обратился за консультацией, подтвердил мое определение.

¹ А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 года. М., 1896, стр. 105.
Н. П. Лихачев. Альбом, VII, 13.

Монет в Перыни найдено несколько; из них две русские (новгородская и московская, Ивана III ¹) и пять иностранных: три дерптских Бернгарда II (1410—1413 гг.), две ревальские того же времени. Такое сочетание иностранных монет невольно заставляет вспомнить известия Новгородской летописи под 1410 г.: «Того же лета начаша торговати, промежи себе, лобци и грошми литовскими и артугы немецкими, а куны отложиша»... и под 1420 г.: «В лето 6928 начаша Новгородци торговати деньги серебряными, а артугы попродаша Немцем; а торговали ими 9 лет». К сожалению, монеты сильно корродированы и погибли для метрологического изучения.

¹ А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 года. М., 1896, № 669.

В. Н. ЛАЗАРЕВ

ВАСИЛЬЕВСКИЕ ВРАТА 1336 г.

В 1570 г., после подавления боярской крамолы в Новгороде, Иван Грозный вывез в свою новую резиденцию — Александровскую слободу — знаменитые медные врата новгородского Софийского собора (рис. 1).

Проведя долгие годы, в том числе и годы опричнины, в Александровской слободе, ставшей как бы второй столицей, Иван IV руководил отсюда всей политикой страны. Сюда приезжали послы Англии, Италии, Польши, Литвы и Швеции, отсюда Грозный писал едкие послания Стефану Баторию, здесь напши себе место важнейшие события опричнины. В Александровской слободе Грозный развил широкую строительную деятельность, превратив некогда скромную царскую усадьбу в сильно укрепленный замок. Жизнь своего двора он организовал на монастырский лад. Сам царь был игуменом, а опричники — братией. Они выходили на молитву в черных монашеских одеяниях, под которыми скрывались шитые золотом кафтаны и бряцало оружие. Можно не сомневаться в том, что перед вывезенными Грозным из Новгорода вратами неоднократно молились, входя в храм, и сам царь, и его ближайшие сподвижники. Более того, как мы убедимся в этом в дальнейшем, Иван IV приказал дополнить врата изображением Иоанна Предтечи (см. рис. 5 и стр. 396), который был соименным царю святым и которого царь рассматривал как своего покровителя. Тем самым врата становятся в ряд не только художественных, но и выдающихся исторических памятников, связанных с именем одного из крупнейших русских государственных деятелей.

Привезенные из Новгорода в Александровскую слободу врата обычно называются «Васильевскими», по имени их заказчика — архиепископа новгородского Василия, упоминаемого во вкладной надписи и в молитве, текст которых расположен на среднем валике врат (см. ниже). Создание врат считалось настолько важным событием, что новгородский летописец не преминул его отметить: «архиепископ Василии у святей Софии двери медяны золочены устроил» [I Новгородская летопись под 6844 (1336) г.]¹. Архиепископ Василий был весьма примечательной личностью, игравшей видную роль в политической и церковной жизни Новгорода². Он происходил из белого духовенства. До того как быть выбранным в 1330 г. архиепископом, он состоял простым священником при церкви Кузьмы и Демьяна, повидимому, являвшейся патрональным храмом куз-

¹ ПСРЛ, III, СПб., 1841, стр. 77.

² Об архиепископе Василии см. A. S e d e l n i k o v. Vasilij Kalika, l'histoire et la légende. «Revue des études slaves», 1927 (VII), стр. 224—240; Н. П о р ф и р и д о в. Древний Новгород, М.—Л., 1947, стр. 233—235; Б. Р ы б а к о в. Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 767—775.

нечного братства. Б. А. Рыбаков не без основания считает Василия выразителем интересов третьего сословия, интересов «черных людей» новгородского посада¹. В молодости Василий совершил паломничество в Царьград и Палестину, где ходил по святым местам. Не исключена возможность, что его перу принадлежит «Сказание о святых местах, о Костянтинограде», написанное, по мнению М. Н. Сперанского, около 1323 г.² С принятием монашества («ангельского чина»), он переименовал свое имя Григория и прозвание Калики на Василия. Став новгородским владыкою, Василий окунулся с головой в политическую жизнь своего родного города. Тесно связанный с ремесленными кругами Новгорода, он стремился, в противовес боярской партии, установить хорошие отношения с Москвой, для чего вел переговоры с Иваном Калитою (в 1335 г.) и приглашал «на стол» московского великого князя Семена Ивановича (в 1345 г.).

В 1342 г., во время народного восстания, Василий поддерживал демократическую группировку³. Когда от шведского короля Магнуса в Новгород прибыли послы с вызовом на диспут о вере, Василий дал им гордый ответ: «с тобою не хотим спиратися о Вере», «прежде сих многих лет наши прадеды прияли веру от Грек...». По его распоряжению богатая Софийская казна щедро отпускала средства на дела благотворительности и на украшение города. Будучи большим любителем искусства (существует предание, что он сам занимался живописью), Василий начал с 30-х годов усиленно строить храмы и украшать их росписями и иконами. Так, в 1338 г. он поручил расписать заезжему «гречину Исаяе» церковь Входа в Иерусалим, в 1341 г. украсил Софийский собор иконами и «кивотом», в 1342—1343 гг. заложил церковь Благовещения на Городище, в 1348 г. заказал иконы для церкви Воскресения в Деревяницах. Он подвизался и в области светского строительства, обогатив владычный двор теремом и каменной «палаткой». Наконец, он обладал незаурядным литературным дарованием, о чем свидетельствует его знаменитое «Послание ко владыце тферскому Феодору», включенное в новгородскую летопись под 1347 г. Написанное на великолепном, образном языке, это послание, обнаруживающее тонкий юмор и редкую наблюдательность, ставит себе целью доказать существование на Востоке земного рая, который якобы собственными глазами видели «Моислав Новгородец и сын его Яков».

В основе послания лежит еретическая мысль о реальном, доступном для обозрения рае, который еретики противопоставляли эфемерному блаженству в потустороннем мире. Весьма показательным, что в одном месте своего послания Василий цитирует стихи «Адамова плача», вышедшего из еретической среды калик⁴. Для латинофобских установок Василия характерно, что ад он располагает на Западе. Если рай является для него «светлостью неизреченной», местом ликования и веселия, то ад представляется ему огромной огненной рекой, где царит «скрежет зубовный» и где действует «червь неусыпающий». Василий оживляет свой рассказ множеством взятых прямо из жизни деталей и апокрифическими мотивами, придающими всему рассказу большую свежесть и непосредственность. Здесь, несомненно, нашел себе отражение личный вкус

¹ Б. Рыбаков. Ук. соч., стр. 774.

² М. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934, стр. 106.

³ Б. Рыбаков. Ук. соч., стр. 773.

⁴ Ср. А. Веселовский. Калики переходные и богомольские странники. «Вестник Европы», 1872, апрель, стр. 683.

Василия, так как и на заказанных им вратах представлены два апокрифических сюжета — «Китоврас и Соломон» и «Притча о сладости мира сего». Василий придерживался не очень строгого церковного образа мышления и, как многие новгородцы, решался давагь вольное толкование традиционным теологическим учениям, неизменностью которых обычно так дорожили консервативные византийцы¹.

Архиепископ Василий пользовался известностью далеко за пределами Новгорода. Чтобы отметить его среди русских архиереев, константинопольский патриарх прислал ему крестчатые ризы и белый клобук. Об этом белом клобуке к концу XV в. была написана повесть, имевшая своей целью возвеличить Новгород по сравнению с Москвой. Пожалование Василию белого клобука рассматривается здесь как доказательство того, что преемницей византийской церкви была не московская, а новгородская церковь. В эпоху, когда победа Москвы уже окончательно определилась, эта консервативная политическая тенденция повести являлась историческим анахронизмом. Архиепископ Василий умер в 1352 г. от чумы, которой он заразился в Пскове, куда его просили приехать подавленные горем и страхом псковичи.

Такова, вкратце, биография новгородского владыки Василия — этой колоритнейшей фигуры, с которой связана целая эпоха в истории новгородского искусства.

Васильевские врата были выполнены, как свидетельствует летописец, для св. Софии. Но где они в свое время стояли — этого мы, к сожалению, не знаем. Судя по словам обращенной к богородице молитвы, которая начертана на среднем валике врат, последние предназначались для какого-то богородичного храма или придела («а иже на церковь твою вступит» и «достояние дома твоего»). В Софии Новгородской есть один старый Богородичный придел, известный уже с конца XII в. Но он имеет свои двери — знаменитые Корсунские врата. М. В. Щепкина предполагает, что Васильевские врата соединяли Софийский собор с какой-либо домовою церковью архиерейских палат². Поскольку, однако, владычные палаты были радикально перестроены в XV в. архиепископом Евфимием, мы лишены возможности решить вопрос, была ли при возведенной Василием «палате» какая-либо богородичная церковь. В XVI в. Васильевские врата, видимо, перенесены были на другое место. В III Новгородской летописи, составленной в XVI в., мы уже читаем: «двери медные золоченые сделал владыка Василий у святей Софии, у притвора церковнаго»³. Отсюда можно сделать заключение, что к этому времени двери стояли у притвора св. Софии, где Мартирьевская паперть оканчивалась приделом Гурия, Самона и Авива (этот придел был основан в 1411 г.). Вероятно, в связи с переносом дверей последние были дополнены в XVI в. изображениями Гурия, Самона и Авива, соименных названию придела (см. рис. 6 и стр. 400). С этого нового места врата и были взяты Грозным и перевезены в Александровскую слободу.

Генрих Штаден сообщает в своих записках: «В Слободе он (т. е. Грозный) тотчас же приказал построить каменную церковь: в ней он сложил все, что было забрано наличными деньгами; в церкви были вделаны врата, которые он взял от церкви в Великом Новгороде; врата были отлиты

¹ Б. А. Рыбаков (ук. соч., стр. 770) характеризует Василия «как человека, не считавшегося с официальной церковностью и открыто заявлявшего о своих полугеретических взглядах, близких к народной идеологии».

² Эту точку зрения М. В. Щепкина высказала на докладе, посвященном Васильевским вратам. Доклад был прочитан в Историческом музее в 1947 г.

³ ПСРЛ, III, стр. 225.

с историческими изображениями (mit Historien figürlich); при церкви же были повешены колокола» (л. 16 об.)¹. Если верить Штадену, то придется сделать вывод, что Васильевские врата Грозный приказал первоначально поставить в построенном им храме-звоннице. Но это предположение мало вероятно, так как вряд ли бы столь ценный памятник стали укреплять в дверных проемах незначительной церкви-колокольни. Необходимо еще учесть, что эти дверные проемы находились над самой землей, и не было смысла украшать их дорогими дверьми. Поэтому гораздо вероятнее, что Васильевские врата с самого начала были поставлены в церкви Покрова, воздвигнутой в 1513 г. отцом Грозного — Василием III. Эта церковь при Грозном перестраивалась, и Штаден мог легко принять ее за вновь построенное здание. Здесь Васильевские двери были вполне уместны, ибо они получали достойное их архитектурное окружение. Так как храм Покрова сделался Троицким собором не ранее 60-х годов XVII в., то есть все основания думать, что набитое на среднем валике изображение «Новозаветной троицы» (см. рис. 2 и стр. 393) появилось лишь в это время.

Попав в Александров, Васильевские врата неизменно привлекали к себе здесь внимание всех путешественников и ученых, посещавших этот город. Уже в XVIII в. их упоминает Г. Ф. Мюллер². В 1837 г. Н. Мурзакевич³ дал подробное и для своего времени образцовое описание Васильевских врат. Он правильно подметил, что отдельные изображения размещены с нарушением исторического порядка; объяснение этому Мурзакевич искал в незнании или небрежении мастеров, укреплявших двери на новом месте при Грозном. По мнению Мурзакевича, двери были выполнены двумя мастерами — греком и новгородцем. Первому он приписал такие изображения, как «Рождество Богородицы», «Введение во храм», «Сошествие св. духа», «Давид и Голиаф», фигура Иоанна Предтечи, полуфигура св. Козьмы (см. ниже — рис. 2, 7, 22, 26, 5, 14), второму — «Крещение», «Распятие», «Воскрешение Лазаря» (рис. 12, 13, 16) и др. Не разобравшись в том, что мы имеем здесь дело с двумя разными группами, Мурзакевич отождествил греческого мастера с работавшим в 1338 г. для церкви «Входа Господня в Иерусалим» грецином Игнатием⁴. Как мы убедимся в этом в дальнейшем, первая группа пластин возникла не ранее XVI в. и поэтому нет решительно никаких оснований связывать ее с деятельностью греческого мастера XIV в. Тринадцать лет спустя С. П. Шевырев⁵ подверг критике эту точку зрения Мурзакевича, высказавшись в пользу одного мастера.

В 1853 г. И. Снегирев⁶ впервые опубликовал Васильевские врата в прориси. В сопроводительном тексте он осветил ряд иконографических проблем, причем более подробно остановился на изображении Китовраса. Снегирев совершенно правильно отметил неслучайность выбора тем. По его мнению, врата были исполнены новгородскими мастерами, на что указывают присущие надписям особенности новгородского наречия.

¹ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. М., 1925, стр. 91.

² Beschreibung einer Reise von Moscau nach dem Kloster der heiligen Dreieinigkeits u. s. w. im Jahre 1778. «Neues St.-Petersburgisches Journal vom Jahre 1782», III, стр. 28—29.

³ Н. Мурзакевич. Васильевские двери в городе Александрове. ЖМНП, 1837, часть шестнадцатая, стр. 600—622.

⁴ Н. Мурзакевич. Ук. соч., стр. 620. Мурзакевич допустил здесь ошибку, сделав из упоминаемого в летописи Исаии — Игнатия.

⁵ С. Шевырев. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1850, стр. 38—40.

⁶ Древности Российского государства, отделение VI. М., 1853, стр. 72—84, рис. 32 (отд. VI), текст И. Снегирева.

В 1885 г. архимандрит Леонид¹, описавший Васильевские двери, выдвинул две ничем не обоснованных гипотезы: об использовании русскими мастерами сербских подлинников, составленных под западным влиянием, и об участии в исполнении дверей «устюжанина Ипатия». Последний вывод был сделан арх. Леонидом на том основании, что в медальонах двукратно фигурирует изображение св. Ипатия, якобы бывшего «ангелом» художника. В устюжанина он был превращен арх. Леонидом по двум причинам: во-первых, потому, что «Устюг Великий и до сих пор славится металлическим черневым производством» и, во-вторых, в силу наличия среди изображенных в медальонах святых Прокопия Устюжского (на самом деле здесь представлен, как доказала М. В. Щепкина, св. Прокопий-воин). Этот домысел арх. Леонида послужил исходной точкой для еще более ошибочных утверждений А. И. Некрасова.

Васильевские врата упоминают архимандрит Макарий², А. Новицкий³, Г. Милле⁴, О. Далтон⁵, Л. Рео⁶, Ф. Немитц⁷, М. В. Алпатов⁸, Н. Н. Воронин и М. А. Ильин⁹, Б. А. Рыбаков¹⁰, но никто из них не вносит ничего существенно нового в их описание. Милле мельком бросает верную мысль, что стиль всех изображений свидетельствует об отходе от византийских образцов: рисунок сделался более свободным, лица приобрели чисто русский характер.

Н. П. Кондаков¹¹ подверг внимательному разбору Васильевские двери. После тщательного описания иконографической стороны изображений он очень убедительно сопоставил последние с изображениями на так называемых «Лихачевских» вратах, происходящих из Новгородской губернии. Отметив тождество техники, рисунка и общего стиля, Кондаков сделал совершенно верный вывод об одновременном возникновении обоих этих памятников. В полном согласии с другими исследователями, Кондаков рассматривал технику исполнения врат как золотую насечку (так называемая «дамаскова работа»).

Специальную статью посвятил Васильевским дверям В. К. Мясоедов¹². Он добросовестно собрал весь относящийся к ним материал и свел его воедино. Однако этим он и ограничился. Ничего нового его статья не содержит, если не считать более подробного анализа языковых

¹ Архимандрит Леонид. Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского женского монастыря в городе Александрове. СПб., 1884, стр. 83—95.

² Архимандрит Макарий. Архитектурное описание древностей Новгорода и его окрестностей, II. М., 1860, стр. 268—269.

³ А. Новицкий. История русского искусства, I. М., 1903, стр. 155—158, рис. 100.

⁴ G. Millet. L'art chrétien d'Orient du XII-e au milieu du XVI-e s., стр. 960, рис. 548 (в «Histoire de l'art», под редакцией A. Michel, т. III).

⁵ O. M. Dalton. Byzantine Art and Archaeology. Oxford, 1911, стр. 620.

⁶ L. Reau. L'art russe dès origines à Pierre le Grand. Paris, 1921, стр. 202.

⁷ F. Nemitz. Die Kunst Russlands. Berlin, 1940, табл. 8, 11, 12.

⁸ M. Alpatov, N. Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg, 1932, стр. 303.

⁹ Н. Воронин и М. Ильин. Древнее Подмосковье. Памятники зодчества XV—XVII веков. М., 1947, стр. 44—45. Авторы принимают гипотезу арх. Леонида об «устюжанине Ипатии».

¹⁰ Б. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 648—650. Б. А. Рыбаков правильно отмечает, что большинство изображенных в медальонах святых были либо патронами заказчика (Василий, Григорий, Кузьма), либо патронами упомянутого в надписи Ивана Калиты (Иоанн).

¹¹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, в. VI. СПб., 1899, стр. 72—75.

¹² В. Мясоедов. Васильевские врата. Сборник Новгородского общества любителей древности, в. III. Новгород, 1910, стр. 1—8.

особенностей новгородских надписей и настойчивого указания на основательную переборку всех пластин. Мясоедов даже не исключал возможности, что в древности врата имели не семь, а восемь поясов.

А. И. Некрасов¹, слепо последовав за фантастическими домыслами арх. Леонида об устюжанине «Ипатии», превратил по оплошности Ипатия в Прокопия. Этому Прокопию он и приписал, без всяких оговорок, Васильевские двери, как будто его имя фигурировало в надписи. Это категорическое утверждение Некрасова было настолько безоговорочным, что оно было принято на веру В. Н. Лазаревым², у которого мифический «устюжанин Прокопий» также фигурирует как автор Васильевских врат.

Новое слово об интересующем нас памятнике было сказано Ф. Я. Мишуковым³. Он ясно доказал, что примененная в нем техника не имеет ничего общего с «дамасковой работой», а представляет огневое золочение. Сначала медную пластинку покрывали слоем лака, затем выскабливали рисунок, после чего пластинку подогревали до почернения меди и тщательно отбеливали раствором квасцов, клюквы и подобных им растворителей окиси металла. На влажную, промытую после протравки чистой водой поверхность пластины наносилась заранее приготовленная золотая амальгама. Ртуть хорошо соединялась с чистой амальгамированной поверхностью красной меди и равномерно покрывала все процарапанные линии рисунка серебристым слоем. При нагреве пластинки ртуть испарялась и высыхала, а золото восстанавливалось и начинало выступать ярким, желтым цветом на черном фоне лака, накрепко соединяясь при этом с медью. Работа заканчивалась промывкой, отделкой поверхности и шлифовкой. Эта техника, известная как Западу, так и Византии, достигла широкого распространения на русской почве, где ее особенно охотно использовали при выполнении церковных медных врат.

Наши мастера умели извлекать из техники огневого золочения тончайшие художественные эффекты. Очерченные золотыми линиями фигуры легкими силуэтами выделялись на бархатисто-черном фоне. Умело варьируя силу нажима, проводя то более широкие, то более тонкие линии, прибегая порой к сплошной золотой заливке, художники-золотописцы, хотя они и пользовались лишь двумя цветами (золотом и черным), умели воссоздать на плоскости сложнейшие композиции. Их техника, в принципе близкая к офорту, позволяла достигать столь своеобразных художественных решений, что у нас имеются все основания рассматривать золотое письмо как совсем особую отрасль прикладного искусства.

Последнее упоминание Васильевских дверей встречается в книге В. Н. Лазарева о Новгороде⁴. Здесь впервые делается попытка определить историческое место этого памятника в рамках новгородского искусства и выяснить его отношение к палеологовским новшествам.

Такова история изучения Васильевских врат. Хотя ими интересовалось немало ученых, они все же не удостоились исчерпывающей научной публикации. Ни иконографический состав пластин, ни лежащая в основе их подбора руководящая идея, ни детальный разбор их художественного

¹ А. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 163—164.

² В. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 65.

³ Ф. Я. Мишуков. К вопросу о технике золотой и серебряной наводки по красной меди в древней Руси. КСИИМК, XI, 1945, стр. 111—114; Ср. И. Гальнебек. О технике золоченых изображений на лихачевских вратах в Гос. русском музее. Материалы по русскому искусству, изд. Гос. Русск. музея, 1928 (1), стр. 22—31; Б. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 325—330.

⁴ В. Лазарев. Искусство Новгорода, М.—Л., 1947, стр. 65—66.

языка, ни стилистическая классификация по отдельным группам, ни вопрос о переделках и доделках, ни выяснение их отношения к новгородской живописи — не сделались предметом того тщательного рассмотрения, которое является единственно надежной основой для обобщений более широкого порядка. Эту аналитическую задачу и призвана выполнить настоящая статья, ставящая себе целью дать по возможности полную публикацию одного из наиболее выдающихся памятников новгородского прикладного искусства.

Васильевские двери состоят из двух створок. Укрепленные на дубовых досках медные пластины образуют семь ярусов. Кроме пластин верхнего яруса, все остальные пластины заключены в прямоугольные рамочки, оформленные в виде валиков. Перекрестья обрамлений украшены круглыми бляшками с полуфигурами святых и орнаментальными мотивами и рельефной личиной. Изображения, выполненные в технике золотой наводки (см. выше), распределяются следующим образом: первый ярус (считая сверху) — «Моление Анны в саду», «Введение во храм», «Рождество богородицы», «Моление Иоакима»; второй ярус — «Благовещение», «Рождество Христово», «Сретение»; третий ярус — «Крещение», «Распятие», «Снятие со креста», «Сошествие во ад»; четвертый ярус — «Воскрешение Лазаря», «Вход в Иерусалим», «Преображение», «Вознесение»; пятый ярус — «Успение», «Явление ангела св. женам», «Сошествие св. духа», «Ветхозаветная троица»; шестой ярус — «Ликование царя Давида при перенесении ковчега завета в Иерусалим», «Весы духовные Страшного суда», «Единоборство Давида с Голиафом», «Китоврас с царем Соломоном в руках»; седьмой ярус — «Притча о сладости мира сего» и три пластины с орнаментальными мотивами.

Средний валик, закрывающий линию створа дверей, также украшен рядом изображений. Сверху мы видим «Новозаветную троицу», ниже — восседающего на престоле Вседержителя со стоящим слева от него Василием и вкладной надписью под подножием трона, еще ниже — богоматерь Оранту, под которой расположен текст молитвы вкладчика, в следующем ярусе — фигуру Иоанна Предтечи, в нижнем регистре — фигуры святых Гурня, Самона и Авива. Внизу валик завершается растительным орнаментом. Орнамент широко использован и в украшении навершия дверей, валиков обрамлений и нижних круглых бляшек. Среди дошедших до нас сорока бляшек семнадцать заполнены орнаментом, а остальные двадцать три имеют фигурные изображения. На бляшках первого регистра представлены три серафима, богоматерь, Спас и Иоанн Предтеча (последние три полуфигуры составляют «Деисус»); на бляшках второго регистра — апостолы Лука, Матфей, Марк и Иоанн Богослов, отцы церкви Василий Великий и Иоанн Златоуст; на бляшках третьего яруса — папа римский Климентий, Николай Чудотворец, св. Ипатий, Козьма Майумский, Григорий Богослов, св. Ипатий; на бляшках четвертого регистра — св. Георгий, св. Лавр¹, неизвестный святой (подпись не сохранилась), св. Прокопий; на единственной фигурной бляшке пятого регистра — неизвестный святой (подпись не сохранилась).

Таков иконографический состав изображений на Васильевских вратах. Уже из самого поверхностного ознакомления с расположением отдельных сюжетов вытекает с непреложностью один вывод: пластины были

¹ Арх. Леонид (ук. соч., стр. 93) неверно прочитал надпись («Лаврентий»). А. И. Некрасов расшифровывает надпись как «Лавр» и считает, что на соседней бляшке, где надпись совершенно стерлась, представлен Флор (обычно здесь усматривали изображение Дамиана). Против Флора решительно говорит епископское облачение святого. Скорее всего здесь изображен св. Дамиан.

переставлены, при реставрации и монтажке дверей, со старых мест на новые и тем самым оказался нарушенным хронологический порядок «праздников». На это обратил внимание уже в свое время Мурзакевич¹. Из его описания следует, что после 1837 г., когда он напечатал свою статью, двери подверглись еще одной новой монтажке. Так, например, Мурзакевич отмечает, что «Распятие» расположено перед «Крещением», в настоящее же время оно следует за ним. После «Сошествия во ад» Мурзакевич называет «Вход в Иерусалим», «Воскрешение Лазаря», «Преображение» и «Вознесение», теперь же «Воскрешение Лазаря» предшествует «Входу в Иерусалим». У Мурзакевича «Пришествие жен мироносиц» упоминается до «Успения». И эти два сюжета были позднее переставлены с одного места на другое. Что Васильевские двери изменили свой облик в XIX в. доказывает и их литографическое воспроизведение в книге арх. Леонида, где фигурируют две рельефные личины².

Чем более внимательно вглядываешься в Васильевские двери, тем очевиднее становится, что они были предметом неоднократных переделок и что их теперешний вид сильно отличается от их первоначального состояния. Пластины прибиты необычайно тесно, обрамляющие их валики частично закрывают фигуры и надписи, расположенные над перекрестьями обрамлений, сильно погнуты и имеют неодинаковую форму, средний валик хранит следы дополнительно набитых изображений, порядок пластин настолько перепутан, что трудно проследить руководящую идею, положенную в основу всей иконографической системы. «Введение во храм» предшествует «Рождеству богородицы», «Благовещение», вероятно, помещавшееся на двух створках, теперь находится на одной, «Распятие», «Снятие со креста», «Сошествие во ад» и «Воскрешение Лазаря» попали до «Преображения», «Вход в Иерусалим», «Вознесение», «Успение» и «Явление ангелов св. женам» также оказались не на своем месте.

Не меньший беспорядок наблюдается и в распределении пластин с библейскими и апокрифическими сюжетами. «Ликование Давида» заняло место до «Единоборства Давида с Голиафом», причем между ними вклинилась пластина с изображением «Весов духовных», а «Притча о сладости мира сего» попала в нижний ярус, где в свое время должны были помещаться четыре пластины с орнаментальными мотивами. Последний факт говорит о том, что в древности Васильевские двери могли иметь не семь, а восемь поясов, и что при перемонтировке, вероятно, была изменена их высота в целях приспособления их к новому дверному проему.

Если несомненна переборка пластин, попавших не на те места, которые они в свое время занимали, то, естественно, возникает вопрос, что произошло при такой переборке со старыми, пришедшими в негодность пластинами и бляшками? Как обычно в таких случаях, обветшавшие части должны были заменять новыми. И действительно, вглядываясь в стиль отдельных пластин, можно без труда установить, что они относятся к различному времени. Повидимому, доделки производились тогда, когда двери переносились с одного места на другое.

Основная масса пластин была изготовлена при архиепископе Василии. Но такие изображения, как «Моление Анны» (см. ниже — рис. 2), «Введение во храм» (рис. 2), «Рождество богородицы» (рис. 7), «Моление Иоакима» (рис. 7), «Сошествие св. духа» (рис. 22), «Единоборство Давида с Голиафом» (рис. 26) и «Мученики Гурий, Самон и Авив» (рис. 6),

¹ Н. Мурзакевич. Ук. соч., стр. 606.

² Арх. Леонид. Ук. соч., табл. V. Н. Мурзакевич (ук. соч., стр. 619) говорит об одной личине.

возникли гораздо позднее. На это прежде всего указывает совсем иная манера исполнения. Если мастера XIV в. придерживаются принципа наведения золотых линий по черному фону, так что основой изображения остается этот черный фон, то авторы более поздних пластин сплошь золотят фигуры и лишь затем процарапывают темные линии. Поэтому их фигуры с первого же взгляда выделяются своей светлой тональностью. К этому присоединяется и в корне иной характер рисунка. В то время, как мастера XIV в. рисуют очень свободно и разнообразно, более поздние художники как бы следуют раз навсегда установленным стандартам. В их рисунке есть утомительное однообразие, навеянное иконописными шаблонами. При внешней правильности и корректности этого рисунка он кажется каким-то сухим и тривиальным. Все говорит за то, что мы имеем здесь дело с произведениями не только иного стиля, но и иной эпохи, чего не понял в свое время Мурзакевич, приписавший эти пластины руке греческого мастера того же XIV в.¹ Когда возникла эта позднейшая группа пластин? По своему стилю она явно тяготеет к памятникам иконописи и миниатюры XVI в. На это время с несомненностью указывает и характер надписей. Почерк очень выдержанный и прямой, типичный для первой половины XVI в. и, по меткому наблюдению М. В. Щепкиной², весьма близкий к почерку писцов митрополита Макария. Надписи имеют ряд выносных букв, стоящих без титла, что в XIV в. не допускалось (таковы, например, выносные буквы Д, N). В пользу XVI в. свидетельствуют и типы букв, вошедшие в употребление лишь после проникновения «югославянского влияния». В этом отношении показательно сравнить буквы н, ы, т, з, в, ѿ, и в подписях на пластинах XIV в. и на пластинах интересующей нас группы (N — Н, Ы — Ы, Т — Ш, ѿ — З, Н — И и др.).

М. В. Щепкина правильно обратила внимание на то, что по своему стилю пластины позднейшей группы тесно примыкают к миниатюрам рукописей, вышедших из основанной Макарием митрополичьей мастерской. К числу таких рукописей принадлежат хранящиеся в Историческом музее «Житие Нифонта» (Муз. 340) и «Успенские четьи mineи» (Патр. 997), с лицевым Индикопловом на май месяц³. Здесь встречаются изображения, выполненные в той же легкой контурной манере, какую мы находим и в украшающих наши пластины сценах. Есть все основания полагать, что интересующие нас пластины явились результатом реставрации, предпринятой Макарием в бытность его архиепископом новгородским (1526—1542 гг.). Повидимому, эта реставрация была приурочена к переносу дверей с места их первоначального нахождения в притвор св. Софии, где Мартирьевская паперть заканчивалась приделом Гурия, Самона и Авива. Этим и объясняется, почему на среднем валике появились изображения соименных названию придела трех мучеников.

Предпринятая архиепископом Макарием реставрация Васильевских врат не ограничилась вышеназванными доделками. В эту же группу заново изготовленных частей следует включить и тождественные по стилю бляшки с изображением богородицы из «Деисуса» (см. ниже — рис. 7), Матфея (рис. 12), Козьмы (рис. 14) и Лавра (рис. 17).

¹ Н. Мурзакевич. Ук. соч., стр. 619—620.

² Подробный разбор надписей был сделан М. В. Щепкиной, за что я приношу ей искреннюю благодарность.

³ Российский исторический музей. Описание памятников, в. II. Житие святого Нифонта, лицевое XVI века, М., 1903; Архимандрит С а в в а. Указатель для обозрения московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858, стр. 210—211.

Когда Васильевские двери попали из Новгорода в Александровскую слободу, они подверглись новой переделке, вероятно, в связи с приспособлением их к дверному проему иного размера.

Так как обрамляющие сцены валики частично прикрывают надписи и фигуры (в том числе и на более поздних пластинах), то отсюда можно сделать лишь один вывод: при Грозном двери были перемонтированы и получили несколько иную форму — они сделались уже и короче. Возможно, что при этом выпал один ряд изображений, почему «Притча о сладости мира сего» (см. рис. 28 и стр. 428) попала в нижний регистр (если принять эту гипотезу, то тогда следует предположить, что монтировавшие двери мастера отбросили три пластины с фигурными сценами и одну пластину с орнаментальным мотивом). Повидимому, тогда же была выполнена орнаментика поновленных валиков обрамлений и новых бляшек в трех нижних регистрах. Наконец, в это же время (т. е. около 1570 г.) на валике было укреплено одно новое изображение — фигура соименного Грозному святого (Иоанна Предтечи). По своему стилю и по манере исполнения эта фигура (см. рис. 5 и стр. 400) не совпадает с фигурами на пластинах второй группы. Она более грузная и монументальная, ее темные линии обнаруживают иной почерк — более тяжелый и менее приглаженный. Эти линии проведены чаще и свободнее, они лишены каллиграфического щегольства, свойственного работам макарьевских мастеров. Ближайшие аналогии этому стилю встречаются, как правильно отметила М. В. Щепкина, в миниатюрах «Жития Иоанна Предтечи» из Егоровского сборника в Государственной библиотеке СССР им. Ленина (№ 8664)¹.

Особое место занимает «Новозаветная троица» (см. рис. 2 и стр. 397), увенчивающая средний валик. Это изображение должно было быть выполнено в 60-х годах XVII в., когда храм Покрова сделался Троицким собором. Этим и было вызвано присоединение к ветхозаветной троице новозаветной.

Есть все основания полагать, что и в позднейшее время Васильевские двери подвергались реставрации. Как мы уже имели случай в этом убедиться, пластины переставляли с места на место даже в XIX в. Возможно, что в XVII—XVIII вв. освежался либо заново наводился орнамент отдельных валиков и бляшек. Во всяком случае орнаментированные притолки дверей и их навершие производят впечатление более новых частей, исполненных не ранее XVII в.

Как следует себе представлять первоначальный вид Васильевских врат? Мы, повидимому, никогда не узнаем, какие пластины были заменены при реставрациях XVI в., когда ввели ряд сцен из протоевангельского цикла. Были ли эти сцены здесь с самого начала, или они оказались заново привнесенными? Если двери имели восемь (а не семь) рядов изображений, то тогда нижний регистр состоял из одних орнаментальных пластин, а «Притча» попадала в предшествующий регистр. В этом случае «Праздники» могли быть пополнены «Фоминым уверением» и двумя сценами «Страстей». Но все это весьма гадательно и никак не может быть доказано. Одно ясно: архиепископ Василий хотел, чтобы на его вратах были изображены «Праздники», столь высоко ценимые церковью, и такие сцены, которые допускали расширительное толкование. Склонный к правоучениям, он, вероятно, вкладывал вполне определенный смысл в апокрифические сцены и в сцены из жизни Давида, выбор которых, несомненно, был им подсказан художникам. Ликование Давида

¹ М. Владимиров, Г. Георгиевский. Древнерусская миниатюра. М.—Л., 1933, стр. 38—40, табл. 37, 46.

должно было символизировать ликование самого заказчика по случаю окончания врат: сцена единоборства Давида с Голиафом (если она только повторяет старую композицию) могла намекать на то, что без «помощи бога» в такой же мере ничего нельзя сделать, в какой юный Давид не в состоянии был бы одолеть великана Голиафа; на «всемогущество божие» призвана была указать и сцена с Китоврасом, в которой нравоучительный вывод напрашивался сам собой — даже мудрый царь Соломон не сумел, без «божьей помощи», совладать с хитрым кентавром: «Притча о сладости мира сего» утверждала идею суетности земной жизни: наконец, духовные весы напоминали о часе расплаты за содеянные грехи. Если это толкование правильно, то оно лишний раз подтверждает свободомыслие новгородцев, которые никогда не придерживались строго церковного образа мышления и обычно очень вольно обращались с иконографией, не боясь нарушать традиционную систему введением в нее апокрифических и нравоучительных сюжетов.

Выбор представленных на круглых бляшках святых также не носит случайного характера. В своем большинстве это особо чтимые в Новгороде святые, которым были посвящены местные церкви (как, например, Георгий, Прокопий, Ипатий, Климент, Козьма, Лавр). Василий и Григорий являлись соименными заказчику святыми (до пострижения Василий носил в миру имя Григория Калики). Козьма и Дамиан помещены, очевидно, в память той церкви, откуда Василий попал на кафедру (эта церковь находилась «на Кузьмодемьяне улице».) Ипатий считался патроном новгородских посадников и тысяцких. Наконец, трижды изображенный Иоанн (Предтеча, Богослов и Златоуст), несомненно, связан с упоминаемым в надписи «благоверным князем Иваном Даниловичем»¹.

Ознакомившись с общей системой изображений, украшающих Васильевские врата, мы можем теперь перейти к детальному описанию отдельных сюжетов и сопровождающих их надписей. Последние отличаются необычайной конкретностью и обстоятельностью, поясняя с чисто новгородской деловитостью изображенные на пластинах сцены.

Начнем с изображений среднего валика. Вверху представлена «Новозаветная троица» (рис. 2). На низком престоле восседают Христос и бог Саваоф. Последний держит в левой руке крест. У Христа — крестчатый нимб, у бога-отца — ромбоидальный. Наверху, между обеими фигурами, дана эмблема св. духа. Надписи: «Бѣгъ Саваофъ» «Іс ХС». Этот иконографический тип получил распространение в XVI в. и на более ранних памятниках не встречается². «Восседающий на престоле вседержитель» (рис. 3). Правой рукой он благословляет, левой придерживает книгу, раскрытую на словах из Евангелия (Иоанн, V, 7): «Азъ есмь дверь, мною аще кто ввидеть спасетесь». У ног Христа, слева от подножия, стоит архиепископ Василий — заказчик врат. Он молитвенно поднял руки. На нем куколь (монашеский клобук), фелонь (священническая риза) и омофор, на руках поручи. Большие глаза, клювообразный нос, усы и борода придают лицу портретный оттенок. Над его головой читается надпись: «[мо]лѣть архпшѣ В[а]силѣи». Над изображением вседержителя и под ним идет вкладная: «В лѣт ѿ ѿмѣдѣ [т. е. 6844 (1336) г.] индикт лѣт ѿ исписаны двери сѣя повелѣ[н]иѣмъ бголюбиваго архиеп[ископа]

¹ Б. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 649.

² Один из наиболее ранних примеров данного иконографического типа — изображение на четырехчастной иконе Благовещенского собора (эта заказанная Сильвестром икона была написана после 1547 г. псковскими мастерами).

Рис. 1. Васильевские прата в Троицком соборе гор. Александра. Общий вид.

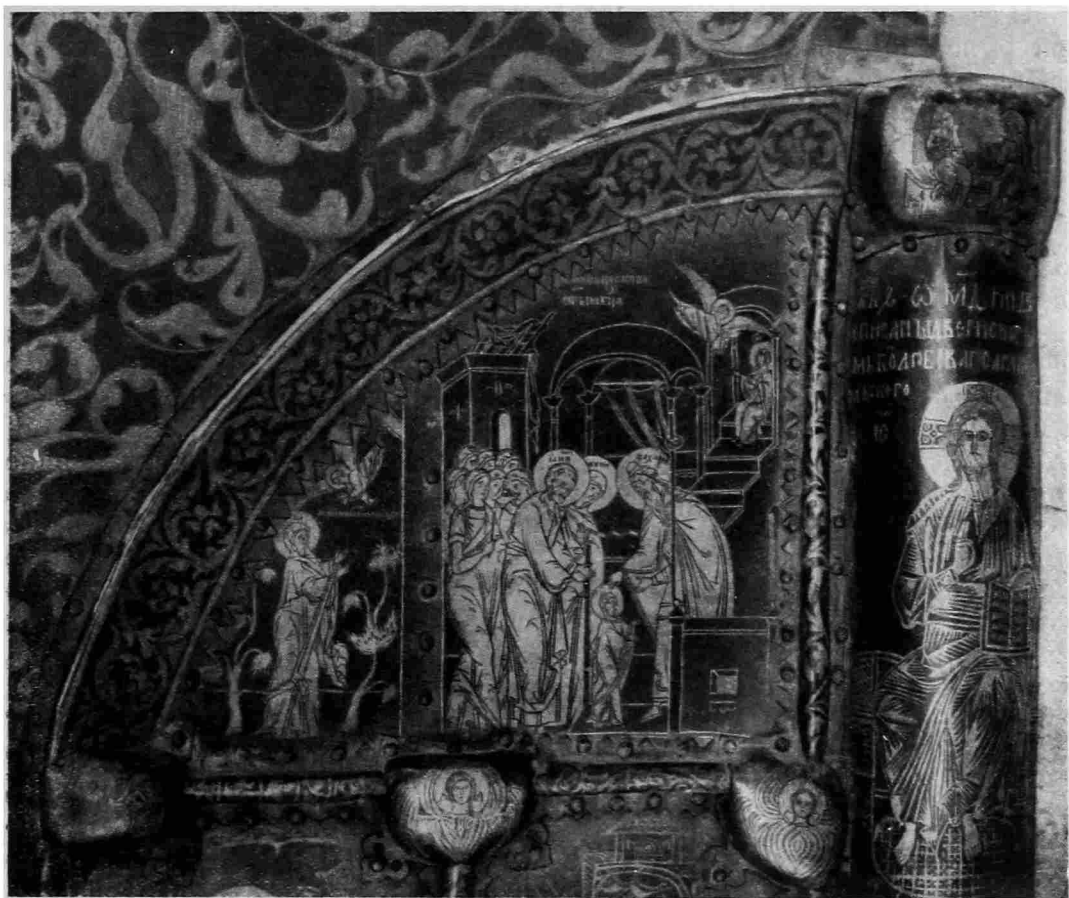

Рис. 2. Васильевские врата. Средний валик и левая створка. «Новозаветная троица» «Моление Анны». «Введение во храм».

Но[вогор]одьского Василья при князи благовѣр^м Иванѣ Даниловичѣ, при посадничествѣ Фед[о]ровѣ Даниловичѣ, при тысяцкомѣ Аврамѣ.

Под вкладной расположена фигура богоматери Оранты (рис. 4). По сторонам от обрамляющего ее голову нимба традиционная надпись: МР ΘΥ. Под ногами богоматери — молитва заказчика: «Пречистая госпоже дево владычице Богородице всяко въ[з]лагаю надежду на тя и оупованье на [ход]атаицю ты имѣя къ снѣ твоему и Бу с вѣ[ро]ю притекая въ бжествьныи храмъ твой чес[тныи] надежду дарование приемлеть, тѣмъ и азъ смѣре[ньныи] грѣшныи рабъ твой архиепшъ Васили все оупован[ие] [м]ое възложихъ на тя гже прѣтая к тебе прибѣгаю и [при]падаю, грѣшную главу свою прекланяю и руцѣ недостойнѣ простираю, прикасаюся прѣтымъ твоимъ стопамъ, от лица твоего не отверзи мя, да не отпаду чая[ни]я моего убогыи азъ а иже на цркъвь твою вст[уп]ити тѣхъ владычице лица посрами и кртомъ сѣна с[воего] [по]губи ихъ и людемъ вѣрнымъ дай же радость [и]же съблюдаютъ достояние дома твоего». Из текста этой молитвы явствует, что Васильевские врата были предназначены, как уже отмечалось выше, либо для богородичного придела, либо для посвященного богородице храма. Вряд ли можно сомневаться в том, что текст этой молитвы был составлен самим архиепископом Василием.

Иоанн Предтеча (рис. 5). Его правая рука согнута в локте, в левой руке, придерживающей посох, виднеется свиток. Поверх власняницы наброшен искусно задрапированный плащ. Длинные волосы ниспадают на плечи. Предтеча представлен с крыльями, в характерном для XVI в. типе. Над его головой надпись: «о аги[ос] [ѿ]ван Прете[ча]». Ниже идет полоса орнамента, а под ней изображены святые исповедники Эдесские Гурий, Самон и Авив (рис. 6). Над их головами надписи «о аг мк» «о аги Самонъ». Снизу средний валик завершается узором растительного характера.

Описание фигурных сцен мы начинаем с верхнего регистра, двигаясь слева направо. «Моление Анны в саду» (рис. 2). Между двумя деревьями стоит Анна с воздетыми руками. Она приветствует слетающего к ней ангела. Надпись: «Моление Аннино в саду».

«Введение во храм» (рис. 2). Слева группа женщин, возглавляемая Иоакимом и Анной. Маленькая Мария подходит к стоящему справа Захарию, который слегка к ней склонился и собирается ее обнять. На втором плане, посередине, киворий с завесой, слева — постройка с velum'ом, справа — лестница, ведущая в святое святых, где восседает богоматерь; она приветствует ангела, приносящего ей пищу. На нимбах Иоакима, Анны, Захария и богоматери надписи: «Иакѿ», «Анна», «Захаріа», «Бца». Последняя надпись фигурирует и над нимбом сидящей богородицы. Над киворием надпись: «[Вве]дение во церковь стѣя Бца».

«Рождество богоматери» (рис. 7). Слева на ложе возлежит Анна. Позади стоит служанка, положившая свою правую руку на ее плечо. За ложем — столик и три женщины, приносящие дары. Сзади — сложные архитектурные кулисы с перекинутым между зданиями velum'ом. Перед ложем расположились две служанки, собирающие омыть в купели новорожденную. Правее сидят Анна и Иоаким, ласкающие богоматерь. Их фигуры даны на фоне гладкого, слегка изогнутого парапета. На нимбах надписи: «Анна», «Іакѿ», «МР ΘΥ». Сверху надпись: «Рождество [Бцы]»¹.

Моление Иоакима (рис. 7). Спящий Иоаким сидит на земле, около куста. К нему слетает ангел. Его нимб украшен надписью: «Іакѿм». Под ангелом надпись: «Моленіе Іакима».

Медальоны с серафимами не имеют надписей, медальоны с «Денусом» (рис. 7) украшены тремя надписями: «МР ΘΥ», «ІС ХЪ», «Иѿванъ».

Второй регистр открывается «Благовещением» (рис. 8—9). Слева изображен благовествующий Гавриил. Его правая рука вытянута, в левой он держит жезл. Слегка согнутая фигура, свободная постановка ног и развевающийся плащ призваны передать движение — ангел бежит навстречу Марии. Его фигура помещена в забавной архитектурной рамке — точеные колонки (левая полустерлась и частично срезана бахромой валика) несут орнаментированную арку. Здесь, несомненно, воспроизведена легкая деревянная постройка павильонного типа. Надпись: «Гав о ар».

¹ Для иконографии этой сцены ср. порталную фреску Дионисия в Ферапонтовом монастыре. См. В. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, табл. XXXXI, XXXXIII.

Рис. 3. Васильевские врата. Средний валик. «Восседающий на престоле вседержитель».

Рис. 4. Васильевские врата. Средний валик. «Богоматерь Оранта».

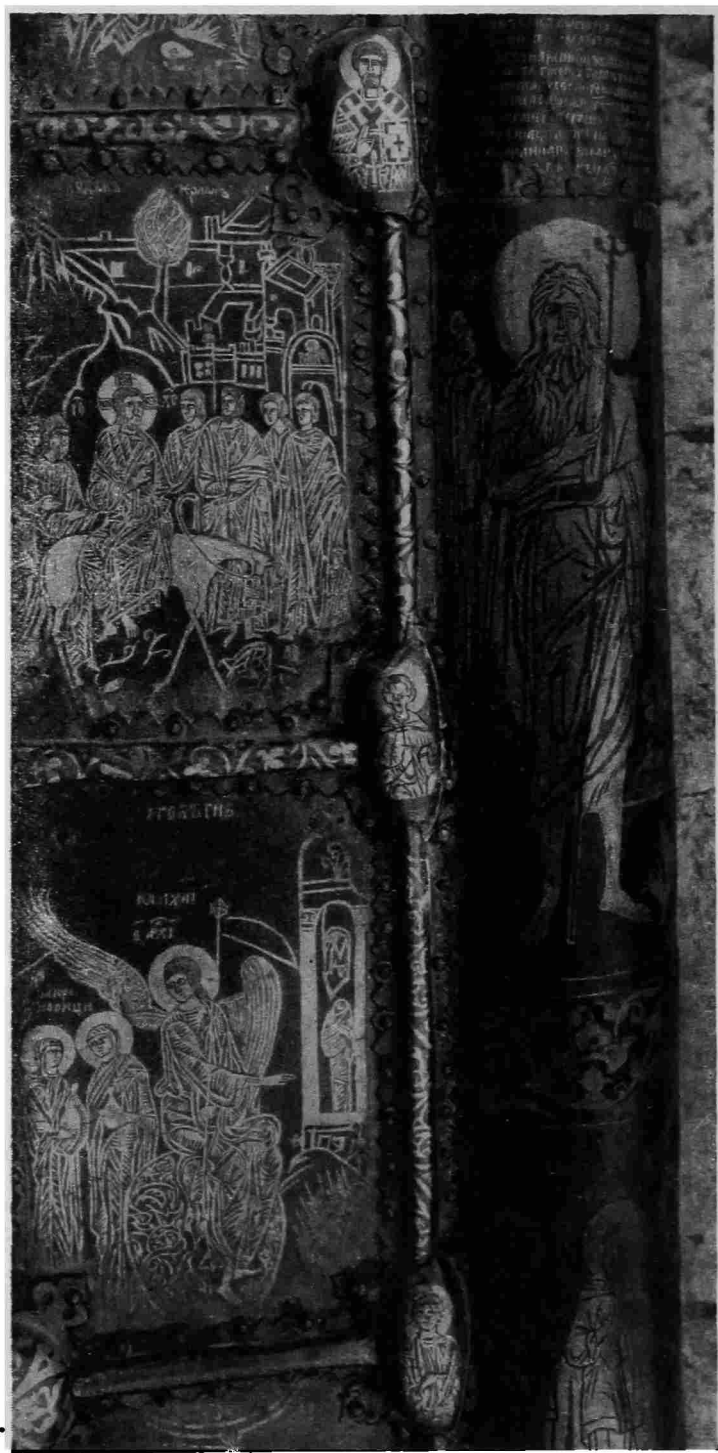

Рис. 5. Васильевские врата. Средний валик.
«Иоани Предтеча.»

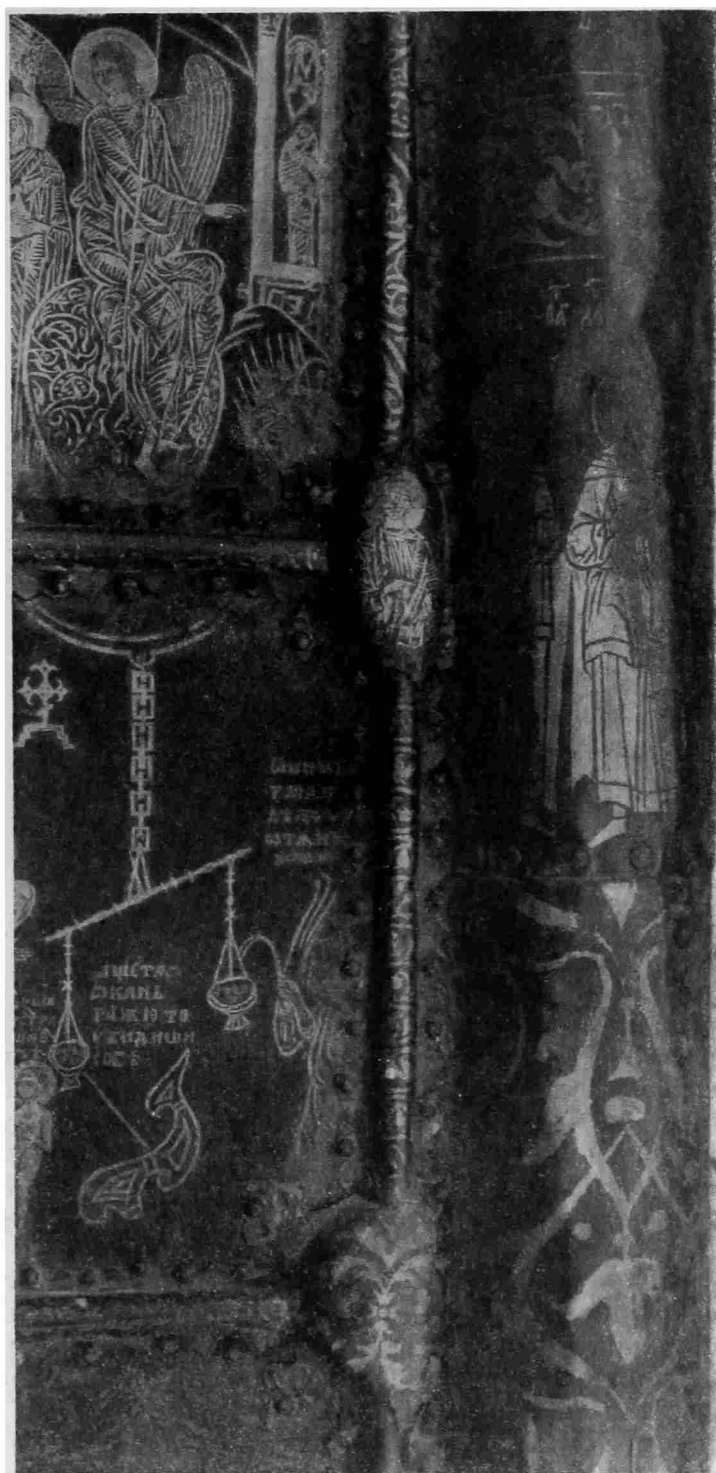

Рис. 6. Васильевские врата. Средний валек.
Гурпий, Самон и Авив.

Рис. 7. Васильевские врата. Правая створка. «Рождество богородицы». «Моление Иоакима».

На примыкающей пластинке представлена сидящая на большом полукруглом троне богоматерь. Она держит в руках прялку и веретено. Ее ноги покоятся на подножии, фигура Марии дана в смелом трехчетвертном повороте: она как бы полуобернулась к ангелу, напуганная его неожиданным появлением. Позади трона возвышается довольно сложная постройка с дверным проемом, наполовину закрытым завесой. Слева от трона изображена часовенка с престолом, на котором водружен восьмиконечный крест. Рядом надпись: «Благовещенье». При всей примитивности рисунка мы имеем здесь развитой иконографический тип, характерный для зрелого искусства XIII и XIV вв.¹: фигуры Гавриила и Марии даны в движении, причем они свободно развернуты в пространстве; совсем необычный для ранних памятников полукруглый трон, поставленный наискось, также трактован весьма пространственно (ср. икону сицилийской школы XIII в. в Национальной галлерее в Вашингтоне²; византийскую миниатюру Cod. Paris, gr. 54, л. 176, конец XIII в.³;

¹ G. Millet. Recherches sur l'iconographie de l'évangile aux XIV-e, XV-e et XVI-e siècles d'après les monuments de Mistra, de la Macédoine et du Mont-Athos. Paris, 1916, стр. 74—75.

² R. Van Marle. The Development of the Italian Schools of Painting, I, The Hague, 1923, рис. 292.

³ G. Millet. Указ. соч., рис. 20.

Рис. 8. Васильевские врата. Левая створка. «Благовещение» (Архангел).

македонскую фреску XIV в. в Веррие¹; сербскую фреску в Старо-Нагоричино, 1313—1318 гг.²; Волотовскую роспись с изображением богородицы и заказчиков³ и др.). Для фигуры ангела ср. фреску Снеготорского монастыря в Пскове (ок. 1313 г.).

«Рождество Христово» (рис. 10). Слева от пещеры возлежит спящая богородица, подпирающая щеку правой рукой. В пещере стоят ясли со спеленутым младенцем; из-за яслей выглядывают бык и осел. Сверху надписи: «МНР ΘΥ» и «ΙΣ ΧΤ». Слева подходят три волхва. На них плащи, на головах — шапочки с язычками (стилизация фригийских колпаков), в руках они держат дары. Сверху две надписи: «Гасварь» и

¹ G. Millet. Указ. соч., рис. 16.

² V. Petković. La peinture serbe du moyen âge, I, Beograd, 1930, рис. 42.

³ Л. Мацулевич. Церковь Успения пресвятой богородицы в Володове. СПб., 1912, рис. 44 («Памятники древнерусского искусства», вып. IV).

Рис. 9. Васильевские врата. Левая створка. «Благовещение» (Мария).

«Волтасарь» (испорченные Гаспар и Валтассар)¹. Справа — пастырь, энергично поднимающий правую руку, левой опирающийся на трость. Над пещерой — четыре славословящих ангела и надпись: «([Рождест]во ХВО)». Внизу — сцена омовения младенца в купели. Над головой Христа надпись: «ІС ХС». Справа сидит Иосиф, около которого надпись: «атнос (ошибочно вместо агнос) Еси[пъ]». Под ложем Марии представлены два сильно стилизованных животных — козел и овца. Наверху — традиционная звезда, от которой прямой луч падает на ясли. Все составные элементы этой

¹ Ср. Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. СПб., 1892, стр. 126, 132. Н. В. Покровский правильно замечает, что имена волхвов обозначаются довольно редко.

Рис. 10. Васильевские врата. Правая створка. «Рождество Христово».

композиции фигурируют уже в росписи Нередицы¹. Милле возводит данный иконографический тип к старым каппадокийским источникам². Он сближает изображение «Рождества христового» на пластине Васильевских врат с диптихом Барберини, четырехчастной иконой с озера Натрона в Британском музее и с фреской Перивлепты в Мистре, т. е. с памятниками XIII—XV вв.³ По своему стилю разобранная нами сцена тяготеет к искусству XII в.—раннего XIII в., отличаясь довольно архаическим

¹ Н. Сычев. Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925, табл. LXVI.

² G. Millet. Ук. соч., стр. 104.

³ Там же, рис. 4; G. Millet. Monuments byzantins de Mistra. Paris, 1910, табл. 118; O. Dalton. Byzantine Art and Archaeology. Oxford, 1911, рис. 155.

Рис. 11. Васильевские врата. Правая створка. «Сретение».

строем форм (плоскостной разворот композиции, статическое построение групп).

«Сретение» (рис. 11). Над низкими дверьми возвышается посередине престол, на котором стоят Евангелие и евхаристическая чаша; позади престола (а не над ним, как должно было бы быть) — необычной формы киворий, завершающийся барабаном с куполом; барабан украшен изображением святых. Слева от престола стоят Иосиф (с ошибочной надписью — «Якымъ») и богоматерь (надпись «МР ΘΥ»), справа — праведный Симеон (надпись — «Семеонъ») и пророчица Анна (надпись — «Аньна»). Симеон держит на руках младенца (надпись — ІС ХС), к голове которого он слегка прикасается своей щекой. По сторонам от барабана надпись: «Оустретение ГЛА наше[го] ІС ХС». В этой сцене особо

Рис. 12. Васильевские врата. Левая створка. ▽ «Крещение».

примечательны увенчанный барабаном и куполом киворий и фигура Симеона с младенцем. Повидимому, художник хотел показать, что действие происходит в храме перусалимском и притом перед алтарем. Поэтому он механически объединил киворий с куполом, оттенив изображениями в барабане, несомненно, воспроизводящими росписи, интерьерный характер всей сцены¹. Образ ласкающего младенца Симеона получил распространение в искусстве с XII—XIII вв., отражая общий для Византии, Европы и Руси процесс гуманизации традиционной

¹ Cp. D. Shorr. The Iconographic Development of the Presentation in the Temple. «Art Bulletin», 1946 (XXVII), стр. 22. «Сретение» обычно изображалось либо перед престолом, стоявшим около храма, либо в самом храме.

иконографии¹. В этом плане решение автора пластины с изображением «Сретения» следует признать весьма передовым. На фреске Нередицы Христос еще торжественно восседает на руках богородицы².

Медальоны второго ряда (см. рис. 8—11) имеют следующие надписи; «Оаг Лука», «Ога Маѳеи», «Маркъ агносъ», «Ю Фельгъ», «Василіи агносъ», «Иванъ Златусть».

Третий регистр открывается «Крещением» (рис. 12). В схематически изображенных, с помощью зигзагообразных линий, водах Иордана стоит Христос. У его ног — рыба и три плавающие обнаженные фигуры иудеев. Наверху представлено небо в виде сегмента с двумя ангелами, от которого исходит луч, падающий на голову Христа. В луч вкомпонован медальон с голубем — символом св. духа. По сторонам от луча надпись: «ІС и ХЪ». На левом берегу стоит Креститель. Его непомерно вытянутая фигура с длинными и тонкими руками и ногами напоминает кузнечика. На нем задрапированная наподобие плаща власяница, оставляющая открытыми правое плечо и ноги³. Слева надпись: «Крещение». На правом берегу сидят три ангела; руки переднего прикрыты покровом. Над их головами надписи: «англи» и «Мих». Композиция «Крещения» не содержит в себе ничего необычного. Такие детали, как три ангела, плавающие фигуры иудеев и сегмент с ангелами, получают широкое распространение лишь с XII в.⁴

«Распятие» (рис. 13). На восьмиконечном кресте распят Христос, тело которого прибито четырьмя гвоздями. Его тонкая пропорциональная фигура дана сильно выгнутой, голова склонилась на правое плечо. На верхней дощечке надпись «ІСЪ ХС». Ниже другая надпись: «Распятие». Основание креста укреплено в скале, под которой расположена пещера с черепом. Слева стоит бессильно склонившая голову богородица; ее поддерживает женщина. Поза Марии выражает глубокую печаль. Над ее головой надпись: «МР ΘΥ». Справа стоит Иоанн с поднятой к лицу левой рукой. Его слегка склоненная фигура задрапирована в плащ, около его головы надпись: «Иванъ». Наверху, по сторонам от креста, полуфигуры двух ангелов. Эмоциональный строй этой композиции характерен для памятников XIII—XIV вв.: для жеста Иоанна ср. фрески Теоскепастос в Трапезунте (XIV в.) и в Жиче (XIII в.)⁵; для сильно изогнутой фигуры Христа со склоненной на плечо головой — группу сербских фресок XIII—XIV вв. (Жича, Градац, Грачаница, Студеница и др.)⁶ и работы Джунты Пизано⁷, впервые введшего эту

¹ Ср. D. Shorr, Ук. соч., стр. 24. Шорр называет этот тип «Симеон Глюкофилон». Он встречается в романской росписи зрелого XII в. в замке Эппау в Тироле (J. Gager, Die romanischen Wandgemälde Tirols. Wien, 1928, табл. 39) и на византийских миниатюрах XIII в. [Карахиссарское евангелие в Ленинградской публичной библиотеке (греч. 105) и Рокфеллеровский Новый завет в Чикагской университетской библиотеке (Ms. 2400); см. D. Shorr, Ук. соч., рис. 20, 24]. К этим примерам следует присоединить миниатюру Гелатского евангелия XII в. в Гос. Музее Грузии в Тбилиси.

² Н. Сычев, Ук. соч., табл. XLIV.

³ Ср. G. Millet, Ук. соч., стр. 182—183. Милле неверно трактует власяницу как плащ.

⁴ См. Н. Покровский, Ук. соч., стр. 182, 188; G. Millet, Ук. соч., стр. 178, 206, 209.

⁵ G. Millet, Ук. соч., стр. 402, 407, рис. 429; G. Millet and D. Talbot Rice, Byzantine Painting at Trebizond. London, 1936, табл. XXIII-2.

⁶ G. Millet, Ук. соч., стр. 407—410, рис. 429, 430, 474.

⁷ Pittura italiana del duecento e trecento. Catalogo della Mostra Giottesca di Firenze del 1937. A cura di G. Sinibaldi e G. Brunetti. Firenze, 1943, стр. 48—57. Очень близка к типу Христа на Васильевской пластине дучентистская икона в собр. Харриса в Лондоне. См. O. Sigrén, Toskanische Maler im XIII Jahrhundert. Berlin, 1922, рис. 44.

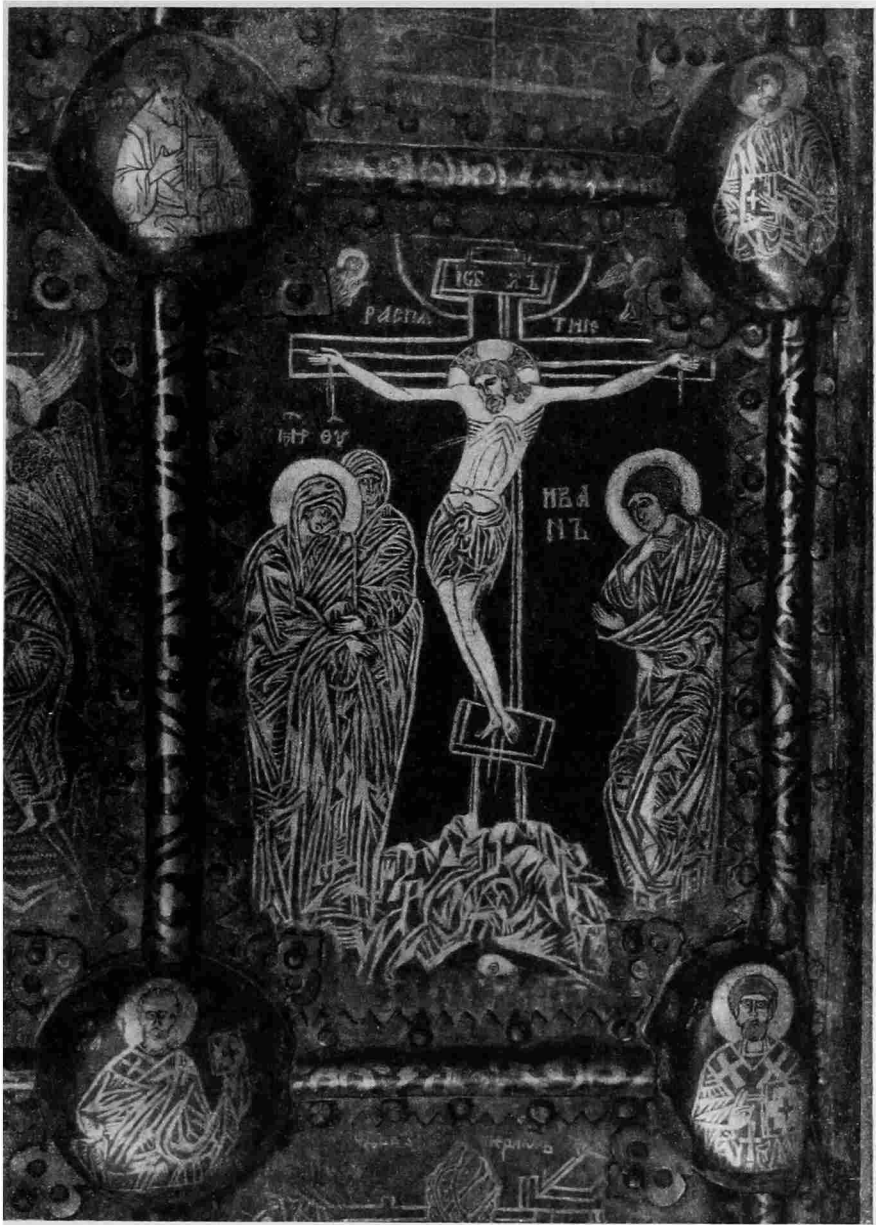

Рис. 13. Васильевские врата. Левая створка. «Распятие».

новую для его времени схему в итальянское искусство; для трогательной фигуры Марии — миниатюры Белградской и Сербской псалтырей (XIV в.)¹. Этот поэтический образ богоматери особенно типичен для искусства зрелого XIII и XIV вв., когда художники сознательно усиливают все эмоциональные акценты, изображая подчас Марию в глубоком обмороке². Весьма показательно сравнить фреску Нередицы

¹ G. Millet. Ук. соч., стр. 416—419, рис. 444.

² Д. В. Айналов («Византийская живопись XIV века», стр. 118—119) приписывал этому мотиву западное происхождение, однако он уже встречается в византийских (росписи церкви Тагар в Каппадокии и церкви Оморфи на острове Эгине), сербских (фрески Сопочан) и армянских (миниатюры «Евангелий» в Патриаршей библиотеке в Иерусалиме, № 2568/13 и 2563/8) памятниках XIII в. См. V L a s a r e f f — «Burlington Magazine» 1927 (II), стр. 62; E. S a n d b e r g V a v a l á. La croce dipinta

с изображением «Распятия» и нашу пластину¹. На фреске тело Христа почти лишено выгиба, голове придан незначительный наклон, Мария представлена с поднятыми вверх руками. Все это характерно для торжественного эпического стиля XII в. На пластине Васильевских врат вся сцена приобретает совсем иное эмоциональное звучание — фигура Христа полна драматизма, фигуры Марии и Иоанна очеловечиваются, становясь носителями тонких лирических переживаний. Здесь особенно ясно видно, в каком направлении развивалось искусство XIV в.² Интересно отметить, что «Распятие» на окладе московского великокняжеского Евангелия от 1344 г.³ трактовано в более архаических традициях, из чего можно сделать вывод, что Москва приобщилась к иконографическим новшествам XIV в. несколько позднее Новгорода.

«Снятие со креста» (рис. 14). Стоящий на лестнице Иосиф Аримафейский придерживает мертвое тело Христа. Мария нежно прижалась щекой к голове Христа, ее правая рука слегка касается его правой руки. Позади Марии виднеется фигура жены-мироносицы, над чьей головой расположена ошибочная надпись: «Анна». Справа представлены склонившийся к руке Христа Иоанн и жена-мироносица. Над их головами — архитектурная кулиса и надпись: «Осифъ снимаетъ Гда». У подножия креста сидит Никодим, вытаскивающий клещами гвозди, которыми прибиты к кресту ноги Христа. Около его головы надпись: «Никодимо». Над перекрестьем две полуфигуры ангелов и надпись: «ІС ХС». Несмотря на слабый рисунок и мало ритмичную композицию, не трудно установить, что мы имеем здесь развитой иконографический тип, характерный для искусства XIV в.⁴ И в этой сцене, подобно сцене «Распятия», всячески подчеркнуты моменты эмоционального порядка (поэтический образ Марии, прижавшейся к голове Христа, трогательно склонившийся над рукой Христа Иоанн). По сравнению с фреской Нередицы⁵ пластина Васильевских врат обнаруживает значительное усложнение эмоционального содержания и композиционного строя. Для нового, более свободного понимания композиции особенно показательна та полная динамики парабола, которая объединяет все сгруппировавшиеся вокруг креста фигуры. Близкую трактовку к «Снятию со креста» находим на новгородской иконе с развернутым христологическим циклом в Новгородском музее (ранний XV в.).

«Сшествие во ад» (рис. 15). В центре — Христос в ореоле. Протянув правую руку Адаму, он выводит его из ада. Около Адама стоит Ева, простершая руки к Христу. Справа группа праведников, состоящая из трех фигур (Давид и Соломон в диадемах и Предтеча). Под ногами Христа сложенные накрест врата ада. Наверху виднеются скалы, в центре надпись: «Въскрніе Гдне». Все составные части этой композиции не выходят за пределы традиционного понимания темы, которая отличалась в классическую форму уже на ранних этапах развития и в дальнейшем не подвергалась сколько-нибудь существенным изменениям.

italiana e l'iconografia della passione. Verona, 1929, стр. 148—151; G. Millet. — «Atti del V congresso internazionale di studi bizantini», II. Roma, 1940, стр. 272—297.

¹ Н. Сычев. Ук. соч., табл. XLII-1.

² Ср. L. Gondijs. L'iconographie byzantine du Crucifié mort sur la croix, 2 édition. Bruxelles — Utrecht, 1948.

³ Н. Покровский. Ук. соч., стр. 342, рис. 174.

⁴ Ср. G. Millet. Iconographie de l'évangile, стр. 478; R. Van Marle. De Iconographie der Afneming van het Kruis tot het eind der 14 Eeuw. «Het Gildeboek», 1925. июнь и октябрь; E. Sandberg Vavalä. Ук. соч., стр. 286—296.

⁵ Н. Сычев. Ук. соч., табл. XLII-2.

Рис. 14. Васильевские врата. Правая створка. «Снятие со креста».

Медальоны третьего ряда (см. рис. 12—15) имеют следующие надписи: «Климантось», «Николаи», «Елпатии», «оґа Козма», «Григори Восвос» (так!), «Елпатии».

Четвертый регистр начинается с «Воскрешения Лазаря» (рис. 16). Эта композиция дана в сокращенной и упрощенной форме, восходящей к ранним иконографическим вариантам, которые Милле¹ рассматривает как особо типичные для памятников каппадокийского круга: слева Христос со своим учеником (Петром?), у ног его — коленопреклоненные Марфа и Мария, справа — спеленутый Лазарь, чья фигура представлена на фоне традиционной пещеры; слуга левой рукой

¹ G. Millet. Ук. соч., стр. 235.

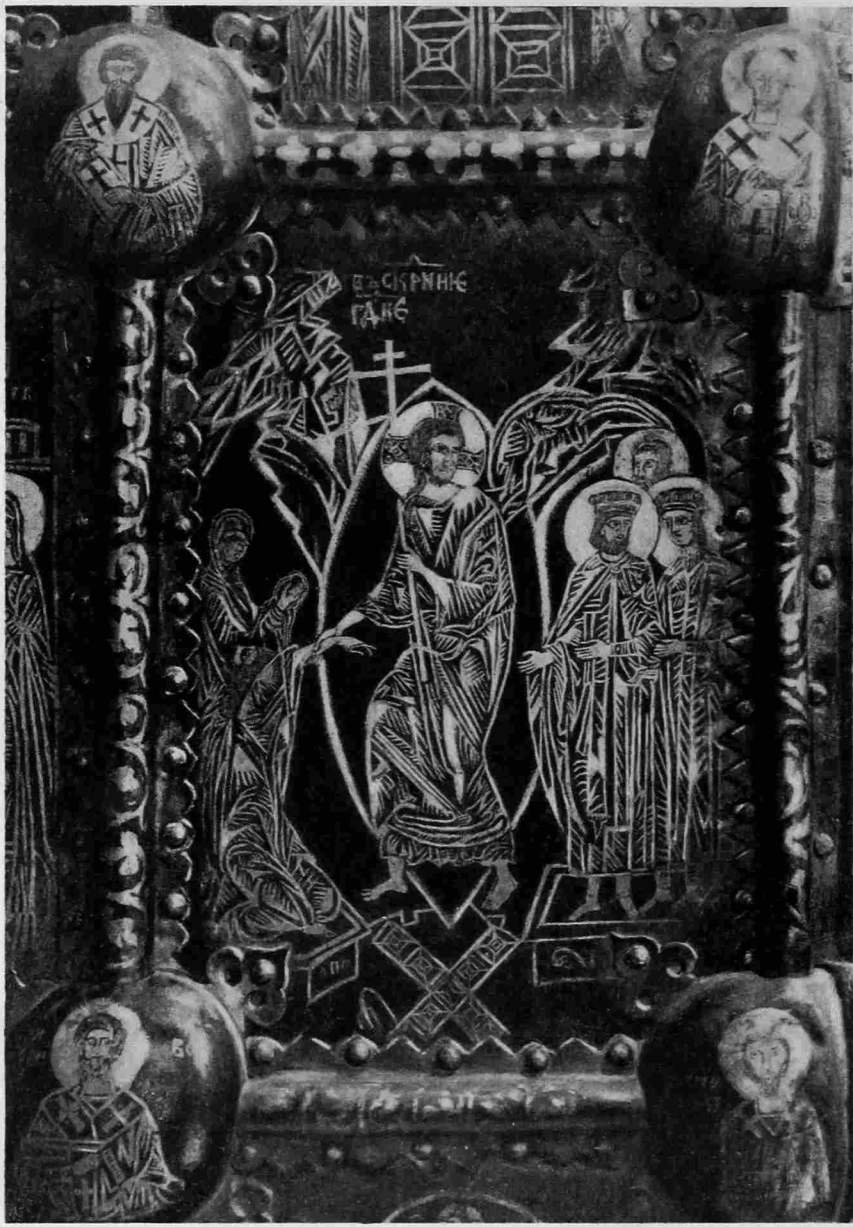

Рис. 15. Васильевские врата. Правая створка.
«Сошествие во ад».

придерживает за плечо Лазаря, правую же руку подносит к носу; внизу — плита от входа в пещеру. Наверху надписи: «Лазаровъ Вѣскрѣшнїе» и «ІС ХС». В этом иконографическом типе отсутствуют характерные для памятников XIV в. элементы: фигуры двенадцати апостолов, толпа зрителей, двое слуг¹. Композиции на аналогичную тему в Сквородском монастыре², в Волотовской церкви³ и на четырехчастной иконе

¹ Ср. G. Millet. Ук. соч., стр. 237.

² В. Лазарев. Росписи Сквородского монастыря в Новгороде. Сборник «Памятники искусства, разрушенные немецко-фашистскими захватчиками в СССР». М., 1948, рис. на стр. 86.

³ Л. Мацулевич. Церковь Успения в Володове, рис. 39.

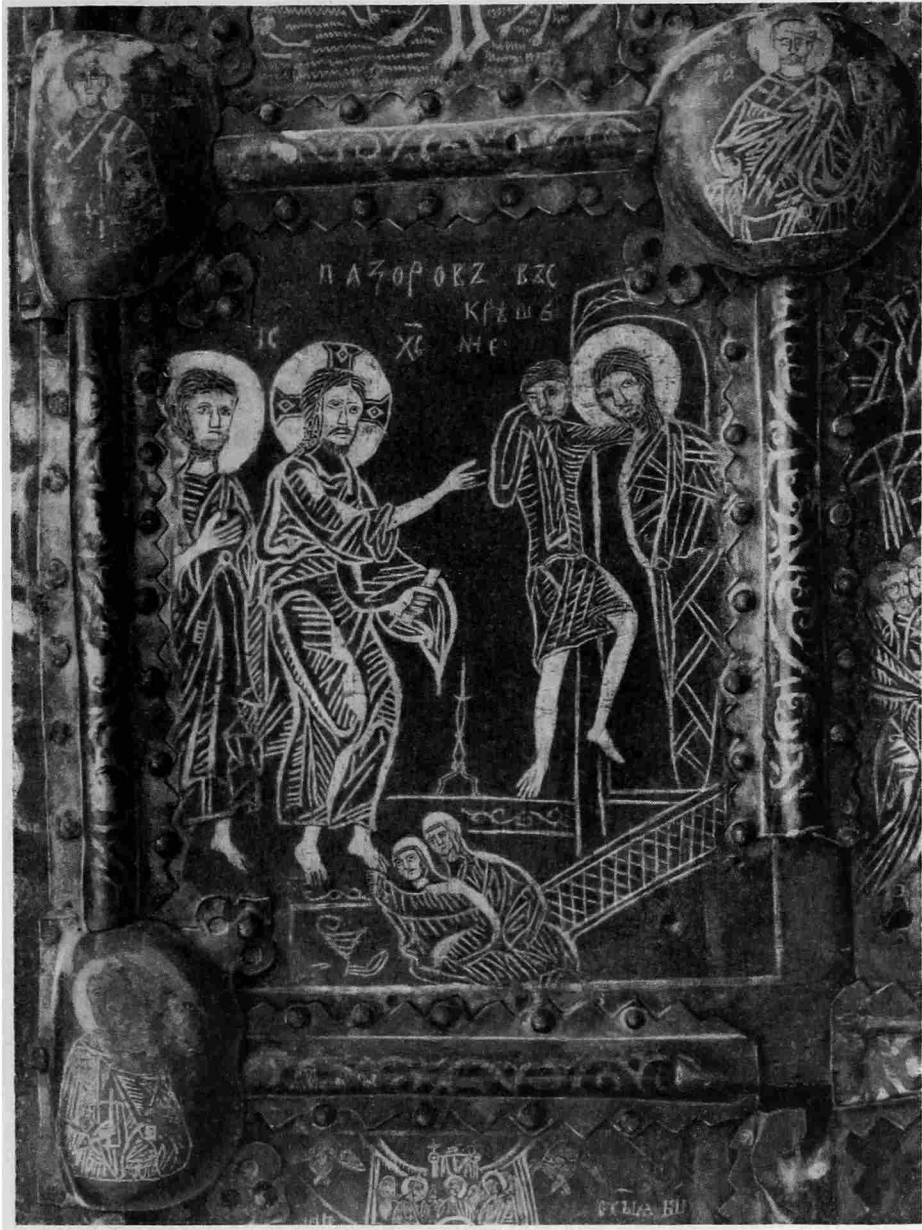

Рис. 16. Васильевские врата. Левая створка. «Воскрешение Лазаря».

в Русском музее¹ отличаются гораздо более развитым характером. Повидимому, автор пластины использовал старый и притом простейший иконографический извод (ср. фреску в Нередице)².

«Вход в Иерусалим» (рис. 17). Христос едет на лошади (а пена осле)³. Он окружен своими учениками, которые обычно изображаются следующими за ним. На втором плане вырпсовываются скала, традиционная пальма и город Иерусалим, обнесенный стеной. В люнете, над входными

¹ В. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, табл. 94.

² Н. Сычев. Ук. соч., табл. XXXIX-2.

³ См. G. Millet. Ук. соч., стр. 275. Заменяющая осла лошадь встречается в ряде фресок XIV в. (Волотово, Малый Град, Раваница).

воротами, художник дал полуфигуру ангела, а на стене представил человеческую фигурку, исполненную в беглой, эскизной манере. В нижнем правом углу — два мальчика, один из которых (его фигура полустерлась) постигает одежду на дороге. Наверху надпись: «Входъ въ Ерлимъ». По сторонам от нимба Христа традиционные буквы: «ІС ХС». Композиции XIV в. обычно носят более многолюдный характер (толпы народа, вышедшие приветствовать Христа, играющие дети). На пластине дан сокращенный вариант — обступившие Христа апостолы как бы заменяют группу иудеев. На XIV в. указывают лишь развитые архитектурные формы палат с их подчеркнуто пространственной трактовкой.

«Преображение» (рис. 18). В центре Христос, по сторонам от него пророки Илия и Моисей. От окружающего Христа ореола исходят лучи, которые падают на Петра, Иоанна и Иакова. Фигуры последних представлены в сильном движении. Все три апостола, пораженные неземным светом, упали на землю, причем их жесты свидетельствуют о величайшем изумлении. Иоанн и Иаков пытаются закрыть глаза руками, Петр отвернулся от ослепившего его света. Наверху надпись: «Преображение Гне». Около Ильи, Моисея и Иоанна надписи: «[Или]я», «Моиси», «Іоан». Вся сцена пронизана сильным движением, что сближает ее с изображениями на памятниках XIV в.¹ В искусстве XI—XII вв. фигуры даются в статических, застывших позах, композиция легко распадается на отдельные, замкнутые в себе звенья. На пластине движения фигур тесно друг с другом связаны: Илья и Моисей слегка склоняются к Христу, упавшие на землю апостолы объединены охватывающей их параболой, которая вторит изогнутой форме горы. Эти черты ясно говорят о том, что художник был хорошо осведомлен о новшествах XIV в.

«Вознесение» (рис. 19). Христос в глории, поддерживаемой двумя ангелами и двумя серафимами, возносится на небо. Около его нимба надпись: «ІС ХС». Внизу, в центре, стоит богородица Оранта. Над ее головой надпись: «МНР ΘΥ». По сторонам изображены два ангела и двенадцать апостолов. На втором плане два дерева. Основная надпись закрыта зубьями набивного обрамления. Композиция «Вознесения» принадлежит к числу наиболее традиционных в византийском и древнерусском искусстве (все ее основные элементы уже встречаются на миниатюре из Евангелия Равулы)². На XIV в. указывают такие стилистические черты, как облегченные пропорции вытянутых фигур и сильно выраженное движение в позах и жестах ангелов и особенно апостолов с их запрокинутыми головами.

Медальоны четвертого ряда (рис. 16, 17, 19) имеют следующие надписи: «Георгіи», «Лавр» (?), «Прокопи».

Пятый регистр открывается «Успением» (рис. 20). В центре покоится на ложе тело Марии, которое обступили апостолы и святители. Посередине возвышается фигура Христа, окруженного сиянием, которое увенчано серафимом; Христос держит в руках спеленутого младенца, символизирующего душу богородицы. По сторонам от нимба Христа надпись: «ІС ХС». На втором плане два здания. Наверху ангелы, несущие на небо Марию, чья фигура дана в глории. Еще выше представлены три

¹ Ср. G. Millet. Ук. соч., стр. 225—227.

² Ср. Н. Покровский. Ук. соч., стр. 428—445; E. Mâle. L'art religieux du XII-e siècle en France. Paris, 1922, стр. 88—92; E. Sandberg Vavalâ. Ук. соч., стр. 171—198; H. Gutberlet. Die Himmelfahrt Christi in der bildenden Kunst von den Anfängen bis ins hohe Mittelalter. Strassburg, 1934.

Рис. 17. Васильевские врата. Левая створка. «Вход в Иерусалим».

Рис. 18. Васильевские врата. Правая створка. «Преображение».

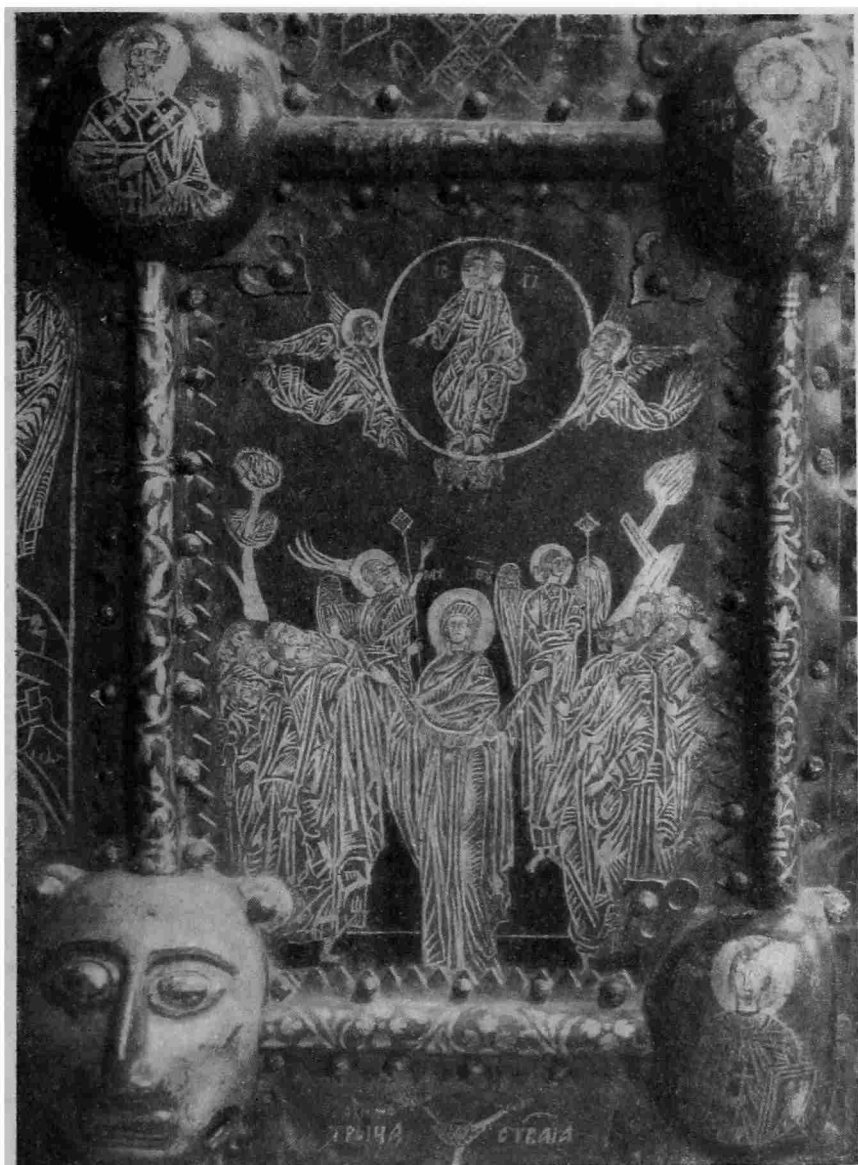

Рис. 19. Васильевские врата. Правая створка. «Вознесение».

полуфигуры ангелов. Над средним ангелом — престол с двумя крестами и голубем. По сторонам — два серафима и надпись: «[Оуспе]ние ст̄я Б̄ця». Такая иконографическая деталь, как полуфигуры ангелов, собирающихся принять на небо Марию, является типичной для иконографии XIV в. и не встречается на более ранних памятниках¹. Особенно широкое распространение она получила в сербских росписях (Старо-Нагоричино, Грачаница, Марков монастырь, Псача, Чурчер, Полошко и др.), в которых обычно изображаются раскрытые небесные врата с виднеющимися на их фоне ангелами². На Васильевской пластине врата(?) настолько

¹ Ср. V. Vătăsceanu. Dormitio Virginis. Ephemeris Dacoromana, 1935 (VI), стр. 1—49; L. Wratistlaw-Mitrović et N. Okunev. La dormition de la Sainte Vierge dans la peinture médiévale orthodoxe. Byzantinoslavica, 1931 (3), стр. 134—180.

² См. V. Petković. La peinture serbe, I, табл. 33b, 41a, 45; II, табл. CLI, CLXIII, CLXIX.

Рис. 20. Васильевские врата. Левая створка. «Успение».

стилизованы, что их трудно опознать. Совсем необычен престол с голубем и двумя крестами. Что хотел здесь представить художник? Быть может, три ангела символизировали в его воображении св. троицу и голубь на престоле был призван подчеркнуть, что один из ангелов персонифицирует дух святой? Если это объяснение правильно, то мы имели бы здесь совсем уникальное изображение: три ангела, символизирующие триединое божество, принимают на небо Марию.

«Явление ангела св. женам» (рис. 21). Слева стоят две жены-мироносицы с сосудами для мира в руках. Над их головами надпись: «Мироносицы». В центре сидит на овальном камне ангел; в его левой руке жезл, правой он указывает на пелены и сударь в гробнице, изображенной справа. В нижнем правом углу группа воинов в шлемах; воины держат в руках пики и щиты. Над головой ангела надпись:

Рис. 21. Васильевские врата. Левая створка. «Явление ангела св. женам».

«^лМихаї ^со архї». Выше другая надпись: «Грѣбъ Гнѣ». Все основные элементы этой композиции являются традиционными. Несколько необычен овальной формы камень, на котором сидит ангел. Милле возводит эту иконографическую деталь к старым восточным источникам¹. С искусством XIV в. сцену «Явления ангела св. женам» сближают изящные, вытянутые пропорции фигур и особо свободное расположение складок плаща ангела.

«Сшествіе св. духа» (рис. 22). Двенадцать апостолов расположились полукругом по дуге триклиния. На втором плане палаты,

¹ G. Millet. Ук. соч., стр. 533—534.

Рис. 22. Васильевские врата. Правая створка. «Сошествие св. духа».

соединенные изогнутой стеной. Над последней надпись: «Сошествие ста^г духа». На нимбах апостолов начальные буквы их имен. «Πε, Μα, Λυ, Ιακ, Σι, Θο» (слева) и «Πα, Ιωα, Μα, Αν, Βα, Θι» (справа). В обрамлении дуги полуфигура царя в далматике и короне; в руках он держит убрus с двенадцатью свитками. Это традиционный образ «космоса» (на русских иконах около этой фигуры обычно стоит надпись «весь мир»). На славянской почве образ царя-космоса постепенно вытеснил группы народов, обычно изображаемых на этом месте¹. Впервые такая замена произошла в византийском искусстве X в., в чем следует усматривать воздействие

¹ См. Н. Покровский. Ук. соч., стр. 457—465; А. Грабар. Иконографическая схема Пятидесятницы. «Seminarium Kondakovianum», 1928 (II), стр. 223—239.

на иконографию церковно-политических учений о природе императорской власти: здесь василевс выступает прямым продолжателем дела апостолов по обращению народов в веру христианскую¹. Эта политическая идея оказалась позднее затухшей и фигура царя стала символизировать «весь мир». Для иконографического типа ср. икону из иконостаса Благовещенского собора (около 1405 г.) и шитье XV в. в Загорском музее («Троица с клеймами»).

«Ветхозаветная троица» (рис. 23). Вокруг престола расположились три ангела. Нимб среднего ангела имеет перекрестье. В его левой руке виднеется свиток, его крылья опущены. Левый и правый ангелы, чьи крылья раскрыты, держат в руках посохи. Все три ангела благословляют евхаристическую чашу. Перед престолом изображены фигуры Авраама и Сарры. На втором плане две палаты, наверху надпись: «Троица ствая» (так!). Представленный здесь иконографический тип восходит к восточной традиции и отличается довольно большим архаизмом (разномасштабность фигур, застывшие позы, отсутствие ритмической связи между отдельными элементами композиции)². В этом отношении показательное его сравнение с рублевской «Троицей», которая знаменует новый этап развития.

Медальоны пятого ряда украшены орнаментом; единственный фигурный медальон (второй слева) утратил свою надпись.

Шестой регистр начинается с довольно редко изображаемой сцены. Это «Ликование царя Давида при перенесении ковчега завета в Иерусалим» (рис. 24). Два вола везут колесницу с ковчегом завета. Перед ними скачет царь Давид, распростерший руки. Над его головой надпись: «Дѣвдъ о аѣ». Около колесницы шествуют левиты. Слева портики города Иерусалима. На стене стоит женская фигура в царском облачении. Это дочь Саула-Мелхола (Паралипоменон, книга 1, гл. XV). Наверху — ангел, благословляющий Давида. В нижнем правом углу — полусрезанная обрамлением поверженная ниц фигура. Вероятно, здесь представлен Оза, пораженный, согласно библейскому преданию, богом за то, что он дерзнул протянуть руку свою к ковчегу (Паралипоменон, книга 1, гл. XIII, 7—11). Хотя эпизод этот предшествовал перенесению ковчега из дома Авведара в Иерусалим (он произошел тогда, когда шествие с ковчегом двинулось из Кириафнарима), тем не менее художник объединил здесь два разновременных события. Наверху надпись: «[Д]дъ прѣ предъ сѣньнымъ ковчегомъ скакаше играя. Бѣи же людье стѣи образомъ сбытья зряще веселимся бжествѣ» (примос 4-й песни пасхального канона).

«Весы духовные Страшного суда» (рис. 25). К небесам подвешены на цепи весы. Слева стоит ангел, поражающий копьём змия (?), справа представлен бес, собирающийся зацепить крюком чашу весов. Около ангела изображен отрок с нимбом — символ праведной души. Наверху надпись: «Судъ душе». Над головой отрока надпись: «Душа устрашаетъ». На левой и правой чашах весов надписи: «Прѣвѣта» (т. е. правота) и «грѣхы». Между чашами весов другая надпись: «Аще ты

¹ Ср. А. G r a b a r. L'art religieux et l'empire byzantin à l'époque des Macédoniens. «Annuaire de l'école pratique des hautes études, section des sciences religieuses», 1939—1940, стр. 25—27.

² М. A l p a t o v. La Trinité dans l'art byzantin et l'icone de Roublev. «Echos d'Orient», 1927 (146), стр. 10—11, 21—22; Ср. Н. М а л и ц к и й. К истории композиции ветхозаветной Троицы. «Seminarium Kondakovianum», 1928 (11), стр. 34—45; А. Н а с к е l. Die Trinität in der Kunst. Eine ikonographische Untersuchung. Berlin. 1931.

Рис. 23. Васильевские врата. Правая створка. «Ветхозаветная троица».

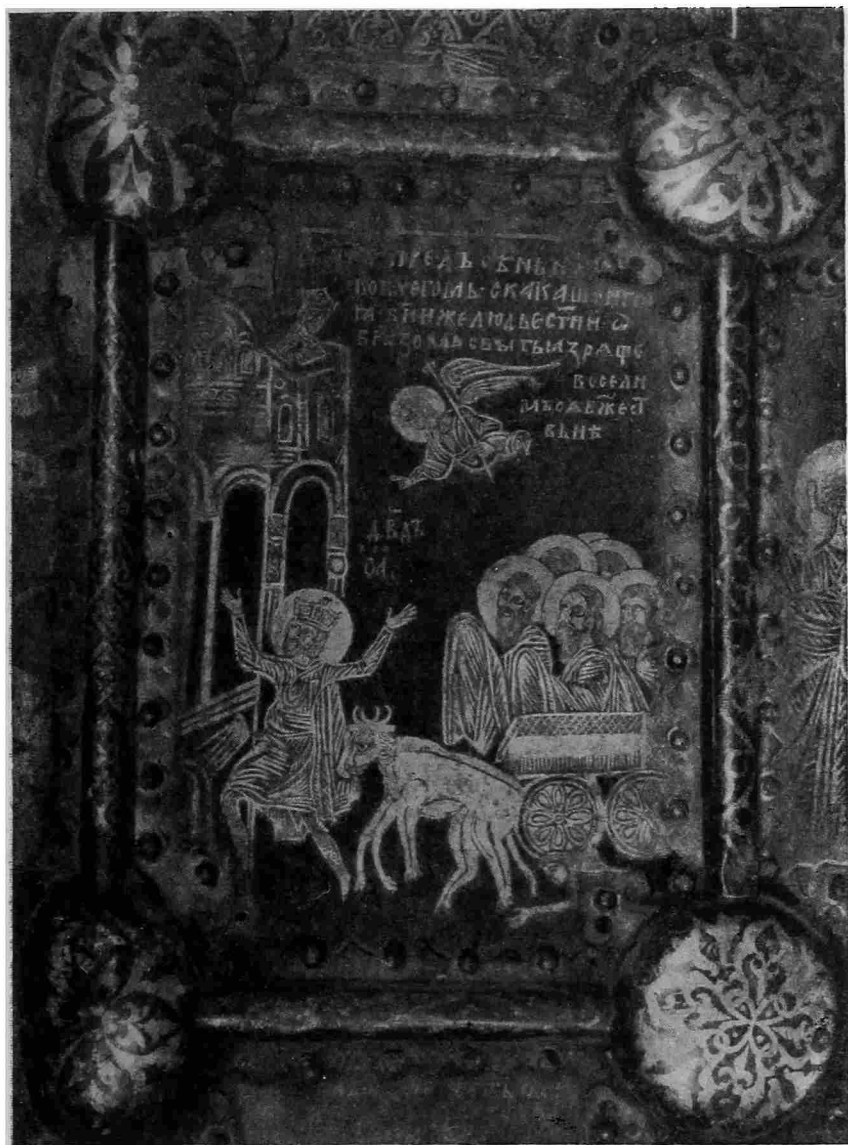

Рис. 24. Васильевские врата. Левая створка. «Ликование царя Давида при перенесении ковчега завета в Иерусалим».

«кань ражю то увидиши собѣ». Над головой беса еще одна надпись, полусрезанная рамой: «шкны... рма. не... дѣль ци... штяну... добрихъ инъ...». Здесь дается развернутый вариант одного из эпизодов «Страшного суда» — на весах взвешиваются праведные и грешные дела¹. Бес делает попытку обеспечить победу греху, но правда торжествует и левая чаша перевешивает правую. Весьма примечательны надписи с их сочным просторечьем и ярко выраженными новгородизмами.

«Единоборство Давида с Голиафом» (рис. 26). Справа великан Голиаф; на нем доспехи и шлем, в его руках меч и копье. Слева Давид, который держит в правой руке пастушескую прапу с заложенным в ней камнем. Его фигура дана в энергичной позе. Он собирается

¹ Ср. фреску в Нередице (Н. Сычев. Ук. соч., табл. LXXII-1) и мозаику в Торчелло (В. Лазарев. История византийской живописи, II. М., 1948, табл. 240).

Рис. 25. Васильевские врата. Левая створка. «Весы духовные Страшного суда».

метнуть камень в голову Голиафа. На втором плане город и скала. Из-за стен города выглядывают царь Саул с супругой. Наверху надпись: «Црѣ Давидъ поразі Го[лиафа]».

«Китоврас с царем Соломоном в руках» (рис. 27). Особенно интересное изображение, наглядно показывающее, как в церковную тематику просачивались весьма вольные апокрифические сюжеты¹.

¹ См. И. Снегирев. Древности Российского государства, отделение VII. М., 1853, стр. 80—81; А. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872 (в этой работе, с ее характерными для А. Н. Веселовского компаративистскими натяжками, дается наиболее полная сводка различных редакций сказания о Китоврасе); И. Жданов. Сочинения, I. СПб., 1904, стр. 793—807; Г. Потанин. Сага о Соломоне. Томск, 1912; М. Грушевский. История украинской литературы, IV. Киев, 1925, стр. 472—480 (на украинском языке); А. Mazon. Le centaure de la légende vieux-russe de Salomon et Kitovras. «Revue des études slaves», 1927 (VII), стр. 42—62

Рис. 26. Васильевские врата. Правая створка. «Единокрестие Давида с Голиафом».

Представлен Китоврас с крыльями и в короне. В правой руке он держит царя Соломона, собираясь его забросить на край света. Соломон, чья голова также увенчана короной, в ужасе поднял руки. Справа полусрезанное обрамлением, не совсем понятное изображение: в небольшом здании, над крышей которого поднимаются клубы огня(?), сидит человек; он чертит на листе восьмиконечный крест — заклятие (?) на Китовраса. Наверху — сосуд (?), внизу — положенные друг над другом строительные (?) инструменты. А. Н. Веселовский¹ считает, что здесь вторично представлен Соломон (перед тем, как он был схвачен Китоврасом) или Китоврас, который принял, по рассказу Талмуда, образ изгнанного царя и воссел на его престол. Эта фигура может изображать, по нашему мнению, и одного из «колдующих мудрецов» или «книжников», пытающихся найти закинутого на край света Соломона. Наверху надпись: «Китоврасъ мепе-

¹ А. Веселовский. Ук. соч., стр. 223—224.

Рис. 27. Васильевские врата. Правая створка. «Китоврас с царем Соломоном в руках».

братомъ своимъ [Соломоно]мъ на шбѣтованую землю за[верже]». Этот эпизод, восходящий к Талмуду, где роль кентавра играет Асмодей, фигурирует в развернутом рассказе, приведенном в «Палее» от 1477 г. Соломон ищет Китовраса, потому что для построения храма ему необходимо достать таинственное средство, которое позволило бы готовить камни без употребления орудий. «И бысть, егда нача молвити Китоврасу царь Соломонъ: нынѣ видѣхъ, яко сила ваша аки человекѣска, и нѣсть сила ваша боле нашея силы, яко азъ яхѣтя. И рече ему Китоврасъ: Царю, аще хочещи видѣти силу мою, да соими съ мене оуже сіе, и даждь ми жюковину свою съ роукы, да видиши сплу мою. Соломонъ же снятъ с него оуже желѣзное и дасть ему жюковиноу: ѿн же пожре ю и, простеръ

крило свое, оудари Соломона и заверже и на конец земля обетованная. Оувѣдаша же мудреци его книжници, възыскаша Соломона»¹.

А. Н. Веселовский полагает, что на Руси был также известен другой вариант повести о Соломоне и Китоврасе. Здесь Китоврас мстит Соломону, похищая его перстень и жену и забрасывая царя на конец обетованной земли. Он принимает затем образ изгнанного царя и завладевает его престолом. В повести он рассматривается как приходящийся по родству братом Соломону. Так как на Васильевской пластине Китоврас дан с короной на голове, то Веселовский считает, что обе редакции сказаний о Китоврасе уже существовали до XIV в. По его мнению, посредствующей формой между повестью и былиной был духовный стих, «всего более открытый апокрифическому содержанию»². Сказания о Китоврасе были подвергнуты не позже XIV в. церковному запрету, как о том свидетельствует болгарский номоканон XIV в. Погодинского собрания, где среди ложных книг фигурируют и «О Соломонѣ цари и о Китоврасѣ басни и кощуны»³. Весьма показательно, что архиепископ Василий, крепко связанный с широкими ремесленными кругами Новгорода, не побоялся изобразить на церковных вратах запрещенные церковью «басни и кощуны», о которых в одном старом источнике весьма образно говорится «все лъгано, не бываль Китоврасъ на земли, но еллинстїи философи ввели»⁴.

«Притча о сладости мира сего» (рис. 28). Между крутыми скалами изображено дерево, на ветке которого стоит человек, придерживающийся правой рукой за ствол. По сторонам дерева представлены лев и единорог, а ниже — четыре дракона и две мыши, подгрызающие корни дерева. Наверху надпись: «Сладость сегъ мира». Около мышей надписи: «бѣлая мышь», «черная мышь». Мы имеем здесь самую раннюю из дошедших до нас на русской почве иллюстраций популярной в средние века «притчи о сладости мира сего». Эта притча заимствована из «Повести о Варлааме и Иоасафе». Людей, непрестанно пребывающих в телесных сластях, говорит Варлаам, а души оставляющих томиться голодом, я полагаю подобными человеку, который бежал от страшного единорога, и вдруг с разбегу упал в глубокую пропасть, и на ветвях утвердил свои ноги. Взглянув вниз, увидел он две мыши, одна белая, другая черная, непрестанно подгрызают корень того дерева; посмотрев на дно пропасти, увидел страшного змия, дышащего огнем и готового пожрать его. Взглянув на ветви, на которых он утвердил свои ноги, увидел от стены четыре головы аспидов, а от ветвей тех капало немного меду; и забыв все грозящие ему опасности, он устремился ко сладости малого меда онаго. Эту притчу сам Варлаам следующим образом комментирует своему ученику: единорог — смерть, гонящаяся за человеком, пропасть — мир сей, исполненный всяческих зол и смертоносных сетей; дерево, за которое, ухватившись, мы держимся, — временная жизнь каждого человека; мыши белая и черная — день и ночь; четыре аспиды (дракона) — четыре стихии, из которых составлен человек; огнеобразный и неистовый змий — утроба адская; медвяные же капли — сладость мира сего, прельщаясь которою человек оставляет заботу о спасении⁵.

¹ А. Веселовский. Ук. соч., стр. 211—212. Древнейший текст этого сказания встречается в «Палее» конца XIV в. в Историческом музее (собр. Барсова, № 619).

² А. Веселовский. Ук. соч., стр. 237.

³ Эти же «басни и кощуны» приводятся также в списке митрополита Киприяна.

⁴ Летописи занятий Археографической комиссии 1861 г., в. 1. СПб., 1862, стр. 39.

⁵ Повесть о Варлааме и Иоасафе. Перевод с арабского акад. В. Р. Розена. М.—Л., 1947, стр. 47; ср. Ф. Буслев. Сравнение одного рельефа на портале пармского баптистерия с миниатюрой Углицкой псалтири XV в. «Сборник Общества древнерус-

Рис. 28. Васильевские врата. Левая створка. «Притча о сладости мира сего».

Самая ранняя иллюстрация этой притчи встречается в греческой «Псалтыри» от 1066 г. в Британском музее (Add. 19352, л. 182 об). Лондонская миниатюра непреложно доказывает, что уже к середине XI в. существовали иллюстрированные повести о Варлааме и Иоасафе. Из таких иллюстрированных рукописей интересующий нас сюжет был перенесен в лицевые псалтыри, где его использовали для наглядного пояснения четвертого стиха 143 псалма («человек подобен дуновению; дни его, как уклоняющаяся тень»). В греческих [рукописи в монастыре св. Креста в Иерусалиме, № 42, л. 77, XI в.; в школе Ζωσιμαία в Яннине (Эпир),

ского искусства на 1866 г.». М., 1866, стр. 83; А. К пр и п ч и н и к о в. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Харьков, 1876, стр. 170—171. Ср. Е. Р е д и н. Материалы для византийской и древнерусской иконографии. 3. Притча о сладости мира сего. АИЗ, 1893, № 12, стр. 438—443; S. D e r N e r s e s s i a n. L'illustration du roman de Barlaam et Joasaph. Paris, 1937, стр. 63—68.

л. 54, XII в.; в Королевском колледже в Кэмбридже, № 338, л. 41 об., XIII в.; в парижской Национальной библиотеке, gr. 1128, л. 68, XIV в.]¹, арабских [рукописи в парижской Национальной библиотеке, арабе 273 (suppl. 110), л. 42, от 1479 г. и арабе 274, л. 55 об., от 1494 г.; в Ватиканской библиотеке, арабе 692, л. 42, XV в.] и русских (рукопись в Библиотеке Академии Наук, № 34, 3.27, середина XVII в.)² иллюстрированных повестях о Варлааме и Иоасафе изображение «Притчи о сладости мира сего» встречается, как правило, причем оно дается в довольно разнообразных изводах (особенно интересен тот извод, в котором единорог преследует человека, чья фигура повторена дважды — один раз убегающей, другой раз взбирающейся на дерево). Этот же сюжет нередко фигурирует в лицевых псалтырях, как греческих (Barb. gr. 372, XII в.), так и славянских (мюнхенская, ленинградская от 1397 г., супральская, XIV в., угличская, XV в., костромского Ипатьевского монастыря, XVI в.)³. Мы находим его и в «Евангелии» Лаврищевского монастыря конца XIV в. в Музее Чарторыйского в Кракове⁴, и в греческой рукописи конца XIV в. в парижской Национальной библиотеке (gr. 36, л. 203 об.), содержащей притчи Соломона и отрывки из сочинений Гиппократ⁵, и среди греческих (церковь св. Димитрия в Салониках, кон. XIV в.)⁶, румынских (Козия) и молдавских (Сучевица) росписей⁷. Наконец, он получил распространение и на Западе, о чем свидетельствует ряд памятников⁸. Изображение на Васильевских вратах могло быть позаимствовано как из лицевой псалтыри, так и из иллюстрированной повести о Варлааме и Иоасафе. Первое предположение представляется нам более убедительным.

П л а с т и н ы с о р н а м е н т а л ь н ы м и у з о р а м и. Пластина левой створки (рис. 29), возможно добавленная в XVI в., украшена сложной арабеской, состоящей из переплетающихся жгутов, которые заканчиваются трилистниками нововизантийского стиля. Пластины правой створки (рис. 30—31) без сомнения современны эпохе исполнения дверей. Переплетающиеся жгуты завершаются трилистниками либо гребешками. Сложные извивы жгутов очень напоминают мотивы новгородского тератологического орнамента и являются чисто русскими по своему характеру⁹.

В свое время, как мы упоминали, Н. Мурзакевич высказал мнение, что Васильевские двери были выполнены двумя мастерами, из которых один был греком. С. П. Шевырев возражал против этой точки зрения, приписывая двери одному мастеру. Архимандрит Леонид выдвинул совер-

¹ S. Der Nersessian. Ук. соч., рис. 24, 25, XXIII-87, LXVIII-266—267.

² Там же, рис. 26.

³ J. Strzykowski. Die Miniaturen des serbischen Psalters. «Denkschriften der K. Akademie der Wissenschaften in Wien», phil.-hist. Klasse, 1906, табл. I—2; Ф. Буслев. Исторические очерки, II, стр. 207; Н. Покровский. Древности Костромского Ипатьевского монастыря, стр. 31, табл. VIII-1. Изображение «Притчи о сладости мира сего» встречается и на северных дверях двух новгородских иконостасов XVI в. — св. Софии и церкви св. Димитрия Солунского; см. Е. Редин. Ук. соч., стр. 442.

⁴ W. Molé. Les miniatures de l'évangile de Lawryszew. «L'art byzantin chez les Slaves», II, стр. 433, рис. 174.

⁵ J. Strzykowski. Ук. соч., стр. 97.

⁶ Γ. Σωτηρίου. Ἡ γλυκότης τοῦ κόσμου. Ἀθήναι, 1929.

⁷ S. Der Nersessian. Ук. соч., стр. 67.

⁸ См. А. Миңоз. Le rappresentazioni allegoriche della vita nell'arte bizantina. «L'Arte», 1904, стр. 130—145; R. Jullian. Un nouveau monument sculpté de la légende de Saint Barlaam. «Mélanges d'Archéologie et d'Histoire», 1931 (XVIII); S. Der Nersessian. Ук. соч., стр. 68.

⁹ См. Б. Рыбаков. Ремесло древней Руси, рис. 62, 80. Множество аналогий можно найти и в рукописях с тератологическими инициалами и заставками.

Рис. 29. Васильевские врата. Левая створка.
Пластина с орнаментальным узором.

шенно беспочвенную гипотезу об «устюжанине Ипатии» как авторе дверей. А. И. Некрасов произвольно заменил «устюжанина Ипатия» устюжанином же «Прокопием». Наконец, И. Снегирев считал, что двери были сделаны несколькими мастерами, и притом новгородцами, как на это указывают диалектологические особенности надписей.

Внимательно приглядываясь к стилю отдельных пластин, мы можем без труда сделать вывод, что здесь подвизалась целая артель, состоявшая минимум из четырех мастеров. Главного из этих мастеров, возможно, звали Ипатием, поскольку св. Ипатий изображен дважды. Но не следует забывать, что св. Ипатий считался патроном новгородских посадников и его изображения были вообще весьма популярны в Новгороде. Никаким устюжанином мастер Ипатий, конечно, не был. Этот домысел архимандрита Леонида, уже подвергнутый нами критике, является совершенно

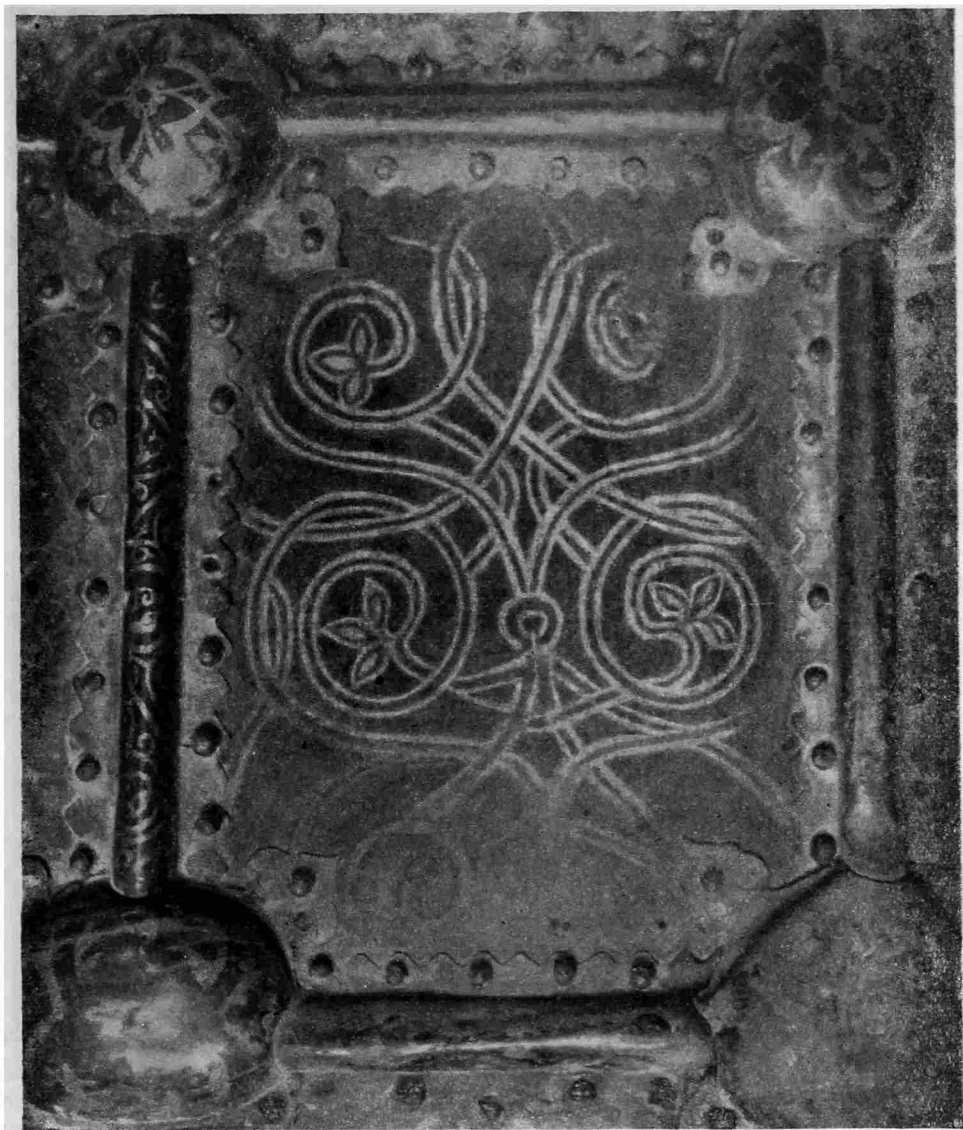

Рис. 30. Васильевские врата. Правая створка.
Пластина с орнаментальным узором.

беспочвенной гипотезой. Если одного из мастеров, работавших над Васильевскими дверьми, действительно, звали Ипатием, то это был, без сомнения, новгородец, доказательство чему не трудно найти как в стиле изображений пластин, так и в характере надписей.

Лучшим и наиболее квалифицированным из исполнявших золотую наводку мастеров (мы будем его называть «первым мастером») был тот, которому принадлежат «Сретение» (рис. 11), «Распятие» (рис. 13), «Сошествие во ад» (рис. 15), «Явление ангела св. женам» (рис. 21) и, возможно, «Снятие со креста» (рис. 14). Его почерк без труда опознается и в фигурах Христа и богородицы на среднем валике, а также в полуфигурах ряда медальонов — Христа и Предтечи из «Деисуса» (рис. 7), евангелиста Марка (рис. 9), Прокопия, Василия Великого (рис. 10), Иоанна Богослова (рис. 10), Ипатия (рис. 13). Рисунок этого мастера выдается наибольшей точностью, он хорошо чувствует пропорции фигуры,

Рис. 31. Васильевские врата. Правая створка.
Пластина с орнаментальным узором.

он умеет красиво драпировать одеяния, его композиции отличаются изяществом и ясностью. В типах его лиц нет ничего преувеличенного, гротескного. Порою он чрезмерно увлекается сложной игрой складок, и тогда рисунок его принимает несколько сбитый характер (фигуры Иоанна из «Распятия» и «Снятия со креста», Симеона из «Сретения», ангела из «Явления ангела св. женам»). Наименее удачна по рисунку его композиция «Снятия со креста», где ему пришлось чрезмерно вытянуть фигуру Христа для того, чтобы она смогла объединить всех остальных участников этой сцены. «Первый мастер», несомненно, был хорошо знаком с новшествами иконографии XIII—XIV вв., о чем убедительно свидетельствуют почти все его композиции. Его можно охарактеризовать как художника, стоявшего вполне «на уровне своего века».

Другому мастеру (мы будем называть его «вторым мастером») принадлежит наибольшее количество изображений: «Крещение» (рис. 12), «Вход в Иерусалим» (рис. 17), «Преображение» (рис. 18), «Вознесение» (рис. 19), «Успение» (рис. 20), «Троица» (рис. 23), «Ликование царя

Давида» (рис. 24) и полуфигуры Николая и Иоанна Златоуста в медальонах (рис. 11—12). Этот художник рисует необычайно свободно, порою допуская грубые ошибки. Но рисунку его всегда присуща большая непосредственность и свежесть. Он не гонится за тщательной отделкой деталей, ему важно прежде всего достичь цельности художественного впечатления. В грубоватых лицах его фигур с тяжелыми, неуклюжими, приплюснутыми носами, с крупными глазами навыкат, с разделанными сильными, энергичными линиями прядями волос есть чисто новгородская выразительность и сила. Некоторые головы поражают своей жизненностью и кажутся прямо списанными с натуры (например, апостолы из «Входа в Иерусалим» и «Успения», или левиты из сцены «Ликования Давида»). Эти лица невольно заставляют нас вспомнить о типах новгородских крестьян. В компоновке своих сцен «второй мастер» значительно уступает «первому»; его композиции менее ритмичны, менее обозримы, в них есть архаическая застылость и жесткость (особенно это характерно для «Троицы»). «Второй мастер» еще во многом связан с традициями новгородского искусства домонгольского времени. Но и он обнаруживает знакомство с иконографическими новшествами XIV века («Преображение» и «Успение»). В отдельных стилистических деталях его композиций чувствуется знание передовых художественных решений его эпохи (например, пространственная трактовка города в сцене «Вход в Иерусалим», система вытянутых облегченных пропорций в «Вознесении»). В целом «второй мастер» уступает «первому» в тонкости и умении, но его искусство более почвенно и полнокровно¹.

«Третий мастер» исполнил четыре пластины: «Рождество христово» (рис. 10), «Весы духовные Страшного суда» (рис. 25), «Китоврас с царем Соломоном в руках» (рис. 27) и «Притча о сладости мира сего» (рис. 28). Это весьма примитивный художник, чей язык статичен и однообразен. Его композиции однопланны, лишены глубины и легко распадаются на отдельные, замкнутые в себе звенья (в этом отношении особенно показательно «Рождество христово»). Мастер имеет свой излюбленный тип, который он воспроизводит с редкой настойчивостью: округлое лицо, острый, тонкий нос, глаза в виде ровных кружочков. В исполненных им пластинах нет ничего от новшеств искусства XIV в. Это художник, чей образ мышления отличается большим архаизмом и чьи эстетические взгляды обращены не столько в будущее, сколько в прошлое.

Пожалуй, наиболее слабым является «четвертый мастер», которому могут быть приписаны всего лишь три пластины [двухчастное «Благовещение» (рис. 8—9) и «Воскрешение Лазаря» (рис. 16)] и одна полуфигура в медальоне [изображение св. Ипатия под «Сожеством во ад» (рис. 15)]. Рисунок этого художника выдается своей беспомощностью, его фигуры коренастые и большеголовые, его трактовка одеяний схематична. Широкие, как бы сплюснутые носы имеют подчеркнуто треугольную форму. Стиль всех этих изображений очень близок к стилю наиболее примитивных новгородских икон, которые обычно связывают с провинцией (так называемые «северные письма»). Но характерно, что и «четвертый мастер» не прошел мимо новшеств XIV в. Как уже было отмечено, его «Благовещение» обнаруживает хорошее знание передовых по тому времени образцов, о чем особенно наглядно свидетельствуют свободный поворот

¹ Среди связываемых нами со «вторым мастером» пластин несколько выделяются три композиции («Успение», «Вознесение», «Ликование Давида»), которые как бы образуют отдельную стилистическую группу. Но при ближайшем рассмотрении от них без труда перебрасывается мост к другим композициям, так что здесь хочется усматривать одну руку.

Рис. 32. «Лихачевские врата». Левая створка. Государственный Русский музей.

Рис. 33. «Лихачевские врага». Правая створка.
Государственный Русский музей.

фигуры Марии и пространственная трактовка наискось поставленного полукруглого трона¹.

Все четыре мастера, производившие золотую наводку, были не заезжими художниками, а коренными новгородцами. В пользу этого, прежде всего, говорит характер надписей. Последние изобилуют особенностями древних новгородских текстов — оканьем («Лазоровъ»), полным смещением ъ с е («Оустретение», «Въскрѣшьние») и ъ с и (например, «смѣренный» вместо «смиреньный»), заменой ч на ц (например, «меце» вместо «мече») и т.д.² Уже одни эти приметы новгородского говора не оставляют никаких сомнений относительно новгородского происхождения работавших здесь мастеров. Ярким подтверждением этому служит и чисто новгородский стиль всех изображений, находящий себе множество аналогий в живописных памятниках Новгорода.

Отвлекаясь от индивидуальных различий между четырьмя мастерами, приходится отметить, что все они были одинаково крепко связаны с новгородскими художественными традициями³. Все они рисуют необычайно свободно, для всех них византийские образцы не играют руководящей роли, они смело насыщают традиционные образы множеством черточек, являющихся прямым отражением жизненных впечатлений (например, клещи, венцы, яблоня и многие другие детали), в типах лиц изображаемых ими персонажей особенно сильно пробивается та местная новгородская струя, которую правильнее всего было бы назвать народной. От искусства работавших над Васильевскими воротами золотописцев тянутся прямые нити к замечательному и столь неповторимо новгородскому искусству Волотовского мастера. Оно проникнуто тем же свободным, вольным духом, ему присущи та же почвенность и та же полнокровность⁴.

С мастерской, в которой выполнялось золотое письмо Васильевских врат, могут быть связаны еще два памятника этой же техники. Один из них представляет собою лишь фрагмент. Это находящаяся в Историческом музее пластина с изображением «Крещения Христа»⁵. Повидимому, мы имеем здесь дело со случайно уцелевшей частью каких-то погибших церковных дверей. Происхождение этой пластины точно неизвестно. Со слов Ф. Я. Мишукова, она привезена Потапом Степановичем Кузнецовым, помогавшим Щукину составить его замечательные коллекции. Кузнецов много ездил по северу, а также по владими́ро-суздальским городам. Свободный стиль изображения близок к стилю Васильевских дверей и совсем не похож на стиль Суздальских врат. В публикации фрагмента из Исторического музея он датируется XIII в. Эта датировка представляется нам слишком ранней. Мы склонны связывать данный памятник с той же мастерской, из которой вышли и Васильевские врата. Не исключена возможность, что эта пластина, несколько более архаическая по своему стилю, была изготовлена на раннем этапе деятельности интересующей нас мастерской, т. е. ближе к первому десятилетию XIV в.

¹ Как доказала Е. С. Медведева (см. ее диссертацию «Этюды о суздальских вратах», стр. 56, 65, 67), в исполнении Суздальских врат также принимало участие несколько мастеров.

² Ср. Древности Российского государства, отделение VI. М., 1853, стр. 83 (текст Н. Снегирева); В. Мясоедов. Ук. соч., стр. 7.

³ В этом разрезе весьма показательно сравнить чисто новгородский тип лица Иоакима из сцены «Сретения» с лицами из фресок Нередицы. См. Н. Сычев. Ук. соч., табл. XLIV, LXIX, LXXII-2.

⁴ Ср. апостолов из сцены «Входа в Иерусалим» с народными типами апостолов Волотовского мастера (например, в таких сценах, как «Евхаристия», «Воскрешение Лазаря» и др.).

⁵ Отчет Исторического музея за 1909 г. М., 1910, стр. 17.

Из этой же мастерской вышел и второй памятник золотого письма — так называемые Лихачевские двери в Русском музее (рис. 32—33)¹. Двери, к сожалению, срезанные в нижней своей части, украшены изображениями четырех евангелистов и «Благовещения». Ф. Я. Мишуков считает, что пластина с изображением евангелиста Матфея является более поздней доделкой. На консультации, данной в Государственной Третьяковской галерее 21 июня 1943 г., он обосновывал эту свою точку зрения тем, что на пластине с Матфеем трактовка лица, одяния и архитектуры якобы менее совершенна, чем на других пластинах. Кроме того, он обращал внимание на иной характер надписи, без обозначения святости («Матѣѣ»), тогда как на трех других пластинах русские надписи передают греческое обозначение святости (например, «Марко ѿ агѣосъ»). Несмотря на выдвинутые Ф. Я. Мишуковым аргументы, трудно согласиться с его мнением. Нам все пластины кажутся одновременными, на что указывают как полное тождество стиля, так и сходство палеографических особенностей надписей. Тип лица Матфея очень близок к типу лица Иоанна, и система ведения штриха абсолютно ничем не отличается от того, что мы находим в сцене «Благовещения». Повидимому, в исполнении Лихачевских врат принимали участие два мастера, но они были безусловно современниками.

Фигуры четырех евангелистов свободно развернуты в пространстве: они даны в трехчетвертных поворотах, а Матфей даже представлен в повороте со спины. Столь же пространственно трактованы и виднеющиеся в руках евангелистов книги и свитки. Стройные фигуры умело задрапированы в плащи, которые ложатся красивыми складками, хорошо выявляющими пластику тела. Позади евангелистов виднеются сложные архитектурные сооружения, с переброшенными между ними драпировками. И в этих сооружениях, равно как и в замысловатой форме трона Марии, бросается в глаза подчеркнутая пространственность трактовки с широким использованием элементов линейной перспективы. Все эти новые черты стиля ясно указывают на XIV в., как время исполнения Лихачевских врат. Такая датировка подтверждается и «Евангелием» середины XIV в., хранящимся в Историческом музее (Хлуд. 30). Его миниатюры (рис. 34—35), выполненные, повидимому, новгородским мастером, почти точно повторяют изображения евангелистов на Лихачевских вратах, включая и архитектурные фоны. Это тем более примечательно, что позы евангелистов весьма индивидуальны и носят отнюдь не стандартный характер. Вероятно, как мастера врат, так и миниатюрист основывались на одних и тех же прорисках, находившихся в обращении в новгородских мастерских. Если признать эту точку зрения неприемлемой, то придется остановиться на другом предположении и считать, что мы имеем здесь дело с прямым копированием. В последнем случае копировальщиками были скорее золотописцы. Есть серьезные основания полагать, что при выполнении золотой наводки в качестве образцов обычно пользовались миниатюрами, которые содержали в себе наибольший запас иконографических тем. В частности, мастера Лихачевских врат могли иметь перед

¹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, в. VI. СПб., 1899, стр. 75—78; Н. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания, т. II. СПб., 1906, табл. 254; А. Соболевский. Медные врата. «Русская икона», в. 1. СПб. 1914, стр. 58—61; А. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М. — Л., 1937, стр. 135—136. «Лихачевскими» дверями или «Лихачевскими» вратами их называют по имени И. П. Лихачева, из собрания которого они поступили в Русский музей.

Рис. 34. Евангелист Лука. Миниатюра из «Евангелия» XIV в.
Государственный Исторический музей.

Рис. 35. Евангелист Матфей. Миниатюра из «Евангелия» XIV в.
Государственный Исторический музей.

глазами лицевые изображения того самого «Евангелия», которое ныне хранится в Государственном Историческом музее.

Н. П. Кондаков, ссылаясь на указания продавцов Лихачевских дверей, утверждал, что местом находки этого памятника было одно из сел в 60 верстах от Новгорода. Отмечая «сходство всей техники дверей, всего рисунка и общего стиля с новгородскими дверями еп. Василия», Н. П. Кондаков безоговорочно датировал Лихачевские врата первой половиной XIV в.¹ Одновременно он совершенно правильно заострил внимание на том, что «двери замечательны характерностью своих типов, их чисто русским пошибом, и лики апостолов замечательно близки к дверям Александровской слободы по своему русскому характеру»² Эти меткие наблюдения Н. П. Кондакова, к сожалению, не помешали А. И. Соболевскому сделать ряд ошибочных выводов относительно Лихачевских врат. Датируя последние серединою XIV в., А. И. Соболевский оторвал их от новгородской школы и приписал владими́ро-суздальской. Свой скороспелый вывод он обосновывал наличием среди орнаментальных украшений на валиках врат медальонов с изображениями барсов и грифонов. Эти изображения он считал особо типичными для памятников владими́ро-суздальского круга. По стопам А. И. Соболевского пошла и Е. С. Медведева, также рассматривавшая Лихачевские двери как произведение владими́ро-суздальских мастеров, в чем ее особенно убеждала их «орнаментальная украшенность»³.

Аргументация А. И. Соболевского и Е. С. Медведевой нас никак не убеждает. В орнаментике Лихачевских врат нет ничего такого, что заставляло бы выводить этот памятник за пределы новгородской школы. В частности, звериная орнаментика пользовалась в Новгороде не меньшей популярностью нежели в городах Владимиро-Суздальской земли. Если же основываться на стиле изображений, то он обнаруживает, как уже верно отметил Н. П. Кондаков, множество точек соприкосновения со стилем Васильевских врат. Очень близки архитектурные фоны (ср. город в сцене «Вход в Иерусалим»), трактовка одеяний, народные, чисто русские типы. Даже в орнаменте можно отметить буквальные совпадения (ср. орнамент на ложе Марии в сцене «Успения»). Нельзя забывать того, что орнамент валиков и медальонов Васильевских врат не старый, а поновленный и притом не ранее XVII в. Поэтому последняя аналогия особенно важна, поскольку она относится к нереставрированной части врат. Среди работавших над пластинами Васильевских дверей мастеров ближе всего к авторам пластин Лихачевских врат подходит «первый мастер». Но и он, подобно своим сотоварищам, уступает последним в отношении тонкости и изящества работы. Его линии толще, тяжелее, массивнее. И его стиль более архаичен. Вот почему мы склонны рассматривать Лихачевские двери как памятник, несколько более поздний, и датировать их серединой XIV в. Они представляют наиболее зрелый из известных нам этапов в деятельности той новгородской мастерской золотой наводки, расцвет которой падает на первую половину XIV в., т. е. как раз на время, когда ремесла среднерусских городов пребывали из-за татарских погромов в состоянии упадка.

В истории новгородского искусства Васильевские и Лихачевские двери занимают весьма важное место. Они заполняют зияющий провал, существующий между последним точно датированным памятником новго-

¹ И. Толстой и Н. Кондаков. Ук. соч., стр. 75.

² Там же, стр. 76.

³ Е. Медведева. Этюды о суздальских вратах, стр. 74—75 (Диссертация).

родской монументальной живописи самого конца XIII в. (фрески Николы на Липне, ок. 1298 г.) и первым памятником XIV в. (фрески Сквородского монастыря, ок. 1360 г.). Что делалось в новгородской живописи на протяжении этих шестидесяти с лишком лет мы не знаем, так как до нас не дошло ни одного точно датированного памятника, а те иконы, которые мы относим к этой эпохе, датируются весьма приблизительно и являются к тому же мало значительными произведениями искусства. В этих условиях золотое письмо Васильевских и Лихачевских врат приобретает совсем особое значение. Оно бросает свет на то, что делалось в новгородской живописи на протяжении первой половины XIV в.

Погибшие фрески Николы на Липне в основном тяготеют еще к памятникам домонгольского времени. Их композиции статичны, их фигуры тяжелые и грузные, их манера письма лишена живописной легкости. Короче говоря, в них отсутствуют ярко выраженные черты стиля XIV в. И все же Ю. Н. Дмитриев¹ был в какой-то мере прав, когда он обратил внимание на зачатки в этих росписях того нового, которому принадлежало будущее. Правда, это новое проявляется преимущественно в иконографии, но оно достаточно сильно дает о себе знать, чтобы у нас были основания говорить о начинающемся оживлении в новгородском искусстве.

Следующий этап развития представлен фресками Снетогорского монастыря, исполненными ок. 1313 г. Хотя этот памятник принадлежит к псковской школе, тем не менее он может дать известное представление о том, что происходило примерно в это время в новгородской живописи. Снетогорские фрески также тесно связаны с традициями русского искусства домонгольской поры. Однако и в них намечаются новые тенденции, указывающие на грядущее развитие: усиливается жизненность образов, композиции делаются более динамичными, усложняется иконография, манера письма становится более свободной и гибкой. Эти новые тенденции в снетогорских росписях не приводят к решительному стилистическому перелому, который позволил бы нам рассматривать данные фрески как типичный для XIV в. памятник. И снетогорские росписи занимают промежуточное место между двумя эпохами.

По сравнению с фресками Николы на Липне и Снетогорского монастыря золотое письмо Васильевских врат освещает уже следующий этап развития, который целиком локализуется в рамках искусства XIV в. Внимательно разбирая отдельные композиции пластин Васильевских дверей, мы могли без труда убедиться в том, насколько органично были освоены новшества XIV в. «первым», «вторым» и даже «четвертым» мастером. Лишь один «третий мастер» остался в стороне от нового движения. Повидимому, он принадлежал к старшему поколению; в его сознании груз прошлого был слишком велик, чтобы он мог легко пойти на решительный с ним разрыв. При изучении Васильевских дверей невольно создается такое впечатление, что работавшие над ними ремесленники еще не составляли единого по своим художественным установкам коллектива и что в последнем старое продолжало сосуществовать с новым. Повидимому, для Новгорода это была переходная пора, когда новый стиль, отражавший демократические сдвиги в культуре XIV в., лишь начинал прорывать глубокие корни. В пластинах Лихачевских врат этот новый стиль XIV в. уже окончательно побеждает и выступает во вполне сложившейся форме.

¹ Ю. Д м и т р и е в. Церковь Николы на Липне в Новгороде. Сборник «Памятники искусства, разрушенные немецко-фашистскими захватчиками в СССР». М.— Л 1948, стр. 67—75.

Тот переход в новое качество, который наблюдается в пластинах Васильевских врат по сравнению с фресками Николы на Липне и Снетогорского монастыря, объясняется прежде всего изменениями, происходившими в недрах самой новгородской культуры. Рост вечевого строя, укрепление позиций ремесленных кругов, широкие массовые движения — все это создавало предпосылки для развития нового, более реалистического искусства. И далеко не случайно первый новгородский памятник нового стиля связан с тем человеком, который возглавлял, как мы видели, демократическую партию в Новгороде и который был, несмотря на свой архиепископский сан, ставленником ремесленных кругов, чьи интересы он неоднократно отстаивал.

В средневековом искусстве, где художник работал не с натуры, а по образцам, роль последних была необычайно велика. Когда намечались новые идейные веяния, которые получали себе претворение в искусстве, средневековые художники обычно искали тех образцов, на которые они могли бы опираться с целью более быстрого и успешного воплощения новых общественных идей. Отсюда — столь частая в истории средневекового искусства переориентировка с одной традиции на другую, обращение к новым источникам, использование новых образцов. Аналогичная картина наблюдалась и в Новгороде XIV в. Когда здесь достаточно ясно наметились сдвиги в области социально-общественной жизни, выразившиеся в усилении удельного веса ремесленных кругов, и когда эти сдвиги начали давать о себе знать и в искусстве, тогда зазвучали во всю силу те образцы передового по тому времени византийского искусства палеологовской эпохи, которые Новгород знал уже с начала XIV в. Такие образцы попали, без сомнения, и в руки работавших над Васильевскими вратами золотописцев. И они сумели их по-настоящему творчески использовать и переработать, внося свежую струю в новгородское искусство XIV в. Глубина этой переработки такова, что Васильевские врата являются вполне самостоятельным памятником новгородского искусства.

Недалеко позади то время, когда считалось само собой разумеющейся истиной, что Феофан Грек явился на новгородской почве первым пропагандистом нового стиля и что до его приезда новгородское искусство пребывало в аморфном состоянии. Васильевские и Лихачевские врата, не говоря уже о росписях Сквородского монастыря¹, решительно опровергают эту ни на чем не основанную гипотезу. Они ясно доказывают, что сложение нового стиля было на новгородской почве длительным и органическим процессом. Именно это и явилось одной из причин того, почему так бурно протекало во второй половине XIV в. художественное развитие Новгорода.

¹ В. Лазарев. Росписи Сквородского монастыря в Новгороде. Сборник «Памятники искусства, разрушенные немецко-фашистскими захватчиками в СССР». М.—Л., 1948, стр. 77—100.

БИБЛИОГРАФИЯ

Л. Н. И В А Н Ь Е В

ЛИТЕРАТУРА ПО АРХЕОЛОГИИ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

(Опыт библиографического указателя)

Интерес к прошлому Сибири и Дальнего Востока обнаруживается еще у старинных русских землепроходцев. Уже в первых отписках служивых людей XVII в. встречаются, например, отдельные сведения о развалинах древних городов и других древностях Дальнего Востока. Нерчинский казак Милованов в 1681 г. снимает чертеж развалин древнего городка Айгун на реке Амуре. Сюда же следует отнести сведения русских послов Н. Спафария и И. Идесе.

В XVIII в., в своем замечательном труде «Описание Земли Камчатки», впервые приводит сведения о древностях Камчатки Степан Крашенинников. Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин, путешествовавшие в Сибири по заданию Российской Академии Наук, указывают на развалины городов по Амuru.

Особенно усилился интерес к древней истории и археологии Дальнего Востока в середине XIX в.

В 1843 г. экспедиция под начальством А. Ф. Миддендорфа, охватившая своей деятельностью Алдан, Амгу, Удск, Шантарские острова и проделавшая обратный путь по Амuru, собрала большой материал, представляющий и сейчас значительную научную ценность. Среди материалов этой экспедиции встречаются описания археологических памятников — развалин древних городов, встретившихся ей на пути, по берегам рек Амuru и Зеи.

С 50-х годов XIX в., после экспедиции Г. И. Невельского, когда Амурский край был окончательно присоединен к России, изучение Дальнего Востока двинулось значительно быстрее. Вторая половина XIX в. отмечена интенсивным заселением русскими переселенцами вновь приобретенного края и с этого же времени следует ряд экспедиций, имевших целью его всестороннее изучение.

Сначала в основном изучается южная часть Дальнего Востока (Приморье и Приамурье). К этому времени относятся сведения о древних памятниках Дальнего Востока в работах Аввакума, Аргентова, Васильева, Горского и других исследователей Маньчжурии и Китая.

В работах горных инженеров Аносова, Лопатина и других, проводивших геологические исследования в крае, тоже имеются описания остатков древних городов, рвов, а также отдельных древних предметов, обнаруженных ими во время геологических работ. Однако все эти исследователи, имея другие задачи, ограничивались только тем, что попутно отмечали те или иные памятники древности.

Первый, кто взялся за систематическое изучение этих немых свидетелей прошлого, был Палладий Кафаров, который, совершив путешествие в Уссурийский край, лично осмотрел ряд древних памятников и произвел их описание. К сожалению, ему не удалось издать результатов своих исследований.

С 80-х годов археологические памятники в Приморье подвергаются систематическому изучению. Этому способствует открытие во Владивостоке Общества изучения Амурского края [отделение Русского географического общества (РГО)], которое в лице своего организатора и первого председателя Ф. Ф. Буссе и члена общества П. А. Крапоткина занялось исследованием археологических памятников края. Ими впервые были произведены раскопки могил в окрестностях г. Никольск-Уссурийского, в результате которых были найдены большая каменная гробница, каменные изваяния животных с надписями и т. д., а также раскопки нескольких памятников в долине р. Сучана. Но особенно ценными явились две работы этих авторов, посвященные описанию всех древних памятников, которые к тому времени были известны в крае.

Работы Палладия Кафарова, Буссе и Крапоткина дали основу для предварительной классификации археологических памятников южной части Дальнего Востока.

Ф. Ф. Буссе в своей работе «Остатки древностей в долинах рек Лефу, Даубихэ и Улахэ», предложил следующую классификацию памятников древности края: «1) первобытного человека: 2) владычество маньчжур и китайцев с 668 по 1615 гг., когда здесь процветала культура в течение 947 лет: 3) период запустения с 1615 по 1861 гг. и, наконец, эпоха присоединения страны к России»¹.

Хотя предложенная Ф. Ф. Буссе классификация в наше время устарела, тем не менее работы Буссе и Крапоткина явились большим вкладом в науку, так как впервые привели в систему данные о древних народностях южной части Приморья и Приамурья.

С открытием во Владивостоке в 1898 г. Восточного института ряд преподавателей и профессоров, проводивших исследования дальневосточных стран, начал изучать древние памятники Приморья. К ним следует отнести проф. А. В. Гребенщикова, издавшего ряд трудов по исследованию нумизматических и других памятников древности в крае.

А. В. Гребенщиковым был издан ряд статей о древней истории края. Последнее время он работал по восстановлению и дешифровке чжурчженской письменности, встречающейся на отдельных древних памятниках, и тем значительно расширил наши сведения в этой области.

Большой вклад в дело археологического изучения края внес известный путешественник и исследователь Дальнего Востока В. К. Арсеньев. Во время своих многочисленных путешествий В. К. Арсеньев открыл много ранее неизвестных археологических памятников. Его дневники, изобилующие чертежами и рисунками с древних предметов и памятников, ждут обработки и опубликования.

На основе своих наблюдений В. К. Арсеньев внес существенные поправки в классификацию археологических памятников Дальнего Востока. Классификацию эту он представил в своем докладе на первом съезде по изучению Уссурийского края в естественно-историческом отношении в 1922 г. Тезисы доклада были опубликованы позже в «Известиях Южноуссурийского отделения Приамурского отдела РГО», где приведена следующая периодизация древней истории края:

1. Эпоха первобытного человека.
2. Царство Бохая с VIII по XII век.
3. Цзинская (золотая) империя до конца XIV столетия.
4. Период запустения до XIX века»².

Периодизация и датировка В. К. Арсеньева, как видим, значительно отличаются от предложенных Ф. Ф. Буссе.

Однако следует указать, что ни тот, ни другой исследователи не могли, в силу слабой изученности археологических памятников, дать более подробную и точную

¹ Записки ОИАК, т. I. Владивосток, 1888, стр. 5.

² «Известия Южноуссурийск. отделения Приамурского отдела РГО», 1922, апрель, № 4, стр. 55—56.

периодизацию. Ничем не оправдана, в частности, последняя эпоха — «п е р и о д з а п у с т е н и я». Ряд находок, как мы увидим ниже, опровергает это предположение.

Исследователи дореволюционного времени периодизацию истории Дальневосточного края строили, придерживаясь недостаточно изученных и неполных китайских и японских письменных источников, и, почти не учитывая значение вещественных памятников, естественно, впадали в ошибку, говоря «об эпохе запустения». Между тем в действительности, к моменту своего прихода в край, русское население застало хотя и немногочисленное, но довольно развитое население, состоявшее из охотников и рыболовов, живших по побережью Японского и Охотского морей и по берегам рек бассейна Амура.

Следующим этапом в развитии археологического изучения края следует считать советский период, начавшийся здесь с 1923 г. В Приморской части Дальнего Востока в это время более широкое изучение начал А. И. Разин, член Приморского географического общества, который произвел разведки в целях изучения археологических памятников на побережье Амурского и Уссурийского заливов, где им был открыт ряд неолитических раковинных куч.

В 30-х годах автором настоящей статьи и другими местными работниками продолжалось изучение неолитических и позднейшего времени археологических памятников в различных районах края.

Последующими работами, проведенными по поручению Академии Наук СССР А. П. Окладниковым в 1935 г. на Амуре, охватившими территорию от Хабаровска до Николаевска, открыто большое количество древних памятников, относящихся к периоду от III—II тысячелетия до н. э. до XVII—XVIII вв. н. э.

В последние годы большую работу по археологическим памятникам позднейшего времени, в частности Тырским, провел доцент Томского университета А. В. Маракуев, составивший, по личному его сообщению, большую монографию по исследованию чжурчженского текста.

В послевоенный период большие археологические исследования были проведены С. И. Руденко, А. П. Окладниковым и другими советскими исследователями на территории северо-востока Азии. Мы имеем в виду район от бассейна р. Колымы до Чукотского и Камчатского полуостровов. В результате указанных работ были найдены ценные археологические памятники, расширяющие наши представления о древних культурах на указанной территории, находившихся в связи с культурами Восточной Сибири и южной части Дальнего Востока.

Перед советской наукой и советскими учеными стоят теперь большие и важные задачи в области изучения прошлого советского Дальнего Востока. Планомерное изучение древних памятников края, несомненно, даст возможность создать полную классификацию археологических материалов и по-новому, на марксистско-ленинской основе осветить его древнюю историю.

Археологические работы в крае нашли свое отражение как в дореволюционной, так и в советской научной литературе. Эти сведения, однако, разбросаны в различных журналах, газетах и книгах, что затрудняет их использование специалистами. Правда, в некоторых библиографических указателях, вышедших в разное время, отмечены работы, касающиеся археологических памятников Дальнего Востока, но специальной сводки по этому вопросу все еще не имеется. Автор поставил перед собой цель дать такой указатель литературы о древностях края, который мог бы принести пользу для будущих, более широких исследований в качестве справочника как для специалиста-исследователя, так и для каждого интересующегося древней историей советского Дальнего Востока.

Хотя этот указатель не может претендовать на исчерпывающую полноту представленной в нем литературы, однако он достаточно полно отражает основные работы по археологии Дальнего Востока на русском языке с 1750 по 1951 г., за исключением некоторых газетных статей, так как собрать их полностью пока еще не представляется возможным.

При составлении указателя автор в основном ограничился работами, касающимися памятников Приморского и Хабаровского краев, однако несколько работ, связанных с бассейном реки Амура, как, например, о развалинах Кондуйского городка, также включены в указатель.

Автор считает своим долгом принести благодарность за помощь, оказанную ему в составлении данной работы доктору исторических наук А. П. Окладникову, старшему преподавателю Иркутского университета И. В. Арембовскому, библиотекарю Приморского филиала Всесоюзного географического общества М. И. Лютц, библиотекарю Иркутского областного музея З. Ф. Борисенко, а также всем лицам, от которых будут присланы замечания и указания по данной работе.

1750

1. М и л л е р Г. Ф. Описание Сибирского царства. СПб., 1750.
(Стр. 1—17, 29—30. Краткие указания на развалины города; по Амуру и происхождение тунгусов).

1757

2. М и л л е р Г. Ф. История о странах на реке Амур лежащих, когда оные состояли под Российским владением.— ЕС, СПб., 1757.
(Стр. 203, 206 и 220. Описание развалин древнего города около Айгуна на р. Амуре, которым китайцы в 1683 г. воспользовались, укрепив его против русских).

1774

3. Ф и ш е р И. Сибирская история. Изд. Акад. Наук, СПб., 1774.
(Стр. 8—20, 26—27, 68—71. История народов Дальнего Востока до прихода русских).

1786

4. К р а ш е н н и к о в С. Описание земли Камчатки. СПб., 1786, ч. I и II.
(Стр. 31—32 и 148. В первой части сведения о древних поселениях).

1799

- Г е о р г и И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, ч. III.
(Стр. 31. О нахождении древних горных разработок и погребений в окрестностях Нерчинского завода, которые автор относит к остаткам культуры древних дауров).

1802

6. С а р ы ч е в Г. Путешествие флота капитана Сарычева по северовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжении восьми лет, при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год. СПб., 1802, ч. I, стр. 1—187.
(Стр. 95. Остатки древних жилищ на северной стороне Баранова камня).

1818

7. С п а с с к и й Г. Памятники древности в Сибири.— «Северный вестник», СПб., 1818, ч. IV.
(Стр. 108—123. Развалины города в местности Кондуй).

1819

8. С п а с с к и й Г. О Чудских коях.— «Северный вестник», СПб., 1819, ч. VII.
(Стр. 1—28. Древние рудники).

1823

9. С п а с с к и й Г. О Чудских коях.— «Северный вестник», СПб., 1823, ч. I, кн. 3.
(Стр. 28. Краткое замечание о древних рудных разработках на Дальнем Востоке).

1828

10. (Н. Я. Бичурин) Иакинф. Записки о Монголии. СПб., 1828, т. II, ч. 3. (Стр. 149, 151—172, 177—180. Отдельные сведения из истории чжурчженей и киданей — древних народов, живших в Приморье и Приамурье с VII по XII вв. н. э.).
11. Генин В., де. Горная история, собранная в сибирских горных и заводских дистриктах так же через его о вновь строенных и старых исправленных горных и заводских строениях — ГЖ, СПб., 1828, кн. XI, ч. III. (Стр. 97—102. Статья посвящена истории горных заводов Сибири, в том числе Нерчинского завода. Подробно представлены данные о древних рудниках, медных гирях, остатках серебряной руды, плавильных горнах).

1829

12. (Н. Я. Бичурин) Иакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Перев. с китайск. СПб., 1829. В предисловии — стр. IX—X; в тексте — стр. 36—58, 142—150, 152—160, 162—230, 233—240, 255 и 256. Приведены: история войн монголов с чжурчженями, карты сопредельных Китаю стран, словарь имен древних и географических названий.

1838

13. О разных вещах, найденных в горных выработках древних обитателей Сибири. — ГЖ, СПб., 1838, № 2. (Разработка месторождений металлических руд в древности в районе Кондуя и других мест Забайкалья).

1839

14. Шмидт Я. О. О новом переводе монгольской надписи на известном памятнике Чингис-Хана. — «СПб. ведомости», 1839, № 224.

1842

15. (Н. Я. Бичурин) Иакинф. Статистическое описание китайской империи — ТЧРДМП, СПб., 1842, т. II, ч. 2. (Стр. 254—256. Краткие сведения из истории Бохая).

1844

16. Паршин В. Поездка в Забайкальский край. М., 1844, ч. 1. (Стр. 125—127. О древних сооружениях и пещере с петроглифами в долине рек Нерчи и Кондуя).

1851

17. Банзаров Дорджи. Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингис-Хана. — ЗРАО, СПб., 1851, т. 3. (Стр. 258—262. Перевод надписи с историческим объяснением постановки памятника, относящейся к монгольскому периоду. — Приамурье).
18. (Н. Я. Бичурин) Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в древние времена в Азии. СПб., 1851, ч. II и приложение; изд. 2, М. 1950, Изд-во АН СССР. (В предисловии — стр. III—IV; в тексте — стр. 15, 18—20, 27, 82—87, 89—92, 114—117, 178—179. Геогр. указатель: стр. 4, 13, 15, 17, 47, 48, 53, 54, 63, 81—83 и 87. — Исторические данные о сушениях, плосу, мохэ, бохайцах, чжурчженях и названия древних мест).

1852

19. Горский В. Начало и первые дела Маньчжурского дома. — ТЧРДМП, СПб., 1852, т. I. (Стр. 1—188. Общие исторические сведения о народах Дальнего Востока, в т. ч. Приморья и Приамурья. См. также: Пекин, 1909, т. I, стр. 1—107).
20. Щукин П. С. Очерки Забайкальской области. — ЖМВД, СПб., 1852, январь. (Стр. 45—46. Плита с письменами, находящаяся по дороге в Кличкинский рудник Быркинского района Читинской области).

1854

21. Васильев В. П. Географические карты древнего Китая.— ВРГО, СПб., 1854, ч. X.
(Стр. 77—80. Замечания на карты периода киданей и чжурчженей).

1856

22. [А в в а к у м] О надписи на каменном памятнике, находящемся на берегу реки Амура, недалеко от впадения ее в море.— ЗСОРГО, СПб., 1856, кн. II.
(Стр. 78—79. Описание двух каменных стел, найденных близ устья Амура, на утесе Тыр, относящихся к периоду китайской экспедиции И-Чи-ха. Автором приводится перевод тибетской надписи. На первом камне надписи на четырех языках: китайском, монгольском, тибетском и чжурчженском).
23. Пермикин. Путевой журнал плавания по Амуру.— ЗСОРГО, СПб., 1856, кн. 2.
(Стр. 67—71. Развалины по р. Амуру на утесе Тыр. Приводятся данные неизвестного автора XVIII в. в отношении указанных выше памятников. См. № 22).
24. Савельев П. С. О жизни и трудах Доржи Банзарова.— ТВОРАО, СПб., 1856, ч. II.
(Стр. 150—152. Каменный памятник, поставленный Исунке, племяннику Чингис-хана, в бассейне р. Аргуни; см. также Изв. Арх. об-ва, т. IX, в. 1, 1856, стр. 24—25).

1857

25. Васильев В. П. Описание Маньчжурии.— ЗРГО, СПб., 1857, кн. XII.
(Стр. 2—11, 16, 25, 27—31, 50—51, 69—73. Исторический очерк Дальнего Востока: указаны остатки древних городов в Приамурье в период Бохая и поздние периоды).
26. Васильев В. П. Записки о Нингуге.— ЗРГО, СПб., 1857, кн. XII.
(Стр. 81, 88, 90. Сведения о древних народах Приморья и Приамурья периода чжурчженей).
27. Карта Маньчжурии. Иркутск, 1857. Издана по картам католических миссионеров (Указан древний вал в верховьях реки Лефу).
28. [П а р г а ч е в с к и й]. Поездка зимним путем вверх по р. Амуру, от Николаевского поста до Усть-Стрелочного караула.— ВРГО, СПб., 1857, ч. 21, отд. II.
(Стр. 117. Крепостной вал и земляные укрепления на р. Амуру).
29. Спасский Г. О достопримечательных памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими.— ЗРГО, СПб., 1857, кн. XII.
(Стр. 179. Упоминание о древней монгольской надписи на памятнике, найденном в бассейне р. Амура).

1858

30. Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением китайских известий о киданях, джуржитах и монголо-татарах.— ТВОРАО, СПб., 1858, ч. IV, в. 1, стр. 1—235.
(Работа помещена также в ЗРАО, т. XIII, стр. 1—235).
31. Васильев В. П. Описание больших рек, впадающих в Амур.— ВРГО, СПб., 1858, ч. XXIII.
(Стр. 25—36. Указание на древнее название Нингугуты и чжурчженской столицы Хой-Нин-фу при Танской династии).
32. Заметка о бронзовом ноже, найденном близ Нерчинска.— ВРГО, СПб., 1858, ч. XXII, отд. I, стр. 79.
33. Письмо директора Публичной библиотеки в Дрездене доктора Густава Клемма к исправляющему должность секретаря РГО В. И. Безобразову 22 (10) февраля 1858 г.— ВРГО, ч. XXII, 1858, СПб., смесь.
(Стр. 79—80 + риз. Бронзовый нож, найденный в могиле, вблизи Нерчинска).
34. Эйхвальд Э. М. О Чудских коях.— ТВОРАО, СПб., 1858, ч. III.
(Стр. 1—104. О памятниках археологии Дальнего Востока. Краткие сведения).

1859

35. Васильев В. П. Сведения о маньчжурах во времена династии Юань и Мин. Годичный акт СПб. университета за 1859 г. СПб., 1863.
(Стр. 1—75. Описание древних городов и местностей Приамурья).
36. Маак Р. Путешествие на реку Амур. СПб., 1859.

(Стр. 46 и 160. Развалины древнего укрепления у м. Кырма и около села Албазино).

37. Романов Д. Н. Очерки местности между заливом де-Кастри и р. Амуром.— ВРГО, СПб., 1859.

(Стр. 126, прим. Укрепление у станицы Сучу на Амуре).

38. [Щукин Н.] История реки Амура, составленная из обнаруженных источников. СПб., 1859, тип. Эд. Веймата, 148 стр. + план реки Амура.

(Стр. 11—12, 18, 84, 85. О древних памятниках на утесе Тыр и описание развалин древнего города Айгун, чертеж которого снят в 1681 г. нерчинским казаком Миловановым).

1860

39. Максимович. Выписка из письма путешественника Ботанического сада к Кистеру.— ВРГО, СПб., 1860, ч. XXVIII, отд. V, смесь.

(Стр. 6. Древние памятники против устья Амгуни на Амуре).

40. Миддендорф А. Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1860, ч. I.

(Стр. 142. Развалины древних городов по берегам Амура и Зен).

41. Общее заседание Сибирского отдела РГО.— ВРГО, СПб., 1860, ч. 82, отд. приложения.

(Стр. 6. Древняя дорога из долины р. Уссури до р. Хунчуна).

1861

42. Головин В. М. Замечания о Камчатке и Русской Америке в 1809, 1810 и 1811 годах. Материалы для истории Русских поселений по берегам Восточного океана. Приложение в «Морскому сборнику». СПб., 1861, № 2, в. 2.

(Стр. 51. Остатки древних жилищ).

43. Маак Р. Путешествие по долине реки Уссури. СПб., 1861, ч. 1.

(Стр. 29, 35, 43 и 46. Остатки древних крепостей в долине реки Уссури).

1862

44. Гамов. Из путевых заметок астронома.— ЗРГО, СПб., 1862, кн. II.

(Стр. 49. Развалины города на р. Улахэ, в Приморском крае).

1863

45. [Аносов Н.] Выписка из рапорта в штаб корпуса горных инженеров.— ГЖ, СПб., 1863, ч. II.

(Стр. 129—130. Древние золотые прииски в бассейне реки Сучана, Приморского края).

46. [Аносов Н.] Китайская обработка золотосодержащих песков.— ГЖ, СПб., 1863, ч. II.

(Стр. 353—354. Древние разработки золота в проливе Стрелок, Японского моря, Приморского края).

1864

47. [Аносов Н.] Морские золотые россыпи у юго-восточных берегов Сибири.— ГЖ, СПб., 1864, ч. II, кн. 6.

(Стр. 527, 532—534. Остатки крепостей, башен и древних выработок золота на рр. Сучане и Чен-хэн, в Приморском крае).

48. Лопатин И. Обзор южной части Приморской области Восточной Сибири, за рекой Суйфуном.— ЗСОРГО, Иркутск, 1864, кн. VII.

(Стр. 182—184 и 193. В статье приводится описание земляных укреплений, строений, изваяний из камня, башен в долине р. Суйфуна и окрестностях г. Ворошилова-Уссурийского).

49. Отчет Русского географического общества за 1863 г.— ЗРГО, СПб., 1864, кн. I.

(Стр. 39—40. Краткое указание на древние крепости и разработку золота в Уссурийском крае).

1865

50. Кропоткин П. А. Поездка из Забайкалья на Амур через Маньчжурию.— «Русский вестник», СПб., 1865, июнь.

(Стр. 663—681. Указание на вал Чингис-хана).

51. Кропоткин П. А. Две поездки в Маньчжурию. Описание пути от Старо-Цурухайтуйского караула через Мергень на Айгун.— ЗСОРГО, Иркутск, 1865, кн. VIII.

(Стр. 8—11. Древний вал на р. Аргуни).

52. Летопись Сибирского отдела РГО.— ЗСОРГО, Иркутск, 1865, кн. VIII, отд. III. (Стр. 3. Указание на древнюю дорогу от устья р. Даубяхэ, Приморского края, до р. Хунчуна).
53. Поездка Я. И. Шиммарева из Урги на Онон.— ИРГО, СПб., 1865, т. I, отд. II. (Стр. 173, прим. О вале, построенном по северной границе территории чжурчженей).
54. Усольцев А. Ф. Сведения о р. Сунгари до Гирина.— ЗСОРГО, Иркутск, 1865, кн. VIII. (Стр. 249. «Вал Чингис-хана»).
55. Шиммарев Я. И. Поездка от Урги на Онон.— ЗСОРГО, 1865, т. VIII, стр. 146; ИРГО, 1865, т. I, отд. 2, стр. 173—174. («Вал Чингис-хана»).

1866

56. Кафаров П. И. Старинное монгольское сказание о Чингис-Хане.— ТЧРДМП. СПб., 1866, т. IV. (Стр. 163—258. Перевод старинной китайской летописи Юань-чао-ми-ши—истории монгольской династии, где имеются данные о древних народах Приморья и Приамурья).
57. Кафаров П. И. Описание путешествия даосского монаха Чан-чуня на запад.— ТЧРДМП, СПб., 1866, т. IV. (Стр. 268—434. Описание обычаев чжурчженей во времена Чингис-хана, а также названия населенных чжурчженских мест и городов).
58. Обзор географических работ в России за 1865 г.—ИРГО, СПб., 1866, т. II, географ. изв., № 6. (Стр. 194—195. Указание на древние дороги между Кореей и Приморьем и возможность их использования).

1867

59. Будищев А. Ф. Описание лесов части Приморской области.— ЗСОРГО, Иркутск, 1867, кн. IX и X. (Стр. 187 и 206. Остатки древних городов в долинах рек Суйфуна и Сучана в Приморском крае).
60. Кафаров П. И. Путевые записки китайца Чжан-Дэхой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия.— ЗСОРГО, Иркутск, 1867, кн. IX—X, отд. 2. (Стр. 582 и 589. Указания на вал, составлявший государственную границу чжурчженей).
61. Озерский И. Очерк геологии, минералогических богатств и горного промысла Забайкалья. СПб., 1867. (Стр. 35 и 44. О плавильных ямах и литых бронзовых предметах, найденных в бывшем Нерчинском горном округе).
62. Павлуцкий А. Краткое описание так наз. Чудских древностей, имеющих-ся вблизи Кличинского серебро-свинцового рудника, с указанием нахождения их и в других местах Нерчинского Горного округа.— ЗСОРГО, Иркутск, 1867, кн. 9—10. (Стр. 475—507. Древние сооружения, предметы и способы добычи руд в древности в Забайкалье и бассейне Амура).
63. Усольцев А. Ф. Отчет о действиях СПб. отд. РГО за 1866 г.— ИРГО, СПб., 1867, № 1. (Стр. 42—48. Древности Кондуйского городка в Забайкалье).

1868

64. Венюков М. И. Путешествие по окраинам русской Азии. СПб., 1868, 526 стр. (Стр. 4, 87—88. Развалины древних городов по рекам Уссури и Суйфуну Приморского края).
65. Гельмерсен П. А. Исследования шт.-капитана Гельмерсена в южной части Уссурийского края летом 1865 г.— ИРГО, СПб., 1868, т. IV, № 2. (Стр. 191. Остатки укреплений и древних рудников в Уссурийском крае).
66. Лех. Находка каменных орудий близ устья Амура. (По поводу известия газеты «Восточное Поморье»).— ИРАО, СПб., 1868, т. VI, в. 10, отд. 2. См. также «Восточное Поморье», 1868, № 13, стр. 58.

(Стр. 209—211. О находке каменных орудий в местности Чныррах на Амуре. См. № 67).

67. М и ч и А. Путешествие по Амуре и восточной Сибири. СПб., 1868, ч. 1.
(Стр. 284 + рис. Развалины кумирни на утесе Тыр, недалеко от устья р. Амуре).
68. О находке каменных орудий близ устья Амуре.— «Восточное Поморье», 1868, № 13.
(Стр. 58. Каменные орудия в м. Чныррах п на р. Патха, около Николаевска-на-Амуре).

1869

69. Г е л ь м е р с е н П. А. Сообщение о состоянии памятников древности в Южно-Уссурийском крае. — ИРГО, СПб., 1870, т. V, в. 8. Журнал заседания.
(Стр. 311 и 317. Остатки укреплений на р. Ча-гоу и находка древних предметов в долине р. Суйфуна).
70. К р о п о т к и н П. А. Об исследовании И. А. Лопатина на Сахалине. — ИРГО, СПб., 1869, т. V, № 7.
(Стр. 307—308. Находка древних землянок, керамики и каменных орудий в окрестностях с. Тарайка).
71. О с т е н - С а к е н Ф. Р. Доклад об этнографической экспедиции в Южно-Уссурийском крае. — ИРГО, СПб., 1869, т. V, № 7—12.
(Стр. 259—260, 294—295, 297. Древние дороги, городища, укрепления в Приморье).

1870

72. [Д о б р о т в о р с к и й]. Южная часть Сахалина.— ИСОРГО, Иркутск, 1870, т. I, № 2—3.
(Стр. 19. О народе тончи, жившем в древности на Сахалине).
73. К а ф а р о в П. И. (Палладий). Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край.— ИРГО, СПб., 1870, т. VI, в. 6 и 7.
(Стр. 233—238. О деятельности древних насельников в долинах рр. Ляохэ, Амуре и др.).
74. П р ж е в а л ь с к и й И. М. Путешествие в Уссурийском крае. (Отд. изд.). СПб., 1870.
(Стр. 75—76. Земляные укрепления и черепаха из камня в окр. г. Ворошилова-Уссурийского, Приморского края).
75. П р ж е в а л ь с к и й И. М. Уссурийский край.— «Вестник Европы», СПб., 1870, т. III, май, стр. 236—267.
(Стр. 259—260. Развалины двух древних укреплений в окрестностях г. Ворошилова-Уссурийского, Приморского края).
76. П р ж е в а л ь с к и й И. М. Сообщение о русском населении в Уссурийском крае.— ИРГО, СПб., 1870, т. VI.
(Стр. 165—166. Крепости и древние каменные изваяния в окрестностях г. Ворошилова-Уссурийского, Приморского края).
77. Этнографическая экспедиция в Амурский и Южно-Уссурийский край под начальством архимандрита Палладия, начальника Пекинской духовной миссии.— ИСОРГО, Иркутск, 1870, т. I, № 1.
(Стр. 5. Необходимость исследования остатков старины).
78. Этнографическая экспедиция в Амурский и Южно-Уссурийский край под начальством архимандрита Палладия, начальника Пекинской духовной миссии. «Епархиальные ведомости», Иркутск, 1870, № 43.
(Стр. 520—522. Маршрут экспедиции).

1871

79. Журнал заседания совета РГО 2 марта 1871 г.— ИРГО, СПб., 1871, т. VII, отд. I, в. 2.
(Стр. 15. Урочище Шуан-чен-дзы и древности в окр. г. Ворошилова-Уссурийского).
80. Журнал заседания совета РГО, от 14 мая 1871 г.— ИРГО. СПб., 1871, т. VII, отд. 1, в. 4.
(Стр. 195—197. О находке каменного топора во Владивостоке).
81. К а ф а р о в П. И. Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска, через Маньчжурью в 1870 г.— ЗРГО, СПб., 1871, т. IV.
(Стр. 339, 346, 349, 351, 354, 359, 365, 376, 380, 382, 387, 390, 417, 438, 443—445. О древних городах в Приамурье периода бохайцев и чжурчженей).
82. К а ф а р о в П. И. О происхождении тазов.— ИРГО, СПб., 1871, т. VII, отд. 1, в. 9.
(Стр. 396. Краткие замечания о древних народах Приамурья).

83. Кафаров П. И. Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край.— ИРГО, СПб., 1871, т. VII, отд. 2, в. 2, 3, 6.
[Стр. 91—97, 124, 325—327. Сообщается о древних городищах, отдельных предметах древности в окрестностях Никольска (Ворошилова) и долине реки Суйфуна, Приморского края].
84. Кафаров П. И. Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край.— ИРГО, СПб., 1871, т. VII, отд. 2, в. 7.
(Стр. 364—366. Автор приводит сведения об открытом им древнем могильнике в окрестностях Ворошилова-Уссурийского о городище Сучен).
85. Кафаров П. И. Уссурийские маньчзы.— ИРГО, СПб., 1871, т. VII, отд. 2, в. 8.
(Стр. 353, 373. В начале очерка приведены краткие сведения о древней истории края и древние рудные ямы).
86. Максимов С. На востоке. Поездка на Амур. Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1871.
(Стр. 179, 188, 222. О находке отдельных предметов древности на Амуре и описание древнего городища около станции Екатерино-Никольской).
87. Список рукописям и вещам, принесенным в дар РГО в 1871 г.— ИРГО, СПб., 1871 т. VII, отд. 1, в. 8.
(Стр. 274. Каменный топор, найденный в Уссурийском крае).
88. Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край.— ИРГО, СПб., 1871, т. VII, отд. 1, в. 8.
(Стр. 291. Сообщение о пожертвовании в Музей РГО каменного топора, найденного во Владивостоке).

1872

89. Журнал заседания совета РГО от 1 ноября 1872 г.— ИРГО, СПб., 1872, т. VIII, отд. 1.
(Стр. 270, 273. Сообщение о присылке Палладием коллекций древних монет и списка с надписями на камне, найденном в окрестностях г. Ворошилова-Уссурийского).
90. Ровинский П. А. Этнографические исследования за Байкалом и на Амуре.— ОСОРГО. Иркутск, 1872.
(Стр. 4—7. Могилы около Кондуя).

1874

91. Исчезнувшая цивилизация в Сибири.— «Знание», 1874, № 7.
(Стр. 1—5. О древних народах Дальнего Востока и, в частности, о бохайцах. Перепечатка одноименной статьи из Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris, 1873, III).

1875

92. Васильева О. Пост Камень-Рыболов и его окрестности.— ИРГО, СПб., 1875, т. XI, отд. 2.
[Стр. 267. Древняя крепость в с. Никольском (г. Ворошилов-Уссурийский, Приморского края)].
93. Захаров И. В. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.
(Стр. I—XV. В начале словаря приведено историческое обозрение народов Дальнего Востока, а также Приморья и Приамурья, в связи с развитием маньчжурской письменности).

1876

94. Боголюбский П. Очерк Амурского края, южной части Приморской области и о. Сахалина в геологическом и горно-промышленном отношении. СПб., 1876.
(Стр. 25—27, 31, 32 и 39. Сучанская пещера, древние валы, ямы и выемки по левому берегу р. Ваншин. Следы древних выработок железа и золота в Приморском крае).
95. Депрерадович Ф. Этнографический очерк Южного Сахалина.— Сб. ИСВС, СПб., 1876, т. II.
(Стр. 9—11. Исторический очерк об айпах. Землянки и валы южнее селения Сирануси на Сахалине).
96. Захаров И. В. О матерпалах для изучения гольдского языка, доставленных Ал. Протодыяконовым. СПб., 1876, т. XII, отд. 2.
(Стр. 48. Краткие данные из истории гольдов и их языка)

1877

97. О древних обитателях русской Даурии.— ИВСОРГО, Иркутск, 1877, т. VIII, № 3—4.
(Стр. 108—111. Краткие данные о древних народах Дальнего Востока).

1878

98. Пахолков П. И. Сведения о реке Зее.— ИВСОРГО, Иркутск, 1878, т. IX, № 1—2, смесь.
(Стр. 74. Остатки жилищ вблизи склада Верхне-Амурской компании на р. Зее).
99. Попов Н. И. Об орудиях каменного века на севере и востоке Сибири.— ИВСОРГО, Иркутск, 1878, т. IX, № 1—2.
(Стр. 56, 58, 60, 62 + табл. Замечание о культурном соприкосновении киданей и чжурчженей с якутами. Находка каменных орудий в мест. Чныррах, во Владивостоке, Сахалине, Камчатке и Чукотке).

1879

100. Кафаров П. И. Исторический очерк Уссурийского края в связи с историей Маньчжурии.— ЗРГО по общей географии. СПб., 1879, т. VIII, вып. 2.
(Стр. 221, 224 и 227. Краткие данные по истории древних народов Дальнего Востока, в том числе Приморья и Приамурья).
101. Попов П. С. Русско-китайский словарь. СПб., 1879.
(Стр. 1. В начале предисловия — краткие данные из истории народов Дальнего Востока).
102. Риттер К. Землеведение Азии. СПб., 1856, т. I, в. 1.
(Стр. 199, 212—231, 302—304, 323—325, 397—444, 452—458, т. V, в. 1. стр. 381—382, 474. Древние киданьские и чжурчженские города и местности, посещавшиеся китайскими путешественниками, которые приводят сведения о древних народах Приамурья).

1880

103. Мережковский К. С. Из текущей литературы по каменному веку.— ИРГО, СПб., 1880, т. XVI, в. 2.
(Стр. 207—218. Исторические данные об айнах и древних камчадалах).

1881

104. Уваров А. С. Археология России. Каменный период. М., 1881, часть I и II.
(Стр.: ч. I—42 и 91, 268—273, 353, 366 +рис.; ч. II — 5, 6. Каменные орудия, найденные в бассейне р. Амура, во Владивостоке и Нерчинске).
105. Янковский М. И. Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива на полуострове, лежащем между Славянской бухтой и устьем р. Сидеми.— ИВСОРГО, Иркутск, 1881, т. XII, в. 2—3.
(Стр. 92—93. Археологическое обследование неолитического памятника, впервые проведенное в Приморском крае в 80-х годах XIX в.).

1882

106. Арсепьев Ю. В. О происхождении «сказания» о великой реке Амуре.— ИРГО, СПб., 1882, в. IV.
(Стр. 245—254. Приводятся древние названия местностей в бассейне р. Амура).
107. Писарев М. О народах Амурского края в историко-географическом и антрополого-этнографическом отношениях.— ИВСОРГО, Иркутск, 1882, т. XIII, № 3.
(Стр. 15 и 30. Сведения о киданях и чжурчженях и древних айнах).

1883

108. Поляков П. С. Путешествие на о. Сахалин в 1881—1882 гг. Приложение к ИРГО, СПб., 1883, т. XIX, в. 1.
(Стр. 5, 18—21, 36, 108, 109. Находки каменных орудий и других предметов в раковинных кучах о. Сахалина. Городище онкилонов, найденных судном «Вега» на с.-в. Сибири. Исследования Палладия в Приморском крае).

1884

109. Поляков И. С. Отчет о исследованиях на о. Сахалине, в Южно-Уссурийском крае и в Японии. Приложение к XLVIII т. Зап. Акад. Наук, СПб., 1884, № 6.
(Стр. 8, 14, 15—19. Неолитические памятники о. Сахалина).

1885

110. Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива, близ устья р. Сидеми.— Газ. «Владивосток», 1885, № 12.
(Статья о докладе, прочитанном Маргаритовым в Обществе изучения Амурского края, см. № 113).
111. Шперк Ф. Россия Дальнего Востока.— ИРГО, СПб., 1885, т. XIV.
(Стр. 366—368. Древние народы Приамурья: сушень, илоу, мохэ и др.).

1886

112. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886, 4 книги, стр. 326 + 364 + стр. XXI (предисловие).
(Стр. 305 и 306, кн. II — валы на р. Аргунь. Развалины на Кыркпире и Кондуе. Стр. 307 — древние рудные выработки в Нерчинских горах. Стр. 148, кн. III, — писаница на р. Борщевке, притоке Шилки. Стр. 256, кн. 4 — камень с надписью о походе Чингис-хана, привезенный с Кондую).

1887

113. Кузнецов А. К. Программа для собирания сведений о реках Забайкалья.— ЗЧОРГО, Чита, 1887, в. 2.
(Стр. 107. О древних канавах).
114. Маргаритов В. П. Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива, близ р. Сидеми. Изд. О-ва изуч. Амурск. края, 1887; газ. «Владивосток», 1887, № 17.
(Статья, посвященная описанию найденных при раскопках на полуострове Сидеми остатков неолитических кухонных куч: каменных и костяных орудий, керамики и остатков фауны).
115. Надаров И. Северо-Уссурийский край.— ЗРГО, СПб., 1887, т. XVII, № 1.
(Стр. 10, 19—20, 26—32. Древние городища в долине реки Уссури и ее притоков).
116. Случайные вырезки из газет за 1887 год.— ЗРАО, СПб., 1887, т. III, в. 2.
(Стр. 281—282. Древние постройки на реках Сучане и Суйфуне Приморского края. Краткие данные из истории тунгусских племен).
117. [Ядринцев Н. М.] Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ.— ЗРАО, СПб., 1887, т. III, в. 1, протоколы.
(Стр. XXIV—XXV. Каменные орудия на Амуре, Шилке и Камчатке).

1888

118. Буссе Ф. Ф. Остатки древностей в долинах рек Лефу, Даубихэ и Улахэ.— ЗОИАК, Владивосток, 1888, т. I.
(Стр. 1—28. Исторический очерк о древних народах края: сушенях, илоу, мохэ, бохайцах, чжурчженях и других. Приведен список с описанием древностей. Рецензия: ЗВОРАО, СПб., 1890, т. V, стр. 323).
119. Кеппен А. Минеральный уголь в Южно-Уссурийском крае. МС, СПб., 1888.
(Краткое указание на нахождение древних золоторудных разработок в крае).
120. Л. З. По поводу лекции «О древностях, находимых на берегах рр. Лефу, Даубихэ и Улахэ».— Газ. «Владивосток», 1888, № 10.

1890

121. Витковский Н. Просверленные камни.— ИВСОРГО, Иркутск, 1890, т. XXI, № 4.
(Стр. 33. Описание каменных жерновов, найденных в бассейне р. Аргуни).
122. Елисеев А. В. О доисторических обитателях Южно-Уссурийского края. Труды VIII съезда русских естествоиспытателей и врачей, СПб., 1890, отд. 8.
(Стр. 6. Краткое упоминание о древних жителях края).
123. Обручев В. А. Путешествие I. Martina по северо-восточной Сибири.— ИВСОРГО, Иркутск, 1890, т. XXI, в. 2.
(Стр. 77. Курганы на р. Зее).

1891

124. И в а н о в Д. Л. Из отчетов заведывающего Южно-Уссурийской горной экспедицией.— ГЖ. 1891, СПб., № 8.
(Стр. 268, 289, 295. Краткие замечания о древних крепостях в окрестностях г. Ворошилова-Уссурийского на горе Сальникова и на р. Сучане).
125. Отчет Общества изучения Амурского края за 1888—1891 гг., Владивосток (год издания не указан).
(Стр. 8. Остатки китайской культуры XVI в. на утесе Тыр, на Амуре).

1892

126. М а л ь ц е в. Дневник священника Усть-Майской Матвеевской церкви в Учурскую поездку 1892 г. Якутск, 1893. № 19—20.
(Писаницы на р. Мае).
127. П а н о в В. Японские документы о сношениях с королевством Бохай.— «Дальний Восток», Владивосток, 1892, № 2, 4, 8, 9, 11.
128. П у т ь я Д. В. Предварительный отчет об экспедиции на Хивган в 1891 г.— ИРГО, СПб., 1892, т. XXVIII, в. 2.
(Стр. 175—176. Развалины древнего киданьского города в Примурье).

1893

129. Ш л е г е л ь Р. Чужеземные народы у китайских историков.— ИВСОРГО, Иркутск, 1893, т. XXIV, № 2.
(Стр. 38—40, 48. Древнее население Курильских островов).

1894

130. Б а ц е в и ч Л. Материалы для изучения Амурского края в геологическом и горно-промышленном отношении. СПб., 1894.
(Стр. 78 и 91 — примечание. Развалины на утесе Тыр, на р. Амуре и неолитические орудия, найденные около Николаевска-на-Амуре).
131. Г р у м - Г р ж и м а й л о Г. Е. Описание Амурской области. Изд. Мин. финансов, СПб., 1894.
(Стр. 1—5. Древние народы Примурья: сушенп, плоу, мохэ, бохайцы и чжурчжени).
132. К и р и л л о в А. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей. Благовещенск, 1894.
(Стр. 4, 5, 7, 52, 55, 56, 68, 84, 95, 139, 148, 150, 165, 202, 222, 226, 228, 240, 274, 276, 277, 284, 304, 311, 313, 324, 350, 355, 372, 373, 386, 391, 393, 435, 440—441, 450, 452, 457, 489, 492, 506, 509, 510, 513, 522. В словаре приводится значительное количество сведений об остатках древности в крае: городища, крепостей, валов, каменных изваяний и других предметов старины).
133. Отчет Общества изучения Амурского края за 1884—1894 гг. Владивосток, 1894 г.
(Стр. 8, 10, 24. Каменные изваяния в виде черепахи и другие археологические памятники в окрестностях г. Ворошилова-Уссурийского).
134. П е р м и н Б. Б. Несколько слов о древних памятниках в Никольском.— «Дальний Восток», Владивосток, 1894, № 53, стр. 2—3.
135. Р а д л о в В. В. Сибирские древности. СПб., 1894, т. I, стр. 1—132 + карта + 22 таблицы + 109 полнотипажей.
(Работа в основной своей части посвящена описанию медных, бронзовых и железных предметов, найденных в курганах и других древних памятниках Красноярского края. На стр. 5, 7, 9, 18, 20, 38, 55, 81, 84—87, 90, 107, 109, 111 и в приложениях приводятся краткие данные о каменных изваяниях, курганах, городищах и развалинах строений, находимых в бассейне р. Аргунь и территории б. Нерчинского горного округа).

1895

136. А л ь ф т а н Н. Заметки о рисунках на скалах по р. Уссурь и Бикину.— «Примамурские ведомости». Хабаровск, 1895, № 66.
(Прилож., стр. 10. Рисунки на скалах и легенда о князе, жившем в древности в долине р. Сучана, Приморского края).
137. А л ь ф т а н Н. Заметки о рисунках на скалах по рекам Уссурь и Бикину.— ТПОРГО, Хабаровск, 1895, т. II.
(Стр. 10. Писаницы, металлические предметы, каменные орудия и остатки древнего жилища по р. Алчану, в окрестностях пос. Шереметьевского).
138. А л ь ф т а н Н. Общий очерк движения пяти охотничьих команд 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады по исследованию Уссурийского края.— ТПОРГО, Хабаровск, 1895, т. II.

- (Стр. 4, 14 и 17 Археологические предметы, найденные в окрестностях пос. Шереметьевского Уссурийского края, остатки укрепления Чап-Ито, крепости близ устья рр. Зейцахэ, Туда-Ваку и Хонсалаза).
139. Амурская газета. Благовещенск, 1895, № 1.
(Вступительная статья обращает внимание на памятники каменного века в Приамурье).
140. В. Р. Сведения о Хабаровском музее.— «Приамурские ведомости», Хабаровск, 1895, № 62.
(Каменные орудия, поступившие в Хабаровский музей).
141. Результаты географических исследований охотничьих команд Восточно-Сибирских стрелковых бригад летом 1894 г.— ТПСРГО, Хабаровск, 1895, т. II.
(Стр. 23. Укрепление и остатки жилищ в долине р. Каменки).

1896

142. В а с и л ь е в В. Л. Записка о надписях, открытых на памятниках, стоящих на скале Тыр, близ устья Амура.— Изв. АН, СПб., 1896, сер. V, т. IV, в. 4.
(Стр. 365—367. История памятников, краткое объяснение надписей и история открытия чжурчженской письменности).
143. К р а п о т к и н Л. А. От устья Тунгуски до сопки Каутыр.— ЗОИАК, Владивосток, 1896, т. V
(Стр. 2. О заселенности бер. Урми (Тунгузки) в древние времена).

1897

144. Б а р т о л ь д В. В. Образование империи Чингис-Хана.— ЗРАО, СПб., 1897, т. X.
(Стр. 109—115. Краткое упоминание о чжурчженях и взятии ими в плен Темучина).
145. Восточная Маньчжурия.— «Землеведение», М., 1897, т. III.
(Стр. 15. Некоторые данные из истории Бохая).
146. И в а н о в М. Предварительный отчет о геологических исследованиях в Северо-Уссурийском крае. Геолог. исслед. и развед. работы по линии Сибирской ж. д., СПб., 1897, в. IV.
(Стр. 29. Развалины древнего поселения на горе Цыпдяян по р. Нанчихэ в Приморье).
147. П о х е л ь с о н В. П. К вопросу об исчезнувших народностях Колымского округа.— ИВСОРГО, Иркутск, 1897, т. XXVIII, в. 2.
(Стр. 160—165. По поводу находок остатков культуры древних народов северо-восточной части Дальнего Востока и Камчатки).
148. Отчет о деятельности Приамурского отд. РГО за 1897 г., Хабаровск, 1897.
(Стр. 15—16. Описание каменной черепахи и наконечников стрел, поступивших в музей из окрестностей Никольск-Уссурийского (гор. Ворошилов)).
149. П а р ш и н Д. П. Краткий очерк пятидесятилетия деятельности Русского географического общества по этнографии в пределах Азии.— ИВСОРГО, Иркутск, 1897, т. XXVII, в. 1.
(Стр. 44—46, 59, 63—66. Раскопки древних могил экспедицией Маака в Даурии и Забайкалье; остатки древнего селения у оз. Тарайка, на Сахалине; древности вблизи Кличкинского рудника, Нерчинского округа; каменные орудия на Сахалине).
150. П р е й н Я. П. Отчет ВСОРГО за 1894 г.— ИВСОРГО, Иркутск, 1897, т. XXVII, в. 2.
(Стр. 19. О составлении археологической карты Забайкалья и Приамурья).

1898

151. К у з ь н е ц о в А. К. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1892 г.— ИВСОРГО, Иркутск, 1898, т. XXIV, в. 2.
(Стр. 1—13. Отчетные данные о находках предметов каменного века и других периодов в долине Онона, Или и др.).
152. Отчет о деятельности Приамурского отдела РГО.— ЗПОРГО, Хабаровск, 1898, т. IV, в. IV.
(Стр. 24, 26, 33—34. Археологические предметы, поступившие в Хабаровский музей).
153. Р е к л ю Э. Земля и люди. Всеобщая география. СПб., 1898, т. VI.
(Стр. 653 и 796. Развалины кумирни XVI в. на утесе Тыр, при устье Амура)

1899

154. Древности Восточного Забайкалья.— ЗРАО, СПб., 1899, т. XI, в. 1—2, кн. 4.
(Стр. 313—315. Неолит р. Аргуви, Гондуйский городок и могилы на Ононе).
155. М а н а к и н М. Описание пути от Старо-Цурухайтуйского караула до г. Благовещенска.— ЗЧОРГО, Чита, 1899, в. 3.
(Стр. 5—7, 8—9. Сведения о «Вале Чингис-хана и редутах у хребта Гункура»).
156. Материалы по доисторической археологии России.— ЗРАО. СПб., 1899 г., т. XI, в. I—II, кн. 4.
(Стр. 313—315. Об археологических находках в б. Нерчинском округе, бассейне р. Аргуни с кратким описанием местонахождений).
157. Т а л ь к о - Г р ы н ц е в и ч Ю. З. Древние обитатели Центральной Азии.— ТТСОРГО, Троицкосавск, 1899, т. II, в. 1—2, с картой народностей, стр. 61—80; РАЖ М. 1900, кн. II, № 2, стр. 4—9.
(Попытка систематизации исторических данных о древних народах Центральной Азии. В очерке приведены сведения о древних народах Дальнего Востока).

1900

158. Б р а и л о в с к и й С. Н. Отчет о командировке на Сучан в 1896 г.— ЗОИАК, Владивосток, 1900, т. VII, в. 2.
(Стр. 28—37. Раковинные кучи в пещере и развалины древних городищ в долине р. Сучана, в Приморском крае).
159. В р а д и й В. П. Первый каталог коллекций Благовещенского музея. Благовещенск, 1900.
(Стр. 26—27. Описание археологических коллекций Благовещенского музея).
160. Е л и с е е в А. В. Отчет о поездке на Дальний Восток.— ИРГО, СПб., 1900, т. XXIV, в. 5.
(Стр. 361—365. Описание городищ, валов и памятников каменного века, встреченных автором во время его путешествия по Уссурийскому краю, главным образом, в долинах рек Лефу, Даубихэ, Сучана и Суйфуна).
161. Описание Кореи. Составлено в канцелярии министра финансов, СПб., 1900, ч. I.
(Стр. 10—11. Возникновение Бохайского государства, усиление чжурчженей, живших в районе оз. Ханка).
162. С л ю н и н Н. В. Охотско-Камчатский край, СПб., 1900, т. I.
(Стр. 396. Древние жилища с остатками каменного и костяного инвентаря в районе реки Вахиль, устья р. Камчатки и на острове Харчинского озера).

1901

163. Б о р о д о в с к и й Л. Карта Маньчжурии. Изд. канцелярии министра финансов. СПб., 1901.
(Древние валы на территории советского Дальнего Востока).
164. Б р а и л о в с к и й С. Н. Тазы или удихэ. «Живая старина», СПб., 1901, год XI, в. 2.
(Стр. 142—147. Легенда о князе Куан-юне, жившем в XII в. на Сучане).
165. Д и т м а р К. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг., СПб., 1901.
(Стр. 210, 212, 213 — ямы, раковинные кучи, уголь, кости, раковины и обработанные камни, глиняная посуда, обнаруженные на берегу Вахилия).

1902

166. Благовещенск-на-Амуре. «Восточный вестник», Владивосток, 1902, № 105.
(О получении Амурским областным музеем археологических предметов).
167. Благовещенский музей. «Амурская газета», Благовещенск, 1902, № 86.
(Краткая заметка об археологических находках на Амуре).
168. Вольный казак. Станица Поярковая на Амуре. «Амурский край», Благовещенск, 1902, № 100.
(Об археологических работах на р. Амуре).
169. К сведению нашего музея. «Амурский край», Благовещенск, 1902, № 64 и 72.
(Об археологических находках на Амуре).
170. К а ф а р о в П. И. Комментарий на путешествие Марко Поло по северному Китаю.— ИРГО, СПб., 1902, т. XXXVIII, в. 1.
[Стр. 8, 19, 23—24, 27, 32, 35—36, 43 и 45. Сведения из истории династии Гинь (чжурчженей)].
171. Южно-Уссурийский округ. ИАК, СПб., 1902, прибавление к вып. 2.
(Стр. 36. Древние монеты в с. Тереховке Приморского края. Извлечение из статьи в газете «Восточное обозрение», № 228, 1902 г.).

1903

172. Вести с Дальнего Востока. «Сибирская торговая газета», Тюмень, 1903, № 35.
(Сокращенная перепечатка статьи «Станица Поярковая на Амуре», см. № 165).
173. Г о р я н о в С. Материалы для исследования Бутхасского фудутунства.— ИВИ, Владивосток, 1903, т. VIII.
(Стр. 7—9. Исторические данные о даурах с X в. по XIV в.).
174. П и л с у д с к и й Б. Отчет по командировке к айнам и орокам о. Сахалина в 1903—1905 гг. Изд. Ак. Наук (год издания не указан).
(Стр. 16. Керамика о. Сахалина).

1904

175. А н у ч и н Д. Н. Японцы. Землеведение, М., 1904, т. XI, кн. III.
(Стр. 72. Краткие заметки о неолитических стоянках на побережье Японского моря, в Приморском крае).
176. П о л о в П. С. О древних Тырских памятниках.— ЗВОРАО, СПб., 1904, т. XVI, в. 1.
(Стр. 12—20 и 77. Перевод китайской надписи, высеченной на двух камнях, найденных около устья Амура, на утесе Тыр. Приведены исторические данные об указанных памятниках из китайских сочинений. В настоящее время стелы находятся во Владивостокском музее).

1906

177. Т ю ш е в В. Н. По западному берегу Камчатки.— ЗИРГООГ, СПб., 1906, XXXVII, № 2.
[Стр. 267. Старинные жилые ямы в с. Ича (Старый острог)].

1907

178. Археология Амура. — АТПВ, Благовещенск, 1907, № 7.
(Краткая статья об археологических находках на Амуре).
179. Г л у з д о в с к и й В. Е. Древности Амурского и Уссурийского края. Каталог музея О-ва изуч. Амурск. края.— ЗОИАК, Владивосток, 1907, т. XI.
(Стр. 109—122. Исторический очерк народов края, до прихода русских и описание археологических коллекций Владивостокского музея).
180. П о х е л ь с о н В. И. Древние и современные подземные жилища племен северо-восточной Азии и северо-западной Америки. «Ежегодник Русск. антроп. о-ва при С.-Петербургском университете». СПб., 1905—1907 (Неолит Камчатки).

1908

181. Б у с с е Ф. Ф. и К р а п о т к и н Л. А. Остатки древностей в Амурском крае.— ЗОИАК, Владивосток, 1908, т. XII, стр. 1—66 + 1 карта.
(Описание археологических памятников в Приморском крае и на о. Сахалине).
182. Г о р о д ц о в В. А. Первобытная археология. Курс лекций, читанных в Московском-археологическом институте. СПб., 1908, 143 стр., с 9 таблицами рисунков.
(Стр. 137— краткие сведения о неолитической стоянке на берегу р. Патхи, притоке Амура. Приводится ссылка на работу А. С. Уварова «Каменный период», т. 1, стр. 269 и др.).

1909

183. Г р е б е н щ и к о в А. В. По Амуру и Сунгари.— ВА, Харбин, 1909, кн. 1.
(Стр. 195 и 199. О древних народах, живших в бассейне р. Амура и Сунгари до XIII в.).
184. Г о р с к и й В. О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа Маньчжу.— ТЧРДМП, Пекин, 1909, т. 1, стр. 108—140.
(Стр. 116, 121, 123, 124, 130—135. Сведения о сушениях, чжурчженях и государстве Бохай).
185. Древности Амурского края.— ИАК, СПб., 1909, приб. к в. 32; см. также «Полтавские ведомости», Полтава, 1909, № 427.
(Стр. 98. Древности XVI в. урочища Тыр на р. Амуре).
186. З а х а р о в П. В. Историческое обозрение народонаселения Китая.— ТЧРДМП, Пекин, 1909, т. I, стр. 142—206.
(Стр. 164, 166, 170—179. Сведения о киданях и чжурчженях).
187. Из писем В. П. Иохельсона, начальника этнологического отдела Камчатской экспедиции, к секретарю РГО.— ИРГО, СПб., 1909, т. XV, в. IX.
(Стр. 614, 616, 617, 619—620, 624. О мумифицированных трупах в древних алеутских могилах, каменных и костяных орудиях, найденных при раскопках древних

поселений и могильников на Алеутских островах и окрестностях Петропавловска-на-Камчатке).

188. Крапоткин Л. А. Приамурский край в сельскохозяйственном отношении.— ЗПОИРГО, Хабаровск, 1909, т. VII, в. II.
(Стр. 14. Древние предметы вблизи дер. Гордеевка, на р. Суифуне).
189. Пилсудский Б. Аборигены о. Сахалина. «Живая старина», СПб., 1909, XVIII, в. 1, кн. 70—71.
(Стр. 3—16. Вопросы древней истории Сахалина, народа «Тончи» — первых жителей острова и их взаимоотношений с соседними народами).

1910

190. Городской музей.— «Эхо», Благовещенск, 1910, № 590.
(Об археологических предметах, поступивших в Благовещенский музей).
191. Гребенщиков А. В. В Бутху и Мергень по р. Нонни.— ВА, Харбин, 1909—1910, кн. 2, стр. 140—142; кн. 3, стр. 186; кн. 4, стр. 15.
(О происхождении солонов, столице Бохая, чжурчженях и других народностях Приморского края, живших с древнейших времен до XIII в.).
192. Гуров А. Письмо в редакцию.— «Эхо», Благовещенск, 1910, № 601.
(Археологические находки на Амуре).
193. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Юбилейный сборник к 50-летию города. Под редакцией Н. П. Матвеева. Владивосток, 1910.
(Стр. 15. Указание на заселенность окрестностей города в древности).
194. Титов А. Из маньчжурской старины.— РА, Харбин, 1910, кн. 3.
(Стр. 205—207. Развалины древнего города на Сунгари и примечания о древних городах Приморского края).

1911

195. Древнейшая история Уссурийского края.— ВА, Харбин, 1911, кн. 9.
(Стр. 112. По поводу одноименной лекции В. К. Арсеньева и необходимости сохранения памятников старины).

1912

196. Арсеньев В. К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края, 1901—1911 гг. Изд. штаба Приамурского военного округа. Хабаровск, 1912, 324 стр.
(Материалы по изучению Приморья в физико-географическом и экономическом отношениях. Приводятся сведения об отдельных археологических памятниках).
197. Арсеньев В. К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края, 1901—1911 гг. Приложение. Изд. штаба Приамурского военного округа, Хабаровск, 1912, стр. I—VI.
(На картах маршрутных съемок указаны места нахождения археологических памятников в Приморском крае).
198. Арсеньев В. К. Сведения об экспедиции капитана В. К. Арсеньева (путешествия по Уссурийскому краю в 1900—1910 гг.).— ЗПОИРГО, Хабаровск, 1912, т. VIII, в. 2, стр. 1—36.
(Стр. 35. Раскопка неолитической стоянки и находка каменных орудий на р. Сое-не в Приморском крае.
Краткое содержание аналогичной работы изд. тип. М. М. Стасюлевича. П., 1915).
199. Гребенщиков А. В. Маньчжуры, их язык и письменность.— ПВИ, Владивосток, 1912, т. XLIX, в. 1.
(Стр. 1—63. Краткие данные о древних народах Дальнего Востока в связи с развитием маньчжурской письменности).
200. Шкуркин П. В. По востоку.— ВА, Харбин, 1912, кн. 11—12.
(Стр. 227—239. Борьба чжурчженей с Китаем).

1913

201. Арсеньев В. К. Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края.— ЗПОИРГО, Хабаровск, 1913, в. 1, стр. 15—66 + 1 карта.
(Описание древних укреплений, валов, отводов, рек, плотин, дорог в Приморском крае. Приводится текст легенды о князе Куан-юнье, с попыткой доказать, на основе местных историко-археологических памятников, историчность последнего).

- Краткое содержание этой работы изд. тип. М. М. Стасюлевича. П., 1915, 39 стр.).
202. Археологическая находка. ИАК, СПб., 1913, в. 48, приб. (Хроника и библиография, в. 23). Раздел Сибирь и Туркестанский край.
(Стр. 147. Описание древнего кладбища около с. Осиповки на р. Амуре. Краткая заметка помещена в газете «Уссурийская окраина», Хабаровск, 1912, № 212).
203. Гонсович Е. Гора Шапка на реке Амуре. «Сибирский архив», Иркутск, 1913, XII.
(Стр. 505—522. Приводятся: легенда орочей о происхождении горы, сведения об остатках древних крепостей и сооружений).
204. Иванов А. И. Документы из города Хара-Хото, Изв. АН, СПб., 1913, № 14.
(Стр. 811—814. Об экономических и политических сношениях тангутов с чжурчженями).
205. [Иванов А. И.] Китайские бумажные деньги до Минской династии.—ЗВОРАО, СПб., 1913, т. XXI, протоколы.
(Стр. XXII. Упоминание о выпуске бумажных денег при чжурчженях и монголах).
206. Калинин В. А. Краткий исторический очерк г. Никольск-Уссурийского. Никольск-Уссурийский, 1913.
(Стр. 86 + 22 прил. Сведения о бохайцах и древнейшем населении края).
207. Колонизационные возможности. Дальневосточное положение. Владивосток, 1913. (Исторический очерк Приамурья, с упоминанием древних народов края).
208. Мань-Чжоу ли ши ди ли (История Маньчжурской династии). Изд. ЮМжд. Харбин, 1913, т. I и II, таблицы, ист. карт.
(Указываются памятники Приморья и Приамурья).
209. Открытие японского профессора.—ВА. Харбин, 1913, кн. 14.
(Стр. 53. Древнее укрепление на о. Сахалине).
210. [Смыкалов Г. Ф.] К вопросу происхождения названия цзиньской династии.—ЗВОРАО, СПб., 1913, т. XXI.
(Стр. XVII. Сообщение о реферате, прочитанном на заседании отделения по поводу существующих в китайской литературе различных теорий о происхождении чжурчженей).
211. Ульяновский Л. Г. Приамурский край.—ЗПООВ, Хабаровск, 1913, в. II.
(Стр. 3—4. Краткие сведения из истории народов Дальневосточного края от III в. до н. э.).
212. Чембаров С. И. Краткий обзор событий в Амурском крае до окончательного занятия его русскими. Обзор земледельческой колонизации Амурской области. Благовещенск, 1913.
(Стр. 1—5. Из истории древних народов Приморья).
213. Я — в Дм. Выставка Камчатской экспедиции.—ИАК. СПб., 1913, прибавление к в. 23, раздел выставки.
(Стр. 53. Раскопки В. И. Иохельсона. Керамика, костяные орудия, монеты, железные орудия. Извлечено из газет: «Россия» № 2172 от 9.XII. 1912 и «Утро России» № 282 от 7.XII.1912).

1914

214. Азадовский М. К. Археологические древности по реке Амуру.— ИАК, СПб., 1914, прибавление к вып. 56.
(Стр. 124—127. Городища, остатки жилищ, крепостей, монеты и каменные орудия с керамикой, найденные по побережью р. Амура. Краткая статья помещена в газете «Приамурье», № 2287, 15 апреля 1914 г.).
215. Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический.—ЗПОРГО, Хабаровск, 1914, т. X, в. 1. Резюме на франц. яз., 203 стр., 6 карт и фотоснимки.
(Стр. 30—39. Данные о древних народах края: сусень, мохэ, илоу, бохайцах, чжурчженях и монголах, с деятельностью которых автор связывает остатки древностей, встречаемых в крае).
216. Археологические находки. ИАК, СПб., 1914, прибавление к в. 56.
(Стр. 127. Неолитические находки на полуострове Коврала в Приморском крае. Краткие сведения помещены в газетах: «Правительственный вестник», 1914, № 108; «Восточное Поморье», 1914, № 792; «Приамурская жизнь», 1914, № 1487).

1915

217. Гребенщиков А. В. Очередная задача краеведения. Сборник Vivat Academia. Изд. Восточн. института. Владивосток, 1915.
(Стр. 38—41. О Бохэе).

218. Ж и л и н с к и й П. Плавание «Тобола» в 1914 г. от Владивостока до Колычневской губы.— МС, СПб., 1915, сентябрь.
(Стр. 494—495. Раскопки могил онкилонов, древнейших жителей Сев. Ледовитого океана).
219. Н. З. Древние городки.— ВА, Харбин, 1915, № 35—36.
[Стр. 89—91. Древние городища (по р. Шилке)].
220. О каменных могилах в долине реки Нерчи.— ИАК, СПб., 1915, прил. к в. 57 стр. 55—57.
(Краткое сообщение о могильнике).

1916

221. В и т т е н б у р г П. В. Научные результаты геологической экспедиции.— ЗОИАК, Пгр., 1916, т. XV, ч. 1.
(Стр. 1—4. Краткий исторический очерк о древних народах Приморья).
222. Г р е б е ш и к о в А. В. К изучению истории Амурского края по данным археологии. Юбилейный сборник XXV. Музей Об-ва изучения Амурского края за первые 25 лет его существования. Владивосток, 1916.
(Стр. 50—75. Исторический очерк народов края и описание археологических памятников).
223. Научная экспедиция на Амуре.— ВА, Харбин, 1916, кн. II—III, № 38—39.
(Стр. 152. Краткая заметка об организации археологической экспедиции).
224. Отчет Общества изучения Амурского края за 1914 г. Владивосток, 1916 г.
(Стр. 37. Описание каменных орудий, найденных вблизи старого укрепления, расположенного в 17 км от ст. Мучная Приморск. ж. д.).
225. П а н о в В. Историческая задача Об-ва изучения Амурск. края. Юбилейный сборник XXV. Музей Об-ва изучения Амурск. края за первые 25 лет его существования, Владивосток, 1916.
(Стр. 80—85. Об изучении прошлого края на основании археологических источников, о происхождении тюрков и их связей с народностями Азии).
226. Ф е д о р о в А. З. Памятники старины в г. Никольск-Уссурийском и его окрестностях. Никольск-Уссурийский, 1916, 24 стр. + 1 карта.
(Описание городищ, валов и древних крепостных сооружений, встречаемых в окр. г. Ворошилова-Уссурийского, Приморского края).
227. Ш к у р к и н П. В. Протоколы публичных заседаний Об-ва русских ориенталистов (6—15 июня 1916 г.). ВА, Харбин, 1916, кн. II—III.
(Стр. 324—345. Содержится резюме пяти докладов, прочитанных В. К. Арсеньевым на заседаниях общества, в которых освещены вопросы археологии Дальнего Востока и характеристики древних памятников края: дорог времен Бохая, раковинных куч, жилищ, укреплений, каменных бомб, котлов, жерновов, лемехов, остатков серебряных и медных изделий, рудников, тесаных камней и других предметов).

1917

228. Г л у з д о в с к и й В. Е. Приморско-Амурская окраина. Владивосток, 1917.
(Стр. 51—52, 173—174. О народах края: сушевых, плоу и древних государствах Дальнего Востока в период с VIII в. по XII в.).

1918

229. Археологическое обследование побережья Амура. — «Амурское эхо», Благовещенск, 1918, № 425.
230. К истории народов Средней Азии. Владивосток, 1918, стр. 1—166.
(Сведения из истории Китая и сопредельных с ним стран).
231. Отчет Общества изучения Амурского края за 1916 г. Владивосток, 1918.
(Стр. 8. Об археологических предметах, поступивших в музей).

1919

232. М а р и к о в с к и й П. Некоторые сведения о краевой археологии. Настольный календарь-справочник по Дальнему Востоку на 1919 г. Владивосток, 1919.
(Стр. 29—30, 39, 48, 50. В статье — сведения о древних народах края и описание отдельных археологических памятников).

1921

233. А н е р т Э. О. Годовой отчет за 1917 г. по геологическим исследованиям в Южно-Уссурийском крае.— МГДВК, Владивосток, 1921, № 3.
(Стр. 7. Древние выработки железорудных месторождений в Сергиевском и Судзугинских селениях Ольгинского района Приморского края).

1922

234. Арсеньев В. К. Археология в связи с изучением Сибири и Дальнего Востока (краткая программа курса).— ЕГПУ за 1921—1922 гг. Владивосток, 1922, стр. 88—89.
235. Арсеньев В. К. Обследование Уссурийского края в археологическом и археогеографическом отношении. Первый съезд по изучению Уссурийского края в естественно-историческом отношении (в г. Никольск-Уссурийском 18—22 апреля 1922 г.).— ИЮУОПОРГО, Никольск-Уссурийский, 1922, апрель, в. 4.
(Стр. 55—56. В тезисах доклада приведены периодизация древней истории края и предложения по изучению археологических памятников в восьми районах).
236. Гребенщиков А. В. Программные вопросы по собиранию археологического материала в крае.— ИПОАК, Владивосток, 1922, т. I, в. I, стр. 15—23.
(В статье автор дает сведения о древних народах Дальнего Востока и список предметов, на которые необходимо обратить внимание при исследовании).
237. Гребенщиков А. В. К истории Китайской валюты.— ВА, Харбин, 1922, № 50.
(Стр. 26. Описание нумизматических предметов, найденных в Приморском крае).
238. Лопатин И. А. Гольды.— ЗОИАК, Владивосток, 1922, т. XVII + библиогр. указатель.
(Стр. 7—10. В начале книги — сведения о сушенях, илоу, бахайцах и других древних народах края).

1923

239. Браунер А. А. Собаки каменного века р. Амура.— «Труды Геологического комитета», Пгр., 1923, в. 160.
(Стр. 19. Описание черепов собак неолитического периода — *Canis intermedius Newelskii* и *Canis Krischtovovitschi*, найденных вместе с каменными орудиями на левом берегу р. Амура, около ст. Иннокентьевской).
240. Глуздовский В. Е. Открытие и присоединение Приморья. — Сб. «Приморье», Владивосток, 1923.
(Стр. 10—11. О древнем населении в период неолита).
241. Кобозев П. А. Колонизация Дальнего Востока.— ТГКНИИ, М., 1924.
(Стр. 213—216. Краткая история древних народов Приамурья).
242. Лопатин И. А. Этнография Приморья.— Сб. «Приморье, его природа и хозяйство». Владивосток, 1923.
(Стр. 141—142.— Древние народы: сумени, илоу, бахайцы, кидане, чжурчжени и связанные с ними археологические памятники — раковинные кучи, развалины крепостей, остатки дорог).
243. Пошивалов Н. Археологические исследования на Амуре.— ИАНЭО, Благовещенск, 1923, в. 3.
(Стр. 112. Обращено внимание на необходимость сохранения и изучения археологических памятников в крае).
244. Чепурковский Е. М. Очерки по общей антропологии.— ДВГУ, Владивосток, 1924, т. 1 кн. 3.
(Стр. 91—93. О древних народах и государствах в Приморье).

1925

245. Башкиров А. Археологические открытия на территории СССР за 1925 г.— НВ, М., 1926, № 13—14, хроника.
(Стр. 452. Неолит побережья Уссурийского залива в Приморском крае).
246. Гапанович И. П. Поездка на Чукчагирское озеро. «Сов. Приморье», Владивосток, 1925, № 12.
(Стр. 41—42. Приводится легенда о происхождении названия «Чукчагир» и сведения о древнем поселении).
247. Годовой отчет Владивостокского подотдела Гос. географич. общества за 1924—1925 г. Владивосток, 1925.
(Стр. 4. Каменные топоры и наконечники стрел, доставленные в музей).
248. Иосифов Г. Археологические находки в Амурской обл. «Восточная студия», Владивосток, 1925, № 13/16, стр. 269—271.
249. Кузнецов А. К. Развалины Гондуйского городка и его окрестности.— ЗЗОРГО, Владивосток, 1925, в. XVI.
(Стр. 13—22. Исследование развалин древнего поселения и описание отдельных сооружений и предметов).
250. Матвеев З. Н. Первые обитатели Приморья.— «Сов. Приморье», Владивосток, 1925, № 10.

- (Стр. 78—83. История Дальнего Востока до прихода русских. Составлено на основании китайских летописей и вещественных памятников).
251. М а т в е е в З. Н. Краеведение в Приморье в 1924/1925 г.— «Сов. Приморье». Владивосток, 1925, № 8.
(Стр. 100. Краткие сведения об археологических работах в крае).
252. Р а з и п А. И. Археологическая разведка на берегу Уссурийского залива.— «Сов. Приморье», Владивосток, 1925, № 8, стр. 59—72.
(Статья отчетного характера с описанием археологических находок, произведенных в кухонных кучах на побережье Уссурийского залива).
253. С и а л ь в и н Е. Г и К ю н е р Н. В. Этнография, археология и антропология Восточной Азии в научных трудах и исследованиях Р. Торри.— «Восточная студия», Владивосток, 1925, № 10, стр. 205—216.
(Критическая статья об исследованиях Р. Торри. Стр. 205, 207, 209—213 содержат сведения об Амурском, Сахалинском неолите и раковинных кучах Приморья).
254. [Наши рисунки].— «Восточная студия», Владивосток, 1925, № 10, стр. 221—223.
(Стр. 223. Изображение тигра, высеченное на скале близ дер. Ваят на берегу р. Амура).

1926

255. А р с е н ь е в В. К. Районирование Дальнего Востока для преимущественного изучения тем или иным отделом РГО.— ИРГО. М.— Л., 1926, т. LVIII, вып. 1, стр. 178—182.
(Стр. 179—189. О необходимости изучения археологических памятников Приморья).
256. А р с е н ь е в В. К. и Т и т о в Е. И. Население как производительный фактор. Сборник «Экономика Дальнего Востока» под ред. Колосовского, Лагутина и Целищева. Изд. «Плановое хозяйство» Госплана, М., 1926, стр. 50—77, с 6 фотографиями в тексте.
(Описание народностей, населяющих Дальний Восток, в отношении их характеристики, быта, уклада жизни и занятий. На стр. 57, 62 и 68 — краткие сведения о древних маньчжурских племенах, древних тунгусах и гиляках).
257. Археологические исследования.— ГОВОРОГО, Владивосток, 1926.
(Стр. 6. Неолит в Приморском крае).
258. Г р е б е н щ и к о в А. В. Дальний Восток. Исторический очерк.— «Северная Азия», М., 1926, кн. 5—6.
(Стр. 100—111. Сведения о древних народах края и указания на источники для изучения прошлого страны).
259. Г р е б е н щ и к о в А. В. Исторический очерк нашего края. Справочник «Весь Владивосток», Владивосток, 1926.
(Стр. 116—118. О деятельности древнего населения в крае в период неолита).
260. [К о з ь м и н Н. Н.] Кто такие камасинцы.— «Сиб. живая старина», Иркутск, 1926, в. VIII—IX, стр. 196—197.
(В конце статьи — о древней амурской народности мохэ.)
261. Р а з и н А. И. Стоянки каменного века на берегу Уссурийского залива.— «Сов. Приморье», Владивосток, 1926, № 3—4, стр. 55—69.
(Работа сводного характера, описывающая обследование автором кухонных куч в Приморье).

1927

262. А р с е н ь е в В. К. Колонизационные перспективы Дальнего Востока. Производительные силы Дальнего Востока, т. V, Хабаровск, 1927, Человек, стр. 31—44 + 4 фотогр. в тексте + 1 карта.
(В начале статьи — ссылка на заселение Приморского края в период Бохайского государства).
263. Б о г о р а з В. Г. Древние переселения народов в Северной Евразии и Америке.— Сб. МАЭ, Л., 1927, т. IV, стр. 37—62.
(Критическая статья на книгу американского этнографа В. Похельсона «Этнологические проблемы Берингова моря»).
264. Археологические раскопки в 1926 г. в СССР.— «Краеведение», 1927, № 2, стр. 235 (Дальний Восток).
265. Г а п а н о в и ч И. П. Амгунские тунгусы и негидальцы и их будущее.— ВМ, Харбин, 1927, № 8—9 и 11.
(Стр. 3—4. О появлении маньчжурских племен на Амуре в начале н. э. и создании ими государств Бохай и Цзинь).
266. О г о р с д н и к о в В. И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII веке.— «Труды ИГУ», Владивосток, 1927, серия III, № 4.
(Стр. 11. Сведения о древних народах Приамурья).

267. Памяти М. А. Кастрена. Сборник статей к 75-летию со дня смерти. Л., 1927, изд. АН СССР.
(Стр. 89—90. Могильники, керексуры и развалины Кондуя).
268. Ра з и н А. И. Практическая роль археологии (для ДВК).— РКЮКВОГГ, Владивосток, 1927, в. 1, стр. 17—20.
(Возможности использования древних дорог, остатков древних рудников, встречающихся в крае, для нужд социалистического строительства).
269. Ч е п у р к о в с к и й Е. М. Работы по древнейшей культуре и населению Китая и сопредельных стран.— ВМ, Харбин, 1927, № 3.
(Стр. 99. Библиографический обзор археологических работ, проведенных на Дальнем Востоке. Приводятся краткие исторические данные о древних народах Дальнего Востока).
-
- 1928
270. Амурская экспедиция. Отчет о командировках и экспедициях Академии Наук 1927 г., 1928.
(Стр. 78. Керамика и два бронзовых изображения, найденные у рыбалки Ченка на левом берегу Амура).
271. А у э р б а х Н. К. Археологические исследования в Сибирском крае в 1927 г.— «Сибирские огни», Новосибирск, 1928, № 3, стр. 234—239.
(Неолит залива Петра Великого и окрестностей г. Хабаровска).
272. Г е р а с и м о в М. М. Новые стоянки доисторического человека каменного периода в окрестностях г. Хабаровска.— ИВСОРО, Иркутск, 1928, т. 53, стр. 135—141, 2 рис.
(Автором найдены каменные орудия: топоры, долота, наконечники копий и стрел, скребки, нуклеусы, грузила, ножевидные пластины, украшения — подвески и другие предметы. Отмечается обилие керамики шарообразной формы, плоскодонной. Кроме того, найдены остатки млекопитающих, рыб и моллюсков).
273. М а р и к о в с к и й И. Из археологии края.— «Экран Тихоокеанской звезды», Хабаровск, 1928, № 49, стр. 7—8.
(Об археологических находках в Приамурье)
274. Н о в и к о в - Д а у р с к и й. Погибающие памятники древности.— «Амурская правда», Благовещенск, 1928, № 2434.
(Автором в процессе описания археологических памятников Приамурья ставится вопрос о необходимости их сохранения).
275. О г о р о д н и к о в В. И. Остатки каменного века на Ольском острове в Охотском море.— (ННДВ. Изд. ДВ краевого НИИ). Владивосток, 1928, № 3, стр. 7—12.
(Неолитические находки на Ольском острове).
276. Сообщения с мест о памятниках старины.— РКЮКВОГГ, Владивосток, 1928, в. 11.
(Стр. 29—30. Краткое сообщение о найденных в Приморском крае каменных орудиях, керамике, кирпичных владках, пещерах, курганах и насыпях).
277. С т р о г о в М. По долине Шиннигоу.— «Экран Тихоокеанской звезды», Хабаровск, 1928, № 29.
(Археологические находки на Дальнем Востоке).
278. Ф е л о р о в А. З. Горельефы в пещере «Медвежьих щек» по реке Суйфун.— ИЮУОГО, Никольск-Уссурийский, 1928, № 14, стр. 2—4 + рис. в тексте.
279. Ч е п у р к о в с к и й Е. М. Общий очерк географии и этнографии Восточной Азии.— ВМ, Харбин, 1928, № 9
(Стр. 34—35. Очерк древней истории Приамурья).

1929

280. А р с е н ь е в В. К. Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири.— ЗВОРОГО, Владивосток, 1929, т. III (XX), в. 2, стр. 273—296.
(Находки остатков мамонта и каменных орудий на Дальнем Востоке).
281. А р х а р а. Статья в Советской сибирской энциклопедии. М., 1929, т. 1.
(Стр. 137. Писания в долине р. Архары, притока р. Амура).
282. Археологические исследования на Камчатке.— ННДВ, Владивосток, 1929, № 1—2.
(Стр. 17. Критико-библиографическая статья на книгу известного этнографа В. Похельсона «Археологические исследования на Камчатке» — изд. Института Карнеджи, Вашингтон, авг. 1928 г.).
283. Г р я з н о в М. П. Археологические исследования в Сибири.— Сибирская советская энциклопедия, М., 1929, т. 1.
(Стр. 141. Исследования городищ, неолитических стоянок и кухонных куч по рр. Амуру, Уссурь, а также на Камчатке).

284. М а т в е е в З. Н. Бохай.— ТДВГУ. Владивосток, 1929, серия 6, вып. 3, 34 стр. + 1 карта.
(Очерк истории Бохайского государства с VII по X в. н. э. Составлен на основании китайских источников).
285. М а т в е е в З. Н. История Дальневосточного края.— ЗВОРГО, Владивосток, 1929, т. III (XX), в. 2, стр. 341—369.
(Сводная работа по истории края. В начале приведены данные по археологическому изучению Дальнего Востока, древних народностей и памятников старины).
286. Р а з и н А. И. Работа краеведческих кружков в школах повышенного типа.— РКЮКВОГГ, Владивосток, 1929, в. III.
(Стр. 17, 20—21. Археологические памятники полуострова Сидеми и Шкотовского района).
287. Т о л м а ч е в В. Предметы костяного века. Сообщ. ГАИМК, М.— Л., 1929, № 2.
(О сходстве отдельных неолитических предметов Амура с древними эскимосскими).
288. Ш т е р н б е р г Л. Я. Аинская проблема. Сб. МАЭ. Л., 1929, т. VIII, стр. 334—374.
(О неолитической культуре и кухонных кучах на о. Сахалине и Курильских островах).

1930

289. В о е й к о в А. Д. Из поездки по Нингутскому уезду.— ВМ, Харбин, 1930, № 2.
(Стр. 48. О столице бохайцев).
290. И о х е л ь с о н В. Археологические исследования на Камчатке.— ИРГО. Л. 1930, т. XII.
(Стр. 235, 236, 240—242— в. 3; 351—385 — в. 4. Сведения о древних народах Камчатки и описание предметов).
291. Н о в и к о в - Д а у р с к и й. Археологические разведки в окрестностях сел Игнатьево, Марково, Екатериновки и г. Благовещенска.— «Зап. Амурск. окр. музея», Благовещенск, 1930, в. 1.
(Стр. 26—33. В статье описаны археологические памятники: городища, курганы, крепости и отдельные предметы старины, найденные в долине р. Амура).

1931

292. Краткая заметка об организации экспедиции Академией Наук СССР для производства археологических разведок в устье р. Амура.— Сообщ. ГАИМК, Л., 1931, № 4/5, стр. 67.
293. К я к ш т о Н. Б. Писаница Шаманского камня.— Сообщ. ГАИМК, Л., 1931, № 7, стр. 29—30.
(Стр. 29—30. О неолите р. Алдана).
294. М а р и к о в с к и й И. Древности устья р. Уссури.— НТ, М., 1931, № 40.
(Стр. 17—18. Древние предметы в долине р. Уссури. Приводится описание археологических коллекций Хабаровского музея).
295. Н. А. Кухонные кучи. Сибирская советская энциклопедия, М., 1931, т. 2.
(Стр. 1142—1143. Кухонные кучи Уссурийского и Амурского заливов в Приморском крае. Прилагается список литературы).

1932

296. Г а п а н о в и ч П. П. Камчатские коряки. 1932
(Стр. 4—6. О происхождении коряков).
297. Б о г а е в с к и й Б. Л. Археология на службе у японского империализма.— Сообщ. ГАИМК, Л., 1932, № 516, стр. 1—20.
(Автор на основе анализа работ японских археологов раскрывает их стремление путем историко-археологических данных обосновать захватническую политику японского империализма).

1933

298. Г р у м - Г р ж и м а й л о Г. Е. Когда произошло и чем было вызвано распадение монголов на восточных и западных.— ИВГО, Л., 1933, т. 65, в. 2 стр. 167—177.
(Приводится краткая история чжурчженей).
299. К я к ш т о Н. Б. Каменные вещественные памятники на Алдане.— ПИДО, Л., 1933, № 7—8, стр. 78—79.
(Стр. 78—79. Неолит р. Алдана).

300. Мариковский И. Древности Дальневосточной области. «Наука и техника» М., 1933, № 5.
(Стр. 12. Обзор городищ и неолитических памятников).
301. Харламов Н. Г. Руины Гальбу.— ПИДО, 1933, № 1—2, стр. 42—44.
(Автор описывает остатки древнего города и отдельные памятники, находящиеся около нанайской деревни Сакачи-Алян, в 75 км от Хабаровска, по р. Амуру).
302. Худяков М. Г. Издания Государственной академии истории материальной культуры по археологии в 1933 г. и 1934 г.— СЭ, М.— Л., 1935, № 2.
(Стр. 191—197. Наскальные изображения Гальбу на правом берегу р. Амура).

1934

303. Билибин Н. Н. Формы материального производства береговых коряков Пенжинской губы.— ПИДО, 1934, № 6.
(Стр. 46—61. Неолит Камчатки).
304. Витгефт Б. В. Геология Малого Хингана, его железные руды и их значение.— «Хингано-Буреинская проблема», М., Хабаровск, 1934, вып. 1.
(Стр. 69. Древние поселения в районе М. Хингана).
305. Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки северной Азии.— «Труды II Международной конференции АИЧПЕ, М., 1934, в. V, стр. 246—292+11 табл.
[Стр. 277 Находка орудий палеолитического облика в окрестностях города Хабаровска и с. Шкотово Приморского края (сомнительная)].

1935

306. Археологическая находка — КЗ. Владивосток, 11 августа 1935 г.
(Неолитическая стоянка на ст. Угольная Приморской ж. д. и р. Песчанка).
307. Иваньев Л. Н. О древних народностях ДВК.— ИБ, Владивосток, 1935, № 68 (345), стр. 2.
(Краткий очерк о древних народах советского Дальнего Востока).
308. Лев Д. Н. Новые археологические памятники Камчатки.— СЭ, М. Л., 1935, № 4—5, стр. 217—224.
(Описание неолитических предметов Камчатки, найденных в бухте Тарья).
309. Матвеев З. Н. К истории Сахалина.— ВДВФАН, Владивосток, 1935, № 15.
(Стр. 92. Древние каменные орудия и остатки землянок в с. Тарайки, Ноглики и окрестностях Александровска).
310. Окладников А. П. О древнейшей истории ДВК.— «Тихоокеанская звезда», Хабаровск, 19 сентября 1935 г.
(Предварительный отчет об археологических работах, проведенных автором в 1935 г. на Амуре. Описаны неолитические и позднейшие памятники и приводится предварительная их датировка).
311. Паничкина М. З. О датировке находки у ст. Иннокентьевской на р. Амуре.— СЭ, Л., 1935, в. 4—5.
(Стр. 209—216. Автор вносит ряд дополнений и уточнений возраста находки из камня, изображающей собаку).
312. Шавров К. В. И. Йохельсон.— СЭ, М.— Л., 1935, № 2, стр. 5—13 + 2 рез.
(О керамике, обнаруженной при раскопках на Камчатке, каменных орудиях, гончарном производстве, глиняных сосудах с внутренними ушками, остатках древнеителменской культуры. Критика американской миграционной теории В. И. Йохельсона).
313. Экспедиция к развалинам древнего царства Бохая. — «Тихоокеанская звезда», Хабаровск, 26 марта 1935 г.
(Заметка об экскурсии школьников с археологической целью в верховья р. Дабихэ).

1936

314. Витгефт Б. В. Интересная находка.— КЗ, Владивосток, 1936, № 281 (5682).
(Древние разработки золота и находки орудий производства по р. Типикан на г. Холадзе, в Приморском крае).
315. Витгефт Б. В. Следы древних поселков на Малом Хингане.— ВДВФАН, Владивосток, 1936, № 21.
(Стр. 176. Описание жилищ в виде ям, обведенных валами, остатков пашен, железных орудий и погребения).
316. Городцов В. А. Ургуйская микролитическая стоянка в бассейне реки Амура.— СА, I, 1936, стр. 105—112.

- (Описание каменных орудий и керамики, найденных геологической экспедицией на р. Уртуе в бассейне Амура. В выводах автор относит стоянку к I тысячелетию до н. э.).
317. Д м и т р и е в Н. А. Археологические находки в Приморье.— КЗ, Владивосток. 1936, № 204 (5605).
(Археологические раскопки раковинных куч, проведенные сотрудниками Приморск. обл. музея в 1936 г.).
318. Д м и т р и е в Н. А. Раскопки на оз. Увамба-поуза.— КЗ, Владивосток, 1936, № 213.
(Сообщение об археологической разведке, проведенной сотрудниками Приморск. обл. музея в Амба-боза и описание предметов, найденных в раковинных кучах).
319. З о л о т а р е в А. М. Ногликовская неолитическая стоянка.— СА. М.—Л., 1936, № 1, стр. 273—274.
(Орудия и землянки, найденные в неолитических стоянках на р. Тым, на о. Сахалине).
320. Найденны кухонные изделия, сделанные из кости.— «Красный маяк», Николаевск-на-Амуре. 5 августа 1936 г.
(Неолитические предметы со ст. Табах на р. Амуре)
321. О к л а д н и к о в А. П. Тезисы доклада «Древние памятники низовья Амура». Отчеты археологической сессии Ин-та антропологии, археологии и этнографии АН СССР, Л., 1936, стр. 1—5.
(Краткие данные об археологических находках и петроглифах на Амуре).
322. О к л а д н и к о в А. П. К археологическим исследованиям в 1935 г. на р. Амуре.— СА, I, 1936, стр. 175—178.
(Новые данные по неолиту советского Дальнего Востока. Первая попытка классификации археологических находок Приамурья).
323. Письмо археологов.— «Красный маяк», Николаевск-на-Амуре, 24 марта 1936 г.
(Бронзовые предметы на Амуре).
324. По тайге из Сучана в Комсомольск.— «Тихоокеанская звезда», Хабаровск, 1936, № 288 (3463).
(Древняя крепость в с. Чугуевка Приморского края).
325. Т а р а н е ц А. [Я.]. О костях рыб, найденных в кухонных остатках племени илоу.— ВДВФАН, Владивосток, 1936, № 18, стр. 125—132.
(Ихтиологическое исследование остатков рыб, найденных в кухонных кучах Приморского края).
326. Ч е р е м н ы х М. Амурская экспедиция.— ВЗ, 1936, № 7.
(Стр. 523—526. Работы Ин-та антропологии и этнографии АН СССР за 1935 г., проведенные под руководством А. П. Окладникова на территории нижнего течения Амура).
- 1937
327. З о л о т а р е в А. М. К вопросу о происхождении эскимосов.— АЖ, М., 1937, № 1, стр. 37—54 + библи. и резюме на англ. языке.
(Стр. 47—49, 51, 53. О древней культуре эскимосов и народов Сибири. В статье—критика теорий американских ученых в вопросе о происхождении эскимосов).
328. П а н и ч к и н а М. З. Сессия археологической секции Ин-та антропологии, археологии и этнографии АН СССР.— СА, М.—Л., 1937, № 3, стр. 237—240.
(Стр. 238. Об отчете А. П. Окладникова, производившего археологическое изучение нижней части долины Амура от устья р. Уссури до Татарского пролива, в результате которого выявлено до 200 памятников, имеющих различную древность. Находки характеризуются древними поселениями и землянками, петроглифами, неолитическим могильником, погребениями железного века и местонахождением железоплавильного производства. Приводится классификация памятников).
329. П а н и ч к и н а М. З. Обзор археологических находок по газетным сообщениям в 1934—1935 гг.— СА, М.—Л., 1937, № 3, стр. 257—270.
(Стр. 268—269. О находках неолитических стоянок, древних поселений, городищ, каменных и костяных орудий, нефритовых колец, писаниц, могильников и погребений, произведенных А. П. Окладниковым — руководителем экспедиции Ин-та антропологии и этнографии АН СССР в 1935 г. в долине р. Амура от Хабаровска до Николаевска. Статья составлена на основе сообщений в газетах: «Волжская коммуна» 8 июня 1935 г., «Тихоокеанская звезда» 23 июня и 12 сентября 1935 г., «Красная газета» (веч. вып.) 18 июля 1935 г. и «Советский Сахалин» 16 октября 1935 г.).
330. Ценная археологическая находка.— КЗ, Владивосток, 1937, № 176 (5877)
(Находка древнего золотопромывательного устройства в районе с. Гордиевки, Приморского края).

1938

331. Золотарев А. М. Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии.— ИВГПИ, 1938, т. IV.
332. Иваньев Л. Н. Исторические памятники Приморья.— КЗ, Владивосток, 1938, № 241 (6144).
(В начале статьи сведения об археологических памятниках Приморья).
333. К — У [Колбин Н. И.] Могила древнего охотника.— КЗ, Владивосток, 1938, № 119 (6122).
(Могильник при устье р. Сучана в Буденновском районе, Приморского края, с костяными и железными предметами).
334. Окладников А. П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья.— ВДИ, М., 1938, № 1 (2)
(Стр. 244—260. Характеристика амурского неолита).
335. Ткалич С. М. Сучанское каменноугольное месторождение.— МГДВК, Владивосток, 1938, № 3.
(Стр. 21. Нахождение неолитических орудий на р. Сучане).

1939

336. Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Дальгиз, Хабаровск, 1939.
(Стр. 6—20, 26—30. Краткие данные о древнейшей истории Дальнего Востока, об археологических памятниках Амура и о происхождении народа ульчей).
337. Окладников А. П. Север Сибири в первом тысячелетии н. э. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. (На правах рукописи). Ч. III—IV, М.—Л., 1939, стр. 509—518.
338. Окладников А. П. Дальний Восток в период Бохайского, Киданьского и Цзиньского государств. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. (На правах рукописи). Ч. III—IV. М.—Л., 1939, стр. 498—609.
339. Окладников А. П. Неолит Сибири и Дальнего Востока. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. (На правах рукописи). Ч. I—II. М.—Л., 1939, стр. 72—79

1940

340. Флуг К. К. История книгопечатания в Китае (X—XIII в.).— СВ, М.—Л. 1940, № 1.
(Стр. 81—83. О культурных связях китайцев с чжурчженями и киданями в период династии Сун).

1941

341. Ефименко П. П. и Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения в СССР. Палеолит и неолит СССР.— «Материалы и исследования по археологии СССР», № 2. М.—Л., 1941, стр. 290 + 11 резюме.
(Стр. 290. Нахождение орудий палеолитического типа в окрестностях г. Хабаровска и с. Шкотово, Приморского края).
342. Мачинский А. В. Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове.— КСИИМК, М.—Л., 1941, IX, стр. 80—89.
(О неолитическом периоде северо-восточной части Арктики).
343. Окладников А. П. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока.— КСИИМК, 1941, IX, ст. 5—13.
(Стр. 6, 7, 12. Неолит Амура и Камчатки).

1945

344. Окладников А. П. К археологическому изучению советской Арктики. «Проблемы Арктики», № 2, 1945.

1946

345. Берг Л. С. Древность человека в Америке.— «Природа», М., 1946.
(Стр. 77. О переселении человека в период неолита из северо-восточной части Азии на материк Америки).
346. Бернштам А. [Н.] Рецензия на работу В. Эберхарда «Книга первоисточников о китайских северных соседях». Изд. Турецк. историческ. об-ва. Анкара,

1942, VII серия, № 9, 281 стр. + 2 табл. Перевод на турецкий Нимет Улугтуга. «Вопросы истории», М., 1946, № 7, отдел «Критика и библиография».

(Стр. 125. Упоминаются сушени, илоу, шивей и другие племенные группы древних народов Приморья и Приамурья).

347. Главацкий С. Н. и Лагунов И. П. Работа Камчатского отдела Географического общества в 1941—1945 гг. — ИВГО, М.—Л., 1946, т. 78, вып. 1, стр. 124—126.

(На стр. 125—стоянка древнего человека на побережье Кроноцкого залива. Датировка и характер находки не указаны).

348. Окладников А. П. О древнейшем населении Японских островов. — СЭ, 1946, 4, стр. 11—29 + библиография (120 названий на русском и иностранных языках).

(Стр. 25 и 27. Краткое замечание о неолите Амура и древних айнах).

349. Эберхард В. Книга первоисточников о китайских северных соседях. Турецк. историческ. о-во. Анкара, 1942, серия VII, № 9, 281 стр. + 2 таблицы. Рецензия: Бернштам А.—ВИ, М., 1946, № 7.

(Мохэ, илоу и другие древние народности Дальнего Востока).

1947

350. Кабанов Н. Е. В. К. Арсеньев, путешественник и натуралист. 1872—1930 гг. Изд. Московского об-ва испытателей природы. М., 1947, серия историческая, № 29, 79 стр. + 9 рисунков и портретов и 1 схематическая карта в тексте.

[Библиографический и критический очерк о В. К. Арсеньеве. Стр. 13, 14, 34, 35, 50—53 посвящены археологическим работам В. К. Арсеньева, а также описанию отдельных археологических памятников Приморского края и Камчатки (укрепления, городища, валы, дороги, плотины VII—VIII вв. н. э., кухонные кучи и другие неолитические памятники).

Приложены указатели научных и литературных работ В. К. Арсеньева — 53 названия и литературы о нем 28 названий]

351. Кравченко С. М. Краеведческий музей Южного Сахалина. — «Природа», М.—Л., 1947, июль, стр. 85—87.

(Описание археологического отдела музея. Приводятся сведения о древних, сделанных из камня и кости, орудиях айнов, гонимов, орудиях периода первых веков н. э.).

352. Левин М. Г. Полевые исследования Института этнографии в 1946 г. — СЭ, М.—Л., 1947, 2, стр. 207—212.

(Стр. 210. Об археологических работах А. П. Окладникова в окрестностях г. Магадана, на о. Ольском и побережье Охотского моря. Описание неолитических стоянок и трех жилищ древнеэскимосского типа).

353. Окладников А. П. Древние культуры северо-востока Азии по данным археологических исследований 1946 г. в Колымском крае. — ВДИ, 1947, № 1 (19), хроника, стр. 176—182 + 6 рис. в тексте.

(Археологические раскопки неолитических и древнекоряцких поселений и обследование долины р. Колымы и части побережья Ледовитого океана, произведенные автором в 1946 г. Описание костяных и каменных орудий, деревянных предметов, керамики и остатков жилищ охотничье-рыболовных племен).

354. Окладников А. П. Уникальное каменное тесло с р. Колымы. — КСНИМК, XV, 1947, стр. 137.

355. Руденко С. И. Древние наконечники гарпунов азиатских эскимосов. — ТИЭ, М.—Л., 1947, новая серия, т. II, стр. 233—256.

(Большая сводная работа, в которой автор описывает назначение и типы гарпунов, найденных во время археологических раскопок, остатков древнеэскимосских поселений в Северной Америке, на островах северной части Берингова моря и Чукотском полуострове).

Материалы сравниваются с палеолитическими и неолитическими гарпунами. Приводятся данные о способах крепления гарпунов и их классификация в связи с общим развитием древних эскимосских культур).

356. Удалыцев А. Д. Археологическое изучение страны. (Экспедиция Института истории материальной культуры 1946 г.). — Вестн. АН СССР, М., 1947, № 5.

(Стр. 32. Археологическая экспедиция на Чукотском полуострове).

357. Чебоксаров Н. Н. К вопросу происхождения китайцев. — СЭ, М.—Л., 1947, т. 1.

(Стр. 59, 62, 65, 66, 70. Связь китайцев с народами Приамурья. Клиновидные топоры из окрестностей г. Владивостока. Неолит Амура и древнейшие этнокультурные связи китайцев с сушенями, илоу, угн и мохэ).

358. Шелов Д. Обзор полевых археологических исследований ИИМК в 1946 г.— ВДИ, М.— Л., 1947, № 1 (19), хроника.
(Стр. 184. Результаты работ Колымской археолог. экспедиции, проводившейся под руководством А. П. Окладникова: раскопки и исследования в бассейне реки Колымы и побережья Ледовитого океана).

1948

359. Баляскин Сергей. Остров Петрова.— «Вокруг света», М., 1948, № 12, стр. 58—59.
(Стр. 59. Древняя крепость и остатки глинобитных построек, относимые автором ко временам Бохайского государства).
360. Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит).— «Труды Института геологическ. наук», М., 1948, в. 64, геологическая серия, № 17, 479 стр., 217 фиг. в тексте и 3 карты. Список литературы (674 названия).
(Между стр. 380 и 381, на карте «Палеолита СССР» — верхнепалеолитическая стоянка около г. Хабаровска).
361. Дебед Г. Ф. Палеоантропология СССР.— ТИЭ, М.— Л., 1948, т. IV, стр. 1—331 + 36 прил. табл. + 121 рис. в тексте + библиограф. сводки в тексте.
(Стр. 55, 181, 183 — кратко о Дальнем Востоке).
362. Залкинд Е. М. Кидане и их этнические связи.— СЭ, М.— Л., 1948, № 1, стр. 47—62 + 79 библиограф. ссылок.
(Статья лингвистического характера, посвященная происхождению и культурно-бытовым данным киданей, их связям и этническому составу. Упоминается бассейн р. Амура, как местожительство восточных киданей).
363. Замятин С. Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы.— СА, М.— Л., X, 1948, стр. 85—123 + 1 карта и 14 рис. в тексте.
(Стр. 115—117. Кремневые скульптуры, найденные в Тарьинской и Авачинской губе на Камчатке, с рисунками в тексте).
364. Окладников А. П. и Васковский А. П. Находка обработанного человеком дерева на древней террасе р. Сусуман (бассейн Колымы).— «Бюлл. ком. по изуч. четвертич. периода», 1948, № 13, стр. 83—88.
365. Руденко С. И. Культура доисторического населения Камчатки.— СЭ, М.— Л., 1948, № 1, стр. 153—179 + 14 табл. и археологические карты в тексте + 67 библиографических ссылок.
Приведены история исследования Камчатки в археологическом отношении и описание основных находок при раскопках, а также древних предметов, хранящихся в музеях Дальнего Востока и Академии Наук).
366. Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М., Гл. упр. Сев. морск. пути, 1948, 110 стр. + 15 табл. + 18 рис.
(Описание неолитических находок побережья Берингова моря и остатков древнеэскимосской культуры).

1949

367. Антропова В. В. К истории археологического изучения Камчатки.— Сб. МАЭ, М.— Л., 1949, т. XI, стр. 380—394 + 2 рис. в тексте.
(Работа является первой сводкой об археологических исследованиях на Камчатке, проведенных зарубежными и советскими учеными. Автором по литературным материалам и археологическим коллекциям описаны типы древних жилищ, керамики, каменных и костяных орудий и других предметов).
368. Кюнер Н. В. Китайские исторические данные о народах севера.— УЗЛГУ, Л., 1949, серия востоковедческих наук, в. 1, № 98.
(На стр. 97—101, при обзоре китайского сочинения «Цюань-ляо-бэйкао», упомянуты: чжурчжени, водзи, древние города и другие археологические памятники).

1950

369. Берг Л. С. О прежнем расселении древних сибирских народов (палеоазиатов).— ИВГО, Л., 1950, т. 82, в. 6, стр. 610—612.
(О соприкосновении и взаимодействии народов самоедской и чукотско-коряцкой групп в древние времена).
370. Береговая Н. А. О путях и следах заселения человеком территории Аляски.— УЗЛГУ, Л., 1950, № 115, в. 1, стр. 57—63.

- (Стр. 57, 62—63. О заселении Америки через территорию северо-восточной Азии, связь между неолитическими стоянками Кольмы и Аляски. Краткое указание на археологические исследования на Чукотском полуострове и р. Амуре).
371. В д о в и н И. С. К истории общественного строя чукчей.— УЗЛГУ, Л., 1950, № 115, в. 1, стр. 73—100.
(Стр. 75—76, 77, 80. Краткие данные о раскопках С. И. Руденко на Чукотском полуострове, пувукская культура надземные и полуподземные жилища, неолитическая стоянка на р. Якитикивеем, кости оленя и морских животных, каменные и костяные орудия в раковинных кучах. Приручение оленей у чукчей в III—V вв. н. э.).
372. К р и в о ш е е в В. С. У древних очагов нымылланов.— ВС, М., 1950, № 1, стр. 56—57.
(О находках каменных и костяных орудий, жилищ на полуострове Кони, в северной части Охотского моря экспедицией под руководством А. П. Окладникова).
373. Л е в и н М. Г. Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока. (К проблеме этногенеза народов Северной Азии).— СЭ, М., 1950, № 2.
(Стр. 55, 61, 63—64. Об антропологических типах древнего населения Берингова моря и Тихого океана).
374. Л е в о ш и н Н. Н. Древняя стоянка в верховьях р. Якитикивеема (Чукотский полуостров).— КСИИМК, 1950, XXX, стр. 193—195.
(Краткое описание неолитических предметов, найденных на стоянке).
375. О к л а д н и к о в А. П. Первый неолитический памятник Чукотского полуострова.— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 196—198.
(Краткое описание неолитических находок на Чукотском полуострове).
376. О к л а д н и к о в А. П. Вклад советской археологии в изучение прошлого северных народов.— УЗЛГУ, Л., 1950, № 115, стр. 22—37.
(Древние неолитические культуры Кольмы, Чукотского полуострова, Амура, побережья Охотского моря).
377. О к л а д н и к о в А. П. К изучению начальных этапов формирования народов Сибири. (Население Прибайкалья в неолите и раннем бронзовом веке).— СЭ, М., 1950, № 2, стр. 36—52.
(Стр. 37, 46, 47, 49, 51, 52. Об этнических связях народов Приамурья).
378. О к л а д н и к о в А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование, ч. I и II. «Материалы и исследования по археологии СССР», М.— Л., 1950, № 18, 411 стр. + 128 рис. в тексте и 10 табл.
(Стр. 5—7, 9, 10, 15, 27—29, 38—40, 52, 118, 130, 160, 162, 265, 284, 285, 289—291, 350, 372 и 404. О дальневосточном неолите).
379. О к л а д н и к о в А. П. Успехи советской археологии. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Ленинграде. Л., 1950, 59 стр.
(Стр. 16, 47, 56. Краткие заметки о неолите советского Дальнего Востока). Дуп-пзин, Фурдьян-чен, Су-чень, чжурчжени, каменная гробница, изваяния из камня, городища, курганы, древние дроги, ядра, каменные ступы).
380. [Арембовский И. В. и Иванъев Л. Н.] Успехи советской археологической науки. «Восточно-Сибирская Правда», Иркутск, 1951, № 98.
(Стр. 4. Краткое упоминание о раскопках С. И. Руденко на Чукотском полуострове).
381. И в а н о в С. В. Старинное зимнее жилище ульчей.— Сб. МАЭ, М.— Л., 1951, XIII, стр. 60—124.
(Стр. 70. Краткое упоминание о неолитических землянках Амура как одном из древнейших типов жилища).
382. И в а н ь е в Л. [Н.] Археологические памятники Приморья.— КЗ, Владивосток, 1951, № 83.
(Стр. 3. Описание основных археологических памятников края: раковинных куч, каменных и костяных орудий, керамики, крепостей, орудий из бронзы и железа, монет, крепости на о. Петрова, изображений из камня, древних рудников и дорог).
383. И в а н ь е в Л. [Н.] Изучение древностей Приморья.— КЗ, Владивосток, 1951, № 120.
(Стр. 3. История исследования по археологии края за период с XIX в. до нашего времени, с кратким упоминанием археологических памятников: башен, городищ, крепостей, рвов, раковинных куч, содержащих каменные и костяные орудия. Исследования А. П. Окладникова на Амуре, выявившие новые археологические памятники от неолита до железного века).
384. И в а н ь е в Л. [Н.] Древности с. Чугуевки.— КЗ, Владивосток, июнь, 1951.
(Развалины крепости, где найдены каменные ядра и чжурчженская монета XII в.).

385. Иваньев Л. [Н.] Древности с. Чугуевки в Приморском крае.— СА, М.— Л., 1951, XV, стр. 296—198 + 2 рис. в тексте.
(Древняя крепость, дороги, колодцы, черепицы, ядра из базальта, монета чжурчженского времени, периода Ши-цзуна).
386. Лисицына Н. К. Археологические исследования в РСФСР в 1949 г.— КСИИМК, М., 1951, XXXVIII.
(Стр. 169. Краткое сообщение об исследовании городищ, могильников, селищ каменного и бронзового века в Амурской области).
387. Николаев С. Памятники и памятные места в Приморье, Владивосток, 1951, 87 стр.
(Стр. 3—4, 79—87. Илоу, пещеры, ямы, раковинные кучи, каменные топоры, наконечники копий, бохайцы, древние города).
388. Окладников А. П. Раскопки на севере.— Сб. «По следам древних культур», М., 1951, стр. 13—46.
(Стр. 17, 18, 23, 28, 30, 36, 38, 39, 44 — древние жилища, керамика, каменные орудия, костяные изделия, наконечники стрел, наскальные изображения. В работе подчеркивается роль Берингова пролива и Чукотского полуострова в первоначальном заселении человеком североамериканского континента, а также преемственность берингоморских культур с культурами древних чукчей и эскимосов).
389. Окладников А. П. Древние поселения в долине Большой Дурал на Амуре.— СА, М.— Л., 1951, XV, стр. 299—301 + 2 рис. в тексте.
(Описание раскопок древнего жилища, являющегося четырехслойным памятником, сохранившим культуру от позднего неолита до эпохи Сун. Приводятся сведения о ямах, грузилах, каменных дымоходах, жерновах, фарфоровой чаше, монете, керамике, очагах-зольниках, каменных орудиях).
390. Скалон В. Н. и Хороших П. П. Об оленних писаницах Северной Азии.— КСИИМК, М., 1951, XXXIX.
(Стр. 53, 59 и 60. Писаницы Амура, Уссури и Бикина, с приложением рисунка на р. Уссури).
391. Стратанович Г. Г. Китайская чаша из урочища Большой Дурал.— СА, М.— Л., 1951, XV, стр. 302—307.
(Описание фарфорового сосуда XII—XIII вв. из урочища в с. Большой Дурал. См. также № 381).

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ УКАЗАТЕЛЕЙ

1. Азадовский М. Обзор библиографии Сибири, в. 1, Томск, 1920.
2. Арсеньев В. К. В горах Сихотэ-Алиня. М., 1937/40 г.
3. Буссе А. Ф. Указатель литературы об Амурском крае.— ИРГО, СПб., 1874, т. X, в. 7, приложение, стр. 1—42.
4. Буссе Ф. Ф. Указатель литературы об Амурском крае.— ИРГО, СПб., 1882, т. 18, в. 3, 72 стр. + азбучный указатель авторов и изданий.
5. Грачев В. А. Обзор источников по истории Приамурья и Охотско-Камчатского края, в. 1. «Труды Гос. дальневосточн. университета», Владивосток, 1927, серия III, № 5.
6. Громов В. И. См. № 360.
7. Глуздовский В. Е. Дальневосточная область. Указатель литературы о ДВО. Изд. «Книжное дело», Владивосток, 1925, стр. 230—236.
8. Дебед Г. Ф. См. № 361.
9. Кабанов Н. Е. См. № 350.
10. Аннотированный список работ В. К. Арсеньева. Прил. к собр. соч. В. К. Арсеньева, т. VI. Примиздат, Владивосток, 1949, стр. 265—279.
11. Лопатин И. А. См. № 238.
12. Мариковский И. Краткая библиография края. См. настольный календарь-справочник по Дальнему Востоку на 1919 г., стр. 50—54.
13. Магнус О. А. Библиографический указатель литературы по археологии, вышедшей в СССР за 1918—1928 гг.— Изв. ГАИМК, Л., 1931, т. VIII, в. 4—7, стр. 1—116.
14. Матвеев З. Н. Что читать о Дальневосточной области. Изд. акц. о-ва «Книжное дело», Владивосток, 1928, 248 стр.
15. Матвеев З. Н. Состояние библиографической литературы Дальневосточного края.— «Труды ГДУ», Владивосток, 1926, серия III, № 2, стр. 1—12.
16. Матвеев З. Н. См. там же № 212, 213, 214, 215.
17. Межов В. И. Сибирская библиография. Указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания. СПб., 1891, И. М. Сибиряков, т. I. Источники и материалы для

- истории Сибири, XII, 485 стр.; т. II. История. Библиография. Географические путешествия. Статистика. Этнография. Картография, X, 470 стр.
18. Обручев В. А. Систематический указатель всех изданий Восточносибирского отдела Русского географического о-ва, помещенных в них статей и заметок за сорокалетие 1851—1891. Иркутск, 1891.
 19. Окладников А. П. См. № 348.
 20. Руденко С. И. См. № 365.
 21. Ходукин Я. Что читать просвещенцу-краеведу. (Опыт указателя краеведческой литературы). Изд. Иркутск. научн. музея. Иркутск, 1925, 58 стр.
 22. Хорших П. П. Указатель историко-этнографической литературы о бурятской народности. Изд. ВСОРГО, Иркутск, 1923, 24 стр.
 23. Хорших П. П. и др. Опыт указателя литературы по археологии Забайкалья. Материалы Читинского краевого музея имени А. К. Кузнецова. Иркутск — Чита, 1929, в. 1, Археология, стр. 1—17.

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ ЖУРНАЛОВ И ГАЗЕТ

- АТПВ — Амурский торгово-промышленный вестник
 АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
 АЖ — Антропологический журнал
 ВА — Вестник Азии
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВДВФАН — Вестник Дальневосточного филиала Академии Наук СССР
 Вестн. АН СССР — Вестник Академии Наук СССР
 ВЗ — Вестник знания
 ВИ — Вопросы истории
 ВМ — Вестник Маньчжурии
 ВРГО — Вестник Русского географического общества
 ГЖ — Горный журнал
 ГОВОРГО — Годовой отчет Владивостокского отдела Государственного географического общества
 ЕГПУ — Ежегодник Государственного педагогического института им. Ушинского
 ЕС — Ежемесячные сочинения Академии Наук
 ЗВОРАО — Записки Восточного отдела Русского археологического общества
 ЗВОРГО — Записки Восточного отдела Русского географического общества
 ЗЗОРГО — Записки Забайкальского отдела Русского географического общества
 ЗРГООГ — Записки Русского географического общества по общей географии
 ЗОИАК — Записки Общества изучения Амурского края
 ЗПООВ — Записки Приамурского отдела Общества востоковедения
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества
 ЗРГО — Записки Русского географического общества
 ЗСОРГО — Записки Сибирского отдела Русского географического общества
 ЗЧОРГО — Записки Читинского отдела Русского географического общества
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИАНЭО — Известия Амурского научно-экономического общества
 ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
 ИВГПИ — Известия Воронежского государственного педагогического института
 ИВИ — Известия Восточного института
 ИВСОРГО — Известия Восточносибирского отдела Русского географического общества
 Изв. АН — Известия Академии Наук
 ИПОАК — Известия Приамурской областной архивной комиссии
 ИПОРГО — Известия Приамурского отдела Русского географического общества
 ИРАО — Известия Русского археологического общества
 ИРГО — Известия Русского географического общества
 ИСОРГО — Известия Сибирского отдела Русского географического общества
 ИЮУОГГО — Известия Южноуссурйского отдела Государственного географического общества
 ИЮУПОРГО — Известия Южноуссурйского отделения Приамурского отдела Русского географического общества
 КЗ — Красное знамя
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 МС — Морской сборник
 МГДВК — Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальнего Востока
 НВ — Новый Восток
 ННДВ — Научные новости Дальнего Востока

НТ — Новости техники
 ОСОРГО — Отчет Сибирского отдела Русского географического общества
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистического общества
 РАЖ — Русский антропологический журнал
 РКЮКВОРГГ — Работы кружка юных краеведов при Владивостокском отделе Государственного географического общества
 СА — Советская археология
 Сб. ИССС — Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах
 Сб. МАЭ — Сборник музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР
 СВ — Советское востоковедение
 Сообщ. ГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
 СЭ — Советская этнография
 ТВОРАО — Труды Восточного отдела Русского археологического общества
 ТГКНИИ — Труды Государственного колониального научно-исследовательского института
 ТДВГУ — Труды Дальневосточного государственного университета
 ТИЭ — Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая
 ТПОРГО — Труды Приамурского отдела Русского географического общества
 ТТСОРГО — Труды Троицко-Савского отдела Русского географического общества
 ТЧРДМП — Труды членов Русской духовной миссии в Пекине
 УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Аввакум, 22	Вольный казак, 168
Азадовский М. К., 214	Врадий В. П., 159
Альфтан Н., 136, 137, 138	Гамов, 44
Анерт Э. О., 233	Гапанович И. И., 246, 265, 296
Аносов Н., 45, 46, 47	Гельмерсен П. А., 65, 69
Антропова В. В., 367	Геннин В., 11
Анучин Д. Н., 175	Георги И., 5
Арембовский И. В., 380	Герасимов М. М., 272
Арсеньев В. К., 196, 197, 198, 201, 215, 234, 235, 255, 256, 262, 280	Главацкий С. Н., 347
Арсеньев Ю. В., 106	Глуздовский В. Е., 179, 228, 240
Ауэрбах Н. К., 271	Головнин В. М., 42
Баляскин С., 359	Гонсович Е., 203
Банзаров Дорджи, 17	Городцов В. А., 182, 316
Бартольд В. В., 144	Горский В., 19, 184
Бацевич Л., 130	Горяинов С., 173
Башкиров А., 245	Гребенщиков А. В., 183, 191, 199, 217, 222, 236, 237, 258, 259
Берг Л. С., 345, 369	Громов В. И., 360
Берговая Н. А., 341	Грум-Гржимайло Г. Е., 131, 298
Бернштам А. [Н.], 346	Грязнов М. П., 283
Билибин Н. Н., 303	Гуров А., 192
Бичурин Н. Я. (Иакинф), 10, 12, 15, 18	Дебец Г. Ф., 361
Богаевский Б. Л., 297	Депрерадович Ф., 95
Боголюбский И., 94	Дитмар К., 165
Бородовский Л., 163	Дмитриев Н. А., 317, 318
Богораз В. Г., 263	Добротворский, 72
Брайловский С. Н., 158, 164	Елисеев А. В., 122, 160
Браулер А. А., 239	Ефименко П. П., 341
Будищев А. Ф., 59	Жилинский И., 218
Буссе Ф. Ф., 118, 181	Залкинд Е. М., 362
В. Р., 140	Замятнин С. Н., 363
Васильев В. П., 21, 25, 26, 30, 31, 35, 142	Захаров И. В., 93, 96, 186
Васильева О., 92	Золстарев А. М., 319, 327, 331, 336
Васьковский А. П., 364	Иванов А. И., 204, 205
Вдовин И. С., 371	Иванов Д. Л., 124
Венюков М. И., 64	Иванов М., 146
Витгефт Б. В., 304, 314, 315	Иванов С. В., 381
Витковский Н., 121	Иваньев Л. Н., 307, 332, 380, 382, 383, 384, 385
Виттенбург П. В., 221	
Воейков А. Д., 289	

- Иакинф (см. Бичурин Н. Я.)
 Иосифов Г., 248
 Иохельсон В. И., 147, 180, 187, 264, 282, 290
 Кабанов Н. Е., 350
 Калинин В. А., 206
 Кафаров П. И. (Палладий), 56, 57, 60, 73, 81, 82, 83, 84, 85, 100, 170
 Кешпен А., 119
 Кириллов А., 132
 Кобозев П. А., 241
 Козьмин Н. Н., 260
 Колбин Н. И., 333
 Кравченко С. М., 351
 Крапоткин Л. А., 143, 181, 188
 Кропоткин П. А., 50, 51, 70
 Крашенинников С., 4
 Кривошеев В. С., 372
 Кузнецов А. К., 113, 151, 249
 Кюнер Н. В., 253
 Кякшто Н. Б., 293, 299
 Л. З., 120
 Лагунов И. И., 347
 Лев Д. Н., 308
 Левин М. Г., 352, 373
 Лешошин Н. Н., 374
 Лерх, 66
 Лисицына Н. К., 386
 Лопатин И. А., 238, 242
 Маак Р., 36, 43
 Максимов С., 86
 Максимович, 39
 Мальцев, 126
 Манакин М., 155
 Маргаритов В. П., 114
 Мариковский И., 232, 273, 294, 300
 Матвеев З. Н., 250, 251, 284, 285, 309
 Мачинский А. В., 342
 Мережковский К. С., 103
 Миддендорф А., 40
 Миллер Г. Ф., 1, 2
 Мичи А., 67
 Н. А., 295
 Н. З., 219
 Надаров И., 115
 Николаев С., 387
 Новиков-Даурский, 274, 291
 Обручев В. А., 123
 Огородников В. И., 266, 275
 Озерский, 61
 Окладников А. П., 310, 321, 322, 334, 337, 338, 339, 343, 344, 348, 353, 354, 364, 375, 376, 377, 378, 379, 388, 389
 Остен-Сакен Ф. Р., 71
 Павлуцкий А., 62
 Палладий (см. Кафаров П. И.)
 Паничкина М. З., 311, 328, 329
 Панов В., 127, 225
 Паргачевский, 28
 Паршин В., 16
 Паршин Д. П., 149
 Пахолков П. И., 98
 Пермиш Б. Б., 134
 Пермикин, 23
 Пилсудский Б., 174, 189
 Писарев М., 107
 Поляков М. С., 108, 109
 Попов Н. И., 99
 Попов П. С., 101, 176
 Пошивалов Н., 243
 Прейн Я. П., 150
 Пржевальский Н. М., 74, 75, 76
 Путята Д. В., 128
 Радлов В. В., 135
 Разин А. И., 252, 261, 268, 286
 Реклю Э., 153
 Ригтер К., 102
 Романов Д. Н., 37
 Руденко С. И., 355, 365, 366
 Савельев П. С., 24
 Сарычев Г., 6
 Скалон В. Н., 390
 Слобцов П. А., 112
 Слюнин Н. В., 162
 Смыкалов Г. Ф., 210
 Спальвин Е. Г., 253
 Спасский Г., 7, 8, 9, 29
 Сосновский Г. П., 305
 Стратанович Г. Г., 391
 Строгов М., 277
 Талько-Грынцевич Ю. З., 157
 Таранец А. (Я.), 325
 Ткалич С. М., 335
 Титов А., 194
 Титов Е. И., 256
 Толмачев В., 287
 Тюшев В. Н., 177
 Уваров А. С., 104
 Удальцов А. Д., 356
 Ульяновский Л. Г., 211
 Усольцев А. Ф., 54, 63
 Федоров А. З., 226, 278
 Флуг, К. К., 340
 Фишер И., 3
 Харламов Н. Г., 301
 Хороших П. П. см. Скалон В. Н.
 Худяков М. Г., 302
 Чебоксаров Н. Н., 357
 Чембаров С. И., 212
 Чепурковский Е. М., 244, 269, 279
 Черемных М., 326
 Шавров К. Б., 312
 Шелов Д., 358
 Шишмарев Я. И., 53, 55
 Шкуркин П. В., 200, 227
 Шлегель Р., 129
 Шмидт Я. С., 14
 Шперк Ф., 111
 Штернберг Л. Я., 288
 Щукин Н. С., 20, 38
 Эберхард В., 349
 Эйхвальд Э. М., 34
 Я — в Дм., 213
 Ядринцев Н. М., 117
 Янковский М. И., 105

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЗ — Археологические известия и заметки изд. Моск. археологического общества.
 АК — Археологическая комиссия.
 АС — Археологический съезд.
 БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода.
 ВАН — Вестник Академии Наук.
 ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии.
 ВДИ — Вестник Древней истории.
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
 ГИМ — Государственный Исторический музей.
 ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
 ИАН СССР — Известия Академии Наук СССР.
 ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества.
 ИГАИМК — Известия ГАИМК.
 ИГМГ — Известия Государственного музея Грузии.
 ИИМК — Институт истории материальной культуры.
 ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории, этнографии.
 ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, археологии, этнографии.
 ИРГО — Известия Русского географического общества.
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
 КС ИИМК — Краткие сообщения ИИМК.
 ЛГУ — Ленинградский Государственный университет.
 ЛОИИМК — Ленинградское отделение ИИМК.
 МАК — Материалы по археологии Кавказа.
 МАР — Материалы по археологии России.
 МГУ — Московский Государственный университет.
 НАРМ — Научный архив Рязанского музея.
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии.
 ОИДР — Общество истории и древностей Российских.
 ОИПК — Отделение истории первобытной культуры.
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
 РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук.
 РАО — Русское археологическое общество.
 РОМ — Рязанский областной музей.
 СА — Советская археология.
 СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
 СЭ — Советская этнография.
 ТРУАК — Труды Рязанской участковой археологической комиссии.
 ТСА РАНИОН — Труды Секции археологии РАНИОН.
 УАК — Ученая археологическая комиссия.
 SMYA — Suomen Muinaismuisto Yhdistyksen Aikakauskirja.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Статьи и доклады

Научные и организационные задачи советской археологии в свете решений XIX съезда КПСС	5
А. Я. Брюсов (Москва). Некоторые теоретические основы хронологии неолита	13
А. А. Иессен (Ленинград). К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.)	49
Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова (Москва). Две археологические культуры в Скифии Геродота.	111
Б. А. Рыбаков (Москва). К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси	128
А. Л. Монгайт (Москва). Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э.	151
В. В. Седов (Москва). Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.)	190

Материалы и сообщения

М. З. Панчкينا (Ленинград). Разведки палеолита на Средней Волге	233
О. Н. Бадер и З. П. Соколова (Молотов). Стоянка Боровое озеро IV на Чусовой	265
О. М. Джапаридзе (Тбилиси). Бронзовые топоры Западной Грузии (К вопросу о ведущих типах орудий позднебронзовой культуры)	281
С. П. Толстов (Москва). Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР 1950 г.	301
А. М. Беленицкий (Ленинград). Из археологических работ в Пянджикенте 1951 г.	326
А. В. Арциховский (Москва). Раскопки 1951 г. в Новгороде	342
В. Л. Янин (Москва). Печати из новгородских раскопок 1951 г.	372
В. Н. Лазарев (Москва). Васильевские врата 1336 г.	386

Библиография

Л. Н. Иванов (Иркутск). Литература по археологии советского Дальнего Востока (Опыт библиографического указателя)	445
--	-----

*Утверждено к печати Институтом истории
материальной культуры АН СССР*

Редактор издательства *Л. Р. Кызласов*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова*
Корректор *А. К. Бессмертная*

РИСО АН СССР № 80—59 В. Т-07615. Издат. № 3895.
Тип. заказ 1423. Подп. к печ. 2/X 1953 г. Формат бум.
70×108 ¹/₁₆. Бум. л. 15+6 вкл. Печ. л. 41,1+6 вкл.
Уч.-издат 40,8+6 вкл. (0,8 уч.-изд. л.) Тираж 2000.

Цена по прейскуранту 1952 г. 27 р. 10 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть.
33	22 сн.	О. Мантелиуса	О. Монтелиуса
168	8 св.	Дубининым	Дубыниным
180	2 и 9 сн.	Дубинин	Дубынин
239	14 сн.	варьируются	варьируют
273	1 св.	<i>поле</i>	<i>озеро</i>
295	13 сн.	Supplement	Supplement
478	4 сн.	участковой археоло- гической	ученой архивной
	2 сн.	археологическая	архивная

Советская археология, т. XVIII.